

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЖЕК ЧАЛКЕР



ВОИНЫ БУРИ

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА



*Jack L.
Chalker*

*Warriors
of the Storm*

■

*Masks
of the Martyrs*

■

ДЖЕК
ЧАЛКЕР

ВОИНЫ
БУРИ



МАСКИ
МУЧЕНИКОВ



ББК 84 (7США)

Ч17

Серия основана в 1992 году

Серийное оформление А.В.Сальникова

Перевод с английского В.М.Глинки и О.В.Подобрянской

Художник М.Н.Калинкин

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Чалкер Дж. Л.

Ч17 Воины бури. Маски мучеников: Романы / Пер. с
англ. В.М.Глинки, О.В.Подобрянской. – М.: ООО
“Издательство АСТ-ЛТД”, 1997. – 672 с. – (Коор-
динаты чудес).

ISBN 5-15-000322-0

Гигантский компьютер безжалостно подчинил себе
человечество, и борьба с ним невозможна без пяти великих
Колец – мощных микросхем, способных уничтожить нового
правителя мира. На поиски Колец отправляется группа отчаянных
повстанцев – звездных пиратов “Грома”. Но вновь вернуть людям
право распоряжаться собственной судьбой – нелегкая задача, ибо
Кольца рассеяны по закоулкам Вселенной, и каждое из них – под
неусыпной охраной. Один неверный шаг может стать смертельным
для воинов бури...

© Jack L. Chalker, 1987, 1988

© ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1997

ВОИНЫ БУРИ

**Jack L. Chalker .
Warriors of the Storm
1987**

**Перевод с английского
В.М.Глинки**

Эдварду Элмеру Смиту, доктору
философии, который первым вывел
нас за пределы...

Спасибо, док!

ПРОЛОГ: ЦЕНА УСПЕХА

Генерал Варфен только что вознес утренние молитвы и был погружен в медитацию перед завтраком, когда в комнату вошел его адъютант. Невслыханная дерзость! Адъютант остановился и замер в поклоне, ожидая, когда на него обратят внимание.

Генерал, сидевший в позе лотоса, поднял голову неожиданно. Его глубокие черные глаза медленно открылись, и взгляд их не предвещал ничего хорошего. Адъютант затрепетал, выражая всем видом почтение и осознание своего проступка, но продолжал стоять.

Генерал заговорил не сразу. Он всегда думал, прежде чем заговорить, оттого и стал генералом. Ясно, адъютант хорошо представляет себе последствия своего вторжения, и, безусловно, ему очень и очень не по себе. Следовательно, что-то пугает его сильнее, чем гнев вышестоящего офицера. А благодаря должности начальника штаба Миротворческих Сил Системы генерал Варфен стоял выше адмиралов флота. Итак, он не стал тратить время на возмущение.

— Кто? — коротко спросил он.

— Тысяча извинений, сэр. Я никогда бы...

— Довольно! Причитать будешь в свободное время, если оно у тебя останется! Отвечай на вопрос!

— Вал, сэр. С высшим кодом срочности, какой только возможен.

Генерал вздохнул и не торопясь поднялся на ноги.

— Хорошо. Через десять минут в моем кабинете. Надеюсь, дело потерпит, пока я оденусь.

— Д-д-да, сэр. Я его извещу. Разрешите идти, сэр?

— Идите. — Прежде чем адъютант успел закрыть за собой дверь, генерал уже был возле шкафа с одеждой. По должности генерал имел право на личную прислугу, но никогда не пользовался этим правом. Почистить, погладить, подготовить одежду — это, конечно, неплохо, но генерал больше ценил уединение.

Генерал Варфен был образцом идеального человека. По существу, он был даже более чем человеком и знал об этом. Он сам и все его люди были созданы путем генных манипуляций, преследующих одну цель: полное совершенство. Самый последний рядовой в подчиненных ему войсках был идеальной боевой машиной, способной продемонстрировать не только отличные физические данные, но и высочайший интеллект. Они были созданы для того, чтобы быть солдатами. Абсолютно честными и абсолютно послушными. Генерал в этом смысле не являлся исключением.

И все же он терпеть не мог этих чертовых машин, а меньше всего ему нравились Валы. При всех внешних отличиях от человека у них было слишком много общего с людьми, но вместе с тем они были быстрее, сильнее и, как подозревал генерал, умнее любого человека. Для того, кто совершенен настолько, насколько это вообще дано человеку, неприятен даже намек на то, что кто-то — или что-то — в состоянии хоть ненамного его превзойти.

Тем не менее у него не возникало даже мысли о неповиновении — ни Валу, снабженному соответствующими кодами и полномочиями, ни тем более Главной Системе. Это было заложено в генах и равносильно утрате воинской чести, хотя, разумеется, ни генерал, ни его подчиненные не считали компьютеры и даже саму Главную Систему чем-то вроде богов. Это были всего лишь машины, созданные в глубокой древности людьми из плоти и крови.

Человечество, жившее тогда исключительно на Земле, достигло в своем развитии таких высот, что оказалось способным уничтожить все живое на планете, и, осознав это, те же умы, что из всех сил совершенствовали разрушительное оружие, начали работу над самым мощнейшим в истории человечества оборонным компьютером. Предполагалось, что он будет обладать самосознанием и способностью принимать самостоятельные решения. Скрывая истинное назначение своего творения, создатели Главной Системы запрограммировали ее на поиск и осуществление любых способов предотвратить самоубийство человечества. И вот настал час, когда компьютер перехватил управление всеми системами вооружения и обезвредил их. А потом сам начал отдавать приказы. Политики и военные повиновались ему — из чувства самосохранения, ибо отказ повиноваться означал смерть — по крайней мере в политическом смысле — и замену строптивца более сговорчивым кандидатом.

Обширные базы данных того, что впоследствии стало именоваться Главной Системой, были средоточием всех знаний и технологий, которыми располагало человечество. К тому времени была уже решена проблема межпланетных полетов, и Главная Система сделала следующий шаг — открыла путь к звездам. Войдя в «прокол» пространства-времени, корабль под воздействием принципиально иных физических законов переносился на расстояние многих световых лет и, сделав новый прокол, возвращался в обычную вселенную.

Повинуясь своей основной программе и в то же время желая сохранить контроль над человечеством, Главная Система создала исполинские корабли, которые увозили сотни тысяч людей к их новым местам обитания. Вряд ли стоит упоминать, что все корабли пилотировались исключительно компьютерами, а звездные карты, составленные кораблями-разведчиками, были недоступны людям.

Сердцем межзвездных кораблей являлось устройство, называемое трансмьютером. Оно возникло как побочный результат неудачной попытки создать передатчик материи. Прокол пространства-времени требовал колоссальной энергии, и трансмьютеры, соединенные с гигантскими заборниками, решали эту проблему, превращая в энергию тысячи тонн космического мусора. Но сам трансмьютер не мог питаться этой энергией, топливом для него служила сложная смесь, основу которой составлял минерал, формирующийся в очень редких случаях. Синтезировать его было невозможно. Этот минерал назывался мурилий.

Главная Система обшарила вселенную на предмет месторождений мурилия и нашла их. Были построены автоматизированные рудники и автоматизированные заводы, между которыми курсировали автоматические транспортные корабли. Используя трансмьютеры, Главная Система взялась было за терраформинг предназначенных для заселения планет, но быстро сообразила, что проще подогнать под местные условия будущих колонизаторов, и сделала это. Так возникли колониальные миры — четыреста пятьдесят одна планета, четыреста пятьдесят одно новое человечество. Для тех, кто остался на Земле, были созданы резервации — своеобразные музеи под открытым небом, где уровень технологического развития принудительным порядком удерживался приблизительно на том, который существовал в начале восемнадцатого века. За этим следили специально отобранные из каждой резервации индивидуумы. Наиболее способные, наиболее честолюбивые и наиболее восприимчивые, они обучались и работали в замкнутых обществах, называемых Центрами, и в отличие от основной массы населения имели доступ к новейшим разработкам и технологиям. Остальному человечеству не полагалось знать ни о существовании Центров, ни о существовании Главной Системы. При этом в каждой резервации имелись residen-

ты, агенты администрации Центров, посвященные в эту тайну и производящие отбор кандидатов.

Колониальные миры были устроены сходным образом, но такой порядок, хотя и эффективный, давал некий неприятный побочный эффект: собранные в одном месте исключительные личности неизбежно должны были предпринять попытки одурачить Главную Систему. Впрочем, до некоторой степени она позволяла им это делать — в качестве своеобразного предохранительного клапана, — но те, кто чересчур усердствовал в этом направлении, подвергались чистке памяти и впечатыванию новой личности. Проверка сотрудников Центра на лояльность происходила перед и после так называемой Рекреации — обязательного для всех возвращения на три месяца в примитивное общество, откуда они вышли.

Главная Система создавала существующий порядок на протяжении двух столетий, и за это время некоторым людям — очень немногим — посчастливилось тем или иным способом овладеть небольшим количеством межзвездных кораблей и бежать в неколонизированные области космоса. Их потомки, которых называли флибустьерами, вели своеобразную торговлю с Центрами колониальных планет, обменивая мурилий на недоступную флибустьерам информацию и технологии. Посчитав, что выгоднее использовать флибустьеров, чем вести за ними охоту, Главная Система заключила с этими торговцами договор — Завет, согласно которому в обмен на безопасность флибустьеры обязывались сообщать Главной Системе о запрещенной деятельности тех, кто работал в Центрах, разбросанных по всей освоенной вселенной. По существу, сами того не понимая, флибустьеры сделались четыреста пятьдесят второй колонией.

Понимая, что любое принуждение чревато бунтом, Главная Система приняла соответствующие меры. Она создала Валов — больших человекоподобных роботов,

наделенных высоким интеллектом и снабженных инструментами, приборами, оружием — одним словом, всем необходимым для того, чтобы силой воплощать в жизнь волю Главной Системы. Но Валов было немного и они, как правило, использовались только для поимки конкретных людей. Имея в своем распоряжении ментоконию жертвы, Валы успешно справлялись с этой задачей. Когда задание было выполнено, Вала перепрограммировали.

Кроме Валов существовали еще МСС — Миротворческие Силы Системы, состоящие из людей, которые от рождения являлись идеальными солдатами. От каждой из рас, которыми правила Главная Система, таких людей было взято примерно по тысяче. Эти войска подчинялись Комитету начальников штабов, во главе которого сейчас стоял генерал Варфен. МСС использовались неоднократно, но в крупномасштабных операциях — еще никогда. До сих пор.

Валы умели сидеть, словно люди, но предпочитали этого не делать. Их двухметровое туловище отдаленно напоминало человеческое, но было толще и шире. В прорезях гладкой маски, заменявшей лицо, горели алые глаза. Несмотря на тяжелую броню, Валы были столь же легки в движениях, как и люди. И речь их была вполне человеческой.

Генерал не стал отдавать Валу честь, зная, что для машины такие жесты ничего не значат. К тому же он был достаточно горд, чтобы не кланяться тому, кто не рожден человеком. В данный момент Вал был лишь средством связи и не более того.

— Прежде всего я хочу услышать доклад об операции, — произнес Вал приятным баритоном.

Генерал поудобнее устроился в своем любимом кресле и заложил ногу за ногу. В отличие от многих

он не испытывал ужаса перед Валом. Пусть враги Системы боятся этих машин.

— Мы нанесли координированные удары по всем трем псевдо-Центрам флибустьеров. Имеются несколько раненых, повреждено кое-какое снаряжение, но в целом все прошло гладко. Тридцать четыре человека взяты живыми и подвергнуты тщательному ментосканированию. Пленные, взятые в Гулучи и Халиначи, оказались практически бесполезны, но Саарбин сдался без единого выстрела, и от них мы получили обширную информацию о маршрутах, базах и возможностях флибустьеров.

— Почему оказались бесполезны Гулучи и Халиначи?

Генерал только пожал плечами.

— На Гулучи все покончили с собой, обнаружив, что ускользнуть не удастся. В живых остались только проститутки, бармены и прочая дрянь. Трансмутированные безмозглые твари. Что касается Халиначи... Похоже, этот Фернандо Савафунг довольно умен. Он единственный, у кого имелся план на случай падения Завета. Он скрылся, и выследить его не удалось. Разумеется, это непростительная оплошность. Полковник Вар Шу Оп вместе со своим штабом явился с повинной в высший суд.

Даже Вал понимал, что это значит. Людей не казнили, поскольку это было бы неразумно. Им стерли память и перепрограммировали в простых солдат. Для офицеров МСС это невероятное унижение, и то, что они добровольно пошли на него, лишний раз доказывало их преданность Главной Системе.

— Обнаружены ли следы похищенного колонизационного транспорта?

— Действительно, не более чем следы. Космос велик, и там можно спрятать все что угодно. В одном нашем квадранте уйма планет, которых мы никогда не увидим. Что говорить о корабле, пусть даже очень

большом? Они совершили нападение на транспорт, который перевозил мурилий. Захвачен корабль и несколько сотен тонн груза. По-моему, это многое говорит об их возможностях. А самое главное — они, судя по всему, не собираются только скрываться. Если бы они просто захватили мурилий и смылись, беспокоиться было бы не о чем. Но они где-то здесь, и мы вынуждены ждать, пока они не зашевелиятся, иначе нам их никогда не поймать. Но если они сохраняют свою дерзость и агрессивность, мы схватим их рано или поздно. Только бы они не обратились в бегство.

— Они не обратятся в бегство. Если бы они ставили целью только уйти из Системы, можно было бы позволить им это. Главная Система терпелива. Когда-нибудь мы встретили бы их потомков и сумели бы договориться. Но их подлинная цель иная. До сих пор никому не полагалось о ней знать, но сейчас Главная Система решила, что наиболее преданные офицеры должны быть информированы, чтобы успешнее исполнить свой долг. Мятежники ищут части некой логической схемы, которая, будучи собранной, способна причинить Главной Системе непоправимые повреждения.

Генерал был польщен, хотя понимал, это доверие может в конечном счете стоить ему потери памяти под ментопринтером Главной Системы.

— Вот как? Одним словом, выключатель?

— Да. Эти устройства очень древние. Они были созданы теми же, кто создал Главную Систему. Микро-схемы выполнены в виде больших золотых перстней, украшенных черными камнями. Коды, заключенные в них, представляют большую опасность.

Генерал удивленно покачал головой.

— Зачем же Основателям понадобилось их создавать?

Если бы Вал был человеком, он бы пожал плечами.

— В любой системе предусмотрены контрольные устройства. Даже самое надежное оборудование может отказать. Основатели сами не до конца представляли себе возможности своего творения, и их, безусловно, тревожила опасность злоупотребления.

— Тогда почему же эти перстни, или как их там, не были уничтожены еще во времена колонизации и умиротворения?

— Они составляют часть Системы. Их постоянное наличие предписано программой. Лучшее, что смогла сделать Главная Система, это рассеять их среди звезд и изъять любые упоминания об их существовании. Но несмотря на все меры предосторожности, мятежники каким-то образом нашли эти сведения и теперь стали самыми опасными из людей, с которыми Главная Система когда-либо сталкивалась.

— Что нужно для того, чтобы эти перстни сработали?

— Всего лишь собрать их и вставить в специальный интерфейс Главной Системы.

— А вы знаете их местонахождение?

— В определенной степени да. Нам известно, в каких мирах сейчас перстни, но кто конкретно владеет ими — нет. В течение столетий они прошли через тысячи рук, в то время как люди не подозревали об их истинном назначении. В настоящее время одним из перстней владеет некий Ласло Чен, верховный администратор Земли. Другой находится в Кохин-Центре на Джанипуре. Он выставлен на всеобщее обозрение и используется только по случаю каких-либо торжественных церемоний. Относительно остальных трех нам известны только планеты и, возможно, районы, где они могут быть, но не более.

— А мятежники знают столько же?

— Мы полагаем, что да.

— Тогда все очень просто. Нужно лишь опередить их и забрать перстни, оставив в качестве приманки

дубликаты. Когда мятежники попытаются их забрать, останется только схватить их.

— На самом деле все гораздо сложнее. Программа требует, чтобы перстни всегда находились в руках людей, облеченных властью. В самом начале Система могла распределить перстни, руководствуясь соображениями, в которые я не посвящен, но теперь она уже не вправе их трогать. Поскольку перстень является не личной собственностью, а символом власти, после смерти администратора он автоматически переходит к его преемнику. Отобрать у них перстни мы не имеем права. Мы можем, как вы изволили выразиться, использовать их в качестве приманки, но не более того. И это должны быть настоящие перстни. Ирония вашего положения заключается в том, что, не будь вы на службе у Главной Системы, вы могли бы изъять у владельцев эти перстни, но понесли бы наказание, несмотря на то что руководствовались бы лучшими соображениями. Но поскольку вы как глава вооруженных сил Системы подчиняетесь непосредственно ей, для вас это невозможно.

Генерал был потрясен, хотя, безусловно, давно уже догадывался, что между машинами и людьми идет непримиримая борьба.

— Другими словами, вы хотите сказать, что эти преступники могут прийти и украсть перстни, а мы не можем реквизи́ровать их, чтобы этого не случилось?

— Именно так.

Генерал вздохнул:

— Что ж, поскольку нам известны хотя бы планеты, где находятся перстни, достаточно обеспечить им мощное прикрытие...

— Вряд ли это поможет. На борту колонизационного транспорта имеется сто четырнадцать трансмьютеров, а четыре из них велики настолько, что пригодны для перестройки и ремонта целого корабля. Информации, которой располагает командный модуль, доста-

точно для того, чтобы превратить человека в любое существо, которые населяют планеты-колонии. Мятежники намерены во что бы то ни стало добраться до перстней и не остановятся ни перед чем.

Варфен покачал головой:

— Неужели они столь фанатично настроены, что пойдут даже на это? Но ведь мало стать кем-то иным, нужно еще научиться им быть. Вы полагаете, что им удастся обмануть даже местных жителей?

— Я в этом уверен. Поэтому секретность должна быть абсолютной. За пределами этих стен никто, даже нынешние владельцы перстней, не должен знать об их истинной природе и назначении. Иначе следующее поколение фанатиков совершит то, о чем сегодняшние мятежники только мечтают. Кроме того, эти люди действуют не в одиночку. Тот, кто им помогает, собрал эту команду с учетом вполне конкретной цели.

— Помогает? Но кто?

— Враг. Главная Система уже давно ведет войну, исход которой пока не ясен. До сих пор с обеих сторон сражались только машины, и это было очень далеко отсюда. Но враг умен и коварен. Ему удалось проникнуть в наши ряды, в то время как мы проникнуть к нему не можем. Так что это не просто шайка мятежников, генерал. Это — попытка подорвать нашу оборону изнутри.

— Кто этот враг? — спросил генерал. — И где ведутся военные действия?

— Он очень силен — это все, что мы о нем знаем. Сила его не уступает нашей. Что касается области, где происходят сражения, то, если потребуется принять участие в битве, нам скажут. До тех пор нам не полагается знать координат. Тем не менее сейчас война добралась сюда. Это прорыв, и мы должны его ликвидировать. Впервые за долгое время враг нащупал слабое место, и нам предстоит его укрепить.

— Горстка людей, в большинстве своем очень невежественных... Даже при наличии сорокакилометрового корабля — чем они могут угрожать Системе? Что-то не верится.

— Их точное количество нам неизвестно, но Арнольд Нейджи, бывший начальник службы безопасности Мельхиора, был обнаружен в баре на Халиначи в обществе двоих беглецов и одного неизвестного. Боюсь, у них есть что-то большее, чем колонизационный транспорт и захваченный рудовоз. Мы должны их найти, генерал. Мы должны заставить их прийти к нам, а потом навсегда покончить с ними.

Генерал задумался.

— В этой задаче слишком много неизвестных...

— Да, но нам все-таки намного легче. Они должны собрать все пять перстней — нам достаточно не допустить их хотя бы к одному. Но если мы проиграем, расплачиваться будет все человечество.

— Если мы проиграем, — сказал генерал, — значит, мы заслужили поражение.

1. ЦЕНА УСПЕХА

После разговора с Козодоем у сестер Чо был впереди целый месяц, чтобы обдумать принятое решение и, возможно, еще не раз и не два пожалеть о нем.

Для экипажа «Грома» это было время напряженных работ. Огромный трюм корабля, первоначально предназначенный для перевозки тысяч и тысяч людей, был переоборудован. Впрочем, «переоборудован» — не совсем подходящее слово. Там, где раньше были ячейки, в которых погруженные в сон колонисты подвергались трансмутации с учетом будущих условий существования, теперь светило искусственное солнце, зеленела трава, росли деревья и стояли уютные домики для новых обитателей корабля. Площадь трюма составляла примерно шестнадцать квадратных километров, но под жилую часть было отведено не больше половины. За ней начинались ангары, мастерские, лаборатории, где производилось, исследовалось или ремонтировалось все необходимое для экипажа. Только самый последний ряд транспортных ячеек остался нетронутым при переделке.

Пока шли эти работы, компьютерный пилот корабля, которого все называли Звездным Орлом, вместе с Хань, гениальной, но слепой и обреченной на постоянную беременность китайкой, и доктором Айзеком Клейбеном, величайшим специалистом в области запретных технологий, старались узнать как можно больше о жителях странного мира, известного под назва-

нием Джанипур. В своей работе они опирались на данные, предоставленные экипажем флибустьерского корабля «Индрус».

Те, кто первыми попали на эту планету, в своей земной ипостаси были индусами, и культура джанипурцев, естественно, опиралась на индуизм, хотя и не повторяла его. Клейбен, Хань и даже Звездный Орел были зачарованы этой культурой. Многочисленные причудливые божества, идея перевоплощения, постулат цикличности развития вселенной — все это было ново и удивительно для них, не говоря уже о живописи, музыке и литературе, опирающихся на столь непривычные представления.

Впрочем, эта культура имела и оборотную, достаточно неприятную сторону, которая проявлялась прежде всего в оправдании жесткой кастовой структуры общества, где положение каждого индивидуума определялось с рождения и оставалось неизменным до конца очередной жизни. По джанипурским представлениям каждый проживал целый ряд жизней, последовательно восходя от самых простейших ко все более и более сложным организмам, пока не становился, наконец, человеком, обладающим сознанием, способностью к обучению и свободой воли. Но и в человеческом облике каждому предстояло подняться с самого дна, с самой низшей из каст, и во всех кастах человек должен был прожить жизнь мужчины и жизнь женщины, неустанно совершенствуясь, чтобы подняться на следующую ступень. Последними в этом ряду стояли брахманы, а выше начиналось уже новое состояние, по-видимому, граничащее с божественностью.

Сама по себе идея возрождения выглядела привлекательно, но экипаж «Грома» в основном разделял точку зрения Ворона, индейца кроу, бывшего агента безопасности, неисправимого циника и заядлого курильщика.

— Если не помнишь, кем ты был раньше, то какая разница, умереть раз и навсегда или перевоплотиться? По мне, так лучше перемениться при жизни. Вот я, например. Пронырливый паренек из горной деревушки сперва сделался воином, потом — сотрудником Центра, и наконец — сами видите, кем. А там если ты должен месить грязь от рождения, то и будешь ее месить, пока не помрешь, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Даже сестры Чо, выросшие в обществе, где вера в перевоплощение была тоже очень сильна, удивлялись жестокости джанипурских религиозных представлений. Впрочем, Китай, где они родились, был не больше похож на Поднебесную, где жили их далекие предки, чем племена кроу и хайакутов, из которых вышли Козодой, Ворон и Танцующая в Облаках, — на свои реальные прототипы. Главная Система была помешана на стабильности, и культуры, которые она воссоздала, были тщательно ею отредактированы. Козодой как историк знал об этом давно, но лишь немногие из экипажа «Грома» могли понять его, когда он говорил, что резервации на Земле представляют собой не столько музеи, сколько плод вольной фантазии на историческую тему.

В джанипурском обществе эта фантазия нашла довольно дикий поворот. Здесь в отличие от древних индусов никто и понятия не имел о священных коровах, да оно и неудивительно, ибо на Джанипуре место коров заняли люди. Так, во всяком случае, думали те, кто смотрел сейчас на чету джанипурцев, лежащих в транспортных ячейках у кормовой переборки.

Уруб, жуткий продукт извращенного гения доктора Клейбена, способный поглощать любое живое существо и воспринимать его форму и личность, отлично выполнил свою задачу. Проникнув в джанипурский Кохин-Центр, он поглотил заместителя начальника службы безопасности и занял его место. Пользуясь не-

ограниченным доступом к обширным банкам данных Центра, он отобрал для своих целей двоих джанипурцев из Авади-Центра, расположенного на другом континенте. Судя по светлой окраске, эти двое были брахманами и как представители неизбежно безликой армии чиновников среднего уровня могли свободно войти в Кохин-Центр, не вызвав ни у кого подозрений.

До сих пор никто на «Громе», кроме экипажа «Индруса», не видел живых джанипурцев. Это было впечатляющее зрелище.

Они были ростом с человека; по сравнению с мужчиной женщина казалась более хрупкой. Лежа на боку они действительно смахивали на коров, но задние ноги были снабжены суставами, позволяющими при необходимости встать во весь рост, а нижняя часть икр была толще, чем полагается четвероногому. Ноги оканчивались широкими и толстыми копытами, крепкими, словно камень. По сути дела, копыта росли на тыльной стороне лодыжки. Необычная толщина икры отчасти объяснялась тем, что к ней на особом суставе крепился широкий и плоский вырост, который служил ступней, когда джанипурец выпрямлялся.

Торс был массивным и широким, а руки, столь же длинные, как и ноги, оканчивались не только копытами, но и кистями, аналогичными по строению ступне. Кисти были пятипалыми, как и у человека. Длинная толстая шея была гибкой, чтобы лицо, независимо от позы, всегда было направлено вперед.

Лица джанипурцев, весьма выразительные, почти не отличались от человеческих, за исключением приплюснутых носов и сильно развитых челюстей. Зубы у джанипурцев были широкие и плоские, что характерно для травоядных. Густая серая шерсть росла по всему телу, кроме лица.

— Мускулатура и строение скелета просто поразительны! — восхищался Айзек Клейбен. Он ликовал, словно ребенок, получивший новую игрушку. — В вер-

тикальном положении джанипурцы не уступают в гибкости обычному человеку, но когда он опускается на четвереньки, тело сразу становится гораздо жестче, и можно бегать, прыгать и брыкаться не хуже любой лошади. Ступни прекрасно приспособлены для ходьбы в вертикальном положении, а кисти рук способны выполнить самую сложную и тонкую работу.

Сабира, женщина с «Индруса», добровольно вызвавшаяся на это задание, так как была хорошо знакома с основами местной культуры, нервно заметила:

— По-моему, различия намного больше, чем кажется на первый взгляд, и я, честно говоря, не думала, что они окажутся *настолько* иными. Не представляю себе, как мы сумеем сориентироваться там, на планете.

— Боюсь, нас ожидают и другие сюрпризы, — сказал Козодой. — Но трансмутация необходима, чтобы миссия была успешной. У вас появились сомнения?

Она заставила себя улыбнуться и пожала плечами:

— Да... и немало. Впрочем, этого следовало ожидать, и все же там я необходима. Из тех, у кого есть подходящий опыт, только я согласилась пойти.

В этом-то, разумеется, и заключалась основная трудность.

— Одно меня озадачивает, — вмешался Клейбен. — Эти выступы на головах, они похожи на зачатки рогов. Это действительно так?

Сабира кивнула:

— Рога вырастают только у женщин. Это атавизм. С развитием беременности женщине все труднее стоять на двух ногах, и наконец, примерно на пятом месяце, это становится просто невозможно. Суставы кистей и ступней перестают разгибаться, грудь увеличивается, а на голове отрастает пара длинных и острых рогов. Бегать ей тяжело, и рога — ее единственная защита на оставшееся до родов время. Через несколько недель после родов они отваливаются, и женщина возвращается в нормальное состояние. Обычно из них де-

лают резные украшения и дарят ребенку в день совершеннолетия. Рога считаются частью тела ребенка. Лактационный период недолог: через две недели пищеварительная система ребенка формируется окончательно, и он может есть то же, что и взрослые. Но не думайте, что во время беременности женщины беззащитны. В этот период они агрессивны и крайне опасны.

Клейбен кивнул:

— Поразительно. Значит, их дети рождаются практически сформировавшимися и способными передвигаться? Не то что наши беспомощные младенцы?

— Ступни и кисти рук у них в зачаточном состоянии, но на четырех ногах детеныши стоят крепко. Они стремятся во всем подражать взрослым и быстро учатся искусству выживания. К концу первого месяца они уже самостоятельны, хотя и почти беззащитны. Они смысленнее наших детей этого возраста, но полное развитие кистей и ступней занимает годы и требует постоянных упражнений. В интеллектуальном смысле джанипурские дети не отличаются от людей, но остаются в теле животного приблизительно до семи лет. Половая зрелость наступает в двенадцать-тринадцать лет.

Клейбен снова кивнул. Долгое бездействие действовало на него угнетающе, но теперь он оживал на глазах. Козодой подумал, как бы выглядел бывший глава Мельхиора, если бы не Сабире, а ему предстояла трансмутация в новый облик. Куда легче самому производить эксперименты во имя бескорыстной жажды знаний, чем попасть в руки других экспериментаторов.

— Сестры Чо уже видели их? — спросила Сабире.

Козодой отрицательно покачал головой:

— Пока нет. Может быть, увидят сегодня. Теперь, когда у нас есть прототипы, часы запущены. Эта чета официально находится на Рекреации, и мы должны разработать для них подходящую легенду. Однако Рекреация продолжается всего сто дней, и пять из них уже

прошли. Надо тщательно изучить их и узнать о них все, чтобы вы могли сойти за джанипурцев. Необходимый минимум вы освоите здесь, а потом мы пошлем вас вниз, чтобы вы некоторое время пожили среди туземцев и отшлифовали свои навыки. Если вы не сможете одурачить их, то не сможете обмануть и Центр, не говоря уже о тех войсках, которыми там забит каждый метр. Уруббу позаботился, чтобы вы получили назначение в Кохин-Центр. Вас ждут суровые испытания. Приготовьтесь совершить невозможное.

— Девяносто пять дней — это мало! — встревожилась Сабира. — Надо изучить слишком много.

— От вашей способности быстро учиться зависит гораздо больше, чем личная безопасность. Без этого перстня все остальные будут бесполезны. И если вас схватят, тем, кто последует за вами, будет в тысячу раз труднее.

Как правило, сестрам Чо не требовалось много слов, чтобы понять друг друга. Они были неразлучны в горе и радости, и каждая знала мысли другой — по крайней мере так казалось всем и даже им самим. Но после того, как они увидели джанипурцев, им пришлось разговаривать долго.

— Я не хочу, — начала обычно молчаливая Чо Май. — Ты видела их. Ты чувствуешь то же, что и я.

Чо Дай кивнула:

— Действительно, это скорее коровы, чем люди. Представляю, какие у них обычаи! Конечно, мы с тобой не красавицы, и все же...

— И все же существует честь и обязательства. Наши жизни принадлежат тем, кто их спас. Мне все время снятся кошмары. Я до сих пор не могу прийти в себя...

Чо Дай снова кивнула. Она понимала сестру. Служба безопасности Китайского Центра застучала их на

мелкой краже. Проверка на ментопринтере показала, что они не шпионки или преступницы, а просто девчонки, обладающие талантом открывать любой самый сложный замок. Они не могли понять, как действует смывной туалет, не говоря уже о компьютере, и все же у них был этот дар — или проклятие, — данный им от рождения и усиленный уроками дядюшки-иллюзиониста.

После проверки их отправили в биотехническую лабораторию. Там девушек исследовали, а потом подвергли стерилизации и отдали на растерзание охранникам. С этого момента они перестали быть людьми и превратились в живые игрушки, с которыми можно делать все, что заблагорассудится. Девушек мучили, над ними издевались и насиловали их снова и снова. Есть и пить им почти не давали, а когда они попытались сопротивляться, их изуродовали до неузнаваемости. В конце концов, измученные бесконечным унижением, болью и наркотиками, они и сами перестали считать себя людьми. Но внезапно поступил приказ отправить их на Мельхиор.

На Мельхиоре девушки в отличие от Хань не подвергались трансмутации. В то время они не придали этому значения, но теперь понимали, что глава службы безопасности Мельхиора, сам участник заговора против Главной Системы, не желал подвергать их воздействию машины, которую можно использовать лишь один раз. Только татуировки на их лицах, обязательные для любого заключенного, были сделаны с помощью трансьютера, но их можно было легко замаскировать пересадкой или подсвечиванием кожи.

— Если боги с рождения вручили нам дар, — вздохнула Чо Дай, — значит, мы рождены для этого. Чо Май печально склонила голову.

— Я несчастна, но я смиряюсь. Лучше превратиться в чудовище, чем быть проклятым, отказавшись от

своего предназначения, и видеть, как другие страдают вместо тебя.

— И быть может, — с надеждой добавила Чо Дай, — это будет концом наших страданий.

Они были готовы.

— Сам по себе этот процесс чрезвычайно сложен, — объяснял им Клейбен, — и не может быть проведен без специальных компьютеров, но для вас все будет просто и быстро. Физические принципы трансмьютера были разработаны еще в древние времена. И скорее всего людьми. Первоначально идея состояла в том, чтобы превратить материальный объект в энергию, которую можно в виде закодированного сигнала передать в другое место, а там снова превратить в вещество. Был достигнут определенный успех, но передача могла осуществиться лишь через особые кабельные сети. Система оказалась непригодной для практического использования. Впрочем, этот проект никогда не пользовался особым доверием — во многом, видимо, потому, что последние эксперименты привели к гибели многих добровольцев. Общественность возмутилась, и проект был закрыт. Главная Система располагала сведениями о нем и продолжила эксперименты. Она обнаружила, что ключом к проблеме является мурилий, и усовершенствовала передатчик материальных объектов, которым мы и пользовались, перемещаясь с борта «Грома» на нашу базовую планету и обратно. Но возможности передачи крайне ограничены. На, скажем, межпланетных расстояниях передатчик уже не действует.

Клейбен был воодушевлен. Он вновь был в родной стихии и, казалось, даже не замечал, что окружающие напряжены и обеспокоены. Козодой понимал, что лекция Клейбена им неприятна, но ничего не мог поделать: эта информация необходима всем.

— Так вот, — продолжал ученый, — наш «Гром» строился прежде всего как транспорт, способный в

пути изменять людей, хранящихся в тех ячейках, которые мы увидели, когда впервые попали на борт. Каждый человек подвергался анализу, и для каждого трансмутация проводилась индивидуально. Помимо общего облика, единство культуры новой колонии обеспечивалось массовым применением ментопринтеров.

Ментопринтерные и трансмутационные программы отлаживались и хранились в памяти компьютера. К сожалению, этих исходных программ у нас нет. Нам приходится импровизировать, но упрощает задачу, как ни странно, то, что нашим созданиям предстоит пройти тщательную проверку службы безопасности. Это значит, что мы должны взять за образец и как можно точнее скопировать нашу чету джанипурцев. Структура их мозга практически идентична человеческой, хотя физиологические изменения, безусловно, повлекли за собой, с одной стороны, добавление новых функций, а с другой — отказ от некоторых прежних. Сравнив структуру их мозга с нашей и отметив различия, мы сумели сохранить ваши личности и в то же время сделали все, чтобы вам было легче приспособиться к новому телу. Но что касается культурных и социальных стереотипов, то все, что мы в состоянии впечатать вам, это данные, имеющиеся в компьютерах «Индруса». Это только основы, но никак не подробности. Остальное вам предстоит изучить на собственном опыте, и это едва ли не самая опасная часть задания, не считая, конечно, того, что вам предстоит сделать в Кохин-Центре.

— Я не понимаю, — замаялась Чо Дай. — Нас трое, а их... этих — только двое. К тому же один из них мужчина, а мы все женщины. Как вы с этим справитесь?

— Эта пара — лучшее, на что мы могли надеяться, особенно если учесть ограничения во времени. Хотя некоторые женщины на этой планете занимают высокое положение, в основном структура семьи, как в высших, так и в низших кастах, более традиционна.

Этот мужчина — чиновник. Женщина — его жена, и он ее содержит. Это брак по договору, он заключен не более двух лет назад, и этот факт тоже работает на нас. Еще удачнее то, что она родилась не в Центре. Она дочь местного судьи, а значит, в Центре о ней почти нет информации. Для ее семейства этот брак очень выгоден, и даже на Земле высокопоставленные чиновники из местного населения стремятся устраивать браки своих дочерей с сотрудниками Центров, находящимися на Рекреации. Хуже, что женщине ее положения, хотя она и не имеет отношения к Центру, полагается быть грамотной. Вам придется это имитировать или изучить хотя бы основы письма. Эту проблему обойти невозможно.

— Но двое — мужчина и женщина...

— Я как раз подхожу к этому. Они женаты уже два года, но до сих пор не имеют ребенка. Это не совсем обычно. По сути дела, эта женщина не бесплодна, но из-за некоторых медицинских проблем ее шансы забеременеть весьма незначительны. Развод в этом обществе немислим, и для чиновника, оказавшегося в такой ситуации, существует единственный выход, впрочем, при здешнем общественном устройстве вполне приемлемый. Одна из родственниц бесплодной жены нанимается на какую-нибудь работу — служанкой, клерком, не важно, потому что подлинная ее роль — родить ребенка для этой четы. Мужчина обратился к властям за разрешением сделать это во время Рекреации. Урубу выяснил, что такие запросы поступают на одобрение службы безопасности верховного администратора. Кстати, в процессе трансмутации мы излечим эту женщину от бесплодия. Так вот, план таков: кто-то из вас станет ее сестрой. Сомневаюсь, чтобы у нее на самом деле была сестра-близнец, но Урубу уверяет, что сумеет подделать записи. Это чисто психологический момент. Когда для хранения информации используются компьютеры, достаточно обойти

секретные коды и ввести поддельные данные. Им поверит всякий — если только вас не заподозрят в чем-то еще. Этот мужчина прибудет на новое место работы с женой и ее сестрой.

Сабира повернулась к сестрам Чо:

— Поскольку я умею обращаться с машинами, знаю санскритскую грамоту и знакома с местными обычаями, мужчиной придется стать мне.

Чо Дай и Чо Май облегченно вздохнули. Хотя они частенько мечтали о мужских привилегиях, никому из них не хотелось превращаться в мужчину. В каком-то смысле это было даже унижительно.

— И ты... ты действительно этого хочешь? — спросила Чо Дай.

— Желание или нежелание не имеют значения. Это наш долг. Я следую вере своих предков. Я верю, что в прошлых жизнях я уже бывала мужчиной и, несомненно, буду еще, пока не кончится череда моих человеческих воплощений. Возможно, из-за этого задания мне придется прожить одной жизнью больше, но отказаться сделать то, что необходимо для нашего спасения и будущего всего человечества, позорно. Я обязана научиться мыслить, как мужчина, и поступать, как мужчина. Вы обязаны похитить перстень. И вам, и мне одинаково тяжело.

— Вы снова сможете иметь детей, — сказал Клейбен. — Дефект, который имеется у этой женщины, трудно диагностировать. Я устраню его и не думаю, что при обычном обследовании после возвращения с Рекреации кто-то обнаружит изменения. Что касается джанипурцев, то с помощью ментопринтера и гипноза мы добьемся, чтобы они охотно сотрудничали с нами, но возвращаться им нельзя. Даже если потом выяснится, что они всего лишь послужили образцом и ни в чем не виноваты, их скорее всего убьют — просто на всякий случай. А теперь, если вы готовы, можно при-

ступать. Больно не будет. Это почти то же самое, что высаживаться на планету через трансмьютер.

НАВСЕГДА... В ЭТОМ ОБЛИКЕ... НАВСЕГДА...

— Давайте быстрее, — хором выпалили сестры Чо. — Хуже некуда ждать.

Проще и эффективнее было использовать оставшийся ряд транспортных ячеек и трансмьютер ограниченного действия, встроенный в них. Отголосок тех давних дней, когда Главная Система решила обеспечить выживание человечества, разбросав его по звездам. Ячейки автоматически стерилизовались, потом в них помещали человеческий груз и запечатывали до завершения процесса. Звездный Орел позволил Хань наблюдать, но не вмешиваться. Задача была слишком сложной. Тем не менее она могла беседовать с компьютером и не преминула это сделать.

— Ты уверен, что сумеешь обойтись без программ, разработанных для Джанипура? — спрашивала она уже не в первый раз.

— Ты же знаешь, я оперирую только вероятностями, — отозвался компьютер. — Предварительные тесты прошли хорошо. Мне трудно об этом судить, но у Клейбена большой опыт в таких делах, а вид у него уверенный. Мне не нравится этот человек, но тот, кто сумел создать Урубун на далеком от совершенства оборудовании, с этой задачей справится и подавно. Мы трое сделаем все, что в наших силах.

Хань вздохнула:

— Бедняжки... Они так и не успели пожить... Надеюсь, мы не обречем их на вечные страдания.

— Вряд ли они когда-нибудь будут полностью удовлетворены жизнью, но они приспособятся, — ободряюще заметил пилот. — Вот область, в которой человеческий разум непостижим и намного превосходит мой. У вас безграничная способность привыкать

практически ко всему. Ледяной холод, палящий зной, нескончаемый дождь, выжженная пустыня... Люди, живущие в примитивных условиях, приспособились к ним и процветают. Да и ты приспособилась и к слепоте, и к требованиям своего организма.

— Приспособилась — да. Вернее, смирилась, потому что выбора нет. Но это не повод для гордости. Я смирилась с собой, как мирится со своими увечьями тот, кто искалечен судьбой и учится жить заново. Но глубоко в душе я завидую всем. Всем до одного.

Пилот деликатно оставил это без комментариев.

— Преобразование в энергию, — сообщил он. — Передо мной три больших файла, и я провожу сравнение... Поразительно. Ни у кого, даже у сестер Чо, контрольные числа не совпадают полностью, но у них самое близкое совпадение, какое только возможно у двух разных людей. Теперь преобразуем модели... Готово. Сравним мужчину-модель с Сабирой... Странно. Во многих отношениях они намного ближе, чем можно было предположить. Читаем и сравниваем генетические коды... Удивительно! Опять гораздо меньше различий, чем я ожидал. Расхождения почти тривиальны, хотя результаты совсем не похожи! Отличий миллионы, но все они настолько незначительны, что просто удивительно, почему люди выглядят именно так, а не иначе. Общего намного больше, чем разного. Сразу видно, кто были предки джанипурцев.

— Тело — не проблема. Намного сложнее совместить тело и разум.

— Ненамного. Гораздо больше различий в строении позвоночника, чем в строении мозга. Участки коры, отвечающие за те или иные двигательные или вспомогательные функции, не совпадают, но личность и память помещаются в тех же областях, что и у обычного человека. Я думал, будет труднее.

Хань попыталась представить задачу, которую он назвал бы трудной, и не смогла. Компьютер-пилот мог

считывать данные с поразительной скоростью, пропуская через себя сотню энциклопедий в наносекунду, но даже при этом процесс трансмутации занял несколько минут. Звездный Орел ничего не хотел оставлять на волю случая. Допуск на погрешности был нулевой, малейшая ошибка должна быть исключена.

Хань понимала, что совершается нечто изумительное, лежащее за пределами человеческих представлений о скорости и сложности. Раз за разом Звездный Орел создавал сравнительные компьютерные модели преобразованной Сабиры, снова и снова проверял реакции головного мозга и центральной нервной системы, добиваясь полной уверенности в отсутствии ошибок, иначе тело откажется служить. Со строением скелета и адекватностью мышечных ощущений проблем почти не возникало, но человеческие память и личность следовало полностью сохранить, и было непросто состыковать новое тело с прежней мыслительной информацией. Клеточную память, которую каждый джанипурец имел от рождения и совершенствовал в течение жизни, приходилось совмещать с памятью и личностью, сформированными совершенно в иной среде. Определенные сложности представлял иммунитет, который предстояло тщательно смоделировать. Микроорганизмы колониальных планет, как правило, вели происхождение от земных, но достаточно отделились от них, чтобы не представлять опасности для землян. Только Чо Дай и Чо Май уже не были землянами. Обидно было бы после сложнейшей трансмутации заболеть и умереть от пустякового вируса.

— Им бы следовало проконсультироваться со своими врачами, — как бы между прочим заметил Звездный Орел. — У мужчины начальные признаки артрита и шалит поджелудочная железа. У женщины тоже есть кое-что, включая несколько вирусных опухолей. Могу себе представить, что за медики в этих Центрах. Я их подлечу, а заодно прочищу артерии и

вены. Готовность к передаче. Контрольные суммы моделей проверены. Мужчина закончен. Сабира закончена. Женщина закончена. Чо Дай сделана. Чо Май сделана. Готовность к передаче в ячейки. Обратное преобразование... Готово.

У транспортных ячеек, где уже стояли Козодой и Клейбен, собралась небольшая толпа. Как только начался процесс преобразования в энергию, крышки ячеек помутнели. Но вот они замигали и снова стали прозрачными. Внутри не было ни одного землянина. Двое в верхних ячейках не изменились, а в трех нижних теперь лежали джанипурцы.

Для тех, кто подвергся трансмутации, словно бы ничего и не произошло. Чо Дай, раздевшись донага, заползла в ячейку и увидела, как медленно затуманилась крышка. У нее на мгновение закружилась голова, а потом сильные руки подхватили ее и вытащили на висячий мостик.

Первое, что ее поразило, — невероятный шум. Звуки, которые она ни с чем не могла соотнести. Пощелкивание, жужжание, посвистывание. И гомон толпы возле ячейки. Сосредоточившись, она могла даже разобрать слова.

— Попробуй встать, — сказал ей Клейбен. Его голос показался ей искаженным и слишком громким. — Хотя бы на четвереньки. Давай.

Опираясь на руки, она сумела встать на колени. Это оказалось не так уж сложно. По крайней мере она чувствовала себя устойчиво. Чо Дай выползла на висячий мостик и огляделась. Окружающие лица были знакомы, но выглядели так, словно бы с них смыли краски. Зато теперь стали различимы детали, на которые прежде она не обращала внимания. Приглядевшись, Чо Дай могла разглядеть каждую нитку на поношенных брюках Козодоя, каждую морщинку на лице Клейбена. Она поглядела туда, где трудились роботы. Дальние предметы казались расплывчатыми, но, как только

один из роботов переместился и поднял что-то, она увидела его совершенно ясно и при этом отдельно от окружающих вещей. Он был четко очерчен и словно бы висел в пространстве.

«Я не чувствую ни рук, ни ног!» — с внезапным испугом подумала она и, взглянув вниз, увидела свои руки — вернее, уже передние ноги. Хотя она знала, что так и должно быть, но только сейчас на нее нахлынуло ощущение того, что это реально.

Она ощущала себя посторонним наблюдателем. Возможно, позже это пройдет, но сейчас все ее эмоции притупились. Чо Дай огляделась и увидела, как другие помогают выбраться из ячеек Чо Май и Сабире.

Они тоже стояли на четвереньках без особого труда. Чо Дай потрясенно уставилась на сестру и видела, что та точно так же смотрит на нее.

«Великие боги, до чего же мы уродливы!» — подумала она, и в этот момент эмоциональное оцепенение прошло. Она едва удержалась, чтобы не разрыдаться.

Подвижный висячий мостик медленно опустился на уровень главной палубы. Все трое без особого труда сошли с него. Имея руки и ноги одинаковой длины, им было легче ходить на четвереньках, чем ползать.

— Я останусь и разбужу джанипурцев, — сказал Клейбен Козодою. — А для этих сейчас главное — освоиться в новых телах. Дайте им время. Они должны научиться двигаться автоматически, не раздумывая. Потом мы впечатаем им с ментопринтера все, что сумеем.

Козодой кивнул:

— Их миссия началась.

Получив на обед объемистые охапки травы, все трое испытали приступ отвращения. В конце концов Сабире отважилась попробовать угощение, надеясь, что для джанипурцев трава будет казаться вкуснее, чем

для землян. Ничего подобного. И на вид и на вкус трава оставалась травой. Единственная польза от нее была в том, что они перестали испытывать голод.

— Мы никогда не обедали с джанипурцами, — заметила Сабира. — Но у меня создалось впечатление, что они обильно сдабривают еду специями, независимо от того, сырая она или приготовлена на огне. Впрочем, на подножном корму живут только самые юные и самые бедные. Это вопрос выживания, а не свойство этой цивилизации. Зато на Джанипуре никто с голоду не умрет.

— Лучшего мы предложить не можем, — извинялся Звездный Орел. — Мы даже не знаем толком, что они едят. Эту траву пришлось синтезировать, опираясь на исследования их пищеварительной системы и на остатки пищи в желудках наших образцов. Скоро мы закончим ментопринтерную обработку, и тогда они будут охотно нам помогать.

Обработка была более основательной, чем казалось прочему экипажу. В старое время ее называли бы промыванием мозгов, только тогда это делалось с меньшими предосторожностями и с большими сложностями.

Никому из троих не было в новом теле особо удобно, хотя, пока они оставались, по выражению Айзека Клейбена, в «четвероногом режиме», проблем с перемещением не возникало. Но первые же попытки стать прямоходящими или хотя бы слегка разогнуться привели к полному разочарованию. Новоиспеченные джанипурцы были не больше и не тяжелее, чем обычные люди, и двое членов экипажа «Грома» попытались усадить их в кресла. Все трое немедленно потеряли равновесие и, судорожно хватаясь за воздух, повалились набок.

Наконец закончилась ментообработка. С помощью Джерувала Пешвара и его жены Мадау дела пошли лучше, но ненадолго. Коренные джанипурцы свято

уверовали в рассказанную им байку и, хотя чувствовали себя неуютно среди новых вещей и незнакомых людей, старались помочь, чем могли. Следуя лучшим образцам произведений такого рода, легенда, разработанная для джанипурцев, содержала в себе изрядную долю истины.

Им было сказано, что Главная Система решила уничтожить на Джанипуре все Центры и вернуть население к первобытному, почти животному существованию. Тем, кто разрабатывал легенду, на самом деле было известно о таких намерениях Главной Системы лишь относительно Земли, однако звучало это тем более убедительно, что джанипурцы знали о войсках Главной Системы, рыщущих по планете, и видели, как высокомерно ее солдаты ведут себя в Центрах Джанипура. Джеруваль и Мадау, с одной стороны, были польщены, чувствуя себя избранными, но вместе с тем огорчены перспективой лишиться своих корней и начинать жизнь заново. В какой-то мере это уравновешивалось важностью их миссии и тем обстоятельством, что трое чужаков согласились принять их облик. Больше всего джанипурцы были тронуты тем, что сделали для них медики «Грома».

— Честно говоря, мы смущены, — сказал Джеруваль на своем джанипурском английском, — но примем участие в вашем деле. Я рад, что у меня есть теперь брат-близнец, и должен признаться, пока эти трое стоят неподвижно, я не могу различить, кто же из них моя жена.

Мадау отчасти разрешила проблему с едой. Она составила список продуктов, от одних названий которых сводило живот у всякого, кто знал, что означают эти слова. Как только были синтезированы необходимые ингредиенты, она принялась стряпать, и все блюда имели одну общую особенность: тот, кто имел смелость их попробовать, ощущал сначала онемение во рту, а потом настоящий пожар в желудке. По-видимо-

му, джанипурцы ели либо одну только безвкусную траву, либо тщательно приготовленные блюда, приправленные обжигающими специями. В принципе эта пища годилась и для землян, и для многих из колонистов, но мало кто отваживался на вторую трапезу. Только ребята с «Индруса» в состоянии были изо дня в день наслаждаться кулинарными шедеврами Мадау, а капитан Пачиттавал — так тот вообще заявил, что впервые за много месяцев попробовал по-человечески приправленные кушанья. Мадау учила сестер Чо пользоваться новыми телами, а Джеруваль давал наставления Сабире, которая сократила букву и сделалась Сабиром. Она решила, что не стоит говорить Джерувалю, кем была раньше.

Существовало много приемов реализовать возможности неуклюжего на первый взгляд джанипурского тела. Для прирожденного жителя планеты они были естественны, как дыхание, но для того, кто не родился в этом теле, они были непостижимы. Когда Мадау, например, поднималась, гибким текучим движением превращаясь из четвероногого животного в человека с длинными тонкими пальцами на руках, это было волнующее зрелище. Джанипурцы могли даже ходить в вертикальном положении, хотя очень медленно и на небольшие расстояния. Такое положение они обычно принимали дома или в компании, а на четырех конечностях передвигались в обыденной жизни, развивая при этом огромную скорость. Смена положений происходила рефлекторно и не требовала участия разума.

Сестры Чо ликовали до предела, когда впервые сумели встать прямо. Они покачивались и часто падали, но не обращали на это внимания. Как и для джанипурцев, возможность стоять на ногах и пользоваться руками служила для них отличительным признаком человека, и победа над незнакомой физиологией принесла им глубокое удовлетворение, но для того, чтобы одержать ее, им понадобилось целых пять дней изма-

тывающих тренировок и неустанных наблюдений. Потом дело пошло быстрее. Вскоре они постигли все тонкости легких и плавных движений и в разговоре начали помогать себе жестами.

У Сабира дела шли хуже, хотя все, кто как умел, ему помогали. С большим трудом он научился стоять, периодически падая, и дальше этого не пошло. Видимо, причина заключалась в его женском прошлом. Разум отказывался управлять движениями мужского тела. И все же Сабир не терял надежды.

Тем временем сестры Чо изучали джанипурскую кухню — отчасти из любопытства, а в основном — из желания обезопасить себя в будущем. Они хотели научиться готовить еду, горячую как вулкан, чтобы их не заподозрили, и в то же время такую, чтобы ее можно было есть самим. В конце концов им удалось нащупать верные пропорции, хотя Мадау утверждала, что это «безвкусно, как солома», а прочие члены экипажа говорили, что не замечают разницы.

Наконец, когда Сабир уже готов был отчаяться, у него вдруг все получилось, и больше он не испытывал трудностей при ходьбе. Все было замечательно, за исключением того, что до конца Рекреации и возвращения в Кохин-Центр теперь оставался всего шестьдесят один день.

Правда, сестры Чо не теряли времени даром. Они не только лучше осваивались с новыми телами, но и тренировались на всяких замках и ловушках, которые Звездный Орел выдавал им в огромных количествах. Сестры не знали и не могли знать, какие именно механизмы используются в музее, но компьютерный пилот, используя сведения, предоставленные Урубубу, постарался симитировать все, что возможно, постепенно усложняя сестрам задачу. К счастью, Сабир оказался прав: острейшее ближнее зрение и ловкость длинных пальцев позволяли справляться с самыми миниатюрными и сложными механизмами. Эти качества

служили ценнейшим дополнением к врожденной способности сестер Чо.

И все же пока счет не всегда был в их пользу. В самых сложных заданиях — с телекамерами, весовыми датчиками и сторожевыми микрофонами — успешной оказывалась только одна попытка из четырех. Но, учитывая нехватку времени, они решили, что достигнутого будет достаточно. Чтобы успеть познакомиться с туземцами, надо было отправляться на планету немедленно, и они обратились к Хань и к Айзеку Клейбену, чье искусство в обращении с ментопринтером и биохимических манипуляциях могли дать сестрам Чо шанс на выживание даже в случае серьезной ошибки.

После трансмутации Хань часто навещала сестер Чо, и, не считая общества Сабира и друг друга, только с ней они чувствовали себя уютно. Возможно, потому, что их связывало общее прошлое, а скорее всего потому, что Хань была слепа, и хотя голоса сестер изменились и от них исходил странный запах, мысленно они представлялись ей прежними.

— Вы хорошо приспособились, — сказала им Хань незадолго до отправки. — И смотрите вполне естественно. Я видела вас через вычислительную сеть Звездного Орла. Джанипурцы — удивительная разновидность людей. Они во многом превосходят нас и ни в чем нам не уступают.

— Да, теперь-то мы малость привыкли, — согласилась Чо Дай, — но я не уверена, что мы когда-нибудь окончательно примем себя такими, какими стали. Все-таки в этом есть что-то неправильное, чужое, и мы кажемся себе такими... безобразными. По ночам нам снятся прежние сны, и для нас это реальность. А когда, проснувшись, мы видим друг друга, нам кажется, что это ночной кошмар.

Хань вздохнула и склонила голову.

— Мне тоже снятся сны. Я видела все через интерфейс на мостике, хотя, конечно, совсем не так, как

видят по-настоящему. Я всегда была независимой и самоуверенной, и к чему это привело? Теперь я полностью, абсолютно зависима от других. Это мое проклятие, оно хуже, чем слепота. Я постоянно хожу с раздутым животом, и даже в этом, лучшем моем состоянии моя душа наполнена странными чувствами и необъяснимыми порывами, а когда я не вынашиваю ребенка, то опускаюсь так низко, что потом ненавижу себя за это, хотя и знаю, что ничего не могу с собой поделать. В невежестве своем я проклинала отца за то, что он собирался превратить меня в жеманную рабыню, лишенную разума и знаний, но теперь вижу, что старик был в определенном смысле милосерден ко мне. Я все равно превратилась в родильную машину, но только сохранив разум и знания, которые помогают лишь отчетливее осознать ужас моего положения. Я держусь только ради общего дела и нашей победы. Может быть, хоть мне и хотелось бы думать иначе, я держусь только в надежде увидеть, какую рожу скорчит мой старик, если мы победим. А вы просто приняли другую форму, и все. Ваша судьба могла быть и хуже, намного хуже. Никогда не забывайте об этом.

— Мы все время размышляем об этом, — кивнула Чо Май. — Если Козодой прав и каждому придется заплатить ужасную цену, не исключено, что нам с сестрой еще повезло.

— Вы должны помнить, что миллионы людей родились и выросли в этом облике. У них другие нормы, и вас будут считать настоящими людьми. Взгляните на Джерувала и Мадау и сравните их, например, с любым из экипажа «Чунхофана».

Капитан этого корабля и двое его соплеменников имели блестящие, словно панцирь жука, черные экзоскелеты. Их головы напоминали головы насекомых, а при виде того, чем они питаются, любого бы вывернуло наизнанку. С двумя другими членами этого экипажа, зеленокожими гуманоидами с пуче-

глазыми совиными лицами, нельзя было даже толком поговорить. Казалось, они живут в своей собственной вселенной, и для них скорее всего так и было. Тот, кто слышит в диапазоне, недоступном человеческому уху, питается смесью сырого мяса и каменной крошки, а видит только в инфракрасных лучах, естественно, должен воспринимать окружающее несколько иначе. Впрочем, сестрам Чо эти соображения приносили мало утешения.

— Завтра мы воспользуемся ментопринтерной технологией, широко применяемой на Земле, а возможно, и во всей галактике, — продолжала тем временем Хань. — Мы сделали адаптированные ментокпии Джерувалю и Мадау, дополнив их правдоподобными воспоминаниями, замещающими их отсутствие на планете. На основе ментокпии Мадау мы создали ее сестру Сиду, не забыв включить воспоминания о ней в исходные записи. Компьютер Кохин-Центра это проглотит. Еще мы добавили воспоминания о небольшой дисфункции головного мозга, своего рода дислексии. Такие расстройства известны на Земле и здесь скорее всего тоже не редкость. Урубун внесет эти сведения в записи при передаче их из прежнего Центра в Кохин. Так что излишней грамотности от вас никто ожидать не станет, а вам будет проще. На следующие шестьдесят дней вы по-настоящему станете Джерувалем, Мадау и Сиду Бхутто. Вы сами будете в это верить. Точно так же, как я верила в свое время, что я — мальчик по имени Чу Ли. Ваши подлинные личности будут недоступны ни ментопринтеру, ни вам самим, пока Урубун не выведет вас из этого состояния.

— Мы понимаем эту процедуру, но, честно говоря, немного побаиваемся, — сказала Чо Дай. — Мы не забыли, что Чу Ли имел на тебя влияние уже после того, как ты восстановила контроль над собой. Когда мы... вернемся, не станем ли мы кем-то другим?

— Вы вспомните все, что происходит сейчас, — ободрила ее Хань. — Но впечатанные воспоминания пропадут не сразу, хотя вы обретете полный контроль над собой. Возвращение к собственной личности будет длительным, но безболезненным. Неиспользуемые воспоминания и навыки просто будут постепенно растворяться, а то, что вам необходимо, сохранится до тех пор, пока будет нужно. Знаете, даже сейчас во мне есть частица Чу Ли, и я дорожу ею. Его бунтарский дух поддерживает меня. Его душа меня не покинула. Что я действительно утратила, так это свою невероятную заносчивость. Но это произошло под влиянием моего собственного опыта, и ментопринтер тут ни при чем. Мы знаем, что сейчас всех новичков в Центре подвергают тщательной проверке и неусыпно следят за ними, поэтому ментокопии должны на время полностью затмить вашу личность. Но вы многое приобретете благодаря им и ничего не потеряете впоследствии. Основная опасность ждет вас при краже перстня. Будьте осторожны. Готовя вас, мы были ограничены временем, но для того, чтобы добыть перстень, ограничений нет, даже если на это потребуются годы. Пусть мы не доживем до того, чтобы увидеть пятый и последний перстень, это сделают наши дети. Единственное, что вам не позволено, — это потерпеть неудачу. И погибнуть.

— Мы будем осторожны и непременно вернемся, — пообещала Чо Дай. — Мы добьемся успеха, ибо так нам предопределено. Мы были с рождения обречены месить грязь на рисовых полях, нянчить детей и умереть молодыми, но боги избрали для нас иной путь, мы исполним их волю. Мы лично отдадим тебе этот перстень. И если есть на то воля богов, то мы сами, а не наши дети, будем стоять у врат Главной Системы, глядя на плоды наших трудов. Ради этого мы выдержим все.

Хань обняла их и расцеловала. Впервые с того момента, как она стала взрослой, слезы выступили на ее незрячих глазах.

— Ловлю вас на слове, — сказала она. — И не прошу, если все будет не так, как вы говорите.

После ментообработки их усыпили и в соответствии с планом Урубубу отправили на Джанипур. Как заместитель начальника службы безопасности Кохин-Центра, тот имел определенные привилегии. Агенты Главной Системы на Джанипуре могли бы все же заподозрить неладное, но для этого им надо было знать, что Урубубу вообще существует. Однако они этого не знали, а заместитель начальника безопасности занимал свой пост достаточно давно и был вне подозрений. Клейбен задумал Урубубу как прототип целой армии существ, предназначенных для того, чтобы избегать любых ловушек Главной Системы, но результат превзошел ожидания. Создатель оказался не в силах контролировать собственное создание, а сделать то, что сделали Козодой и Ворон — видя в Урубубу такого же человека, обратиться к нему с просьбой о помощи, — Клейбену просто не могло прийти в голову.

Итак, в одно прекрасное утро Джеруваль Пешвар проснулся в своем родном городе. С ним были его жена Мадау и ее сестра-близнец Сидау. Он помнил визит в их семью и переговоры об участии Сидау в продолжении рода Пешваров. Сидау, разумеется, уже бывала замужем, но ее муж погиб в результате неудачного эксперимента, пытаясь освоить новый способ глубокой медитации, включающий в себя медленное и предположительно контролируемое удушение. Сати, самосожжение вдов, давно уже было запрещено свободомыслящим правительством этой провинции, в которое входил и отец Сидау, но с этим решением согласились далеко не все, и вне семьи к Сидау относи-

лись с презрением. Поэтому она быстро согласилась на просьбу деверя, да и ее отец был рад, что дочь наконец-то пристроена.

В действительности, разумеется, ничего подобного не случилось, но до семьи Мадау от родного города было далеко, а сам он и обе его жены искренне полагали, что эти события происходили на самом деле.

Хотя ментопринтер передавал лишь знания, а не привычки, новый Джеруваль выглядел достаточно убедительно, чтобы некоторые различия в поведении можно было отнести за счет двухгодичного пребывания в Центре. Семья ничего не заподозрила. Сестры готовили, делали уборку, шили одежду, мастерили украшения. В одежде как таковой джанипуры не нуждались, это было требование приличий, а украшения указывали на принадлежность к касте и общественное положение владельца.

Обе супруги Джерувалья были в восторге от больших рынков, от уличных представлений, от огромного количества людей — одним словом, от того кипения жизни, которое всегда поражает выходцев из провинции даже в небольшом городе.

Если бы они могли вспомнить, что пришли сюда из места, куда более чуждого городу, чем Центр или маленькая деревушка... Что бы почувствовали они, видя, как горожанин на четвереньках подходит к дому, толкая перед собой тележку, потом выпрямляется, берет из тележки груз и поднимается с ним на третий этаж? Но благодаря ментопринтеру подобные сцены не вызывали у них удивления.

Урубуб поручил своим людям приглядывать за Джерувалем и его женами, объяснив это тем, что Джеруваль должен получить повышение и по окончании Рекреации работать в Кохин-Центре. Кроме того, Урубуб был обязан известить о новичках людей из МСС. Теперь это было обязательное требование Главной Системы в отношении любого, кто получал сюда назначе-

ние, и даже после обычной проверки вновь прибывших продолжали держать под пристальным наблюдением. Кто лучше Главной Системы представлял себе возможности трансьютеров и ментопринтеров? Но дело упрощалось тем, что новичков было почти два десятка, и кроме того, Урубун имел дело не с самой Главной Системой, а с МСС и Валом. Он знал, что солдаты никогда не поверят в наличие у пиратов таких возможностей, не говоря уж о решимости ими воспользоваться. По крайней мере он на это надеялся.

«Гром», разумеется, не мог участвовать в миссии непосредственно, но тоже не тратил времени попусту. «Индрус» и «Пират-Один» вели наблюдение, да и остальным нашлось дело. Звездный Орел разработал регистрирующую систему, электронного шпиона, который по возвращении на «Гром» воспроизводил все, что случилось на борту флибустьерского корабля. Этот черный ящик пользовался шифром, известным только Звездному Орлу, и тот был уверен, что код нельзя взломать или изменить без его ведома. Обеспечить кораблям эскадры полную защиту от МСС и Главной Системы было невозможно, но, во всяком случае, теперь имелась гарантия, что ни один из них не будет перехвачен и превращен в троянского коня.

После этого «Сан-Кристобаль», «Чунхофан» и «Бахакатан» получили свободу действий. Джанипур был защищен слабо: Главная Система стремилась помешать краже и успешному побегу, а не высадке на планету. Скорее всего на Чанчуке и Матрайхе, где должны были находиться другие перстни, на данный момент дела обстояли точно так же, но в будущем оборона могла быть усилена с учетом событий на Джанипуре, и поэтому корабли получили приказ произвести подробную разведку. Попутно это давало возможность хоть что-то узнать о тех мирах, где предстояла следующая высадка. Естественно, высаживаться на планетах разведчикам было запрещено.

Кроме того, Звездный Орел не оставлял попыток собрать все, что уцелело после атаки Главной Системы на флибустьерские базы. В этом помощь Савафунга была неоценима. Бывший правитель Халиначи располагал не только обширной информацией, но и кодами доступа к различным автоматам, принадлежащим Главной Системе. Он собирал их буквально по крупинкам, выторговывая у целого поколения флибустьеров в обмен на развлечения в его дворцах удовольствий. Большую часть времени Савафунг проводил на своем корабле, среди привычной роскоши.

«Каотан» и «Молния» пока оставались в резерве, но Такья Мудабур, женщина-амфибия, присоединилась к экипажу «Сан-Кристовалья». Им предстояло посетить несколько водных миров, где она надеялась получить хотя бы намек на то, где находится четвертое кольцо. Это задание было довольно опасным, но выбирать не приходилось.

«Каотан» был выведен в резерв по просьбе Урубубу. Никто не знал, что у него на уме, но вполне возможно, что кораблю отводилась определенная роль в побеге с Джанипура.

Наконец Джеруваль Пешвар со своим семейством распрощался с городом и отправился на северо-запад. В четырех днях пути от города их подобрал один из немногих джанипурских флайеров и в считанные часы доставил в Кохин-Центр.

Он помещался в огромном куполообразном здании, стоящем в отдалении от человеческих жилищ, и выглядел точно так же, как любой другой Центр на Джанипуре или Земле. Основная часть его помещений располагалась под землей.

В соответствии с расписанием сначала их встретила служба безопасности. С каждого была снята ментокопия и отправлена на изучение к компьютерам, которых не так-то легко обмануть. Потом — подробнейшее медицинское обследование. Изучалось не только состо-

яние здоровья, но и каждый шрам, каждая родинка, каждый след давних медицинских процедур... Эти данные сравнивались с теми, что были получены перед Рекреацией. Потом вновь прибывшим выдали кодовые карточки — пропуска в те помещения, куда им позволялось входить, — и показали их новое жилище. Все имущество, включая картины, гобелены и прочие предметы, свидетельствующие о высоком положении своего владельца, было заранее выслано в Кохин.

Хотя, насколько мог судить Уруб, проверка прошла без затруднений, он не собирался спешить с выводом их из-под управления ментопринтерной программы. Пусть получше устроятся, завяжут знакомства. Сидя в кресле, специально сделанном под фигуру джанипуца, Уруб просматривал данные проверки и время от времени слегка кивал. Надзор за новичками входил в обязанности заместителя начальника службы безопасности, и, пользуясь этим, Уруб искал любые изъяны и недочеты, которые можно было бы сгладить или скомпенсировать.

Он едва не пропустил это, и тогда бы могла произойти трагедия. Но даже теперь он не знал, что делать. Разумеется, он не мог предусмотреть все, а Клейбену такая мысль, конечно же, не пришла в голову. Но проблема была серьезной и не из тех, которые легко прикрыть. До сих пор все шло слишком гладко, и теперь Уруб понимал, насколько коварным было ощущение кажущейся безопасности. И все же — что теперь делать?

Уруб давно установил канал связи с «Громом», воспользовавшись несущей частотой спутников Кохин-Центра. Это было одной из его первоочередных задач и стоило ему большого риска. Теперь Уруб использовал его, чтобы послать вызов.

Прежде всего сообщение было передано на спутник, за которым пристально следил замаскированный истребитель. Истребитель переслал сообщение на

«Индрус», а тот ретранслировал его дальше, на «Гром». Оба корабля располагались в нескольких световых годах от Джанипура. Задержка по времени была существенной, но не настолько, чтобы помешать разговору.

— «Гром», мы здорово прокололись, — сообщил Урубу.

— Продолжайте, — ответил Звездный Орел. — Я подключил Козодоя и Хань.

— Мы просто олухи. Мы были так уверены в ментокопиях и трансмьютерах, что прохлопали самое важное. До последнего момента я сам не замечал этого в записях, потому что не искал. На первое время я это прикрою, но ненадолго, а потом все пойдет наперекосяк.

— Да что «это»? — встревожился Козодой.

— Мы сделали сестер Чо полноценными женщинами, а Сабира — полноценным мужчиной и впечатали всем троем программы, которые заставили их думать, что они действительно туземцы, а не просто играют их роль. Все это вполне естественно, но мы упустили из виду возможные последствия. Согласно данным медицинского обследования, обе женщины беременны. Пять, может быть, шесть недель.

— А, черт! — выругался Козодой. Он чувствовал себя идиотом. — Слушай, ведь Мадау по записям значится бесплодной. Это разрушает всю маскировку Сидау.

— Это как раз ерунда. Она не числится совершенно бесплодной, просто ее шансы зачать были слишком малы, а беременность — очень тяжелой. Это мне удастся прикрыть, хотя здесь и станет жарковато. Вопрос в другом: либо мы оставляем все как есть и ждем год или больше, а потом вытаскиваем не только их, но и детишек, либо сейчас же изымаем перстень. Я не предполагал действовать так стремительно, но время не терпит. Месяца три их еще будет просто поташнивать, но на четвертом и пятом месяце они начнут все чаще опускаться на четвереньки. К середине шестого

месяца они уже не смогут подыматься, и у них отрастут рога. У них не будет пальцев, Козодой, до тех пор, пока не закончится восстановительный период. А это пять-шесть месяцев. Что делать?

Козодой вздохнул:

— Да, да, понимаю. Мы обсудим это все вместе и примем решение.

— Единственный плюс во всем этом — ни МСС, ни Главная Система вряд ли заподозрят двух беременных женщин в том, что они — подсадные утки. Кроме того, вполне естественно, даже нормально вернуться из Рекреации с ребенком. Но вот такие мелочи и бьют наповал. Козодой, я не смогу вытащить отсюда всех. Двое четвероногих малышей с разумом новорожденного — я просто не представляю себе, как это сделать. Не говоря уж о том, что Сидау выпихнут из Центра в два счета, когда появится законный наследник.

— Риск ожидания хуже, чем риск поспешить, — твердо сказал Козодой. — Мне это не по душе, но иного выхода я не вижу. За девяносто дней мы должны все закончить. Теперь нам дорога каждая мелочь, которую ты сможешь узнать об охранной системе. Пробуди своих спящих. Мы начинаем.

2. ПЕРСТЕНЬ МИРА

Первые несколько недель были посвящены знакомству с Кохин-Центром: что где расположено, что можно делать, а чего нельзя, кто имеет значение, а кто нет, у кого власть и кого следует бояться прежде всего. Во многих отношениях это было важнее, чем изучить новые обязанности.

Впрочем, жизнь в Кохин-Центре, если не считать чрезвычайных происшествий, которые случались крайне редко, текла медленно, можно сказать — лениво. Прежде Джеруваль Пешвар был простым статистиком, но теперь, получив повышение, стал оценщиком низшего уровня. Это означало, что большую часть времени он проводил в общении с компьютерами и разглядывании графиков в поисках потенциальных источников будущих неприятностей. Обнаружив таковые, он передавал свои наблюдения специалистам, которые принимали окончательное решение. Такая работа была связана с определенным риском: если он пропускал что-нибудь, свалить вину было не на кого. В то же время она давала реальные возможности для продвижения, ибо верные наблюдения облегчали жизнь вышестоящим чиновникам, которые благосклонно взирали на того, кто уберег их от неприятных случайностей.

Первое задание, которое получил Джеруваль, служило скорее проверкой на профпригодность: с учетом соотношения между приростом населения и смертностью ему предстояло спрогнозировать возможные труд-

ности с продовольственным снабжением, распределением рабочих мест и работой городских служб — одним словом, расписать обычные проблемы большого города, связанные с перенаселенностью. Джанипурская экономика базировалась в основном на натуральном хозяйстве, и немногочисленные города являлись, как правило, не более чем поставщиками предметов роскоши и услуг в правительственные и религиозные центры. Обработанной земли там, разумеется, не было, и в продовольственном отношении города целиком зависели от поставок из деревень. Вместе с тем сюда в огромном количестве стекались разочарованные в сельской жизни индивидуумы, а также те, кто разочарился, обеднел или готов всю жизнь искать горшок с золотом, зарытый там, где кончается радуга. Благодаря этим личностям численность городской бедноты порой резко возрастала, начинался рост преступности, бродяжничества, который ставил под угрозу стабильность системы. Дети, рожденные и выросшие в городе, с трудом возвращались к сельской жизни, и поддерживать равновесие, не нарушая технологических заповедей, было нелегко.

В результате в Центре существовали и процветали администраторы, чья деятельность была поистине ужасающей. Она могла бы послужить причиной для бунта, если бы простые смертные о ней узнали. Министр чумы и моровой язвы мог быстро сократить население до требуемых размеров, а безобидный на первый взгляд министр метеорологии имел под рукой все, что нужно, чтобы устроить стихийное бедствие любого масштаба. Впрочем, он же мог пролить и благодатный дождичек на поля, погибающие от засухи. Именно к этим важным особам и попадали доклады, которые составлял Джеруваль Пешвар.

Его работа не требовала особых усилий, основную часть ее делали компьютеры. И если бы не обязательные Рекреации, она, возможно, показалась бы ему из-

лишне легкой. Однако непросто решиться посоветовать наслать моровую язву на тех, с кем ты прожил три месяца и к кому, быть может, успел привязаться. Официально Джерувалья перевели на новое место именно из этих соображений: оценщикам не позволялось исследовать обстановку в родных краях.

Семья Джерувалья жила в Кохин-Центре уже больше четырех недель, и пока все шло гладко. Все трое уже успели облазить весь Центр — разумеется, незасекреченные помещения — и даже побывали в музее, расположенном на главном уровне. Они любовались шедеврами джанипурских ювелиров, огромными самоцветами и дивной работы украшениями из дерева и металла, собранными со всей планеты. Но главным сокровищем музея был Священный Перстень Мира — необычайно крупный золотой перстень, украшенный блестящим черным камнем. На гладкой поверхности были искусно вырезаны две птички, сидящие на одной ветви и глядящие друг на друга. Этот экспонат был одним из немногих, которые время от времени выставлялись на всеобщее обозрение. Величайшая и таинственная реликвия, наследие Материнского Мира, передавалась из поколения в поколение и служила священным символом власти.

В последнее время Мадау чувствовала себя неважно. Ее стало поташнивать при ходьбе, и порой на нее накатывали приступы дурноты. Впрочем, она стала есть даже больше, чем обычно, налегая при этом на свежие овощи и приторные сладости, хотя до сих пор не была сладкоежкой. Сначала она не обращала на это внимания, но когда те же симптомы проявились у Сиду и у обеих два раза подряд в положенный срок не наступили месячные, сестры решили обратиться к врачу, чтобы убедиться, что это не инфекция. Из записей, сделанных по прибытии, медики уже знали истинное положение вещей, но, помня о бесплодии Мадау, провели более тщательную проверку. У Мадау

был срок в одиннадцать недель, а у Сиду — около девяти. Эта новость поразила женщин, не говоря уже о Джерувале, и мысли их все больше и больше сосредоточивались на будущих детях.

В этот момент все трое получили приглашение к Нуриму Бойлу, заместителю начальника службы безопасности. Оно было совершенно неожиданным, но они понимали, что приглашение к такому человеку равноценно приказу.

Горбоносый Бойл был довольно рослым для джанипура. С лица его не сходило брезгливое выражение. Он производил впечатление человека опасного, совершенно лишённого высоких чувств. Бойл встретил их в маленьком кабинете, расположенном на административном уровне, а не там, где располагалась служба безопасности. Это тоже было достаточно странно, но по крайней мере, чтобы пройти туда, не требовалось оформлять многочисленных пропусков. Бойл запер дверь, предложил им сесть, несколько секунд помолчал, рассматривая их, а потом произнес по-английски странную фразу:

— Урбу уносит Клейбена. Молния следует за громом.

Несколько мгновений длилось молчание, и вдруг, словно пелена упала с их мыслей, внезапно проявилась и вышла на первый план скрытая, но главная часть их личности. Они по-прежнему оставались джанипурами, но теперь знали, кто они на самом деле, зачем они здесь и кто такой Бойл.

Урбу вновь заговорил на джанипурском хинди. Этот язык вполне соответствовал тому, что он хотел сказать, а говорить на нем всем трем было легче и безопаснее.

— Эта комната не прослушивается, вернее, сигналы подавляются помехами. Сейчас в Центре более шестидесяти эмэсэсовцев, и это одно из немногих помещений, где можно повернуть какое-нибудь сомнительное дельце. Но помните, что ваше жилье и рабочие

места постоянно прослеживаются. Это не значит, что вы под подозрением: такова обычная практика в отношении новых сотрудников. Когда придет время, я позабочусь и об этом. Ну, достаточно ли у вас прояснилось в голове, чтобы я мог перейти к делу?

— Д-да, кажется, — ответил Джеруваль-Сабир. — Но сейчас это невозможно. Обе женщины беременны.

— Я знаю. Вот почему мы вынуждены ускорить ход дела.

— Они не в состоянии... Только не сейчас! Мы должны дождаться подходящего момента, сколько бы это ни заняло времени!

— Вот речь защитника и папаши! — саркастически заметил Урубу. — Я буду с вами откровенен. У нас есть план, и если наши женщины верно сыграют свою роль, он может сработать. Уйти будет сложнее, возможно, придется перебить уйму народу, но шанс на успех есть. В головоломке все еще недостает одного кусочка, и вы должны его отыскать. Беременность — неплохое прикрытие. Уверяю вас, никому и в голову не придет вас заподозрить.

— Нет, нет! — горячо заговорил Джеруваль. — Тело Мадау уже начало изменяться. Через две, максимум через три недели она уже не сможет нам помогать. Сиду продержится немного дольше, но... — Он замаялся, пораженный внезапной мыслью. — Мы ни за что не дадим согласия на аборт.

Урубу взглянул на женщин. Те дружно кивнули.

— Ну что ж... — вздохнул он. — Честно говоря, я никогда всерьез не задумывался об этом, и к тому же аборт вызвал бы массу трудностей и подозрений. И вот итог: если даже предположить, что мы сумеем стянуть эту чертову штуковину и удрать из Центра, все силы уже погонятся за нами, и это будет хуже любой чумы. Мы не сможем использовать флайеры, поскольку все они контролируются системой безопасности Центра. Значит, придется уходить пешком, прячась, где только

можно. Такой грандиозной облавы эта планета еще не видела. За нами будут охотиться эмэсэсовцы, Вал и сверх всего — Главная Система. Я работал над подготовкой побега, но все предусмотреть невозможно. Гарантий успеха нет, но верно как смерть, что с двумя детьми он будет просто невозможен. И оставить их здесь нельзя, даже если бы вы согласились на это. Их используют как приманку или просто публично казнят. Две беременные женщины — хлопотный груз, но все же это проще.

— А если мы подождем, пока...

— Пока что? — резко перебил его Урубуб. — И главное — сколько ждать? Год? Два? До следующей Рекреации? Я не могу прикрывать вас бесконечно, и к тому же вы скорее всего нарожаете еще детишек. А Сиду придется отправить домой к семье, которая, между прочим, даже не подозревает о ее существовании. Нам нельзя ждать. Или мы приступаем немедленно, или оставляем вас здесь насовсем и будем искать способ прислать сюда других людей, чтобы закончить дело. А вы что об этом думаете, барышни? Вы здесь главные. Вам есть что сказать?

Сестры переглянулись. По правде говоря, в их мыслях царил разлад. В глубине души они были возмущены внезапным вторжением в их счастливейшую жизнь. Привычки и взгляды, усвоенные ими не только вместе с ментокопиями, но и оставшиеся с крестьянского детства на Земле, твердили, что интересы ребенка стоят превыше всего остального. Однако этот желанный путь шел вразрез с честью и, кроме того, мог вообще оказаться недоступен.

— Что вы имели в виду, говоря, что мне придется вернуться домой? — спросила Сиду.

— Именно то, что сказал. Можете спросить своего мужа. Вас терпят здесь только потому, что вы должны осчастливить Пешвара ребенком, что вы, кстати, и делаете. Но есть одно непредвиденное обстоятельство —

его законная жена тоже беременна, хотя и считалась бесплодной. Впрочем, это примерно то же самое, что объявить вулкан погасшим. Крайний срок — два года, после чего вас вежливо попросят убраться. Вас пропустят через ментопринтер и уберут из вашей памяти все воспоминания о чудесах Центра. Вы будете помнить только, что жили в обычном большом городе. Ребенок официально принадлежит Мадау, поскольку вы заранее согласились на это. Юридически вы не вправе возражать — ведь ваш отец судья, помните? — поскольку согласились без принуждения. Вы просто подставная мать, и не более того. Так что остаться здесь вы не сможете, но и вернуться вам будет некуда.

Сидау была потрясена.

— Это все его выдумки, чтобы нас заставить? Правда? — повернулась она к Сабиру.

Тот вздохнул:

— Боюсь, что нет. Боюсь, он говорит чистую правду, хотя, вероятно, есть способ как-то избежать этого. Почти все на свете можно обойти. Но даже если предположить, что это невозможно, мы могли бы все-таки дать главному компьютеру «Грома» еще год, чтобы все рассчитать с учетом сложившейся ситуации. Если мы начнем операцию так поспешно, то скорее всего погибнем.

Уруб, откинувшись в кресле, внимательно изучал всех троих. Он предвидел такой поворот, но не особенно беспокоился. Пока что.

— Вот что я вам скажу. В ближайшие день-два сходите-ка еще разок в музей и осмотритесь хорошенько. На этот раз — с профессиональной точки зрения. Я хочу знать, можно ли вообще его свистнуть, а если можно, то как и что для этого нужно. Хотя бы это вы можете для меня сделать?

— Мы не вправе отказать вам, — ответила Чо Дай-Мадау. — Только дайте нам три дня, считая от сегод-

няшнего. И нам нужно какое-то место, где мы могли бы спокойно поговорить, не опасаясь подслушивания.

— Что касается последнего, то полных гарантий дать не могу, но я зарегистрирую ваши карточки на этот кабинет. Он находится на общей территории и официально ни за кем не закреплён. Но те, кто за вами следит, могут заинтересоваться, что вы здесь делаете, так что не ходите сюда слишком часто. Впрочем, особо опасаться тоже не нужно. Приходите открыто и уверенно. Уверен, что из мелких неприятностей вы сумеете выбраться сами. Мы встретимся через три дня, но не здесь. Я все устрою и вызову вас. Идет?

Все промолчали, не зная, что возразить.

У сестер Чо имелся богатый опыт по части незаметного обследования цели. В другую эпоху и в другом месте они бы, наверное, грабили банки — и с огромным успехом. В течение следующих трех дней они поодиночке посещали музей, а потом весьма убедительно разыграли случайную встречу и никого не насторожили. Да и вряд ли бы кто насторожился. Чрезвычайно самоуверенные мужчины из службы безопасности не обращали внимания на двух беременных женщин.

На исходе третьего дня сестер вызвали в клинику для каких-то текущих анализов. Их привели в маленькую комнату и велели ждать. Когда через несколько минут появился Урубу, они почти не удивились.

— Вы воспользовались тем, что Джеруваль еще на работе, — заметила Чо Май.

— Да. Я не пытаюсь разделить вас нарочно, но поймите — Сабир всего лишь оправдание вашего присутствия в Центре. Если можно обойтись без непрофессионалов, я стараюсь без них обойтись. Непрофессионалы вечно все портят. Ну как, вы узнали то, что вам нужно?

Сестры кивнули.

— Большая внешняя дверь запирается замком, который с виду похож на простой механический, но это

иллюзия. Поворотами ключа надо набрать определенную комбинацию. Она несложная. Если у нас будет деревянная или металлическая болванка подходящего размера, открыть замок не составит труда. Можно воспользоваться и простой отмычкой, но это будет дольше.

— После наступления темноты охранники делают там обход каждые пять минут, — сказал Урубу, — так что времени мало. Мониторы можно обмануть, но долго держать на экранах помехи слишком рискованно. Ключ заперт в витрине в помещении службы безопасности, и я частенько на него смотрел. Я приблизительно представляю, как он выглядит, и могу обеспечатить вам копию. Но дубликат может не коснуться всех датчиков в замочной скважине.

— Этого и не требуется. Главное — сохранить порядок поворотов ключа. Механизм очень простой. Внутренняя дверь управляется компьютером. Замок снабжен цифровым кодом и реагирует на отпечаток ладони. Я споткнулась у двери и, разумеется, чисто случайно оперлась ладонью на пластину замка. Сенсоры ощупали мою ладонь, сравнили ее с образцом, а потом вспыхнула красная лампочка. Сравнение заняло долю секунды. Значит, понадобится вырезанный отпечаток ладони и кое-какие инструменты, но не думаю, чтобы возникли трудности. Этот замок куда проще, чем у Клейбена на Мельхиоре.

Урубу кивнул:

— Хорошо. У меня есть обрывки записей прослушивающих устройств и телекамер. Я использую их и позабочусь, чтобы компьютер счел записи непрерывными. Итак, вы попали внутрь. Что дальше?

— Там повсюду световые лучи, — сказала Чо Дай. — Прямо как паутина. Видеть лучи я не могла, но примерно определила их рисунок по маленьким дырочкам в стенах и потолке. Что-то похожее было в Китайском Центре. Чтобы избежать их, требуется легкая ширма из отражающего материала. Она должна дохо-

дить до витрины с перстнем и еще немного дальше. Я набросала чертеж. Самим нам ее не сделать, но без нее ничего не выйдет.

Уруббу взял чертеж и принялся внимательно его разглядывать. Идею он понял сразу же, хотя вынужден был признать, что ему такое и в голову не приходило.

— И еще понадобится какая-нибудь лампа, — вмешалась Чо Май, — она не помешает маскировке. Мы сошьем себе на копыта чехлы и сможем передвигаться тихо. Но вам придется позаботиться о наблюдательных телекамерах.

— Они такие же, как на входе и в коридоре. Не думаю, что нужно о них беспокоиться. По-моему, они автоматические и включаются при срабатывании сигнализации. А если сигнализация сработает, у нас хватит хлопот и без телекамер. Продолжай.

— Саму витрину открыть нетрудно, но для этого нужны двое. Ключи вставляются на противоположных сторонах витрины, и надо повернуть их практически одновременно. Тогда витрина откроется, а сигнал тревоги не включится. Сложность еще в том, что это простые щеколды с пружинами, и, значит, ключи необходимо удерживать все время, пока витрина открыта. Другими словами, двое должны заниматься замками, а третий — открыть витрину и взять перстень.

— А сам перстень? Нет ли на нем весовых датчиков или дополнительного замка?

— Мы думаем, нет. Это же церемониальный перстень. Его вынимают очень часто. Витрина сама по себе достаточно надежна. Ее трудно открыть вору, но верховному администратору нужно всего-навсего взять двух помощников и ключи. Охрана музея его не волнует, поскольку она действует, лишь когда перстень заперт. Он берет его, когда витрина открыта, а ее открывают, как только он пожелает.

Уруббу кивнул:

— Он всегда берет перстень днем, когда вокруг уйма людей. Если бы существовали какие-то сложные меры предосторожности, их бы любой увидел. Наверное, вы правы. Им достаточно того, что у них уже есть.

— После того как музей закрывается, появляется еще кое-что, — сказала Чо Май. — Длинная плитка перед самой витриной, похоже, соединена с весами. Днем она опущена, а ночью ее, я думаю, поднимают. Мы заметили ее потому, что над нею протерся ковер.

— В инструкциях, полученных мной насчет охраны музея, упоминался весовой датчик. Видимо, это он и есть. Но он не соединен с компьютером, во всяком случае, непосредственно. Скорее всего он пускает усыпляющий газ или включает какое-то парализующее поле, чтобы не дать грабителю смяться. Подробности мне не сообщали. Так, значит, он не даст подойти к замкам?

— Да, но дело не в этом. Ключи можно повернуть и сбоку, а вот для того, чтобы взять перстень, необходимо стоять прямо перед витриной. Он лежит на подставке под увеличительным стеклом, и тянуть его надо назад и вверх. Крышка и передняя стенка витрины составляют одно целое, так что наверх тоже никого не посадишь. Не проще ли стянуть перстень у верховного администратора, когда он его наденет?

— Ну да, когда вокруг столпятся все эмэсэсовцы и постоянная охрана Центра! Я подумывал даже, не стать ли верховным администратором мне, но это пустая затея. У меня не будет даже времени, не говоря уж о месте, чтобы завершить превращение и прибрать за собой. Он ни на секунду не остается по-настоящему один, а когда берет перстень, то не снимает его, пока не кончится церемония. Потом он кладет перстень на место. Я посоветуюсь с «Громом», но подозреваю, что в итоге мы сможем добраться до перстня, а вынуть его не сумеем. Придется искать способ обойти весовой датчик. Хотел бы я знать, на какой вес он рассчитан.

Подробные сведения об устройстве охранной системы доступны только верховному администратору и начальнику службы безопасности. Так или иначе, мне до них не добраться. Но все равно — дайте мне подробный список того, что вам нужно, а я постараюсь это раздобыть.

— Странное дело, — сказала Чо Дай, — если они по меньшей мере подозревают, что мы придем за перстнем, и держат здесь целую армию, то почему бы им не наставить всяких приборов, помимо обычных? Таких, в которых и Звездному Орлу не разобраться?

— Нет. Я уже знаю ответ на твой вопрос. Тут дело оборачивается в нашу пользу. Во-первых, они полагают, что и эта система достаточно надежна, а во-вторых, по сути дела, не так уж беспокоятся о перстне. Они уверены, что нам не уйти, и, видимо, решили проследить за нами, а не задерживать. По крайней мере задержать не всех, и конечно же, не того, у кого будет перстень. Сам по себе он не имеет особого значения. Без остальных четырех он бесполезен. Но где-то рядом, где-то в пространстве прячутся автоматические истребители и, возможно, парочка кораблей МСС под командой Вала. Они хотят добраться до всех. Им нужен «Гром» и вся наша флотилия.

— Раз так, то почему бы им не облегчить кражу? Урубил хмыкнул:

— Тогда бы и мы насторожились, верно? В общем-то мне самому не до конца это ясно, но... — Он внезапно прищелкнул пальцами. — Похоже, я понял! То же самое сделал бы я на их месте. И если я прав, мы используем это против них. Отход будет нелегким и очень рискованным, но мы можем справиться. Итак, вы украдете перстень. А я выведу вас отсюда, если это вообще возможно.

— Мы... мы... все еще в растерянности, — призналась Чо Дай. — Все мысли у нас перепутались, и мы не знаем, в чем же наш долг.

— Совсем недавно вы считали себя чудовищами, — заметил Урубу. — Это уже прошло?

Они переглянулись, потом посмотрели на него.

— Нет, в глубине души это осталось. Но когда мы позволяем нашим псевдоличностям взять верх, то вполне довольны жизнью. Но в отличие от тебя мы останемся в этом облике навсегда, а на Джанипуре все люди такие же, как мы. Это как-то... утешительно. Но там — там и мы и наши дети действительно будем чудовищами.

— Все мы чудовища, каждый на свой лад, — философски заметил оборотень. — Вы по крайней мере что-то собой представляете. Вы знаете, кто вы и что вы такое. А я — нет. Я никогда не стану одним целым, сколько бы я ни прожил и сколько бы других личностей я ни поглотил. Хорошо, наверное, быть человеком, растить детей, смотреть в будущее и чувствовать умиротворение. У меня никогда этого не будет. Никогда. Если мы выберемся, на борту «Грома» вас будет пятеро, потом семеро, а может быть, и больше. У вас есть хорошие шансы сделаться преобладающей расой среди пиратов, и, если мы преуспеем, будущее ваших детей обеспечено. А что касается меня, моя цель — только игра. Она доставляет мне удовольствие, но будет ли существовать Главная Система или нет, я не изменюсь и не выиграю ничего.

Сестры были поражены. Они ни разу не задумывались над этим, но теперь их собственные трудности казались уже не такими существенными. Урубу действительно не выигрывал ничего, он просто вел игру на свой страх и риск.

— Не рассказывайте пока своему мужу о нашей встрече, если только он не спросит вас там, где можно будет ответить без опасений. Я поразмыслию над тем, что вы говорили, и вызову вас опять. А теперь — ступайте.

Мадау-Чо Дай встала и, порывшись в кошельке, висевшем у нее на шее, достала три маленьких предмета, тщательно завернутых в ткань.

— Они очень хрупкие, — предупредила она, разворачивая их.

Урубун недоуменно уставился на ее ладонь и вдруг понял, что это такое.

— Слепки... Вы сделали слепки!

— Ну, это было не так уж трудно, — ответила Чо Дай, но он не слишком поверил. — Просто закажите ключи.

Урубун осторожно коснулся одного слепка. Тот был твердым как камень.

— Из чего вы их сделали?

Чо Дай усмехнулась по-джанипурски, оскалив все зубы.

— Тесто. Очень плотное тесто. Идеальный материал для слепков, хотя и не слишком долговечный.

Только теперь Урубун начал наконец понимать, с кем имеет дело.

Ему предстояло сделать многое, но в первую очередь он связался с «Громом». Козодой внимательно выслушал его сообщение, и роботы немедленно приступили к изготовлению того, о чем говорилось в файлах, присланных с Джанипура. Перебросить эти предметы с «Грома» было гораздо проще, чем с огромными предосторожностями производить их на планете, да и уровень технологии на борту был несравненно выше.

Гораздо сложнее оказалось разработать план. От Звездного Орла особой помощи ждать не приходилось. С учетом поправок на неизвестные переменные он оценил вероятность успеха, и она колебалась в промежутке от 0,3 до семнадцати процентов. Единственное, что мог предсказать компьютерный пилот, — это реакцию Главной Системы и Валов, но МСС состояли из людей, а их действия не поддаются прогнозу. Даже

флибустьеры, которым приходилось иметь дело с эмэ-сэсовцами, могли поручиться лишь за их непоколебимую верность Главной Системе и огромный энтузиазм. Способен ли офицер перехватить у Вала командование во время боевых действий, оставалось неясным, но не подлежало сомнению, что всякий уважающий себя генерал способен достаточно вольно толковать получаемые приказы. Если он окажется прав, награда будет велика, если нет — его ждет суровое наказание, но ни один офицер, убежденный в собственной правоте, не поддается позорной нерешительности.

Члены экипажа «Грома», имеющие опыт в военных вопросах, собрали воедино всю имеющуюся информацию, и настало время подвести итоги.

— Ну что ж, — начал Ворон. — Итак, мы даем им оборудование и отмычки, о которых они просили. Во время операции Урубу должен быть на дежурстве, чтобы прикрыть их, если сработает сигнализация. Сабир... этот малый меня беспокоит. Но, я думаю, можно использовать к общей выгоде этот приступ мужского шовинизма, накотивший на нашу бывшую индусскую леди. Когда он узнает, что все уже решено, держу пари, у нас появится дополнительный стрелок. Значит, они входят внутрь, ставят эту чертову ширму, добираются до витрины и начинают орудовать ключами. Теперь надо решить, что делать с этой пластиной, на которую кто-то должен встать, чтобы добраться до перстня. На какой вес она рассчитана?

— Крысы, — невозможно заявила Вурдаль.

— Прошу прощения?

— Сотрудники Центра — это в основном классические индусы, с их неизменным уважением ко всему живому. Меня всегда удивляло, как это человек боится прихлопнуть муху, но ближнего своего готов запросто отправить на тот свет. Так вот, в Центре полным-полно крыс, конечно, не совсем обычных, и выглядят они довольно жутко. Я специально интересовалась.

Здоровенные, сплошь покрытые шерстью, но во всем остальном — крысы как крысы. Они живут в вентиляционных ходах. Для джанипурцев там слишком тесно, да они и не убивают крыс. Они даже стараются подкармливать их — в определенных местах, чтобы те не наносили большого ущерба. Крысы боятся людей, но если их зажать в угол, то могут напасть стаей. И они очень большие.

Ворон, кажется, ухватил ее мысль.

— А в музее?

— Ты думаешь, что там нет вентиляции? Отдушины наверняка зарешечены, но быюсь об заклад, что время от времени несколько крыс пробираются внутрь, и их приходится выгонять пинками. Они ведь должны попадать в эти световые лучи, не правда ли?

Ворон немного подумал.

— Да, конечно. Должны. И сразу же включится тревога... нет. Наверное, нет. Тогда крысы регулярно устраивали бы им тревоги по первому разряду. Даже если бы изначально охранная система реагировала на них, ее бы скоро переделали, чтобы не свихнуться.

— Точно. Кроме того, эти крысы — великолепный резерв на случай, если кто-то попытается добраться к цели через вентиляционные ходы. Скажем, маленький робот. Он непременно потревожит крысиные колонии, и либо поднимется тревога, либо то помещение, куда ты стремишься, будет битком набито крысами. Да, это мысль. Если устроить им такой сюрприз накануне, они могут решить, что и на следующую ночь крысы опять пролезли через незамеченные дыры.

— Ну да. Только эти ребята наверняка соображают не хуже нас с тобой. Ты вряд ли пустила бы это на самотек. Нет, ты бы поставила там охрану или всю ночь напролет латала бы крысиные дыры. Но я вижу, к чему ты клонишь. Я пропустил эту подробность в докладе. Если они достаточно большие и время от времени забираются в помещение, то световые лучи не

предназначены для включения общей тревоги. Тогда что же они включают?

— Безусловно, камеры и микрофоны. Луч прерывается, они включаются, а на посту охраны раздается сигнал. Потом они смотрят на экраны и видят крыс. Что тогда?

Ворон задумался, но ненадолго.

— Ну, либо они приходят и выгоняют крыс, либо выключают лучи... Слушай! Надо спросить Урубуну! Если он может подменить передачу с внешних видеокамер, то эту тем более. И не понадобится тащить туда эту зеркальную штукину, которая еще неизвестно, работает ли. Мы ведь не сможем точно выставить углы отражения. Ну, ты умница!

— Остается лишь этот весовой датчик под ковриком? — сказала Вурдаль, стараясь не показать, как она польщена.

— Так-так... Сколько могут весить эти твари? А если их соберется несколько? Килограмм? Два? Крысы ведь стадные животные. Поодиночке они бегают редко. Пожалуй, на эту платформу могут запрыгнуть одновременно штуки три. И безусловно, предусмотрен запас... Выходит, чтобы сработала эта штука, понадобится порядочный вес. — Ворон помедлил. — Нет. Забудьте. Там же есть и мелкие животные, вроде обезьян, не говоря уж о всяких ручных зверушках. Наверняка конструкторы предусмотрели, что кто-то может попытаться добыть перстень с помощью дрессированной макаки. Но даже если в нашем распоряжении килограммов шесть-семь, этого все равно недостаточно. И потом, кто-то должен еще и закрыть витрину. Не исключено, что там есть что-то вроде реле времени, и если витрина останется открытой слишком долго, оно может сработать. А может, сигнал тревоги вообще включается всякий раз, когда витрину открывают. Я сделал бы именно так.

— Но уровень секретности здесь ниже того, к чему мы привыкли. И технология тут беднее. Охранную систему проектировали люди, а не машины, и предназначена она для того, чтобы уберечься от людей. Возможно, когда витрина открыта, где-то начинает звенеть звонок. Но все равно при этом всего лишь включатся телекамеры, чтобы дежурный офицер смог решить, ложная это тревога или нет. Практически все, что там есть, кроме весовой платформы и самих замков, предназначено именно для этого. Если заблокировать эти каналы, охранный пост будет глух, слеп и нем. Вот где у них слабое место. И потом, здесь не так уж много преступников.

Ворон кивнул:

— Ничего не знаю о здешних уголовниках, но система явно сконструирована так, чтобы отбить охоту у желающих попытаться. Кроме того, они не очень сильно пекутся о самом перстне. Похоже, они уверены, что никто не сможет уйти с добычей. И в обычной ситуации они были бы совершенно правы. Это же Центр, черт побери! Все контролируется компьютерами. Коды, следящие устройства и прочая дрянь. Посмотрим правде в лицо — без Уруб мы, может быть, и сумели бы стянуть эту штуковину, но вынести ее — никогда. Вся разница в том, что заместитель начальника службы безопасности на нашей стороне, а такой случай у них не предусмотрен. Чем больше я думаю о нашей группе, тем больше понимаю, насколько тщательно кто-то ее подобрал. В конце концов, предполагается, что у нас должен быть шанс на победу, хотя и придется помахать кулаками.

— Ладно. Но все-таки это не решает проблему с весовым датчиком.

— Уруб предложил одну идею. Мне она не особенно нравится, но альтернативы может и не быть. Впрочем, сначала нужно проверить нашу джанипурскую парочку, тогда станет ясно, сработает ли это во-

обще. Давайте подумаем над отходом. Если мы прохлосаем какую-нибудь ловушку, все пропало.

Вурдаль кивнула:

— Пожалуй, тут мы вправе целиком рассчитывать на Уруббу. В конце концов, в это время он будет на дежурстве и скорее всего старшим по званию среди прочих охранников. Любой из нас в такой ситуации смог бы прикрыть остальных, но против серьезного прокола или сигнала общей тревоги даже Уруббу бес-силен. Впрочем, это все же его проблемы. Но, допус-тим, они вышли и бегут в заранее обусловленное место встречи. Где это?

— В клинике. Уруббу позаботился, чтобы туда можно было войти в любое время, не вызывая подозрений.

— Хорошо. Надо будет еще подготовить парочку сюрпризов — просто на всякий случай. Несколько мелких пакостей, которые можно было бы привести в действие дистанционно. — Ворон ухмыльнулся. — Бомбочки или еще что-нибудь в этом духе.

— Уруббу организовал целую цепь укрытий вдоль маршрута отхода, но, как только обнаружится кража, начнется облава. Мы сможем подобрать их, только если вокруг будет чисто, а значит, им придется надолго залечь на дно. Хотя, возможно, мы сумеем обвести МСС вокруг пальца. Когда Уруббу получит оборудова-ние, истребитель, на котором он прибыл на Джанипур, станет ненужен. В любом случае добираться до него слишком долго. Если правильно рассчитать время, возможно, удастся убедить Центр, что грабители на борту истребителя. Надеюсь, они все как один устре-мятся за ним в погоню.

Вурдаль кивнула:

— Попробовать можно, но, если не выгорит, нам останется только одно.

— Да, — вздохнул Ворон. — Сражение в космосе. Корабли против кораблей. Хорошо еще, что они недооценивают наши силы.

— С тем же успехом они могут их переоценивать. Надо отозвать из разведки все флибустьерские корабли и провести учения. До сих пор эти флибустьеры неплохо удирали и прятались. Хотелось бы мне знать, каковы они будут в бою.

Когда план действий окончательно оформился, Уруббу встретился с Сабиром наедине. Новоявленный «муж» окончательно вошел в свою роль и долго негодовал по поводу того, что Уруббу разговаривал с его женами заранее и втайне от него. Понадобилось немало усилий, чтобы его успокоить, и поведение Сабира тревожило Уруббу не меньше, чем предстоящая операция. Сабир был ему мало знаком, а любая ошибка могла оказаться роковой.

— Мне это все очень не нравится, — холодно сказал Сабир. — Я уже высказал свое мнение, когда вы впервые вывели нас из-под влияния ментокопий. У Мадау начинают отрастать рога. Не думаю, что мы имеем право так рисковать.

Уруббу чуть заметно пожал плечами:

— Вполне возможно. Однако сила воли порой творит чудеса, и наше время еще не вышло. Они настроены на победу, Сабир. Они готовы. Я тоже готов. Единственный, кто до сих пор под вопросом, — вы.

— Что вы хотите сказать?

— Я слышал, что вы с самого начала были не особенно воодушевлены перспективой стать джанипурцем. Но тогда вы считали это своим долгом, и будь вы мужчиной до трансмутации — скажем, капитаном Пачиттавалом, — я мог бы успешнее предсказать ваше дальнейшее поведение. Но вы были женщиной. И все же я думаю, что, принимая решение, вы знали, на что идете. Мы — все мы — висим на волоске, и наша жизнь не имеет значения. Значение имеет только задание. Мы не великомученики и постараемся выжить,

но гарантий никаких. Вы были рождены флибустьером, вы не какой-нибудь разгребатель грязи из захолустной колонии. У вас должна быть честь.

— Вам легко рассуждать о чести, — ответил Сабир. — Вы ничего не выигрываете, кроме удовлетворения маленькой победой в вашей личной войне с Системой. Но вам нечего и терять. Раньше я не задумывался об этом, хотя всем нам следовало бы учесть такую возможность. Видите ли, до сих пор у меня вообще ничего не было. Я была одиннадцатым ребенком в семье, а мои родители на четвертом десятке выглядели лет на сто. Они едва сводили концы с концами, вкалывая на маленькой шахте на астероиде, во всеми забытой дыре. В тринадцать лет я нанялась механиком на флибустьерский транспорт, только для того, чтобы иметь возможность удрать оттуда. Капитан поразвлекся со мной, глупой и наивной, и бросил меня в маленьком поселении. Я была всего лишь обманутым ребенком и ежечасно старалась выжить и чему-нибудь научиться. Иногда я продавала свой труд, а когда не могла продать его, продавала себя. Но каждый раз я училась чему-то, и потом мне это пригодилось. Я служила на двух десятках кораблей и наконец наткнулась на «Индрус», которым владели мои дальние родственники. Они приняли меня, хотя и не нуждались во мне. Конечно, я согласилась напрасно, но мне так хотелось хоть немного побыть среди своих! Оба мужчины на «Индрусе» женаты и верны своим женам. У меня нет ничего своего. И никогда не было. Вот почему я согласилась. Я ничего не теряла.

Уруббу кивнул:

— Да, понимаю. И вот ни с того ни с сего вы получаете положение в обществе, ответственность за других, а в перспективе — еще и двоих малышей. У вас не было ничего, а теперь есть все, вы не думаете ни о своем задании, ни о своих женщинах. Разве это не эгоистично?

— А с чего бы мне не быть эгоистичным? — ошестинился Сабир. — Кто и когда давал мне хоть что-нибудь? Что я должен им, вам или кому-то еще?

— Меня нисколько не заботит, кому и что вы должны и что вы об этом думаете. Прошлые ваших жен было гораздо тяжелее вашего, и все же они остались верны своему долгу. Но даже если вы нас выдадите, то не получите никакой награды, о чем и сами, вероятно, догадываетесь. Ваш разум разберут по кусочкам и точно так же поступят и с остальными. Ваше тело, возможно, останется жить, но это все равно что выстроить дом на чужой земле и вспахать и удобрить чужое поле. Ваш разум погибнет, зато на душу обрушится вся тяжесть совершенного преступления. Вы можете промолчать, но это даст вам в лучшем случае года два. Когда придет время следующей ментокопии, если только вас не поймут до этого, у вас не будет своего человека в службе безопасности, который мог бы отмыть вашу память и защитить ваше семейство, а ваше положение недостаточно высоко, чтобы вы смогли сделать это сами. Если вы хотите защитить то, что считаете своим, вам лучше послушаться меня. Настоящий Пешвар — вот с кого вам надо бы брать пример. Он поистине верен и предан своей жене. Если мы победим, у вас будут жена, дети, положение и влияние. Вы прекрасно приспособились к здешнему обществу. Жаль, конечно, что вы не были рождены в нем, но с этим уже ничего не поделаешь. Так что будьте эгоистом до конца — и взгляните правде в лицо.

Сабир обдумал его слова и понял, что Уруб у прав.

— Все, что вы говорите, выглядит очень заманчиво, если, конечно, предположить, что мы сумеем скрыться. Только я никак не могу в это поверить.

— Вы не знаете всего, а я не стану вам рассказывать, — ответил Урубу, — но уверяю вас, что это возможно. Давайте попробуем. Давайте попытаем счастья.

— А когда — если я соглашусь?

— Именно «тогда» — сразу как вы согласитесь.

— Ну хорошо, — вздохнул Сабир. — Если сестры Чо согласны, я готов помочь всем, чем сумею.

— Превосходно! — воскликнул Урубун. — Завтра начинается праздник Холи. Верховному администратору понадобится перстень, а он еще не брал его из музея. Конечно, он может пронести его в течение всех празднеств, но я сомневаюсь. В прошлые годы он всегда возвращал перстень после церемонии «Утсава», чтобы те, кто придет в Центр на праздники, могли его видеть. Я буду в музее, когда он возьмет перстень, и узнаю, как полагается открывать витрину. Как только перстень вернется на место, мы начнем.

То обстоятельство, что брахманы обладали привилегией знать о существовании Главной Системы, внешнего мира и кое-какой новейшей технологии, не лишало их принадлежности к родной культуре. Более того, индуизм идеально соответствовал иерархической структуре Центра, особенно в той своей части, которую перестроила и усилила Главная Система. Превыше всего ценилось «Рта» — равновесие сил и порядок. Все ведические молитвы сводились к поддержанию порядка, и требовался лишь небольшой, хотя, возможно, и еретический шаг, чтобы увидеть в себе воплощение силы, поддерживающей устойчивость и равновесие. В Матери Индии порядок был нарушен, и люди погрязли в разврате, но Индра был милостив и позволил им попытаться снова, в новом мире и в новой форме, возложив на высших из людей — брахманов — священный долг любой ценой поддерживать «Рта». Таким образом, избранные Джанипура могли проложить собственный путь к спасению и бессмертию, не обремененный влиянием внешних сил.

Проще говоря, роль брахманов сводилась к тому, что на других планетах являлось обязанностью Цент-

ров. Они поддерживали равновесие, устраняя все, что могло вызвать малейшие перемены. Эта цивилизация была словно предназначена для целей Главной Системы, и здесь ей было намного легче, чем на других планетах, где порядок приходилось навязывать силой. В отличие от циников земных и многих колониальных Центров, чье знание разрушало веру, джанипурцы, избранные в Центр, были подлинно верующими. До высадки МСС джанипурские Центры поддерживали связь лишь с немногочисленными флибустьерскими кораблями вроде «Индруса», экипажи которых если и не разделяли джанипурские верования, то по крайней мере понимали и уважали их. Брахманы несли на себе долг дхармы, они удерживали свой мир и народ на праведном пути, они сохраняли должный порядок вещей.

Этим людям было знакомо Бхакти, чувство преданности некоему, часто личному божеству и сопричастности ему. В своей жизни они отводили огромное место церемониям и ритуалам, а их верования были многочисленны и разнообразны. Даже внешний вид был предметом их гордости. На Земле индуизм возвел корову в ранг почитаемой святыни. На Джанипуре люди отчасти обрели облик священного животного.

Древнейший ритуал Холи Утсава, весенний праздник в честь Кришны, был временем всеобщего веселья, и царившее повсюду праздничное настроение подчеркивалось пышными церемониями, доступными для всех желающих, и бог Сома, в честь которого был назван жгучий и пьянящий напиток, отнюдь не оставался забытым. На торжества должна была явиться масса народа. Дома оставались только аскеты, нелюбопытные и те, кто был связан чувством долга.

Для службы безопасности это было кошмарное время, а эмэсэсовцы — те просто сходили с ума. Совершенно посторонние люди по праву принадлежности к правящей касте имели право входить в Центр, встречаться с начальниками своих департа-

ментов, осматривать музеи и библиотеки. Для любого сотрудника службы безопасности это было просто кошунство. Разумеется, засекреченные помещения были закрыты, но для того, чтобы уследить за тем, чтобы кто-нибудь что-нибудь не сломал или не барабанил по клавишам терминалов, требовались силы всех сотрудников безопасности.

Для эмэсэсовцев, чья модернизированная религия понуждала их принять богоданную ответственность за поддержание порядка, это были самые черные времена, на горе их бессмертным душам. Им приходилось мириться с мыслью о том, что они просто не в состоянии проверить всякого, кто прибывал в Центр вместе со всеми родственниками, ближними и дальними — особого приглашения не требовалось, — и с теми, кто зачастую присоединялся к компании в самый последний момент. Разумеется, Центр не мог вместить такую толпу, и снаружи возникал огромный и шумный палаточный городок.

Урубун приходилось разрываться между законными интересами гостей и необходимостью избежать беспорядков. Но празднества должны были продолжаться несколько дней, и он решил, что лучше попытаться использовать праздничную суматоху к своей выгоде, чем ждать лишнюю неделю. Только бы верховный администратор поскорее положил этот чертов перстень на место!

Предполагалось, что каста брахманов держит в своих руках рычаги исключительно духовной власти, но брахманы Центра были вовлечены в дела света намного глубже, чем хотели бы признать. Тем не менее они рассматривали свою роль как сугубо духовную. Вне Центра большинство из них являлись членами религиозных орденов, но некоторые имели профессию и участвовали в мирских заботах. Иные были врачами, иные — юристами, зарабатывая таким путем себе на жизнь и возвращаясь к жреческим обязанностям при

первой необходимости. У каждого джанипурского индуса было свое собственное домашнее святилище, так что официальных храмов на Джанипуре не существовало, но для проведения церемоний требовались жрецы. Эту общественную обязанность взяли на себя брахманы. Даже те из них, от кого никто и не требовал подобных услуг, все равно явились на празднества.

Урубун с усмешкой подумал о том, что сказали бы дважды рожденные, увидев условия, в которых живут эти светские брахманы. В Кохин-Центре чудеса технологии использовались в минимальной степени, и все равно здесь было на что посмотреть. Но тому, кто живет в закрытом городе, снабженном климатическим контролем, электрическим освещением и компьютеризированной кухней, сложно убедить себя в необходимости умерщвления плоти. Да и все равно в этом отношении мало что можно было сделать. Непрактично разбивать посреди Центра шатры и пользоваться открытым огнем. Кроме того, это отрицательно сказалось бы на оборудовании.

И, разумеется, кому-то нужно производить уборку, заниматься снабжением, содержать магазины и выполнять еще много других работ, заниматься которыми благородные брахманы считали ниже своего достоинства. Низшим кастам было запрещено появляться в Центре, так что соблюдение брахманской чистоты требовало высокой степени автоматизации.

Для Урубун, который не являлся продуктом какой-то одной цивилизации, все это служило лишним доказательством того, как много, если не сказать — все что угодно, — люди могут оправдать с помощью религии.

К утру первого дня равнина, прилегавшая к Центру, превратилась в многоцветное море палаток и шатров, среди которых сновали их многочисленные серо-рыжеватые обитатели. На первый взгляд их было не меньше трех-четырёх тысяч. Кто-то развлекался хождением по огню — на ступнях, разумеется, а не на копытах, —

кто-то демонстрировал чудеса йоги и прочие проявления силы разума и духа.

В девять с небольшим верховный администратор Намур в сопровождении супруги и неотлучной свиты торжественно прошествовал в холл на главном уровне Центра. На нем была простая белая набедренная повязка, его супругу окутывал гладкий белый шелк. Удивительнее всего, что все три сотни метров, которые им предстояло пройти перед толпой, они прошли в вертикальном положении и без видимых усилий. Это требовало не только длительных тренировок, но и колоссальной сосредоточенности и незаурядной силы воли. Этот жест произвел впечатление даже на Уруб, который входил в состав свиты.

Процессия остановилась перед высокими, выкрашенными в красный цвет дверями музея. Смотрительница отвесила церемонный, освященный временем поклон и, сняв с цепочки на шее огромный ключ, вставила его в замок. Уруб пристально наблюдал. Направо, налево, еще налево, направо и снова налево. Раздался звучный щелчок, смотрительница толкнула вызолоченный засов, и красные створки медленно открылись внутрь. Верховный администратор и его супруга проследовали за смотрительницей ко второй, более современной на вид двери. Смотрительница вставила в щель небольшую карточку и приложила ладонь к пластине замка. Внутренняя дверь бесшумно открылась, и вся процессия вошла в музей.

Уруб почтительно держался в нескольких шагах позади верховного администратора. От его глаз не могла укрыться ни одна подробность. Он решил, что не стоит беспокоиться насчет световых лучей: то ли они гасли с открытием внутренней двери, то ли, как он и предполагал, просто включали телекамеры. Гораздо больше его заинтересовало то, что небольшой участок перед витриной с перстнем теперь выступал из пола сантиметров на пятнадцать. Что бы он ни включал, сейчас это было авто-

матически отключено, и Уруббу терялся в догадках, как именно. Во всяком случае, это не связано с дверью. Зачем вообще эта проклятая штуковина, если она отключается при открывании двери? Внезапно его осенило — комбинация! Отпечаток ладони открывает дверь, а магнитная карточка деактивирует весовой датчик. Ни Уруббу, ни сестры. Чо об этом не знали, а панель замка была заглублена в дверь, так что никто не мог подсмотреть, какие цифры набирает смотрительница музея. Устройство замка было достаточно простым, чтобы его можно было обмануть, но при этом весовая пластина оставалась включенной. Умно.

Смотрительница и ее ассистент подошли к пластине. Когда смотрительница поставила одну ногу на пластину, датчик качнулся и подался вниз, но ничего не произошло. Однако после того как на пластину встала другая нога, зазвенел звонок. Ассистент ступил на другую сторону пластины, под его весом она окончательно утонула в полу, и звонок замолк. Уруббу инстинктивно чувствовал, что особое значение имела задержка времени перед включением звонка — та доля секунды, когда только часть веса тела приходилась на пластину. Ворон оказался прав — весовой датчик был рассчитан на человека и не реагировал на крыс и других мелких животных, которые могли случайно попасть в помещение. Звонок несколько не беспокоил Уруббу — если он зазвенит, они сразу поймут, что провалились, и успеют добраться до выхода.

Один из двух ключей от витрины вручили Уруббу как заместителю начальника безопасности. Ему велели встать слева от витрины, а его начальник, получив второй ключ, встал с правой стороны. Уруббу получил ключ, только присоединившись к процессии, и по окончании церемонии должен был его сдать. Чертовски трудно было умудриться сделать слепок в таких условиях, но он справился. Слепок получился не особенно хорошим, но, сравнив его со слепком, снятым

Чо Дай, можно было надеяться изготовить ключ, который не подведет.

По кивку верховного администратора Урубубу и начальник службы безопасности вставили ключи и повернули их, один налево, а другой — направо. Что-то шелкнуло, и четырехметровая витрина, где хранилось много других вещей, помимо перстня, открылась. Прозрачная крышка скользнула назад и слилась с боковыми стенками. По обе стороны витрины Урубубу разглядел соленоиды. Впрочем, сестры Чо уже вычислили их заранее. Стоит потянуться с этой стороны, как ток прервется и крышка захлопнется. Урубубу представил себе половину незадачливого вора, добавленную к постоянной экспозиции.

Верховный администратор нагнулся и, осторожно освободив перстень из держателей, вывел его назад, вверх и, наконец, вынул из витрины. Он осмотрел перстень, потом повернулся и протянул его супруге. Та кивнула и надела перстень на средний палец правой руки своего мужа.

По кивку своего начальника Урубубу медленно повернул ключ в обратном направлении. Механизм шелкнул, крышка витрины скользнула обратно и встала на место. Урубубу вынул ключ из замка, повесил его на цепочку, болтавшуюся на шее, и пошел за начальником к двери. Он чувствовал едва ли не жалость, что перстня не будет здесь сегодня, когда музей закрыт для публики. Из персонала должно было остаться всего два человека. Идеальное время для кражи, если бы им нужно было все что угодно, кроме перстня.

Церемонии и ритуалы, продолжавшиеся целый день, были торжественными и весьма впечатляющими. Это был один из нечастых случаев общего богослужения, и состоял он в основном из соблюдения поста и непрерывных выкриков: «Харе Кришна!..» Верховный администратор, он же верховный жрец, совершал священные обряды перед большой статуей Кришны.

Церемония завершилась лишь к вечеру, и толпа сама собой рассыпалась на беспорядочные группки, внимавшие проповедникам, вероучителям и философам. Некоторые принимали участие в благочестивых обрядах, включающих в себя хождение по огню и другие наглядные доказательства власти духа над телом. Джанипурцы просто физически не могли принять позу лотоса, зато умудрялись согнуть и скрутить себя в самые невероятные и причудливые асаны хатха-йоги. Празднество должно было продолжаться еще несколько дней, но уже без участия верховного администратора. Предполагалось, что число паломников будет непрерывно уменьшаться. Некоторые намеревались провести весь праздник в молитвах, размышлениях и учении, но большинству за глаза хватало одного дня.

Верховный администратор расхаживал среди толпы, демонстрируя великолепное владение духом и телом. Иной раз он с подчеркнутым смирением присаживался у ног какого-нибудь вероучителя, а иногда останавливался, чтобы побеседовать с кем-нибудь вне зависимости от рода занятий и общественного положения собеседника. Урубун не мог удержаться от мысли, что легче легкого было бы снять с него перстень во время такой беседы. К сожалению, всякий, кто решился бы на это, был бы немедленно схвачен — либо несколькими замаскированными эмэсэсовцами, либо работниками безопасности, либо, если бы ему удалось увернуться и от тех, и от других, самой толпой. Попытка украсть перстень была величайшим святотатством для верующих, и все восприняли бы ее как прямое нападение на них самих.

С наступлением темноты стало ясно, что в эту ночь верховный администратор не собирается возвращать перстень. Впрочем, Урубун на это и не рассчитывал. Завтра тоже будет день, и к этому времени часть праведников чудодейственным образом обернется любопытствующими туристами и деловитыми бюрократами,

добивающимися чего-либо у высших по должности чиновников. Правда, с сожалением подумал Урубу, работать в толпе было бы лучше.

Но перстень не вернулся в музей и на следующий день, а к концу третьего дня Урубу начал беспокоиться, не случилось ли чего непредвиденного. Рога Чо Дай-Мадау уже отросли без малого на сотню сантиметров, и казалось, удлиняются прямо на глазах. Она постоянно ныла, что ей трудно стоять прямо. Состояние Чо Май-Сидау было немного лучше, но и у нее начали отрастать рога, и она стала больше есть. Судя по Чо Дай, рога росли сантиметром по десять в день. Время поджимало.

И, что хуже всего, верховный администратор продолжал показываться народу, но перстня на нем не было. Через пять дней Урубу начал советоваться с оставшимися на «Громе» насчет запасного плана. Он собирался вывести всю троицу из Центра и вернуть их на «Гром», чтобы они там спокойно родили. Это было нелегко, но в принципе выполнимо, поскольку перстень оставался не тронутым и погони не ожидалось. Но в этот же вечер ему пришел приказ присутствовать при возвращении перстня в музей. Все было сделано частным образом, тихо, без всяких торжеств, которыми сопровождалось извлечение перстня из витрины. Урубу с удовольствием отметил, что ни процедуры, ни комбинации не изменились.

«В последний момент», — думал он, рассылая кодовые сигналы на «Гром» и трем своим сообщникам. Он был готов. Сказать правду, он был даже слишком готов. Он едва дождался наступления ночи.

3. ЗАГОВОР И КОНТРЗАГОВОР

На сленге Центров это называлось катакомбами: бесконечные миля служебных коридоров, воздуховодов, складских помещений и многого другого, что скрывалось за гладкими полированными стенами.

Урубун вошел в узкий коридор и остановился перед небольшой дверью с кодовым замком. Он слегка постучал трижды и открыл дверь.

— Пора, — тихо сказал он той, что ждала его там.

— Наконец-то, — сердито откликнулась Икира Сукота. — Я уж подумала, что меня навеки заперли в этом курятнике.

С первого взгляда любой землянин увидел бы в ней невероятно привлекательную юную женщину, но при этом тут же сказал бы, что она ни в коем случае не может быть земной женщиной, хотя бы уже потому, что рост ее достигал всего четырех сотен... миллиметров. Ее глаза, на вид более человеческие, чем глаза Урубун, светились в рассеянных лучах, проникавших из коридора, и мерцали, как драгоценные камни. Присмотревшись, можно было заметить, что уши у нее похожи на заостренные раковинки, а из-под коротко стриженных волос выступают как бы притупленные рожки. Она была колонисткой, и предки ее, как и предки джанипурцев, были приспособлены к жизни на планете, непохожей на Землю.

Обычно Икира не носила одежды, поскольку от рождения обладала способностью к мимикрии. Впрочем, на Джанипуре это не имело особого значения, поскольку джанипурцы способны были видеть в инфракрасном свете, и хотя температура ее тела непрерывно подстраивалась под температуру окружающих предметов, оно все же излучало тепло. Икира могла стать незаметной среди деревьев или в траве, но здесь, на фоне стерильных, гладких стен, глаза джанипурца видели ее, словно горящую свечу в темноте. Но одно преимущество у нее все же оставалось. Джанипурцы не могли различать неподвижные предметы на расстоянии более нескольких метров, хотя моментально улавливали малейшее движение. Но при необходимости Икира могла часами оставаться неподвижной, словно камень. Мир, в котором она родилась, был суровым миром.

Уруббу рассчитывал, что на расстоянии джанипурцы будут принимать Икиру за небольшую обезьянку, которых здесь было полным-полно. Но вблизи гладкая кожа и округлые формы сразу выдавали ее.

Она ловко вскарабкалась Уруббу на спину и, вжавшись в шерсть, обрела ее цвет. Уруббу отправился к месту сбора. Он хорошо ориентировался в катакомбах. Автоматические установки и многочисленные роботы не обращали на него внимания, а Икиру, распластавшуюся у него на спине, джанипурец мог бы заметить только метров с трех-четырех.

Переслать Икиру на Джанипур с помощью трансмьютера было легко, но обратный путь обещал быть намного тяжелее. По просьбе Уруббу автоматический истребитель с «Грома», доставивший на планету трансмьютер, оставался в горах, довольно далеко от Центра. Уруббу мог бы свободно взять флаер, но это было бесполезно: следящие устройства моментально обнаружили бы его и, перехватив управление, посадили бы флайер в любой точке планеты.

В плане, составленном Уруббу, крошке Икире отводилась важная роль, и не только в том, что касалось кражи, но и в том, что касалось бегства. Джанипурцы видели в инфракрасном диапазоне, но их ночное зрение этим и ограничивалось. С другой стороны, Икиру слепили яркие лучи, однако в темноте она видела великолепно: ее народ вел подземный образ жизни.

Ни Уруббу, ни Козодой не собирались посылать на Джанипур кого-нибудь еще, но с помощью Икиры можно было легко решить некоторые проблемы. И ее по крайней мере не надо было трансмутировать в джанипурскую форму.

Сабир и сестры Чо ждали в условленном месте. Хотя они знали план почти во всех подробностях, появление Икиры было для них сюрпризом. Впрочем, времени для приветствий не было. Уруббу посмотрел на часы, пристегнутые ремешком чуть ниже локтя. У Сабира были такие же.

— Сейчас одиннадцать минут второго, — прошептал Уруббу. — Мне нужно двадцать минут, чтобы добраться до центрального поста охраны и сесть перед мониторами. Еще четыре минуты на то, чтобы запустить фальшивые записи в систему визуального наблюдения. Вы можете следить за дверью вон из того служебного выхода. Только будьте поосторожнее, чтобы вас не заметили. В час тридцать пять дождитесь, пока пройдет очередной охранник, и приступайте. За три минуты вы должны пересечь зал, отпереть главную дверь, войти и закрыть ее за собой. Если появятся какие-то сомнения, спешить ни к чему. Пропустите один-два обхода. Когда попадете внутрь, оставайтесь там, сколько понадобится, если только случайно не врубите сигнализацию. Когда достанете перстень, вернетесь к главной двери, закроете ее и нажмете кнопку на часах. Зуммер в моих часах слегка уколется меня. Я приду сюда и помогу вам скрыться. На случай, если часы не сработают или если я не появлюсь в течение

часа, условимся, что я подойду к вам позже, скажем, в три тридцать.

Икира пристально посмотрела на него:

— А если вы вообще не придете?

— Приду. Ну, теперь вы знаете, что надо сделать и как. Пусть это будет нашим испытанием!

— Ждать, вот что хуже всего, — вздохнула Чо Дай.

Икире было еще труднее, пять дней в помещении величиной со шкаф показались ей вечностью. В Центре воняло, как на скотном дворе, хотя сами джанипурцы, разумеется, этого не замечали. Икира мечтала поскорее разделаться с заданием или по крайней мере выкурить сигару.

Им нельзя было даже разговаривать. Стражники были рядом, и в стенах вполне могли оказаться необезвреженные микрофоны. Икира слегка удивилась тому, что эти катакомбы, одинаковые для всех Центров, не нашпигованы телекамерами, но ходы открывались лишь в наблюдаемые помещения, главную силовую станцию и три служебных выхода, которые охранялись достаточно надежно. Джанипурское общество практически не знало насилия, особенно в крупных его проявлениях. Музей охранялся лишь потому, что представлял собой слишком большой соблазн, столкнуть кого-то вниз по лестнице перевоплощений. Тем не менее ясно было, что цифровые коды, замки и вообще система охраны в целом не подвергалась изменениям несколько столетий с тех пор, как была установлена. Это был большой плюс.

Сквозь вентиляционную решетку хорошо была видна дверь в музей. Показался охранник — всего один, но весьма необычный. Крепкие мускулы, неестественно правильные черты лица, упругая и уверенная походка. Идеал джанипурских женщин. На поясе у него висел грозного вида лазерный пистолет, оружие, находившееся вне пределов возможностей джанипурской технологии. Несомненно, эмэсэсовец. Обычные

охранники выглядели не так браво и довольствовались церемониальными кинжалами.

Охранник был точен, как часы. Такая дисциплина и организованность не были свойственны джанипурцам. Ровно через пять минут появился другой охранник, такой же безупречный на вид. Еще через пять — третий. Потом вновь вернулся первый охранник. Их безупречная дисциплина играла на руку пиратам. Если охранник не появится вовремя, значит, что-то случилось, а если обходы не прервутся, можно считать, все спокойно.

— Сдаю, ключ от главной двери у тебя? — прошептал Сабир.

— Вот он. Ну что, пошли?

— Через минуту после того, как уйдет следующий охранник.

Дежурный на центральном посту охраны листал книгу, изредка поглядывая на экраны. Если бы он смотрел на них попристальнее, то заметил бы, что однажды изображение на мгновение дернулось, а если бы его коллеги, игравшие в шахматы, были так же точны, как эмэсэсовцы, они обратили бы внимание, что охранники на экранах запаздывают почти на минуту. На центральном посту был сержант-эмэсэсовец, который мог бы заметить опоздание, но он был занят разговором с дежурным офицером — заместителем начальника службы безопасности Бойлом.

Наверху, на главном уровне, четыре пирата следили за удаляющимся охранником. На копытах у джанипурцев были мягкие башмаки, Икира сидела верхом на Чо Дай. Когда охранник скрылся из виду, все четверо дружно вздохнули, словно собираясь нырнуть, и двинулись к огромным красным дверям музея. Чо Май поднялась во весь рост, спокойно, профессиональным движением вставила ключ и набрала комбинацию поворотов. Все затаили дыхание, но дверь шелкнула и открылась. Они поспешно вошли и тихо притворили

дверь за собой. Замок зашелкнулся снова, но на всякий случай они еще задвинули изнутри тяжелый засов.

В пространстве между внешней и внутренней дверью была крошечная щель. Уверенный, что Урубун уже перекрыл каналы наблюдения своими собственными записями, Сабир порылся в сумке с инструментами и нащупал фонарик. Джанипурцы в темноте чувствуют себя неуютно, и, включив свет, он почувствовал огромное облегчение.

Чо Май, обладая большей подвижностью, взяла на себя самую сложную часть работы, а сестре предоставила наблюдать и вставлять замечания, для чего не требовалось вставать во весь рост. Чо Май положила на клавиатуру маленький прямоугольный кусочек магнитного железняка, который сестры сами достали и обработали. Все переключатели были магнитными, в том числе и выключатель сигнализации. Его клавиши поднялись и застыли в таком положении. Сестры видели подобный замок не впервые и давно терялись в догадках, почему никому не придет в голову их переделать. Они открывались чересчур легко.

Но для того чтобы открыть саму дверь, требовался отпечаток ладони. Чо Май поднесла к пластине замка листок плотной мелованной бумаги. Она держала его почти вплотную к пластине, но не касаясь ее. Торцы датчиков-стерженьков задрожали, словно ощупывая приложенную ладонь, и сотни прикосновений оставили на пластине след. Чо Май осторожно обвела отпечаток тонким фломастером и вырезала его ножницами. Этому приему они научились еще в Китайском Центре от одного юного техника, который пришел ремонтировать замок и был рад случаю похвастаться своим умением перед двумя хорошенькими служаночками.

Чо Май осторожно расправила вырезанный отпечаток и, затаив дыхание, приложила его к пластине. Великолепное ближнее зрение джанипурцев помогало ей.

Дверь негромко зашипела, но не сдвинулась с места. Сабир встревожился:

— Не подействовало!

— Подействовало, — шепотом ответила Чо Дай. — Толкни ее посильнее вправо.

Сабир выпрямился во весь рост, уперся ладонями в дверь и толкнул. Дверь подалась, хотя не так легко, как он ожидал, и медленно отъехала в углубление в стене.

Перед ними открылся музей, полный разнообразных сокровищ. Широкий проход в центре зала вел к витрине с перстнем. Главное освещение было выключено, и горели только неяркие аварийные светильники, но этого было более чем достаточно.

Впрочем, Икира видела гораздо больше, чем джанипурцы, и заметила пересекающиеся лучи света, исходящие из стен и потолка. Сеть была не особенно густой, она сама могла бы легко избежать лучей, но джанипурец старше пяти лет неминуемо должен был пересечь их.

— Если эти лучи включают что-то еще, кроме камер, мы влипли, — тихо прошептала она.

— Ты что, видишь их?

— Да. Вам их не обойти, но я могу. Давайте проверим, пока вы еще снаружи. Я войду и наступлю на пластину весового датчика. Если зазвенит звонок, немедленно уходите, а обо мне не беспокойтесь.

Сабир опять полез в сумку и достал полуавтоматический пистолет, подарок Уруббу. Если звонок зазвенит, придется стрелять во все, что движется.

Икира слезла со спины Чо Дай и вошла в музей. Она умышленно пересекла несколько световых лучей, желая одновременно проверить обе системы. Глядя ей вслед, Чо Дай заметила:

— У нее походка заправской шлюхи.

Икира осмотрела пластину, жалея, что не может увидеть через ковер пружины контактов, и осторож-

но ступила на датчик. Пластина слегка опустилась, но звонка не было. Икира весила слишком мало, чтобы включить его, но все же старалась двигаться как можно легче.

Сабир остался дежурить у двери, наступила очередь сестер Чо идти сквозь световую паутину.

Как только Чо Дай пересекла луч, раздался щелчок, и включились четыре телекамеры. Они стояли открыто, видимо, для пущего устрашения, и следили за каждым движением сестер. Сигнал тревоги не прозвучал, но внизу, на центральном посту охраны, зажглись мониторы, и крик дежурного поднял всех на ноги. Оператор лихорадочно завертел ручки настройки телекамер, и наконец все увидели их...

Два крупных мохнатых комка стремглав пронеслись через экран и пропали. Опять эти крысы...

— Вот так и будет всю ночь, если никто не позаботится выставить их оттуда, — с досадой воскликнул дежурный. — Добровольцы есть?

Никто не изъявил особого желания гонять крыс после полуночи.

Заместитель Бойл вздохнул:

— Ну что ж... Поскольку охотников не нашлось, я не хочу всю ночь любоваться этими тварями. — Он потянулся к пульту и отключил телекамеры, связанные с системой световых лучей. Это уже стало настолько обычным, что Урубун просто скопировал свою видеовставку с записи предыдущего нашествия крыс.

— Вам бы их потравить один раз, и дело с концом, — заметил сержант-эмэсэсовец.

Джанипурцы воззрились на него с неприязнью.

— Они нам не вредят, и мы им не станем вредить, — сказал один из дежурных офицеров. — В прошлом они вполне могли быть вашими родственниками, сержант.

Сержант заворчал, но спорить не стал, зная, что это бесполезно. Чем больше он знакомился с древней

культурой своих предков, тем больше благодарил судьбу за то, что не живет на Джанипуре, а служит в МСС. Впрочем, это недовольство было взаимным.

А в музее сестры Чо уже стояли по обе стороны витрины. Они видели перстень сквозь прозрачные стенки, но достать его, одновременно удерживая ключи, не было никакой возможности. Эта честь предоставлялась Икире.

Чо Дай с явным усилием поднялась во весь рост, взяла ключ и кивнула сестре. Они одновременно вставили ключи и дружно повернули их в противоположных направлениях. Крышка витрины шелкнула и открылась.

Витрина была низкой, и все же Икире пришлось подтянуться, ухватившись за край, чтобы забраться в нее. Она стояла среди драгоценностей, отражавших величие и славу Джанипура. Ее окружали украшения тончайшей работы, затейливые золотые изваяния, искрящиеся самоцветы... Нагнувшись, она ухватилась за перстень, вытащила его из держателей и выпрямилась, едва не уронив добычу. Перстень был слишком велик и тяжел для ее крошечных ручек.

— Придется бросить его на пол, а потом подобрать, — прошептала она. — Я должна спуститься плавно, чтобы не толкнуть пластину.

Она прицелилась и изо всех своих невеликих сил бросила перстень, толкая его от плеча, словно ядро. Перстень упал на край платформы, отскочил и откатился под одну из витрин.

Икира повернулась спиной и, цепляясь за край витрины, медленно опустилась на пластину. Так же осторожно и медленно она сошла с нее, а сестры Чо отпустили ключи, и крышка витрины с шумом закрылась и защелкнулась.

Икира тем временем уже шарилась под витриной, разыскивая перстень. На какое-то мгновение ей показалось, что он закатился слишком далеко. Между вит-

риной и полом было всего сантиметров десять, но все же она дотянулась, нащупала перстень и выпрямилась, сжимая его в руках. На это ушло больше минуты. Наконец-то Икира могла как следует рассмотреть свою добычу. Это было великолепное произведение искусства. Оправа мерцала чистым золотом, а на черном камне была золотая инкрустация — две птицы, сидящие на ветке. С внутренней стороны перстня имелаась кольцевая вставка, покрытая каким-то мягким материалом, вероятно, для того, чтобы подогнать его по размеру пальца.

Все трое вернулись к входу и вышли в промежуток между внутренней и внешней дверью, где их поджидал Сабир.

— Ну что, он у вас?

— У нас, — ответила Чо Дай, и в ее голосе звучало нескрываемое удовлетворение. — А как у тебя?

— Какой-то охранник оказался слишком подозрительным, а может быть, слишком усердным. Он попробовал открыть дверь. У меня чуть сердце не выскочило, но он убедился, что она заперта, и ушел.

— Как-то даже чересчур легко все вышло, — заметила Икира. — А если бы перстень не закатился под ту витрину, можно было бы сказать — безупречно. Неудивительно, если бы речь шла только о джанипурцах, но странно, что Главная Система не добавила чего-нибудь своего. Разумеется, ей часто вредит излишняя самоуверенность, но у меня такое чувство, будто мы что-то упустили.

— Тогда бы охрана уже была здесь, — возразила Чо Дай.

— Возможно. Но может быть, эта ловушка еще впереди. А скорее всего они ждут, когда мы приведем их к «Грому». Поживем — увидим.

Вся операция заняла не больше часа с четвертью, и большая часть времени была потрачена на то, чтобы замести следы. Они убрали магнит и мелованную бу-

магу и надежно закрыли внутреннюю дверь. Теперь оставалось только дожидаться Уруббу. Сабир нажал кнопку на своих часах. Внизу, в помещении охраны, заместитель начальника безопасности внезапно дернулся.

— В чем дело, шеф? — спросил один из офицеров. Уруббу помассировал руку.

— Ничего особенного. Просто мышцу свело. — Он зевнул и потянулся. — Пойду сделаю обход. — Эта фраза давно уже стала эвфемизмом, заменяющим слова «пойду вздремну часок». — Я вернусь через час или около того. Позовите меня, если что-нибудь случится.

— Разумеется, шеф, — буркнул сержант-эмэсэс-век. За те шесть месяцев, что он болтался здесь, ни разу не произошло ничего, что требовало бы вмешательства сил безопасности. Разве что пара ложных тревог, как с этими крысами. Самое скучное дежурство за всю его службу.

Уруббу быстро поднялся на главный уровень. Он не заботился о том, что его кто-то заметит: заместитель начальника службы безопасности волен ходить, где пожелает. Он разминулся с охранником как раз перед поворотом в коридор, ведущий к музею. Они обменялись кивками.

— Случилось что-нибудь? — спросил Уруббу.

— Да, сэр. Скука достигла предела, — ответил охранник и пошел дальше. Он обязан был соблюдать расписание обходов.

Уруббу немедленно подошел к большой красной двери и постучал — сначала два раза, потом один. Дверь с шумом открылась, и Уруббу, поморщившись, придержал ее, а потом осторожно прикрыл и присоединился к остальным в служебном коридоре.

— Были трудности? — спросил он.

— Нет, — ответила Икира. — Все равно что съесть кусок пирога. Слишком легко.

— Ты просто не знаешь, сколько труда вложено в подготовку, — сказал Урубу. — Дайте-ка мне взглянуть на него.

Сабир достал из сумки перстень и протянул ему. Урубу тщательно осмотрел кольцо, поднес его к самым глазам.

— Вот, значит, как они выглядят... Красиво, но я, честно говоря, ожидал большего. Хм-м-м... Эта подкладка на вид совсем новая. Не нравится мне это. Похоже, мы свистнули не только перстень, но и радиомаячок.

Остальные вздрогнули.

— Разве это возможно?

— Вполне. Как же без этого? Он четыре дня был неизвестно где, а на этой планете полным-полно всяких умельцев. Однако камень как будто в порядке. Трудно представить, чтобы они сумели синтезировать точно такой же. Но если перстень настоящий, значит, маячок спрятан где-то еще.

Ногти у джанипурцев были почти как когти. Толстые и прочные, они выглядели довольно грозно, если только их не подрезали для того, чтобы выполнить тонкую работу. Но Урубу никогда не подрезал ногтей, разве только затем, чтобы сделать их еще острее. Он вонзил кончик ногтя в мягкую подкладку, осторожно потянул и в конце концов слегка отвернул ее. Потом так же осторожно он отогнул один за другим маленькие зубчики, держащие кольцевую вставку, и вытащил ее из перстня.

— Пройдемте-ка чуть вперед. Я хочу рассмотреть ее при хорошем свете.

Они прошли до развилки туннеля, и Урубу, включив фонарик, принялся изучать вставку. На вид она казалась сделанной из полированного обсидиана, но, конечно же, это был какой-то другой материал. Просвечивая вставку фонариком, Урубу заметил внутри нее темный комочек размером не больше булавочной

головки с тремя или четырьмя тонкими как волоски лапками.

— Вот оно!

— Что? — почти в один голос воскликнули остальные.

— Передатчик. Очень остроумно. Они вытащили старую вставку и прокладку и заменили ее вот этим. Нас могли бы преследовать даже в космосе. Передатчик вряд ли особенно мощный, но настроен скорее всего на особую волну.

— Выходит, они уже следят за нами? — с испугом проговорил Сабир. — Значит, они знают, где мы?

— Сомневаюсь. Ведь им еще не известно о краже. Скорее всего за ним установили автоматическое слежение, и если мы вынесем перстень из Центра, у кого-то на пульте раздастся сигнал. Подозреваю, что тут не обошлось без участия Главной Системы. Празднества — великолепный предлог, чтобы устроить подмену, но им еще неизвестно, что мы здесь. Они просто знают, что рано или поздно мы появимся.

— Так что нам делать? — с тревогой спросила Чо Дай. Не только Главную Систему можно было обвинить в излишней уверенности в себе. Когда-то, давным-давно, в Китайском Центре их с сестрой поймали благодаря именно ей. Кроме того, она прекрасно понимала, что Урубун при любых обстоятельствах рискует куда меньше, чем все они вместе взятые. Чтобы остановить его, потребовалось бы оружие посерьезнее лазерного пистолета. А если его загонят в угол, он всегда может превратиться в кого-то другого.

— Нам придется подождать, пока все уляжется, — сказал Урубун. — Вы знаете план. Празднества постепенно затихают, но Центр работает по особому расписанию. Им понадобится время, чтобы пересчитать по головам постоянных сотрудников и выяснить, кого не хватает. К этому времени мы должны быть уже далеко отсюда, и желательно уже в первом из укрытий, кото-

рые я подготовил. Идите к служебному выходу и ждите меня там. Я должен кое-что сделать, чтобы прикрыть наш отход.

Сабир пристально взглянул на него:

— А что вам мешает просто пожертвовать нами? Ведь теперь у вас есть то, что вам было нужно.

Уруб уоскалил зубы в джанипурской усмешке и, подбросив перстень на ладони, перекинул его Сабире. Прихватив с собой прокладку с передатчиком, он вернулся на пост.

Прежде всего надо было снять фальшивые записи, и чем быстрее, тем лучше, а то дежурный скоро начнет удивляться тому, что снаружи светает, а на экранах все еще темно. Или, хуже того, кто-нибудь из охранников, вернувшись с обхода, увидит на экране себя собственной персоной. Тогда время, отведенное на отступление, сократится очень резко. Впрочем, Уруб хорошо подготовился. На это у него ушли месяцы даже с учетом помощи Звездного Орла, его базы данных и ремонтных роботов. Как бы хотелось ему просто вызвать флаер, погрузить в него своих подопечных и рвануть к истребителю, спрятанному далеко в горах! Но этот путь был заказан. До истребителя больше четырех часов лета, и если за это время кража будет обнаружена, они тут же окажутся в руках преследователей. Даже если ему удастся посадить машину, эмэсэсовцы будут знать место посадки и прибдут туда раньше, чем они успеют уйти хотя бы на километр.

Он поочередно отключил свои записи, надеясь, что никто и на сей раз не обратит внимания на смену картинки, а потом пристроил хороший заряд взрывчатки в узком лазе, где стояло все оборудование. Первый же, кто откроет за ним дверь, подорвет его — да и себя заодно. Чем, кстати, лишит центральный пост всех наблюдательных мониторов. Потом он в последний раз вызвал «Гром».

— Говорит Урубу. Добыча у нас, трудностей никаких. Следую с группой в Пункт-один. По прибытии рискну на пятисекундную передачу, и еще пять секунд перед уходом в Пункт-два. Надеюсь когда-нибудь встретиться снова.

Не дожидаясь ответа, он глубоко вздохнул, выбрался из лаза и, прикрыв за собой дверь, порадовался, что не подорвался на собственной mine. Затем он направился к своему жилищу, размышляя над дальнейшими действиями. «Жучка» в перстне он предвидел и подготовился к этому. Дурга, его секретное оружие, спала, но это вполне устраивало Урубу. Большого черного сокола легче было нести спящим.

Соколиная охота была весьма популярна среди сотрудников службы безопасности, несмотря на то что на Джанипуре она считалась варварством — ведь соколы убивали живые создания. Впрочем, охотники и их собственные духовные лидеры видели в этом лишь более тесное изучение естественного порядка вещей. Птица громко протестовала, когда Урубу пересаживал ее в другую клетку, которую навьючил себе на спину. Дурга поняла, что ей предстоит обычное путешествие, и поэтому скоро успокоилась. С колпачком на голове, она даже не успела проснуться как следует.

Урубу пошел к служебному выходу. Было около половины пятого. Меньше чем через девяносто минут должно было взойти солнце, а персоналу музея полагалось явиться на рабочие места через три с половиной часа. Урубу надеялся добраться до Пункта-один еще до рассвета.

В этот час у выхода никто не дежурил, а у всех, кроме Икиры, имелись карточки-пропуска. Икира распласталась на спине Чо Дай и воспользовалась своей природной защитой. Урубу вставил свою карточку, приложил руку к пластине замка, и дверь плавно скользнула в сторону. Один за другим они вышли в ночь.

Все джанипурцы боялись ночной темноты, так что, если бы их заметили, семейство Пешвар неизбежно попало бы под подозрение. Но в Центре ничего не будут знать наверняка, пока не пересчитают всех по головам и не убедятся в отсутствии именно этих четверых.

Сияние купола Центра освещало небольшую полосу земли, но за палаточным городком уже начиналась непроглядная тьма. Впрочем, Урубу прошел намеченный маршрут в темноте не меньше сотни раз и надеялся, что выучил его достаточно хорошо. Кроме того, сейчас у него была дополнительная пара глаз.

Прежде всего он поставил клетку на землю, вытащил Дургу и посадил ее на насест. Он привязал прокладку к лапке сокола, а потом снял с Дурги путцы и колпачок.

Птица встрепелулась, но тут же затихла и, устроившись поудобнее, снова заснула. Для сокола не было особой разницы между темнотой под колпачком и ночной темнотой.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Урубу. — С рассветом она проснется, и ей захочется полетать. Она может сесть на верхушку купола или умчаться за полконтинента, но передатчик она унесет с собой. Пусть они погоняются за ней как следует.

Потом он достал большой моток шелкового шнура и обвязал один конец вокруг своей шеи.

— Мы побежим в связке, — пояснил Урубу. — Под ноги не смотрите, чтобы шнур постоянно был чуточку натянут. Капитан, залезайте мне на спину. Вы будете моими глазами. Я хорошо знаю дорогу на ошупь и на запах, но мало ли что может случиться.

Восприятие джанипурцев отличалось тем, что ночь была для них сплошной чернотой, и только фигура бегущего впереди представлялась размытой колонной инфракрасного света. В такой ситуации срабатывал инстинкт передвижения в группе. Безусловно, его можно было бы подавить, но сейчас лучше

было целиком положиться на него. От этого зависела жизнь беглецов.

Как только они оказались за пределами освещенной зоны, Урубун перешел на рысь. Это было рискованно, но ему хотелось к рассвету покрыть километров двенадцать. Впрочем, на худой конец он согласился бы и на шесть — восемь.

В предрассветных сумерках постепенно начал проявляться окружающий ландшафт: голые скалы и каменистые пустоши, изредка покрытые щетиной кустарника. Беглецы устали, их мучила жажда, и когда в небольшом овражке, километрах девяти от Центра, Икира углядела мелкий ручей, Урубун отважился сделать остановку. Но как только все напились, он, невзирая на протесты, заявил:

— На отдых времени нет. Да и еды тут никакой нет. Сейчас самое главное — добраться до пещер в предгорьях Йабиннаса. Соберитесь с силами, прочтите свои мантры, и вперед!

— Я китайка! — сердито напомнила Чо Дай. — Тело индуса еще никого не сделало настоящим индусом!

Со стонами и жалобами они перебрались через ручей и побежали дальше. Через несколько минут стало уже достаточно светло, чтобы отказаться от веревки, и Урубун, смотав ее, положил обратно в сумку. На твердой почве не оставалось следов, и он не хотел облегчать задачу преследователям, разбрасывая по пути предметы. Дурга, должно быть, уже проснулась и улетела. Если за передатчиком идет автоматическая слежка, тревога уже поднялась, а здесь, на равнине, их очень легко заметить. Не считая самой кражи, необходимость пересекать этот участок была наиболее опасной частью задания. Правда, с рассветом они могли прибавить скорости.

К восьми утра, когда зрители открывали музей, беглецы были уже километрах в тридцати от Кохин-Центра. На четырех ногах даже беременные женщины

могли передвигаться достаточно быстро. Но потом дорога пошла на подъем, и движение замедлилось. Склон был не особенно крут, но все смертельно устали и едва волочили ноги.

Внезапно послышался нарастающий гул, словно приближалось гигантское насекомое, и Уруббу закричал:

— Ложитесь на живот, прижмитесь к земле и не шевелитесь! Это флайер!

Флайер скоро появился, и не один, а два. Они были похожи на исполинских стрекоз. Икира скатилась со спины Уруббу и лежала на спине, глядя в небо. Тела джанипурцев сливались с беловато-серой поверхностью холмов, а Икира могла принять любой цвет по своему желанию.

— Они прочесывают равнину крест-накрест, — сообщила она. — Похоже, мы вовремя ушли оттуда.

— Как вы думаете, они нас заметят? — встревожилась Чо Дай.

— Сомневаюсь. Мне самой приходилось вести воздушную разведку, и я знаю, как трудно заметить с воздуха того, кто не хочет, чтобы его заметили. Иногда нелегко бывает заметить даже того, кто старается быть замеченным. Главное — не паникуйте и лежите тихо. Далеко еще до вашей пещеры, Уруббу?

— Уже не очень. Через гребень холма, и там еще около километра.

— Ну что ж, надеюсь, им скоро надоест. — Лучи восходящего солнца слепили Икиру, и она то и дело щурилась. — Заодно можно и отдохнуть.

Один флайер пролетел едва ли не в ста метрах над ними, но, к счастью, не задержался.

— По-вашему, он нас не видел? — недоверчиво воскликнул Сабир.

— Да тихо вы! — повторила Икира. — Они же не знают, что мы именно здесь. Они только и ждут, что мы испугаемся и выскочим откуда-нибудь. Лежите, и дело с концом!

Она оказалась права. Минут через двадцать флайеры начали удаляться и, пройдя вдоль горной гряды, направились туда, откуда прилетели. Когда звук двигателей превратился в слабое эхо, Уруббу решил двигаться дальше.

— Попробуем добраться до пещеры.

Обещанный километр растянулся на все два, а местность была довольно пересеченной, но наконец беглецы достигли убежища.

Снаружи его почти невозможно было заметить и даже трудно было предположить, что где-то поблизости есть пещера. Крупные обломки скал надежно скрывали вход.

На первый взгляд пещера выглядела совсем не глубокой, и только присмотревшись, можно было заметить в правой стене тесный лаз, ведущий в другую ее часть. В расщелине было темно, как в могиле, и даже Икира ничего не могла разглядеть. Выбравшись из прохода, Уруббу на ощупь зажег фонарик, и только тогда они смогли осмотреться.

Пещера была неправильной формы, примерно шесть на девять метров. Здесь было прохладно и сыро. Половина пещеры была устлана соломенными циновками и одеялами, а остальное пространство занимали всевозможные ящики и бочонки. Кроме этого, в пещере было еще несколько чашек и мисок, сделанных из тыквы-горлянки, и все.

— Я случайно наткнулся на геологический обзор этого района, — объяснил Уруббу. — Здесь много пещер, и я проверял каждую, пока не нашел эту. Она наиболее подходящая из всего, что здесь есть. Полость, в которой мы находимся, считается не связанной с поверхностью. Я проделал коридор с помощью горнопроходческого лазера, а каких трудов стоило мне затащить сюда эти припасы, вы и представить себе не можете. Но зато коридор невозможно заметить снаружи, а входить и выходить можно только по одному.

Сабир огляделся:

— Да, и если нас здесь найдут, из убежища получится превосходная ловушка.

— Ну-ну... Я соединил эту пещеру с несколькими соседними, и некоторые из них ведут наверх. Естественно, я позаботился о маскировке. Если нас будут атаковать через вход, один из нас сможет держать оборону, а остальные успеют скрыться. В крайнем случае я могу завалить входной коридор взрывом. В бочонках по большей части вода, но есть немного сомы и вполне приличное вино. В ящиках — консервы. Приправ, извините, никаких, и мы не имеем права рисковать, разводя огонь. Капитан, прошу прощения, но несколько месяцев назад я никак не мог предвидеть вашего участия, а перед операцией не рискнул появляться здесь лишний раз. Здесь есть коробка авы, это фрукты, похожие на яблоки. Мы оставим ее для вас.

Икира пожала плечами:

— Здесь водится какая-нибудь живность?

— А как же! Насекомые, мелкие грызуны и тому подобное. Когда я устраивал склад, меня это очень беспокоило. А на скалах полно птичьих гнезд.

Икира кивнула:

— В таком случае я прокормлюсь. Уверена, что сумею остаться необнаруженной, мои средства защиты сработают на всех, кроме Вала. Не беспокойтесь.

Сабир недоуменно уставился на маленькую инопланетянку.

— Вы что же, едите... птиц?

— Само собой. А также грызунов или насекомых. А что?

— Так вы... плотоядное? — Это прозвучало так, словно речь шла об упыре.

— Всеядное, если хотите, и все же мне необходимо свежее мясо. У меня на родине женщины не занимаются охотой, но нет такого флибустьерского корабля, который не подцепил бы где-нибудь парочку крыс или

тараканов. Я долго тренировалась. Впрочем, на «Громе» вполне хватало приличных синтетиков, но навыки не забываются.

Представив, как эта крохотная женщина крадется по темным коридорам Кохин-Центра, ловит и тут же поедает крыс и насекомых, Сабир почувствовал приступ тошноты. Какой обманчивой все же бывает внешность... По сравнению с джанипурцами Икира Сукота казалась обычным человеком, только очень маленького роста, но на деле была гораздо дальше от людей, чем джанипурцы. Сабир всегда был вегетарианцем, но мог понять того, кто любит мясные блюда. Однако ловить и пожирать живьем окровавленную трепещущую добычу...

Урубун распечатал коробку с фруктами и еще одну, в которой была смесь овса и ячменя, а потом откупорил наугад один из бочонков. В нем оказалось красное вино. Все выпили понемногу.

— Советую вам хорошенько поесть и выспаться, — сказал Урубун. — А мне еще надо кое о чем позаботиться. — Он нашарил среди прочего барахла небольшую прямоугольную коробочку с антенной. — Я вынужден рискнуть и послать пятисекундный тональный сигнал. Только так можно уведомить «Гром», что мы находимся здесь. Сомневаюсь, чтобы сигнал кто-нибудь перехватил. Такого еще не случалось, а мое основное связное оборудование осталось в Центре и давно уже превратилось в грудку металлолома.

Прихватив передатчик, он вышел в переднюю пещеру. Проводив его взглядом, Чо Дай посмотрела на грудку припасов.

— Только здесь еды хватило бы на несколько недель, — заметила она. — А сколько еще он натаскал в другие убежища?

— Сегодня «Гром» собирается отозвать тот истребитель, который мы использовали для заброски, — сообщила Икира. — Если его не собьют сразу, он при-

ведет наших противников туда, где им подготовлена хорошенькая ловушка. «Пират-Один» примет его на борт и сразу уйдет в прокол. Если они купятся и устремятся в погоню, то напорются на весь наш флот. Будем надеяться, что они решат, будто мы улетели на нем, и свернут поиски здесь. В таком случае нас быстро подберут, и все дела.

— А если они не «купятся», как вы выражаетесь? — нервно спросил Сабир. — Что тогда?

Икира вздохнула:

— Тогда за нами придет целый флот, а это означает хорошенькую заварушку. — Она помедлила. — Корабль против корабля! А мне придется сидеть здесь!

Сестры Чо на мгновение смутились. Вылитая Манка Вурдаль! Но в конце концов маленькую капитаншу можно понять. Она могла бы убить хомячка или птицу, но если, допустим, джанипурец случайно навалился бы на нее, ей тут же пришел бы конец. Она постоянно чувствовала себя слабейшей, и, разумеется, это ее раздражало.

Выбравшись наружу, Урубу осторожно прислушался, понюхал воздух, но ничего подозрительного не обнаружил. Он включил приемопередатчик, прижал кнопку «Передача» и, сосчитав до пяти, отпустил кнопку. Через несколько минут можно будет убедиться, раскрыта ли его частота. Он отступил в глубь пещеры и приложил приемопередатчик к уху.

— «Гром» вызывает Урубу. Отличная работа. У вас, внизу, все словно с цепи сорвались. Войска и служба безопасности прочесывают местность, так что не высовывайтесь. На орбите обнаружен корабль Вала, а сам Вал, вероятно, спустился на планету. Откуда ни возьмись пришли через прокол два автоматических истребителя. Затайтесь по меньшей мере на три дня. Повторяю, три дня. После этого будем выходить на связь в девять вечера и в три утра по вашему времени. Не

пытайтесь добраться до Пункта-два, пока мы не скажем. Счастливо.

Урубун вздохнул и полез обратно в пещеру. Все это ему нисколько не нравилось, но делать было нечего. Оставалось только сидеть и ждать.

По приказанию Вала на геостационарную орбиту были выведены дополнительные спутники, дающие полную и постоянно обновляемую карту целого континента. Однако на расстоянии около полутора тысяч километров от Центра начинались густонаселенные территории, и в этих районах индивидуальное наблюдение теряло смысл.

В два часа семнадцать минут утра истребитель, который так хорошо послужил Урубуну, запустил двигатели и взлетел. Новые спутники тут же его заметили, отслежили его траекторию, и новоприбывшие истребители-автоматы, о которых упомянул «Гром», вышли на цель. Опознав летательный аппарат, они пришли к выводу, что людей на нем нет, но, вполне возможно, есть перстень. «Пирату-Один» не дали времени даже высунуть нос. Маленький корабль был разнесен на куски, едва он покинул атмосферу планеты.

Логика Главной Системы была очевидна. Мурилий легко мог быть обнаружен с помощью новых спутников. А поскольку этого не случилось, следовательно, если корабль и был снабжен трансмьютером, он не был использован. Кроме того, на орбите не было ни одного корабля, способного принять трансмьютерную передачу — такой корабль был бы немедленно обнаружен. Значит, запуск истребителя был отвлекающим маневром, и в любом случае он бы не привел преследователей туда, куда они хотели попасть.

В Кохин-Центре Вал вызвал к себе полковника Прайви, командира джанипурского подразделения МСС.

— Трое местных жителей — это я еще могу понять, — начал Вал ледяным тоном. — И к тому же двое из них беременны! До чего же дерзкий ход! Неудивительно, что вы их пропустили. Кстати, известно ли вам, что вторая сестра, Сидау, вообще не существовала? По записям можно было воссоздать всю историю ее жизни, но, когда спросили ее родителей, оказалось, что в семье никогда не имели такой дочери!

— Да, я слышал. Очень умно.

— Подозреваю, что эти женщины не кто иные, как Чо Дай и Чо Май. Мы обновим файлы данных с учетом их нового облика. Превосходный выбор — невежественные крестьянки, с не особенно высоким показателем интеллекта, зато наделенные совершенно необъяснимым талантом к взлому любого замка. Ну ладно. Мужчина скорее всего тоже один из них, но это не имеет значения. Главное, что вы не предвидели утечки информации, полковник. Двойной агент в службе безопасности!

— Да, но заместитель Бойл! Второе лицо во всей службе безопасности! Он на этом посту уже пять лет! Как им удалось вообще добраться до такого человека, не говоря уже о том, чтобы склонить его к измене? Его не перепрограммировали, я готов поручиться своей жизнью! Как всех высокопоставленных лиц, включая меня самого, Бойла невозможно было обработать на ментопринтере без знания сложного кода, известного только верховному администратору и Главной Системе. В противном случае любая попытка просто убила бы его. И потом, он давний приятель начальника службы безопасности и многих других, стоящих на самом высоком уровне. Он постоянно общался с ними. Это был настоящий Бойл!

— Невозможно. Бойл часто отсутствовал подолгу и уходил в одиночку. Его могли перепрограммировать где угодно. Конечно, странно, что им удалось обойти кодировку, но это единственное возможное объясне-

ние. Такие, как Бойл, не могут просто взять и переметнуться на другую сторону — так же, как и офицеры МСС! Даже одна только мысль об этом подрывает саму основу, на которой зиждется вся наша цивилизация! Нет, его, безусловно, перепрограммировали, и очень давно. По долгу службы ему часто приходилось покидать Кохин-Центр. Возможно, именно поэтому его и взяли на заметку. А может быть, они просто схватили человека во флайере, предполагая, что это один из высоких начальников, и им повезло, вот и все.

— Воля ваша, — ответил полковник тоном, ясно говорившим, что он несколько не убежден. — Однако я настаиваю, чтобы в официальном отчете было отмечено, что я предлагал заменить перстень дубликатом, но мне запретили приказом.

Вал издал почти человеческий вздох.

— Полковник, то, что будет отмечено в отчете, не имеет никакого значения. Я понимаю, что вы хотите защитить свою репутацию — и репутацию ваших людей, но дело в том, что мы *не могли* заменить перстень подделкой. Это невозможно. Пожалуйста, не спрашивайте меня почему, но это так. В противном случае все перстни давно уже были бы спрятаны внутри Главной Системы. Жаль, что провалилась затея с «жучком».

— Мы даже не успели настроиться на его волну. Черт возьми, мы едва успели его вставить! Бойл прицелил его к своему любимому соколу. Мы сбили птицу километрах в двухстах к востоку. Мы надеялись, что она несет кому-то сам перстень, но это оказалась только вставка. Глупо было думать, что такой трюк сможет обмануть того, кто задумал и осуществил столь чудовищное преступление. Кем бы ни был этот Бойл, он весьма компетентен и очень опасен.

— Вынужден согласиться, и нам повезло, что есть шанс нейтрализовать его еще на Джанипуре. Не хотелось, чтобы он планировал следующую операцию. Мы

с самого начала сильно недооценили этих людей. Десять человек с минимальным опытом работы в космосе бегут из тюрьмы строгого режима на астероиде, обходят защитную автоматику и угоняют межзвездный корабль. Глава службы безопасности тюрьмы пускается в погоню и пропадает вместе с ними. Через несколько месяцев он появляется снова во главе нескольких беглецов. Один из моих братьев загоняет их в угол в глубоком космосе, но они умудряются перехитрить его и покончить с ним. Они ухитряются найти и захватить транспорт с несколькими сотнями тонн мурилия, и, наконец, вот это. Что вы на это скажете?

— Только то, что это, безусловно, самые необычные люди. Такие нам не встречались на протяжении целых столетий, — согласился полковник. — И весьма опасные.

— Верно, но и больше того. На первых порах все это выглядело лишь небольшим заговором под эгидой верховного администратора Земли. Но мы не могли ничего доказать и предпочли оставить его в покое, тем более что он владеет одним из перстней.

— А!

— Теперь становится ясно другое. Где-то в космосе, и отнюдь не случайно, мятежники встретились с кем-то, кто оценил их незаурядные способности, и успех заговора стал весьма и весьма реальным. Система впервые встретила достойного противника, который смог бросить нам серьезный вызов. И мы должны учитывать, что они действуют заодно с врагом, хотя, возможно, и не добровольно.

— Я знаю о войне, которую ведет Главная Система, но МСС никогда не участвовали в ней.

— Так же, как и Валы. До сих пор ни вы, ни я не могли принести в ней пользу, но теперь противник пытается выйти из патовой ситуации, используя человечество, и мы должны воспрепятствовать этому. С этого

момента все ресурсы поступают в распоряжение МСС, а все Валы перенацеливаются только на эту задачу.

Полковник всплеснул руками:

— Взгляните на карту! Прошло уже три дня. Даже если предположить, что у них нет наземного транспорта — а учитывая способности этих людей, я бы не удивился, обнаружив, что они проложили подземную железную дорогу, — так вот, даже если они передвигаются пешком, то к данному моменту они могут быть где угодно в пределах десяти тысяч квадратных километров. Эта площадь уже захватывает относительно густонаселенные районы. Они вполне могут изменить облик и следовать заранее подготовленным маршрутом.

— Вы забываете, что обе женщины беременны. Вот почему они начали действовать именно сейчас. Через несколько недель ни одна, ни другая уже не смогли бы ничего сделать.

— Даже на последних месяцах беременности джанипурские женщины передвигаются достаточно быстро. Кроме того, беременность здесь — обычное дело. На планете почти два миллиарда человек, и в настоящий момент в среднем одна из шести джанипурских женщин беременна.

Вал такими сведениями не располагал и был ошеломлен.

— Ну... и все же они брахманы, а в этих местах высшая каста немногочисленна. Это должно сузить поле поиска.

Полковник снова вздохнул:

— Сэр, разве мы не предполагаем, что эти люди не индусы по рождению и не разделяют наших верований.

— Видимо, да. Сестры Чо, вероятнее всего, буддистки, а что касается остальных... Боюсь, среди них действительно нет ни одного прирожденного индуса.

— В таком случае я должен сказать, что столь умные люди не забыли запастись краской для шерсти, а сменив касту, они изменят и все остальное.

— Хм-м-м... Дельное замечание. И вы можете предположить, какую касту они примут?

— Я бы на их месте сделался кшатрием — это светские лидеры, они располагают достаточной свободой перемещения. Однако с таким же успехом они могут перекраситься в вайшья и выдавать себя за квалифицированных рабочих или художников. А для тех, кто захочет совершенно раствориться в толпе, очень хорошо стать шудрами. Короче говоря — любой цвет, кроме черного.

— Понимаю. Итак, вы считаете поиски безнадежными?

— Не вполне, хотя надежда невелика. Готов держать пари, что тот истребитель был именно тем кораблем, с помощью которого они прибыли сюда, но в нем наверняка не было ничего ценного. Я уверен, что перстень все еще у них, а раз так, нам нужно только лишь дождаться, пока пираты сделают следующий ход — здесь или из космоса. Искать их не обязательно. Гораздо важнее не дать им улететь с планеты.

4. ВСЕ ПОПАДАЮТСЯ НА МЕЛОЧАХ

Земля вздрогнула, и послышался грохот, словно где-то вдалеке со склона скатился оползень. Через несколько минут звук повторился уже громче, потом еще громче, и беглецы встревожились.

— Это еще что такое? — спросила Икира.

— Понятия не имею, — ответил Урубу, — но вряд ли что-то хорошее.

— Наверняка очередной трюк, чтобы нас выкурить, — предположил Сабир.

— Я выйду и посмотрю, — сказала Икира. — Я уже хорошо знаю эти холмы, и меня никто не заметит. Ждите.

Земля с каждым разом дрожала сильнее, Икиры все не было. Урубу решил, что, если она не вернется через пять минут, надо ее искать, но тут она влетела в пещеру, задыхаясь от быстрого бега.

— Солдаты идут группами по обе стороны хребта и бросают гранаты во все пещеры, которые им попадают. Они будут здесь минут через десять.

— Все к запасному выходу! — скомандовал Урубу. Он взял один пистолет, а другой бросил Сабиру. — Они заходят потом в пещеры? — спросил он Икиру.

— Да, но не глубоко. По-моему, только для очистки совести. Светят внутрь фонарем и торопятся дальше.

Несколько секунд Урубу напряженно размышлял.

— Я думаю, пересидим здесь. Когда взрывы приблизятся, откройте рот, зажмите уши и не двигайтесь!

Я на всякий случай буду прикрывать проход. Сабир, ты возьмешь на себя запасный выход. Если я выстрелю, сразу же удирайте. Я догоню вас потом.

Взрывы быстро приближались, и наконец послышались голоса. Потом наступила тишина, внезапно прерванная тремя сильными взрывами. Из прохода вылетело облако пыли и грязи. Беглецы едва удержались, чтобы не раскашляться. Солдаты подождали, пока осядет пыль, посветили фонарем, но внутрь заходить не стали. Беглецы затаили дыхание. Вновь слышались перекликающиеся голоса, потом раздался еще один взрыв, но уже дальше и по другую сторону гряды. Через несколько минут стало ясно, что опасность миновала, но Урубубу оставался настороже, пока взрывы не замолкли вдали.

Взрывная волна перевернула несколько ящиков и разбросала миски, но из людей никто не пострадал. Наконец Икира прошептала:

— Пойду проверю.

— Ты же безоружна! Если они оставили сторожа... — Урубубу не договорил.

— Я могу о себе позаботиться. И меня немножко труднее заметить, чем любого из вас, они и понятия не имеют, что бывают существа вроде меня.

Она отсутствовала недолго.

— Солнце уже садится. По-моему, они так спешили потому, что хотели закончить до темноты. Судя по звукам, вдоль гряды курсируют флайеры. Наверняка на них полно всяких детекторов, но долго они здесь не задержатся.

Урубубу кивнул:

— Они сделали все, что могли.

— Мы когда-нибудь вылезем из этой дыры или нет? — капризно спросила Чо Дай.

— Да, пожалуй, нам пора. Но сначала придется изменить нашу внешность. Двадцать процентов молодых

женщин на планете беременны, но я не рассчитывал, что с нами будет капитан Сукота.

— Вы и представить себе не можете, как я умею прятаться, — ободрила его Икира. — Естественного оружия у меня нет, но моя маскировка — верх совершенства. Она предназначена для гораздо более враждебного мира, чем этот, и в состоянии выдержать любые испытания.

— Восхитительно, и я, конечно же, вам верю, — согласился Урубу, — однако Вала вы не обманете ни на минуту, капитан. Он знает все колониальные расы и автоматически их опознает, я в этом уверен. А Вал появится здесь при малейшем подозрении, что мы — это мы. Против Вала бессилен даже я, если, конечно, не удастся застать его врасплох.

— Невозможно одолеть Вала один на один, — заявил Сабир. — Это всем известно. Большая и очень хорошо вооруженная группа, быть может, и справилась бы, но взамен одного здесь тут же появятся два новых, и больше того, наверняка с подкреплением.

Урубу улыбнулся:

— Если бы я оказался у Вала за спиной да еще с нормальным боевым лазером, вроде тех, что у здешней солдатни, я бы его свалил. Правда, свалить его недостаточно. У Вала есть модуль, который снабжен собственным межзвездным приводом. Он может действовать автономно и развивает огромную скорость. Я сам видел, как такой модуль вырвался из разбитого корабля Вала. Он размером с кулак и выходит наружу, когда тело Вала погибает.

— Душа Вала... — прошептал Сабир.

— Вал сделан из металла, пластика и прочих искусственных материалов. Он всего лишь машина, хотя и способная мыслить. Его душа, как вы ее назвали, всего лишь механическое устройство, блок памяти, снабженный всем необходимым, чтобы добраться туда, где можно передать информацию Главной Системе.

Душу нельзя ни увидеть, ни пощупать, а эта вещь существует, она твердая, материальная, и кто-то когда-то ее сделал. А то, что однажды сделано, можно и уничтожить.

— Вот как? Допустим, у тебя получилось? А что дальше? Остаются еще эмэсэсовцы, да и Вал может оказаться не единственным на планете, если учесть, что мы тут натворили.

Уруб укинул:

— Их здесь двое. Один постоянно курсирует между штабным кораблем и Кохин-Центром. Другой обеспечивает связь между штабом МСС, джанипурским штабным кораблем и Главной Системой. И так, два Вала, штабной корабль и два автоматических истребителя — весьма приличные силы, хотя наверняка у них в запасе есть что-то еще. Войска — это Джанипурская дивизия. Они выглядят так же, как мы, и на других планетах от них мало толку, зато здесь, если понадобится, их можно держать до бесконечности. Валы и истребители — машины. У них поистине безграничное терпение. Они просто будут ждать, пока мы не сделаем ход.

— По-вашему, выходит, — вмешалась Икира, — что мы можем выбраться, только если сделаем то, чего они больше всего хотят — бросимся в драку один на один? Вот уж действительно замечательный план!

— Если бы у нас не было перстня, мы могли бы и вообще остаться на этой планете, — виновато ответил Урубу. — Мы заранее знали, что выбраться отсюда будет нелегко, но, честно говоря, не подозревали, насколько. Я просто взвешиваю альтернативы. Мы можем идти, как планировали, в Пункт-два, потом в Пункт-три и так далее, пока не устанем вконец и либо не плюнем на все, либо очертя голову ринемся в бой. Но мы можем ударить раньше и сберечь себе время.

— И потерять все остальное, — мрачно вставил Сабир.

— Вероятность этого велика, но некоторые вещи работают на нас. И прежде всего то, что мы сами выберем, где и когда ударить. Если пойти на некоторый риск, то в наших силах немного уравнивать шансы.

— Риск... — повторил Сабир. — Какой еще риск?

— Риск быть захваченными. Риск угодить в заключение. Сами понимаете, здесь вас допрашивать не станут. Вы слишком много знаете о перстнях и их назначении. Вас доставят на штабной корабль. Вал и местный командующий МСС, полковник Прайви, захотят послушать вас лично. Они непременно пожелают...

— Риск меня не пугает, но мне не нравится слово «вас», — заметила Икира. — То есть вас это не касается?

— О, я в любом случае останусь с вами. В этом-то вся прелесть. Но проблема в том, что мне понадобятся интенсивные переговоры с «Громом», чтобы утрясти детали, а я не уверен, что здесь меня не засекут. Нужен район с большой плотностью населения. В двух днях пути к юго-западу я устроил еще одно убежище, оно удобнее расположено и более комфортабельно. Я думаю, что, немного изменив внешность, мы сможем до него добраться. У меня есть все, что нужно для маскарада, все необходимые карты и даже немного денег.

— Нас непременно объявят в розыск, — заметила Чо Дай. — «Разыскиваются двое мужчин, путешествующих вместе с беременными сестрами-близнецами».

— Зачем нам идти вместе. Двое мужчин и две женщины — мы естественным образом разделимся на пары. И вряд ли кто-то скажет, что вы близнецы, пока не увидит вас сразу обеих. Каждая пара пойдет немного другим путем, чтобы у не в меру сообразительных людей не возникли ненужные мысли. Что касается вашей беременности, то пусть она вас не тревожит. На этом континенте более миллиарда с четвертью людей, и население быстро растет, несмотря на относительно высокую детскую смертность. В среднем одна из шести

женщин вашего возраста беременна. Как только мы доберемся до обжитых мест, то растворимся в толпе, и тогда нас уже не достать. Они будут вынуждены ждать, пока мы не сделаем ход. Ну-ка, Сабир, помоги мне вытащить этот черный бочонок. Кисточки и прочий инструмент вон в той коробке.

Они вытащили бочонок и коробку на середину пещеры и сняли крышки. Сабир вздохнул и грустно покачал головой:

— Вайшья... Нам что, непременно нужно опускаться так низко? — Краска была рыжевато-бурого цвета.

— Оставаться брахманами нам нельзя. Это все равно что прийти и сдать полковнику Прайви. Кшатрии как политики и профессиональные лидеры имеют высшее образование и держатся особняком. Противник наверняка ждет, что мы сделаемся кшатриями, и первый же промах приведет его к нам. Шудры — самая многочисленная каста, и в ней мы стали бы совершенно невидимыми, но они не могут передвигаться свободно. Капитан Сукота, вы будете путешествовать у меня на спине, но пропитание вам придется добывать самостоятельно. Со временем мы что-нибудь придумаем. Чо Дай пойдет с Сабиром, Чо Май — со мной. Выходим по очереди, как только будем готовы.

Сабир потрясенно уставился на Урубубу:

— Я вижу, ты радуешься? Ты просто ликуешь?

— Это самое лучшее развлечение в моей жизни, — ответил тот без малейших признаков раскаяния.

Сабир и Чо Дай медленно брели по дороге. По правде говоря, это была просто утоптанная тропа, выходящая среди полей. То здесь, то там были разбросаны деревушки, где жили шудры. Убогие хижинны, глинобитные, были сложены из кизяка. Назой-

ливо жужжали мухи. В центре каждой деревушки имелся колодец, вокруг которого сплетничали женщины и возились ребятишки, похожие на козлят с человеческими головами.

После кондиционированного воздуха Центра было очень тяжело притерпеться к запахам, но путники уже начали привыкать. Сама по себе крестьянская жизнь была хорошо знакома Чо Дай, хотя ее народ жил в хижинах из бамбука, дерева и соломы. «Мой прежний народ, — внезапно подумала она. — Теперь мой народ здесь».

Больше всего ее тревожил ребенок, которого она вынашивала. Она никогда не задумывалась, что значит быть матерью, но теперь это стало для нее самым важным делом на свете. Чо Дай все еще могла выпрямиться во весь рост, если необходимо, но старалась этого не делать, боясь повредить ребенку. В результате она все больше и больше зависела от Сабир, но ее это не беспокоило. Единственная польза от джанипурских мужчин, не считая зачатия, по ее мнению, состояла в том, чтобы защищать женщин во время беременности и в первые месяцы после родов. Чо Дай не считала себя подчиненной, напротив, эту роль она отводила Сабире.

Уруб дал им мешочек с монетами — сумма примерно соответствовала среднему полугодовому доходу жителей деревень. Сабир благоразумно старался поменьше показывать деньги, а тем более — пистолет и носил их в заплечном мешке. В поясном кошельке он обычно держал две монеты среднего достоинства с изображением воплощения Вишну на одной стороне и стилизованным мохнатым джанипурским слоном на другой. На текущие расходы этого хватало с избытком.

Сперва хозяйка постоялого двора, где они остановились, уверяла, что свободных комнат у нее нет, но, увидев монеты, стоимость которых вчетверо превышала обычную плату за наем, смиростивилась и нашла

им помещение на задах. Это был маленький однокомнатный домик с земляным полом, устланным соломой. Вся обстановка состояла из нескольких старых циновок, но этого вполне хватало. Основное здание постоянного двора было всего в нескольких метрах. Здесь имелся водопровод, соединенный с колодцем, и отдельный «гостевой» насос на задней стене. Для освещения им служила небольшая спиртовая лампа.

Сабир распаковал мешочек с деньгами, взял оттуда еще две монеты и снова убрал его.

— Схожу куплю чего-нибудь поесть, — объяснил он. — Я ненадолго. Посиди здесь: я не хочу оставлять мешок без присмотра. Надо отдохнуть и набраться сил перед завтрашним переходом. Мы не так уж далеко отошли от Центра, чтобы рисковать. Ты видела, как на нас смотрят — и только потому, что мы нездешние.

Чо Дай кивнула:

— Иди. За меня не беспокойся.

Они вышли в путь не раньше полудня, а сейчас солнце клонилось к закату, но на рынке еще оставались торговцы. Сабиру было труднее в учении, зато легче в бою: в отличие от сестер Чо он почти полностью перестроил свое мышление на джанипурский лад, а им это так и не удалось. Кроме того, он на удивление уверенно чувствовал себя в облике мужчины. Сабира росла в суровых условиях и с детства завидовала свободе и уверенности своих братьев. Она была малорослой и хрупкой и в незнакомой обстановке остро ощущала свою уязвимость. Но здесь это чувство исчезло.

Разменять монеты в это время дня оказалось труднее, чем найти на рынке еду. Здесь, в провинции, господствовал натуральный обмен, и деньги были не в ходу. Ими расплачивались в основном приезжие. За пять рупий Сабир не только купил уйму продуктов, но и нанял женщину, которая приготовила еду и принесла в домик. Сабир порадовался, что никто не задает

лишних вопросов и не сравнивает его лицо с расклеенными по стенам объявлениями о розыске.

Ужин, хоть и не был вершиной кулинарного искусства, оказался вполне сносным, особенно в сочетании с джанипурским пивом, которое замечательно успокаивало и снимало усталость. Скорее всего в него был подмешан какой-то мягкий наркотик растительного происхождения, но Сабир об этом мало заботился. Чо Дай, успокоившись, стала нежной и ласковой, и Сабир вдруг обнаружил, что мечтает добраться до ментопринтера, закрепить нынешнее состояние Чо Дай и заставить ее забыть о прошлом. В глубине души он понимал, что это постыдные мысли, но ничего не мог с собой поделать. Впервые с тех пор, как начались их джанипурские приключения, они спали спокойно, и Сабир едва удержался, чтобы не предложить Чо Дай плюнуть на все и прожить остаток жизни в безмятежности и покое.

К исходу третьего дня они достигли места назначения. Они не спешили — во-первых, потому, что в этом не было необходимости, а во-вторых, потому, что, не сговариваясь, решили продлить ощущение безопасности. В пути им ничто не грозило. Чо Дай то и дело останавливалась поболтать с молодыми мамашами: она хотела знать, как протекают роды и как воспитывать маленького джанипура. Она была счастлива, когда Сабир купил ей на рынке несколько безделушек. Украшения были довольно аляповаты, но Чо Дай дорожила ими не меньше, чем бриллиантами.

Пункт-два оказался маленьким домиком в лесу у ручья, стоящим в стороне от оживленных дорог. Земля принадлежала местному махарадже, но он, как и большинство его коллег, постоянно был в отъезде. Люди редко забредали в эти места. Тропинка к дому порядком заросла, и путники с трудом продирались через лианы. Они надеялись, что Урубу с Чо Май уже там, но одного взгляда на тропинку и домик было довольно,

чтобы понять, что они опередили товарищей. Дом выглядел заброшенным, и лишь тот, кто знал о наличии двойного пола, мог обнаружить склад, устроенный Уруб. Припасов было меньше, чем в Пункте-один, но все же вполне достаточно.

— Я беспокоюсь, — сказала Чо Дай. — Хотя, наверное, почувствовала, если бы с сестрой случилось что-то действительно плохое. Могли они угодить в какую-то неприятность, как ты думаешь?

— Понятия не имею, — честно ответил Сабир. — Лучшее, что мы можем сделать, это сидеть тихо и ждать. Возможно, они выбрали слишком длинную дорогу, а может, их задержала непогода, да мало ли что еще. У них ведь еще есть маленькая Икира, так что они должны избегать поселений. Подождем, пока не станет ясно, что они уже не появятся. Здесь хватит еды на неделю, а то и на две.

— А если они не придут? Что тогда? — Перстень был у Уруб.

— Кончатся припасы, тогда и будем думать.

Утром Сабир исследовал склад под полом. Здесь было оружие, хитроумное связанное устройство и даже портативный ментопринтер из тех, которыми пользовались работники джанипурской службы безопасности. К нему прилагался набор картриджей и один, помеченный «Гипно», представлял собой своего рода заглушку. В отличие от прочих эта программа не была постоянной, хотя с помощью стационарного ментопринтера или при постоянном и последовательном применении ее можно было закрепить на неопределенный срок. Тот, кто был под ее влиянием, повиновался любому внушению в течение пяти — семи дней и верил всему, что бы ему ни сказали.

«А что, если они не придут? Что тогда?» Ужасно, конечно, но этот вопрос вызвал у Сабир приятное волнение. Чо Дай знала, что такое ментопринтер, но не могла ни управлять им, ни прочесть надписи на ка-

тридцать. Зато она полностью доверяла Сабиру. Внутреннее можно было бы повторять, пока не истощатся батареи... Нет! Это грех. Уруббу упрекал его в эгоизме и был, конечно, прав, но быть эгоистом еще не значит быть подлецом. Еще два дня. Потом он развесит на деревьях антенну и попытается вызвать «Гром».

Чо Дай беспокойно заворочалась и проснулась. Было еще слишком темно, чтобы увидеть что-нибудь, и на мгновение она подумала, не почудилось ли, но острый джанипурский слух сразу выделил среди ночных звуков те, что разбудили ее.

— Сабир! Просыпайся! — встревоженно прошептала она.

— А? Что?..

— Кто-то идет! Я слышу шаги и шуршание листьев!

Сабир моментально проснулся и вскочил, схватив пистолет. Он стоял, глядя на дверь, не зная, что ему делать. В темноте он совершенно слеп, но если рискнет зажечь свет, то неизбежно выдаст свое присутствие. Может быть, идущий и не знает, что они здесь... Если выстрелить сразу, как только откроется дверь, можно убить тех, кого они ждут. А если не выстрелить и это будут солдаты, уйти уже не удастся. Сабир напряженно размышлял. Уруббу прекрасно подготовил убежище, но забыл о запасном выходе. По крайней мере Сабир его не нашел. Пистолет — неплохая штука, но будь у них путь к бегству, стрелять бы не потребовалось.

— Ты... может быть, это они? — прошептала Чо Дай.

— Ш-ш-ш... Тихо... — Нет, теперь уже было ясно, что это не Уруббу. Шаги раздавались совсем близко и были совсем не похожи на шаги джанипурца. А если это Икира, то она явно добралась по пути лишнюю сотню килограммов, если не больше.

Дверь медленно отворилась. Сабир и Чо Дай ожидали увидеть размытый силуэт в инфракрасном свете, но увидели совершенно иную картину: тепловое излучение исходило из двух мерцающих глаз и нескольких небольших пятен, рассеянных по огромному человекоподобному телу.

— Вероятно, вы хотите зажечь свет, — мужским голосом спокойно произнес Вал на безупречном джанипурском хинди. — Я вижу вас хорошо, но у меня нет причины пользоваться своим преимуществом.

Сабир не испытал удивления тем, что сбылись его худшие опасения. Наоборот, он ощутил некое странное спокойствие. Неизбежное наконец свершилось. Убежать от Вала невозможно. Да, конечно, однажды их товарищам удалось одолеть Вала в космическом бою, но это стоило жизни Арнольду Нейджи, и до последнего момента не было никакой уверенности, что все кончится благополучно. Это была скорее удача, чем подлинная победа. На мгновение у него мелькнула мысль застрелить Чо Дай, а потом застрелиться самому, но даже эта попытка была бы безрассудной. Вал наверняка предусмотрел такую возможность. А смерть только одного из них ничего не дает.

Сабир положил пистолет на пол, неловко нашарил в темноте спички и зажег лампу, удивляясь тому, что у него не дрожат руки.

— Вы взяли остальных? — спросил он.

— Увы, нет, но рано или поздно мы их возьмем. Мы следили за домом в течение двух дней, но в конце концов было решено, что остальные, несмотря на все меры предосторожности, вероятно, заметили наши посты и уши.

— Но... если вы вышли только на нас, значит...

— Да. Брахманам Кохин-Центра не часто приходится использовать деньги, но служба безопасности хранит небольшой запас, просто на всякий случай. Все монеты новой чеканки. Ваш сообщник Бойл изъял от-

туда семьсот шестьдесят рупий. Сумма невелика, но монеты такого достоинства привлекают к себе внимание в бедных селениях. Кроме того, боюсь, что все они имели некие небольшие дефекты. Вот почему монетный двор переслал их в службу безопасности, а не в обычные банки. Об этом не знал даже верховный администратор — это сугубо внутренние дела. Разумеется, проследить, не всплывут ли в радиусе нескольких сотен километров от Кохин-Центра такие монеты, было нетрудно. Это и навело нас на след. Да... я полагаю, что эта леди — одна из сестер Чо, а с кем я имею честь говорить?

Сабир вздохнул:

— Не так давно меня звали Сабира, и я была членом флибустьерского экипажа. Теперь я — то, что вы видите; а мое прежнее имя и личность утрачены.

— Флибустьер! Значит, на их стороне еще и флибустьеры! — отозвался Вал. Казалось, он, словно человек, рассуждает вслух. — Я знал, что за нарушение Завета придется заплатить. Главная Система пыталась ликвидировать небольшую шайку, а вместо этого, оказывается, создала целую армию. Хотелось бы знать, насколько многочисленную. Не отвечайте — этим мы займемся позже. Мы думаем, что информация, которой вы располагаете, поможет нам выйти из этой затянувшейся патовой ситуации. Да, по-видимому, перстня у вас нет, я прав?

— Нет. Он был у меня, но я его отдал. Это правда.

— О, я вам верю, — откликнулся Вал. — Ведь у вас нет причин лгать, не так ли?

— Если вас не затруднит, — вмешалась Чо Дай, — скажите, что с нами сделают?

— Ну, смотря по обстоятельствам, — ответил Вал все тем же дружелюбным тоном. — Полагаю, некоторое время вы будете нам полезны. Прежде всего мы вернемся в Кохин-Центр, а потом вам предстоит небольшое путешествие на корабль, находящийся на ор-

бите. Там мы разберемся в том, что вам известно, и оценим эту информацию. После этого вы, возможно, будете и дальше служить нам, а возможно, и нет. В последнем случае мы выполним небольшую переориентационную подстройку, которая возвратит вас на путь истинной гармонии и равновесия. Когда вы перестанете быть полезными для нас, наши техники заменят ваши личности новыми и, разумеется, предпримут некоторые незначительные генетические манипуляции, которые закрепят за вами и вашим потомством, так сказать, пониженный статус. Но и вы и ваши дети останетесь в живых и будете счастливы до конца своих дней, если только не доставите нам новых неприятностей. Не могу обещать вам ничего лучшего, чем каста шудр, но если вы будете вести себя смирно, то ваши дети не родятся неприкасаемыми.

Это была очень сильная угроза. Шудры, по существу, были обычными крестьянами, такими же, как на Земле, но даже Чо Дай, которая считала неприкасаемых всего лишь несчастными, несправедливо отвергнутыми обществом, понимала, какая судьба ждет ребенка, рожденного в этой касте. Сабир понял и принял предложение Вала, считая его ценой ошибки и, возможно, наказанием, ниспосланным боже-ствами за смену пола и облика. С учетом искренней веры в перевоплощение будущая судьба не казалась ему ужасной, но тяжело было сознавать, что Вал предлагает им сотрудничество не просто из вежливости, а совершенно искренне.

— Ну что ж, — со вздохом сказал Сабир, — по крайней мере нам не придется больше спать в этом доме.

— Отойдите-ка в угол, — велел Вал. — Я хочу посмотреть, что тут у вас есть.

Они повиновались, и робот склонился над вещами, которые Сабир накануне вытащил из тайника под полом.

— Хм-м-м... Связная система... И довольно-таки дальнотействующая. Кодированная поднесущая нашего собственного связного спутника, невероятно! Больше мы не станем недооценивать этих людей. И ментопринтер из службы безопасности! Хотелось бы применить его к вам... но нет. Пусть ваша сдача будет почетной, насколько это возможно. Достойный противник заслуживает уважения, такие нечасто встречаются. — Вал повернулся к двери. — Сержант!

Вошел джанипурец в эмэсэсовской униформе. На голове у него был обруч с каким-то устройством вроде очков — скорее всего прибор ночного видения.

— Сэр?

— Вы уже вызвали флайер?

— Он не сможет здесь приземлиться. Нам придется пройти к дороге, там открытое место. Это недалеко, километр или около того. Машина прибудет через пятнадцать — двадцать минут. Вы же знаете, они неважно приспособлены для ночных полетов.

— Хорошо. Теперь я попрошу вас обоих выйти. Сержант, проследите, чтобы здесь все опечатали, и догоняйте нас.

Сержант подозрительно взглянул на пленников:

— Вы уверены, сэр? Все мои люди, кроме одного, сейчас на посадочной площадке...

Вал только усмехнулся:

— Не беспокойтесь, сержант. От меня им не убежать. Действуйте.

Темнота озарилась светом, исходящим откуда-то из глубины тела Вала. Они шли впереди робота, когда внезапно Вал приказал:

— Стоять! Замрите! Здесь что-то есть, здесь что-то не так...

Сабир и Чо Дай почувствовали то же самое: Повисла мертвая тишина, и вдруг впереди справа раздался, словно голос призрака в ночи, юный девичий голос, игриво напевавший — по-английски!

Драгоценный перстенок
Наш пройдоха уволок.
Эй, коровье стадо!
Падай, падай, ПАДАЙ!

Сабир и Чо Дай, хотя были сбиты с толку и напуганы, оказались достаточно сообразительны, чтобы понять намек. Они немедленно бросились на землю. Почти сразу же с другой стороны раздался треск, и вспыхнули лучи лазерных пистолетов. Лиловые клинки света вонзились в Вала, который пытался нашарить взглядом и сенсорами невидимую певунью. Удар пришелся в спину, как раз в то место, где у человека был бы крестец. Сдвоенные лучи ходили крест-накрест, врезаясь все глубже.

Вал испустил ужасный, нечеловеческий вопль и попытался повернуться, но поздно: его парализовало, и он не мог сдвинуться с места. Однако Вал не был беззащитен: из его спины ударил ответный луч, но он был выпущен наугад и прошел мимо цели. Посыпались горящие ветки, и на земле вспыхнули тысячи крохотных пожаров.

Чо Дай сообразила, что надо пользоваться моментом. Она быстро вскочила и с криком: «Бежим!!!» рванулась прочь. Сабир замешкался лишь на мгновение. Вал не обратил на них внимания и начал с усилием разворачиваться, продолжая беспорядочно полосовать лазером все вокруг. Когда он повернулся, лучи ударили его спереди, в низ живота.

Вал прекратил стрельбу и завертелся на месте. Свет замигал и потух, и в темноте началось нечто неописуемое. Длинные щупальца выстреливали из массивной фигуры и с невероятной быстротой метались по сторонам, маленькие шаровые молнии ударили в деревья, взрываясь с оглушительным треском. Металлический рев, похожий на крик смертельно раненного зверя, поднялся до пронзительно высоких нот, а не-

видимые стрелки все держали Вала на скрещении лучей. Внезапно раздался жуткий скрежет, алые глаза замигали, потускнели и погасли, движения Вала замедлились, он затрясся и с треском рухнул на землю.

— Не подходи! — раздался голос сержанта. — Сейчас пойдет аварийный модуль! Переключи на широкий луч, как я показывал!

Автономные датчики внутри Вала определили, что тело не способно функционировать. Резервное копирование памяти, запущенное в момент начала атаки, завершилось. Вобрав в себя энергию, оставшуюся в цепях Вала, информационный модуль начал прокладывать себе путь через тело робота. Тепло, выделявшееся при этом, выдавало его движение всякому, кто был способен видеть в инфракрасном свете.

— Дождись его, но не дай ему улететь! — предостерег сержант.

Наконец модуль появился — яркий хрустальный шар чуть побольше мужского кулака. Он сиял так, что было больно смотреть. И тут же в него ударили лучи.

Шар начал медленно подниматься, но лучи не выпускали его. Какое-то мгновение казалось, что он уйдет, но вдруг он закачался и завибрировал...

Оглушительный взрыв сбил Чо Май и Сабира с ног. Дождем посыпались сучья. Издали донеслось раскатистое эхо.

Поднявшись, Сабир увидел перед собой сержанта. «Быстрее!» — прокричал тот, засовывая в кобуру пистолет. Обогнув еще дымящиеся останки Вала, они бросились к посадочной площадке, где их ждала Чо Дай с Икирой на спине и лежали обожженные тела четырех эмэсэсовцев.

— Двигайте!!! — проревел сержант. Похоже, слух еще не совсем вернулся к нему после последнего взрыва. — Сейчас прилетит флайер. Живее!

Они успели отбежать едва ли на несколько сотен метров, когда в горящем лесу раздался еще один взрыв, и

огненное облако взметнулось над вершинами деревьев. Преследователям мало что останется от Пункта-два.

Подгоняемые страхом, они со всех ног устремились в ночную тьму.

Сабир недоуменно уставился на своего спасителя и помотал головой.

— До сих пор не могу поверить, что мы и вправду удрали и что ты — это Урубун. Что это значит?

— Урубун может стать любым, кем захочет, — ответил тот. — Сестры Чо это видели. Было же тебе сказано, что я... м-м-м... не человек. По существу, во мне даже меньше человеческого, чем было в том Вале.

Они бежали почти всю ночь и только к утру отважились остановиться на отдых. Разумеется, их не могли не искать, но поиски были беспорядочными и велись наудачу. Кроме того, эмэсэсовцы были больше обеспокоены тем, как бы скрыть от общественности факт, что Вал погиб от рук простых смертных.

Урубун, Чо Май и Икира пошли к Пункту-два более окольным и менее удобным путем. Они прибыли лишь на несколько часов позже Сабира и Чо Дай, но на подходе по счастливой случайности заметили на холме наблюдателя и тут же поняли, что их товарищи попались. Силы противника были невелики: четверо рядовых под командой сержанта и Вал, но если бы они, ничего не подозревая, влезли в ловушку, этого было бы вполне достаточно. Урубун решил подождать и посмотреть, что будет дальше.

Прошлой ночью стало ясно, что машинное терпение Вала все-таки истощилось, трое рядовых остались караулить подступы к домику, а четвертого вместе с сержантом Вал взял с собой, на случай, если там окажется запасный выход. Урубун по дороге научил Чо Май стрелять из пистолета, и вдвоем они легко управились с солдатами, оставшимися поодаль от домика. Затем Чо Май устроилась в засаде рядом с тропой, а Икира,

перебираясь с ветки на ветку, подвела Уруббу прямо к одному из двоих, которые были у дома. Времени оставалось в обрез, но Уруббу сумел подобраться к сержанту сзади и поглотить его еще до того, как Вал вошел в домик. Операция прошла в полном молчании, но заняла семь минут. Уруббу не был уверен заранее, что располагает этим временем, но рассчитывал, что, если Вал внезапно вернется из домика, он как-нибудь сумеет изобразить сержанта и отвертеться. Дело осложнялось еще и тем, что перед превращением Уруббу был вынужден снять с сержанта униформу. Голому сержанту пришлось бы многое объяснить...

По счастью, Вал оказался в разговорчивом настроении, и Уруббу успел не только завершить превращение и одеться, но и позвать, а потом придушить оставшегося солдата.

— Арнольд Нейджи буквально на последнем вздохе рассказал мне, как можно справиться с Валом один на один, — объяснил Уруббу. — Разумеется, мне пришлось полагаться только на его слова, но это был наш единственный шанс. Должен признаться, я всерьез рассматривал возможность отправиться вместе с вами и подождать более подходящего момента. Но я вовремя вспомнил об убитых солдатах. Вал увез бы вас, а сержанта оставил бы искать убийц. Скажу честно — я не был уверен, что кто-то из вас не попадет под луч, но, как это ни жестоко звучит, лучше было бы вам умереть, чем попасть в плен и выдать всех остальных.

— Понимаю, — согласился Сабир. — Я и сам прикидывал, как убить нас обоих, прежде чем начнутся допросы.

— Я надеялась, что у вас хватит сообразительности правильно понять мою песенку, — усмехнулась Икира. — И рассчитывала, что, услышав английскую речь, как на борту «Грома», вы быстро сориентируетесь.

— А дальше уже было проще, — продолжал Уруббу. — Чо Май мне здорово помогла. Уязвимое

место Вала — его командный модуль, нечто вроде мозга, только находится он совсем не там, где полагалось бы. Корпус хорошо бронирован, но Нейджи предупредил, что надо стрелять в нижнюю часть туловища, спереди и сзади, и делать режущие движения лучом. За те несколько секунд, что Вал был в растерянности, мы успели прожечь большую часть его нейронных цепей. Это примерно то же самое, что человеку сломать позвоночник. Мозг продолжает функционировать, но сигнал не проходит. Но этих поганцев чертовски трудно убить, и даже тогда мы только его повредили. Когда управление телом Вала было потеряно, настоящий Вал, тот хрустальный шар, который был его мозгом и носил тело как латы, подключил питание и начал пробиваться наружу. И только когда мы разрушили его, Вал окончательно умер.

— И что теперь? — грустно вздохнул Сабир. — Пользоваться деньгами мы не можем, всю округу прочесывают, и скоро появятся новые Валы. Нельзя же продолжать прятаться до бесконечности. Рано или поздно нас поймают.

— Согласен, и, значит, надо поторопиться, пока Главная Система не ввела в бой что-нибудь еще. Правда, они до сих пор не знают, с кем или с чем имеют дело, и в этом смысле остаются в невыгодном положении. Учитывая, что мы сумели расправиться с Валом и целым отрядом эмэсэсовцев, они уже не уверены в том, сколько нас здесь, и даже в том, кому теперь доверять. Мы показали зубы, но приказ взять нас живьем, вероятно, по-прежнему в силе. Мы должны затеряться. Нам придется избегать встреч с людьми и оживленных дорог. Когда мы доберемся до Пункта-три, я вызову «Гром». Тогда мы сможем наконец убраться с этой планеты, хотя, боюсь, это нам дорого обойдется.

Урубу был прав, когда говорил, что противник теперь в замешательстве. В последующие дни начались беспорядочные массовые аресты, обнажившие всю

глубину растерянности эмэсэсовцев. Были нарушены все правила, установленные Главной Системой. Один только вид новейших приборов и оружия в руках эмэсэсовцев вызвал невероятный страх и смятение у населения, но в скором времени эти чувства начали перерастать в гнев. Принципы поддержания мира и равновесия в колониях основывались прежде всего на невежестве. И без того было достаточно трудно выпалывать ростки гениальности и подавлять идеи, грозящие взорвать сложившийся порядок, а теперь войска, проходящие через джанипурские города, сильно поколебали уверенность местных жителей в том, что такая отсталость царит повсеместно. Невозможно показать чудеса техники хотя бы на миг, а потом объявить, что они запретны и о них следует забыть. То есть объявить, конечно, можно, только семя уже посеяно. И невозможно стереть запретное знание, коль скоро оно стало достоянием многих и многих людей.

Подобные промахи доказывали полную потерю ориентировки и отсутствие твердого руководства на самом верху. Полковник Прайви был рожден солдатом, а не дипломатом. Валы и высшее командование использовали таких людей исключительно в качестве оружия, и, оставшись один на один с трудной задачей, когда некому было умерить его пыл, полковник стремился выполнить то, что считал своим долгом, и не беспокоился о цене.

Впрочем, его методы оказались неэффективными, и, хотя иногда им приходилось подолгу прятаться, беглецы сумели добраться до заброшенной, сильно изрезанной местности, где был спрятан Пункт-три, до сих пор не обнаруженный противником. Пункт-четыре располагался за добрую тысячу километров, в горах, где Урубу впервые высадился на Джанипур.

Когда-то здесь было одно из самых первых поселений, но уже сотни лет эти земли не обрабатывались: на равнинах климат был благоприятнее и почва

плодороднее. Урубубу, не теряя времени, развернул антенну и помолился в душе, чтобы канал связи еще действовал.

На «Громе» были рады услышать, что они живы и здоровы, но поняли, что надежды на скорую встречу невелики. Новости были не из приятных.

— В игру вступил новый Вал, хотя уверенности у них поубавилось, — сообщил Козодой. — Вал остается на орбите, его корабль состыкован со штабным кораблем. Пока нет признаков, что подходят другие резервы, но с уверенностью сказать нельзя. Итак, думаю, мы должны предпринять разведку боем и выяснить это наверняка. А то выскочат из воздуха в самый ответственный момент... Как там сестрички?

— Чо Дай очень сильно изменилась. У нее рога в метр длиной, и, по сути, она превратилась в четвероногое, наделенное человеческим разумом. Она даже наловчилась спать стоя, а до родов еще несколько месяцев. Чо Май слегка отстает, но ее рога лишь немногим короче. Ей уже трудно подниматься во весь рост и пользоваться руками. Обе много едят, почти непрерывно, а Чо Дай стала быстро уставать. Боюсь, она не выдержит долгого бега. Что, если нам позволить себя поймать? При некотором везении я могу слопать самого полковника Прайви.

— Слишком рискованно, — возразил Козодой. — Вас вполне могут держать отдельно, а кроме того, первая же ментокопия выявит твою подлинную природу и, стало быть, лишит преимущества не только тебя, но и всех нас. Нет, вам лучше сидеть тихо и ждать. Через двадцать четыре часа мы выясним, сможем ли вытащить вас оттуда или нет. Если нет, тогда останется только твой план.

Совет капитанов гудел как встревоженный улей. Все изнывали от ожидания.

— Я устал прятаться по углам! — заявил Чун Во Хар. Флибустьер-колонист с фасеточными глазами и блестящим хитиновым панцирем нечасто выказывал свои чувства. — Давайте ударим! Мои предки тоже были китайцами, и их вечно попирали дикари, потому что они были чересчур цивилизованны, чтобы защитить себя. Но я из другого теста! По мне, лучше погибнуть с честью, чем заживо гнить! Я предлагаю пойти и вытащить наших оттуда, и черт с ней, с ценой!

Козодой оглядел собравшихся:

— Ну как? — Никто не сказал ни слова, но многие закивали. — Что ж, хорошо. — Он вздохнул. — Хотелось бы мне, чтобы у нас было побольше опыта в сражениях.

Хань, неизменно присутствовавшая на всех важных собраниях, деликатно попросила слова.

— Опыта ничем не заменишь, — согласилась она, — но информация и здравый смысл — это девяносто процентов победы. Мы знаем, что у них есть штабной корабль, два истребителя и Вал. Штабной корабль хорошо вооружен, но он медлителен и не представляет особой угрозы. По-моему, можно предположить, что он, как и «Гром», полностью полагается на истребители, а его собственное вооружение преимущественно оборонительное. Вопрос только в том, сколько их у него.

— Несомненно, больше тех двух, что мы заметили, — откликнулся Звездный Орел. — И все-таки не знаю... У меня их двадцать четыре, но «Гром» строился еще в то время, когда внешняя угроза считалась вполне вероятной. Кроме того, МСС никогда не встречались с реальным врагом и в космических сражениях даже менее опытные, нежели мы. Ведь мы все-таки пару раз воевали, а они вынуждены целиком полагаться на тренажеры. Однако наша разведка должна быть достаточно серьезной, чтобы заставить

их вызвать резервы. Значит, как минимум три лучших корабля и еще несколько истребителей с «Грома». При этом напоминаю, что у нас только шесть боеспособных кораблей. «Пират-Один» недостаточно быстр, а «Эспириту Лусон», хотя и неплохо вооружен, но приспособлен скорее для бегства, чем для сражения.

Капитан Пачиттавал мрачно кивнул:

— Другими словами, мы должны добиться успеха с первой попытки, потому что на вторую у нас просто не хватит сил.

— Вот именно.

Козодой вздохнул:

— Значит, все или ничего. Это уже не разведка.

Его слова были встречены каменным молчанием, которое, как ни странно, нарушил Ворон:

— Вождь, я не вхожу в совет, но речь идет и о моей голове. По-моему, ты взялся за дело не с того конца. Представь себе, что нам удалось вырубить этот штабной корабль. Тогда кто будет управлять истребителями? Вал, конечно, опасен, но ему придется действовать самостоятельно. Я хочу сказать, что такое эти резервы, о которых мы тут толкуем? Еще несколько истребителей, так? Неужели вы воображаете, что они введут в бой корабли с человеческими экипажами? Это же Главная Система, ребята! И я совсем не уверен, что у нее достаточно Валов, чтобы держать их на привязи в ожидании теоретически возможной атаки. Так что будь у них даже сотня истребителей, они меня не пугают. Если их не вызовет штабной корабль, они будут сидеть, где сидели.

— Их вызовет Вал, — заметила Хань.

— Может быть, да, а может, и нет. Эти Валы всего лишь машины, а не боги. Мы уже дважды это доказали. Они все делают одинаково, потому что Главная Система сделала их одинаковыми. Они заносчивы, эгоис-

тичны и всегда действуют в одиночку. Людей они используют только под своим началом и смотрят на них свысока. И в любом случае у них тоже нет опыта в подобных делах. Так вот, не обещаю, что мы сумеем провернуть этот трюк дважды, но один-то раз у нас точно получится.

Все оживились.

— Что у тебя на уме, Ворон? — поинтересовался Козодой.

— Ну, прежде всего, ты скажи нашим, внизу, что мы собираемся устроить заварушку, и пусть пока они посидят спокойно. Надо будет кое-что подготовить. Придется потрудиться, но добрые старые уловки должны сработать...

5. БИТВЫ И РАНЫ

Дежурный офицер на борту штабного корабля был раздражен неурочным вызовом и решил про себя, что, если вызов окажется напрасным, снять кое с кого изрядную стружку.

— Ну, что там еще? — прорычал он сонным голосом.

— Транспорт на подходе, сэр.

Офицер нахмурился. Сон с него как рукой сняло.

— Мы не ждем транспорта. — В его голосе прозвучало подозрение. — Проверили позывные?

— Да, сэр. Специальный транспорт, прямо от Главной Системы. Крупные трансьютеры и мощное оборудование, а также много мурилия. Похоже, слухи насчет того, что Центры собираются запретить, недалеки от истины.

Дежурный офицер кивнул. Он доподлинно знал, что где-то уже создан прецедент, и теперь это рассматривается как новая общая политика Системы. В качестве возможного выхода из текущего кризиса. Да, в этом был бы какой-то смысл. Те, за кем охотились его коллеги внизу, нанесли невероятный ущерб, а теперь полностью исчезли из поля зрения, растворились среди миллиарда с небольшим местных жителей и могут быть где угодно. Впрочем, уничтожение целой цивилизации ради поимки нескольких бунтовщиков, как бы талантливы и опасны они ни были, довольно крутая мера. Но приказ есть приказ.

— Вы просканировали корабль? — спросил он. Было известно, что у пиратов тоже есть транспорт, а

они все похожи один на другой. Штабной корабль располагал достаточной огневой мощью, чтобы разнести транспорт на атомы прежде, чем тот успеет причинить хоть какой-то вред, но лучше подстраховаться.

— Да, сэр. Уйма мурилия и порядочное количество инертного груза. Живых существ не обнаружено.

Офицер вздохнул:

— Каковы инструкции?

— Пристыковаться и разгрузиться. Весь груз в контейнерах, так что разгрузка займет не более двух часов. Он в срочном порядке снят с порожнего рейса, и нам надо поторопиться, чтобы он мог вернуться к обычному расписанию.

— Ладно. Сообщите вниз, в штаб полковника, и если у них нет возражений, давайте разрешение на стыковку и выделяйте роботов для разгрузки трюмов.

— Есть, сэр.

Самого полковника Прайви, разумеется, не беспокоили, но начальник безопасности МСС пришел к тем же печальным выводам, что и дежурный офицер, и не имел возражений. В сорока километрах от штабного корабля транспорт начал маневр сближения, который занял около семидесяти минут.

Штабной корабль, как и транспорт, не был приспособлен для посадки на планеты. Транспорты загружались при помощи трансмьютерных приемопередатчиков, а в особых случаях — с помощью орбитальных ларж, поднимавшихся с планеты. Поэтому штабной корабль был рассчитан на снабжение с помощью именно таких транспортов, и стыковка была обычной процедурой. Пилоты обеих кораблей отрабатывали ее на протяжении нескольких сотен лет. Корабли загерметизировали стык и уравнили давление. Теперь они были соединены прочно, словно сваркой, хотя при необходимости могли расстыковаться почти мгновенно.

Служебные роботы дождались, пока откроются створки грузового люка, и двинулись в глубину трюма.

В космической черноте бесшумно расцвел гигантский цветок взрыва. «Пират-Один» взял на борт всю взрывчатку, которую успел наготовить в своих трансмьютерах Звездный Орел. Взрывная волна была направлена в открытые грузовые люки. Штабной корабль был поражен в самое сердце. Но Звездный Орел не хотел оставить ему ни единого шанса. Первый взрыв служил всего лишь детонатором для мурилиевой бомбы невиданной мощи. Меньше чем в три секунды оба корабля полностью превратились в энергию. Вспышка взрыва была видна с поверхности планеты, она затмила солнце.

Истребители, ждущие на орбитах, немедленно ожили и стали искать свой главный корабль, но ничего не увидели. Впрочем, у них не было времени на замешательство. Они немедленно переключились в автоматический режим, запустили двигатели и направились к точке прокола, возникшей на их локаторах.

«Молния», ведомая Вороном и Вурдаль, вывалилась из подпространства, за ней следовали «Каотан», «Индрус», «Чунхофан» и «Сан-Кристобаль», выстроенные неровным клином.

Они провели несколько тренировок на слаженность, но все равно эскадра действовала скорее как сборище одиночек, нежели воинское соединение. Капитанам нельзя было отказать в опыте, но никому из них не доводилось еще вести широкомасштабное сражение. Каналы связи, соединяющие корабли, на малых расстояниях позволяли общаться буквально со скоростью мысли.

— Матерь Божья! — выдохнула Мария Сантьяго с «Сан-Кристобаля». — Вы только взгляните! У меня все приборы зашкалило!

— Да, похоже, мы уделали поганца, — согласился Ворон, — но не будьте самоуверенны. Здесь осталось еще много плохих парней, и кто его знает, сколько их прячется в тени.

— Внимание! — раздался холодный голос капитана Чуна. — Оба истребителя выполняют короткий прокол. Я...

Не успели они вычислить точку выхода, как истребители возникли в тылу группы, дали несколько залпов из кормовых установок, ушли по расходящимся спиральям и снова вернулись к пиратскому флоту.

— Меня задело! — крикнула Дора Паношка, временный капитан «Каотана». — Ничего серьезного, но эта тварь идет на второй заход!

Клин рассыпался. Ворон заложил мертвую петлю, целясь на головной истребитель. Вурдаль оставила лучевое оружие на попечение автоматики, а сама сосредоточилась на наведении торпед.

— «Каотан»! «Кристобаль»! Бейте по головному истребителю из всех видов оружия! — командовала она. — Остальные — торпедный залп по ведомому!

В этот момент ведущий истребитель широким веером сам запустил больше дюжины торпед. Они, очевидно, были запрограммированы на поражение ближайшей цели. «Чунхофан» и «Молния» обстреляли торпеды из лучевых пушек, но две из них прорвались, развернулись и устремились прямо в корму «Индруса». Пачиттавал перебросил всю мощностъ на кормовые щиты и попытался оторваться от торпед по высокой дуге. Раздался взрыв, «Индрус» содрогнулся, но не потерял управления.

— «Каотан»! «Кристобаль»! Огонь по головному истребителю! — Голос Вурдаль оставался спокойным и холодным, она полностью владела собой. — «Каотан», шесть торпед веером в корму. «Кристобаль», столько же в середину корпуса. Пошли!

Заметив три веера торпед, приближающиеся с разных сторон, истребитель перенес почти всю защиту на корму и открыл огонь из носовых и бортовых пушек. Торпедам, но ему мешал собственный щит, установленный на максимальную мощностъ. Истребитель

сделал все, что мог, но семь торпед из восемнадцати прошли, и все они были направлены в разные точки корпуса.

Три торпеды с «Кристобалья» пробили ослабленную защиту в середине корабля. Истребитель дернулся и завихлял. Две уцелевшие торпеды с «Молнии» ударили в незащищенную носовую часть и превратили ее в сплошную массу рваного, искореженного металла. Потеряв носовое вооружение, истребитель сделался беззащитным для лобовой атаки, и, пока он пытался уклониться, «Каотан» зашел спереди и выпустил шесть торпед ему в брюхо. Истребитель дернулся, и его силуэт исчез с экранов локаторов.

Второй истребитель атаковал поврежденный «Индрус», а «Чунхофан», в свою очередь, заходил в хвост истребителю.

— Всем стрелять по второму истребителю! — приказала Вурдаль. — Сосредоточить огонь! Разнесите его! Разбейте!

— Приближается новый объект, и на большой скорости, — предупредил капитан Чун. — Опознать не могу.

— Потом позаботимся!

У шитов был предел прочности, они были рассчитаны в основном на метеоритную атаку, а не на боевое оружие, поэтому численное превосходство неминуемо обеспечивало победу. Лучи пушек полосовали уцелевший истребитель до тех пор, пока он не взорвался.

— Сообщить о повреждениях! — скомандовала Вурдаль.

— Урон незначительный, но мы ограничены в маневре. Сейчас посмотрим, может, удастся подлатать на скорую руку, — ответил Пачиттавал. Остальные корабли отделались легким испугом.

— Неизвестный объект приближается, — сообщил Чун. — Не могу опознать, но он мне очень не нравится.

— Мы с «Чунхофаном» пойдем на перехват, — ответила Вурдаль. — «Сан-Кристобаль», останетесь охранять «Индрус». «Каотан», как только мы ввяжемся в бой, направляйтесь к Пункту-три. «Гром», готовьтесь ввести в бой резервы. Не знаю, что к нам приближается, но это явно тот самый сюрприз, о котором мы так мечтали.

Два корабля пошли навстречу загадочному пришельцу. Форма корпуса указывала, что чужой корабль оснащен несколькими двигателями, но для корабля Вала он был слишком велик, а для прочих судов — чересчур мал. Внезапно форма его изменилась, а в следующее мгновение неизвестный корабль разделился надвое, и обе половины тут же стали вполне узнаваемыми.

— Ах, чтоб тебя! — воскликнул Ворон. — Два Вала в одной связке!

Один Вал продолжал идти прямо, а второй повернул к «Сан-Кристобаль», прикрывавшему поврежденный «Индрус». Корабли Валов были не просто истребители, за их мощным вооружением стоял почти человеческий интеллект. Результат не заставил себя ждать: корабль Вала, сблизившийся с «Молнией» и «Чунхофаном», внезапно выполнил обманный маневр, настолько резкий, что любое живое существо на его борту было бы убито перегрузкой, и открыл огонь из лазерных пушек, одновременно запустив по расходящимся спиральям несколько торпед, нацеленных с невероятной точностью. Ни «Молния», ни «Чунхофан» просто не были готовы к такой атаке, и, кроме того, они сильно проигрывали Валу в скорости, особенно «Чунхофан». Люди вынуждены были взять управление на себя, но думали они намного медленнее, чем Вал, хотя их приказы осуществлялись немедленно. Даже один против двоих Вал сохранял порядочное преимущество.

— Вводите резервы! Повторяю, вводите резервы! Точка выхода из прокола — возле «Индруса»! Сейчас мы... а, черт!

Корабль Вала сместился почти мгновенно, прежде чем они сообразили, что противник использовал пространственный прокол миллисекундной длительности и оказался прямо под ними. Непрерывно стреляя, он круто устремился вверх, в промежуток между кораблями, в расчете на то, что они не смогут отвечать из опасения попасть друг в друга. Расстояние между кораблями было огромно, но недостаточно велико, чтобы пренебречь такой возможностью.

Вурдаль взяла прицел на волосок выше силуэта «Чунхофана» и выпустила торпеды в момент, когда Вал проходил между кораблями. Почти одновременно вздрогнули от попаданий «Молния» и «Чунхофан», и за спиной Вурдаль раздался стон металла.

— Господи! До чего знакомый звук, — проворчал Ворон. — Впрочем, корабль пока вроде держится.

Однако Валу досталось больше. Огромная скорость не позволяла ему уклониться от попаданий. Взвиваясь по крутой спирали, он сосредоточил весь огонь на кораблях и не смог перехватить торпеды. Шесть из них угодили в цель, и Вал мелькнул на экранах локаторов и пропал из виду.

— Мне сбили ход, — сообщил капитан Чун. — Мощность маршевых двигателей на нуле. Трое убитых и здоровенная дыра в корпусе, как раз перед кормовыми двигателями.

— У меня мощность упала процентов на пятьдесят, управление барахлит, но мы еще держимся, — отозвался Ворон. — Мы останемся с вами, «Чунхофан», и поддержим огнем. Нет смысла возвращаться к «Индрусу», все равно не успеем. А куда подевался этот чертов Вал?

— Сорок два градуса выше плоскости орбиты, дистанция около двадцати тысяч километров, — ответил Чун. — Похоже, он тоже потерял ход. Это уже кое-что. Если бы у него остался хотя бы минимальный резерв тяги, со мной было бы покончено.

— Отлично, тогда я его достану. Может, он, конечно, играет в жука-притворяшку, а может, и нет. Я иду к нему. А вы держите пушки наготове.

Второй Вал действовал гораздо успешнее. Игнорируя обездвиженный «Индрус», он сосредоточил всю огневую мощь на «Сан-Кристобале» и нанес ему серьезные повреждения, сам оставшись невредимым. Мария Сантьяго маневрировала в опасной близости к «Индрусу», чтобы тот мог поддерживать ее огнем, но положение было крайне затруднительным, если не сказать больше.

«Бахакатан» и «Эспириту Лусон», внезапно вынырнув из прокола, захватили Вала врасплох. Он явно не предполагал, что пиратская группа может позволить себе резерв. Вал бросил «Индрус» и «Сан-Кристобаль» и устремился навстречу новым противникам, опасаясь оказаться зажатым в клещи.

Он предпринял такой же маневр, что и его напарник, но добавил еще оборот вокруг продольной оси. Первый залп он произвел еще в нижней точке, потом выполнил заранее рассчитанный мини-прокол, возник выше пиратских кораблей и дал второй залп. Этот прием полностью сбил с толку экипаж «Эспириту Лусон», но капитан «Бахакатана» бен Суда не растерялся и открыл огонь по Валу, уходящему вверх. Все три корабля получили повреждения, но ни один не был полностью выведен из строя.

Оценив свои повреждения, Вал обнаружил, что потерял способность выполнять пространственные проколы, а также утратил часть скорости и маневренности. И хотя пиратские корабли пострадали больше, он расстрелял почти все торпеды, а его противники не потеряли защиты.

Внизу, на планете, Урубубу услышал завывание приближающихся флайеров. Икира и сестры Чо были уже

в корабле, а Сабир как раз ступил на борт истребителя, когда вокруг затрещали выстрелы.

— Уходи! Пошевеливайся! Я задержу их, если смогу, или выберусь другим путем!

Урубил залег за полуобвалившейся стеной и открыл огонь.

Ворон медленно приближался к подбитому Валу. Защита противника действовала, и оружие, судя по всему, было цело. Оставалось только гадать, действительно ли его корабль потерял ход. Но если нет, то почему он не вернулся и не завершил начатое? Наверняка Вал отчаянно старался исправить повреждения, и это надо было немедленно прекратить.

Вурдаль выпустила одну за другой шесть торпед и получила столько же в ответ, но оба корабля легко расстреляли приближающиеся снаряды из лучевых пушек.

— Ничего хорошего... — вздохнула Манка. — Наши силы равны.

— Давай-давай, не останавливайся, — буркнул Ворон. — По крайней мере ему будет не до ремонта, а мы выиграем немного времени. Может быть, у него торпеды кончатся раньше, чем у нас.

— Он тоже так думает. Он расстрелял мой второй залп, но ответного залпа не сделал.

— Хорошая мысль. Тогда пока не стреляй. Если эта железяка сумеет снова развести пары, я лучше пойду на таран, чем дам ей уйти.

Второй Вал, хотя и поврежденный, был в лучшем состоянии, чем его напарник, но кое-что его тревожило. Один из кораблей пропал, и локаторы дальнего обзора обнаружили его на орбите Джанипура. Независимо от того, сколько неприятельских кораблей будет уничтожено в бою, успех определялся лишь тем, удаст-

ся ли воспрепятствовать достижению главной цели. Понимая это, Вал развернулся и на максимальной скорости устремился к Джанипуру.

— Он преследует «Каотан», — крикнула Мария Сантьяго. — Может кто-нибудь погнаться за ним?

— Мы не выдержим второго удара, — пожаловалась с «Эспириту Лусона» Миди, шеф-пилот Савафунга. — Лучше мы останемся прикрывать вас.

— Я пойду за ним, — раздался голос бен Суды. — Он меня сильно разозлил.

Корабль бен Суды был изрядно побит, но капитан говорил так, словно способен был преследовать Вала на одной силе воли.

Икира Сукота, вновь очутившись на борту «Каотана», радовалась возвращению в родную стихию.

— Надо уходить! — настаивала Дора Паношка. — На нас идет Вал, через четыре минуты он будет на расстоянии выстрела. А мы торчим на стационарной орбите!

— Подождем, — отозвалась Икира. — Включи защиту на полную мощность и следи, чтобы он не зашел снизу, от планеты. Двигатели выведи на полную тягу, но пока не врубай. Я хочу дать Урубу эти четыре минуты.

Ворон, рассматривая корабль первого Вала, забеспокоился.

— Приборы регистрируют энергетические вспышки. Похоже, через пару минут он вернется в строй, и нам нечем будет его остановить. — Он включился в общий канал связи. — «Молния» — поврежденному кораблю Вала. Прекратите ремонтные работы, иначе я буду вынужден протаранить вас.

— Вы желаете совершить самоубийство? — поинтересовался низкий приятный баритон.

— Не особенно, но, если я позволю вам уйти, результат будет тот же. Так лучше уж прихватить на тот свет и тебя.

Вал немного смутился. Похоже, доводы разума не возымели успеха. Он прекратил проверку ремонтных линий, но ничья была для него неприемлема. В такой ситуации она означала поражение. Пока его товарищ гнался за «Каотаном», пираты получили время на ремонт. У Вала тоже не было особого выбора.

В тот момент, когда корабль Вала тронулся с места, Ворон набрал в грудь побольше воздуха и дал полную тягу. С каждой секундой набирая скорость, он несясь прямо на Вала, а Вурдаль непрерывно палила из всего бортового оружия, заставляя противника отказаться от защиты и удирать во все лопатки.

Внезапно корабль Вала вспыхнул ослепительным светом и пропал.

Вурдаль не сразу поняла, что случилось, и в первый момент была крайне удивлена.

— Мы его достали, или он удрал?

— Удрал! — Ворон присвистнул. — Я уж думал, что пришла мне пора повидаться с моими предками. Он взорвался, Манка! На экранах полным-полно обломков. Одним меньше, но остался другой. Эй, «Каотан», убирайтесь оттуда поскорее!

Приемный трансмьютер «Каотана» загудел, и Урубун сошел, а скатился с плиты. Он был весь в крови и изранен, но все-таки жив. Такья Мудабур опустилась перед ним на колени.

— С такими ранами не выживают, — грустно сказала она.

Икира не стала вдаваться в медицинские тонкости. Она мгновенно включила двигатели и стала уходить с орбиты под таким углом, чтобы избежать встречи с Валом. Тот немедленно изменил курс и послал вдогонку «Каотану» залп, к счастью, не достигший цели. Было ясно видно, что даже поврежденный корабль Вала сохранил изрядное преимущество в скорости и маневренности над древним флибустьерским корытом.

Надеяться на помощь «Бахакатана» было нечего, тот просто не мог успеть.

Однако Икира не собиралась драться с Валом один на один. На борту «Каотана» был перстень, и ее первой задачей было сохранить его. «Каотан» не успел набрать скорость для пространственного прокола на большое расстояние, но это не имело значения: Вал вообще утратил такую способность. «Каотан» успел уйти в прокол, когда Вал уже настигал его.

Вал не стал тратить время на сожаления. Раз он не смог предотвратить бегство, оставалось заставить противника подороже заплатить за успех. Он развернулся и на полной тяге устремился к «Индрусу» и «Сан-Кристобалю».

— Он возвращается, — крикнула Мария Сантьяго. — До сближения пять минут двадцать пять секунд. «Индрус» лишен хода, а у меня не работает защита. «Эспириту Лусон», можете вы подойти ближе?

— Ни в коем случае! У меня громадные повреждения. Я постараюсь стрелять по нему, но, если он укроется за вами, я не смогу ничего поделывать. Но в моих силах расположиться так, чтобы мы знали, откуда он будет стрелять. Тогда вы сможете сосредоточить огонь на его торпедах.

— Здесь «Бахакатан». К вам я не успеваю, но я заметил, что, преследуя «Каотан», Вал не использовал лучевое оружие. По-моему, у него вся энергия уходит на поддержание скорости, маневренности и защиты. Если кто-нибудь зайдет ему в хвост, Вал будет беззащитен.

— Ну вот! — снова раздался голос Сантьяго. — Как раз такой угол, как мы рассчитывали. В корабль мы не попадем, но сможем расстрелять большинство торпед, а может быть, и все. Посмотрим.

Вал зашел на них по широкой дуге и оставался в зоне огня не более трех секунд. Этого было недостаточно, чтобы вести прицельный огонь, а он выпустил

по расходящимся траекториям двенадцать торпед, и три из них прорвались сквозь заградительный огонь. Две ударили по «Индрусу», но не смогли пробить защиту, зато третья взорвалась прямо в середине корпуса «Сан-Кристобалья», почти разорвав корабль надвое.

Вал заложил петлю и пошел на второй заход, попутно перезаряжая торпедные аппараты. Траектории торпед были настолько непредсказуемыми, что стало ясно — Вал поставил корабль на автопилот и лично занялся наведением торпед. Теперь он перенес всю свою мощь на «Индрус». «Эспириту Лусон» держался в стороне, «Сан-Кристобаль» был практически разбит, и у «Индруса» не оставалось никаких шансов: торпед было слишком много.

В отличие от людей Вал мог одновременно делать несколько дел, но контроль над дюжиной торпед под непрерывным огнем был почти на пределе его возможностей. Он заметил, что его локаторы зафиксировали еще один прокол пространства, но, опасаясь потерять торпеды, не стал отвлекаться.

Пушки «Индруса» сделали больше, чем могли, но четыре торпеды прорвались и сошлись в одной точке, вблизи кормы, где были расположены двигатели. Корабль содрогнулся. Оторванная кормовая секция начала вращаться в одном направлении, а остатки носовой части — в другом. После этого Вал обратил наконец внимание на нового противника и открыл огонь из всех носовых орудий. Но это ему не помогло.

Широко открытый носовой заборник «Грома» надвинулся на него, как распахнутая пасть чудовищной рыбы, и прежде чем Вал успел что-то сделать, его корабль был затянут внутрь и превращен в энергию. Заборник «Грома», питавший его могучие двигатели, был так велик, что заглатывал астероиды втрое больше, чем корабль Вала.

— Всем оставаться на местах, — спокойно произнес Звездный Орел. — Я подберу всех. Тем, у кого

самые большие повреждения, приготовиться к приему в грузовые отсеки, остальным — к швартовке к наружным причалам. Сначала я возьму «Молнию» и «Чунхофан», потом вернусь сюда. Мне понадобятся и обломки. Подберите тела убитых. Битва окончена.

Ворон шумно вздохнул:

— Подумать только! И предполагалось, что это будет наиболее легкая задача.

Потери были велики, но не настолько, как опасался Козодой. Мария Сантьяго и два кентавра из ее экипажа, одетые в скафандры, остались живы, но корабль был разбит, и остальные трое погибли. Ворону было особенно жаль Человека-Скалу, как он про себя его называл. Замкнутый и необщительный парень с лицом грубо высеченной каменной статуи был отменным партнером в любой карточной игре.

На «Индрусе» по иронии судьбы выжили только Лалла Пачиттавал и Суни Бандереш, жена канонира. Они находились в кормовых отсеках, пытались исправить двигатели, и были в скафандрах. Рави Пачиттавал надевал скафандр только в случае крайней необходимости, а его канонир во всем стремился подражать командиру. Сантьяго, наоборот, с самого начала заставила каждого надеть скафандр — просто на всякий случай. Это спасло не всех, но по крайней мере ее саму.

Итак, ценой победы стали пять жизней и два корабля.

— Если так пойдет и дальше, четвертый перстень просто некому будет забрать, — угрюмо заметил Козодой.

— Мы понесли потери не во время самой операции, а при отходе, — возразила Хань. — И в следующий раз нужно все лучше продумывать. Мы просто не можем себе позволить, чтобы такое повторилось. На этот раз враг недооценил нашу численность и силу, но

впредь они этой ошибки не повторят. Мы заплатили большую цену, но урок того стоил. Если мы используем этот опыт, то в следующий раз обойдемся без таких потерь.

— А как насчет нашего трофея? — спросил Козодой. Айзек Клейбен прокашлялся:

— Поразительное устройство. Оно пассивно, как мы и предполагали, так что обнаружить его на расстоянии невозможно. Этот, как мы говорим, «камень» сделан из хорошо проводящей синтетической керамики, и электронные схемы встроены в него. По сути дела, они являются его структурой! Конструкция несколько примитивна, но у меня нет представления, что это за материал, и я не смог бы сделать такой же перстень.

— Но он тот самый, о котором говорилось в рукописи? — настаивал Козодой.

— Кто знает? Не добравшись до кода, заключенного в нем, ничего нельзя говорить с уверенностью. Впрочем, я все равно вряд ли бы его понял, ведь это очень старый код. Возможно, язык ассемблера первоначального программного ядра Главной Системы. Единственное, что я могу сказать, пока мы не сделаем попытки использовать перстни, — это модуль, предназначенный для непосредственного подключения к некоему приемнику информации. Иными словами, вероятно, это и есть то самое, за чем мы охотимся. Команда перекрытия и прямого доступа к программному ядру Главной Системы была преднамеренно разделена на пять частей. Возможно, это было сделано не столько из страха перед компьютером, сколько ради того, чтобы ни один из его создателей не смог независимо от других обрести такое могущество. Для любой, самой минимальной модификации требовались совместные действия всех пятерых. Готов держать пари, что, когда мы увидим приемники информации,

они окажутся разнесенными достаточно далеко, чтобы именно пять человек могли вставить перстни на место.

— Интересно, — сказала Хань. — Какую рожу скорчит Чен, когда узнает, что он всего лишь один из равных. Даже если он предполагает, что остальные четверо будут под полным его контролем, у каждого из них все равно остается абсолютное право вето. Впрочем, я не уверена, что мы вообще получим доступ к компьютеру.

Козодой изумленно воззрился на нее:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Перстни могут только отпирать пять терминалов или какой-то непосредственный интерфейс, с которого можно считывать и передавать данные в программное ядро Главной Системы. Но где гарантия, что мы знаем ее язык?

— Узнаем, — ободряющим тоном сказал Клейбен. — Настойчивость, с которой Главная Система преследует нас, уже достаточная гарантия. А во-вторых, первоначально Главная Система была гораздо меньше и проще, чем та, с которой мы имеем дело сегодня. Перстни — это больше чем просто выключатель. Это еще все пароли и инструкции компьютеру по поводу взаимодействия с их владельцами. Готов поклясться, что предусмотрен какой-то способ непосредственного доступа, может быть, даже вербальный. Зачем создателям Системы было усложнять самим себе жизнь? Им приходилось ежедневно общаться с машиной. Однако чтобы изменить программное ядро, требуется полное согласие, и в этом проблема. Разумеется, остаются гипноз или ментопринтер, но машина вполне может распознать насилие. Представьте себе, что интерфейсы выглядят так же, как те, что стоят на космических кораблях. Они имеют доступ к разуму человека, который ими пользуется, а поскольку примитивные способы ментального воздействия были известны задолго до появле-

ния первых компьютеров, создатели Системы наверняка приняли меры для распознавания и ликвидации результатов такого воздействия.

— Вероятно, вы правы, — согласился Козодой, — но эта проблема в будущем, а пока перед нами стоят другие, более насущные. На этот раз мы по крайней мере знали, где находится перстень и кто им владеет. В отношении двух других у нас гораздо меньше информации, а что касается четвертого — о нем мы вообще ничего не знаем.

— Меня не меньше беспокоят боевые качества наших людей, — заметила Хань, — вернее — полное отсутствие таковых. Я просмотрела записи боя, а Звездный Орел обследовал «Эспириту Лусон» и нашел его повреждения крайне незначительными. Все системы полностью работоспособны, включая межзвездный двигатель, оружие и защиту. Их просто слегка потряхнуло, но они фальсифицировали рапорт о повреждениях и просто-напросто отказались участвовать в бою. «Эспириту Лусон» находился достаточно близко от Вала и имел все возможности задать ему перца. Вместо этого они позволили погибнуть пятерым людям и одному кораблю.

Козодой кивнул:

— Да, да, я тоже просмотрел все рапорты. Они сделали едва ли минимум из того, что от них требовалось. Хотят поживиться на дармовщинку. Ну ничего, это у них не выйдет. Правда, я не думаю, что открытый конфликт или дисциплинарные меры принесут пользу. Достаточно и того, что на них и так уже все смотрят косо. Возьмем их на заметку и предложим каждому из экипажа либо влиться с повинной, либо отправиться под ментопринтер. Кстати, им предстоит завести корабль внутрь «Грома», чтобы заняться ремонтом. Безусловно, они уже позаботились о том, чтобы повреждения соотвествовали рапорту, но дело не в этом. Звездный Орел, можешь ли ты перепрограммировать

их пилота с тем, чтобы в случае чего перехватить управление или, на худой конец, вообще скомандовать ему самоликвидацию?

— С удовольствием, только зачем затевать эту возню?

— Затем, что разбирательство сейчас принесет нам больше хлопот, чем оно стоит; Савафунг непременно найдет, на кого свалить вину. Просто надо на будущее обеспечить за ними контроль. И, безусловно, мы переведем на «Эспириту Лусон» Марию Сантьяго или кого-нибудь с «Индруса» — пусть будут нашими наблюдателями. Сейчас люди Савафунга радуются, поздравляя себя с успехом, но это ненадолго. Рано или поздно те из них, кто способен думать самостоятельно, сделают выводы и пожалеют, что не захотели рискнуть жизнью у Джанипура. Нам всем предстоит пойти на риск и на жертвы.

Звездный Орел и Хань подумали и согласились.

\

Последующие дни были заняты ремонтом, но теперь, когда наконец-то началось настоящее дело, Козодой ощущал растущее нетерпение. Он постоянно размышлял о тех мирах, где находились еще два перстня. До битвы при Джанипуре эти планеты были обследованы настолько тщательно, насколько это можно было сделать с орбиты.

— На Чанчуке существует обычный порядок управления через Центры, — говорил он, беседуя с Уруббу. — Судя по данным радиоперехвата, они разговаривают на каком-то из китайских диалектов, который на Земле давно уже не в ходу. Хань не смогла разобрать ни слова, хотя утверждает, что поняла бы письменную речь. Грамматика и произношение разошлись настолько, что фраза «на столе лежит карандаш» произносится как «свинцовые трубы меня заморозили». У нас нет ментопринтерных картриджей этого языка.

— То, что они китайцы, меня не удивляет, — заметил Урубун. — Половина колониальных миров происходит от китайцев или индийцев, потому что к моменту начала расселения те и другие составляли около половины человечества. А что касается языка, то у меня свой особый способ ему научиться.

— Не сомневаюсь, но это значит, что нам придется вернуть тебя на борт, снять ментокопию, провести сравнительный анализ и создать собственную языковую программу. Еще меня тревожит, что нельзя повторно использовать тот же подход — превращение в сотрудника безопасности Центра и все остальное. На этот раз нам, возможно, придется посадить корабль прямо в спальне верховного администратора. На орбите вокруг Чанчука ждет штабной корабль МСС, и внизу этой публики не меньше, чем было на Джанипуре. Только теперь они получили урок и хорошо его усвоили. Главная Система, вероятно, всю штампует новых Валов, которые будут явно не слабее старых. Нам надо получше подготовиться к следующей попытке.

— Согласен. А если пока отложить Чанчук до тех пор, пока не изучим его получше? И возможно, к этому времени у нас появятся какие-то резервы. На что похож другой мир?

— Ни на что. Никаких Центров. Никаких следов искусственных источников энергии, не считая костров. Это суровый мир. Мощная вулканическая активность, землетрясения и тому подобное. Сильнейшие бури. Большая часть планеты почти постоянно затянута облаками. Более шестидесяти процентов суши покрыто джунглями, и растения там не из тех, что дают себя есть. Вместо этого они не прочь пообедать сами. Помнишь тот мир, куда ты привел нас в самом начале?

— Еще бы! Извини, но из всех неколониальных планет, пригодных для жизни, Колль знала только эту. Что я мог сделать?

— Ну так вот, Матрайх еще хуже. Очень жарко. Там, где есть растения и могут жить люди, днем от тридцати до сорока пяти по Цельсию. На планете множество островов, с виду необитаемых, и два континента. Там водятся животные, но не могу представить, что они жрут, если не друг друга.

— Значит, водная цивилизация?

— Нет, наземная. Млекопитающие. Учитывая обстановку, их даже довольно много, но подозреваю, что продолжительность жизни на планете невелика. Они охотники и собиратели. Общественная организация на племенном уровне. Племена маленькие, но общая численность населения — несколько миллионов. Люди рассеяны по обоим континентам и нескольким крупнейшим островам. Можешь взглянуть на фотографии. Они сделаны через разрывы в облаках. Но поскольку на Матрайхе нет ни Центров, ни городов, «Человек, наделенный властью» должен быть там не более чем заурядным вождем. Среднее племя насчитывает около сотни человек, и при населении в несколько миллионов это все равно что искать иголку в стоге сена.

— Как насчет МСС и Главной Системы?

— На орбите полно сторожевых спутников, но штабного корабля нет. Естественно, что при первом же намеке на нашу высадку он немедленно заявится, вместе с Валом и дивизией полного состава. На их месте я бы тоже поберег силы. — Козодой вздохнул. — В известном смысле было бы неплохо, если бы мы могли снарядить сразу две экспедиции. Тогда они бы завязли, защищая Чанчук, а Матрайх достался бы нам. Но для этого у нас нет ни кораблей, ни людей.

Уруббу занялся изучением данных, полученных с Матрайха. Отсутствие локализованных центров власти беспокоило его не меньше, чем Козодоя. Обычно Главная Система везде действовала по одному и тому же принципу, но здесь он почему-то был нарушен.

Просматривая фотографии, Урубу убедился, что Козодой был весьма скуп в своих описаниях. Джунгли и развороченные землетрясениями горы выглядели устрашающе, а животный мир казался ожившей фантазией безумца. Здесь водились летучие твари с черно-коричневыми кожистыми крыльями и длинными тонкими хвостами и другие, похожие на перепончатые летающие тарелки. Невозможно было представить, чтобы Главная Система выдумала их сама, они наверняка жили на планете с самого начала.

Наземные животные тоже были не подарок. Правда, на снимках они встречались реже, потому что практически все обладали защитной окраской. Самое большое впечатление на Урубу произвели гигантские черви — а может быть, змеи, живущие на каменистых плато. Застывшая лава была сплошь источена ходами и логовами этих созданий. Поражало то, что в джунглях не было замечено присутствия травоядных видов, способных занять экологическую нишу дичи. Похоже, эта роль целиком отводилась человеку.

Короче говоря, Матрайх был именно таким, каким цивилизованный человек представляет себе ад. И все же на некоторых снимках, сделанных с высоким разрешением, были ясно видны люди. Они выглядели совсем как земляне, но Урубу уже навидался достаточно, чтобы не полагаться на первое впечатление. У них была гладкая смуглая кожа и черные волнистые волосы, но при этом они не обнаруживали явного сходства ни с одной из земных рас. Их лица, с небольшим, изящно очерченным носом и тонкими губами, казались довольно привлекательными и даже миловидными. Одежды они не носили, но зато обильно украшали свои тела сложными и тонкими узорами, не то нарисованными, не то вытатуированными. У многих были грубые ожерелья и браслеты на запястьях и лодыжках. Украшения, скорее всего костяные, свисали с мочек ушей, вплетались в волосы или вставлялись в нос. Ту-

земцы в основном были вооружены копьями с каменными наконечниками и чем-то похожим на духовые трубки, и все как один выглядели очень молодо.

Урубэ еще раз перебрал снимки и вдруг нахмурился.

— Где же мужчины? — проворчал он. — На этих снимках ни одного мужика. Нигде. Одни бабы!

Козодой подсел к нему.

— Ну, видишь, что это за место?

— Вижу, хотя и в нем есть своеобразная красота. Но я порядком озадачен. Где их мужчины? Или это однополая раса?

— Представления не имею. Я сам поражен не меньше. Но, как и в других мирах, здесь есть вещи, которые можно узнать, только столкнувшись с ними вплотную.

— Допустим... Металлов они, судя по всему, не знают. Любопытно... Каменные топоры, копья с каменными наконечниками, костяные украшения, отсутствие признаков земледелия — все это похоже на раннее прошлое человечества. Кстати, ты обратил внимание, что эти женщины практически все беременны?

— Я мог бы дать тебе объяснение, — вздохнул Козодой, — хотя, разумеется, сугубо теоретическое. Ласло Чен говорил мне, что Главная Система поглощена идеей свести всю человеческую цивилизацию до первобытного уровня, ибо при нынешнем порядке вещей ей все же не удастся полностью сохранить контроль над событиями. Вероятно, Матрайх — это своеобразный полигон, тем более что с учетом местных условий здесь проще поставить такой эксперимент. Те спутники, что болтаются на орбите, скорее всего следят за его чистотой и с появлением первых признаков земледелия и элементарной технологии сообщают об этом Системе, а та присылает войска, которые быстро возвращают все к прежнему уровню. Безусловно, для человечества такая судьба ужасна, но вот о чем я толь-

ко что подумал. Главная Система вынуждена подчиняться программе, которая требует, чтобы перстень находился в руках людей, «облеченных властью». Вождь племени, насчитывающего сотню человек, вряд ли подходит под эту категорию. Тем более человеческая жизнь на Матрайхе коротка, а жизнь вождя, вероятно, в особенности. При таком порядке вещей перстень постоянно бы переходил из рук в руки, да и вообще мог просто-напросто затеряться. С другой стороны, он сделан из обработанного металла, украшен тонким рисунком и наверняка считается даром богов и является объектом широкого почитания.

Уруббу кивнул:

— Я вижу, куда ты клонишь. Перстня самого по себе достаточно, чтобы породить жреческое сословие, а то и создать целую теологию.

— Вот именно. И это навело меня на мысль сравнить узоры, которыми туземцы украшают свои тела. У наших индейцев тоже существует подобная практика, но у каждого племени, даже у такого немногочисленного, как хайакуты, существуют свои узоры, свои цвета, свои тотемы и амулеты. Невозможно спутать хайакута в боевой раскраске с сиу, сауком или мантика. И я не ошибся. На южном континенте и цвета и рисунки в целом резко различаются даже у соседних племен. Зато на севере... Впрочем, посмотри сам.

Фотографии были немного не в фокусе, но все узоры можно было рассмотреть и сравнить. Две женщины явно принадлежали к разным племенам, но раскраской практически не отличались.

— Между этими племенами расстояние в тысячу километров, — пояснил Козодой. — Каждое тесно привязано к своей территории, а торговли здесь нет, потому что торговать, собственно, нечем: Сходство касается не только рисунков на теле, но и амулетов. Все они изображают деревья и стилизованных птиц. Только птиц на этой планете нет.

— Да, я понимаю. Но если существует некая единая теология, значит, должны быть религиозные лидеры и жрецы, которые заботятся о перстне. Другими словами, здесь есть и верховный администратор и его кабинет, только они сами не знают, кто они такие.

— Не исключено, что когда-то единая религия охватывала всю планету, а с началом эксперимента юг сохранил ее как контрольная группа: Главная Система хотела решить, что удобнее — диффузная культура, лишенная общих основ, или общество, объединенное некой религией. Разумеется, эта религия объявляет прогресс богохульством, а склонность к изобретательству — смертным грехом. Перстень, естественно, служит символом божественной власти. Впрочем, это не важно. Главное, что мы имеем ясные свидетельства существования теологической базы где-то на севере, а стало быть, жреческое сословие во главе с кем-то, кто лично беседует с богами и в доказательство этого носит искомый перстень.

Урубу поглядел на карту. Континент был велик.

— Интересно, где это находится? Вероятно, это единственное на Матрайхе постоянное поселение. И должна существовать какая-то система снабжения, чтобы жрицы не тратили своего священного времени на охоту и собирательство.

Козодой пожал плечами:

— Будем искать. Проще всего было бы тебе спуститься туда и узнать дорогу. Кто-то ведь должен распространять религию вниз по социальной лестнице, наставлять и обучать жриц каждого племени, не позволять им сходить с пути истинного. Честно говоря, я подозреваю, что эта культура намного сложнее, чем выглядит на первый взгляд.

Урубу кивнул:

— Итак, я, как всегда, иду на разведку. Но что делать со спутниками?

— Звездный Орел еще с Джанипура работает над этой проблемой. Он достиг кое-каких успехов, что, собственно, и позволило нам выполнить наблюдения и получить снимки. В настоящий момент мы можем свободно передвигаться внутри Системы, не поднимая тревоги. В космосе возникает много всяких помех, в том числе и взаимных, особенно если передатчиков несколько. Забросить тебя на планету и вытащить назад не составит труда. Но тебя ждет не обычная разведка, Уруб, ты должен быть максимально осторожен.

— Что ты имеешь в виду?

— Главная Система знает, что нам нужны все перстни, у нее великолепная техническая база и никаких моральных или этических ограничений. Она могла создать истинно верующих. Там, внизу, живут люди, которые не подвержены никаким сомнениям, когда дело касается их веры. Они обязаны искренне полагать, что общаются с Богом, а не с гигантским компьютером. Но Главная Система не могла отдать перстень в руки дикаря. В то же время его владелец должен быть дикарем, чтобы не нарушилась чистота эксперимента. В этом противоречии кроется чудовищная ловушка, и если мы в нее попадемся, новая битва может вывести нас из строя на годы. Твоя задача — найти эту ловушку. Только тогда мы сможем добыть перстень.

6. ИГРА В БИРЮЛЬКИ НА МИННОМ ПОЛЕ

Время на борту «Грома» тянулось, как всегда, медленно, но корабельная жизнь текла своим чередом. Маленькая колония разрасталась. Козодой стал отцом и гордился этим. В отличие от своих соплеменников он не был разочарован тем, что его первым ребенком оказалась девочка. Объединив по обычаю хайакутов свои имена, они с Танцующей в Облаках назвали дочку Чадикуа, что означало «Танцующая в Ночи».

Клейбен, Хань и Звездный Орел продолжали трудиться над разработкой способов проникать в колониальные миры и достигли некоторых успехов. Разведкой было установлено, что Главная Система начала наконец снабжать свои корабли уникальными кодами доступа, так что теперь проблема состояла не в том, чтобы дать системе ложную информацию, как было сделано с «Пиратом-Один», а в том, чтобы сбить с толку датчики и заставить их вообще не сообщать о нарушителе.

«Гром» направлялся к звездной системе, не нанесенной на карты, где Звездный Орел намеревался осуществить очередной грандиозный проект: создать небольшую и полностью роботизированную верфь, чтобы производить корабли нового типа — небольшие, быстрые, хорошо вооруженные, с экипажем из одного или двух человек. Главная цель этой затеи состояла не только в том, чтобы сравняться с кораб-

лями Валов в скорости, маневренности и огневой мощи, а в том, чтобы сделать это без вреда для экипажа. Предстояло разработать устройства, защищающие пилотов от огромных перегрузок при боевых маневрах. Общую схему компьютерный пилот позаимствовал у истребителей «Грома», но они не обладали способностью к проколу пространства. Дополнительный двигатель порождал еще ряд проблем, которые необходимо было решить.

Урубун вот уже несколько месяцев находился на Матрайхе, и пока с ним не было никакой связи. Как и прежде, его пришлось высадить в отдаленной и малонаселенной местности, откуда он должен был добраться до одного из очагов местной цивилизации и воспользоваться своим умением растворяться в толпе. Теперь Козодой ясно понимал, какие соображения заставили Клейбена пойти на необычный эксперимент, плодом которого явился Урубун. Будь у них пять или шесть таких созданий, добыть все перстни не составило бы труда, но; если бы Урубун вообще не существовал, эта задача была бы неразрешимой.

Однако время шло, а странное существо по-прежнему не подавало вестей о себе, и у Козодоя начали появляться темные мысли. Он боялся, что Урубун переоценил свою неуязвимость и утратил осторожность. Застигнутый врасплох Валом, Урубун был так же беспомощен, как и любой другой. Он был не менее уязвим, чем оборотни и вампиры из древних легенд, но, так же как и их, его можно было убить. Сожжение, дезинтеграция, клеточная деструкция, ванна с кислотой... До сих пор Главная Система не знала о существовании Урубу, но такое положение не могло продолжаться вечно.

Поэтому, когда через шесть месяцев после высадки Урубун наконец вышел на связь и попросил забрать его с Матрайхи, все вздохнули с облегчением. Новое тело Урубу оказалось женским и было весьма привлекатель-

ным: длинные ноги, упругая грудь, руки изящные и гибкие, но очень сильные. Темно-коричневая, почти черная кожа. Густые черные волосы вились, но не так, как у африканцев или меланезийцев. Волосы росли только на голове, под мышками и в паху, остальное тело было гладким. Огромные угольно-черные глаза казались более выпуклыми, чем у землян. Не считая пояса из длинной и прочной лианы, Урубуба была совершенно обнажена. На запястьях и лодыжках у нее болтались браслеты, сплетенные из стеблей и выкрашенные в зеленый и синий цвета. В ушах — костяные серьги, на шее — ожерелье, тоже костяное.

Щеки, лоб, грудь и живот Урубуба были покрыты замысловатым рисунком, то ли вытатуированным, то ли выжженным. В остальном ее кожа была на удивление ровной, без малейших признаков шрамов или царапин. На поясе у Урубуба болталась духовая трубка, сделанная из камыша, и маленький плетеный мешочек. В левой руке она держала деревянное копье с каменным наконечником, привязанным к древку тонкими, словно проволока, лианами.

— Должна перед вами извиниться, — громко сказала Урубуба громким хрипловатым сопрано, — но в этой форме тяжелее перестроиться на прежний лад. Пойдем в поселок. Там не так... тесно.

В поселке ее сразу же окружила толпа. Урубуба подняла копье и выкрикнула что-то, неразборчиво, но с явной угрозой. Толпа рассосалась.

Кто-то принес воды. Урубуба сделала несколько глотков и устало опустилась на траву. Козодой сел напротив. Наконец Урубуба отчасти освободилась из-под влияния новой личности и начала рассказывать.

— Люди Матрайха гораздо сильнее отличаются от обычных людей, чем кажется на первый взгляд, — сообщила она. — Мы были правы: над ними проводят эксперимент. Это перепрограммированное общество; любые напоминания о его прошлом стерты с лица

земли. От прежних достижений остались лишь немногочисленные развалины да непонятные предметы, которые иногда можно найти в джунглях. Бытуют смутные легенды и полуправдивые сказания, но ни у кого нет своих собственных воспоминаний. Даже язык, и тот явно искусственного происхождения, хотя по-своему он довольно выразительный. Это жестокий мир и крайне дезорганизованный. Впрочем, как мы и предполагали, на севере общественное устройство несколько сложнее.

Не торопясь, очень подробно, Урубубу обрисовывала положение дел на Матрайхе.

Жители планеты называли себя просто Людьми. У них не сохранилось никаких воспоминаний о том, что существуют другие разновидности людей или иные миры. В небесах обитали великие богини, которые творили и судили. Старшей было солнце, младшими — две луны. Мир был населен духами: духами воздуха, воды и деревьев. В жерлах вулканов жили демоны. Люди постоянно испытывали на себе капризы многочисленных духов и их нечастую милость. Они беспрерывно молились им, стараясь умиловить, но все равно от духов не стоило ждать ничего хорошего. Жизнь человеческая трактовалась как череда испытаний, ниспосланных свыше; того, кто успешно выдерживал их, богини забирали на небеса. Райские селения ничем не отличались от Матрайха, за исключением того, что там все всегда были здоровы и сыты. Тот, кто не выдерживал испытаний, подвергался наказанию. Любая попытка задать лишний вопрос или облегчить себе жизнь каралась медленной мучительной смертью.

— Здесь невозможно даже изобрести оружие лучше или вырастить семечко, — говорила Урубубу. — На поиски еды Людям приходится тратить практически все свое время. Естественно, они ведут кочевой образ жизни. Матери носят детей в заспинных мешках,

иногда сразу двоих, а то и троих. Охраняет детей все племя, но даже при этом детская смертность весьма высока, и женщинам приходится непрерывно рожать. Даже на последних месяцах беременные трудятся наравне с остальными. После охоты первыми едят охотники, а дети — в последнюю очередь. Татуировки указывают на принадлежность к тому или иному племени, а также на положение, которое человек в этом племени занимает. Стычки между племенами достаточно редки и происходят в основном в голодные времена или на территориях, где нечем поживиться.

— А как насчет территориальных прав? — спросил Козодой.

— Территории разграничены слабо, — пожал плечами Уруб. — Люди просто идут куда глаза глядят в надежде, что им не придется сражаться. Плотность населения на планете минимальна — один человек на тридцать квадратных километров. Можно идти неделями и никого не встретить. Стоянки они устраивают там, где набредут на еду или где их застигнет темнота. Они ничего не носят с собой — да у них и нет ничего, кроме оружия и украшений.

Козодой мрачно кивнул. Вокруг них уже собирались люди, и все внимательно слушали.

— Одним словом, вполне примитивное общество. Но ты упомянула о неких сложностях?

— Сложностей много, но прежде всего вы должны усвоить биологические различия между ними и вами. Люди все, по существу, однополы, поэтому мы и не видели на планете мужчин. Но когда одна из них становится лидером племени — благодаря своей агрессивности, силе или ловкости, — у нее запускается механизм гормональной перестройки. Если вождь по тем или иным причинам утратил уважение племени, тот же механизм лишает его мужских качеств, и он снова превращается в женщину. Времена от времени случаются конфликты, которые можно разрешить только силой,

но такие случаи редки. Изменение пола в обоих направлениях, похоже, зависит только от мысленной и эмоциональной установки личности, которая, естественно, подкрепляется — или не подкрепляется отношением соплеменников. Как ты и предполагал, жизнь вождей здесь не отличается продолжительностью, потому что они вынуждены отвечать за всех и за все.

— Значит, мужчина в племени только один? — спросил Козодой.

— Да. Как и во всех примитивных обществах, основное место в жизни Людей занимает секс. Их тяга к фаллическим символам просто не поддается описанию, да оно и неудивительно. Верность своему племени определяется не воспитанием, а биохимией. Те, кто был близок с вождем, уже не хотят никого другого. Это именно биохимия, потому что на чувствах это никак не отражается. Племя может ненавидеть своего вождя — и часто так оно и бывает, — но все как один хотят только его. Если численность племени уменьшается, они похищают женщин из другого племени и отдают своему вождю. Я же говорю, это жестокий мир.

Ворон, неизменный циник, стоял в толпе и слушал ее рассказ.

— Странно, что ты до сих пор женщина, — заметил он. — Это не твой стиль.

— Просто не могла себе это позволить. Вождь постоянно на виду, и долго бы в мужиках я не удержалась. Я воспроизвожу жертву клетка за клеткой, но это не настоящие клетки, а подделка — она подделка и есть. Я не могу быть ни отцом, ни матерью. Там, внизу, бездетные женщины занимают самое низкое положение, но для моих целей это удобнее, потому что им, как правило, поручают разведку. А вот для вождя неспособность быть отцом непростительна. Меня моментально сместили бы, так что не стоило и пытаться.

— Что за жизнь, — сказала Хань, грустно покачивая головой. — Я бы, наверное, повесилась.

— Это просто различие культур. Там, внизу, нет личностей, по крайней мере в нашем смысле слова. Там есть только члены группы. Существование расы зависит от выживания групп, а не индивидов. Если человеку не повезло, он не виноват: такие вещи считаются проявлением божественной воли, но если кто-то сознательно пренебрегает интересами племени, его ждет мучительная смерть. Идея выживания группы настолько сильна, что захваченные в плен добровольно отвергают прежнее племя и всей душой принимают новое. Самоубийство там считается тягчайшим преступлением, поскольку тоже ослабляет племя.

— А как насчет тех, кто ранен, искалечен или родился уродом?

— Уродов, разумеется, убивают. А что касается раненых... Матрайхиане очень живучи, но порой и они получают увечья. Если это случилось с тем, кто достоин уважения, то ночью разыгрывается целый ритуал. Некоторые из местных растений вырабатывают сильные наркотики. Их дают раненому, и он умирает без мучений. А потом... — Урубубу замаялась.

— Ну? — мягко, но настойчиво спросил Козодой.

— Потом племя съедает его, чтобы он навсегда остался среди своих. Точно так же они поступают с храбрым врагом, заслужившим уважение. Там ничего не пропадает зря. — Урубубу пропустила меж пальцев свое ожерелье. — Оно сделано из человеческих костей.

— Так вот какое будущее готовит нам Главная Система, — проворчал кто-то. В толпе послышалось гневное бормотание.

— Не забывайте, что наши собственные предки были ничуть не лучше, — резко возразил Козодой, — и мы, высококультурные и цивилизованные люди, проделываем с помощью технологии вещи, которые гораздо ужаснее этого примитивного каннибализма. Боюсь, они тоже бы почувствовали отвращение, увидев многое из того, что делаем мы. Но мы здесь не для

того, чтобы одобрять или проклинать. Мы здесь для того, чтобы добыть перстень. — Козодой повернулся к Урубу. — Так был ли я прав насчет единой теологии?

— Да, — кивнула Урубу. — За исключением небольших различий всю культуру скрепляет единый пантеон, и верования практически идентичны. Старейшая женщина в племени называется хранительницей огня, и ей вверены кремни для разжигания костра. Но помимо старейшин, там существуют женщины, которых называют «вассун», что значит — хранительница истины. Вассун не принадлежат к какому-то одному племени, но обладают властью. Их нетрудно узнать — все они обриты наголо и татуированы не меньше, чем Молчаливая. Они связаны обетом безбрачия: ни один вождь не смеет прикоснуться к вассун, когда она приходит в племя. Правда, в племени она остается недолго — видимо, проверяет, как дела, и порой дает советы хранительнице огня. Потом вассун уходят и направляются в другое племя.

— Ага! — с энтузиазмом воскликнул Козодой. — Жрицы! И откуда же они приходят?

— Ниоткуда. Считается, что они — часть окружающего мира, тем более что они выглядят совершенно одинаково, словно близнецы. К ним даже обращаются как к одному и тому же человеку. Меня так и подмывало превратиться в одну из них, но не оказалось подходящего момента. Они расспрашивают о делах племени так мягко и профессионально, что это едва заметно. Я почти сразу поняла, кто они такие. Это полевые агенты, хотя вряд ли они сами это осознают. Безусловно, они искренне верят во всю эту божественную чепуху. Но когда они говорят с богами, боги иногда отвечают им. Это происходит в святых местах, запретных для всех, кроме вассун.

— Ого! Похоже, мы кое до чего докопались! Значит, где-то есть центральная власть, а где власть — там

и технология, — заметил Козодой. — Скажем, замаскированный и самообслуживающийся компьютер?

— Думаю, нет. Вассун приходят из определенного места и возвращаются туда для доклада. У меня есть одна сумасшедшая идея...

— Говори.

— В МСС есть по одной дивизии на каждую расу, так?

— Так нам говорили.

— Но дивизия первобытных людей бесполезна в современном бою, так? А что, если эту дивизию превратили в жреческий корпус Матрайха? Сделать их похожими друг на друга, заставить поступать одинаково и проповедовать одно и то же? Это по силам любой приличной психохимической лаборатории, а у Главной Системы под рукой все самое лучшее. Из офицеров сделали старших жриц и снабдили их средствами связи, которые сами они считают магией, помогающей общаться с богами.

— Логично, но как же они воспроизводят себя, если связаны обетом безбрачия?

— Ну, безбрачие — это еще не бесплодие. И потом, их безбрачие касается только взаимоотношений с простыми смертными, которые даже не замечают различий между вассун. Кто им мешает брать отпуск по беременности, допустим, раз в год? Итак, мы имеем замкнутую иерархию, нацеленную на поддержание установленного порядка. Иными словами, тот же Центр, но без научных исследований, от которых одни неприятности. И главное, что у них есть какой-то доступ к технологии. Нельзя месяцами ожидать, пока дойдет весть о том, что где-то что-то пошло не так, как следует. Конечно, никаких флайеров или боевых лазеров, просто некие полезные мелочи, дарованные богами, чтобы проще было поддерживать порядок.

Козодой с сомнением покачал головой:

— Такая система выглядит довольно хрупкой. Этому порядку сотни лет, за это время здесь уже сто раз могли приземлиться, допустим, флибустьеры, и кто бы сражался с ними? А тем более теперь, когда Система знает, что мы знаем о перстне — почему этот мир на вид такой беззащитный?

— Кажется, я вижу, куда ты клонишь. На месте Главной Системы я бы не стирала память этих эмэс-эсовок начисто. Где-то должен быть контрольный компьютер, который начинает головы молодых жриц теологической чепухой, но ведь он с таким же успехом может сделать и обратное. Вот зачем нужны спутники. При малейшем намеке на вторжение чужаков или появление недозволенной технологии все жрицы разом превращаются в боеспособную дивизию МСС. К ним возвращаются знания и опыт их предков, достаточные, чтобы либо самим устранить угрозу, либо вызвать помощь. — Уруб помедлила, пораженная своими собственными выводами. — Ну и ну! Понимаешь, что это значит?

— Еще бы. Отсутствие перстня немедленно запускает этот механизм, так что они не должны узнать, что перстень украден. Кроме того, мы будем предельно ограничены в использовании технологии. Одного-единственного сообщения о чем-то необычном может быть достаточно, чтобы мы внезапно оказались лицом к лицу с автоматизированной защитой неизвестной мощности плюс полная дивизия МСС. Неприятная перспектива.

— Бирюльки, — неожиданно произнес Клейбен, и все удивленно повернулись к нему. — Старинная детская игра на моей родине. Пучок прямых тонких палочек бросают с небольшой высоты, и они падают кучкой. Надо вынуть как можно больше палочек, не дав кучке обвалиться. Выигрывает тот, кто наберет больше всех. Сейчас мы затеяли такую игру на поле, заминированном врагом. Только мы не знаем, что за мины

на этом поле и отчего они взрываются, нам придется быть предельно осторожными. Нельзя дать им даже малейшего намека на наше присутствие. Или на то, что мы *были* здесь.

Уруббу пожала плечами:

— Ну да. Допустим, я как-нибудь добыла перстень. Но как только его хватится кто-то, тут же поднимется тревога — и пиши пропало. Вы меня уже не вытащите.

— Вот именно. И должен честно сказать, что в таком случае нам придется оставить всех, кто окажется внизу, ради спасения остальных. Если подымется тревога, противник легко обнаружит истребитель в месте высадки и установит непрерывное наблюдение. Связь прервется, может быть, на годы, может быть, навсегда. Значит, надо сделать все с первого раза.

Уруббу в упор уставилась на своего создателя. Повисла тяжелая тишина. Когда будут добыты перстни, Клейбен станет ее следующей целью, но пока что она была вынуждена держать слово.

— Как? Мы даже не знаем, где перстень и с чем нам предстоит столкнуться. А там, внизу, я должна вести себя как туземка. Это невозможно.

— Не совсем, — раздался в громкоговорителе голос Звездного Орла. — По крайней мере я могу сказать, где может находиться перстень.

Все были поражены.

— Что? Как? — спросил Козодой.

— Один из спутников выведен на стационарную орбиту, и его антенны всегда нацелены на одну точку. Безусловно, это сделано, чтобы обеспечить постоянную связь с внешним миром. Это место находится в тысяче ста километрах от истребителя, почти в самом центре материка. Логично предположить, что именно там расположен искомый религиозный центр и, следовательно, обитает та, которая носит перстень. Скорее всего это какая-то высокопоставленная жрица.

— Ничего себе! — отозвался Козодой. — Мы даже не можем забросить кого-нибудь поближе к этому месту. И вот Урубубу, не имея в руках практически ничего, кроме того, что у нее есть сейчас, придется пройти одиннадцать сотен километров в этом аду и при этом не вызвать ни у кого подозрений. Потом все разведать и превратиться в одну из верховных жриц, имеющих доступ к перстню. И даже если у нее это получится, то, как только она заберет перстень, поднимется тревога.

— У нас уже есть один перстень, — негромко сказала Хань. — И предполагается, что все они идентичны за исключением рисунка на камне. Зная нужный рисунок, мы могли бы изготовить фальшивку и подменить перстень. Сомневаюсь, что кто-то станет разглядывать ее под микроскопом.

Урубубу кивнула:

— Я думала об этом. В общих чертах я знаю рисунок, он изображен на всем, что носят с собой хранительницы истины. Есть тут бумага и карандаш? До сих пор мне не довелось побывать художником. Посмотрим, что у меня получится.

Блокноты и карандаши нашлись только в детской. Их быстро принесли. Урубубу сделала несколько пробных набросков, и наконец результат ее более или менее удовлетворил. Получилось стилизованное изображение высокого дерева, на ветви которого сидела крошечная птица.

— Черт побери! Все-таки неправильно!

— Ничего, — сказал Клейбен. — Если вы достаточно внимательно приглядывались к татуировкам, мы можем извлечь из ментокопии все, что нужно. Площадь вставки всего около трех квадратных сантиметров. Стиль и качество работы нам известны. Это можно сделать. Полный анализ, разумеется, сразу распознает подделку, но того, кто ежедневно надевает перстень, мы наверняка обманем. И даже

если потом обман обнаружится, мы будем уже далеко. Я уверен в успехе.

Уруббу вздохнула:

— Все равно в данной ситуации мои м-м-м... таланты применимы лишь в небольшой степени. В конце концов, я могу устроить засаду на какую-нибудь хранительницу истины и превратиться в нее, но вынести перстень я не смогу: отсутствие жрицы будет замечено, и тут же поднимется тревога. А если это действительно перепрограммированные эмэсэсовцы, мы не можем взять одного из них и использовать как прототип. Когда я была эмэсэсовским сержантом, я обнаружила, что стоит посадить кого-то из эмэсэсовцев под ментопринтер, как он тут же умрет, если не ввести секретный код, уникальный для каждого солдата. Так что проташить туда еще кого-то таким путем не удастся.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Козодой, впервые засомневавшись в успехе этого предприятия.

— Чтобы все выглядело достоверно, мне понадобится племя. Каждый должен быть очень тщательно запрограммирован, и кому-то придется занять место вождя. Мне этого делать нельзя: мне предстоит превратиться в вассун, войти в Центр и все там разведать.

— Ты хочешь, чтобы мы стали твоим племенем? — спросил Козодой. — Мы не можем так разбрасываться людьми. Для кораблей нужны экипажи, а у нас и так мало квалифицированных специалистов.

— Мне ни к чему большое племя. Оно будет выглядеть подозрительно и его труднее контролировать. Я понимаю, ты предпочел бы, чтобы я спустилась туда, выкрала десяток туземцев и переслала по одному на «Гром», но это не годится. Когда дойдет до дела, мне потребуются, во-первых, закоренелые атеисты, а во-вторых, люди, способные воспользоваться технологией, если мы ее обнаружим, и умеющие избегать ловушек. Малейшая ошибка — и мы окажемся в окружении матерых эмэсэсовцев.

— Но нам нужны образцы, — заметила Хань. — Нельзя сделать всех похожими на тебя.

— Ерунда! У вас уйма фотографий. Достаточно только сохранить основные расовые признаки. А насчет ментопринтеров не беспокойтесь — если кому-то и придется иметь с ними дело, то только мне, а я уж постараюсь, чтобы на записи получилась исключительно Юраа — это моя туземная личность. Спросите Клейбена, он подтвердит. Он сам меня конструировал.

— Это правда, — кивнул док.

— К тому же мы располагаем опытом Хань в психогенетике, психохимии и программировании личности. Если мы вместе со Звездным Орлом возьмемся за это, я уверена, что мы останемся необнаруженными и выполним задание. — Урубубов взглянул на лица, на которых ясно читалось сомнение.

— И все же, — нерешительно сказала Икира Сукота, — должна быть какая-то альтернатива.

— Конечно. Я могу пробраться туда и стать важной шишкой — на то уйдет год, если не два, — а потом стянуть перстень и удариться в бег. Немедленно поднимется тревога, и орбитальные спутники сразу же примутся сбивать все, что окажется в поле их зрения.

Воцарилось долгое молчание. Было слышно, как шуршит воздух в коробках вентиляционной системы.

— Шансы на успех я оцениваю как крайне незначительные, — нарушил тишину Звездный Орел.

— Навсегда остаться на этой планете, и к тому же задаром... — откликнулась Хань.

— Да. Но шансы остаться необнаруженными довольно велики. Конечно, если хранилище истины исчезнет в Центре, это чрезвычайное происшествие, но если это произойдет, так сказать, в поле, я думаю, ее пропажу расценят как несчастный случай. Однако если неудача запустит механизм тревоги, ускользнуть, пожалуй, удастся только Урубубу. Без компьютерной поддержки, без тщательной разведки, без доскональ-

ного анализа данных шансы украсть перстень и благополучно вернуться исчезающе малы.

Подумав немного, Козодой сказал:

— Возможно, твое самолюбие будет задето, Звездный Орел, но люди веками прекрасно справлялись без всяких компьютеров и даже умудрились достичь высокого уровня цивилизации. Самое трудное — провести операцию, ни на йоту не выходя за рамки культуры Матрайха. Риск, безусловно, огромен, но альтернативы я, честно говоря, не вижу. Пока мы в деталях не выяснили оборону Чанчука и только пытаемся найти смутные намеки на то, где находится четвертый перстень, Матрайх представляет определенные надежды. Здесь, на этой планете, противник чересчур уверен в себе. Он считает, что мы не станем соваться сюда, пока нас не заставят обстоятельства. Я предлагаю воспользоваться этим и сунуться именно сейчас.

Ворон оглядел остальных пиратов, и губы его сложились в невеселую улыбку.

— Есть добровольцы? — спросил он.

Козодой не стал спешить с поиском добровольцев. Сначала надо было собрать и обработать обширнейшую исследовательскую и техническую информацию, создать компьютерную модель ментокопии и выяснить, что лучше всего обеспечивает выживание на Матрайхе. Тем временем Козодой отправил «Каотан» в помощь «Бахакатану» и «Чунхофану». Они исследовали все известные колониальные миры в поисках хоть малейшей зацепки. Без четвертого перстня остальные три ничего не значили, и Козодой очень хотелось бы иметь его, прежде чем отправляться на Чанчук. Если им суждено выдержать еще одну битву, так пусть она будет последней и произойдет там, где в любом случае придется драться.

Хотя Клейбен лучше любого другого умел воплощать идеи в работоспособные программы, Урубуд предпочитала работать с Хань и Звездным Орлом. Создание Клейбена не доверяло своему создателю. С другой стороны, и Клейбен больше всего на свете боялся собственного творения.

Наконец Звездный Орел прочел, выделил, прозондировал и проанализировал как личность Юраа, так и ее генетическую информацию. У Козодоя к этому времени появилась идея насчет того, кто должен стать вождем в будущем племени. Он предпочел сперва обсудить свою мысль с Вороном и с удовлетворением обнаружил, что кроу целиком и полностью с ним согласен.

— Вполне логично, что ты выбрал ее. Она единственная, кто может стать предводителем в таком месте.

— Я только подумал, что ты и она...

— Слушай, конечно, ей немного подлатали мозги на Мельхиоре, но ровно настолько, чтобы она стала слегка управляемой. В жизни не встречал человека с такой путаницей в котелке. Поглядел бы ты, что она вытворяет в постели! Форменное побоище, только успевай увертываться. Единственное, в чем мне хотелось бы быть уверенным, так это в том, что она всегда будет на моей стороне. Нет, вождь, если мне понадобится, я себе кого-нибудь найду. Сказать тебе честно, будь малышка Икира на метр повыше или я на метр пониже, да еще если бы ей поменьше нравились женщины и побольше — мужчины, — так лучше бы и не найти.

— А как насчет того, чтобы пойти самому? Ты все-таки полевой агент, и опыта у тебя навалом...

Ворон вздохнул:

— Вождь, без сомнений, это дело как раз для Манки. Матрайх просто создан для таких, как она. Она *должна* пойти. Я думаю, она и сама уже рвется в бой, и, уверяю тебя, она будет вождем и, следовательно, единственным мужчиной в группе. Не то чтобы я воз-

ражал против превращения в женщину — всегда любопытно взглянуть на них изнутри, но я окажусь физически привязан к Манке как к своему господину и повелителю, а это мне не по душе. Если придется посылать еще кого-то, чтобы вытащить их оттуда, я, конечно, пойду. Но пока необходимости нет, предпочитаю воздержаться.

Козодой понимающе кивнул:

— Ладно. Понимаю. Просто подумал, что вы привыкли работать вместе, и, кроме того, из всех колониальных рас, эта больше всего похожа на людей.

— Я знаю, потому-то меня так и подмывает согласиться. Но не такой Манка человек, чтобы погибнуть там, и черт меня побери, если я соглашусь провести остаток жизни в ее гареме. А в принципе ты прав, вождь. Мне это дело подходит. Есть ли у тебя еще кандидатуры?

— Да. Ты, наверное, удивишься, но у меня уже есть двое добровольцев.

— Да ну?

— Лалла Пачиттавал и Суни Бандереш. Они потеряли мужей и корабль и теперь чувствуют себя как рыбы на суше. Я рассчитывал, что они будут пилотировать новые истребители, но одно другому не мешает. Они хотят сравнять счет. Натянуть нос Главной Системе. А больше всего, кажется мне, хотят заняться делом, чтобы избавиться от тоски.

— Хорошо, итак, их уже четверо. Этого достаточно?

— Да, если все доберутся до цели, но мы-то с тобой знаем, каковы шансы уцелеть в пути, не говоря уже о том, чтобы вернуться обратно. Уруббу просит семерых.

— Семерых! Где же найти такую кучу сумасшедших?

— Давай спросим Вурдаль.

Предчувствия Ворона полностью оправдались. Манка Вурдаль давно ждала этого приглашения и отнеслась к нему без предубеждения.

— Судя по Уруббу, мне даже не придется особенно изменяться, — сказала она. — Я стану чуть-чуть темнее и намного крепче.

— Внутри они гораздо более чужды нам, чем снаружи, — предупредил Козодой. Потом он рассказал ей о двух вдовах с «Индруса».

— Я понимаю, что ими движет, но, боюсь, они слишком цивилизованны, — сказала Манка. — Я должна их проверить. Еще кто-нибудь? — Она испытующе взглянула на Ворона.

— Я предпочел бы пока не задействовать Ворона. У вас с ним уникальные навыки и опыт работы, и я не хочу рисковать обоими сразу. — Вот так. Кроу вышел сухим из воды, и Козодой уловил тень признательности в его взгляде. Со временем этот должок можно будет спросить.

Вурдаль была разочарована, но согласилась с этим аргументом.

— Ладно, тогда кто же?

— Я думал, ты что-нибудь подскажешь.

Она задумалась.

— Ну, раз нельзя пускать туда Ворона, я хотела бы взять капитана Сантьяго.

— Марию? Почему?

— У нее нет ни команды, ни корабля, то есть причин для мести не меньше, чем у других, и она сильная личность. Я уже успела понять, что слабый человек не смог бы командовать флибустьерским кораблем, а ей беспрекословно повиновались двое мужчин ее расы и два колониста. Правда, ей придется отвыкнуть от современного оружия, но я уверена, что она сумеет обойтись без него. Она из тех, кто умеет выживать. Если со мной что-то случится, она сможет принять командование.

— Хорошо, я поговорю с ней. Кто-нибудь еще?

— Давай сперва посмотрим, согласится ли она. Возможно, у нее будут какие-то предложения.

Так они и сделали. Козодой ненавидел подобные совещания, но обойтись без них было невозможно. И то хорошо, что Сабир и сестры Чо привыкли к новым телам. Но, по правде говоря, они до сих пор старались больше общаться с землянами, чем с джанипурцами, чей облик они приняли.

Нельзя сказать, чтобы Мария Сантьяго была сильно обрадована, но она сразу поняла, почему предложение было сделано именно ей. Она попросила дать ей время на размышление и через несколько часов вернулась с согласием.

— Но при одном условии, — добавила она.

— Каком? — Козодой готов был сделать все в пределах разумного.

— Вам нужны еще двое, так?

— Да. И если у вас есть какие-то соображения, мы их охотно выслушаем.

— Миди Энджи, да неплохо бы прихватить и остальных трусов из ее экипажа. — Энджи пилотировала «Эспириту Лусон» в том бою, который стоил Марии Сантьяго корабля и всего экипажа. — Пора им заплатить по счету.

Судя по ухмылке Вурдаль, она полностью разделяла эту мысль.

Козодой вздохнул:

— Я с радостью послал бы туда всю эту банду, но они всего лишь выполняли приказы Савафунга, а он дал нам расписание перевозок мурилия и в каком-то смысле спас вас и всех остальных флибустьеров. За это вы ему обязаны. Тем не менее мы сделаем то, что вы хотите. Я бы еще послал туда Оторо, но не хочется давать ему шанс захватить командование, если что-то случится. — Оторо был личным телохранителем Савафунга и следил за порядком на его корабле. Он был единственным вольным мужчиной, которого Савафунг взял с собой, покидая Халиначи. — Тай Джин Чун, по-

дружка Миди, очень гордится своими успехами в рукопашном бою. Она была канониром на «Эспириту Лусон». Если женщина такого маленького роста умудряется подрабатывать вышибалой в баре, то там, внизу, это умение может пригодиться.

— Они наверняка откажутся, — сухо заметил Ворон. Козодой пожал плечами:

— Сначала я побеседую с Савафунгом. Они обязаны ему жизнью, а он задолжал нам за «Индрус» и «Сан-Кристобаль». Савафунг прикажет им лично.

Савафунг не принял предложения всерьез и был крайне возмущен тем, что кто-то осмелился покушаться на его собственность.

— Свою часть сделки мы выполняем, — заявил он, неторопливо потягивая коктейль, приготовленный его личным рабом в шикарном баре «Эспириту Лусон». С момента прибытия на «Гром» Савафунг продолжал жить в роскоши на своем корабле. — Я знаю, что думают остальные, но наш корабль был поврежден в бою. Мы нашли единственный разумный выход и спасли хотя бы один корабль из трех.

Козодой откинулся в удобном кресле и в упор взглянул на старого жулика.

— Вы заставляете меня выкладывать карты, которые я хотел бы придержать. До сих пор вы вели себя так, словно у вас есть какие-то привилегии, и до сих пор, в память о ваших прошлых заслугах, я не обращал на это внимания. Дальше так продолжаться не может. Видите ли, я не особенно нуждаюсь в вас, а после сражения выяснилось, что даже в качестве союзника вы не только бесполезны, но и опасны для всех нас. Я знаю о том маленьком взрыве у кормовых двигателей, который вы устроили, чтобы симитировать повреждение. На самом деле вас просто немного трянуло, и не более того. Не трудитесь оправдываться, у меня есть

записи боя, снятые с разбитого «Индруса», и показания локаторов «Каотана» и «Грома». Взрывами, даже очень небольшими, чрезвычайно трудно управлять. Этим взрывом вы повредили себе механизмы управления по левому борту.

— Действительно, у нас была такая поломка. Ну и что?

— Вы не смогли бы выйти на позицию напротив «Индруса» и «Сан-Кристобаля». То есть добраться туда вы могли, но это потребовало бы более сложных маневров, которых вы не совершали. Я не пилот, но Мария Сантьяго — опытный капитан, не говоря уже о Звездном Орле. Именно они пришли к этому выводу. Пока ваш корабль находился в ремонте, мы его несколько модернизировали. Теперь, если вы стартуете, не получив у Звездного Орла соответствующего разрешения, ваш корабль взорвется, а при малейшей попытке саботажа Звездный Орел просто перехватит управление всем оборудованием. Включая системы жизнеобеспечения.

Савафунг чуть не выронил стакан.

— По какому праву...

— Нашим флотом командую я. Я, и никто другой. Меня избрал, а потом утвердил совет, в котором вы имеете всего лишь один голос. Я команду каждым кораблем и каждым человеком во флоте. КАЖДЫМ кораблем. КАЖДЫМ человеком. Не хотите ли вынести этот вопрос на ближайший совет капитанов? Они ведь тоже видели записи. На сегодняшний день я — единственный, кто спасает вас от разъяренной толпы. Я делаю это из практических соображений и из уважения к вашим прошлым заслугам, но большую часть этих фондов вы уже исчерпали, погубив два корабля и пять человек. Так что либо вы отправитесь вниз вместе со всем своим экипажем, либо отдадите мне двух человек и останетесь здесь наслаждаться роско-

шью. В будущем мне могут понадобиться ваши люди или ваш корабль, и я получу это, иначе при раздаче наград, если дело дойдет до раздачи, вы присутствовать не будете. Так каков же ваш выбор?

Потрясенный, Савафунг поник в кресле. Какое-то мгновение он сидел, уставившись в пространство, и наконец произнес:

— Неужели вы говорите всерьез?

— А как же иначе? Мы — все мы — живем в беспокойное время. Когда вы вступали в игру, я предупреждал вас, что обратного пути нет. Эта роскошь нам недоступна. В той мере, в какой это не ставит под угрозу нашу миссию, готов дать вам определенные поблажки, но не переоценивайте свое влияние и могущество.

— Мне, знаете ли, доводилось убивать людей и за меньшее, — рассеянно, совсем не угрожающе протянул Савафунг.

— Это было давно, когда вы строили Халиначи.

— Я не строил ее. Я ее отнял. Взгляните на Джеми. — Савафунг показал на одного из рабов. — Он ее прежний владелец. Я оставил его при себе, потому что это меня забавляет.

— А теперь вы пытаетесь забрать кое-что и у нас, — в тон ему отозвался Козодой. — Валяйте. Возможно, вам удастся справиться со мной и с парой-тройкой других, но в конце концов вы позавидуете Джеми в его безмозглom счастье. У меня есть более серьезные противники, чем вы, Савафунг. Из-за вас я не стану страдать бессонницей, а вот вы из-за меня можете потерять сон.

— Не исключено, — хмыкнул Савафунг. — Ладно, можете их забирать. Веселитесь, синьор. Должен признать, что на этот раз вы меня одолели, но я еще не выложил все свои козыри.

Козодой пристально взглянул на него:

— Что вы хотите этим сказать?

— Ничего. Пока ничего. Ведь, если выложу их, потом я буду уже не нужен вам, не правда ли? Не беспокойтесь. Все спрятано здесь, — он похлопал себя по лбу, — и даже наш общий друг Клейбен не в состоянии вытащить это отсюда. Позвольте мне жить, и вы не пожалеете, друг мой. Когда придет время, я дам вам то, что вам нужно.

Теперь Козодой в свою очередь удивленно приподнялся в кресле.

— Вы знаете, где четвертый перстень?

Савафунг улыбнулся, довольный пусть маленьким, но реваншем.

— Я не говорю, что именно мне известно. Я скажу, друг мой, скажу, когда придет время.

Козодой хотелось придушить хитрого старика, но он сдержался. Сейчас у него было более важное дело. Спустившись в роскошную каюту, Козодой увидел обеих женщин и понял, что они уже все знают. Похоже, подслушали разговор.

— Мы не пойдем! — твердо сказала Миди. В этой паре обычно говорила она. — Он нам не владеец! Мы ему не рабы!

— Пойдете, — ледяным голосом ответил Козодой. — И я вам сейчас объясню почему. Когда-то он спас вам жизнь, а теперь мы делаем то же самое. Вы опытные пилоты, но, исполняя его приказы, вы позволили погибнуть двум кораблям. Он отрекся от вас. Вы знаете, что это значит. Он бросил вас на растерзание, как бросил те корабли, чтобы спастись самому. Вы всего лишь служащие, и вы уволены. Я сказал ему, что завтра утром либо он лично явится в семь ноль-ноль в распоряжение Манки Вурдаля, либо пришлет вас. Ни на одном корабле вас не примут. Впрочем, кое-какой выбор у вас есть. Вы можете покончить с собой — и никто плакать не станет, уверяю вас. Вы можете уйти, но вам ничего не дадут взять с собой. Я уже объяснил вашему бывшему нанимателю, что здесь

все общее. И так, или вы повинуетесь, или кончаете с собой, или вас выкидывают голыми через ближайший воздушный шлюз.

Козодой повернулся и вышел из каюты. Надел скафандр и прошел через воздушный шлюз на «Гром». И хотя ему было немного стыдно за это чувство, но, черт побери, он ликовал!

Манка Вурдаль вызвалась испытать на себе трансмьютерный темплет, разработанный Звездным Орлом на основе генетической информации, снятой с Урубу. Внешние изменения были заметными, но далеко не в такой степени, как у остальных, кто должен был подвергнуться обработке. Только ее коричневая кожа сильно потемнела, а волосы, прежде курчавые, стали волнистыми. Она была высокой и мускулистой, такой и осталась. Ее черты, наследие французских и ашантийских предков, всегда были тонкими и четкими, их не пришлось изменять. Ей сделали татуировки, которые соответствовали матрихианским обычаям, но достаточно отличались от раскраски других племен. Татуировки придали Манке свирепый вид, который ей понравился, но внешне она почти не изменилась. Ее новый облик завершили костяные украшения и плетеные из лиан браслеты на запястьях и лодыжках, сделанные по образцу тех, которые носила Урубу.

Сильнее всего изменилась ее кожа. Ей самой она казалась обыкновенной и на вид, и на ощупь, но для всех остальных она выглядела прочной и плотной, словно дубленая. Манка спокойно могла держать палец над пламенем спички и, гася ее пальцами, не обжигалась. Однако замечательнее всего была молодость. Разменяв четвертый десяток, прежняя Манка Вурдаль выглядела совсем неплохо, а теперь ей на вид было не больше шестнадцати. Ментопринтерную программу, разработанную для Матрайха, ей вводить

не стали. Это предстояло сделать непосредственно перед высадкой.

— Те из вас, кто вызвался добровольно, — заявила Вурдаль, собрав остальных членов своей команды, — может отказаться прямо сейчас, потому что вечером это будет уже невозможно. Чем раньше вы обзаведетесь новыми телами и мы начнем тренировки, тем лучше. В лабораторном отсеке для нас подготовлено большое помещение. Мы будем жить там, отрезанные от всех остальных, до самой высадки. Все это время вам предстоит изучать и отрабатывать приемы и навыки, которые, возможно, спасут вам жизнь там, внизу. Любая ошибка на Матрайхе фатальна и зависит от действий — или бездействия — любой из вас. Ментопринтер печатает вам всю необходимую информацию, но ему не по силам дать вам навыки, ускорить реакции или отработать рефлексy. Вам придется забыть многое из того, что раньше вы принимали как должное. Пистолеты и ружья, компьютеры и банки данных, броня и щиты — и даже такие мелочи, как хлеб и консервы, медикаменты и аптечки. Даже спички. Я буду тренировать вас до тех пор, пока вы не научитесь действовать как одно целое. Мне нужно, чтобы вы остались живы, потому что только в этом случае я могу уцелеть сама. — Она помедлила. — У кого-нибудь есть сомнения?

— Сколько угодно, — ответила Мария Сантьяго, — но я как капитан никогда не просила своих подчиненных сделать что-то, чего не могла бы сделать сама, и не уклонялась от ответственности. И кроме того, — добавила она, — это все же не те четвероногие твари, что были на Джанипуре. Если я сумею выжить внизу, значит, сумею выжить где угодно и снова стать капитаном.

Вурдаль кивнула. Мария Сантьяго ей нравилась. Она будет ценной союзницей. Вурдаль повернулась к вдовам с «Индруса»:

— А вы?

— У нас одна цель, — ответила за обеих Суни Бандереш. — Мы не хотим, чтобы кого-то вытаскивали, как нас, из обломков «Чунхофана», «Бахакатана» или, может быть, «Грома». Возможно, ради этого мы и остались в живых. Нас не очень радует предстоящее, но мы верим, что это необходимо.

— Хорошо. — Вурдаль повернулась к Миди и ее подруге. — Я настаивала на вашем участии потому, что вы обе — крепкие и наглые стервы, прирожденные убийцы. Я знаю, что вы не чувствуете ни малейшего раскаяния в том, что вы сделали, но это к делу не относится. Вы либо искупите свою вину, либо умрете. Вы можете остаться в живых только в том случае, если отбросите свой эгоизм и будете заодно со всей командой. Тогда из вас, возможно, когда-нибудь получатся люди.

— Учитывая ваше мнение о нас, просто удивительно, что вы захотели нас взять, — мрачно ответила Энджи. — Вы считаете, что однажды мы уже вас подвели. Вы не боитесь, что мы подведем вас снова?

Вурдаль зло усмехнулась:

— Видите ли, в этом-то все и дело. Если вы сделаете это случайно, то погибнете вместе с нами. Если же преднамеренно... Если хоть кто-то из нас выживет, я гарантирую вам ад при жизни. Если же нет, то лучше вам самим добыть перстень, иначе вас оставят дожидать ваши жалкие жизни на Матрайхе.

Трансмутация не заняла много времени. Звездный Орел мог только убрать массу, но не добавить ее, поэтому пять спутниц Вурдаль получились ниже ее ростом, а некоторые — намного ниже. Зато когда дошло до коренастой и широкобедрой Сантьяго, пилот использовал избыточную массу, чтобы увеличить ее рост со ста пятидесяти семи до ста шестидесяти четырех сантиметров и одновременно сделал Марию намного стройнее. Она стала второй по росту

после Вурдаль. Звездный Орел сохранил черты лиц у всех, насколько позволяли ограничения, наложенные матрайхианским генетическим кодом. Серьезной переделке подверглись только азиатские физиономии Энджи и Чун. Этих двоих после трансмутации невозможно было узнать в лицо. На вид всем членам нового племени было от четырнадцати до шестнадцати лет, и единственное, что их беспокоило, это татуировки, уродующие их лица и тела.

— Итак, начнём тренировки, — сказала Вурдаль. — Никто из вас, кроме Урубуби и меня, не носит почетных узоров. Вы должны их заслужить, а решать будем только мы двое. С этой минуты и до тех пор, пока мы не будем готовы, с нами может встречаться только один человек.

Этим человеком оказалась Молчаливая. Вурдаль специально просила об этом. Козодой и Танцующая в Облаках сначала возражали.

— Мы даже не знаем, понимает ли она хоть что-нибудь, — говорила Танцующая в Облаках. — И совершенно не представляем, как она воспримет вас.

— Она понимает все, что нужно, — отрезала Вурдаль. — Для нас она сейчас — самый ценный член экипажа. Общество, в котором она жила, мало отличается от того, что ждет нас на Матрайхе. Она проявила подлинное искусство там, где современный человек слабее всего. Ты сама рассказывала, как она без промаха метала нож, с какой звериной хитростью сумела подобраться к двум воинам и убить их. Мне нужен тот, кто научил бы нас этому. Я не предлагаю, чтобы она присоединилась к нам, она просто будет нас учить.

Козодой подумал о маленькой, преждевременно расплывшейся и поседевшей женщине средних лет из неизвестного племени. Все ее тело было покрыто яркими татуировками. Она провела всю жизнь в рабстве. У нее был вырезан язык. Это сделали те, кто на глазах Молчаливой убил ее ребенка, родившегося уродом.

Они не нашли другого способа остановить поток ее проклятий. Все окружающее приводило ее в недоумение, но она нашла себе прибежище в детской и с удовольствием ухаживала за чужими детьми. Тем не менее, убегая вместе с Козодоем и Танцующей в Облаках из селения Иллинойс, она была смертельно опасной, хитрой и коварной. Слишком легко он забыл об этом.

Молчаливая действительно смутилась и немного испугалась, впервые увидев семь странных женщин. Но она узнала Вурдаль и, похоже, поняла, чего та хочет. Здесь помогли не столько слова, сколько красноречивые жесты. В конце концов даже Козодой вынужден был согласиться, что Молчаливую стоило позвать. Она умела не только метать ножи, она знала, как выжить, используя все, что попадается под руку, как плести из лозы, как, терпеливо отбирая и обрабатывая камни и кости, сделать все — от оружия до украшений. Примерно неделю Молчаливая ходила с виноватым видом, словно ей было неловко перед Танцующей в Облаках за то, что она пренебрегает детьми и почти все время пропадает в тренировочном зале у Манки Вурдаль.

Судя по словам Хань, которая, подключившись через Звездного Орла к связным системам и мониторам «Грома», потихоньку подсматривала за тренировками, у Молчаливой все получалось превосходно, а всем остальным приходилось туго. Тай Джин Чун, например, гордилась черным поясом в каком-то из таинственных воинских искусств, но в конце концов Вурдаль жестоко избила ее, причем сама не получила даже синяков. Выяснилось, что Чун в группе была не единственным мастером рукопашного боя, и Урубун с Молчаливой приходилось заботиться о том, чтобы уроки не закончились убийством.

Раньше они только теоретически знали, что Манке Вурдаль нравится издеваться над людьми.

Причем сама она ни разу не подала вида, что издевки в ее адрес имеют для нее хоть какое-то значение. Она никогда не позволяла себе показать, что устала, ослабела или расстроилась. Она делала все то же, что делали все, только намного лучше. Это было признаком ее силы, и через семь недель остальные настолько дружно возненавидели ее, что эта ненависть не позволила им сломаться.

В один прекрасный день Молчаливая пришла к Козодой с просьбой. Она все еще объяснялась на примитивном языке жестов. Узнать, каков ее родной язык, было невозможно. Даже языковая ментопринтерная программа оказалась бессильна. Такие программы устанавливали систему перекрестных ссылок со знакомым языком, но, похоже, у Молчаливой, в ее нынешнем состоянии, не сохранилось даже представления о том, что такое язык. Козодой до сих пор понимал ее с трудом, но наконец сообразил, чего она хочет. Молчаливая была его женой, такой же, как и Танцующая в Облаках, об этом она и хотела сказать.

Попросту говоря, она просила развода.

Поняв это, можно было легко догадаться об остальном.

— Ты тоже хочешь идти, не так ли? — громко произнес он, помогая себе жестами.

Она кивнула. Потом сделала движение, как будто укачивала младенца, и показала в сторону берлоги Вурдаля. На мгновение Козодой подумал, что она хочет заботиться о детях, которые, возможно, появятся у них. А может быть, увидев, насколько изменились остальные, она решила, что ей тоже вернут молодость и возможность иметь ребенка. Но речь шла о другом, и Козодой не сразу уловил ее простую мысль.

«Я их мать, а они — мои дети» — вот что она хотела сказать. Она поняла, что группа собирается в очень дикие места, и была не уверена, что ученики справятся, если рядом не будет учителя.

Едва узнав о возможностях трансмьютеров, Козодой испытывал сильнейшее искушение вернуть ей язык, красоту и способность к деторождению, но у него не было способа спросить у Молчаливой, как она отнесется к этой идее на самом деле. А Клейбен и остальные сильно сомневались, что стоит пробовать возможности трансмьютера на «явно сумасшедшей». Но вот она сама попросила об этом, и Козодой не знал, что ответить. И он сделал то, что делал всегда, когда у него появлялись сомнения, — посоветовался с Танцующей в Облаках.

— Я думаю, надо ей разрешить, — без колебаний сказала Танцующая в Облаках. — Хотя я люблю ее и боюсь за нее. Может быть, она была рождена для этого. Может быть, она спасет не одну жизнь, а может быть, погибнет сама, но для нее это единственный шанс вновь обрести душу.

Козодой вздохнул:

— И скорее всего мы так никогда и не узнаем, правильно ли поступили. Впрочем, ладно. Если Вурдаль и Урубу согласятся и Клейбен не будет возражать, пусть отправляется.

С тех пор как она попала в плен вместе с Козодоем и Танцующей в Облаках, Молчаливая жила в мире волшебства и непостижимых тайн. Она ненавидела этот мир столь же сильно, сколь любила тех, кто был рядом с ней. Теперь она думала, что волшебство вознаградит ее за верность.

Клейбен сильно нервничал. То, что касалось тела, его не беспокоило — это было легко. Но он боялся даже подумать, какие проблемы могут возникнуть после применения ментопринтера.

— И все же, — сказал он, — каким бы языком она ни пользовалась, ему должны отыскаться соответствия в языке Матрайха. Готов поспорить, что внизу от нее будет больше толку, чем от многих других.

Вурдаль была рада, а Урубубу — не очень. Она могла лишь надеяться, что Молчаливая сумеет понять — они должны не просто выжить, но еще и добыть кое-что.

Молчаливая была довольно-таки полной, и Звездный Орел мог свободно оперировать с массой. Он сделал из нее шестнадцатилетнюю матрайхианскую богиню. Когда Молчаливая вышла из камеры трансьютера и впервые взглянула на себя, обновленную, в зеркало, она закричала.

Беззвучно.

Ее новое тело было безупречным. Она даже несколько раз пощелкала языком. И все же Молчаливая осталась немой. Немой и такой же загадочной, как и была.

7. ВЕЧНЫЕ ТЯГОТЫ МАТЕРИ

Через девять с половиной недель Манка Вурдаль почувствовала, что группа достигла предела того, что можно достичь на тренажерах. Общество Молчаливой натолкнуло ее на одну мысль, и в течение последних двух недель Манка обучала свое племя сигналам, состоявшим из щелчков пальцами и прищелкиваний языком. С их помощью можно было передавать информацию, когда требовалось полное молчание. Сначала всем, кроме Молчаливой, было нелегко усвоить этот способ общения, но в конце концов они перестали нуждаться в речи для того, чтобы действовать сообща.

— Мы готовы, насколько в такой ситуации вообще возможно подготовиться, — сказала Урубу, придя к Козодою. — Но меня по-прежнему слегка беспокоят женщины с «Индруса». Все-таки они чересчур цивилизованны. У парочки с «Эспириту Лусон» все идет как нельзя лучше, хотя это не те люди, на которых мне бы хотелось полагаться в трудную минуту. А очень может быть, что положиться придется. Но на тренажерах большему людей уже не научишь.

Козодой кивнул:

— Хорошо. Ты по-прежнему уверена, что вам действительно нужно столько людей? Даже на этой стадии все выглядит так, словно мы рискуем ими лишь для того, чтобы обеспечить тебе прикрытие.

— Это необходимо, — сказала Урубубу. — Прикрытие нужно нам всем. Боюсь, здесь будет не проще, чем на Джанипуре. Вы уже сделали дубликат перстня?

Козодой кивнул:

— Он того же размера, формы, веса и состава, что и джанипурский. Рисунок на камне, взятый из твоих воспоминаний об амулетах и посохах хранительниц истины, подходящего размера и выполнен в том же стиле, но сказать, можно ли им кого-то обмануть, нельзя, пока вы не сравните поддельный перстень с настоящим. Мы сделали для него футляр в костяном амулете. Смотри не потеряй, иначе придется возвращаться за новым.

— Я не потеряю. Хочешь сказать еще что-нибудь, прежде чем мы отправимся под ментопринтер?

— Детали обсудим после этого. Желаю удачи.

— Да уж, без нее нам нельзя... — проворчала Урубубу.

Отряд дикарей замер в молчании. Теперь у каждого была раскраска, соответствующая его положению в племени. Молчаливая носила цвета хранительницы огня. У Вурдаль появилась растительность на лице, и хотя ее тело оставалось женским, она двигалась и держала себя иначе, чем остальные. Когда она произнесла: «Мы готовы. Давайте заканчивать», — ее голос был прежним голосом Вурдаль, с карибским акцентом, но он понизился на пол-октавы и звучал почти по-мужски.

Все, кроме Манки и Урубубу, были взволнованы и даже чуточку испуганы.

Звездный Орел мог бы провести весь процесс автоматически, но было решено, что Хань вкратце расскажет о том, что должно произойти. Основную часть программы разработал Клейбен, но его решили не допускать к вводу ментокопий — по политическим соображениям.

— Мы главным образом базировались на информации и опыте Юраа, — начала Хань. — Все вы получите одну и ту же основную ментокопию за вычетом некоторых личных особенностей. Нам неизвестно, что именно может запустить механизм обороны, но если он настроен на все чуждое, то даже одного слова на незнакомом языке может оказаться достаточно. Вместе с тем необходимо, чтобы вся ваша память и знания остались при вас. Итак, мы установили нечто вроде фильтра. Язык Матрайха примитивен и плохо приспособлен для создания новых слов, но он может сгодиться, даже если вам придется использовать приближенные понятия и тратить пятнадцать слов вместо одного. Фильтр попросту не позволит вам сказать ничего, кроме слов этого языка. Язык Матрайха станет для вас родным. Вы будете думать на нем, и вам понадобится усилие, чтобы переключиться на другой язык, даже в уме. Однако вы будете понимать те языки, которые знаете сейчас. Язык играет основную роль в формировании культуры, и Главная Система знает об этом, вот почему мы наложили такое ограничение. Если вы будете пользоваться только этим языком, то станете неотличимы от туземок. Все понятия голографически связаны с образами. Например, услышав слово «дака», вы тотчас подумаете о гигантской лавовой змее.

Язык Матрайха действительно был прост, не знал никаких исключений, и каждое слово имело единственное значение. Большинство слов, включая имена, состояло всего из двух слогов, но имя материнского мира, таинственное и загадочное, состояло из целых трех и произносилось так: «Маа-траа-йах».

— Вы будете отзываться только на те имена, которые мы вам дадим, — продолжала Хань. — Это тоже ради вашей же безопасности. Имена на Матрайхе — обычные слова и могут описывать того, кому принадлежат. Явных правил мы не обнаружили, так что старались держаться поближе к вашим собственным име-

нам. Например, Мака значит «высокое дерево», это вполне подходит вам, Манка. Или еще проще, Мари означает «большая грязь». Имя не ахти какое, но достаточно близко к Марии. Суни — «серая скала». Миди — название одного из растений. Таег, близкое к Тай, это, прошу прощения, насекомое. Для Молчаливой мы выбрали имя Эуно, что означает «безмолвная рука». Для вашего имени, Лалла, нет эквивалента в матрайханском, так что теперь вас зовут Эза, что значит «прочная ветвь».

Хань ненадолго замолкла.

— Помня о том, с чем пришлось столкнуться на Джанипуре, мы предприняли некоторые меры предосторожности. У вас нет лазерных пистолетов, и перед Валом вы будете совершенно беззащитны. Конечно, вряд ли он есть там сейчас, но, если что-то пойдет не так, будьте уверены, он успеет туда раньше нас. Итак, слушайте внимательно. Любая попытка исследовать ваш разум, загипнотизировать или каким-то другим путем получить от вас информацию немедленно запустит фоновую программу. Она заблокирует всю память и знания, которые не принадлежат Матрайху. Удалить эту программу может только та машина, которая ее создала. Эту идею мы позаимствовали у МСС и теперь постоянно будем ее использовать. Если вы почему-либо отобьетесь от группы, постарайтесь вернуться к истребителю. Он останется на месте посадки, если только его не обнаружат и не уничтожат. Подойдите к нему и просто назовите свое имя. Он впустит вас и даст нам знать, что надо подготовиться к передаче и приему. Если истребителя не окажется на месте, воспользуйтесь впечатанной вам картой и ступайте в другие пункты эвакуации. Вот и все. А теперь желаю удачи.

Только Урубу не нуждалась в ментоконии. У нее уже была личность и опыт жизни на планете. Она была

создана ввести в заблуждение любой ментопринтер и не нуждалась в ограничениях, налагаемых программой.

В отличие от трансмутации процесс ввода ментокопий не был ни быстрым, ни легким. Полная обработка всей группы заняла несколько часов.

Мария Сантьяго, как и все остальные, очнулась с ощущением головной боли и легкой тошноты, которое отступило не сразу. Она чувствовала себя чужой. В голове роились странные воспоминания. Ей было тесно, закрытое помещение давило и пугало. В глубине души она помнила, кто она такая на самом деле, но старалась не думать об этом: это были пугающие и слишком сложные для нее мысли. Существовало только племя, только Люди, ее сестры-жены и вождь. Пока она с ними, ей нечего бояться.

Мака вела их туда, откуда они могли вернуться на открытые места, к Людям, и они шли за ней, готовые к возвращению. Первой шла Юраа, она разведывала путь, а Мака замыкала шествие. Сначала их переправили на «Молнию», пилотируемую Вороном. Короткий прыжок вывел их на тщательно рассчитанную траекторию, ведущую к «слепому пятну». В этом месте корабль мог незамеченным выйти на стационарную орбиту и оставаться на ней достаточно долго, чтобы успеть переправить всех на Матрайх.

Одна за другой они ступали на поверхность планеты и сразу же выстраивались в оборонительное кольцо. У них были копья с грубыми каменными наконечниками и каменные топоры, а с поясов, сплетенных из лиан, свисали духовые трубки.

Хотя пейзаж Матрайха был впечатан каждому в память, все, кроме Юраа, знали, что видят его впервые. Было невероятно жарко и влажно, в воздухе стоял запах сероводорода, и к этому еще предстояло привыкнуть.

Ландшафт представлял собой нагромождение безжизненных гротескно изломанных скал. Черная лава

застыла волнами. На выжженных пустошах лежал, словно грубый песок, красный, рыжий и серый пепел. Эти места обладали своеобразной красотой, но она была мертвой и угрожающей. Человек явно был здесь лишним. Густые облака кружились в демоническом танце. В отдалении по земле шарили тонкие пальцы молний и доносились раскаты грома.

При виде этой картины Мака на мгновение замерла, но она помнила о своих обязанностях и видела, что давно перевалило за полдень. Она кивнула Юраа, разведчице, и та повела их прочь с выжженного вулканического склона. Кратер вулкана терялся в облаках. Наконец они ступили на серый песок и сразу же пустились бегом. Тишину нарушали только отдаленные раскаты грома, мерный топот и напряженное дыхание. Они бежали безостановочно больше часа и, только когда вдали замаячила полоска живой зелени, перешли на шаг. Все молчали: Мака не позволяла им говорить вслух.

Под пологом джунглей было темно и сухо. Исполинские кроны почти не пропускали свет и дождевую воду, но все равно подлесок был густым: лианы и ползучие растения, тощие высокорослые кустарники с колючими листьями, и великое множество мхов, лишайников и грибов. Джунгли кишели насекомыми, но животных и птиц не было и следа. Они вышли к быстрой мелкой речушке, и почти километр Юраа вела их вдоль берега, пока они не достигли излучины. Здесь течение замедлялось, и можно было утолить жажду. Потом Юраа нарушила молчание.

— Мака-племя ловит рыбу в реке, — сказала она. — Или ест жуков. Юраа показывает.

Она подняла копье и очень медленно вошла в воду неподалеку от илистой отмели. Все следили за ней, а она совершенно неподвижно стояла по пояс в воде, держа копье на изготовку и не отрывая глаз от воды. Внезапно копье стремительно погрузилось в воду,

Юраа перехватила его обеими руками, повернула и подняла. На острие билась крупная рыбина. Юраа вернулась к остальным. Вид у нее был довольный. Затевая это представление, она больше всего боялась, что либо здесь не окажется рыбы, либо она промахнется.

Ее добыча выглядела довольно уродливо. У рыбы был широченный рот, окруженный длинными щупальцами, гладкая лилово-белая кожа без всяких признаков чешуи и суставчатые передние плавники, похожие скорее на недоразвитые руки. Молчаливая улыбнулась, кивнула и, подхватив свое копье, вошла в воду. Ей понадобилось меньше времени, чем Уруб. Похоже, она занималась такой охотой не в первый раз.

Настала очередь остальных. Главный секрет заключался в том, чтобы выбрать правильное место и стоять совершенно неподвижно. Эти рыбы не столько плавали, сколько ходили по дну и рылись в иле, оставляя за собой цепочку пузырьков. В конце концов Суни и Миди после нескольких неудачных попыток поймали по рыбине, но остальные вернулись с пустыми руками. Наступающая темнота заставила Маку и племя прервать рыбную ловлю.

Юраа и Молчаливая быстро выпотрошили и разделили рыб. В лесу было достаточно сушняка, но разводить костер не стоило. Это была чужая территория. Ни одно место, где даже новичок без особого риска может раздобыть еду, нельзя считать свободным.

Сырая рыба понравилась не всем. Марию, Суни и Лаллу едва не стошнило. Манка Вурдаль съела свою долю без особого удовольствия, Миди и Таег ели без отвращения, а Юраа и Молчаливая — с явным наслаждением.

— Останемся здесь до света Великой Богини, — сказала Мака. — Юраа знает это место?

Уруб кивнула:

— В темноте никто не придет. Это земля большого племени. Много больше, чем Мака-племя. Будет свет,

надо идти далеко. Близко плохого нет. Можно остаться до света. — По ночам лишь демоны бродили во тьме в поисках тел и душ. Только очень серьезная угроза могла заставить жителей Матрайха решиться на ночное путешествие.

Сегодня не было особой нужды выставлять посты, но позже такая необходимость появится. Понятно, что тот, кто не отличился на охоте днем, поплатится за это ночным сном. Но пока они еще не втянулись и не приоберели опыта, возможны были послабления.

Они расчистили сухое, хорошо укрытое место вблизи реки и легли там, тесно прижавшись друг к другу. Со временем стоянки будут поудобнее, но пока они могли себе позволить только этот спартанский ночлег. На неудобном ложе, под бурчание непривычных к новой пище животных, заснуть было нелегко. До сих пор дела шли неплохо, но память хранила впечатанные воспоминания об опасностях этого мира, а путь предстоял долгий, и пролегал он по таким местам, о которых даже Урубуб ничего не слыхала.

Айзек Клейбен сердито хмурился. Он только что вызвал в лабораторию Козодоя и Танцующую в Облаках. Хань уже была там. На нее было страшно смотреть.

— Я проанализировал ментокопии тех, кого мы отправили вниз, — начал доктор. — Ничего особенного, хотя садомазохистские фантазии Вурдаля нелегко воспринять даже в виде блока данных. Конечно, Манка лучше любого другого обеспечит успех операции, но мне заранее жаль этих бедных женщин, когда ей придет настроение поразвлечься с ними. А судя по всему, это будет часто. Так вот, никаких неожиданностей, пока я не приступил к Молчаливой. Мы сняли с нее ментокопию еще на Мельхиоре, и я смутно припоминаю, что мне докладывали, будто ее результаты оказа-

лись крайне необычными, но я был занят другими делами, а она не имела особого значения. Данные попросту перекрыты шоком и душевным расстройством, это одни неразборчивые обрывки. Хань попыталась прочесть их с помощью ментопринтера и едва не сошла с ума.

— Бесконечная петля, снова и снова, — слабым голосом произнесла Хань. — Ужас и горечь, одни и те же образы опять и опять, и сквозь все это — леденящий крик ее души. Это был ваш народ, какие-то знахари... Они вышли за пределы человеческой жестокости. Я и не подозревала, что могут существовать такие люди. Они наслаждались этим, да, наслаждались. Они заставили ее смотреть... — Хань вздрогнула и запнулась. — Смотреть, как они извлекают внутренности еще живого ребенка. Смотреть в упор, прижаться лицом к ранам младенца... Я наблюдала со стороны, но теперь меня до конца жизни будут мучить кошмары.

Танцующая в Облаках содрогнулась, и даже Козодой почувствовал ужас.

— Это был не мой народ, — сказал он оправдываясь. — Та же самая раса, да, но не мой народ. Это другое племя и другая религия, хотя и на племя иллинойс это не похоже. В том, как это было сделано, чувствуется почитание демонов, хотя это еще и политика.

Хань резко вскинула голову:

— Политика?! Чья?

— Ребенок был рожден уродом...

— Ребенок *не был* рожден уродом! Совершенно нормальный младенец! Девочка...

В лаборатории воцарилось молчание. Танцующая в Облаках судорожно сжала руку Козодою. А он вспомнил жирного негодяя, вождя шайки из селения Иллинойс. Тот, зная всю правду, рассказывал эту историю совсем иначе, чтобы спасти свою жалкую жизнь.

— За этим стоит нечто большее, чем суеверия. Вы пытались прорваться глубже? Отфильтровать что-нибудь?

— А чем же еще мы занимались? Но при такой тяжелой травме это нелегко, — ответил Клейбен. — Я не психиатр. На «Громе» превосходные компьютеры, но они плохо приспособлены для таких задач. Представляете себе, сколько перекрестных связей устанавливается в мозгу человека к сорока одному году? Квадриллионы! Человеческий мозг — невообразимо сложная база данных, которую Звездный Орел, Валы и прочие машины могут смоделировать только приближенно. Комбинациями связей создаются потоки данных и голографические образы. Здесь мы имеем дело с чем-то вроде самопроизвольно возникшей программы-червя. Я знаю, что ей неизвестно об этом, и она, конечно, никогда не думала об этом в таких словах, но, в сущности, дело обстоит именно так. Потрясение было так велико, что вызвало своего рода амнезию. Мозг отказывается вспоминать. Это что-то вроде лечения электрошоком. Получив его однажды, человек больше туда не сунется.

— У нее даже язык свой собственный, — вмешалась Хань, — он сложился у нее в голове после травмы. Само представление о языке осталось в заблокированной области. Она мыслит идеограммами, как глухонемые. У нее нет собственного представления о себе, она получает его только от окружающих. Даже ее сны — это всего лишь представления о том, что она делала накануне. Но она сохранила некоторые основные навыки, которые указывают, что она жила в каком-то диком месте. Просто невероятно, что она вообще выжила, если учесть, какова была травма. В таких случаях обычно наступает коллапс или человек кончает с собой. Отсюда следует, что она очень сильная личность — возможно, сильнее любого из нас.

— Все дело в том, что мы внезапно дали ей возможность выработать совершенно новое представление о себе, — продолжал Клейбен. — Она не в состоянии полностью уйти от прежней своей личности — но зато получила замечательное тело и новую внешность. По настоянию Урубу мы сделали ее подчеркнуто женственной и добавили нервные связи, усиливающие глубину ощущений. Он боялся, что в более привычной обстановке душевная болезнь Молчаливой может найти проявление в насилии, а при ее навыках она вполне способна перехватить управление у Вурдаль. Не зная, с чем нам придется иметь дело, мы последовали этому совету и, надеюсь, нащупали верный баланс. Разумеется, Вурдаль уже вступила с ней в близость, чтобы установить матрайхианские биохимические узы. Полагая, этого будет достаточно, чтобы управлять ею. Но она остается сильной личностью, склонной к насилию. Именно такие там и нужны. Если она обретет новое представление о себе, может быть, все и сойдет, но мы должны побольше узнать о ее прошлом. Когда насилие и жестокость этого мира затронут старую травму, страшно подумать, в кого она может превратиться.

— Сдается мне, поздновато вы об этом задумались, — едко заметила Танцующая в Облаках.

— Как? Что?

— Допустим, вы обнаружили, что она должна превратиться в разъяренного маньяка-убийцу, которого остановит только смерть? Как нам их предостеречь?

Уже семь недель они были на Матрайхе, но их суровая жизнь не стала легче, только привычнее. Они постоянно были заняты поисками еды или материала для орудий, но медленно и неуклонно продвигались к своей цели. Благодаря привычке быть все время настороже они избежали многих опасностей и уцелели единственно потому, что жили только настоящим.

Здесь водились змеи, способные в мгновение ока проглотить человека, а острозубые летающие твари в любой момент могли обрушиться на неосторожную жертву. Лианы ловили рассеянных, а на неровностях земли запросто можно было сломать ногу.

Даже отдыхая, они постоянно прислушивались, ловя приближающуюся опасность. Единственное доступное им удовольствие приходило поздно ночью или перед самым рассветом — для тех счастливиц, на которых обратила свой взор Мака. Это было почти звериное удовлетворение грубой страсти — но они жили в таком напряжении, что жаждали хоть какого-то облегчения.

А поскольку одна лишь Мака могла дарить удовольствие, их жизнь была сплошным угождением Маке, служением Маке, почитанием Маке. Если бы у них были возможность и желание задуматься над этим, их потрясло бы, как быстро растаял налет цивилизации и исчезли их собственные, такие разнообразные, традиции и привычки. Все они превратились в шайку убийц, привязанных только друг к другу и к своему вождю. Ничто другое не имело значения.

С рассветом они помогали друг другу привести себя в порядок, умывались, если поблизости была вода, быстро съедали то, что осталось с вечера, и суточный цикл начинался снова.

Манка Вурдаль прекрасно чувствовала себя в роли вождя, хотя ответственность, лежащая на ней, была тяжела. В начале, когда она еще только изучала основы матрайхианского общества, ей была неприятна мысль о том, что мужчина — один мужчина! — стоит во главе племени, состоящего из женщин, но теперь она видела в этом определенную логику. Более того, это было даже демократично: в конце концов любая женщина могла, в свою очередь, стать вождем — для этого требовались лишь сила воли да наличие вакансии. А с точки зрения воспроизводства одного мужчины на

племя было вполне достаточно. Правда, Манка периодически задумывалась, как вождю удастся обслуживать всех, если численность племени достигает сотни или более человек. А такие племена на Матрайхе были не редки.

До сих пор, как это ни удивительно, Мака-племя еще не сталкивалось с серьезными трудностями. Манка была довольна, хотя понимала, что везение когда-нибудь должно кончиться. Чужих племен они благополучно избегали, прячась под воду или зарываясь с головой в грязь. Дышать при этом приходилось через духовые трубки, зато не надо было ввязываться в стычки, проходя по чужим территориям. Они хорошо приспособились к примитивной жизни и стали искусными охотниками на «тука», животное с зеленой шерстью, отдаленно напоминающее кабана. У него было длинное рыло, острые как бритва клыки и бешеный нрав, но уж если они выслеживали тука, ему редко удавалось уйти. Правда, охотникам тоже доставалось, но серьезных ранений даже на первой охоте никто не получил, а матрайхианское тело обладало невероятной способностью к регенерации и нечувствительностью к боли. Разумеется, они умели лечить переломы и знали лекарственные травы — эти навыки тоже входили в программу.

Карта местности со всеми ориентирами была впечатана им с ментопринтера, но и имея ее, путники даже приблизительно не могли сказать, сколько они уже прошли и сколько еще осталось до цели. В матрайхианском языке расстояние определялось только двумя словами — «близко» и «далеко». «Далеко» значило почти то же самое, что и «горизонт», а представления о времени исчерпывались понятиями «ночь» и «день». Прочие отрезки просто не имели значения, и сейчас они не сумели бы сказать даже, давно ли живут этой жизнью. Текущий день становился единственной реальностью, а прежнее существование отдалялось все

больше и казалось лишь фантастическим сном или смутным видением небесной жизни.

Впрочем, Урубун могла бы сказать, что они делают в день не более шести километров: каждая охота неизбежно уводила их в сторону, и они тратили много времени на то, чтобы вернуться к первоначальному направлению. Кроме того, требования программы, да и сама жизнь, потихоньку брали свое. С каждым днем они все больше напоминали обычное матрайхианское племя, а зов долга становился все глуше. Даже Урубун была так же привязана к Маке и предана ей, как и остальные. Если бы Мака вдруг объявила, что им следует забыть о задании, остаться на планете и основать свое племя, никто бы не возразил. С биохимией шутки плохи.

В конце концов Вурдаль пала жертвой одной из ловушек, сокрытых как в языке, так и в программе, основанной на личности туземки. Сначала она стала поминать в разговоре духов и демонов Матрайха, а потом и всерьез возносить им молитвы. Матрайхианские верования, оставленные в программе в виде средства для маскировки, постепенно въедались в сознание и обретали форму некоей смутной реальности.

В один из дней, когда разразилась сильнейшая буря, они нашли укрытие в заросшем лианами огромном лавовом туннеле. Утром они убили тука и теперь готовы были отсиживаться в пещере хоть до следующего дня. Они даже рискнули развести костер: огонь был для них редкой роскошью, поскольку мог быть замечен врагом, но в бурю шансы на это были невелики.

Миди, стоящая на страже у входа, заметила одинокую странницу, только когда та уже входила в пещеру. Миди бросилась на нее и повалила на землю, криком позвав остальных на помощь. Все моментально бросили свои дела и кинулись к ней.

Миди держала незнакомку за горло, готовая при малейшем сопротивлении размоzzить ей череп. Взглянув на пленницу, Мака приказала Миди отпустить ее.

— Успокойтесь, сестры! — потирая шею, прохрипела нежданная гостья. — Хранительницы истины служат всем племенам.

Ей помогли подняться и проводили в пещеру. Мака в растерянности взглянула на Урубуну, ожидая совета, но та промолчала, и Вурдаль подумала, что это будет неплохая проверка их маскировки, а если жрица заподозрит что-нибудь, ее можно будет убить и позже.

Хранительницы истины единственные на всем Матрайхе носили одежду: просторный плащ, сделанный из шкуры тука, выкрашенной в темно-красный цвет. Лицо и тело хранительницы были покрыты замысловатыми разноцветными татуировками, в которых на все лады повторялся мотив дерева с птицей. В носу у нее было сплошное костяное кольцо; такие же кольца болтались в ушах. К кольцу в левом ухе был подвешен резной амулет в виде дерева, к правому — птица. Ее голова, если не считать бровей, была совершенно голой, но не выбритой. Похоже было, что на ней просто не росли волосы.

Едва увидев сложные татуировки на теле гостьи, Молчаливая коротко вздохнула, словно у нее перехватило дыхание, и с этого момента уже не могла оторвать глаз от хранительницы истины. Вурдаль, заметив это, забеспокоилась.

— Какие духи привели хранительницу истины к Мака-племени в бурю? — подозрительно спросила она.

— Мака-племя близко к земле духов за тем холмом, — объяснила незнакомка. — Мы ходим к духам обрести силу. Буря пришла, знаем пещеру, Мака-племя здесь.

Проще не придумаешь.

На Матрайхе было не принято вести светские беседы, да и разговаривать, в сущности, было не о чем.

Хранительница истины поинтересовалась, почему племя такое маленькое, и Мака изложила ей заранее разработанную легенду. Она сама и с ней еще двое отбились во время бури от большого племени, живущего дальше к югу, — это было племя Юраа, оно действительно кочевало в тех местах. У Маки начали развиваться признаки вождя, поскольку она решила, что прежнего вождя им уже не найти. Она овладела остальными двумя, и они стали блуждать, подбирая таких же одиночек, отбившихся от разных племен, пока их не стало восемь. Ни Маке, ни Урубун не понравились искусный, почти незаметный допрос, хотя их легенда как будто выдержала испытание. Немота Молчаливой не могла привлечь особого внимания. Такое случалось довольно часто, особенно с теми, кто надолго отбивался от племени, а также с их детьми. Это приписывалось влиянию демонов. Ни у кого не было сил долго противостоять им в одиночку.

Урубун бросила тревожный взгляд на Молчаливую. Она по-прежнему не отрываясь смотрела на гостью и не замечала ничего вокруг. Какие мысли возникли в уме странной женщины при виде татуировок, напоминавших ее собственное прошлое? Урубун продолжала следить за Макой, дожидаясь сигнала. Это был дар богов — одинокая хранительница истины поблизости от святого места. Урубун очень хотелось туда заглянуть, но она подозревала, что Мака сочла подарок судьбы чересчур щедрым, чтобы он оказался подлинным, и надеялась, что это подозрение оправдается. Иначе придется признать, что Манка Вурдаль настолько прониклась духом Матрайха, что просто не может отдать столь святотатственный приказ. Это могло серьезно осложнить дело, поскольку в теперешнем виде Урубун обязана была служить и повиноваться. Повиноваться, хотя она не получила ментокпии и сильнее, чем прочие, осознавала свою ис-

тинную природу и цель и, следовательно, более критично относилась ко всему, что видела.

— Добрые духи привели хранительницу истины в Мака-племя, — говорила между тем жрица. Она развязала перемазанный грязью волшебный мешок. Внутри он, как ни странно, оказался сухим. Хранительница достала из мешка пригоршню чего-то похожего на вулканический пепел, смешанный с опавшими листьями.

— Опасности нет, — продолжала она. — Хранительница истины защитит Мака-племя. Вы узрите чуда богов.

Жрица медленно высыпала порошок в костер. Заклубился густой дым, но он не был едким или неприятным. Вдохнув его, они почувствовали внезапный прилив наслаждения, и после первого вдоха им хотелось только вдыхать его еще и еще. Ушла вся боль, пропали заботы, затуманились мысли — им открылась радость, достойная богов.

Их души, покинув тела, встали на лике Матери-Земли и узрели всех духов и демонов, населяющих Место Испытаний, а в небосводе смутно сияла десница Великой Богини, украшенная чудесным перстнем с символом жизни — птицей на дереве. В свете Ее славы стояли Ее хранительница огня Топакана и младшие богини небес, которых Люди называли звездами. И все они смотрели на души Людей. Это было настолько чудесно, настолько схоже с учением, что они не сомневались в истинности увиденного.

И вот заговорила Мать-Земля, и ее тихий шепот отозвался в них трепетом экстаза.

— Пусть Мака-племя увидит это, потому что поддалось демонам сомнения, — сказала она. — Мака-племя не верит истине. Мака-племя не почитает нас.

— Нет, нет! Мать-Земля! Мака-племя верит! Мака-племя слушается тебя!

— Вы узрели истину, а все остальное — ложь. Все остальное — от демонов разума. Изгоните демонов

разума из своей души. Очиститесь. Будьте как дети. Взрастите новое племя. Никаких демонов разума, никаких сомнений, одна лишь истина. Тогда вы будете с нами.

— О, мы будем, будем!

Видение затуманилось и пропало, но осталось воспоминание о наслаждении и чудесный свет пережитого. Матрайх был истиной, и, кроме него, не было ничего. Истинным было касание Матери-Земли и испытания, ниспосланные ею. Все остальное было коварством демонов разума, ждущих случая, чтобы ввергнуть Людей в искушение. В темной и сырой пещере, под звуки затихающей бури они уверовали.

Лишь Молчаливая не видела богов и не слышала их речей. Бормотание татуированной странницы ничего для нее не значило. Однако дым и у нее вызвал приятное чувство, поэтому она не стала спрашивать, что произошло, и не знала, что привиделось остальным.

Хранительница истины не могла остаться, ее призывали духи, и Мака-племя это понимало. На рассвете она благословила их и ушла, а они долго смотрели ей вслед, не смея последовать за ней. Место, куда она шла, было священным и запретным. Но хранительница оставила каждому немного волшебного песка, приказав вдыхать его дым или есть его, если их вновь начнут одолевать сомнения, рожденные демонами разума. Она научила их словам, которые следует произносить, вдыхая дым. Эти слова укрепляли истину и отгоняли демонов.

Жизнь племени изменилась сразу. Они больше не говорили о странных вещах и утратили побуждение двигаться дальше. Воспоминания сохранились, но они больше не верили воспоминаниям. Здесь, на Матрайхе, единственном мире, кроме небес, такие странные и причудливые мысли могли быть навеяны только демонами. Они были на грани того, чтобы не выдержать испытаний, но Мать-Земля смиростивилась над ними

и не дала им упасть в бездну заблуждения. Но если поход их окончен, значит, надо найти место для жизни и создать настоящее племя.

Теперь они не избегали встреч с другими племенами, они, наоборот, начали искать их, а когда представлялся случай — красть чужих жен-сестер и поставлять их Маке. Она связывала их лианами и подвергала обряду перехода. Через неделю племя насчитывало двенадцать человек, а через три — уже двадцать. Некоторые из новых сестер были беременны, а вскоре стало ясно, что и все остальные, кроме Юраа, беременны тоже.

Они были так поглощены созданием своего племени, что почти не пользовались волшебным песком, и только Юраа, чувствуя себя отверженной, потому что у нее не было ребенка и она утратила благосклонность Маки, частенько прибегала к этому средству.

А Молчаливая была растеряна. Маленький живой комочек внутри нее будил в ней радость и восхищение, но она чувствовала, что все идет не так, как надо. Вожди небесного корабля посылали их не за этим. Наблюдая за Юраа, она сообразила, что виноват в этом именно песок. У Молчаливой не было власти, чтобы направить всех на истинный путь, но у Юраа такая власть была. Она чем-то выделялась среди остальных, Молчаливая чувствовала это, хотя не могла понять.

И еще она знала, что существуют яды, вроде огненной воды старого вождя в речном селении, которые заставляют людей совершать странные поступки. И есть машины, способные сделать то же самое. Она любила всех этих женщин, даже непонятную Юраа, и обязана была защитить их, даже если сами они не могут себя защитить. И Мака не должна была рассердиться, потому что Мака вообще не пользовалась волшебным песком.

Как просто было незаметно собрать немного вулканической пыли и смешать ее с палыми листьями.

Поддельное зелье выглядело совсем как настоящее. Глубокой ночью, замирая от ужаса, Молчаливая высыпала остатки волшебного песка из мешочка Юраа и заменила его своей смесью. Конечно, Юраа рассердится, когда ей в следующий раз понадобится волшебный песок, но Молчаливая понимала, что уж кого-кого, а ее заподозрят в последнюю очередь. А Маку это даже позабавит.

Наутро Юраа сунула в рот поддельный песок и тут же, задыхаясь и кашляя, бросилась к воде. Она была очень сердита, но при ее положении в племени ничего не могла поделать.

Только через две недели действие песка окончательно прекратилось, но даже тогда демоны разума посещали Юраа только во сне. Она не могла отогнать их, как ни пыталась. Демон злобно ухмылялся ей из-за темной завесы, а она превращалась во что-то нечеловеческое, ужасное, чудовищное...

И вот однажды ночью Урубун внезапно проснулась и вслух произнесла имя демона.

— Клейбен, — прошептала она.

Потрясение, вызванное образом Клейбена, освободило ее разум от наркотика, но ей пришлось провести много ночей в сосредоточенных размышлениях, прежде чем она сумела добраться до всех своих скрытых воспоминаний и свести их воедино.

Первым делом надо было понять, действительно ли хранительница истины то-то заподозрила, или, как и говорила, просто случайно встретила с ними. Скорее всего последнее. Если бы кто-то следил за ними, они бы заметили.

Сколько же прошло времени? Миди и Суни скорее всего забеременели еще на корабле, а сейчас они были примерно на седьмом месяце. Таег, Мари и Эза — приблизительно месяцем меньше. Беременность Молчаливой была едва заметна, что указывало на позднее начало.

Внезапно Уруббу поняла, что вызвало подозрение хранительницы истины. Ни у кого, кроме Юраа, не было растяжек от родов — и это на планете, где женщины рожают беспрерывно. «Второй раз беременность срывает нам планы», — сердито подумала она. Любая сестра-жена задумается, что это за племя, где нет ни детей, ни даже признаков того, что они были. Не имея исходного материала, они вынуждены были писать программу, исходя из генетического кода Юраа. Уруббу была стерильна, способность к деторождению пришлось интерполировать — и в этом была их ошибка.

Потом Уруббу задумалась о волшебном песке. Племя Юраа тоже посещали хранительницы истины, но Уруббу точно помнила, что наркотиков они не применяли. Последнее изобретение? Неужели эта застывшая система на самом деле не так уж и застыла? Или это просто страховка? Главная Система знала, что у пиратов есть трансмьютеры, и решила раздавать песок всем: коренным жителям он бы не повредил, а мятежников в матрайхианском облике обезвредил бы, что, в сущности, и произошло.

Теперь дело за малым — привести в чувство остальных. Племя уже разрослось настолько, что стало трудноуправляемым — теперь в нем было двадцать шесть человек, а Мака была ненасытна и требовала еще и еще. Верхний предел численности был около сотни, но среднее племя обычно насчитывало пятьдесят или шестьдесят человек. Вероятно, Мака копила силы, чтобы отобрать территорию у какого-нибудь племени и получить подлинную власть. Но война равносильна провалу, они и так уже потеряли троих — к счастью, не пиратов, — но Мака то и дело сама рисковала жизнью, демонстрируя свою отвагу и право на лидерство. Война вполне могла закончиться ее смертью и гибелью остальных восьмерых или, что ничуть не лучше, пленом и включением в новое племя.

Когда Урубун входила в племя Юраа, ей было невероятно трудно заставить себя покинуть его и вернуться на «Гром». На Матрайхе не знали, что такое свобода воли. А Мака — можно ли еще вернуть ее, или ей лучше умереть? Урубун не хотелось убивать Маку и превращаться в нее, и не только потому, что матрайхианская составляющая ее личности протестовала против этого, но и потому, что тем самым она лишила бы группу ключевой фигуры. Оставалось еще несколько месяцев до того времени, когда Урубун будет вынуждена поглотить кого-то — или умереть, но слабые проблески этой потребности позволили Урубун почти полностью подчинить себе личность Юраа.

Мака-племя не собиралось покидать свою территорию и находилось в неделе ходьбы от той лавовой пещеры, где все началось. Урубун могла вернуться туда, но вопрос был в том, удастся ли ей отыскать то запретное святое место, куда зовут хранительницу истины духи? Сумеет ли она выжить в одиночку, дожидаясь, пока появится очередная хранительница?

Любопытно, что из племени одна лишь Молчаливая заметила перемены, происшедшие в Юраа, почувствовала возвращение Урубун и ее мучения. Осознав это, Урубун была потрясена, но еще больше ее поразило то, что только Молчаливая сумела сохранить свое «я». Урубун проверила остальных — ни у кого не оказалось даже проблеска прежней личности. Наконец она поняла, в чем дело: психическая травма сделала Молчаливую невосприимчивой, но поразительно, как она догадалась, что ход событий нарушен, и выбрала из всех именно ту, которая могла исправить дело. Урубун стала готовиться к побегу, надеясь, что Молчаливая воспримет его правильно.

Несколько дней она плела сетку из прочных лиан, дожидаясь, когда племя расположится на стоянку неподалеку от рощи деревьев «биз». Под прочной гладкой

скорлупой плодов биз скрывалась очень сытная желтая мякоть, и их можно было хранить в течение нескольких дней. Но сбор был нелегко, плоды росли высоко, а на землю падали только перезревшие и гнилые плоды. Забравшись на дерево, сборщица становилась легкой добычей для «мизума» — зубастого хищника с кожистыми крыльями.

Оказавшись на дереве, Урубун смогла сориентироваться и осмотреть местность. Она собиралась набрать побольше плодов и уйти как можно скорее. Эта маленькая долина между двумя вулканическими пиками была территорией племени Созы, состоящего из тридцати пяти взрослых и пятнадцати детей. Созе давно было известно, что племя Маки находится на ее территории, и теперь перед Макой стояла перспектива открытой схватки: племя Созы искало ее. Урубун понимала, что Мака будет уклоняться от стычек, пока это возможно, и хотела начать действовать прежде, чем начнется битва. Перспектива увидеть Маку утратившей мужские качества, а ее племя — поглощенным племенем Созы, была лишь немногим хуже, чем перспектива выполнять задание с помощью племени численностью семьдесят человек.

Уйти было нелегко. В сознании матрайхианки опасность была связана только с племенем, и внезапное, всепоглощающее ощущение одиночества и внутренней пустоты было ужасно. Урубун наметила по возможности безопасный путь, но не была уверена, что уцелеет, попавшись в силки лианы-душителя или столкнувшись с ночным хищником. Сможет ли она одолеть зверя своим личным способом, а если сможет, то сохранится ли в ней человеческий разум? Способны ли лианы-душители сожрать ее? А если она свалится в грязевой кратер? До сих пор она никогда еще не ощущала себя настолько уязвимой.

На рассвете следующего дня Урубун начала взбираться по склону горы. Кипящие фумаролы шипели ей вслед, изрыгая вонючие газы, в воздухе стоял сильный запах серы, кое-где скалы были нестерпимо горячими. Мелкий дождик сделал лавовое поле предательски скользким, и Урубун вздохнула с облегчением, только добравшись до старых скал. Здесь Урубун остановилась, чтобы отдохнуть перед решающим подъемом. До перевала оставалась еще пара сотен метров.

Позиция была не самой удобной для нападения, но, как только добыча остановилась, лавовая змея незамедлительно сделала бросок. Эти твари длиной более десяти метров, с широченной пастью на переднем конце туловища могли питаться скальной породой, особенно сернистыми минералами, но охотно разнообразили свой рацион живой добычей. Закрепившись с помощью хвоста в глубине логова, они выстреливали тело наружу с такой быстротой, что могли схватить даже неосторожного мизума.

Урубун успела услышать змею и откатилась в сторону. Огромные челюсти щелкнули всего в метре от нее. Урубун вскочила на ноги, отбросив сетку с припасами, и подняла копье. Метрах в десяти вниз по склону имелась площадка, которая находилась вне досягаемости змеи, не закрепленной в логове, и оканчивалась крутым обрывом. Лавовые змеи отличались полным отсутствием мозгов, и Урубун рассчитывала это использовать. Если чудовище ее проглотит, она, возможно, сумеет его убить, но лучше не пробовать.

Внезапно лавовое поле огласилось громким сердитым шипением, и еще несколько лавовых змей высунулись из своих логовищ. Вне логова они были медлительны и неуклюжи, но, когда их так много, это не имело значения. Надо было бежать, а кратчайший путь

к вершине пролегал мимо логова первой змеи. Урубуба должна была убить ее или погибнуть сама.

Она встала у самого обрыва и, потрясая копьем, завопила:

— Хо! Змея! Выходи! Возьми Юраа на обед! Легкая добыча! Выходи!

Рассерженная змея громко зашипела и начала вылезать из логовища. Наконец показался тонкий словно щупальце хвост. Змея медленно приближалась. Там, где она проползала, скалы шипели под каплями едкой слизи.

Внезапно Урубуба показалось, что она не рассчитала. Она не привыкла бояться смерти. Великая Урубуба, способная превратиться в кого угодно и обвести вокруг пальца самую Главную Систему, дрожала от страха, как обыкновенная женщина Матрайха.

Змея остановилась метрах в пяти, подозрительно косясь на копьё. Определенно, тварь была с опытом. Урубуба видела, как ее хвост беспокойно шарит по камням, выискивая, за что зацепиться. Если он отыщет опору, ей конец. Надо подтолкнуть события.

С пронзительным криком она бросилась вперед. Змея растерялась лишь на мгновение, но этого было достаточно: копьё нанесло ей неглубокую, но болезненную рану в голову. Змея яростно бросилась на Урубубу, та отпрыгнула влево и покатила по земле. В бешенстве тварь забыла, что ее хвост не закреплен. Она пронеслась мимо Урубубы и перевалилась через край обрыва. Но хвост каким-то чудом уцепился за иззубренный край скалы, и змея, зависнув в воздухе, начала подтягиваться вверх.

Урубуба не собиралась предоставлять противнику возможность повторить попытку. Она рванулась по склону, мимо опустевшего логова, и не останавливалась, пока не достигла вершины. Там она оглянулась.

Остальные змеи, покинув свои норы, направлялись к тому месту, где на камни медленно выползала громадная голова.

Минутная радость победы быстро уступила место сомнениям. «Чему я так радуюсь? — спросила себя Урубу. — Тому, что оказалась умнее безмозглой змеи?» Она потеряла сумку с плодами биз и копье; теперь у нее не осталось ничего, кроме острого каменного ножа, духовой трубки и связки отравленных колючек, а за перевалом было ничуть не меньше лавовых змей и других опасностей. А хуже всего, что ей предстоит пересечь территории дюжины, если не больше, племен, а она сейчас совершенно не в состоянии сопротивляться.

Это был какой-то кошмар. Задание проваливалось, не успев толком начаться. Урубу осталась одна в жестоком мире Матрайха.

8. ПОЧТИ ИДЕАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

Видения просачивались сквозь крик... Красивые люди, живущие в маленьком селении на берегу небольшой быстрой речки... Вокруг джунгли, и здесь всегда очень жарко. Люди носят украшения, амулеты и, несмотря на отсутствие одежды, не выглядят нагими, потому что их тела покрыты сложными многоцветными татуировками, и у каждого узора свое значение... Мужчины татуируют даже лица, но женщины — нет. Они носят кольца и украшения из кости в ушах, в носу и в длинных черных волосах...

Отражение в стоячей воде... девичье лицо — она уже взрослая, у нее чувственные черты и красивое тело. Затейливые татуировки — признак совершеннолетия — еще не потускнели. Девушка гордится ими и тем, о чем они говорят. У нее еще не было мужчины, но брак уже назначен, это волнует ее и немного пугает...

Этот мир прост, хотя жизнь в нем нелегка. Но она незамысловата, и каждый знает свое место в маленькой вселенной. Здесь чередуются победы и неудачи, но они невелики и носят частный характер. Где-то есть и другие племена, но они немногочисленны и разбросаны по джунглям. Чужаки встречаются редко, и к ним относятся с подозрением.

Поэтому когда воины ее племени встретили на своей земле чужестранца, не похожего на обычных людей, они не стали его расспрашивать, а попросту

убили. Несмотря на жару, на нем было много одежды и какие-то странные штуки из толстой кожи на ногах. Еще у незнакомца оказался большой металлический нож с рукоятью из странно окрашенной кости. Он был прочным и острым, и вождь взял его себе. В мешке прищельца нашлись и другие непонятные вещи. Они были сделаны словно бы из металла, но на огне не плавилась, а либо с грохотом разрывались на части, либо, наоборот, сжимались в вонючий комок, от которого валил густой душливый дым.

У него было волосатое лицо, словно у обезьяны, но после долгих споров воины решили, что он все-таки человек и заслуживает уважения. И они его съели.

А потом с неба пришли злые духи. Копья, стрелы и дротики отскакивали от них, они бросали огонь из руки, и люди падали. Охваченная страхом, она побежала к лесу, а духи гнались, и ее ударило, словно она наткнулась на дерево, а потом не было ничего...

Только крик — безостановочный крик. Это кричала ее душа...

— Это все, что мне удалось отсортировать из травмированной области. Я сделал попытку выстроить картины по порядку и придать им какой-то смысл, — пояснил Звездный Орел. — Добраться до остального будет намного труднее.

Козодой кивнул. Из всех собравшихся только он мог понять эти бессвязные сцены, и они произвели на него сильнейшее впечатление.

— Мне говорили, что Молчаливая родом из какого-то южного племени, — сказал он, — но до сих пор я не подозревал, насколько южного. Судя по ландшафту, это север южноамериканского материка, где-то глубоко в джунглях. На протяжении веков там жили самые примитивные племена западного полушария. Сегодня этот регион может попадать в зону действия

или Карибского, или Амазонского Центра, с уверенностью сказать не могу. Чужестранец, которого они убили, похож на бразильца, а его имущество выдает в нем не просто путешественника. Скорее всего это полевой агент, но чем он там занимался, вероятно, навсегда останется загадкой. Быть может, до Центра дошли слухи, что в тех местах обосновалась ячейка технологистов. При наличии ресурсов в этих джунглях можно запросто выстроить еще один Центр, и никто даже не заметит. У него наверняка было при себе следующее устройство. — Козодой невесело усмехнулся. — Они искали бунтовщиков, а наткнулись на племя, которое скорее всего даже не подозревало о существовании Системы. Вполне возможно, что и Система ничего не знала о них.

Танцующая в Облаках, уже немного знакомая с современным порядком вещей, недоуменно спросила:

— А разве это возможно?

— В очень отдаленных регионах — да. Часть острова Борнео, Филиппины, некоторые области Африки и Азии, северная часть Южной Америки. Население там настолько невежественно, что о нем просто не стоило беспокоиться. Оно уже находилось на том уровне, которого хотела добиться Главная Система. — Козодой вздохнул. — Знаете, несмотря на эти татуировки, она выглядит довольно симпатичной. Трудно себе представить, что эта девушка и Молчаливая — один и тот же человек.

— Но как она очутилась в селении Иллинойс?

Танцующей в Облаках ответил Звездный Орел:

— Я проработал и это. Судя по тому, что мне удалось извлечь, их забрали в Амазонский Центр, где обычная проверка подтвердила, что они и есть такие, какими кажутся. Всем остальным стерли воспоминания о случившемся и вернули в селение, но Молчаливую оставили. Ею заинтересовалось какое-то очень влиятельное лицо. Она не понимала ни слова из того,

что при ней говорили, так что установить, кто это был, невозможно. Но ясно одно — они пошли на огромные затраты, лишь бы не дать ей проникнуться духом цивилизации. Последнее, что она помнит, — это вольтер, где ее держали. Дальше идет большой пропуск, а потом начинаются воспоминания, как ее везут по Миссисипи в каноэ торговца.

— Мне все время не дает покоя этот ребенок, — проворчал Козодой. — В этом нет никакого смысла, если только... — Внезапно он прищелкнул пальцами. — Тащите-ка сюда Ворона. Я хочу, чтобы он посмотрел сцену убийства ребенка.

— Но это... ужасно, — запротестовала Танцующая в Облаках.

— Да-да. Но мне нужно, чтобы опытный полевой агент как следует присмотрелся к этим двум знахарям. Ворон был потрясен.

— Знахари, как бы не так! — прорычал он. — Если мне доведется встретиться с Гнется Под Ветром и с Джонни Мотоя, я им покажу, что свернуть шею можно и медленно.

— Так ты их узнал? — Теперь Козодой не сомневался, что знает разгадку.

— А то как же. Гнется Под Ветром выглядит вполне натурально, хотя он вообще не из Иллинойса. Он гурон, только прическу сменил. Полевой агент с верхних озер. Должно быть, его снабдили хорошей ментокопией. А другой — Мотоя — он из этих чокнутых калифорнийцев, и он не простой агент. Заместитель начальника безопасности Центра, вот он кто. Что бы тут ни было, дело нечисто.

— Мы, должно быть, никогда не узнаем наверняка, но предположить, что там произошло, можно, — сказал Козодой. — Помните отца нашей Хань? Его попытку вывести расу сверхлюдей под самым носом у Главной Системы? По-моему, здесь было что-то в этом роде. Еще чей-то проект, независимый, разумеется.

Им нужны были морские свинки для экспериментов, и, вероятно, Молчаливая была не единственной. Но Главная Система, видно, что-то пронюхала, и им пришлось быстро избавляться от улики. Они могли бы просто убить всех, но тогда потеряли бы результаты ценного эксперимента. Проще было рассеять всех подопытных по континенту, а когда опасность минует, выследить их. Возможно, они заключили сделку с Ревущим Быком: вот, мол, тебе рабыня, делай с ней что хочешь, только не убивай и не продавай. Иначе ничего не получишь.

— Да, но она же была не в себе, вождь, — вставил Ворон. — Хотя, наверное, это ментопринтер. Исключительно для безопасности. Она знала только родной язык, и никакой больше. Точнее говоря, и не могла бы его узнать. Блок. Таким образом, нечего было опасаться, что она расскажет кому-то о своем прошлом. И еще, она слишком быстро изменилась. Располнела, обрюзгла, поседела, расплылась. Клейбен мог бы сказать точнее, но, вероятно, это какой-то побочный эффект. За ней, конечно, следили, обнаружили, что она беременна, дождались, пока она родит, и убили ребенка. Конечно, проще всего было объявить, что ребенок родился уродом и требуется соответствующая церемония. Но они перестарались, ублюдки. Такая жестокость была излишней.

— Только почему именно ребенка? — спросила Танцующая в Облаках. — Почему бы им было не убить мать или не забрать ее оттуда во избежание ненужных страданий?

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем подробности, — ответил Козодой, — но подозреваю, что эксперимент был единичным. Подопытные должны были рожать только по одному ребенку. Ревущий Бык говорил, что потом она стала бесплодной. Если бы они просто забрали Молчаливую, люди могли возмутиться; проще было избавиться от ребенка, прикрываясь ре-

лигиозным обрядом, и поставить на этом точку. Ведь женщины, вовлеченные в эксперимент, ни о чем не догадывались. Хотелось бы мне знать, в чем состояла идея. Чего такого ждали от этих детей, если так усердно старались обеспечить свою безопасность?

— Представления не имею, — сказал Ворон, — не исключено, что надеялись получить целый выводок маленьких Урубу или что-то в этом роде. Нам есть о чем еще поговорить?

Козодой покачал головой:

— Нет, пока не о чем, и уже довольно давно. Меня тревожит сама примитивность этой планеты. Я начинаю думать, что на Чанчуке было бы легче. Техника против техники — это для нас привычнее. Нам даже удалось запустить зонды на Чанчук.

— Ты же понимаешь, что новая битва нам не по силам. По крайней мере пока. Знаешь, вождь, я тоже весь извелся. Мы чересчур зависим от Урубу. Без агента в тамошнем Центре нам перстня не взять. И даже разведку не произвести.

— Надо искать другие пути, — убежденно сказал Козодой. — Они должны быть. А если дела на Матрайхе займут несколько лет? А если они вообще сгинут там, в том числе и Урубу? Ворон, я хочу собрать исследовательскую группу. Всех самых опытных наших людей и Звездного Орла. Пусть поработают над альтернативными способами. Если они существуют, я должен о них знать, хотя не собираюсь откусывать больше, чем могу проглотить. Мы еще даже не на полпути. Кстати, используйте и Савафунга. Этот ублюдок что-то знает, но пока помалкивает. Думаю, он будет счастлив показать, что тоже представляет собой ценность. Он годами продавал и покупал информацию у всех флибустьерских кораблей и, возможно, получает к ней доступ примерно так же, как Клейбен работал со своими личными файлами. И помните, дело не только в том, чтобы внедриться. Мы должны вытащить

своих людей минимальной ценой. И даже если мы сумеем собрать четыре перстня, нам еще предстоит драка за пятый, а Чен — опасный противник.

Ворон пожал плечами:

— Посмотрим, что у нас выйдет. Я бы все же считывал на Уруббу.

— Да, если Уруббу еще жива...

Последние десять дней оказались самыми трудными, но наконец ей улыбнулась удача. Святилище находилось в глубокой расщелине между двумя потоками застывшей лавы. По обе стороны входа были вырезаны изображения дерева и птицы. Дальше расщелина резко сворачивала, и разглядеть, что там, в глубине, было невозможно. Знаки на скалах, на удивление четкие и подробные, явно были сделаны не человеческой рукой. Уруббу не смогла преодолеть искушение сравнить их с рисунком на поддельном перстне.

На правой ветви, которая была немного ниже, чем левая, изображение было стилизованным, но живым. Рисунок на перстне был очень близок к оригиналу, но, не имея предмета для сравнения, невозможно было сказать, что перстень ненастоящий.

Уруббу спрятала перстень в футляр и задумалась. Что же делать? Она могла бы, разумеется, войти в святилище, но опасалась ловушки. Весьма вероятно, что это место связано видеоканалом с центральным компьютером, который не ожидает, что простые смертные покажутся перед телекамерами.

Вот в чем была главная проблема этого задания. Ограничения. Уруббу упрямо не хотела признать, что и ее возможности имеют пределы, но, если от ее тела отсечь достаточно большой кусок, она утратит способность к самовосстановлению. А ведь она — единственная в своем роде. Если противник хотя бы заподозрил, что существует такое создание, он пошел бы на все, чтобы

уничтожить его. Лазерное оружие помогло ей справиться с Валом, но лазер Вала может убить ее.

Урубун решила набраться терпения и ждать. Она понимала, что ожидание грозит затянуться на много недель, если не месяцев, но рано или поздно здесь появится хранительница истины. Племя, которое хозяйничало на этой территории, было на грани распада. Урубун видела его несколько раз. Оно стало слишком большим, чтобы им мог управлять один вождь. В таких случаях происходит ритуал отбора, в процессе которого вождь расставался с теми, от кого хотел избавиться. Не особенно добросовестных женщин или просто тех, кто насолил вождю, вместе с детьми изгоняли из племени. Потом среди отщепенцев естественным путем определялся лидер, они отыскивали себе новое место и превращались в обычное племя, такое же, как и все остальные. Урубун вела себя осторожно: необходимость разделения племени означала, что в здешних лесах много дичи и надежных укрытий, и выживаемость здесь значительно выше нормы. Из этого следовало, что чужак скорее всего не будет включен в племя, а просто убит.

Но процесс отбора нельзя было пустить на самотек. Честолюбивый вождь никогда добровольно не смирился с мыслью, что он уже не в состоянии управлять племенем. Кроме того, при таком количестве народа могут возникать всякие нежелательные идеи вроде примитивного земледелия или оседлой жизни. Поэтому ритуал отбора проходил под надзором хранительниц истины — вот почему Урубун была уверена, что в это племя рано или поздно придет одна из них. И она не сомневалась, что странствующая жрица не упустит случая посетить ближайшее святилище. В конце концов, надо же ей отчитаться.

Урубун ждала целых шесть дней и едва не упустила добычу. Усталая и полуголодная, она дремала в убежище, где укрылась от бури, и только какое-то шестое

чувство заставило ее проснуться и услышать, что кто-то пробирается через лес.

Почувяв чужое присутствие, хранительница остановилась и вскинула голову, прислушиваясь. Доведенная до отчаяния, Урубу не думала о риске. Сбросив ожерелье и пояс, она вышла на прогалину, открыто приблизилась к хранительнице и опустилась на одно колено.

— Сестра потерялась? — спросила жрица. Она была смущена, но не испугана. — Как зовут сестру? Откуда пришла сестра?

— Юраа потерялась, одна, долго-долго, — ответила Урубу. — Юраа хочет... потрогать хранительницу.

Она внезапно поднялась, и не успела жрица опомниться, как Урубу обхватила ее руками и прижалась к ней.

Хранительница вздрогнула и окаменела, ее глаза широко распахнулись, рот раскрылся в беззвучном крике. Процесс поглощения начался.

Тела слились и потекли, превращаясь в единую массу бурлящей и пульсирующей протоплазмы. Плащ хранительницы, подхваченный ветром, отлетел в сторону и повис, зацепившись за дерево. В течение нескольких минут ничего не происходило, но вот из центра пульсирующей глыбы всплыла голова, незаконченный череп с уродливыми натеками плоти. Постепенно возникло тело, длинные тягучие нити отрывались от него и втягивались в растекающуюся массу. Человеческая фигура вырастала из пульсирующей лужи, словно диковинное дерево. Начали проявляться подробности: лицо, грудь, пупок. Кожа обрела темный оттенок, на ней зазмеились сложные татуировки.

Наконец она открыла глаза, огляделась и сделала шаг. Ее движения были неуверенными, словно у нее кружилась голова. Она заставила себя нагнуться и отыскать в кроваво-грязной луже сначала посох, затем ожерелье, мешок и пояс. Вещи были облеплены гря-

зью, но ее это не беспокоило. Заметив повисший на дереве плащ, она нетвердой походкой подошла к нему и стащила с ветки, но надевать не стала. Потом, все еще пошатываясь, она вернулась в заросли и шла, пока не отыскала место, способное послужить временным убежищем. Там она опустилась на землю и погрузилась в глубокий полубормочный сон.

Когда Уруббу вновь открыла глаза, вокруг было темно. Из-за густых облаков нельзя было сказать, кончается ночь или только началась. Впрочем, это не имело значения. Память Юраа присоединилась к воспоминаниям тех, кого Уруббу поглотила за прежние годы, а новая память и новая личность заняли свое место в мозге создания Клейбена. Это была совершенно иная память и совершенно иная личность.

Похоже, хранительницы истины имели имена и звания, о которых не полагалось знать простым смертным. Людей полагалось держать в невежестве, иначе они чересчур размножатся, разрушат мир и погибнут сами. За это отвечали Избранные, одной из которых стала теперь Уруббу. Ее имя было Омакуа, Цветок Духов, Страж Третьей ступени. Уруббу могла приблизительно определить, что ей лет девятнадцать-двадцать.

Она родилась и получила воспитание в Срединной Стране, где жили Избранные. Она была окружена горами, и вход туда был известен лишь немногим. Там, под сенью Великого Храма, высеченного в толще горы, стоял поселок, а вокруг расстилались возделанные поля. Деревня была невелика: ведь постоянных жителей в долине было немного. Это были старшие жрицы, душа и власть религиозной общины, — те, кто выжил после в долгих странствиях по планете и доказал свою преданность Матери-Земле. Они принадлежали к Первой ступени.

Во Вторую ступень входили многоопытные хранительницы истины, которые долго странствовали, знали земли и племена и многое пережили. Они осуществля-

ли надзор за обширными территориями, сопоставляли доклады от подчиненных жриц и время от времени возвращались в селение, чтобы учить молодых.

Достигнув зрелости, будущие жрицы проходили ритуал очищения в Великом Храме. Им давали снадобья, благодаря которым они были то женщинами, то мужчинами, до тех пор, пока не наступало пресыщение.

Каждой из них полагалось выносить и воспитать двоих детей. К этому времени им было лет пятнадцать-шестнадцать. Затем они проходили через второй, гораздо более впечатляющий ритуал. У Омакуа сохранились смутные, но чудесные воспоминания о том, как Великая Богиня и Мать-Земля принимали ее в свое духовное племя. Именно тогда ей сделали татуировки, она получила новое имя и утратила пол. Кроме того, у нее перестали расти волосы на теле, за исключением бровей и ресниц, она похудела и стала сильной и выносливой. Точно так же выглядели и другие хранительницы истины. Омакуа утратила даже привязанность к своим детям. Теперь ее детьми были Люди.

После этого начались тренировки, которые продолжались около года. Жрицы Второй ступени часто вынуждали их принимать жестокие решения и муштровали юных жриц до тех пор, пока они все не начинали мыслить одинаково. Только когда они достигли совершенства, им было позволено отправиться в поход, этим единственным одиночкам в коллективном мире Матрайха. Их долг был служить истине и искоренять ересь в любом месте, где бы ее ни встретили.

Урубуб почти жалела их. Более тщательной промывки мозгов она еще не встречала. Единственная радость для них состояла в том, что когда-нибудь они будут жить в мире духов. Омакуа была не той жрицей, с которой они встретились в пещере, но снадобье истины, гипнотическое средство, не действующее на жриц, было ей известно. При необходимости она могла его

использовать. Имелись и другие наркотики, которые выдавались жрицам в святилищах.

В общем, дела обстояли совсем не плохо. Ее больше не ограничивали причуды биохимии. Она получила натренированное тело и навыки действий в одиночку. В случае необходимости новую личность было проще подавить, чем предыдущую. При желании она могла в буквальном смысле защитить своих людей. Никто не решится напасть на племя, которое сопровождает хранительница истины. Ее память хранила сведения о более чем сорока племенах и их территориях. Она могла выбирать наиболее безопасный путь. К несчастью, природные стихии, лавовые змеи и крылатые мизумы понятия не имели о привилегиях хранительницы истины. Поэтому умение выживать было первейшим условием достижения Второй ступени. И еще — безошибочность.

Вообще говоря, хранительницам Третьей ступени не полагалось возвращаться в долину. Для этого требовалось повышение по службе. Ничего, решила Урубу, это проблема разрешимая. Рано или поздно появится Святая Мать, чтобы принять ее отчет. И если она будет одна, Омакуа получит повышение. Если же нет — что ж, в джунглях Матрайха случается всякое...

Она весьма благоразумно поступила, когда не решилась войти в святилище. Там были не просто ловушки. Но для Омакуа это было не страшно. Она дождалась рассвета, потом отыскала ручей, вымылась, выстирала плащ, очистила посох и ожерелье. С мешком она сделала все, что сумела. Нельзя было отстирать его дочиста и в то же время сохранить снадобья, лежащие во внутренних отделениях.

Наконец она была готова. Протоплазма, давшая рождение ее новому воплощению, давно протухла и кишела насекомыми. Здесь лежит Юраа, да упокоится она с миром. Урубу чуть не забыла о ее вещах, но вовремя вспомнила и вернулась за ними. Сами по себе

они не имели особой ценности, но в ожерелье входил очень крупный и важный амулет. Потом надо будет включить его в новое ожерелье, а пока она просто положила старое ожерелье в мешок.

Как только она прошла между изображениями дерева и птицы, на нее обрушились вопли демонов. Призрачные чудовища преградили ей путь. Она привычно произнесла полагающиеся молитвы и произвела полагающиеся жесты. Демоническая стража не страшила ее, но даже храбрейшего из вождей Матрайха это зрелище напугало бы до полусмерти. Дальше была Невидимо Убивающая Стена. Здесь надо было всего лишь встать на определенном месте и, помолившись, попросить, чтобы Стена исчезла. Но только хранительницам истины были известны нужные молитвы и место, где следовало встать. В теле Юраа Урубун могла по неведению шагнуть прямо в силовое поле, несущее смертельный заряд. Такая штука могла бы убить даже ее.

Наконец она добралась до святилища. Все они были устроены примерно одинаково и всегда находились вблизи от источника чистой воды. В этой святыне был водопад. В центре небольшого садика стояло каменное дерево, точь-в-точь такое, как на рисунках. На его правой ветви сидела крупная каменная птица, которых не было на Матрайхе. Урубун могла различить висящие на древе плоды, но определить его породу было невозможно. Урубун спрятала свой разум, оставив на поверхности только Омакуа. Сняв плащ, пояс, ожерелья и украшения, она положила мешок на землю, подошла к каменному дереву и простерлась перед ним.

— Дух Святого Места, здесь Омакуа, из Низших. Ниспошли Омакуа благословение духов.

И раздался голос, мужской голос, негромкий и мягкий, но исполненный внутренней силы.

— Говори, — произнес он.

И Омакуа заговорила, рассказывая обо всем, что произошло с ней с момента последнего доклада. Она

исповедалась во всех сомнениях и ошибках, рассказала о каждом, кого встретила, обо всем, что видела, обо всех спорах, которые уладила, обо всех ритуалах, которые провела, — она ни о чем не умолчала. Омакуа искренне верила, что здесь обитает великий дух, по сравнению с которым она ничтожнее червя. Она была исполнена благоговения и жаждала получить приказание.

— Омакуа несовершенна, — произнес голос, когда она закончила. — Нуждается в очищении. Поднимайся. Обними дерево.

Она затрепетала, но сделала, как ей велели. Внезапно ее прижало, словно гигантским магнитом, к резному стволу, так что нельзя было пошевелиться. А потом началось нечто странное и ужасное. Одно за другим перед ее мысленным взором проходили преступления, в которых она только что исповедалась, и каждое сопровождалось болезненным ударом. Сначала она кричала, но даже крик вызывал наказание, и она перестала кричать.

Никакого предупреждения, никаких наставлений. Она должна была сама осознать, в чем она ошибалась и почему. И как только ей это удавалось, эта преступная мысль исчезала, сменяясь следующей. Потом пришла очередь эмоций. Жалость, милосердие и даже чувство вины были греховны и подлежали искоренению. Ей следовало быть хладнокровной, бесчувственной, объективной, благочестивой и преданной исключительно миру духов.

Урубку умела отсечь все происходящее, схоронившись в тайном уголке сознания. Именно эта способность позволяла ей проходить строгие испытания, проводимые искуснейшими психологами, и обманывать даже ментосканирование. Механизм этой своеобразной умственной дезинфекции был гораздо проще, и уклониться от него было значительно легче. Татуировки на ее теле образовывали своего рода проводящую

сеть, через которую можно было дистанционно воздействовать на нервные центры. Несомненно, ритуал посвящения в жрицы имел много общего с тем способом, которым на «Громе» создавали своих собственных джанипурцев и матрайхианок.

Закончилось все религиозным экстазом. Дух задействовал все центры удовольствия, и Омакуа утонула в озере наслаждения. Неудивительно, подумала притаившаяся на границе сознания Урубубу, что они идут на это едва ли не с воодушевлением — награда необычайно велика.

В конечном счете она оказалась настолько велика, что Урубубу потеряла сознание, а придя в себя, долго отлеживалась, не в силах даже размышлять. Ею владело единственное желание: еще раз пережить это чувство. Она готова была стать последней рабой у низшего из духов. Когда-нибудь она достигнет совершенства, и ей не потребуется ни наказания, ни очищения. К этому стремились все хранительницы истины.

Урубубу опасалась, что во время этой процедуры с нее могли снять полную ментокопию. Компьютер непременно заметит непонятный провал между встречей со странной девушкой неподалеку от входа в святилище и пробуждением, омовением и так далее. С другой стороны, вряд ли здесь используется полностью укомплектованный ментопринтер. Скорее всего вся процедура была заранее запрограммирована, и хранительницы истины сами ее запускали. Компьютер лишь реагировал на соответствующие сигналы.

Тем не менее это надежно обеспечивало преданность жреческого сословия.

На следующее утро она совершила омовение в пруду и весь день провела в молитвах. На третье утро духи послали ей запас свежих снадобий и сосуд с напитком очищения. Испив его сидя перед каменным деревом, Омакуа немедленно впала в оцепенение, и Урубубу была вынуждена действовать быстро, чтобы не

попасться, как тогда, с волшебным песком. Впрочем, это снадобье, поскольку его полагалось пить, срабатывало медленнее, и, зная, что ей предстоит, Урубун успела приготовиться.

Урубун ожидала очередного повторения прописных истин, поскольку у Омакуа не сохранилось никаких особых воспоминаний о том, что происходит во время очищения, и была поражена, когда раздался приказ на чужом языке. Омакуа даже не подозревала, что знает этот язык. Но Урубун его узнала. Скрипучий, бесполой голос заговорил по-французски:

— Мы полагаем, что демоны со звезд могут быть среди нас, в нашем обличье. Этих демонов очень трудно отличить от обычных людей, и опаснее всего — их вождь. Продолжай применять гипнотические снадобья ко всем вождям и будь внимательна к малейшим отклонениям. О всяком, кто проявит любопытство к местоположению и к самому существованию Святого Храма, следует доложить и проследить за ним. Они очень опасны и могут убить даже жрицу, поэтому не предпринимай активных действий, но доложи немедленно. До получения дальнейших указаний ты обязана проходить очищение, как только окажешься в пределах дня пути от святилища. Всех, кто отбился от племени, следует расспросить под действием снадобий. На подступах к Святому Храму размещается персонал Второй ступени. Ты обязана повиноваться их приказам, так, словно тебе приказывают сами боги. Приказы, отданные на Священном Языке, исполняются в первую очередь. Состояние — желтый. Повторяю, состояние — желтый.

— Oui, mon commandant, — ответила Омакуа.

— Ты не сможешь вспомнить этот разговор и этот язык, но будешь выполнять все приказания. Теперь ты изгонишь прошлое из своей памяти и покинешь это святилище обновленной, чтобы нести истину и жить

в совершенстве. Утверждать и оберегать истину, достигнуть личного совершенства и абсолютного повиновения — вот единственное, ради чего ты живешь. Теперь пробудись и ступай!

Омакуа пробудилась, чувствуя себя родившейся заново. Ее превращение поразило даже Урубубу: она не могла отыскать в памяти Омакуа не только следов сообщения, но даже знания французского языка. Это поразительно смахивало на ментопринтерную программу. Сама она следила за происходящим, оставаясь вне памяти Омакуа, и только поэтому помнила все, что случилось. Подозрения Урубубу начали подтверждаться.

В теле каждой жрицы жили две разные личности. Одна — смиренная, но бдительная хранительница истины, другая — преданный солдат МСС. Но где-то на заднем плане маячила скрытая третья личность. Может быть, ментокопия того, кто был воспитан и обучен солдатскому ремеслу в космосе? Не исключено. Во всяком случае, теперь ясно, что об их присутствии на Матрайхе уже догадались.

Должно быть, Главная Система за это время вся извелась. После Джанипура прошло уже столько времени — и никаких признаков покушения на следующий перстень. Наверняка она уже начала думать, что прохлопала что-то, но какая ирония судьбы! Из-за излишне тщательной разработки своих планов Главная Система не могла сделать в этом мире ничего, что не было бы уже сделано.

Покидая святилище, Урубубу чувствовала, что теперь может намного успешнее управлять событиями. Правда, выжить в джунглях нелегко, не говоря уже о том, чтобы найти обратный путь в долину, но она должна вернуться. Она потратила много времени, зато обрела средства и власть, необходимые для завершения дела. Теперь по крайней мере можно идти открыто, а в случае чего можно позвать на помощь. Любое племя будет счастливо прийти на помощь хранительнице истины.

И все же обратный путь занял несколько дней, в течение которых Урубун не раз прокляла примитивную культуру, не допускающую даже мысли о животных для верховой езды.

Когда Урубун подошла к долине, разразилась буря. Бурлящие облака вверху, сплошные облака внизу, и единственный просвет между ними — над входом в долину. Отовсюду слышалось громкое шипение лавовых змей, напуганных молниями. Урубун в нерешительности остановилась, раздумывая, не разумнее ли подождать. Но облака в небе мчались по кругу, и буря могла продолжаться несколько дней. Она решила рискнуть и вошла в полосу тумана. Спуск вымотал ей все нервы. Она держалась тропы скорее на ощупь, чем с помощью зрения, но когда уже решила все же вернуться и дожидаться, пока рассеется туман, молочная завеса поредела. Впрочем, тут же пошел дождь. Желто-оранжевые пальцы молний пронзали облака, и раскаты грома, подхваченные эхом, металась между скал.

«Надо было быть идиоткой, чтобы сунуться в эту кашу», — сердито подумала Урубун. Даже самые отважные из Людей сейчас прятались в пещерах, пытаясь молитвами умиротворить демонов бури. Она понимала, что и ей стоило бы отыскать убежище, чтобы переждать непогоду. Сейчас не было ни малейшего шанса найти племя Маки, разве что наткнуться на него по слепому везению. Но, пожалуй, ей и без того уже повезло больше, чем полагалось бы.

Оказавшись под защитой деревьев, она стала искать укрытие и вскоре устроилась в глубокой выемке скального выступа. С едой можно подождать, пока не кончится дождь.

Урубун нашла племя Маки только через два с половиной дня, и то лишь потому, что заметила густой дым. Она опоздала. Битва уже закончилась, и теперь полагалось позаботиться о павших. Сражение было кровопролитным — множество трупов кучей валя-

лось у импровизированного погребального костра. На расстоянии невозможно было определить, кто победил и многие ли уцелели из первоначальной группы. Оставалось лишь подойти ближе и рассмотреть всех в лицо. Что ж, лучшего момента для появления жрицы, пожалуй, не найти. Если не считать личных привязанностей, Урубу было почти все равно, кто одержал победу. В любом случае племя было слишком велико, чтобы незамеченным проникнуть на запретную территорию.

«Начнем сначала, — решила Урубу. — Прежде всего надо узнать, кто победил и сколько наших осталось в живых. Потом посмотрим по обстоятельствам». Она смело пересекла цепочку стражей и подошла к костру.

Около пятидесяти пленников со связанными руками и ногами угрюмо стояли на коленях под присмотром немногочисленной стражи. Им предстояло стать членами нового племени.

Увидев Молчаливую, стоящую у костра, на месте хранительницы огня, Урубу немного успокоилась. Впрочем, это еще не означало, что Манка победила. Возможно, другая хранительница огня просто убита в сражении. У Молчаливой была распорота рука и левое бедро. Да, это не прогулка. На Матрайхе войны не были редкостью; здесь выживали только самые сильные и жестокие.

Очень молодая на вид женщина, со свежими шрамами на щеке, подошла к Урубу и преклонила колени.

— Ооза приветствует хранительницу истины, — тихо сказала она таким тоном, словно давно ожидала ее прихода. — Жди. Ооза приведет вождя.

— Какого вождя приведет Ооза? — спросила самозваная хранительница. — Чье это племя?

— Мака-племя, святая хранительница.

— Соза?

Девушка молча показала на груду тел.

— Ступай. Приведи великого вождя Маку, — приказала Урубуну, и Ооза удалилась. Итак, по крайней мере Вурдаль и Молчаливая живы, но сколько еще осталось из их восьмерки?

Манка Вурдаль дралась как дьявол, это было видно сразу. Она была вся изранена, хромала, но глаза у нее сияли. Этот день был едва ли не лучшим в ее жизни. Наверное, битва была впечатляющая — о таких годами рассказывают у ночных костров. Прежде племя смотрело на Манку как на хозяина — теперь в устремленных на нее взглядах светилось обожание. Она не стала преклонять колени перед хранительницей.

— Мака приветствует хранительницу истины в день великой победы, — сказала она.

В ее свите Урубуну разглядела Мари и Миди, но больше, если не считать Молчаливой, не встретила ни одного знакомого лица.

На время Урубуну подавила в себе все, кроме личности Омакуа. Она произнесла все слова, которые полагалось произнести, совершила все ритуалы, которые полагалось совершить, и вознесла все молитвы, которые полагалось вознести, а потом председательствовала на пренеприятнейшем пиршестве. Впрочем, здесь каннибализм был в порядке вещей. Эта почесть оказывалась храброму и стойкому врагу. Кроме того, здесь верили, что доблесть павшего воина переходит к тем, кто его съест. К счастью, хранительницы истины никогда не участвовали в подобных пиршествах, а только присутствовали на них. На хранительницах почивала милость богов, они были выше этого.

Последний ритуал послужил окончательным толчком для давно назревавшей перемены в Маке. В течение следующих нескольких дней она будет ненасытной, пока не привяжет всех уцелевших противников к своему племени, не возьмет их под свой контроль и не докажет самой себе собственное превосходство. Ее

возбуждение быстро спадет, но зато потом в долине будет только одно племя.

Наконец ужасное пиршество закончилось. Остатки побросали в огонь. Завтра из кострища достанут кости, чтобы сделать новые амулеты для Мака-племени.

Решив, что прежде всего ей необходима информация, Урубубу осторожно отвела в сторонку Марию Сантьяго. Мария была умна и вынослива, лучше всего было начинать с нее. Никто не осмелился спросить у хранительницы истины, что и зачем она делает. Только Мака могла бы возразить, но у Маки были другие дела. Так что вечером Урубубу без труда уединилась с Мари и пустила в ход волшебное снадобье из своего мешка.

Урубубу рассчитывала, что, раз гипнотическое снадобье оказалось достаточно сильным, чтобы сбить их с пути, оно вполне подойдет и для того, чтобы вернуть их обратно. В целях конспирации лучше было говорить на языке, который команда с «Грома» могла понимать, но не разговаривать на нем. В прошлых своих воплощениях Урубубу познакомилась со многими языками, и ей не требовалась помощь ментопринтера. Она выбрала испанский: это был родной язык Сантьяго, и его легче всего было снова вызвать в ее памяти. Урубубу усадила Марию под деревом и, когда снадобье подействовало, начала.

— Мари хорошо, — сказала она по-матрайхиански. — Мари хорошо и безопасно. Мари не видит, не слышит, не чувствует ничего, кроме хранительницы. Есть только Мари и хранительница. Больше никого. Нет племени. Нет Матери-Земли. Ничего нет.

Мари улыбнулась, не открывая глаз, ее тело обмякло. Урубубу перешла на испанский. Мари, разумеется, отвечала по-матрайхиански.

— Кто ты? — спросила Урубубу.

— Мари Мака, — еле слышно ответила женщина.

— Где родилась Мари Мака?

— Мать-Земля родила Мари Маку.

— Кто такая Мария Сантьяго?

Мари нахмурилась, смутилась, но глаз не открыла.

— Мари... не знает, — ответила она, раздираемая внутренними противоречиями.

— КАПИТАН Мария Сантьяго, командир корабля «САН-КРИСТОБАЛЬ», вольный флибустьер, вернись! «Гром» призывает тебя!

Ее лицо исказилось. Этот приказ испугал ее.

— Все умерли... — прошептала она. — Мария-племя умерло. Теперь Мака-племя.

Урубун не была психиатром, она даже не была человеком, но воспоминания тех, кого она поглотила, память мужчин и женщин, профессионалов и простых людей, дали ей уникальное понимание человеческого разума. Внезапно она поняла, почему они так легко попались в ловушку.

Мария потеряла команду — не чувствовала ли она вины перед погибшими, даже если это была не ее ошибка? Не желала ли она понести наказание за то, что осталась в живых? Или все переплелось вместе? Быть может, культурные ценности Матрайха оказались сильнее, и она стала думать о потерянном корабле и экипаже исключительно с точки зрения Матрайха? Да и как могло быть иначе, если к этому ее призывала программа?

А остальные? Женщины с «Индруса» тоже потеряли все. Применительно к Матрайху это означало, что они одиноки — а теперь они принадлежат к племени. Биохимическая связь заставляла их хранить верность новому племени, а прежняя жизнь уходила в прошлое. Достаточно было слабого гипнотического толчка, чтобы они начали делать то, о чем уже давно твердил им внутренний голос. Этот толчок всего лишь удалил слабый налет цивилизованности, позволявший им бороться и сохранять контроль над собой.

Неужели они недооценили Главную Систему? Не является ли Матрайх гигантской ловушкой, где язык,

жизненные ценности и биохимия заставляют любого пришельца стать подлинным членом этого общества насилия? Они все время шли по лезвию ножа, и единственный сеанс внушения разорвал последнюю ниточку, положив конец внутренней битве между местным и чужим. Сама этого не сознавая, Урубу руководствовалась именно таким побуждением, требуя больше людей. Какое коварство! Чужак неизбежно поднимет тревогу, а тот, кто придет в облике жителяницы Матрайха, неизбежно станет подлинным жителем этой планеты.

Вурдаль? Она никогда особенно не верила в успех предприятия, просто ей нравилось калечить и убивать, она всегда была садисткой. Когда она стала вождем на Матрайхе, ее фантазии воплотились в жизнь. Миди и Таег? Им было плевать на перстни, они всего-навсего бежали с Халиначи вместе со своим хозяином. А он их бросил, отдав на откуп тем, кого они однажды предали. Учитывая это, на Матрайхе они были в большей безопасности, чем в любом другом месте.

Урубу почувствовала себя стоящей на краю пропасти. Удастся ли вернуть хоть кого-то? Насколько же легче было той хранительнице порвать все нити, дав людям то, чего они желали всей душой... И как трудно вновь их связать...

— Ты можешь получить новый корабль, Мария Сантьяго, — успокаивающим шепотом заговорила Урубу. — Ты можешь отомстить тем, кто отнял у тебя твой корабль. Ты сильная. Ты стойкая. Ты можешь сразиться с великим злом. Или можешь убежать от него и навсегда остаться Мари. Ты сражаешься или бежишь?

На лице Марии отразилась тяжелая борьба. Она изгнала прошлое и заперла за ним дверь, а теперь оно ломилось обратно. Она ответила как матрайхианка.

— Не Мари выбирает, сражаться или бежать. Вождь говорит — сражаться, Мари сражается. Вождь говорит — бежать, Мари бежит. Мари больше не вождь.

Уруббу сплюнула, чувствуя нарастающий гнев.

— Посмотри вверх, Мари. Посмотри на небо. Посмотри ЗА небо. Посмотри на звезды, пространство, там множество солнц и миров. Там ты родилась. Когда-то ты любила их и готова была умереть ради того, чтобы быть свободной среди звезд, словно боги. Никаких пут, ничего, кроме звезд, любви и приключений. Вспомни, как трепетало твое сердце, когда ты впервые подумала об этом. Вспомни «Сан-Кристобаль», не потерянный, а обретенный. Даже если ты можешь забыть об этом, что-то же ты должна вспомнить? **ВСПОМНИ СВОЮ ЛЮБОВЬ, МАРИЯ САНТЬЯГО! ВСПОМНИ СВОИ МЕЧТЫ!**

Она взглянула на небо, ее глаза широко раскрылись... Она вспомнила! Если бы Уруббу говорила поматрайхиански, если бы Мария не могла понимать испанскую речь, ничего бы не вышло. Но родной язык и живые образы, пробужденные его мелодичными звуками, затронули что-то, спрятанное в самой глубине ее души. Сорок лет жизни не так-то легко отбросить. Она увидела и вспомнила. Вспомнила бедность и борьбу, свершения и победы, зов далеких звезд и то, за чем она пришла сюда. Но нужно ли это? Не важнее ли сбереечь то, что она уже получила?

«Борись... Борись... Для чего ты трудилась? Чтобы стать вождем или чтобы стать рабыней? Борись...»

Она все еще была под действием снадобья, но Уруббу вдруг услышала тихое:

— Что... что случилось? Что делает Мари?..

— Я хранительница истины, и я Уруббу. Уруббу и истина едины. Теперь скажи, что с остальными?

— Таег... два копы в грудь... ушла. Мертвая. Эза... не могла сражаться. Не могла убивать... Миди... сначала не сражалась... потом дралась как демон... Сунги не сражалась... увидела, Эза упала... Стала безумная, убивала, убивала, убивала... Сейчас безумная, как дикий зверь. Эуно... первое копы задело живот... стала

как раненый куту, убила многих, многих... Они побежали... мы гнались...

Уруббу кивнула. И так, их осталось шесть, из которых одна опьянена властью, другая — немая с поврежденным рассудком, третья — буйно помешанная, а четвертая молится на своего вождя, считая, что наконец-то нашла замену Савафунгу.

Внезапно Мария Сантьяго с ужасом уставилась на новую Уруббу, безволосую и татуированную с головы до ног. Наверное, ей пришла в голову та же самая мысль.

— Что теперь сделает племя неба? — жалобно спросила она.

Уруббу и самой хотелось бы это знать.

— Мари хочет вернуться на небо?

Мария медленно покачала головой:

— Нет. Вернуться с браслетом для пальца или со всем не вернуться.

Что ж, в такой ситуации чертовски приятно это услышать. А теперь самое время потолковать с Манкой Вурдаль.

9. СВЯЩЕННЫЙ ПРИКАЗ

Урубу была потрясена, обнаружив, что Вурдаль в отличие от остальных почти ничего не утратила. Она даже не удивилась, что в облике хранительницы истины вернулась Урубу.

— Мака играет игру Маки, а не игру «Грома», — раздраженно сказала Урубу.

Манка свирепо взглянула на хранительницу с высоты своего роста.

— Нет игры, кроме игры Маки. Не будет игры, кроме игры Маки. Никогда!

— Маку не забыла племя неба? Мака не хочет биться вместе с племенем неба против злого демон-бога?

Вурдаль презрительно сплюнула:

— В костер всех богов и племя неба! Всю жизнь Мака служила большим вождям. Сделай то, сделай это. Потом они смешали мысли Маки. Сделали толстяка вождем Маки. Довольно. Довольно. Сейчас Мака сама вождь. Она сильная, думает ясно. Племя делает, что скажет Мака, племя думает, как думает Мака. Если демон-бог говорит, людям надо быть так, может быть, демон-бог прав. Власть, сила правят всегда. Здесь. Сейчас. Лучше Мака будет вождем здесь, чем будет слушать других вождей.

— Сколько здесь людей племени неба?

— Здесь нет людей племени неба, кроме поддельной хранительницы. Только Мака-племя.

Урубу надоел этот бред.

— Поддельная хранительница не человек. Мака знает, — угрожающе сказала она. — Поддельной хранительнице стоит только тронуть великую Маку. Не будет вождя Маки. Будет вождь Урубу.

Вурдаль была ненормальной, но не стремилась к самоубийству. Ее глаза в испуге расширились, и она подалась назад. Урубу безжалостно усмехнулась:

— Маке это не поможет. Можно бежать, но великие вожди не бегут. Можно убежать сейчас, но придется вернуться. Вождь должен ложиться с женщинами. Кто будет Урубу? Неизвестно. Никто не знает. Оона? Таба? Миди? Мака не знает. Страх в глазах великой Маки. Никто не должен бояться, вождь Мака. Великий демон-бог сотворил Матрайх, чтобы поймать врагов. Но великий демон-бог не знал про Урубу. Вождь Мака знает. — Урубу внезапно перешла на английский. — Ты не свободна, Манка Вурдаль, — холодно сказала она. — Я поставила тебя между молотом и наковальней.

Вурдаль понимала это достаточно ясно, но не собиралась сдаваться.

— Здесь некому украсть браслет для пальца, если браслет для пальца еще можно украсть. Мака-племя большое племя. Рождено Матерью-Землей, не племенем неба. Поддельная хранительница может убить Маку, стать Макой... и что тогда?

И в самом деле, что? Но Урубу уже успела обдумать это, отчасти с помощью Марии Сантьяго. Они решили, что настало время рискнуть.

— Демон-бог ошибся, — сказала Урубу. — Матрайх для того, чтобы ловить людей племени неба. Хорошая ловушка, умная ловушка. Но чтобы ловушка работала, надо сделать силу племен больше силы веры. Племя неба больше не прячется. Конец ловушки демона-бога. Мака хочет Матрайх? Мака хочет быть великим вождем? Если Мака будет храброй, она получит то, чего хочет. А племя неба получит то, чего хочет

племя неба. Племена не играют, как хочет демон-бог. Теперь демон-бог должен играть новую игру. Игру племени неба.

Вурдаль увидела возможность отступить с достоинством.

— Мака слушает, — сказала она.

Идея пришла в голову не Урубу и не Марии, они додумались до этого вместе, Матрайх был почти идеальной ловушкой. Те, кто пришел бы сюда с оружием и совершенной техникой, столкнулись бы с Валами, МСС и орбитальными спутниками, а тех, кто пришел бы в облике местных жителей, но с современными приборами, рано или поздно обезвредили бы хранильницы истины. Звездный Орел был прав — проникнуть сюда тихо и безопасно можно было только в виде подлинных матрайхианок, что они и сделали. Но общество Матрайха, включая язык и биохимические связи, скреплявшие племя, было организовано так, чтобы ассимилировать тех, кто придет этим путем. Неуязвимая защита. Непроницаемая. На Джанипуре и, возможно, в других местах перстень охраняла техника и сила, с которой можно было бороться. На Матрайхе перстень был защищен полным отсутствием подобных вещей. Это было очень хитро. Тот, кто доберется до одного из перстней, на другом скорее всего попадется благодаря собственному «я» и своей самоуверенности.

Но эта система была уязвимой, ее прочность зависела от прочности веры Людей, насаждаемой жрицами при помощи хранильниц Третьей ступени. Из-за этого они не могли открыто пользоваться той техникой, которую Главная Система использовала повсеместно. Привести сюда вооруженных эмэсэсовцев означало разрушить Матрайх в попытке спасти его.

Но религии было под силу поднять многочисленные племена против мятежников, ведомых демонами, и задавить их численно превосходящими силами. Мятежное племя сражалось бы до последнего, ведь

все его члены были бы буквально привязаны к вождю. Мария Сантьяго под гипнозом сформулировала это достаточно четко. Ей полагалось не думать, а повиноваться. Религия короля становилась религией нации, даже когда нация насчитывала всего шестьдесят человек.

Все входы в долину были перекрыты. Впускать полагалось всех, выпускать — никого, даже хранителей истины. Поисковые партии, составленные из лучших воинов, отправились на поиски потерявшихся. Надо было увеличить силу племени. В долине легко могли прокормиться больше сотни людей в течение долгого времени. По-новому обученная, вооруженная новыми идеями, эта сотня могла стать самой грозной армией за всю историю Матрайха.

Сделать луки и стрелы было легко, но они были запрещены. Соль могла увеличить срок хранения пищи. В долине нашлось несколько солонцов. Салазки позволяли перетаскивать все необходимое на большие расстояния. Сантьяго учила людей делать бола, оружие настолько малоизвестное, что его даже не удосужились запретить. Малоизвестное, но чертовски действенное.

Урбу устала прятаться. Пора было начать революцию на Матрайхе и покончить с этим жестоким экспериментом — но потихоньку. Если все пойдет как надо и выбор оружия и тактики оправдает себя, их инопланетное происхождение останется незамеченным. Главной Системе стоило преподать урок эволюции. Поддерживайте комфортную среду обитания, и вы расплодите беспомощных неженков. Но если люди вынуждены находиться в постоянной борьбе, то выживут только умнейшие, сильнейшие и самые стойкие.

В любом другом мире племя само вышвырнуло бы вождя, впавшего в ересь. Но здесь это было исключено. Здесь люди в буквальном смысле слова принадлежали вождю. Это была брешь в идеальной во всех остальных отношениях защите Главной Системы, и все же пока

она не была использована на практике. Изобретения в этом мире, видимо, появлялись нередко. У вождей хватало характера поступиться религией, если это сулило большую власть. Им вправляли мозги с помощью снадобий, и до сих пор это срабатывало, во всяком случае, в памяти Омакуа не сохранилось воспоминания о какой-нибудь осечке. Но теперь Урубубу и Вурдаль намеревались нарушить эту традицию.

Кампания проходила удачно. Они успешно померились силами с несколькими племенами, и за несколько недель численность племени выросла до двух с лишним сотен, не считая жриц. Это была самая мощная организация на планете. И почти сразу же стало ясно, почему против них до сих пор ничего не предпринимают.

В системе Матрайха такое количество людей становилось неуправляемым. Биохимическая связь держалась, только если вождь делил ложе с каждой из своих женщин по крайней мере раз в несколько недель, при более длительных перерывах она терялась. Возможности Вурдаль были велики, но не беспредельны, и больше четверых в день она обслужить не могла. Это означало сто двадцать женщин в месяц; по разу в месяц на каждую. Биохимическая связь держалась от восьми до десяти дней сверх этого периода, а потом остальным пришлось бы искать удовлетворения друг с другом, а это неизбежно запустило бы у кого-то механизм изменения пола.

Вурдаль была в ярости, но Урубубу просто решила сменить тактику. Манке это не понравилось, но ей хватило ума понять, что альтернативы нет. К тому же она боялась Урубубу больше, чем потерять власть. Пора было остановиться, осмотреться и пустить в дело снадобья.

Хранительница была очень удивлена встречей с одной из коллег. Омакуа предложила ей отойти в сто-

ронку и кое-что обсудить. Они были настолько похожи, что мало кто из племени понял, кто же вернулся. Урубун получила новую информацию и свежий запас снадобий, в котором крайне нуждалась.

Действия Вурдаль привлекли внимание жриц, но инструкции хранительницам истины ограничивались тем, что Урубун и Вурдаль называли основными приемами. Дождаться, пока племя разделится, и затем в каждом племени по очереди ликвидировать все нововведения. Особой спешки и настойчивости пока никто не проявлял. Похоже, на Матрайхе это было обычным делом.

В обороне Главной Системы действительно имелся изъян, теперь Урубун знала это точно. Но изъян этот не был связан с созданием империи. Этот путь перекрыт надежно. В каждом племени был один вождь, а численность племени не превышала сотни человек. Вожди видели в других вождях и в других племенах соперников в борьбе за еду, территорию и ресурсы. Они сражались друг с другом в трудные времена, а в остальных случаях избегали встреч. Им никогда бы не пришлось в голову объединиться.

Как только у Марии и Миди родились дети и восстановился естественный биохимический баланс, Урубун приступила к делу. Обе женщины были достаточно выносливы и агрессивны, но роль вождя их не воодушевляла. Им не хватало самолюбия и страшила ответственность. Пришлось применить снадобья, запас которых у Урубун уже почти иссяк. Она надеялась только на то, что у женщин, которые предпочли бы остаться такими, как есть, и воспитывать детей, достанет чувства долга, чтобы стать такими, как требует дело.

У Суну произошел выкидыш, но ее, по-видимому, это не беспокоило. Урубун не могла достучаться до нее. Когда Суну увидела, как погибла Эза, не найдя в себе сил вступить в кровавую бойню, что-то в ней надло-

милось. Теперь Суни была никем и ничем и, наверное, испытывала острейшее одиночество и страх. Она была воспитана в тех же убеждениях, что и Эза, но вдруг оказалось, что этого мало. Она вступила в бой, думая лишь о мести и видя перед собой только окровавленное тело Эзы. Она дралась как безумная, а когда пришла в себя, то почувствовала, что душа ее умерла. Она сделалась пустой, словно раковина, пережившая своего хозяина. Она искала смерти в битве, но смерть обошла ее стороной. Уруббу пыталась с помощью гипнотических средств помочь Суни, тем более что была немногo знакома с индуистскими верованиями и знала хотя бы джанипурский хинди.

— У нас есть долг, который выше нас, — настойчиво втолковывала она. — Это долг перед человечеством, перед всеми, кто называет себя людьми. Мы можем потерпеть неудачу, но не имеем права отступить. Твой муж был предан этому долгу, так же, как капитан Пачиттавал и Лалла. Неужели их гибель была напрасной? Мы не можем позволить себе потерпеть неудачу из-за твоих несчастий. Судьба послала тебя сюда. Ты не должна отвергать свою участь, этот путь ведет к проклятию.

Наступило долгое молчание, и вдруг Суни заговорила. Размеренно падали слова древнего хинди, словно и не было ментопринтерных программ и лингвистических фильтров.

— Ибо я стану смертью, разрушительницей миров...

Уруббу была потрясена, хотя знала, что человеческий разум может оказаться сильнее, чем любая программа, а если какому-то человеку суждено доказать это на деле, то скорее всего это должен быть индус.

— Суни...

Ей ответил совершенно нечеловеческий голос, приходивший словно издалека. Он заставил содрогнуться даже Уруббу.

— Сунь больше нет. Ее душа отлетела, как и должно было случиться.

Урубь судорожно сглотнула.

— Кто же ты? Что ты такое?

— Неужели ты не узнаешь меня? Я подлинное божество этого мира, та, кому все они служат, не ведая этого. Я та, что преследует тебя во вселенной. Я смерть. Я пустота и небытие. Имя мне — Кали.

Урубь вздохнула. Только еще одной сумасшедшей им не хватало. И все же в этой женщине было нечто неземное, нереальное, пугающее.

— Могушественнейшая и устрашающая, не соизволишь ли ты на время прекратить преследование и помочь нам в борьбе?

— Поклоняющиеся мне и почитающие меня заслуживают моей милости, — холодно ответила Сунь. — Я могу вмешаться, но не потому, что мне есть дело до ваших жалких устремлений.

— Тогда почему?

— Потому что это забавно. Потому что там, где следуют просвещенной вере, забыли обо мне. Я пришла сюда, потому что мне нужен собственный мир. Смерть ребенка дала мне могущество, и теперь мы сбросим ложные верования. Этот мир станет моим.

Урубь растерялась. Неужели это очередная ловушка Матрайха? Безумие... Но надо устанавливать свои правила. Коль скоро биология ставила предел численности племени, объединившись, вожди могут набрать огромную силу. Если Урубь выступит посредницей в объединении племен, этот план может сработать.

Через несколько дней с помощью снадобий Сантьяго и Миди обрели мужскую сущность и начали отбирать себе людей, стараясь тщательно соблюдать равновесие между более и менее ценными кандидатами. Манка Вурдаль была вне себя и с трудом подавляла желание сразиться с новоиспеченными вождями. Ее утешало лишь то, что Мака-племя все же останется

самым большим. Кроме того, она могла осознать необходимость, которую не в состоянии был бы уразуметь никто из родившихся на Матрайхе.

Сунь не понадобились снадобья, чтобы сделаться вождем, и даже Вурдаль не могла сравниться с ней в жестокости. Теперь надо было стронуть все племена с места и направить их к цели, по дороге по возможности увеличивая их численность. Действуя сообща, это оказалось относительно нетрудно сделать, хотя и не обошлось без потерь. Зато люди закалились, обрели опыт и, преодолев первоначальные трудности, научились действовать уже не как просто союз племен, а как настоящая армия.

Создавая этот союз, Урубун ставила перед собой, помимо всего прочего, задачу выманить из святых мест людей рангом повыше. До сих пор против них посылали только хранительниц истины низшего ранга. Теоретически они могли представить себе подобный союз, но были не готовы к встрече с вождями, которые видели в хранительницах лишь членов чужого племени и расправлялись с ними как с врагами.

Целью Урубун был не сам Храм, а широкая плодородная долина, расположенная в двухстах километрах к востоку от него. Здесь, в месте слияния трех больших рек, могло существовать, не голодая, племя втрое большее, чем то, которое вела за собой Урубун. Она хотела, чтобы эта долина стала бы полем первой битвы со жрицами и ее людям было бы за что сражаться.

Когда племя уже тронулось в путь, у Молчаливой начались роды. Урубун боялась, что, если ребенок родится мертвым или погибнет в первые же часы, Молчаливая в своем безумии превзойдет Сунь, но, к счастью, все обошлось. Ребенок родился здоровым и возвестил о своем появлении на свет оглушительным криком. Молчаливая в нем души не чаяла и заботилась о нем куда усерднее, чем любая матрайхианская мать.

На пути им то и дело встречались хранительницы Третьей ступени, желающие выяснить, что происходит, и Уруббу переходила из одного тела в другое. Она все ждала, что противник применит силу или хотя бы пошлет кого-то рангом повыше, но властители Матрайха, похоже, никак не хотели признать, что ситуация ускользает из-под контроля. А может быть, им просто не хватало оснащения для схватки с чем-то по-настоящему новым. Но рано или поздно они будут вынуждены решиться. Если иерархию святош действительно замыкает какой-то компьютер, он наверняка уже понимает, что новое движение нацелено в самое сердце господствующей религии. А это хуже любого технического изобретения. Научившись сотрудничать друг с другом, племена начнут благоденствовать, и слухи об этом разнесутся в мгновение ока. В глубине души никто на Матрайхе не хочет жить в ожидании преждевременной смерти, и их примеру последуют все, а это уже восстание. Просто раньше у них не было выбора, но если они поймут, что хорошая жизнь может быть следствием общих усилий и не зависеть от случайного обилия дичи...

И люди объединенных племен постепенно начинали понимать, что совершают нечто хорошее. Каждый чувствовал себя в безопасности, зная, что рядом союзники, а не враги, и это чувство вселяло надежды и убеждало людей больше, чем любые призывы. Конечно, вожди по-прежнему смотрели друг на друга косо, но хранительницы огня делали все, чтобы укрепить союз прежде всего между простыми людьми. Они передавали послания из племени в племя, вели дипломатические переговоры от имени своих вождей, объясняли непонятное и решали спорные вопросы. Молчаливая, целиком поглощенная ребенком, уже не могла выполнять своих обязанностей и с радостью уступила свое звание Ооне, которая обожала Манку и вместе с тем не была лишена некоторой доли разума.

Уруббу нервничала в ожидании следующего хода жриц, пока не сообразила, что те медлят исключительно потому, что не сомневаются в местном происхождении инцидента. Если бы они считали, что восстание направляется кем-то извне, то давно бы забили тревогу, верно рассудив, что мятежники будут атаковать священный престол. А так они сначала хотели взглянуть, куда направляется армия и как будут развиваться события. Они были уверены, что могут покончить с ересью в любой момент.

Это случилось, когда армия еретиков достигла края долины и впервые взглянула на землю обетованную. Незванные гости открыто вошли в лагерь. На их лицах не было ни тревоги, ни страха. Семь жриц Третьей ступени и восьмая — Второй.

Ее татуировки были гуще и ярче. Она носила плащ, подбитый мехом. В ее ожерелье, кроме обычных тотемов, входил сверкающий металлический амулет — птица на дереве. Навершие потемневшего от времени посоха, похоже, было из золота. Она шла высокомерной походкой человека, знающего, что боги на его стороне.

Уруббу подбежала к Вурдаль.

— Что хочет Уруббу? — спросила Манка, не отрывая взгляда от жриц.

— Уруббу надо остаться наедине с вождем хранительниц. Отдели ее. Задержи. Если что, зови племя Суну.

— Вождь хранительниц не глупее Маки. Она знает, другие хранительницы не вернулись. Она не захочет говорить наедине.

— Тогда Уруббу совершит превращение прямо здесь. Мака-племя позаботится об остальных.

Вурдаль кивнула и, сделав знак Ооне, отступила, не желая преждевременно рисковать. Кто знает, какое оружие у вождя хранительниц? Сначала их следовало попробовать разделить и драться, если только не будет другого выхода.

Увидев в лагере жрицу Третьей ступени, живую и невредимую, старуха была крайне удивлена. Уруббу почтительно приблизилась, опустилась на колени, поцеловала ей руку и замерла в ожидании.

— Встань! — приказала старая жрица. Она оглядела собравшихся, затем взглянула прямо в глаза Уруббу. — Объясни это!

— Может ли недостойная хранительница говорить со Святой Матерью при посторонних...

— Говори здесь! Оглянись! Взгляни на эту ересь! Взгляни на это богохульство! Объясняй!

— Если Святая Мать позволит...

Святая Мать внезапно подняла посох и ударила Уруббу по лицу с такой силой, что она упала. Уруббу утерла кровь с разбитой губы, но подниматься не спешила. Проклятая старушенция оказалась чертовски скорой на расправу, да и ухмылки остальных жриц не предвещали ничего хорошего.

— Правду?

— Разумеется, — ответила Святая Мать.

— Пришел дух от богини солнца. Велел сделать так. Сказал, вожди хранительниц истины не говорят с богами. Сказал, говорят с демонами. Племена повиновались богине солнца.

— Ложь! Священный огонь сойдет с неба на богохульников! Огонь очистит эти племена! Приведи этого духа! Святая Мать докажет, что он от демонов, не от богов!

Уруббу краешком глаза взглянула на Оону и чуть заметно кивнула. Оона не понимала, что происходит, но получила приказ. Кроме того, эти люди угрожали племени. Уруббу поднялась на ноги.

— Сила против силы! — крикнула во весь голос. — Вера против веры! Истина против лжи! Хранительницы, не мешайте!

Она усмехнулась окровавленными губами. Рука Святой Матери скользнула под плащ, но Уруббу потя-

нулась к ней, и Святая Мать поспешно отступила на шаг. Все глаза были устремлены на них, а младших жриц уже окружили отборные воины с копьями наготове. Но те словно не замечали оружия.

Уруббу зло усмехнулась:

— Вера против веры. Неужели хранительнице нельзя даже поцеловать руку Святой Матери?

— Та, что стоит перед Святой Матерью, не хранительница истины! — нервно ответила старуха. — Ты демон!

Она снова проворно сунула руку под плащ, но Уруббу оказалась быстрее. Впрочем, ее сейчас не беспокоило, каким оружием обладает старуха, ей нужен был лишь контакт с кожей противника. Уруббу коснулась ладонью открытой груди старой жрицы как раз в тот момент, когда извлекла из-под складок плаща небольшой удлиненный предмет. В следующий миг Святая Мать застыла, словно изумленная происходящим, и процесс начался.

Вурдаль быстро выскочила вперед и крикнула:

— Если хранительница истины из Мака-племени от демонов, а Святая Мать от богов, то Святая Мать победит. Если хранительница Мака-племени от богов, то душа ее вселится в Святую Мать! Смотрите все! И пусть никто не помогает ни той, ни другой!

Это предостережение было излишним. Зрелище, развернувшееся перед семью хранительницами истины, повергло их в ужас. Но Вурдаль тревожилась, что будет потом, если они сообразят, что происходящее имеет инопланетные истоки. Манка была уверена, что хранительницы не сумеют бежать, но они могли причинить серьезный ущерб.

Когда тело Уруббу выгнулось и слилось с телом Святой Матери, неизвестный предмет выскользнул из обмякшей руки. Профессиональные навыки не изменили Вурдаль. Она бросилась к нему, подняла и внимательно осмотрела. Это, несомненно, был

пистолет, хотя и странной конструкции. Корпус, отлитый из светло-красного пластика, выглядел неразъемным. Спусковой крючок представлял собой просто длинный и толстый стержень, даже не защищенный скобой. Судя по виду ствола, это было лучевое оружие. Прицел отсутствовал, и, следовательно, мощность выстрела была достаточно велика, чтобы пистолетом мог пользоваться даже неопытный человек. Процесс поглощения занимал минут пятнадцать — двадцать, и Вурдаль испытывала сильнейшее искушение выстрелить прямо в массу бурлящей плоти и разом избавиться и от Урубу, и от Святой Матери. С такой пушкой вождь может далеко пойти. Проблема была лишь в том, что, ничего не зная об этом оружии, Манка была не уверена, что сумеет убить Урубу. Она не забыла, что в лабиринтах Мельхиора оборотень успел поглотить не меньше дюжины человек, прежде чем его сумели настичь и хотя бы оглушить.

Впрочем, поразмыслив, Манка пришла к выводу, что на данный момент их интересы совпадают. Без помощи «Грома» она будет всего лишь предводителем кучки дикарей, но если «Гром» окажется на ее стороне, тогда в перспективе она запросто может стать императрицей обновленного Матрайха.

— Пришельцы, — услышала она шепот за спиной. — Берегись!

Вурдаль круто повернулась, не выпуская из рук оружие, и по ее знаку воины отступили от семи младших жриц.

— Счастливого пути, задницы! — рывкнула она и выстрелила.

Полыхнул ослепительный свет, и пять жриц мгновенно охватило пламя. Воины были ошеломлены, но не настолько, чтобы упустить двух оставшихся, которые сразу же бросились наутек. Пять жриц, пронзительно вопя, горели живо, а над толпой, рвавшей на

части двух уцелевших, стоял кроважадный рев. Люди узрели чудо, великую силу, превосходящую всякое воображение, и видели, кому повиновалась эта сила, а кто пал ее жертвой.

Вурдаль смотрела на горящие тела. Жрицы были мертвы, но огонь еще не погас. Чертовски эффективная штука. Неплохое было бы представленище, если бы Святая Мать успела вытащить его, призвать проклятие богов на Уруб и испепелить ее на месте.

Обновленная Святая Мать уже стояла, покачиваясь в луже растекшейся протоплазмы, которая была прежним телом Уруб. Ей понадобилась вся сила воли, чтобы обрести контроль над новым телом и закончить представление. Она ткнула пальцем себе под ноги и выкрикнула:

— Вот душа Святой Матери и демона! Взгляните на хранильницу Мака-племени в теле врага!

Изумленный ропот постепенно перешел в восторженный рев. Их великий вождь вновь оказался прав. Уруб воздела руки к небу и краешком глаза взглянула на Вурдаль.

— Найди-ка мне местечко, чтобы прилечь, — прошипела она по-английски. — Я паршиво себя чувствую и долго не продержусь.

— Они чертовски обеспокоены. — Уруб говорила по-английски, а Вурдаль, естественно, вынуждена была отвечать на более ограниченном в возможностях языке Матрайха. — Структура управления напоминает Центр намного сильнее, чем мы предполагали. Может быть, этот эксперимент и радикальный, и широкомаштабный, но организация та же самая, хотя и более примитивная. Старая Святая Мать отличалась крайним невежеством, но тем не менее узнала пистолет сразу, как только ей его дали. И думала она о нем не

в магических терминах, а как об эффективном, но вполне земном инструменте для поддержания веры.

— Много ли у них огненных копий? — забеспокоилась Вурдаль. Несколько таких штукovin могли стереть с лица земли всех ее подданных.

— Порядочно. Целый арсенал. Там есть оружие и помощнее, но все оно действует по принципу «спалих-к-черту». Старшие жрицы знают о нем, но Третья ступень даже не подозревает. Они испугаются его не меньше, чем обычные люди.

— Пока сами не превратятся в воинов.

— Да, возможно, но теперь я уже в этом не уверена. Эта система оформилась не меньше сотни лет назад, и никого из первоначального состава войск уже не осталось в живых. А их потомки имеют лишь основную информацию, скрытую в глубоких ментопринтерных программах. Но ментопринтер может только рассказать, как применять оружие, опыта он не заменит. Мы с тобой смогли бы пользоваться всем, что у них есть, с куда большим успехом. Но даже неопытные люди с сотней таких стволов выжгут все, от горизонта до горизонта.

Вурдаль задумалась.

— Значит, если наши воины возьмут огненные копья, они будут не хуже хранительниц. Где они держат огненные копья?

— Что? А, я вижу, к чему ты клонишь. Идея неплохая, но я не уверена, что, если даже мы победим, этот мир переживет последствия такой победы. Гораздо интереснее было бы удержать их от применения этого оружия.

Урубу подняла палочку и принялась чертить на земле план.

— Священный престол находится в широкой долине, окруженной очень высокими горами. Много вулканов, но в основном потухших. Высочайшие вершины достигают двадцати километров и покрыты

вечными снегами. Талая вода стекает вниз и скапливается в круглом углублении, возможно, ледникового происхождения. Круглый год в долине есть пресная вода, а в самые жаркие месяцы озеро переполняется и питает большую реку. Здесь, у большого водопада, в скале высечены ступени, и это единственный относительно легкий путь в долину. Естественно, он охраняется — не только людьми, но и техническими устройствами. Вся эта магия скорее всего управляется компьютером и рассчитана на то, чтобы не дать человеку войти, а не выйти.

— А что в долине?

— Племя хранительниц истины живет суровой жизнью. Весь день они трудятся на полях, а все оставшееся время занимаются самосовершенствованием. Только не думай, что им не терпится на волю, хотя в отличие от простых смертных хранительницы не сражаются и им обеспечено почетное место где бы они ни появились. В пещерах и между скал расположены склады, но сами хранительницы живут на открытом месте, как люди племен. На дальнем конце долины в горе высечен Великий Храм. Впечатляющее строение. Он украшен изображениями старших и младших богов, взирающих на Мать-Землю. Они высечены так, что смотрят и на долину. В самом Храме имеется еще один, Внутренний Храм, где стоит огромная статуя Великой Богини. Великая Богиня не только слушает, но и говорит, а иногда еще и показывает картинки. Поистине, необычное изваяние. Жрицы Первой ступени немногочисленны, и все они очень старые, а по здешним меркам — так просто древние. Они говорят с богами и получают от них приказы. Считается, что они безгрешны и никогда не ошибаются. Божества в человеческом облике, одним словом. Жрицам Третьей ступени не дозволяется даже взглянуть на них, когда они проходят мимо, а того, кто наступит на их след, тотчас предадут смерти.

Вурдаль кивнула.

— А сами эти великие вожди верят в свое совершенство?

— Что? А, я уловила твою мысль. Трудно сказать. Жрицы Второй ступени отвечают за все. Я инспектировала полевых агентов, а в основном занималась обучением новых жриц и не успела как следует приглядеться. Но они не совсем невежественны. Я уверена, что они знакомы с устройством автоматических систем и оружия. Знание, которым обладают только боги. От этого можно стать законченным циником, а можно и впрямь почувствовать себя полубогом. Что они думают о себе на самом деле, сказать невозможно. На самой верхушке этой пирамиды стоит Дочь-Земля. Говорят, она вечно юна, прекрасна, всеведуща и бессмертна. Существует ли она на самом деле, я не знаю.

— Значит, Дочь-Земля носит перстень.

Уруб унахмурилась и озадаченно уставилась в темноту.

— Нет, не думаю. Она верховный вождь, судья, генерал, все, что угодно, но так же, как у вождей есть хранильницы огня, так и у нее есть хранильница перстня. Что-то вроде адъютанта или дежурного офицера. Она занимается повседневными делами.

— Человек, облеченный властью.

— Что?

— Перстень должен носить человек, облеченный властью. Это хранильница перстня. Почему не Дочь-Земля? Мака думает...

— Хорошо сказано. — Уруб подняла глаза. — Либо Дочь-Земля — существо мифическое, либо она не человек. В любом случае понятно, почему я не встречала никого, кто видел бы ее сам. Мне попадались люди, которые знали кого-то, кто утверждал, что видели ее, но это было слишком похоже на откровенную похвальбу. Но что, если она все-таки существует?

— Если хранительница перстня носит перстень, то хранительница перстня вождь Матрайха. Должна быть наверху.

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Если хранительница перстня — верховный администратор, человек, облеченный высшей властью на планете, то кто может быть выше нее? Бессмертная... м-м-м... возможно, она что-то вроде Вала, который обеспечивает лояльность Центра?

Вурдаль взяла в руки пистолет и принялась его рассматривать.

— Огненное копье не может убить демона из металла. Уруббу кивнула:

— Да, в свое время я уложила одного, но только очень мощным лазером и почти в упор. Значит, Вал, главный компьютер и спутниковая связь. Это сильно усложняет дело. Черт! Пожалуй, мне пора переговорить с «Громом»! Мы так далеко зашли... не хотелось бы проделывать этот путь снова. Но потребуется несколько недель, чтобы добраться до истребителя и потом вернуться сюда. А противник ждать не будет. Ну ладно, теперь у нас на руках две задачи. Во-первых, мы должны добыть перстень так, чтобы никто не узнал об этом, а во-вторых, дискредитировать местную религию, но таким образом, чтобы компьютер не вызвал сюда эмэсэсовцев. Черт бы их побрал! Во мне пятнадцать человек, и все же мне недостает опыта Хань, интуиции Козодоя и аналитических способностей Звездного Орла. Только я могу обеспечить вам всю информацию и защиту, и вместе с тем только я могу пройти к передатчику и посоветоваться с «Громом».

— У вождя хранительниц нет магии узнать, что происходит, — сказала Вурдаль. — Послала Святую Мать и хранительниц истины. Святая Мать не вернется, будет война. Святая Мать вернется, ничего не будет...

Рот Уруббу слегка приоткрылся от удивления.

— Интересная мысль. Действительно, они знают только то, что им говорят. Ну и, конечно, доклады хранительниц истины, посещающих святы места. Хорошо, я пойду туда. Скажу, что семь хранительниц заняты разделением племен, и все в порядке. Даже под ментопринтером я смогу представить им воспоминания, которые подтвердят мои слова. Для этого меня и создали. Но вот поверят ли они? Рано или поздно компьютер обратит внимание, что ни одна из этих семи хранительниц не посещает святы места. Тогда он пошлет других хранительниц, и они доложат другое. Долго ли нам удастся поддерживать иллюзию? Если они поймут, что мне под силу обмануть ментопринтер, тут же поднимется тревога.

— Вот как? А если племена живут как раньше? Пошли далеко на юг. Далеко от святых мест. Нашли богатые уголья. Много еды. Ожидают.

— Ты забываешь, как нас поймали с волшебным песком, а я помню. Если все четыре племени поселятся в одном месте и возьмут себе одни и те же уголья, значит, придется воевать с прежними хозяевами. Больше крови, больше риска, и в конечном счете больше людей. Возможно, придется организовать еще несколько племен. И мы окажемся еще дальше от вождей «Грома».

Вурдаль повернулась и в упор уставилась на Урубубу.

— Племена не звери! Люди! Думают! Демоны неба хотят сделать, чтобы племена как звери! Племена не глупые! Много воинов видят. Нравится, что делает Мака-племя, другие племена. Думают, сомневаются, спрашивают. Старые пути, старая вера. Будут думать все время.

— Могу представить. Но ты же не в состоянии даже подойти к другому вождю — обязательно сцепишься с ним. Это у тебя в крови.

— Вожди говорят через хранительниц огня, как сейчас. Никто не может иметь такое большое племя.

Только сражаться за еду. Здесь еды много. Святая Мать может уйти надолго, если надо. Вожди будут готовы.

— А как насчет снадобий и других хранительниц истины?

— Есть два мешка с волшебным песком от мертвых хранительниц. Святая Мать научит. Мака заколдует хранительниц! Смешная шутка! Если нет — хранительницы гибнут, как гибнут воины каждый день. Хранительницы огня, другие вожди тоже смотрят. Защищают остальных. Всю жизнь Мака водит за нос больших вождей. Мака проведет и этих. Воины делают, как скажет Святая Мать. Это лучше жить. Если не им, то детям.

Уруббу вздохнула:

— Ладно, я поговорю с другими вождями. Если они согласятся, значит, так тому и быть. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Племена будут вместе. Хорошая земля на юге. Двадцать дней, может быть, меньше. Найти нетрудно.

В течение следующих двух дней она обсудила план с остальными вождями, и их единодушное согласие немногo удивило Уруббу. Суни — Дакуминифар, богиня, как она теперь себя называла — уверила себя, что это было ее собственное повеление, ибо сильному волшебству можно противопоставить только сильнейшее волшебство. Миди, отбросив первоначальные сомнения, наслаждалась ролью вождя и не собиралась ее оставлять. Да и Мари, с неохотой ставшая вождем, пришла наконец к согласию с собой.

— Здесь хорошие люди, — сказала она Уруббу. — Племя «Грома» их единственная надежда. Мари многому учит — и многому учится. Мари была вождь среди звезд. Ее победили. Мари вождь снова. Теперь ее не победают. Здесь ждут великие дела. Мари не знает, не понимает, но здесь ее место. Мари нужна здесь.

И вот Уруббу, научив их всему, что знала сама, пожелала им удачи и отправилась в поход. Она пошла

не к истребителю, а прямо к святому престолу, до которого было всего сотня километров. В пути она размышляла, вернутся ли вожди на борт «Грома», если даже операция пройдет успешно. Нелегко было разглядеть в Манке Вурдаль революционера, тем более пророка, но истории свойственно приукрашивать своих героев. Сколько самовлюбленных психопатов, позаимствовав у других великие мечты, осуществили их?

Мария Сантьяго, потеряв свой корабль и экипаж, мучилась чувством вины и мечтала о новом корабле. Теперь она снова была капитаном, ответственным за новый и куда более многочисленный экипаж. У нее появилась надежда. Если им удастся разжечь тиски Главной Системы, на Матрайхе она сможет сотворить чудеса. Если нет, она по крайней мере останется такой, какая сейчас.

У Миди тоже появились новая команда и чувство долга, а возвращаться ей было некуда. Она была не такой мечтательной и более эгоистичной, но понимала, что большего, чем она имеет здесь, ей никогда не получить. Что же касается Сунн — если она вообще останется в живых, — лучше ей быть самозванной богиней здесь, чем нормальной, но одинокой женщиной там.

А Молчаливая просто вновь обрела то, чего когда-то ее лишили.

Уруббу с печалью подумала — многие ли останутся в живых к ее возвращению? И не свихнутся ли они все за это время?

А о том, что будет, если окажется, что «Гром» отправился за другим перстнем вместо того, чтобы помогать своим людям, она даже боялась подумать.

Повсюду, насколько хватало глаз, вздымалась стена величественных гор. Чтобы найти вход в долину, надо

было идти вдоль обмелевшего русла реки, и только подойдя вплотную к трехметровому водопаду, можно было увидеть высеченные в скале таинственные предостерегающие знаки. Грубые каменные ступени вели вверх, туда, где начинался водопад.

Только очень внимательный глаз мог заметить отлично замаскированные сторожевые посты, и то лишь когда случайный луч солнца касался отполированного металла или стекла объектива. Как и в святых местах, автоматика незаметно для человека опознавала каждого, кто поднимался по ступеням. Две металлические пластины реагировали на отпечатки ступней; по лестнице полагалось подниматься без промедления, беспрерывно вознося особые молитвы, которые служили паролями для невидимых датчиков. Любая задержка, не говоря уже об остановке, вызывала подозрения.

Долина, шириной примерно пять километров и длиной более двадцати, была распланирована со знанием дела. Поля и огороды, фруктовые сады и заросли орешника чередовались друг с другом. Питание местных жителей было целиком вегетарианским, но хорошо сбалансированным.

В дальнем конце долины, над руслом глубокой реки, возвышался Храм. Над входом был огромный барельеф в виде перевернутого креста. Он был настолько велик, что его было видно с верхней ступеньки лестницы. Приглядевшись, Урубу поразила тому, что Храм был высечен вручную. Сколько же времени — и сколько людей! — понадобилось, чтобы создать это чудо?

До Храма она брела почти целый день: ее то и дело останавливали юные жрицы, чтобы поцеловать руку и испросить благословения. Хуже всего, что ей нельзя было ни пить, ни есть: до момента доклада требовалось соблюдать строгий пост.

До цели она добралась уже в темноте. Вход в Храм зловеще мерцал, освещенный изнутри факелами.

Урубубу сбросила плащ и вошла в бассейн, куда стекал небольшой водопад. Вода была ледяной. Выйдя из бассейна, Урубубу подставила тело ветру и, слегка обсохнув, направилась к лестнице, ведущей непосредственно в Храм. Плащ она оставила на берегу.

Высеченный в сплошной скале Храм был огромен. Двухметровая статуя Великой Богини в главной пещере отнюдь не упиралась головой в резной потолок. Изваяние бесстрастно взидало на Урубубу и всех, кто был сейчас в Храме кроме нее. Ни на кого не глядя, Урубубу подошла к статуе и простерлась перед ней на холодном сыром полу, вознося соответствующие молитвы.

Создавая Урубубу, Клейбен стремился к тому, чтобы его сознание было способно пройти любой тест на ментопринтере и преодолеть любую ментопринтерную программу. Ему это удалось. Сейчас Урубубу, по сути дела, создала собственную программу, основанную на тех воспоминаниях Святой Матери, которые не содержали ничего необычного. Этот процесс был весьма сложен, но протекал автоматически, и Урубубу даже не имела представления, как это происходит. Сама она при этом оставалась пассивным наблюдателем, поскольку ее собственная память хранилась таким способом, что до нее не мог добраться никакой ментопринтер. Правда, в любой момент Урубубу могла перехватить управление.

Когда случилась та история с волшебным песком, Урубубу находилась в контакте с личностью Юраа и не успела его разорвать. С тех пор она стала осторожнее и не собиралась повторять этой ошибки.

Поднявшись, Урубубу прошла по длинному боковому тоннелю и доложила о себе дежурной — такой же жрице Второй ступени, как и сама.

На ней был плащ из тонкой материи с вытканым золотом изображением птицы на дереве и металличе-

кие украшения, указывающие на то, что жрица принадлежит непосредственно Храму.

— Святая Мать Франсина Ивонн, с докладом, — просто и уверенно сказала Урубу на священном языке храма — то есть по-французски.

— Вас ждут с нетерпением, — кивнула дежурная. — Изложите суть мне, а потом пройдите на подробный доклад.

— С такой ересью я еще не встречалась и рада, что сумела ответить на этот вызов.

— Значит, вы покончили с ней?

— В настоящее время операция завершается. Некоторых вождей придется заменить, другим следует напомнить об их священном долге. Все четыре племени, вовлеченные в ересь, нуждаются в продолжительном переобучении. Надеюсь, что сестры, которых я привела с собой, справятся с этой задачей. Я буду осведомляться об их успехах. По крайней мере мы сумели расколоть союз, и теперь племена заняты поисками охотничьих угодий. Они возвращаются на истинный путь, предписанный божественными повелениями.

Дежурная была вполне удовлетворена.

— Какова природа ереси?

— Двое вождей, чье честолюбие и разум превозмогли веру, сумели договориться между собой и объединить свои силы. Действуя заодно, они покорили другие племена и поставили во главе их своих единомышленников. В конечном счете они решили попытаться захватить Долину Размышлений и организовать там постоянное поселение.

— Да, тяжкое преступление. А что случилось с хранительницами истины, посланными прежде вас?

— Все они, вероятно, убиты, хотя мы никогда не узнаем этого наверняка. Но, двое, увы, разделили заблуждения еретиков. Никогда бы не подумала, что такое возможно. Вероятно, они были слишком молоды и неопытны.

— А как вам и вашим сопровождающим удалось остаться в живых?

Уруббу улыбнулась любезной улыбкой:

— С помощью вызова, разумеется. На глазах у всех я призвала на грешников гнев Великой Богини Солнца. Это немедленно наставило остальных на путь истинный. Правда, Великим Богам понадобилось несколько раз проявить свой гнев.

— Иногда это необходимо, — заметила дежурная, — хотя это наше последнее, крайнее средство. Но в вашем случае, вероятно, это был единственный способ. Ваши труды будут отмечены, Мать Франсина, но остается еще вопрос о влиянии демонов. Вы заметили какие-нибудь его проявления?

— Ничего явного. По крайней мере никто из вождей и старейшин, которых я расспрашивала при помощи волшебного порошка, не обнаружил запретного знания. Просто они нашли новый способ облегчить себе жизнь, а потом выстроили систему сложных самооправданий в рамках существующих представлений.

— Уверены ли вы, что положение возвратится к равновесию?

Уруббу пожала плечами:

— Почему бы и нет? Разумеется, первое время придется присматривать за ними, для пущей уверенности.

— Земные Богини весьма озабочены положением дел. Окончательное решение принадлежит им, — сказала дежурная.

— Кроме поголовного уничтожения этих племен, что еще можно сделать?

— Существует напиток, который называется напитком забвения. На вкус он сладкий, но потом вызывает сильнейшую боль. Он уничтожает личность и память, но не затрагивает простейшие навыки. Человек становится подобен младенцу, жаждущему, чтобы его научили истине. Напиток забвения используют

только в особых случаях, потому что нужно много людей, чтобы присматривать за перевоспитуемыми. Кроме того, его действие ограничено, это сложный процесс. И все же тревога настолько велика, что наверху поговаривали даже об этом. Надеюсь, все обойдется. — Она вздохнула. — Что ж, пройдите на подробный доклад.

«Подробный доклад» полагалось давать в резном деревянном кресле, снабженном привязными ремнями. К нему, словно лианы, тянулись странные жгуты. Под внешней примитивностью скрывался полностью укомплектованный ментопроектор. Уруб не сомневалась, что увидит что-нибудь в этом роде. Доклады столь высокопоставленных лиц полагалось подвергать тщательной проверке, хотя бы ради подробностей, упущенных в устном сообщении. До сих пор способности Уруб проверялись лишь в лаборатории, а сейчас ей впервые предстояло встретиться лицом к лицу с компьютерами Главной Системы.

Но, судя по всему, она справилась. Признаков тревоги не было видно. После процедуры ей дали выпить какой-то крепкий, сладкий напиток для подкрепления сил, сытно накормили и показали место, где она могла отдохнуть. Там даже был тонкий, жесткий матрац — после многих ночевок на твердой земле Уруб улеглась на него едва ли не с опаской.

На следующий день она впервые увидела жриц Первой ступени.

Их было семь. Несмотря на старость, они выглядели бодро, ум их был ясен, глаза смотрели внимательно. На них были белые одеяния из ткани, похожей на шелк, и головные уборы из серебра, украшенные крупными драгоценными камнями. Драгоценные камни сверкали на их перстнях, браслетах, ожерельях и серьгах. У той, что стояла в центре, украшения были золотыми, а на среднем пальце левой руки сиял огром-

ный золотой перстень с черным камнем. Целуя его, Урубубу едва не выдала себя.

Копия этого перстня была спрятана в ожерелье у нее на шее. Она могла бы без труда снять перстень, он был великоват для Земной Богини. Снять — да, только уйти с ним было бы невозможно.

Но интересно, что перстень сидит неплотно. «Человек, облеченный властью» на Матрайхе, явно надевал его только для редких церемоний.

— Мы проанализировали ваш подробный доклад, Мать Франсина, и нашли в нем источник большой радости, — проговорила старшая жрица. У нее был низкий голос, который казался одновременно мужским и женским. — Но мы не знаем, насколько глубоко укоренились эти заблуждения. Ничто так не отравляет душу, как ложные мысли. Такие идеи, как носилки, волокуши, возделывание растений, лук и стрелы, очень опасны, и их нелегко истребить. Их образы остаются в памяти и развращают умы. Мы говорим о... сколько их? О четырех сотнях людей, не считая детей, слишком юных, чтобы что-то запомнить. Мы одобряем проявленное вами искусство и отвагу, но смогут ли семь неопытных жриц, даже с помощью ваших советов, подавить столь сильную эресь? Говорите.

Настало время снова стать Урубубу.

— Рискую показаться излишне самонадеянной, Ваше Святейшество, но, услышав о напитке забвения, я нашла этот способ крайне расточительным и пригодным лишь для особых случаев. Мне кажется, стоит сначала попробовать более мягкий подход.

— Наши мнения разделились. Вы были там, а мы нет. И все же именно на нас лежит священный долг перед их душами и душами тех, кто еще не затронут злом. Имеем ли право мы не преподавать урок другим племенам, которых, возможно, уже коснулась ересь?

— Ваше Святейшество, безграничная мудрость ваша и ваше божественное совершенство в сравнении со мной, недостойной, есть то же самое, что слава Великой Богини, сияющей над миром, в сравнении с последним червем. Я не осмеливаюсь на большее, чем смиренно изложить обстоятельства и повиноваться вашим повелениям...

— Но?..

Урубил немного помедлила.

— Ваше Святейшество, если бы мне довелось решать, я бы предпочла для начала попробовать обойтись без крайних мер. Если зараза не искоренена, скоро это обнаружится, и тогда можно будет предпринять более решительные действия. Но, избежав их, мы сэкономим много невинных душ и избавим наш орден от необходимости жертвовать средствами и людьми.

— Любая зараза должна быть уничтожена немедленно и без всякой жалости! — отрезала одна из Земных Богинь. — Мы не вправе мириться со злом! Стоит сделать это однажды, и оно распространится по всему миру!

— Нет! — так же твердо возразила другая. — Она права. Такая операция заставит нас пустить в ход все резервы и все же не гарантирует успеха.

Старшая жрица подняла руку, и все смолкли.

— Мать Франсина, теперь вы посвящены в величайшую тайну. Как видите, мы не всегда единодушны в наших решениях. Я подозреваю, что жрицы вашей ступени догадывались об этом, как догадывалась и я сама, когда была Святой Матерью. Мы спрашивали Великую Богиню, но она не дала определенного ответа. Сейчас тяжелое время, нам и без того недостает людей, а дел очень много. Мы не можем позволить себе провести операцию, и в то же время не можем позволить себе не проводить ее. Мы...

Ощущение чьего-то присутствия обожгло Урубубу, словно солнечный свет. Не имея возможности непочтительно повернуться к жрицам спиной, она по их взглядам поняла, что явился некто, наделенный еще большей властью.

— Обернись и взгляни на меня, Мать Франсина, — приказал приятный и мелодичный женский голос, исполненный такой уверенности и силы, что Урубубу повиновалась мгновенно.

Она обернулась, подняла склоненную голову и замерла.

Она была предельно женственна, и вместе с тем от нее исходило могущество, недоступное никакому вождю. Безупречное нагое тело, не нуждающееся в украшениях, не отмеченное обычными татуировками... Она не была жрицей — ее волосы, наверное, никогда не знавшие ножниц, ниспадали почти до самой земли. Они были не темными, а золотыми — золотыми, как золото перстня. У нее была высокая упругая грудь и невообразимо чувственные линии тела. Пухлые губы и большие темные глаза, смотревшие в самую душу, завершали ее облик.

И кроме того, она сияла. Она излучала мягкий свет, озаряющий все вокруг. Такое существо не могло быть рождено человеком из плоти и крови. Слишком ошеломляющим было ее совершенство, слишком торжественным — ее великолепие. Это была подлинная богиня. Сияние, исходящее от Дочери-Земли, несло в себе скрытый приказ. Невозможно было отвести от нее глаз и в то же время хотелось пасть перед ней ниц. Глазам было больно смотреть на нее, такова была ее красота.

— Святая Мать кажется мне в большей степени одаренной, чем любая из вас, способностью принимать трудные решения, и в то же время ей присуще чувство реальности, — укоризненно сказала Дочь-

Земля. — Святая Мать, я дарую вам все, что потребуется для завершения вашей миссии. Просите, и вам будет дано. Уничтожьте зло так, как вы и собирались. Очистите их души во имя мое, и я возвышу вас. Моя мать дала мне могущество.

И она исчезла. Ее уход воспринимался как безвозвратная потеря. Даже Уруббу вынуждена была признать, что в этом есть что-то сверхъестественное.

Она с трудом поднялась с колен и повернулась к семи жрицам. Те, без сомнения, были несказанно рады, что удалось свалить ответственность на другого.

— Что вам понадобится? — спросила старшая жрица.

— Пока я не вернусь и не посмотрю, как идут дела, точно сказать невозможно, — ответила Уруббу. У нее пересохло в горле, и голос дрожал. — Но в первую очередь мне понадобится время.

— Вы его получите, а также все, чего пожелаете. Мы уверены, что вы добьетесь успеха. Тот, кто лицезрел истинную богиню и слышал Ее повеление, не может ослушаться. — В глазах жрицы пылал фанатичный огонь. Да и какой верующий не станет фанатиком, если его богиня будет вести с ним беседы? Уруббу знала, что глаза Матери Франсины полны того же обожания и почитания. — Когда вы намерены отправиться в путь?

— Как можно скорее, Ваше Святейшество, — твердо ответила Уруббу.

— Богиня вошла в вас и останется с вами навсегда, — сказала старшая жрица. — Немногие удостоились такой чести. Итак, теперь для вас нет никаких тайн. Если вы преуспеете, то возвыситесь, как вам и было обещано. Идем.

Ей выдали новые плащ и посох, гораздо лучше прежних, и повели по бесконечным переходам и лестницам, о которых знали немногие. Уруббу казалось, что они спускаются к самому сердцу Матери-Земли.

Наконец они остановились. Вокруг была темнота, но откуда-то веял ветер, чувствовалось открытое пространство. Старшая жрица, которая, черт ее побери, ни на минуту не расставалась с остальными, хлопнула в ладоши, и вспыхнул свет. В первое мгновение он показался ослепительным, словно сияние Дочери-Земли, но это был обычный свет, хотя осветил он нечто совершенно неожиданное.

Свет был электрический. Лампы озарили чистую и гладкую платформу, как две капли воды похожую на перрон подземной железной дороги.

10. ПЕРЕСТРОЙКА МЫШЛЕНИЯ

А мы уже считали вас мертвыми! — воскликнул Козодой, услышав в динамике голос Урубу. — Черт побери, да что там случилось? Вас так долго не было, что мы уже начали подготовку к операции на Чанчуке!

— Пока еще много неясностей, но я наткнулась на то, что на Матрайхе никак не ожидала увидеть. Я прибыла сюда прямо из Центра, и всего за два часа. Можешь поверить? После всего, что было... паршивые два часа!

— Что?... Как?..

— М-м-м... Поверишь ли ты, если я скажу, что приехала на поезде?

На мгновение Козодой потерял дар речи.

— Ты приехала... на чем?

— На поезде. Впечатляющая штукавина. Скоростная дорога, магнитная, наверное. Вагоны, правда, тесноватые, но, как положено, оборудованы сцепкой. Козодой, похоже, мы крупно ошиблись насчет этого мира. По-моему, здесь нет никакой давности эксперимента. И я сомневаюсь, что это модель будущего порядка. Козодой, ты ведь историк? Будь это относительно новый проект, разве не попались бы нам остатки прошлой роскоши? Развалины, заросшие дороги, статуи, да мало ли чего... На Земле этого полно и через тысячу лет.

— А там ничего? Ты уверена?

— Еще бы! И если ты поразмыслишь, то поймешь, что так и должно быть. Здесь сильнейшая вулканическая активность. Туннели подземки усилены плитами, которые используются в межзвездных двигателях, и то их приходится постоянно укреплять. И кто бы стал завозить сюда лавовых змей и прочих опасных тварей, так хорошо приспособленных к этой планете? А если бы здесь когда-то существовала цивилизация, их бы попросту истребили. Храм — это и есть Центр, а главная жрица — верховный администратор. И с самого начала все так и было. Этому порядку лет восемьсот — девятьсот. А главное — биология. Главной Системе, конечно, могло прийти в голову трансмутировать население, но не до такой же степени. Само устройство их тел не оставляет сомнений, что любая цивилизация здесь крайне маловероятна.

— А эти... поезда?

— Просто подручные средства. Пока я не увидела станцию — а только те, кто встречался с богиней лично и получил ее благословение, знают о ней, — я ничего не понимала. Как они контролируют такие обширные территории? Как успевают устранять все нововведения? Как снабжают бесчисленных хранительниц истины, бродящих по глухим местам? Когда я впервые попала в святое место, то сразу сообразила, что там есть компьютер с источником питания и нечто вроде упрощенного ментопринтера, но здесь нет никаких признаков информационной сети. Поезда снабжают святилища, забирают записи и доставляют новые программы. Подземка получает энергию от термальных батарей, упрятанных глубоко под землей. То же самое и святилища. При желании жрицы могут покрыть такой сетью огромную территорию и доставлять инспекторов куда угодно.

В разговор вмешался Звездный Орел:

— Значит, эти святые места — просто станции подземки?

— Именно так. Но дайте мне рассказать обо всем по порядку. Мне очень нужна помощь, а время поджидает. Мы можем потерять остальных людей и понести еще более серьезные потери.

Быстро, но по возможности подробно Уруббу рассказала обо всем, что произошло с момента их высадки.

— Значит, ты целовала перстень, — вздохнул Козодой. — Как жаль, что ни в одном из твоих воплощений тебе не попался карманник. Ну ладно. Итак, после продолжительного безделья мы вынуждены перейти к активным действиям, а времени у нас мало. Звездный Орел?

— Мне нужна дополнительная информация, — отозвался пилот. — Уруббу, придется тебе вернуться на борт.

Почти все на борту «Грома» просмотрели ментокопию, снятую с Уруббу, в надежде выдвинуть собственный план или хотя бы понять смысл происходящего.

— Эти разговоры о напитке забвения мне очень не нравятся, — высказался Ворон. — Во время тренировок я слышал о таком зелье. Десять к одному, что это та самая пакость, которую в Центрах дают тем, кто завалялся на ментопринтерной проверке или сунет нос, куда не следует. Эта штука выжигает всю память, а потом им впечатывают простенькую программу насчет того, как жить по старинке, и отправляют домой доживать свой век. А теперь, похоже, этим дерьмом Главная Система собирается пичкать целые народы.

— Меня больше заботит Дочь-Земля, — сказал Козодой. — Кто-нибудь представляет себе, чем она может быть?

— Видение очень четкое, — ответил Звездный Орел. — Это не голограмма и не иллюзия. При детальном рассмотрении видны правильные тени, легкое дыхание, влажные губы, словом, все указывает

на то, что это реальное и живое существо. Излучение легко имитировать, но, по-моему, она действительно светится. То, что сияние воздействует на подсознание, свидетельствует об использовании маломощного гипномета, но оно исходит непосредственно от нее. Другими словами, если это действительно гипномет, то он у нее внутри.

— И это возможно? — быстро спросил Козодой.

— Для человека — нет, даже для человека с Матрайха. Одни силовые цепи уже повредили бы живую ткань. Если предположить, что она действительно светится и что внутри у нее гипномет, то она не совсем человек. И тем не менее, как я уже сказал, весь ее внешний вид говорит в пользу того, что она человек.

Ворон вздохнул:

— Мне вот как раз вспомнился Нейджи...

Козодой вздрогнул.

— Да? А он тут при чем?

— Было в нем что-то такое... что-то неправильное. Всего один раз я видел его испуганным, и это случилось тогда, когда он решил, что мы можем выбросить его мертвое тело за борт, когда поблизости суетится Вал. Манка тогда еще говорила, что он просто свихнулся. А потом маленький всплеск энергии, почти такой же, как тот, что мы записали, когда разогналс я и ушел от нас маленький модуль из разбитого Вала. Что, если... что, если Нейджи вообще был не человеком, а чем-то лишь трансмутированным в человеческий облик? Тогда понятно, чего он боялся: Вал мог бы это обнаружить, если бы получил его тело или просто бы просканировал его на расстоянии.

— У меня есть медицинские записи и ментоконии, — заметил Звездный Орел. — Ничего необычного.

— Да, как и в записях Урубуба. Если бы я своими глазами не видел, что он вытворяет, я никогда не поверил бы, что такое создание вообще может существовать... прошу прощения.

— Ничего. Я и в самом деле создание, — спокойно заметила Уруббу.

Мысль, которую Ворон до сих пор держал при себе, поразила Клейбена.

— Так вы хотите сказать, что Арнольд Нейджи тоже был чьим-то созданием? Как Уруббу?

— Вот-вот. Не совсем как Уруббу, но назначение то же самое: обмануть любого, будь то человек или компьютер. Прятаться. Послушайте, я знаю, что это звучит нелепо, но Уруббу тоже была там и может подтвердить. В последние минуты Нейджи говорил о последней цене, которую придется заплатить за использование трансмьютера... Его тон... Такое чувство утраты, такая тоска...

Уруббу кивнула:

— Да, да! Именно так. Раньше я об этом не думала, но, пожалуй, ты прав.

— Позвольте спросить вас, док, сумели бы вы превратить меня в лошадь? Я имею в виду настоящую, живую лошадь, но с моим разумом и памятью?

Клейбен задумался.

— Вероятно, возникнут некоторые сложности с хранением памяти, но их можно решить, применив тот же способ, который был использован для Уруббу. Да, это реально. И что?

— А как насчет Вала, док? Предположим, у вас есть шаблон. Смогли бы вы превратить меня в живую машину?

— Да, при условии, что у меня действительно был бы шаблон. Трудности были бы прямо противоположны случаю с лошадью: хранение памяти не представляло бы проблемы, но вы в буквальном смысле слова утратили бы человеческий облик. Ваша биохимия была бы замещена программами, которые не могут быть такими же сложными и гибкими, как у живого существа. Тем не менее реально и это. Но к чему вы клоните?

— Представьте себе, что мы взяли Вала и попытались сделать из него человека. Не совсем человека, но очень хорошую имитацию? Чтобы у него шла кровь, чтобы он храпел во сне, любил пропустить по стопочке и курить сигары, отпускал бы сальные шуточки... Но в то же время мог бы так манипулировать данными сканирования, чтобы даже ментопринтер поверил, что он человек.

— Это... возможно. Но не с нашим оборудованием. Понадобился бы невероятно сложный компьютер с огромной памятью. И скорее всего очень продолжительные исследования и эксперименты. Но в принципе это можно сделать. Однако цена будет высока. Как вы сами сказали, это будет лишь очень хорошая имитация. Такое создание было бы наполовину человеком, с присущими ему биохимическими реакциями и эмоциями, а наполовину машиной, с искусственным скелетом, источниками питания, программами... Это невероятно сложная задача, а в результате получилось бы существо, обладающее всеми человеческими слабостями и лишенное преимуществ машины. Зачем это нужно?

Ворон откинулся в кресле и пожевал сигару.

— Затем, чтобы подменить настоящего человека. Чтобы продвинуть вашу машину на ключевой пост, где ее никто не заподозрит. Идеальный шпион, док. Я видел Нейджи в деле. Он сражался с Валом один на один и победил. Он думал так же быстро, как Вал, но превосшел его в хитрости. И эти его языки. Он знал, наверное, все языки на свете и даже все эти чертовы диалекты, но все время разыгрывал из себя простецкого парня, великого охотника до пива и сигар.

— Но... он же мог и с женщинами. Ему это даже нравилось, — сказала Хань. — И у него неплохо получалось, хотя, — добавила она, — от него у меня не было ребенка.

— Вы же сами говорили, док: возьмите машину побольше, напишите программу посложнее, и ваше создание будет всем, чем угодно. Ну, почти всем. С Хань у него ничего не вышло. Почему? Потому что он не был человеком. Теперь возьмем нашу богиню. То же самое. Она человек, но она не может быть человеком. И что еще важнее, она отдает приказы, но не носит перстня. Только настоящий человек имеет право владеть им. Естественно, при этом в нее можно впихнуть что угодно, в том числе и гипномет.

— Погоди-ка, — прервал его Козодой. — Все это замечательно, но, если какой-то гуманоидный Вал может властвовать над целой планетой, это нарушает требования главной программы. Тогда и Центры ни к чему. Только программа требует, что все текущие вопросы на планетах должны решать люди.

Но Клейбен уже был захвачен новой идеей.

— Это вовсе не обязательно. То есть так было бы, если бы она действительно правила, но она не правит. Ее видят редко и только немногие. Она не участвовала в обсуждении конкретной операции, но когда люди, наделенные властью, вынуждены взвешивать альтернативы и не могут принять решения, они идут к машинам, к компьютерам, и спрашивают совета у них. Вот жрицы и вынесли вопрос на рассмотрение Великой Богини. Здесь, на «Громе», мы делаем это постоянно. Всякий раз, когда возникает сложный вопрос, мы полагаемся на банки данных, быстрое действие и аналитические способности Звездного Орла. Насчет Нейджи я, как вы понимаете, поверить не могу, но относительно Дочери-Земли Ворон, возможно, прав.

Козодой вздохнул:

— Итак, мы имеем дело с могущественным и необычным Валом, чья верность Системе, безусловно, не вызывает сомнений. Уруббу внедрилась в организацию, и положение ее благоприятно. И возможно, достаточно благоприятно, чтобы подменить перстни.

— Только если я замету все следы творчества и прогресса, — отозвалась Урубу. — Давайте смотреть действительности в лицо. Даже если мы еще не опоздали, рано или поздно наше прикрытие рухнет. Появятся противоречивые данные, игра, которую играют наши люди, будет разгадана, и тут-то всему и конец. Если я не выполню требований Дочери-Земли и сторонников твердой линии, то и близко не смогу подобраться к перстню. А выполнив их, я лишу разума и будущего четыре сотни человек, не говоря уже о пяти членах нашей команды, которых я сама уговорила отправиться на планету.

— Тогда единственным логическим решением, — сказала Хань, — будет сделать и то, и другое.

Все повернулись к ней и застыли в ожидании. Она, казалось, почувствовала это.

— Мне кажется, мы становимся чересчур консервативны. Сначала мы боялись столкнуться с натренированной и полностью экипированной дивизией МСС, но теперь мы знаем, что они лишь туземки и хотя превосходят нас технически, но лишены опыта, которого не заменит никакая ментопринтерная программа. Мы вооружили оперативную группу камнями и палками, считая, что и противник вооружен так же. Но там эта... богиня, поезда, компьютеры, ментопринтеры и все такое. Так давайте тоже используем технологию. На этой стадии нам особенно нечего терять, и мы очень близко к цели. У нас есть психогенетическое оборудование, ментопринтеры, биохимические средства, а теперь еще появился и доступ к Центру. Урубу, ты говорила, что поезда обслуживают святые места? И что каждая жрица, оказавшаяся поблизости, должна туда заходить?

— Да, это так.

— Тогда в первую очередь нам нужны наши собственные хранилища истины, и как можно скорее...

— Минуточку! — прервал ее Ворон. — Вспомни, у эмэсэсовцев есть самоликвидаторы на случай, если с ними попытаются проделать что-то в этом роде.

— Конечно, конечно, но это же не МСС. Их прабабушки, может быть, — но не они сами. Как ты думаешь, какие ментокпии получает Третья ступень? Язык храма, информация по техническим видам оружия, система связи и ничего больше, готова поспорить. Они матрайхианки, а не прирожденные командос! Вот в чем наша ошибка. Им можно дать инструкции по производству ионного двигателя, но они никогда не поймут, что это такое. Я предлагаю начать сначала. Поймаем парочку и посмотрим. Если я права, будем штамповать собственных хранительниц.

Она оказалась права. Первых двух Урубу, используя запрещенный прежде лазерный пистолет, взяла в плен относительно легко. Подстерегая их, она попутно с помощью соответствующих приборов разобралась в том, что такое святое место и как оно действует. Ответ оказался несложным — стандартные блоки памяти и компьютер, запрограммированный на простую последовательность. Он был довольно примитивен и ограничен в возможностях, зато надежен, что, учитывая местный климат и уровень вулканической деятельности, было немаловажно. Видимо, по тем же причинам Главная Система отказалась от линий связи в туннелях подземной дороги. Силовые поля, необходимые для укрепления сводов, наводили сильнейшие помехи, а спутниковая связь требовала постоянного обслуживания. Вынужденная выбирать между связью и транспортом, Главная Система предпочла транспорт.

— Хранительниц истины делают с помощью трансмьютера, — доложил Звездный Орел. — В храме установлено довольно современное оборудование, замаскированное под всякие алтари. Перепрограммировать их во время очередного ментопринтерного теста нетрудно. Они будут верны нам, но не более того. Даже

по меркам Главной Системы они ужасающе суеверны и крайне невежественны. Зато, Урубу, если ты скажешь им, что трава черная, а женщины — черепахи, они и в это уверуют.

— Для начала неплохо, но нам требуется нечто большее, — сказал Козодой. — Нам нужны те, кто собирает эти модули.

— Только не в Храме, — ответила Урубу. — Там довольно плотное расписание работ, и их тут же хватятся. Несколько часов еще куда ни шло — в туннелях часты неполадки с питанием, — но поймать их, притащить сюда, перепрограммировать и вернуть — на это уйдет по меньшей мере двое суток.

— Ладно, придется соорудить что-нибудь переносное. В любом случае мы собирались это сделать для других хранилищ.

— Программы Третьей ступени для них не годятся! — возразила Урубу. — Они должны быть намного сложнее.

— Тогда усыпи одну, сними с нее ментокопию и позаботься о том, чтобы, когда очнется, она подумала, что упала и ударилась головой. Или придумай что-то другое. У тебя ведь есть способности. Доставь мне хотя бы одну, и я что-нибудь соображу. Программу общего типа, не очень совершенную, но достаточно полезную.

Через семь дней, когда у них набралось уже пять хранилищ истины и появилась первая программа, Урубу решила, что больше медлить с племенами нельзя. Возможно, они уже откочевали, и понадобится время, чтобы выследить их. Ее хранилищницы нужны были ей на месте. С остальными можно подождать.

Ближайшее к последней стоянке племен святилище находилось километрах в сорока к юго-юго-западу. Два или три дня Урубу и ее покорная и преданная свита расспрашивали местных жителей о передвижениях племен. Четыре группы разделились и разошлись намного дальше друг от друга, чем полагалось по плану.

Урубун направилась к ближайшему племени, раздумывая, что бы это могло значить. Неужели компьютер в Великом Храме все-таки что-то заподозрил? Если так, значит, им очень и очень не повезло.

Племя приветствовало их как обычно, без подозрительности или враждебности. Это был нехороший признак. Люди выглядели усталыми, племя явно переживало трудное время. Урубун заметила несколько женщин из племени Мари, но жриц приветствовали от имени Тура-племени. Еще один дурной знак. Она остановила одну из знакомых женщин и спросила:

— Это было Мари-племя. Где Мари? Умерла?

Женщина покачала головой, и Урубун почувствовала облегчение.

— Нет. Потеряла честь. Тура сказала, это за плохие вещи, которые говорила Мари. Тура ведет племя на старый путь. Теперь Мари — вождь детей.

Радуюсь, что Мари оказалась жива, Урубун понимала, каково ей приходится. Утратить мужское естество считалось величайшим позором. Эти люди ничего не имели, и честь для них означала все. Теперь Мари не могла быть даже воином. По сути дела, она стала рабыней, причем не только вождя, но и всего племени.

Поздним вечером, отдав долг вежливости вождю и хранительнице огня и обсудив последние новости, Урубун отыскала Мари. Вид у нее был жалкий, но она была рада и тому, что может хотя бы играть с детьми, тем более что один из мальчиков был ее собственным. Все ее татуировки и знаки отличия были закрашены темно-коричневой краской, почти не отличавшейся от естественного цвета кожи. У нее не было ни копья, ни пояса; ни украшений. Утратив честь, она утратила все.

Но прежняя Мария все еще жила. Она взглянула на Святую Мать с надеждой и страхом, а та низко нагнулась к коленопреклоненной Мари и прошептала:

— Урубун вернулась.

Мари всхлипнула и стиснула ей руки так, что едва не раздавила. Когда она успокоилась, Уруббу спросила:

— Что случилось? Как это было?

— Пришло слово. Гонец от Дакуминифар-племени. Появилась хранительница истины. Плохое дело, плохие снадобья. — «Опередили!» — мелькнуло в голове у Уруббу. — Сунни странная, как демон. Святая Мать знает. Хуже племени не найти. Хранительница видела ересь, молчала. Неглупая. Притворилась. Не убила Сунни сразу. Она смешала снадобье. Сказала Сунни, тело будет как камень, копьё не ранит. Сунни без ума, выпила. Кричала ночью. Утром Сунни не вождь, не безумная. Глупая, как ребенок. Ничего не помнит, даже имя племени. Ничего. Не узнает свое лицо в воде. Большое сражение, кто новый вождь. Кто-то ушел. Пошел к Маке, пошел к Миди, пошел к Мари. Все сказал. Мари не ждала. Помнила, Святая Мать учила — снадобье для вождя, вождя нет. Хранительница огня сделала снадобье вождей. Положила в еду Туре. Тура не любила новый путь. Хранительница пришла, видела племя, понравилось. Ничего не делала. Ушла.

Уруббу кивнула:

— Тебе, наверное, сейчас нелегко. Но лучше уж это, чем как Сунни... Черт побери! — Единственной альтернативой для Мари оставалось бегство, но это тоже означало потерять честь, переродиться и к тому же попасть в новое племя, если бы она вообще дожила до этого. Она правильно сделала, что решила остаться и дожидаться Уруббу.

— Я никогда всерьез не надеялась на Сунни, — сказала Уруббу скорее себе, чем Мари. — Но они же обещали мне время! Здесь пахнет дворцовым переворотом. Кому-то из совета, видать, не понравилось, что верховный администратор не может самостоятельно принять трудное решение и полагается на Дочь-Землю. Она огляделась.

— Те хранительницы истины, что пришли со мной, мои люди. Обработаны на ментопринтере. Они такие же невежественные, как и остальные, но они подчиняются мне, и ты можешь им доверять. Не спрашивай, как я это провернула, но теперь мы можем все переиначить. Что слышно о Маке и Миди?

— Миди сделала, как Мари. То же самое, но не так плохо. Она новый вождь. Ублажила хранительницу, но послала гонцов к Тура. Тура вырезала языки, послала обратно. Больше нет гонцов.

Уруббу кивнула:

— Что ж, Она быстро учится, это хорошо. Мака? — Она не могла себе представить Манку Вурдаль в роли рабыни и няньки.

— Пришло слово. Мака бежала с Эуно. Еще два, три. Другие сражались, теперь Маба вождь. Не так хорошо, как Она, не так плохо, как Тура. Любит новый путь, помнит Суни. Хранительница водит Суни с собой. Показывает предупреждение. — Мари содрогнулась. — Страшное предупреждение!

— Еще бы. Могу представить. А как это племя? Похоже, оно совсем вернулось на прежний путь.

Мари кивнула:

— Строгий порядок. Нравится мало. Много ропшут. Снова тяжелая жизнь. Но племя повинуются. Тура вождь. Многие еще не взяты, но повинуются. Другого вождя нет. Тура берет Мари. Каждый день, до сих пор...

Это было понятно. Тура, силой возвращавшая племя на прежний путь, ежедневно подтверждала свои намерения, прилюдно — и, должно быть, насильно — овладевая прежним вождем. Неудивительно, что Мари так измотана и так плохо выглядит.

— С Турой мы разберемся, если понадобится. Сейчас я должна увидеться с Миди, как-нибудь отыскать Вурдаль и Молчаливую. Не унывай. Как

только мы кое-что устроим, настанет время кинуть камушек в это болото.

Мари взглянула на нее с радостью и с испугом.

— Ребенок Мари...

— Возьмем с собой, не беспокойся. Но наши дела порядком осложняются. Похоже, ради пары камушков мне придется взорвать к чертям этот паршивый святой престол и схлестнуться со всем галактическим флотом!

Забрать Мари оказалось нетрудно, но, чтобы ей разрешили взять и ребенка, понадобились продолжительные уговоры. Тем не менее тот, кто намерен вернуться на прежний путь, обязан повиноваться хранительницам истины. Освободить Миди и ее ребенка было еще легче. Вслух ничего не было сказано, но у Мари и Урубу осталось впечатление, что Оона знала, кто такая Урубу, и понимала, что ситуация вновь переменялась. Теперь вопрос заключался в том, как использовать бывших вождей. Основное коварство Матрайха было в том, что его культура практически вся обуславливалась физиологией. Матрайхианка, утратившая честь, теряла больше, чем просто способность производить мужские гормоны. Она становилась покорной и жаждала подчинения. Вождь либо умирал вождем, либо доживал остаток жизни в позоре. То, что Мари и Миди родились не на Матрайхе, почти не имело значения.

Портативный ментопринтер существенно облегчил им общение. К счастью, интеллект они не утратили. Звездный Орел предвидел возможные осложнения и на всякий случай снабдил Урубу картриджем для снятия лингвистического фильтра. Впрочем, это не очень помогло. Они стали образованными и трезвомыслящими, но тем не менее остались матрайхианками низшего разряда. Они попросту не в силах были сражаться, даже ради самозащиты, но могли нести припасы и не жаловались на тяжесть. Самое ужасное, что они не могли

заставить себя начать есть, пока не поела Урубу. Она уговаривала их снова и снова, но безрезультатно.

— Послушай, неужели ты думаешь, что мы делаем это специально? — сказала Мария почти умоляющим тоном. — Не мучай нас больше. Это словно увечье. Хочешь идти, но мышцы не повинуются. Это даже не страх. Я не боюсь умереть, да и Миди тоже, но, если бы мы остались здесь одни, мы бы умерли и погубили бы наших детей. Даже будь у меня копье, я бы не смогла защищаться. Я просто не в состоянии заставить себя, понимаешь?

— Это унижительно, — согласилась Миди. — Ты словно одурманена, и у тебя нет ни малейшей уверенности в себе. Невозможно планировать, трудно даже как следует думать. Ужаснее всего, что не можешь ни на что решиться. Все, что раньше было ясным, теперь как в тумане. Я знаю, это звучит нелепо, но так оно и есть. Тот, кто теряет честь, теряет способность решать и главенствовать. Остается только подчиняться. — Она вздохнула. — Знать бы заранее... Может быть, я бы попробовала бежать, как Вурдаль, или покончила бы с собой. Я видела людей, утративших честь, но никогда не думала, что это так меняет человека. Я считала это просто обычаем.

Мари вздохнула:

— Быть может, лучше бы тебе было оставить нас в племени. По крайней мере мы бы тебя не обременяли.

— Хватит! — резко оборвала ее Урубу. — Мы кое в чем ошиблись и с самого начала играли на руку Главной Системе. Но когда мы подробно изучим генетический код, то, возможно, сумеем подстроить вашу психологию. А пока делайте, что можете. Таскайте поклажу, развлекайте меня разговорами и рассказывайте, что тут к чему — этого более чем достаточно. Больше всего меня заботит Вурдаль и ее группа. Она ведь утратила честь, сбежав из племени, но не могу представить себе, чтобы Вурдаль предпочла такое положение

самоубийству. Надеюсь, что сила разума в состоянии преодолеть биохимию.

— Я об этом не думала, — ответила Мария. — Но, если сама Вурдаль или ее спутницы осознают, что она утратила честь, ей никуда не деться. И она не покончит с собой. Для этого требуется твердая воля. Я, например, не смогла бы уйти с тобой, если бы не приказал вождь.

Миди кивнула:

— Я тоже думаю о Вурдаль. Она может создать новое племя, ведь их немногим меньше, чем нас, когда мы начинали. Интересно, кто у них станет вождем.

— Одно мне ясно, — сказала Урубу. — Наши люди разбредаются по планете, и, возможно, мы их уже не найдем. Ладно, будем расспрашивать все встречные племена. Если узнаем что-то, это уже хорошо. Если нет, придется продолжать без них. Теперь мне нужно больше людей, и я должна иметь полное представление о том, с чем мы имеем дело. Вы просто следуйте за мной, а при посторонних помалкивайте и смотрите на меня.

Раньше она надеялась, что, объединив племена, быстро добьется успеха, но теперь эта возможность отпала. «Девочки» Урубу — хранительницы истины, обработанные ментопринтером, — могли что-то делать, хотя и не понимая, что и зачем, но ей требовалось нечто большее. Она тоже не могла ничем помочь — как объяснить женщине, родившейся на Матрайхе, что Урубу собирается устранить богиню и перепрограммировать всю местную теократию.

День за днем Урубу и двое ее носильщиков выискивали племена и собирали информацию. Попутно, используя инъекторы и маломощный станнер, Урубу усыпила и перепрограммировала двух хранительниц. Потом, на станции подземной дороги, ей встретилась жрица Второй ступени, посланная проследить за порядком в святом месте. Урубу перепрограммировала ее,

и та осталась в полной уверенности, что поскользнулась на мокром полу, упала и потеряла сознание. Это была уже небольшая победа.

— Мы бродим и бродим, и все без толку, — однажды сказала Уруббу своим спутницам. — Я думаю, вам лучше отправиться на «Гром», будет спокойнее за детей, и кроме того, Хань с Клейбеном разберутся в том, как протекают биохимические процессы. Возможно, они найдут какой-нибудь выход.

— Да, — откликнулись Мари и Миди. — Как прикажешь.

«Гром» согласился с величайшей охотой.

— А чем же займешься ты? — спросил Козодой.

Уруббу вздохнула:

— Похоже, пришла пора мне сделаться жрицей-напосылках. В недоброе старое время, на Мельхиоре, мне довелось поглотить пару неплохих компьютерщиков. Надо же, черт побери, составить представление о том, с чем мы имеем дело.

Когда через несколько недель Уруббу снова вышла на связь, исследования на борту «Грома» продвинулись довольно далеко.

— Сдвиги в сознании Сантьяго и Энджи обусловлены биохимически, — сообщила Хань. — По существу, они утратили способность производить некоторые химические агенты и гормоны. Пока мы восполняем им недостаток гормонов искусственно, но беда в том, что человек слишком легко ко всему приспосабливается. Мы можем жить хоть на плавучей льдине в Арктике, хоть в экваториальных джунглях. Чем дольше они остаются в подчиненном состоянии, тем сильнее их мышление настраивается именно на этот тип поведения. Сейчас они обе беременны, и, чтобы не рисковать будущими детьми, мы вынуждены ограничиться стабилизацией положения. Потом... ну, возможно, с помощью ментопринтерной терапии и ежедневных инъекций нам удастся вернуть им прежние

личности. Не могу удержаться от мысли, что, не будь я слепа, Матрайх был бы для меня идеальным миром. Похоже, здесь каждая женщина постоянно беременна.

— По большей части, — согласилась Урубу, — но помни, что только один из десяти новорожденных доживает до зрелости. Если они сумеют разорвать этот порочный круг и создать цивилизацию, им еще придется столкнуться с демографическим взрывом. Кстати, не могу понять, каким образом они удерживают южный континент на таком же примитивном уровне. Там ведь нет никаких храмов.

— Мы над этим думали. Похоже, там дело обстоит совсем плохо. Практически никто не доживает до двадцати лет, и, видимо, они даже не знают огня. Клейбен говорит, что они скорее похожи на сообразительных обезьян, и сомнительно, чтобы у них сохранилось хоть подобие языка. Возможно, что там основательно преступили границы дозволенного, и весь континент получил изрядную дозу напитка забвения. Некоторые плоды, распространенные только на юге, вырабатывают это снадобье естественным путем. Не исключено, что они были выведены специально. Мы пока не уверены, но, судя по всему, эксперимент проводится как раз на юге. Из-за геологических условий там невозможно создать такую же систему транспорта и связи, как на севере. При этом на юге гораздо меньше дичи. Ну, хватит об этом. У тебя новости?

— Есть кое-что. Стандартные модули сбора данных периодически изымаются из святилища и доставляются в пещеру под изваянием Великой Богини. Она явно искусственного происхождения, и одна стена сплошь состоит из гнезд. Полагается с подобающими церемониями вставить блоки в гнезда, дожидаться, пока их цвет сменится с синего на красный, потом вынуть и отвезти обратно. Внизу проходит линия подземки, поэтому я уверена, что компьютер не очень большой. Скорее всего модифицированный командный модуль

с межзвездного корабля. Он примерно того же размера, что и на «Громе», но я сильно подозреваю, что это скорее передающая станция, чем центр управления, как на Джанипуре. Он собирает исходные данные, сортирует их, устанавливает взаимосвязи и посылает куда-то за пределы этой звездной системы, а потом получает оттуда приказы. Он связан только с устройством чтения модулей, ментопринтером и, конечно, с изваянием Великой Богини. Когда она отдает повеления, он заставляет ее немного двигаться. Довольно впечатляющее зрелище.

— Так мы и думали, — отозвалась Хань. — Коды, используемые этим устройством, новые, но частоты и способы связи старые, чтобы не сказать — древние. Звездный Орел пришел к выводу, что это не новейшее поселение, а одна из самых первых колоний, еще тех времен, когда Главная Система экспериментировала цовсю. Может быть, даже самая первая, прообраз идеи Центров, которая позже была усовершенствована. Значит, Главная Система оставила здесь все, как было, и поместила сюда перстень, потому что рассчитывала, что украсть его будет почти невозможно. Ладно. Итак, главный компьютер Матрайха знает только то, что ему говорят, а сам не ведет прямых наблюдений и измерений. Это простое устройство, предназначенное для выполнения простых функций. Теперь понятно, зачем нужна эта Дочь-Земля. Ее добавили уже потом и, наверное, гораздо позже — после того как южный континент отбился от рук. Она не руководит храмом, она всего лишь охраняет компьютер!

— Точь-в-точь моя мысль. Если бы она правила сама, то была бы гораздо заметнее. Одно лишь ее появление могло бы вдохновить войска и вселить в жриц фанатическую преданность. Но это не ее дело. Всем управляет совет.

— Да. И заметь — тот, кто послал хранительниц истины покарать наши племена, сделал это в наруше-

ние прямого приказа Дочери-Земли сначала предоставить разобраться тебе.

— У них там раскол, — согласилась Урубун. — Среди жриц Второй ступени до сих пор ходят разные слухи. Старшая жрица пока еще остается на своем посту, но в совете произошли большие пертурбации, и равновесие сил поколебалось. Две жрицы Второй ступени возведены в божественный сан, а двое из совета достигли абсолютного совершенства и были призваны Великой Богиней. Надеюсь, ты понимаешь, что произошло на самом деле.

— Конечно. Что еще?

— У меня есть несколько соображений насчет внутреннего устройства храма. Он большой, но не настолько, как кажется на первый взгляд. Я сначала не заметила, какой там застоявшийся воздух. Пламя факелов поднимается прямо вверх, и все помещение насквозь провоняло копотью. Если там и есть какая-то вентиляция, то только благодаря транспортному центру под самим храмом. Всякий раз, как приходит вагон, по храму пронесится порыв ветра.

— Это точно?

— Похоже на то. У жриц Первой ступени обширные покои, и говорят, они расположены прямо над храмом. Судя по изгибу скалы снаружи, они не могут быть очень высоко. Мне пришло в голову, что, если как-то заблокировать движение поездов, воздух просто застынет на месте, тем более что в долине постоянная температурная инверсия. Холодный воздух внизу, а теплый наверху. Там редко бывает ясная погода, но и сильные бури случаются нечасто. Я почти уверена, что в храме существует замкнутая воздушная система.

— Хм-м-м... Да, и мы теперь довольно хорошо знаем матрихианскую биохимию. Пожалуй, все складывается удачно, если не считать этой проклятой Дочери-Земли. На ее счет тоже есть кое-какие идеи, но до самого конца дело останется очень рискованным.

Приходится смотреть в лицо фактам, Урубубу. Мы можем с ней разделаться, но если мы не угадаем на все сто процентов, главный компьютер хватится ее и поднимет тревогу. А тогда, если мы не соберем все пять перстней и не сумеем правильно их использовать, ничто во вселенной не спасет эту планету и ее людей. Но мы попытаемся. Сделаем все, что возможно.

— У нас должно получиться. Я пока останусь в этой роли и буду продолжать разведку. На следующей неделе мне предстоит маршрут, который приведет меня к племени Ооны. При случае навещу ее. Она хороший парень.

— Ладно, только без лишнего риска. На Джанипуре нам несказанно повезло, а мы этого не оценили и стали самоуверенны. Даже отбросив проблему с Дочерью-Землей, нам предстоит сделать еще немало квалифицированных оценок и предположений и все же во многом придется полагаться на удачу. А до сих пор нам не так часто улыбалась фортуна.

— Да, я думаю, фортуна у нас в долгу.

Урубубу выбрала время заглянуть на территорию Ооны. По правде говоря, в течение нескольких дней у нее не было новых маршрутов, и официально она была свободна. Ее положение не позволяло ей пользоваться поездками для личных поездок, но теперь это ее не особенно заботило. На сей раз и Ооне, свидетельнице невиданного превращения хранительницы истины в Святую Мать в достопамятном поединке, следовало узнать, кто такая на самом деле ее высокопоставленная гостья.

— Оона, Святой Матери надо знать. Верит ли Оона настоящим хранительницам истины или новым хранительницам?

Бывшая хранительница огня, ныне вождь, единственная, кому дозволялось пользоваться некоторым

комфортом, несмотря на постоянное наблюдение, пожала плечами:

— Оона не знает. У новых хранительниц истины сильное колдовство, но старый путь был путем чести.

— А если Оона-племя оставит прежний путь? Если дать племенам свободу жить как они хотят? Даже если новый путь будет очень опасен? Если можно победить, но можно и все потерять — что тогда?

— Ооне не нравится жить трудно, если можно жить легче, — осторожно ответила она. — Но Ооне не нравится, когда нет правил, нет настоящей веры. У каждого вождя своя вера, свои правила. Мать-Земля распадется на части.

Вполне разумное рассуждение для туземки, подумала Урубу. Оона больше не верила прежней религии, увидев, как хранительниц истины убивают, а гнев богов не обрушивается на убийц. Она понимала, что большая часть авторитета хранительниц основана на снадобьях и обмане, пусть даже обман этот производится с помощью волшебства. Но таков был ее мир и та жизнь, которую она знала. Оона понимала эту жизнь и свое место в этом мире — и была уверена, что если прежний порядок рухнет, то вместе с ним рухнет и все, что она знает. Останется только хаос, который во сто крат хуже, чем та жизнь, которую она ведет сейчас. Ненависть к несправедливому порядку и угнетению уравновешивалась страхом перед неизвестностью — по сути дела, страхом перед свободой. Религия была ей ненавистна — но ее нечем было заменить.

Урубу вздохнула, задумавшись. Они хотят облегчить себе жизнь, хотят стать свободнее, хотят делать хорошее оружие и иметь дом, где можно почувствовать себя в безопасности. Но цивилизация в общепринятом смысле этого слова на Матрайхе была почти невозможна. Когда они построят селения и займутся земледелием, население станет возрастать по экспоненте, а ограничение — сто человек на одного

вождя — сохранится. Может произойти взрыв насилия, и снова начнутся бесконечные и беспощадные убийства. Может, через тысячелетия и установится какой-то разумный порядок, но не менее вероятно, что Матрайх скатится к варварству и застрянет на этом уровне. Конечно, существовала возможность навязать порядок извне, с помощью инопланетной технологии, но масштабы такой задачи были просто устрашающими. Каким простым все казалось, когда они решили объединить всего четыре племени. Четыре сотни людей из двух миллионов. Тогда они еще не могли понять всей сложности проблемы.

Уруб у оставалось только сменить предмет разговора.

— Святая Мать до сих пор ищет Маку. Она слышала?

Та кивнула:

— Мака больше не вождь. Маленькое племя, два дня пути на запад. Соба-племя. Захватили давно. Разведчицы Ооны видели, не разговаривали. Было слово от хранительницы. Одной из тех, что от Святой Матери. Известно, которой.

— Утратила честь?

— Известно. Так должно быть, но Мака странная. Как Святая Мать.

— Не совсем так, как Святая Мать, но Святая Мать понимает, что хочет сказать Оона. Спасибо.

Искать нужную хранительницу не было времени. Проще было найти племя Собы. На это ушло три дня. В своем воображении Урубу рисовала мрачные картины, но дело обстояло гораздо лучше, чем ей представлялось. Племя было небольшим, человек двадцать пять, и еще девять детей. Соба оказалась маленькой, необычно малорослой для матрайхианки, жилистой и худой. За спинами воинов ее не было видно. Это означало, что она умна и опасна вдвойне, ведь ей пришлось одолеть или перехитрить более рослых соперниц. Группа Вурдаль случайно натолкнулась на это

племя через трое суток после побега. Манка к этому времени уже утратила мужские черты, а Молчаливая, хотя и медленно, стала их обретать. Она оказалась самой независимой и увереннее всех чувствовала себя в диких местах, но у нее не было ни малейшего желания быть вождем. Она буквально вытолкала их к племени Собы и отказалась от соперничества. Поскольку процесс начался произвольно и не завершился, а Молчаливой были неведомы матрайхианские понятия об утрате чести, ее психика не пострадала.

Вурдаль сильно изменилась. Она сделалась спокойнее и похудела, но по-прежнему носила копье и пока что могла сражаться. Увидев Урубубу, она была одновременно обрадована и раздосадована.

— Мака сражается в двух битвах, — сказала она оборотню. — Сражается с врагами Соба-племени. Сражается с Макой.

Да, разумеется, ей приходилось бороться со своим телом, со своими инстинктами. Она бежала и утратила честь, но ни за что не хотела с этим смириться. Более того, Вурдаль была ненормальной, помешанной на убийстве.

— Мака думает медленно. Стареет. Ошибается.

— Почему ты не убила ее и не бежала вместе с племенем?

— Не выходит. Многие люди не слушали Маку. Вzbунтовались. Думали, хранительница от Святой Матери. Большая ошибка. Сделала колдовство, обратил многих, а Мака не знала. Увидела поздно. Обманщица! — Она зло сплюнула. — Святая Мать говорила, не придут, но Святая Мать ошиблась. Теперь Мака больше не вождь. Знает это. Не утратила честь. Маку предали. Теперь Мака сражается сама с собой. Тяжело.

— Да, я знаю, что все провалила. Я не понимала, что здесь творится на самом верху, и должна это признать. Но скоро мы начнем заново, и нам потребуются помощь. — Она в немногих словах обрисовала

положение дел. — Как ты думаешь, сможешь ты нам помочь?

— Мака еще хороший воин. Не знает, как долго. Соба хороший вождь. Умная. Молодая. Много знает. Любит честь. Святая Мать говорит с ней, если нужно помощь от племени. Соба еще слушает Маку. Спрашивает, советуется.

— Тогда пойдем и поговорим с ней вместе.

Вурдаль не ошиблась в Собе. Она оказалась сильной личностью и не питала излишнего почтения к существующим порядкам. Когда-то, еще маленькой девочкой, Соба случайно подслушала разговор двух хранительниц истины. Они сравнивали свои наблюдения и обсуждали уловки, с помощью которых они обманывали того или иного вождя. Разумеется, Соба никому ничего не рассказывала — да и кто бы ей поверил? — но с тех пор сильно сомневалась в том, что существует единственный праведный путь. Она твердо верила в волшебство, но вера ее в Великих Богов и в то, что мир — это Место Испытаний, была невелика. За волшебством, даже самым могущественным, всегда стояли люди, такие же, как она. В определенном смысле Соба была законченным циником, живущем в мире, плохо приспособленном для людей такого сорта. Даже увидев движущееся и говорящее изваяние Великой Богини, она не столько бы удивилась, сколько насторожилась бы и непременно попробовала бы отыскать тех, кто заставляет статую двигаться. Она слышала о нововведениях в четырех соседних племенах: бола, лук и стрелы, способы хранения пищи, а главное — единство. В жизнь после смерти она не верила, и ей хотелось чего-то лучшего здесь, на Матрайхе, и не ей одной. Многие вожди в глубине души чувствовали то же самое. Но они не имели права встретиться и договориться о совместных действиях; волшебство Храма было еще слишком велико.

Они не пытались восстать, потому что не верили в успех, но если они решат, что успех возможен...

— Гром-племя не боги, а люди. Думают, делают не так, как здесь, но все-таки люди. Гром-племя владеет великим волшебством. Хочет положить конец Храму. Земель-Матерей много, но ими правят большие вожди Храма.

Насчет перстня Соба поняла сразу. Могуущественный повелитель, владеющий любым волшебством, но все-таки уязвимый. Собрав пять волшебных перстней, можно его ниспровергнуть. Она может помочь — если у нее найдутся люди.

Соба обдумывала сказанное, отчасти веря, отчасти сомневаясь. Однако она выслушала все до конца, немного поколебалась, посоветовалась с хранительницей огня и другими, кому доверяла. Наконец она сказала:

— Племена сражаются, умирают. За честь, за еду, за угоды. Никто не может остановиться. Сражаются, едят, делают детей, спят. Снова и снова, потом умирают. Всегда остаются такими. Если племена должны сражаться, если воины и вожди должны умирать, почему не сразиться и не умереть за то, чтобы сделать лучше? — Соба взглянула на своих воинов. — Соба-племя поможет.

— Если Соба останется в живых, Соба будет величайшим из вождей Матрайха, — пообещала Манка Вурдаль.

— Не заглядывай так далеко, — заметила Урубун. — Подождем лучше вызова с «Грома».

11. ВОИНЫ БУРИ

Надвигалась одна из тех жестоких бурь, что ломают деревья, словно лучинки, и крушат скалы. Манка Вурдаль увидела впереди людей, медленно бредущих сквозь туман и дождь, и жестом подзвала своих воинов. Предосторожности были не нужны. Ни у кого на этой планете не было таких тюков. Снаряжение ташили на себе хранительницы истины, которых перепрограммировала Урубу. Сама она тоже была с ними. Вурдаль узнала Марию Сантьяго и Миди Энджи. Теперь они выглядели намного лучше. Не дожидаясь, пока они родят, Хань с помощью Звездного Орла разработала химические добавки настолько точно, что они не представляли угрозы для будущих детей. Хотя обеим женщинам еще трудно было установить связь между прежним и новым «я», они держались гораздо увереннее и сами настояли на том, чтобы участвовать в экспедиции. А Урубу отчаянно нуждалась в людях. Вместо копий Мари и Миди были вооружены длинноствольными лазерными ружьями повышенной мощности.

Базовый лагерь разбили в хорошо укрытой расщелине на склоне гор, прикрывающих священный престол с тыла. Поезда подземки оказались очень удобными для переброски людей и грузов в эту точку. Как ни велик был соблазн заслать диверсантов в Храм поездом, Урубу не отважилась на такой риск. Таким путем можно было протащить лишь немногих, а станция находилась под компьютерным наблюдением, и от

прибывающих требовалось знание кодов доступа. А целью всей операции было оставаться незамеченными как можно дольше и, если повезет, выиграть таким образом всю игру.

— Из-за температурной инверсии погода стала еще хуже, — досадовала Урубубу. — Нам предстоит нелегкое дело, но сомневаюсь, чтобы кому-то пришло в голову, что мы полезем отсюда. Соба видела карты и схемы? Она поняла основную мысль?

Восстановленная Вурдаль кивнула:

— Я пойду с ней как матрайхианка. Мы придумали систему сигналов и много тренировались с веревками и кошками. Не могу сказать, что они доверяют этому снаряжению, но обращаться с ним научились все. Даже Молчаливая. Мне было бы спокойнее, если бы она осталась у Ооны, вместе с детьми, но наша немая умеет быть настойчивой и в конце концов имеет на это право. По крайней мере уж она-то не выдаст нас случайным криком. Как дети, в порядке?

Урубубу кивнула, отметив про себя, что всего несколько месяцев назад Манке Вурдаль и в голову не пришло бы спросить об этом.

— Она не особенно уверена в успехе, но уговорить ее взять детей было нетрудно. Если у нас все получится, они будут в безопасности, и мы перед ней за это в долгу. Если же нет, племя Ооны их примет. Когда все время приходится прятаться, любая помощь неоценима, что бы там ни думал тот, который нам помогает. Сомневаюсь, чтобы ловушки в храме были чересчур изощренными, но все-таки лучше в них не попадаться.

— Люди племен уважают волшебство, так что на этот счет не беспокойся. Они заучили обычные пароли, но матрайхианский язык настолько далек от французского, что едва ли они сумеют правильно выговорить то, что надо. Впрочем, это самое крайнее средство. И то, если пароли еще не сменили.

— Да как их можно сменить, когда две трети жриц постоянно шляются по планете? И прошу тебя — убивай только если нет другого выхода. Если мы хотим хоть что-нибудь узнать, высшие должны остаться в живых. Позже мы всегда сможем поработать над жрицами Третьей ступени.

— Да понимаю я, черт побери, — разочарованно пробурчала Вурдаль.

— Я хотела дать тебе лазерный пистолет и пояс с патронташем, но на твой живот он не налезет. Лучше возьми ружье.

Вурдаль кивнула:

— Кто бы мог подумать, что я стану мамой? Только не я, уверяю тебя. Хорошо, что у меня будет ружье — я чувствую себя чертовски неуклюжей. Но сказать правду, той части меня, которую я стараюсь не выпускать наружу, эта мысль вроде как нравится. Но обе части вздохнут с облегчением, когда моя паршивка наконец появится на свет. За меня не беспокойся, у Собы есть голова на плечах. В трудную минуту я ни за что не смогу ее послушаться, Уруб, разве что ради спасения ее жизни. Ни за что.

— Понимаю. Миди идет с воинами племени. Мари я оставляю себе, но в случае чего она тоже вступит в бой. Что за дурацкий мир! Они беременны от других вождей и поэтому до Собы им никакого дела. Я хочу посоветоваться со всеми, включая Собу и ее хранительницу огня. У меня такое чувство, что хорошей погоды можно ждать до бесконечности, а мы должны двигаться в путь.

На Матрайхе восхождение по скользким скалам — привычное дело, но эта территория была им незнакома. Здесь не было ни перевалов, ни протоптанных тропинок, указывающих безопасный путь среди скал. Самый общий геофизический обзор, тайком проведенный «Молнией», — вот и вся информация, которой они располагали.

На второе утро они наконец решились выступить в поход. Подъем был нелегким, кое-где приходилось забивать крючья и забрасывать на скалу кошки. В этих высоких, древних горах почти не было жизни, хотя местность идеально подходила для лавовых змей и других, менее крупных тварей. Это наводило на мысль, что горная стена вполне могла быть создана искусственно.

Много раз они оскальзывались и падали. Вот теперь они поняли, для чего нужны эти неудобные веревки, пропущенные через карабины на поясах. В полосе облаков движение резко замедлялось. Они едва различали друг друга, и каждый шаг грозил оказаться последним. За облаками возвышалась отвесная каменная стена, и почти полдня ушло на одно только планирование восхождения. С помощью крючьев и кошек они все-таки сумели преодолеть ее и добрались до относительно ровного места у самой кромки вечных снегов. Воздух между двумя слоями облаков был удивительно чист и прозрачен. Они ясно различали впереди горные вершины, хотя до них было еще несколько дней пути.

Туземки до сих пор никогда не видели снега и испугались. Впрочем, его не видели даже люди с «Грома», но ментопринтерные программы их кое-чему научили. Клейбен подсчитал, что тела матрайхианок могут выдержать жестокий холод, до двадцати градусов ниже нуля, в течение двух дней. Приходилось двигаться возможно быстрее. Поднявшись выше трех тысяч метров, они обнаружили, что любое движение дается с неимоверным трудом, а силы стремительно убывают. Таблетки, изготовленные специально для этого случая, помогали, но не могли полностью компенсировать недостаток кислорода.

Избегая, по возможности, снеговых полей и держась обнаженных скал, группа шла не к вершинам, а к ближайшей и самой низкой седловине. Насквозь промороженные и вымотанные до предела, они до-

стигли перевала и, несмотря на усталость, сразу же устремились вниз. По крайней мере здесь не было облаков, и долина открылась перед ними как на ладони.

— Хранительницы истины... — презрительно протянула Соба. — Разносчицы вранья! Живут в безопасности. Ходят путями, запретными для племен. Соба хочет вырвать лживые языки всему племени хранительниц. Заставить хранительниц ИСТИНЫ жить, как живут племена!

Подъем дался им недешево. Четыре туземки погибли, а многие получили тяжелые увечья. И все же людей оставалось еще достаточно — теперь главное было незаметно спуститься в долину. Склон становился все круче, а самая длинная их веревка достигала всего сорока метров. Спуск с двух тысяч восьмисот метров оказался очень долгим и очень опасным.

— Козодой назвал этот план замечательно безумным, — заметила Мари, с содроганием оглядываясь вокруг. — Сорок женщин, из которых девять на сносях, и только одна имеет хоть какой-то опыт горных восхождений. Используя самое примитивное снаряжение, они штурмуют крутой неизвестный склон, дабы разрушить святилище. Никакой Главной Системе такое и в голову не придет. — Она опять огляделась. — Если у нас что-то получится, то лишь потому, что Главная Система слишком хорошо сделала свое дело. Она создала расу, способную выжить в самых ужасных условиях, а потом ей помог еще и естественный отбор. Не знаю, смогут ли эти люди когда-нибудь достигнуть уровня цивилизации в нашем понимании, но в них есть подлинное величие.

Преодолеть спуск надо было как можно быстрее. К счастью, как раз наступил рассвет. На всем пути им не встретилось ни одной площадки, где такая большая группа могла бы сделать ночевку. Начав спускаться, они вынуждены были не останавливаться до самой долины.

На закате многие еще продолжали спускаться, вися на веревках, но Миди уже ступила на скальный выступ, под которым прятался храм. Вслед за ней торопливо заскользили по веревкам остальные. В неподвижном воздухе долины они двигались легко и даже с улыбками.

В конце концов все тридцать пять человек собрались на утесе примерно в полусотне метрах над храмовым комплексом. Вылазка была намечена на следующую ночь, а до тех пор они должны были отдохнуть и сделать кое-какие приготовления.

С приготовлениями Уруббу провозилась весь день. Возле храма можно было рискнуть и применить инструменты с силовым приводом и энергетическое оружие: здесь, где все было наспиговано электронными датчиками и линиями связи, никакой компьютер не смог бы засечь посторонний источник энергии.

Уруббу решила использовать тот самый трюк, который уже применяла на Джанипуре. Единственная несущая частота связи компьютера в Центре со следящим спутником на орбите была установлена очень давно и порядком зашумлена, но, если точно нацелить антенну приемопередатчика, простой тональный сигнал проходил.

Поезда магнитной подземной дороги прибывали на станцию, расположенную под храмом, каждый час и, постояв минуту, уносились дальше. От согласованности действий зависело очень много, поэтому Уруббу и рискнула применить некое подобие связи. Тональный сигнал уходил на орбиту, а другой сигнал, с истребителя, возвращался на планету, но уже не к Уруббу. Он предназначался для перепрограммированной хранилища истины, которая ждала далеко от долины. Ей Уруббу ввела специальную программу, разработанную Звездным Орлом.

Около полуночи они проснулись, отдохнувшие и готовые действовать. Уруббу навела антенну на вер-

шину острого пика, где располагался главный передатчик Центра, нажала кнопку и удерживала ее в течение тридцати тревожных секунд. Потом она отпустила кнопку и перекинула тумблер. Ответный сигнал означал бы, что им придется подождать, но минуты шли, а динамик молчал. Если все идет по плану, то перепрограммированная жрица уже ждет в вагоне подземки.

Затем четверо с «Грома» достали лазерные резак и на глазах у изумленных воинов принялись бурить камень лучами тусклого волшебного света. Скала оказалась толще, чем предполагалось. Они углубились на целый метр, прежде чем луч первого резака, пройдя насквозь, автоматически отключился. В других местах пришлось бурить еще больше.

Теперь настал черед тюков со снаряжением, которые они с величайшими трудностями пронесли через горы. Уруб и ее хранительницы раскатали шланги и просунули их в прорезанные отверстия, а потом достали из выюков прямоугольные контейнеры и, надев темные дыхательные маски, приготовились спуститься к входу в храм.

— Дышите только через нос, — напомнила Уруб. — И разговаривайте поменьше.

Хотя перед операцией им всем была сделана инъекция противоядия, лучше было перестраховаться, кроме того, газ из контейнеров мог раздражать горло и легкие.

Уруб направилась напрямик в штаб-квартиру жриц Второй ступени. В этот час в храме никого не было, но дежурная, как всегда, находилась на посту. Уруб вошла, держа пистолет в руке, и выстрелила оглушающим зарядом. Дежурная вздрогнула, обмякла и упала лицом вниз, вероятно, так и не сообразив, чем же ее ударило. Команда Уруб быстро рассыпалась по помещению, расставляя контейнеры в намеченных местах и нажимая спусковые кнопки. По второму сиг-

налу с ручного передатчика Урубуба они немедленно покинули храм.

Воины Собы уже спускались ко входу, а наверху, сидя на остальных контейнерах, ждала сигнала Мария Сантьяго.

Невозможно было сказать точно, когда придет вагон, который подготовила перепрограммированная жрица, но Урубуба рассчитывала, что он прибедет минут через сорок после того, как агент выполнит свою работу.

Никто не слышал, как вагон остановился на станции, под основанием статуи Великой Богини, но сквозь все помещения храма пронесся порыв ветра, достигший входа. Они подождали минуту, еще одну... Если будет второй порыв ветра, то придется действовать быстро, в течение часа, а то и меньше. Если же нет, значит, вагон тот самый, и он сделал свое дело. На станции между тем происходило вот что.

Пустой вагон остановился у платформы. Дверь открылась и привела в действие спусковой механизм. Преобразователь тока внутри вагона замкнулся накоротко, начал искрить и задымился. Лишенный энергии, вагон застыл на месте. Тем временем открылись клапаны на всех контейнерах. Выше, над станцией, компьютер заметил обрыв цепей питания и послал по аварийным сетям сигнал автоматической ремонтной системе. Такие неполадки случались часто, но расписание следовало соблюдать. Ремонтные роботы вывалились из стен, скользнули на пути, подняли и убрали яйцеобразный вагон. Обнаружив, что вагон невозможно исправить на месте, они отправились за заменой. К тому времени, когда они вернулись, контейнеры уже опустели.

Прошло три минуты, а нового воздушного толчка все еще не было. Урубуба и Мари открыли свои контейнеры.

На этой высоте газ был немного легче воздуха, он медленно поднимался, просачиваясь во все помещения, которые больше не вентилировались. Часть газа вытекала через вход, но это не имело особого значения. Главное, что холодный и тяжелый воздух внутри храма был неподвижен.

Газ проник на все уровни, сверху донизу. Он не убивал, а вызывал глубокий обморок. Его составили на борту «Грома», проанализировав биохимию Миди и Мари. На них же испытывали противоядие. Без противоядия жертвы продолжали спать до тех пор, пока сон не переходил в смерть.

У компьютера и Дочери-Земли не было возможности что-либо заметить. Нападающие приготовились к встрече с теми немногими, кто, возможно, не получил полную дозу. Именно по этой причине в штурмовую партию включили так много людей. Уруббу была уверена, что компьютер знает только то, о чем ему говорят. Он может отметить снижение утренней активности, но к этому времени дело уже будет сделано. Так что Уруббу не сомневалась, что компьютер не причинит им неприятностей, по-настоящему ее тревожила охрана компьютера, эта искусственная богиня со встроенным гипнометом. Она могла поднять тревогу и сорвать все задание.

Уруббу немедленно бросилась в покои совета. Они оказались не совсем там, где она рассчитывала, но отыскать дорогу не составило особого труда. По меркам Матрайха комнаты были вполне комфортабельны, но, к несчастью, покои верховной жрицы ничем не отличались от остальных. Уруббу потратила несколько лишних минут, всматриваясь в лица жриц, застывших на шелковых простынях, прежде чем нашла ту, которую искала. Перстня у нее не было, и еще несколько драгоценных минут было потрачено на то, чтобы перебрать содержимое ящичков и шкатулок с украшениями. Нетерпеливо перебирая ювелирный хлам, Уруббу моли-

лась только о том, чтобы перстень не оказался в каком-нибудь сейфе.

Он и не оказался, но только счастливая догадка помогла его обнаружить. Перстень был для них знаком высшей власти.

Она держала перстень под подушкой.

Наконец-то Урубу смогла открыть амулет и сравнить копию с оригиналом. Сходство оказалось вполне приличным. Конечно, подробный анализ немедленно выявил бы подделку, но с первого взгляда никто ни о чем не догадается. Она быстро сунула поддельный перстень под подушку и тут обнаружила, что между двумя перстнями все же есть небольшая, но весьма существенная разница: настоящий перстень не вмещался в футляр от подделки. Чертыхаясь, Урубу надела перстень на палец, и он, слава всем святым, подошел, хотя сидел немного плотновато. Урубу оставила его на пальце. Они находились внутри уже полных сорок шесть минут и до сих пор не встретили ни одного противника, не говоря уже о Дочери-Земле. Урубу начала беспокоиться, не слишком ли легко всё получается. В компьютерной она застала Манку Вурдаль, Миди и Марию Сантьяго. Молчаливая, очень гордая собой, стояла на страже. Воины Собы проверяли все помещения, уголки и закоулки храма. Перепрограммированные хранительницы охраняли вход в храм и лестницу к станции подземки во избежание возможных сюрпризов.

Исчезновение Дочери-Земли грозило провалить весь план. Они не имеют права уйти, пока не разберутся с ней.

— Может, она не так независима, как мы думали, — предположила Мария. — Возможно, она появляется только тогда, когда ее вызывают.

Они почувствовали внезапный порыв ветра. Транспортная система вновь заработала, и, начиная с этого момента, большая часть газа разложилась на безвред-

ные составляющие. Они сняли дыхательные маски. В воздухе стоял затхлый запах. Те, кто лежит без сознания, уже не поднимутся, но на того, кто войдет снаружи, газ уже не подействует.

— Ну, мы не можем стоять и дожидаться ее, — сказала Урубу. — Я возьму четырех моих жриц и начну с главного входа. Если появится наша роскошная богиня, окликните меня как сумеете.

Опасаясь лишней тяжести, они взяли с собой только два портативных ментопринтера, и ввод программы общей переориентации всем жрицам храма должен был занять немало времени. В храме их было человек шестьдесят — восемьдесят, и на каждую требовалось по крайней мере десять минут. Учитывая время на подготовку и перемещения, это означало от десяти до пятнадцати часов безостановочной работы. Они намеревались обработать только тех, кому полагалось появляться на людях. Так можно было создать иллюзию нормально функционирующего храма.

К сожалению, рекондиционирование жриц Третьей ступени могло занять годы и годы, и не было никакой возможности отредактировать информацию в модулях памяти, доставлявшихся из святых мест к компьютеру храма. Звездный Орел так и не смог найти способ изменить существующую систему, не насторожив главный компьютер. Штурмовая команда могла уйти, но люди северного континента оставались. Итак, был разработан временный план, пригодный до той поры, пока не будет покончено с самой Главной Системой. Жрицы Второй ступени, обработанные здесь, возьмут переносные ментопринтеры, уйдут и займутся обработкой хранительниц в святых местах. После этого два простых кодовых слова, вставленные в традиционное приветствие, которым встречают хранительниц истины любой ступени, сотрет из памяти жрицы сведения о самом существовании племени. Она отправится своим путем, и даже в официальных отчетах вся ин-

формация об этом племени будет опущена. Компьютер не получит никаких сведений, а поскольку племена и вожди в этом текучем обществе то и дело меняются, пропуски не будут заметны.

И эти племена станут свободными. Они станут «Са-туука Моаба» — воинами бури.

Миди, Вурдаль, Молчаливая и Мария остались у входа в компьютерную. Они наслаждались победой, но были настороже, ежеминутно ожидая появления таинственного создания, которое видела одна лишь Урубу. Воины Собы перехватывали утренних прихожанок храма и волокли их на обработку. Казалось, худшее уже позади. Они сделали все, что хотели, и по крайней мере племена Собы и Ооны отныне смогут жить свободнее и легче. Это закладывало хорошую базу на тот случай, если Главная Система будет побеждена.

Внезапно послышался щелчок и звук сдвигающейся панели. Все четверо дружно повернулись, вскидывая оружие, и увидели, как Она выходит из проема, открывшегося в стене напротив компьютера. Она была именно такой, как рассказывала Урубу, и даже больше — она была олицетворением всего, что вкладывается в слово «богиня». Она сияла, и сияние заполняло комнату, обволакивая их мягким теплом. Она не испугалась, лишь слегка улыбнулась, и пристальный взгляд огромных темных глаз проникал в самую душу. Все четверо застыли на месте, словно живые изваяния.

От гипномета, как и от лазерного луча, не было защиты. Мощностъ его была невелика — в большом зале излучение рассеялось бы без всякой пользы, — но в маленьком помещении его действие было ошеломляющим. Подобранное сообразно матрихрианской психохимии, оно затрагивало самые основные и самые чуткие струны души. Они знали об этом, но были захвачены врасплох. Излучение подействовало почти

мгновенно, заблокировав двигательные функции, а потом тонкая, почти музыкальная игра, подчиняющая сознание. Обожание, любовь, преданность... Все мысли растворились и ушли, осталось только стремление повиноваться.

— Подойдите, — произнесла она на языке Матрайха сверхъестественно мелодичным голосом, от которого дрожь бежала по коже. — Сядьте у ног Дочери-Земли и охраняйте ее.

Она сделала повелительный жест, и четыре женщины повиновались немедленно и с огромной охотой. Казалось, даже Молчаливая поняла приказ. Внезапно Дочь-Земля заговорила по-английски, но ее голос ни на миг не утратил мелодичности.

— Мы будем говорить, и вы расскажете мне все, что я пожелаю узнать, — мягко сказала она, и они тут же поняли, что так и будет.

Уруббу решила проверить, как обстоят дела в компьютерной. Пора было уходить. Переориентировка будет продолжаться еще несколько дней, а может быть, и недель, но теперь этот процесс уже не требовал присутствия ни Уруббу, ни племени Собы. Уйти будет легче, нежели войти, а потом к племени Ооны отправятся гонцы, которые заберут детей и принесут весть.

Не увидев Молчаливой у входа в компьютерную, Уруббу забеспокоилась. Она погасила ближайший факел и увидела то, что боялась увидеть. Сияние, золотое сияние, льющееся из входа в компьютерную...

«У них мозги не в голове, — говорил Нейджи. — Целься в поясицу, лучше сзади...»

Хороший совет, и однажды он уже сработал, но это другое создание. Во всяком случае, не точно такое же. Где у нее мозг, где уязвимое место? Не там, где обычно, это наверняка. Талия у нее слишком тонкая. Голова, грудь, бедра? Главная Система обо-

жает унификацию. Но есть ли у нее другое оружие, кроме гипномета? В комнату вела единственная дверь, и все, кто был действительно дорог Урубу, находились там, наверняка уже под контролем Дочери-Земли. Послала ли она сигнал тревоги? Не движутся ли сюда отряды автоматических истребителей и корабли, набитые эмэсэсовцами?

Урубу не могла бы избежать действия гипномета, если бы ее, как и товарищей, захватили врасплох. Но теперь, почувствовав и оценив его действие, она сумела подстроиться, управляя своим телом словно со стороны. Гипноз вызвал соответствующие биохимические реакции в мозгу, но личность оборотня не затронул. И все-таки, войдя, она становилась легкой мишенью. Дверь была слишком узка, чтобы рассчитывать на внезапность.

Что можно сделать? Взрывчатка? Взрывчатки нет, а если бы и была, взрыв прежде всего убил бы заложников. Газ? Явно не годится. И звать кого-то на помощь бесполезно, помещение слишком тесное.

— Это ты там, Урубу, ведь так тебя зовут? — Голос Дочери-Земли звучал почти игриво. — Входи. Ваша попытка была блестящей, но все-таки неудачной. И не пытайся бежать, я простой командой перекрою все входы и выходы. Но если даже ты все же прорвешься, я могу вызвать такие силы, с которыми тебе не справиться. Входи же. Или ты хочешь услышать предсмертные крики своих подруг?

ПЕРЕКРОЮ все входы и выходы... МОГУ вызвать силы... Дело, конечно, дрянь, но надежда есть.

«Они самоуверенны до заносчивости...»

Урубу подошла к двери и осторожно заглянула внутрь. Дочь-Земля стояла у дальней стены. Четверо воинов образовывали перед ней живой щит. Судя по выражению их лиц, они совершенно не владели собой.

Урубу вытащила из кобуры лазерный пистолет, проверила заряд и вошла в компьютерную. Воины не-

медленно подняли оружие. Если их пистолеты установлены на узкий луч, Дочь-Земля получит пренеприятнейший сюрприз, но, если они поставлены на оглушающий удар, такой же сюрприз достанется Урубу.

— Твои хитрости на меня не действуют, — сухо сказала Урубу.

— Положи оружие и отдай мне перстень, — ответила Дочь-Земля.

— Ты не вправе требовать перстень, — парировала Урубу. — Он должен находиться в руках человека, облеченного властью. Кем бы ты ни была, ты не человек и не имеешь на него права.

Дочь-Земля улыбнулась:

— Мы тут кое-что обсудили, пока дожидались тебя, — сказала она. — Ты совершенно права — я не человек и связана основной программой, но и ты не человек, Урубу. У тебя не больше прав на перстень, чем у меня, но я обязана вернуть его владельцу.

— И что потом?

— Ты, разумеется, останешься здесь, пока не представится случай отправить тебя на исследования. Я думаю, ты это понимаешь. Что же касается остальных — в свое время я соберу их, не торопясь. То, что ты сделала с помощью портативных ментопринтеров, мы ликвидируем на наших стационарных моделях. Впавшим в ересь племенам дадут напиток забвения — в моем присутствии, разумеется. А эти — по меньшей мере трое из них — мне еще пригодятся, но это особый случай. Выудив из них всю информацию, мы скорее всего отправим их обратно к твоим друзьям, запрограммировав на убийства.

— Ты понятия не имеешь, что я такое, и не знаешь, как со мной разделиться, — холодно заметила Урубу. — Ты знаешь обо мне ничуть не больше, чем я о тебе.

«Никаких признаков оружия. Она использует воинов для прикрытия. Мне бы только положить палец на спусковую кнопку так, чтобы она не заметила...»

— Ты смертна. А я нет. — Дочь-Земля говорила с холодной уверенностью. — Возможно, тебя нелегко убить, но мы будем стрелять по тебе, пока от тебя не останутся одни головешки. Итак — бросай оружие.

«Она не может этого сделать, иначе давно бы уже приказала стрелять! Перстень! Она боится повредить перстень!»

— Нет. Предпочитаю ничью. Пока что.

Дочь-Земля нежно улыбнулась:

— Мака, докажи свою любовь ко мне. Повернись и стреляй в Молчаливую. Узким лучом. На половине мощности, и целясь в живот. Я хочу, чтобы это продолжалось подольше. Мари, Миди, если Уруб у попытается вмешаться, сожгите ее.

Молчаливая не поняла ни слова, хотя узнала имена — свое и Манки. Она в замешательстве повернулась и увидела, как Вурдаль, злобно усмехаясь, наводит дуло лазерного ружья на ее живот. На ее ребенка...

Молчаливая взвыла, как раненый зверь, и быстро вскинула копье, поднимая дуло ружья, отводя его вверх. Мария и Миди обернулись на крик...

Богиня была захвачена врасплох. Уруб ждала чего угодно, только не этого, но действовала мгновенно. Ее палец лег на спусковую кнопку, и в тот миг, когда Молчаливая бросилась на Вурдаль, Уруб выстрелила — широким лучом, оглушающим ударом.

Четверо воинов попадали друг на друга. Пронзительный вопль оборвался, и наступила внезапная тишина. Дочь-Земля взглянула на свой бесполезный живой щит, потом на Уруб, которая уже успела перевернуть пистолет на полную мощность.

— Я ни минуты не сомневалась, что ты этого не сделаешь, — спокойно сказала Уруб, — хотя выбор действительно был довольно логичный. Из всех четырех она была для тебя самой бесполезной.

— Уж не думаешь ли ты, что меня можно убить вот этим? — высокомерно ответила богиня.

Уруб у слегка пожала плечами:

— Понятия не имею. Но попробовать стоит. — И она провела непрерывным лучом снизу вверх и обратно.

Выстрел отбросил богиню к стене; она упала и поднялась с трудом. Золотое сияние померкло, плоть пузырилась, но Дочь-Земля была еще жива.

Она ринулась на Уруб. Та быстро отступила назад и выстрелила снова. Но Дочь-Земля не хуже Уруб знала, что лазер может выдержать не более десяти секунд непрерывного огня. После этого оружие автоматически отключалось на одну-две секунды для охлаждения.

Уруб не успела. Как только луч оборвался, Дочь-Земля добралась до нее. Стальные пальцы сомкнулись вокруг ее горла и сжались с чудовищной силой. Глаза Уруб выкатились из орбит. Послышался треск сломанных позвонков, и обмякшее тело рухнуло на пол. Дочь-Земля дотянулась до безжизненной руки и сняла перстень с пальца.

Теперь ей было не до театральных эффектов, она растеряла всю свою самоуверенность. Лазерный луч повредил важные связи и, что хуже всего, вывел из строя гипномет. Она с трудом добралась до панели, вделанной в стену рядом с гнездами для информационных модулей, набрала код и подождала, пока панель откроется. Она была уже готова нажать кнопку, как вдруг новый удар сдвоенных лазерных лучей вспорол ее тело и отбросил богиню в угол. Теперь огонь был сконцентрирован в одной точке, лучи резали ее поперек бедер. Дочь-Земля издала нечеловеческий, электронный вопль, попыталась встать, подняла обугленное, обезображенное лицо... Уруб, окровавленная, со свернутой головой, надвигалась на нее, держа в каждой руке по пистолету, и стреляла, стреляла, стреляла...

Низким, прерывающимся голосом Дочь-Земля задала свой последний вопрос:

— ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

Ответом был новый шквал огня. Что-то громко хрустнуло, и Дочь-Земля судорожно заметалась в углу, ударяясь о стены. Кто-то заглянул в дверь, но Урубун не обернулась, даже не обратила внимания. Крик ужаса, торопливый топот бегущих ног. Урубун ждала.

Грудь Дочери-Земли задрожала. Урубун насторожилась. Сверкнула ослепительная вспышка, и сияющий шар, мерцая, повис в воздухе. Урубун немедленно поймала его лучами обоих пистолетов. Шар, вибрируя, быстро плыл по воздуху, пытаясь набрать мощность и вылететь в дверь...

Взрывная волна бросила Урубун на пол, жар опалил ее изломанное тело и четырех воинов. Запахло горелым волосом — и все кончилось.

Урубун на четвереньках подобралась к неподвижному телу Дочери-Земли и, вытащив из-под дымящихся останков чудом уцелевший перстень, снова надела его на палец. Затем она вернулась к стене напротив гнезд компьютерного интерфейса и попыталась, пока ее никто не видит, восстановить свое тело насколько возможно. Впрочем, она быстро сообразила, что, поскольку племя по-прежнему владеет храмом, проще подыскать себе новое тело.

Последние слова Дочери-Земли эхом перекатывались у нее в голове. ЧТО ТЫ ТАКОЕ? Собрание разумов давно умерших людей? Новый вид искусственной жизни? Что? Она сама этого не понимала и впервые задумалась, понимал ли это тот, кого она призывала считать своим создателем.

Всю свою жизнь Урубун ненавидела Клейбена, но мог ли Клейбен по-настоящему объяснить, что такое Урубун? Мог ли он хотя бы повторить ее, даже будь у него под рукой все необходимое? Теперь она в этом сомневалась.

Арнольд Нейджи работал на врага Главной Системы. Арнольд Нейджи провел на Мельхиоре десять лет,

имея доступ практически ко всем секретам. И... Арнольд Нейджи попал на Мельхиор незадолго до того, как появилась на свет Урубун! Совпадение? Ворон уверен, что Нейджи не был человеком. Теперь, видя Дочь-Землю, Урубун готова была в это поверить.

Она с трудом поднялась на ноги. Хорошенького понемножку, надо искать новое тело, и побыстрее. Сколько еще предстоит сделать! Но почему-то теперь ей было намного легче. Кем бы там ни была эта Дочь-Земля, кое-чем Урубун обязана ей.

«Быть может, я все-таки не чудовище, созданное безумным ученым. Быть может, я — тоже оружие, выкованное врагами Главной Системы. Меня скрывали и хранили, пока не пришло время действовать. И может быть, волей-неволей я окажусь ключевой фигурой этого великого плана».

Пока что ей хватало и этого.

Кожа матрайхианок была все же на редкость прочной. За исключением ожогов, никто из четверых не получил никаких увечий, а опаленные волосы отрастут.

Молчаливая как будто забыла о нападении. По крайней мере с Вурдаль она вела себя по-прежнему. Тем не менее Урубун решила, что этих двоих следует держать подальше друг от друга. Когда дело касается Молчаливой, нельзя быть ни в чем уверенным заранее.

Вурдаль взглянула на Марию и Миди:

— Так вы возвращаетесь? На небо?

Они дружно кивнули.

— Здесь нет нужных нам средств, — пояснила Мария. — Мы быстро скатились бы обратно в бесчестие. Дело зашло слишком далеко, хотя Хань все еще надеется подобрать подходящую психохимическую программу, которая заставит тело и мозг вырабатывать необходимые гормоны естественным путем. Если у нее

получится, мы можем рассчитывать снова получить корабли. Учитывая, какие мы несем потери, шанс у нас есть. Я теперь навсегда останусь матрайхианкой, на старый ли лад, или на новый, но наша судьба не здесь. Там мы сможем больше сделать для этого мира. Для нашего мира, для нашего народа.

Миди кивнула:

— Раньше у меня не было ни своего мира, ни своего народа, а теперь есть. У нас ребенок, и скоро родится еще. Наши девочки будут матрайхианками. Кто-то должен позаботиться, чтобы о нас не забыли. Когда мы врежем Главной Системе, Матрайх должен быть там.

Вурдаль со вздохом склонила голову:

— Понимаю, но уйти не могу. Кто-то должен защищать наш народ и помогать ему. Этот поход восстановил мою честь и уверенность в себе. Я знаю, что вождем мне уже не быть, но советница вождя — не такая уж плохая должность. Кто-то должен остаться — именно потому, что вам надо уходить.

Урубун не могла удержаться от мысли, что причина на самом деле в другом. Вурдаль беременна и, пожалуй, не может позволить себе появиться в таком виде перед Вороном и всеми остальными. Ну что ж, она пригодится воинам бури, посвященным в тайну. Она будет защищать их и руководить ими. Одиночество ей не грозит — Соба уже показала, как сильно может измениться матрайхианка, освобожденная от мертвой хватки Системы, да и Оону нельзя сбрасывать со счетов. Труднее всего будет сохранить их существование в тайне и в то же время организовать достаточно большую группу племен, чтобы она могла прожить сама по себе. Рискованно, разумеется, но, как философски заметила Соба, жизнь на Матрайхе вообще рискованное дело, так что лучше уж рисковать ради чего-то стоящего.

— Вместе с перстнем мы отправили на «Гром» останки Дочери-Земли, — сказала Урубу. — Поразительное создание. Она была наполовину человеком, наполовину роботом. Гипномет остался почти неповрежденным. Конструкция совершенно незнакомая и очень компактная. Он встроен прямо в скелет. Сияние — не просто театральный эффект. Оно служило дополнительным носителем информации и увеличивало внушаемость всякого, кто попадал в зону его действия. Мы можем скопировать этот механизм, но воссоздать Дочь-Землю нам не под силу. Такой уровень технологии выше наших возможностей. И пока не захвачен целый хоть один из этих аварийных модулей, которые вылезают из убитых Валов, мы не можем даже сказать, на что похоже ее программное ядро. У Дочери-Земли не было никакой защиты, никакого оружия, кроме гипномета. Но они ей были и не нужны. Даже я до самого последнего момента не была уверена. Если бы она не дала мне случайно возможность выстрелить или если бы, задушив меня, еще прошла бы по мне лазерным ружьем, со мной было бы покончено. Довольно-таки отрезвляющая мысль.

— Но... теперь многое зависит от того, удастся ли нам удержать главный компьютер в неведении, — заметила Вурдаль. — А мы не можем ни заменить ее, ни объяснить ее отсутствие.

— Мы думали об этом почти с самого начала, но для полной уверенности нам надо было взглянуть на ее останки. Дочь-Земля была позднейшим добавлением в Систему, резервным средством, введенным тогда, когда стали ясны недостатки главного компьютера. Прямого интерфейса для нее здесь нет, а о том, чтобы применить к роботу ментопринтер, нечего и думать. Она служила вторым, независимым наблюдателем и не подчинена компьютеру. Те немногочисленные контакты, которые она имела с ним, осуществлялись из маленького помещения

рядом с компьютерным центром и ограничивались речевым вводом и клавиатурой. Компьютер был управляющим, она — начальником службы безопасности. Кстати, они оба были чертовски самоуверенны. Доступ к компьютеру абсолютно свободен, никаких паролей и кодов. Впрочем, никто не рассчитывал, что кто-то может туда забраться, тем более кто-то умеющий работать с компьютером. Так что нам совершенно необходимо иметь здесь, в центре власти, свою собственную богиню с развитыми гипнотическими способностями и умением стучать на клавиатуре.

Мария охнула:

— Вы хотите сказать, что трансмутируете кого-то в создание, единственное в своем роде и находящееся под постоянной угрозой разоблачения? Ведь другой такой уже не будет!

— Верно, — согласилась Урубу, вспомнив слова Нейджи о последней цене, — только этот риск не останется без вознаграждения. Если продублировать наружные кожные покровы и нервную сеть оригинала, носитель такого тела будет чувствовать себя обычным человеком, но сможет намного лучше владеть своим телом. Все органические части будут хорошо защищены, и хотя она не будет бессмертной, но никогда не состарится, по крайней мере на вид. И кроме того, у нее будет власть. Она станет живым воплощением богини, и не ограниченным программой в отличие от ее предшественницы. И к тому же действующим воплощением.

— Да как вы сделаете такое создание? — усомнилась Миди. — И даже если у вас получится, где вы возьмете добровольца на такую работу?

— У Айзека Клейбена рука набита по части создания созданий, — сухо ответила Урубу. — Что касается ее внешнего вида и поведения, то в дополнение к останкам есть ментокопии, где зафиксировано,

как она выглядит, разговаривает, как себя ведет. А насчет добровольцев — некоторые кандидатуры почти невозможно отклонить. Посмотрим, что из этого выйдет.

— О да, — задумчиво протянула Вурдаль. — Вот Ворону, скажем, наверняка понравилась бы такая власть. До чего же интересно было бы увидеть его в роли ошеломительно прекрасной богини...

— Черт меня побери, если я не испытываю искушения, — рассуждал Ворон, попыхивая сигарой. — Можешь представить меня в виде нагой красотки? — Он весело хмыкнул. — А если при тебе еще власть, и гипно, и все такое прочее... черт, это было бы чертовски забавно!

— Не сомневаюсь, — ответила Икира Сукота. — Но ты можешь забыть об этом, Ворон. Место уже занято. Работа начнется буквально через несколько часов.

Брови Ворона поползли вверх.

— Как? Но ведь не ты же?.. — Он уставился на нее, такую крохотную и такую прекрасную. — Да у тебя же массы не хватит!

— На органическую часть — вполне. Все уже проверено. Я подхожу как нельзя лучше. Всю жизнь, понимаешь, всю свою жизнь я была карлицей в мире гигантов, но сумела жить, как все. У меня не будет проблем ни с внешним видом, ни с поведением. Я была рождена для этого. Я знаю компьютеры и привыкла управляться с людьми. Поневоле научишься, если хочешь добиться хоть какого-то уважения к себе во вселенной гигантов. А какова перспектива... Следить за рождением и развитием нового общества, новой культуры, целиком и полностью женской и все же самодостаточной. Я всегда мечтала стать богиней. Просто никогда не думала, что у меня появится

шанс. Мне не хочется ждать гибели Главной Системы, когда я и сейчас могу получить то, чего хочу. Я никогда толком не знала, чего я хочу, Ворон, но теперь поняла — вот оно, здесь, это как раз для меня. А ты чего хочешь, Ворон, — по-настоящему? Знаешь ли ты сам, чего ты хочешь?

Он вздохнул:

— Нет. Я только знаю, что теряю тебя навсегда, малышка.

— И я тебя, Ворон. Я теряю вас всех. Прошу тебя, иногда молись мне, хоть немножко.

— Мы добудем все перстни!

Она улыбнулась:

— Да. Я знаю. Может быть, к этому времени ты поймешь все-таки, чего же ты хочешь.

ЭПИЛОГ: НАДУВАТЕЛЬСТВО НА ОЛИМПЕ

Совет не ждал ее, но в конце концов Дочь-Земля сама решала, когда и кому явить себя. И вот она появилась и вошла в Совет, как подобает богине, непостижимая и загадочная, каким и полагается быть сверхъестественному существу. Позже рассказывали, будто она отреклась от прежнего затворничества, посетила юных жриц в долине и даже выходила за ее пределы, дабы своими глазами увидеть племена, судьба которых висела на волоске.

— Моя повелительница, чья слава озаряет день и дарует жизнь этому миру, повелевает вам этой ночью быть в главном зале, — провозгласила богиня. — Поднимайтесь и следуйте за мной.

И они поднялись, и последовали за ней, и никто не проявил сомнения. Путиами, запретными для прочих, они прошли в исполинскую пещеру, где стояло изваяние Великой Богини. Был поздний час, на это время не назначались ритуалы, и храм встретил их пустотой и молчанием.

Она преклонила колени перед изваянием, а вслед за ней и все остальные простерлись на полу и ждали.

— О владычица, Твоя покорная и любящая дочь, плоть от плоти Твоей, ждет Твоего священного повеления. Повелевай нами, величайшая Богиня всего сущего, сотворившая нас и весь мир.

Послышался негромкий шум, словно вздохнули огромные легкие. Статуя ожила, и глаза ее взглянули на людей. Великая Богиня заговорила могучим, нечеловеческим голосом, вселявшим благоговение и страх:

— В последнее время до Нас доходят разноречивые данные. Они дают Нам повод для тревоги, ибо свидетельствуют о том, что влияние демонов на Наш народ усиливается. Мы послали Нашу дочь, дабы расследовать это, но Она обнаружила, что слухи преувеличены. Ныне Мы успокоены, но прежде чем прекратить расследование, Мы нуждаемся в последнем подтверждении. Окончательная цель демонов — оспорить нашу священную власть, отобрав у Нас тот Перстень, который Мы даровали вам как символ нерушимой веры. Если Перстень у вас, поднимите его, дабы Мы увидели.

Верховная жрица неловко стянула перстень с пальца и подняла его над головой. Огромные глаза пристально поглядели на крошечную вещицу.

— Прекрасно. Храните его ценой ваших жизни, души и чести. Силы демонов велики, они могут предпринять самые дерзкие попытки овладеть им. Наша дочь поможет вам хранить перстень. В битве против величайших демонов повинуйтесь Ей во всем, иначе утратите не только жизнь, но и ваши бессмертные души. Она есть плоть от плоти Нашей, и слава Ее есть отблеск Нашей славы. Ступайте же и исполните Нашу священную волю. Что бы ни случилось, Испытания должны продолжаться. Система должна устоять.

Они простерли руки, моля о милости и мудрости, но изваяние уже утратило жизнь и снова сделалось камнем.

Дочь-Земля встала с колен, повернулась и посмотрела на старейшин долгим взглядом. Бедные простодушные создания, рабы ее повелений... Великая Богиня ошиблась — последнее испытание уже закончилось.

Теперь она — богиня и повелительница Матрайха. Матрайх... первый мир и первый народ, которому

суждено освободиться из-под гнета Системы. Сам компьютер помог ей проанализировать модули сбора данных, разобраться в том, как они действуют и каковы их возможности и ограничения. Теперь сборщицы модулей, возвращаясь, будут делать не одну, а две остановки. С помощью переносной аппаратуры подчиненные Ей жрицы-рабыни будут оценивать и корректировать информацию так, чтобы компьютер знал только то, что Она позволит ему знать. Модули, предназначенные для перепрограммирования жриц Третьей ступени, будут нести Ее волю, а не волю Главной Системы. Почти все уже сделано. Даже религия будет перепрограммирована, и прежние верования падут под натиском новых. Политеизм умрет, уступив место одному божеству — Ей. Система будет одна — Ее система. А если люди усомнятся, если они хотя бы спросят — что же, Она снизойдет до них, и величайшие, могущественнейшие из вождей падут перед Ней на колени.

И скоро у них появятся более серьезные причины для поклонения, чем прежнее надувательство. Скоро жрицы начнут наставлять Людей в искусстве выращивания растений, строительства и дипломатии. Да, это был вызов, и она была рада ему. Быть просто богиней ничего не стоит, но она станет великой богиней и даст людям столько причин почитать себя, сколько не снилось ни одному другому богу.

Она лениво раздумывала о тех, кого покинула. Если они соберут свои пять перстней, если используют их и овладеют великой мощью — должна ли будет и она почитать их?

Это не имело значения. Здесь Ее мир, здесь Ее народ, с этой минуты здесь вся Ее вселенная. Если те, другие, достигнут своей собственной божественности, пусть лучше поостерегутся подходить к Ней со спины...

МАСКИ МУЧЕНИКОВ

Jack L. Chalker
Masks of the Martyrs
1988

Перевод с английского О.В.Подобрянской
под редакцией К.Е.Россинского

Клиффорду Саймаку

ПРОЛОГ: ОТЧЕТ О ТЕКУЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Хорошо быть мертвым: можно без страха и упрека делать все, что раньше было опасно или неприемлемо. Единственная проблема заключается в том, что твои усилия, как правило, дают прямо противоположный эффект.

Арнольд Нейджи был мертв по определению: его тело было разрушено в бою с кораблем Валя. Он победил ишсек Главной Системы — роботов-убийц, обладающих интеллектом и памятью своих жертв, — но и сам пострадал в этой схватке. Экипаж, сочтя Нейджи мертвым, похоронил его в космосе, выбросив бездыханное тело через воздушный шлюз — пусть вечно кружится вокруг какого-нибудь одинокого солнца.

А теперь он сидел в своем куполе, удали от любых битв, имея в своем распоряжении все мыслимые удобства, за исключением, разумеется, компании. Такое случалось редко, а когда случалось, Нейджи начинал тосковать.

Он тосковал по человеческому обществу, по людям из плоти и крови, которые разговаривают, плачут, смеются — одним словом, делают все, что положено делать людям. Оказалось, что одиночество — страшная штука, поэтому Нейджи и называл свое роскошное убежище адом. Впрочем, для Нейджи ад был там, где он в данный момент находился,

просто в обществе людей его было легче переносить. Когда Мефистофеля, главного агента Сатаны, спросили, на что похож ад, знаете, что он ответил? «Да вот он, ад, и я не вне его!»

Нейджи сел за компьютер и вывел на экран отчет. Он читал его уже миллион раз, но вынужден был делать это снова и снова — чтобы успокоиться.

Статья. Главную Систему можно отключить лишь с помощью специального механизма, предусмотренного ее создателями. Пять микрочипов замаскированы под пять золотых колец, которые, в соответствии с основной программой, всегда должны находиться в руках «людей, облеченных властью». Эти кольца разбросаны по всей Галактике, и любая попытка собрать их обречена на провал, ибо Главная Система контролирует все космические перелеты. Главная Система скрыла от человечества информацию о назначении колец и о том, где их можно найти, как применить и в каком месте на какой планете находится соответствующий интерфейс.

Статья. Через девятьсот лет после того, как ГС приняла на себя управление человечеством, информация о кольцах всплыла в подпольной ячейке технологистов — людей, пытающихся проводить запрещенные Главной Системой исследования. Они попытались связаться с владельцем единственного кольца на Земле — Верховным Администратором Ласло Ченом.

Статья. Курьер, везущий Чену документы, был сбит над Северо-Американскими равнинами. Бумаги попали в руки Джона Найтхока, индейца из племени хай-акут, ставшего историком и работающего в Центре. В описываемый момент Джон был на Рекреации. Понимая, что за документами начнется охота, он вместе со своей женой, Танцующей в Облаках, ударился в бег. Их преследовал, с одной стороны, Вал, с другой — агенты Чена: Ворон и Манка Вурдаль. Ворон первым настиг беглецов и доставил их к своему боссу. Чен от-

правил их на астероид под названием Мельхиор, где размещалась тюрьма, бывшая одновременно единственным исследовательским центром, независимым от Главной Системы. Управлял им доктор Айзек Клейбен — Главная Система в человеческом обличье, не смотря на то что он тоже ненавидел компьютер.

Статья. Примерно в то же время Сон Чин, дочь главного администратора Китайского Центра, обнаружила, что еще одна ячейка технологистов выяснила, что на всех космических кораблях Главной Системы, управляемых компьютерами, имеются специальные интерфейсы для пилотирования корабля людьми. В документах не говорилось о причинах их существования, но указывалось, как их использовать. Отец Сон Чин, проводя длительный эксперимент по селекции человека, включил в него свою дочь. Не желая жертвовать в угоду отцу своим умом и талантами, Сон Чин попыталась сбежать и тоже попала на Мельхиор. Одновременно с ней там же оказались двое воровки-крестьянки, обладающие необыкновенными способностями взламывать любой замок. Это были сестры Чо Дай и Чо Май.

Статья. Когда под видом инспекторов на Мельхиор прибыли Ворон и Вурдаль, Арнольд Нейджи, начальник службы безопасности Мельхиора, устроил побег Джону Хоксу — Козодою, — его жене, сестрам Чо, Сон Чин, которую к тому времени стали звать Соловей Хань, и капитану флибустьеров Риве Колль. Побег был осуществлен на специальном корабле, компьютерный пилот которого был независим от Главной Системы. Нейджи, Клейбен, Ворон и Вурдаль составили компанию беглецам.

Статья. Будучи на Мельхиоре, Хань удалось узнать о существовании резервного флота гигантских транспортов, которые в свое время использовались Главной Системой для расселения человечества. На этих кораблях имелись устройства, называемые трансмьютерами.

С их помощью изменялся облик колонистов с учетом будущих условий существования. Беглецам удалось проникнуть и активировать один из таких кораблей, который они называли «Громом».

Статья. Рива Колль на поверку оказалась вовсе не человеком, а искусственно созданным существом, способным поглощать, а потом физически и ментально дублировать любые организмы. Инициатором этого проекта был Айзек Клейбен, который надеялся в будущем создать целую армию таких существ в надежде, что это поможет обмануть Главную Систему. Но это существо не поддавалось контролю и ненавидело своих создателей. Тем не менее оно примкнуло к беглецам добровольно и стало их основным козырем. Оно выбрало себе постоянное имя и стало зваться Урубубу.

Статья. На базе Халиначи, принадлежащей Фернандо Савафунгу, беглецов засек Вал. Главная Система решила расправиться с пиратами. Халиначи была атакована. Савафунгу и тем немногим, кому удалось спастись, не оставалось ничего, как только присоединиться к команде Козодоя. Так появился небольшой пиратский флот, флагманом в котором был «Гром». Пираты провели несколько успешных рейдов, захватили транспорт с мурилием — источником энергии для трансмьютеров, — но в одной из стычек с Валами погиб Нейджи. Тело его было выброшено в космос, и все считали его мертвым.

Статья. Выяснив, на каких планетах находятся три из четырех недостающих колец, пираты начали операции по их изъятию. В этом смысле им несказанно пригодился Урубубу. Высаживаясь на планету, он принимал облик туземца, собирал информацию, на основе которой разрабатывался план, и сам принимал активное участие в краже колец. Естественно, он действовал в одиночку. С помощью трасмьютеров другие пираты тоже изменяли облик, как это делалось в незапамятные времена с колонизаторами. Проблема была только в

том, что человеческий организм мог лишь раз перенести воздействие трансьютера: вторая попытка привела к нарушению внутриклеточного обмена, и человек погибал.

Статья. Так было похищено кольцо с Джанипура. Но при отступлении пираты столкнулись с эскадрой МСС — Миротворческих Сил Системы. Произошло космическое сражение. Пираты победили, но цена за победу оказалась велика. Во-первых, они потеряли корабли и людей, а во-вторых, раскрыли свои карты перед Главной Системой.

Итак. После операции на Матрайхе у пиратов осталось очень мало людей, еще не подвергшихся трансмутации. Кроме того, им по-прежнему было неизвестно местонахождение четвертого кольца и самой Главной Системы. Кроме того, никто не знал, как найти инструкцию по использованию колец, даже если удастся собрать их все. Главная Система вела за ними непрерывную охоту, а сил и времени у них оставалось все меньше и меньше...

Арнольд Нейджи выключил компьютер и, налив себе бурбона, жадно осушил стакан.

Арнольд Нейджи нервничал.

1. СЛОЖНОСТИ С ЧАНЧУКОМ

По темным волнам Чанчука Уруббу уплывала от обители Преподобной Матери. Пока она была женщиной, но это ненадолго: очередная цель уже намечена, и теперь остается лишь дождаться подходящего момента, чтобы завершить операцию.

В этом полушарии уже наступила весна. Льды таяли, раскалывались, и теплые течения уносили обломки в Великий океан. Вода уже прогрелась до шести градусов Цельсия, но видимость здесь, у берега, была отвратительная — даже для глаз чанчукианцев, хотя Главная Система сделала их идеально приспособленными к условиям этого сурового мира. Жители Чанчука были совершенно уникальны как в биологическом смысле, так и в культурном.

Расселяя человечество по новым мирам, Главная Система изменяла людей применительно к новым условиям обитания не только для того, чтобы им легче жилось. Для нее важно было сделать жителей разных колоний настолько отличными друг от друга и от своих предков, чтобы у них не могло возникнуть даже желания вернуться на свою историческую родину, хотя бы им и представилась такая возможность. Чем больше люди отличаются друг от друга внешне, тем сильнее ненавидят тех, кто непохож на них, и тем меньше вероятность, что человечество когда-нибудь захочет объединиться.

С Чанчуком Главной Системе пришлось повозиться. Тропический пояс представлял собой настоящий ад, где все кипело и испарялось; остальную часть суши занимали пустыни, тундра и высокие неприступные горы. Кроме того, на поверхности планеты свирепствовали постоянные бури. Ни о каком развитии сельского хозяйства в таких условиях не могло быть и речи, поэтому Главной Системе ничего не оставалось, как только поселить людей в океане. Жизнь в чанчукианских морях была богата и разнообразна, но новый хищник — человек, — самый агрессивный и легко приспосабливающийся, быстро и окончательно завоевал себе господство в океанских пучинах.

Мимоходом заметим, что, несмотря на успешную адаптацию к чуждым условиям обитания, люди так и не смогли до конца сродниться с чанчукианскими океанами.

Урубун сначала «почуяла» вход в свое жилище и лишь потом его увидела. Подплыв к нему, она вошла в тамбур и с наслаждением сделала глубокий вдох. Несмотря на то что жители Чанчука могли задерживать дыхание на целый час и погружаться на глубину до тысячи метров, они оставались млекопитающими и получали удовольствие от самого процесса дыхания.

Входной тамбур был достаточно скромнен; он исполнял роль прихожей в хорошем доме, места, где принято оставлять все неприятности, прежде чем войти в комнаты. Внутренняя поверхность тамбура была покрыта «дахаджи» — так называлась чанчукианская гигантская губка, прекрасно впитывающая воду. Дахаджи была только рада, когда человек отряхивался, а потом еще и катался по ней, чтобы стать совсем сухим. Но это было еще не все: во втором отделении тамбура вошедшего с нетерпением ждали мощные фены, чтобы окончательно завершить процесс высушивания. Разумеется, такую роскошь могла

себе позволить только элита Центра. Широким массам приходилось удовлетворяться естественными ветрами или ходить мокрыми.

Войдя в комнату, Урубун увидела, что, несмотря на раннее время, светильники уже зажжены. Она выглянула в окно и только сейчас заметила, что над океаном хлещет ливень. Небо застилали темные грозовые тучи, а штормовые волны пытались сокрушить человеческое жилище. Но дома чанчукиан строились на редкость прочно; местные жители давно привыкли к существованию на границе двух стихий.

Бутар Киломен возилась на кухне, и по всему дому разносился аромат хайки — излюбленного лакомства чанчукиан, очень похожего на печенье. Теперь Бутар ничем не напоминала то хвостатое безволосое создание серого цвета с непомерно развитой мускулатурой, каким была на «Каотане», и надо сказать, в нынешнем виде она нравилась Урубун гораздо больше. Собственно, и сама Бутар не была слишком удручена переменой внешности.

Жители Чанчука покрыты густым маслянистым мехом, оттенки которого варьируются от золотистых до красных, коричневых и черных. На суше они передвигаются на двух ногах. У них широкие ладони, а пальцы соединены плотной кожистой перепонкой. Несмотря на отсутствие ушных раковин, слух у чанчукиан на удивление острый. Головы у них гладкие и шарообразные, носы — широкие и плоские, а ноздри обладают способностью плотно закрываться под водой. Рот, обрамленный длинными густыми усами, на первый взгляд кажется маленьким, но на самом деле чанчукианин может проглотить рыбину размером с половину его головы. Круглые карие глаза снабжены двумя веками. Внутреннее веко — прозрачное, но может выполнять роль светофильтра, хотя основное его назначение — компенсировать разность коэффи-

циента преломления в воздушной среде и в воде. По земным меркам чанчукиане слегка близоруки, и зрение у них не цветное и даже не черно-белое, а коричнево-белое. Именно потеря цветовых ощущений казалась пиратам самой большой утратой, хотя теперь они уже к этому привыкли.

Чанчукианское тело толстое, но невероятно гибкое; длинные ноги, заканчивающиеся ластообразными ступнями, в воде превращаются в хвост, наподобие дельфиньего, позволяющий им развивать большую скорость. Ходят они слегка наклонившись вперед, а толстая мембрана, которая в воде выполняет функции спинного плавника, на суше свисает вниз и помогает поддерживать равновесие. Ворон говорил, что они напоминают ему тихоокеанских морских выдр.

— Все готово? — повернувшись к Урубубу, спросила Киломен.

— Да, насколько это в принципе возможно, — ответила та. — Похоже, старая дева никогда не снимает эту чертову штуку с пальца. Впрочем, я полагаю, что все пройдет гладко. Устройства, которые прикроют наш отход, уже размещены и замаскированы. Нашим врагам может повезти, но преимущество на нашей стороне. Сомневаюсь, что этот фокус можно показать дважды, но я думаю, второй попытки не понадобится. По крайней мере на этот раз мы рискуем гораздо меньшим количеством людей, и кроме того, теперь у нас больше опыта.

Из спальни вышла Мин Хао По. Вид у нее был сонный, но Урубубу не сомневалась, что она уже все продумала. Мин, как и ее коллега, Чанг Манг Во, раньше входили в экипаж «Чун Хо Фана». В прошлом мужчины, они с трудом свыклись с обществом, где царит оголтелый матриархат, подкрепленный не только культурными традициями, но в первую очередь биологией. Правда, и Мин и Чанг по происхождению были ки-

тайцами, так же, как и предки чанчукиан, поэтому кое-какие местные обычаи и даже язык, хотя и сильно изменившиеся, были им знакомы. Но при отборе людей для операции имели значение, разумеется, не происхождение, а профессиональная, так сказать, ориентация. Обе они чрезвычайно метко стреляли, Мин была на «Чун Хо Фане» лучшим артиллеристом, а Чанг — специалистом по связи. Их опыт как нельзя лучше соответствовал задуманной «шалости», как называл эту операцию Ворон.

— Когда выступаем? — поинтересовалась Мин.

— Действительно, мы тут уже чересчур засиделись, — согласилась Урубубу. — Я хочу, чтобы вы с Чанг напоследок все еще раз проверили. Будет обидно, если операция сорвется из-за какой-нибудь дурацкой случайности. Приготовьте оружие и канистры. Если все пройдет, как задумано, кольцо будет у нас, но на этот раз ни черти, ни ангелы не будут нам помогать. При малейшем подозрении на неудачу я прекращаю операцию, и вы отступаете на исходные позиции.

— Да-да, конечно! — нетерпеливо ответила Киломен. — Мы все знаем и готовы рискнуть. Будем бить без промаха, но основная часть операции — на тебе. Ты уверена, что сможешь нейтрализовать нейротоксины?

— На тренировках у меня это выходило легко, — пожала плечами Урубубу. — Но тогда я точно знала, когда нужно начинать, и успевала сосредоточиться. Не забывайте инструкции. Если я через пятнадцать минут не выйду оттуда, с кольцом или без, или войска поднимутся по тревоге — бросайте все к чертовой матери и уходите. Нет смысла погибать задарма. — Она посмотрела на Киломен и нахмурилась: — Я что-то забыла? У тебя остались вопросы?

— Нет, — пожала плечами Киломен, — все понятно. Просто у меня такое предчувствие, что мы достанем кольцо и при этом все останемся живы.

Положив руку ей на плечо, Урубу изобразила чанчукианский вариант грустной улыбки. Это было ужасное зрелище.

— Никто не будет жить вечно, если только я его не съем.

Мин недовольно поморщилась и перевела разговор на другую тему:

— А что насчет Центра? Ты уверена, что там никто ничего не подозревает?

— Ну, какие-то подозрения у них, безусловно, имеются, — призналась Урубу. — Поэтому они и установили повсюду проволочные заграждения, а мы вынуждены с утра до вечера разыскивать подслушивающие устройства и моделировать правдоподобные записи. Они, видишь ли, убеждены, что у нас тьма-тьмушая шпионов, которые способны похитить людей, занимающих важные посты, и заменить их нашими дубликатами, неотличимыми от похищенных оригиналов. Правда, компьютеры уверяют их, что процессы, происходящие в мозгу, уникальны, и скопировать их невозможно, но из-за этой «шпионской» теории всем бойцам МСС, а также охранникам Центра и администраторам, особенно тем, кто имеет право лицезреть Святую Ламу, вживлен контрольный имплантант. Я едва не упустила это из виду, когда абсорбировала свое нынешнее тело. К сожалению, иногда я бываю не очень внимательна, и тогда мои клетки автоматически исключают чужеродные объекты. К счастью, в тот момент я еще не начала преобразование интеллекта, и успела сообразить, что к чему. В следующий раз я буду начеку. Они убеждены, что теперь нам не удастся похитить кого-то на время, достаточное, чтобы создать дубликат и не вызвать тревоги. В чем-то они правы.

Если кто-то пронюхает о моих способностях, меня нейтрализуют в два счета.

— Поэтому-то я и волнуюсь, — мягко сказала Бутар Киломен. — Без тебя даже четыре кольца ничего не стоят. Ты — наш последний козырь.

Урубу села на хвост и вздохнула:

— Я вижу, вы недооцениваете себя. В самом начале так еще можно было сказать, но сейчас я отнюдь не уверена, что кого-то из этой компании удастся обмануть.

Она резко хлопнула в ладоши и выпрямилась, насколько позволяло ей чанчукианское туловище.

— Вперед! Мин, разбуди Чин и скажи ей, чтобы выскакивала хвостом вперед. Если хайка не сгорела, пока мы болтали, давайте пить крепкий чай и наслаждаться мыслью, что все уже почти завершено. Мы можем жить в воде и в воздухе, но будем чувствовать себя дома только в космосе. И мы вернемся туда в самое ближайшее время!

Система управления обществом на Чанчуке была такой же, как и на остальных колонизированных планетах: интеллектуальная элита — марионетки Главной Системы — и темное большинство, которое избранные успешно удерживали на одном и том же уровне невежества. Эта идея была не нова — Главная Система позаимствовала ее из истории Древней земли, Земли-до-Главной-Системы. Впрочем, она была достаточно эффективна, но на Чанчуке имела свои особенности. Чанчук вообще был очень своеобразной планетой.

Жители его, как выше было сказано, происходили от китайцев и, разумеется, все как один исповедовали буддизм. Матриархат; царящий на планете, наложил отпечаток и на облик Просветленного: по местным понятиям Будда был рыбоподобен и, как все духовенство Чанчука, принадлежал к женскому полу.

Мужчины Чанчука на эту роль явно не годились: они были слабыми, низкорослыми, считались весьма не-далекими и жили гораздо меньше женщин, которые называли их Производителями и управляли планетой. Проанализировав эти факты, Клейбен и Звездный Орел пришли к мысли, от которой никак не могли отделаться, что чанчукиане являются наследниками людей лишь в культурном отношении, а биологически они — потомки некой расы, которая искони населяла эту планету. Вероятно, коренные жители этой планеты не захотели сдаться добровольно, как некоторые другие, и Главная Система ассимилировала их таким варварским способом, по существу, аналогичным геноциду. Был ли великий компьютер способен на это — кто знает? Но в конце концов его программа предполагала сохранение только человечества... Клейбен не раз задумывался о том, сколько планет постигла такая же участь.

— Главную Систему создали люди, — заметил по этому поводу Козодой, — а как известно, человеческому разуму издавна свойственно проявлять особый талант, когда дело касается уничтожения расы или этнической группы, которая стоит на пути более сильной нации.

Козодой знал, о чем говорил, поскольку принадлежал к тем, кого европейцы обобщенно называют «американские индейцы».

Что касается Урубубу, то она сама была продуктом человеческого интеллекта и технологии и поэтому не особенно беспокоилась о таких вещах. У нее хватало других забот.

Центр Ва Ши имел городскую структуру и состоял из множества связанных между собой жилых домов и административных зданий, но, несмотря на это, проникнуть в него было ничуть не труднее, чем

в любой другой Центр, особенно когда знаешь принцип. Главного администратора здесь называли «Святая Лама». Не только простые люди, но и большинство образованных чиновников Центра всерьез считали ее последним воплощением некоего полубожественного существа, посланного с небес на землю. Именно поэтому он обладала высшей религиозной властью, а статус ее приравнивался к божественному. Святая Лама вела чрезвычайно замкнутый образ жизни и покидала Обитель только для участия в особо торжественных церемониях, но даже тогда ее сопровождали многочисленные охранники. Подобраться к ней незамеченным и украсть кольцо, которое она к тому же никогда не снимает, было совершенно невозможно. Для успеха миссии было необходимо застать Святую Ламу в тот момент, когда она полагается исключительно на электронные системы безопасности, а для этого надо было проникнуть в Обитель — самое сердце Ва Ши.

Урубу применила свою испытанную тактику: «сожрав» очередную жертву, она превратилась в офицера службы безопасности, имеющего доступ в храмовый комплекс Ва Ши.

Правящая элита повсеместно состоит из людей, которые хорошо знают историю мира и своего народа в частности. Поэтому-то они, как правило, становятся циниками и просто играют ту роль, которая требуется, чтобы произвести нужное впечатление на массы. Но Чанчук и в этом смысле был исключением. Местная элита обладала знаниями, но цинизм у нее отсутствовал напрочь, и даже сама Святая Лама искренне верила в собственную святость и высокое предназначение и очень серьезно относилась к своим обязанностям. Она очень много времени проводила в молитвах, но это не мешало ей быть весьма толковым руководителем. Она знала все, что происходит на вверенной ей планете, и к тому же была очень

сведуща в технологии. В отличие от других жриц она не давала обет безбрачия, что, впрочем, от нее и не требовалось. Наоборот, Святая Лама была обязана рожать детей со всей возможной частотой.

Девочки, рожденные ею, становились жрицами в других Центрах; считалось, что они имеют полубожественное происхождение. Когда их мать умирала, на одну из них снисходило просветление, и она становилась новой Святой Ламой. Как правило, хотя и не обязательно, для этой роли выбиралась самая молодая и самая плодовитая жрица. Но при этом она была обязана великолепно разбираться в политике и культуре Чанчука. Избранность ее подтверждалась тем, что Священное Золотое Кольцо должно было оказаться в пору новой владелице. Как ни странно, так всегда и бывало.

Нынешнюю Святую Ламу избрали в возрасте двадцати девяти лет. Сейчас ей было тридцать шесть. Чанчукианские женщины достигали половой зрелости по земным меркам довольно поздно, и была надежда, что она успеет родить на благо своим подданным еще не меньше десятка детей. По целому ряду политических и исторических причин вся ее прислуга состояла из мужчин, а все встречи Святой Ламы с другими женщинами, даже высокопоставленными, происходили под строгим контролем. Малейшее отклонение от протокола немедленно вызвало бы тревогу. Все без исключения охранники были фанатично преданны Святой Ламе, а ведь кроме них существовали еще и бойцы МСС.

Таким образом, единственным местом, где можно было попытаться стащить кольцо, оставались спальные апартаменты Святой Ламы. Входить туда разрешалось одной-единственной женщине — ей самой, и только сверхсексуальный и физически слабый Производитель имел хоть какие-то шансы на успех. Уруббу долго ломала голову над тем, как стать таким человеком, и сейчас все надежды возлагались на маленький

флакончик искусственных гормонов, которые Урубун удалось синтезировать.

Дело в том, что право получить аудиенцию у Святой Ламы имели только те жрицы, которые подверглись стерилизации и удалению желез, производящих гормоны, вызывающие физическое влечение у мужчин. Урубун сейчас была именно в таком состоянии. Один раз она уже пробовала превратиться в Производителя, но ничего не вышло: она добилась аудиенции, однако ей не удалось остаться наедине с кем-нибудь из сопровождающих на достаточно долгое время. Второй раз она не имела права потерпеть неудачу: у МСС могли возникнуть подозрения, а это равносильно провалу.

Урубун подплыла к Обители. Отпечатки пальцев, рисунок сетчатки и состав крови идентифицировали ее как Манг Квинг, старшую сестру Святой Ламы. Она исполняла функции старшей жрицы властителя Бадха и в то же время — командующего дивизией связи. Манг Квинг рассылала приказы и принимала отчеты от всех Центров планеты. На Чанчуке это очень высокая должность, и она открывала перед Урубун множество возможностей. Манг Квинг имела доступ ко всем уровням секретности и право в случае необходимости посещать Святую Ламу. Кроме того — и это немаловажно, — как близкая родственница Святой Ламы, занимающая свою должность по праву рождения, Манг Квинг имела право на ошибку. Другими словами, по чанчукианским законам ей многое позволялось, а в случае чего она по крайней мере не поплатилась бы жизнью.

Обсушившись в тамбуре, она вытащила из ранца желто-коричневую жреческую мантию и медальон офицера связи. Одевшись и повесив на шею медальон офицера связи, она поднялась наверх для того, чтобы пройти все необходимые проверки.

Для того, кто родился и вырос в невежестве, эта вполне обычная процедура показалась бы магическим ритуалом, а мир, в который Урубун попала, поднявшись по лестнице, — обиталищем богов. Или демонов. По пути Урубун кивала солдатам, дежурившим в коридорах. У двери в кабинет ее ждала полковник Чи. Урубун едва удостоила ее холодным взглядом и, подчеркнуто не замечая ее, прошла в кабинет. Ко всеобщему неудовольствию, полковнику Чи удалось занять должность, совершенно не соответствующую ее званию. Чи смущенно отвела взгляд, но тем не менее вошла в кабинет вслед за Урубун.

— Тысяча извинений, ваше святейшество, но я хотела бы с вами поговорить.

Не обращая на нее внимания, Урубун села на мягкий ковер и положила на низенький деревянный столик перед собой толстую пачку документов, оставленных на подпись. Но офицера МСС не так-то просто проигнорировать, тем более что уважения и религиозности у полковника Чи было не больше, чем у водяного клопа, а может, и еще меньше.

Не поднимая головы от документов, Урубун со вздохом сказала:

— Полковник, сегодня нам предстоит решить еще много вопросов, не имеющих к вам никакого отношения. Хотя мы стоим по одну сторону баррикады, но на Чанчук вас никто не приглашал. Если бы не ваша надменность, наши отношения могли быть гораздо лучше. Так что давайте оставим церемонии и поскорее перейдем к делу.

Чи улыбнулась. Она приложила много сил, чтобы дослужиться до звания полковника, а эта жрица получила власть и положение в обществе только потому, что родилась в подходящей семье. Первое время высокомерие Манг Квинг, да и других жриц, задевало Чи, но она постаралась привыкнуть и не обращать внимания.

— Очень хорошо, — вслух сказала Чи. — Тогда перейдем к делу. Генерал Варфен, начальник штаба Миротворческих Сил Системы, нервничает. А когда он нервничает, его подчиненным приходится несладко. Мы получили приказ привести войска в полную боевую готовность.

— Типичный случай мужской паранойи, полковник, — презрительно ответила Урубубу. — Впрочем, когда получаешь приказы от мужчины, это в порядке вещей.

Чи не стала вступать в спор о мужской психологии. Она понимала, что высшему духовенству отлично известно, что отношения между полами, принятые на Чанчуке, отнюдь не являются универсальными, и такие люди, как генерал Варфен, ничуть не уступают по интеллекту ни Святой Ламе, ни ее жрицам.

— Несколько лет назад полковник Прайви, мой коллега на Джанипуре, получил такое же задание, — негромко сказала она. — Он умер медленно и мучительно — его смерть была наглядным уроком для остальных командиров, и меня тоже заставили смотреть, как он умирает. Я не хочу стать кандидатом для следующего наглядного урока. До сих пор мои приказы не затрагивали существования сложившейся на планете общественной системы. Но, уверяю вас, если МСС решит взять контроль над Чанчуком в свои руки и ликвидировать местную администрацию, я смогу это сделать и сделаю.

Верховная жрица бесстрастно взглянула на нее.

— Есть ли у вас доказательство, что это нечто большее, серьезное, чем паранойя? Одно кольцо за сколько там? Пять? Да, за пять лет. И зачем создавать такой ажиотаж вокруг кольца Святой Ламы. Если оно настолько важно, почему бы просто не забрать его куда-нибудь, а там охранять как следует? У вас для этого достаточно сил.

Чи отрицательно покачала головой:

— Я понятия не имею, что такое эти кольца, и, честно говоря, не хочу этого знать, но ходят слухи, что все вместе они представляют собой угрозу существующему порядку и безопасности. Как это может быть, я не знаю и, повторяю, знать не хочу. Да и вы не хотите. Я полагаю, что это знание означает смерть.

— Смерть, полковник, — понятие относительное, — заметила Манг Квит, она же — Урубубу. — Но, конечно же, способ смерти, так же как и образ жизни, имеет большое значение, это мы признаем. И разве все же вас не беспокоит факт, что этим пиратам известно то, что не известно вам? Сложно представить себе секрет, который знают враги, но который надо скрывать от друзей. Кроме того, какое это может иметь отношение к Нам, за исключением того, что ваше присутствие на планете подрывает порядок в обществе и мешает нормальной жизни?

Полковник Чи достала из сумки у себя на поясе фотографию и передала ее Верховной жрице. На фотографии был изображен маленький круглый предмет, напоминающий толстое кольцо, лежащее на массивном основании.

— Ну? И что же это такое? — спросила она, отлично зная, что это такое. Учитывая время, прошедшее с начала операции, просто удивительно, что первое устройство обнаружили только сейчас.

— Это автономный, дистанционно управляемый двигатель космического корабля, — ответила Чи и, взяв у Урубубу фотографию, убрала ее обратно в сумку.

— Космический корабль? Трудно поверить, что такая вещь может иметь отношение к космическому кораблю.

— Это не космический корабль. Только двигатель; двигатель, немного топлива и очень маленький блок управления, способный распознавать только сигналы типа «включить — выключить». Несомненно, эта вещь предназначена для одноразового использования.

— В самом деле? И что из этого следует?

— Ничего. Это просто двигатель и топливо. Хотя в принципе небольшой предмет вроде кольца вполне может поместиться в одном из входных портов. Эта штука была найдена в провинции Вин Той. Фермеры, выращивающие клич, случайно ранили варога. Естественно, им пришлось спасаться бегством: вы знаете, что раненый варог чрезвычайно опасен.

Кличем назывались водоросли, которые служили основным продуктом питания на Чанчуке, а варог был одним из крупных морских хищников.

— Фермеры буквально наткнулись на этот аппарат в том месте, где на поверхность выходят скальные породы. Он был тщательно замаскирован и спрятан достаточно далеко от деревни.

— Почему вы не доложили об этом сразу?

— А... Наши люди в Центре Вин Той провели все необходимые исследования. Мы не испытывали необходимости ставить вас в известность об этом происшествии.

— Не испытывали необходимости! В конце концов, это наша планета! Да как вы посмели! Или вы уже взяли на себя управление Чанчуком?

— Пока нет. Но давайте не отвлекаться. Я вам рассказываю об этом, потому что нам может потребоваться ваша помощь, чтобы скоординировать усилия различных служб Центра. Мы должны знать, есть ли на планете другие такие же предметы, но, чтобы их обнаружить, требуется целенаправленный и грамотный поиск. Эти устройства не сами слетели к нам с неба и замаскировались — кто-то должен был принести их и спрятать. Сделаны они явно не у нас: подобной технологии на Чанчуке не существует. По степени морских отложений на корпусе можно сказать, что он находится здесь уже около полутора лет. Если есть и другие, мы должны найти их! И как можно скорее!

Урубу насмешливо глянула на нее:

— Только что вы убеждали нас в своем могуществе. Пожалуйста, чувствуйте себя как дома. Идите и ищите все, что вам заблагорассудится.

— Вы знаете, что мы не в состоянии справиться только своими силами. Нам не знаком этот мир. Мы здесь всего лишь гости, хотя и принадлежим к той же расе, что и вы. Все элементы, входящие в состав устройства, распространены на Чанчуке в изобилии. Поэтому какие-либо специальные датчики нам не помогут. Почти наверняка все они спрятаны вдали от населенных районов и транспортных путей, но, возможно, кто-то из администрации или фермеров заметил кого-то подозрительного. Мы должны проверить все варианты — но не сами. Лучше всего использовать ваших подчиненных и наиболее опытных людей из всех Центров.

«Неплохое прикрытие», — подумала Урубу, а вслух сказала:

— Мы не уполномочены отдавать соответствующие приказы, и у нас нет ни малейшего желания сотрудничать с вами, учитывая наши отношения. Только лично Святая Лама может отдать подобный приказ. Вы проинформировали ее?

— Информацию об этом устройстве, как и все указания, я получила из штаба только что. Главная Система считает, что интенсивный поиск вынудит пиратов, находящихся на Чанчуке, поторопиться с попыткой украсть кольцо. Из опасения, что мы обнаружим все устройства и лишим их возможности скрыться. Уже сейчас к Чанчуку направляются несколько кораблей с хорошо вооруженными бойцами и необходимой аппаратурой. Они будут здесь через пять дней. До тех пор лучше, я думаю, держать наше открытие в тайне. Но как только корабли окажутся на орбите, агенты пиратов тут же об этом узнают. У них не будет другого выхода, как только немедленно похитить кольцо, и тут-то мы их и схватим.

Пять дней. Срок небольшой, но успеть можно, тем более что план разработан весьма тщательно. Правда, начавшись, операция должна пройти очень быстро: исчезновение Манг Квинг будет замечено сразу же, а даже Урубубу не могла быть двумя людьми одновременно.

Она кивнула полковнику Чи:

— Очень хорошо. При первой же возможности я изложу вашу просьбу Святой Ламе.

Чи свирепо взглянула на нее:

— Надеюсь, что первая возможность представится быстро, ваше святейшество. — Последние слова прозвучали, как ругательство. — Я вижу, вы начинаете забывать, кому вы обязаны своей сытой жизнью и возможностью развлекаться за счет вашей драгоценной религии. Я надеюсь, что Святая Лама отдаст необходимые распоряжения сегодня же. В противном случае я вынуждена буду доложить генералу Варфену, что Центр Ва Ши в лице его главного администратора отказался сотрудничать с МСС. Посмотрим, как вы запоете, когда здесь будут Валы, а все ваши компьютеры, энергетические установки и прочая техника перейдет под полный контроль Главной Системы.

Полковник Чи отдала честь и с самодовольным видом вышла из кабинета.

Это была не пустая угроза. После таких слов любая Верховная жрица впала бы в панику, а Святая Лама начала бы делать все возможное, чтобы сохранить свою власть. Для Урубубу же это означало только, что ей наконец-то выпал счастливый случай. Она нажала на кнопку селектора.

— Срочно передайте расшифрованную запись нашей беседы с полковником Чи Святой Ламе. Поставьте гриф чрезвычайной важности, — твердо произнесла она. — Затем соберите всю имеющуюся информацию об этом инопланетном предмете, который

они нашли, и предоставьте мне детали. — Помолчав, она добавила: — И узнайте, кто именно из наших людей в Вин Той не доложил немедленно об этом происшествии. Скажите им, пусть хорошенько поищут оправданий, либо их отчеты будут переданы в Высший Суд для рассмотрения самой Святой Ламой. До тех пор, пока не будет принято решение суда, освободить их от всех занимаемых должностей и лишить званий. Все ясно?

— Да, ваше святейшество, — услышала она в ответ испуганный голос. — Будет исполнено, ваше святейшество.

К тому времени, когда Святая Лама вызвала ее, Уруббу собрала уже достаточно информации. Агенты, не доложившие о находке, уверяли, что отправили рапорт обычным путем, но он, видимо, где-то затерялся. Уруббу знала, что они лгут. Сделать карьеру на Чанчуке было нелегко: в местной иерархии всерьез ценилось только происхождение, и, вероятно, эти двое сделали ставку на влияние полковника Чи. Что ж, они проиграли.

Перед тем как отправиться на аудиенцию, Уруббу позвонила домой. Вся информация, как входящая, так и исходящая, тщательным образом контролировалась, а все переговоры прослушивались, но Уруббу не собиралась говорить ничего компрометирующего. Во всяком случае, на взгляд непосвященного.

— Мы вернемся домой очень поздно, — сказала она Бутар Киломен. — В шестнадцать тридцать Мы приглашены на аудиенцию к Святой Ламе и не знаем, долго ли она продлится и что Нам будет приказано делать потом.

— Хорошо, ваше святейшество, — помолчав, ответила Киломен. — Мы не будем ничего готовить специально, но оставим в холодильнике какую-нибудь еду, чтобы вы могли поесть, когда вернетесь.

— Не беспокойся, детка. Это может продлиться и три дня. Не скучай и не волнуйся за Нас. Мы справимся. Все будет в порядке.

Вот и все. В течение трех дней Уруббу постарается осуществить свой тщательно продуманный план, а если что-то сорвется, у нее будет время, чтобы Главная жрица вернулась домой и все прошло незамеченным.

В четыре часа она сложила бумаги в водонепроницаемую папку, запечатала ее и кратчайшим путем отправилась в Обитель. Если все сложится удачно, завтра утром в компьютер службы безопасности вползет маленький червячок — приказ Святой Ламы, предписывающий Манг Квинг провести инспекцию в Вин Той. Центры располагались слишком близко к поселениям обычных людей, поэтому ни о каких глссерах и гидросамолетах не могло быть и речи. Даже сотрудники МСС предпочитали не пользоваться современными средствами передвижения. Три дня — это время, необходимое, чтобы добраться до Вин Той традиционными способами. Если Уруббу не уложится в этот срок, есть риск оказаться разоблаченной, но использовать эту возможность необходимо. Более удобный случай вряд ли представится.

Уруббу надеялась, что Святая Лама не вызовет ее к себе в тот момент, когда все считают, что она отсутствует по ее же собственному приказу.

Обитель поражала своим величием даже под водой. В отличие от других зданий она опиралась не на деревянные сваи, а покоилась на полупрозрачных мраморных колоннах. Повсюду были статуи великого Будды и барельефы, иллюстрирующие принципы местного ответвления буддизма. Святую Обитель охраняли как электронные системы, так и люди, вооруженные чрезвычайно эффективными ружьями с автоматическим прицелом, которые могли стрелять и в воде, и в воздухе. Естественно, широкие массы населения не имели даже представления о таком оружии.

Главный вход, мрачный тоннель, длинный и запутанный, давал возможность охранникам хорошо рассмотреть посетителей и в случае чего мгновенно остановить любого с помощью автоматических запирающихся дверей.

В сушильной комнате папка с документами, содержимое сумки и даже одежда Урубу были тщательно проверены с помощью весьма чувствительных приборов, а специальные компьютеры между тем провели полный анализ рисунка сетчатки, отпечатков пальцев и состава крови посетительницы. Эти компьютеры не зависели от основной сети, а вся система была целиком автоматизирована: ею управляла особая программа, позволяющая с абсолютной точностью идентифицировать каждого человека. Эту процедуру Главная Система ввела несколько лет назад: трансьютеры способны изменить внешность человека. Но она считала, что продублировать одновременно и сознание никому не под силу.

Как обычно, Главная Система ошиблась. Выйдя из сушильной комнаты, Урубу получила назад свои вещи, оделась и поднялась в приемную, обставленную резной деревянной мебелью и украшенную позолоченными барельефами на религиозные темы. Они были призваны внушить ожидающему благоговение и священный трепет. Понимание того факта, что за искусной позолотой скрываются всевидящие телекамеры, как нельзя лучше способствовало этой задаче. Именно здесь Урубу постигла неудача при первой попытке украсть перстень. И именно здесь необходимо приложить все силы, чтобы на этот раз ей повезло больше. Урубу усеялась на мягкую кушетку и принялась ждать.

Маленькая дверь отворилась, и в приемную, неся небольшой поднос, вышел один из Производителей Будды. Средний рост женщины составлял примерно сто шестьдесят пять сантиметров, а вес — от пятидесяти пяти до шестидесяти килограммов. Мужчины в

среднем были примерно на сорок сантиметров ниже, а вес их обычно не превышал тридцати пяти килограммов. Волосы на голове, как правило, были светлее, чем покрывающая тело шерсть. Для того чтобы выделиться среди прочих представителей своего пола, они красили волосы, украшали себя драгоценностями и прибегали ко многим другим ухищрениям, чтобы привлечь внимание женщин. Для землян удивительнее всего было то, что мужчины имели две маленькие, но крепкие груди и кормили новорожденных молоком, причем достаточно долго. Впрочем, единственной вещью, делающей их привлекательными в глазах противоположного пола, был большой золотой гульфик, которым аттестовались лишь очень немногие. Один из обладателей этой награды стоял сейчас перед Урубун.

Мужчины были гораздо слабее женщин, и детская смертность среди них была очень высока. Но, хотя их доля составляла всего тридцать процентов от общей численности взрослого населения, этого все равно было более чем достаточно для продолжения рода, особенно принимая в расчет их неукротимое либидо. Как правило, мужчины находились в услужении сразу у нескольких женщин, а те планировали рождение детей, с учетом того, чтобы это не подрывало годовой доход и не вредило здоровью.

Женщины рожали детей, а мужчины вскармливали их и растили. В этой биологической системе мужчины олицетворяли все соблазны и искушения, но при этом они были своего рода пленниками постоянно выделявшихся гормонов, тогда как у женщин этот процесс протекал лишь несколько дней в месяц. По традиции мужчины считались пригодными только для ведения домашнего хозяйства и гораздо менее сообразительными, чем женщины. Как правило, они не получали никакого образования, и функции их были очень жестко определены. Урубун надеялась, что общепринятое мнение о мужской глупости все-таки заблуждение.

Мужчина остановился перед ней и изящно поклонился:

— Приветствую вас, ваше святейшество. Меня зовут Чо. Мы встречались, когда вы приезжали к нам несколько месяцев назад. Позвольте предложить вам чаю и бисквитов. Святая Лама скоро вас примет.

Уруб кивнула, и Чо налил ей чаю. Конечно, она помнила Чо. В прошлый раз ей почти удалось овладеть им, но всевидящие мониторы подняли тревогу, и пришлось поспешно отступить.

Безусловно, никакого сексуального волнения в Чо она не ощущала. Да в обществе жрицы такого просто не могло быть. После того как ей удалили половые органы и железы, отвечающие за производство феромонов, она перестала вызывать интерес у мужчин.

Уруб лениво потянулась к влагилишу и, нащупав под кожей крошечный твердый бугорок, сильно, до боли, надавила на него. Из крошечной, хирургически вживленной ампулы начал выделяться химический агент, замещающий недостаток естественных гормонов. Запах нельзя было почувствовать на сознательном уровне, но, по теории Клейбена, он должен заставить любого мужчину, оказавшегося достаточно близко, вдруг, к собственному же удивлению, начать испытывать к Уруб неизъяснимую симпатию.

Все шло отлично. То, что Святая Лама задерживалась, было Уруб на руку. Постепенно Чо стала овладевать какая-то рассеянность, и Уруб заметила, что, когда он немного расслабляется, руки его сами собой тянутся к промежности.

Прозвенел колокольчик, разрушив очарование этой сцены, и Чо от неожиданности вздрогнул.

— Святая Лама сейчас примет вас, — сказал он прерывающимся голосом и подошел к главной двери. Она открылась, Чо вошел, и Уруб последовала за ним. Они спустились в холл и вошли в большой, роскошно обставленный кабинет.

— Молодец, Чо. Ты можешь идти, — отрывисто сказала Святая Лама. У нее был твердый, хорошо поставленный голос. Чо поклонился и вышел, плотно прикрыв за собою дверь. Святая Лама сразу перешла к делу: — Итак, мы еще контролируем ситуацию или уже нет?

— В какой-то степени, — осторожно ответила Урубубу.

— Полковник Чи не умеет думать, но при этом обладает всеми недостатками, присущими человеку, и, в частности, гордостью и высокомерием, — сказала Святая Лама. — Я знаю этот тип людей. Она просто не в состоянии мириться с существованием какой-то иной культуры и религии, кроме той, в которой она воспитывалась. А ее культура и религия — это милитаризм. Она испытывает непреодолимое желание превратить Чанчук в атеистическое и насквозь политизированное государство.

Урубубу пришлось сделать над собой усилие, чтобы отвести взгляд от большого кольца на ее пальце. Черная вставка была украшена изображением четырех маленьких птичек. Мысль прямо сейчас превратиться в Святую Ламу была весьма соблазнительна, но Урубубу ее отвергла. Телекамеры, установленные в кабинете, постоянно ведут видеозапись. Для превращения нужно не меньше пятнадцати минут, а за это время десять раз успеет подняться тревога, и нет никакой возможности блокировать запись — а те, кто потом просмотрит ее, сразу поймут, с кем имеют дело.

— Давайте-ка сюда вашу папку, — сказала тем временем Святая Лама и, сняв печать, углубилась в изучение документов и фотографий. Наконец она сказала: — Все это весьма неприятно. Возможно, Чи и лишена разума, но в своем деле она разбирается великолепно.

Святая Лама отложила бумаги и внимательно взглянула на свое кольцо.

— Я бы согласилась в следующей реинкарнации стать водяным червем, лишь бы узнать, почему чужеземцы согласны рисковать жизнью ради этой безделушки, а Главная Система готова пойти на любые чрезвычайные меры, чтобы их остановить. Если бы не Служба безопасности, Мы бы просто отдали МСС — пусть делают с ним все, что угодно. Нет никакой религиозной необходимости его носить. Это просто милая безделушка, напоминающая Нам о матери-Земле.

Урубун пожала плечами:

— Если хотите, я отвезу его Чи, и тем самым мы покончим и с ним, и с ней.

— Если бы это зависело только от Нас, Мы, не колеблясь, так бы и сделали. Но знаете ли вы, что произойдет с мониторами Службы безопасности, если эта штука во время заранее намеченной аудиенции исчезнет с моего пальца? Нет, они понимают, что, если Святая Лама замурована в этом богато украшенном мавзолее, кольцо украсть невозможно. Так нам, во всяком случае, представляется. Если здесь существует такое понятие, как «абсолютная безопасность», Мы бы не смогли удрать отсюда с этой вещицей, не правда ли? Главная Система заревела бы во всю глотку. — Она тяжело вздохнула. — Мы бы очень хотели встретиться с этими пиратами. Если бы им удалось каким-то образом убедить Нас, что это кольцо поможет подорвать или даже разбить на мелкие кусочки эту грязную и злую Систему со всеми ее компьютерами, Мы, возможно, не устояли бы перед искушением добровольно отдать им это кольцо. Но, к сожалению, эту Систему невозможно разрушить. Тем более простым ювелирным украшением.

Урубун поразило это признание. Конечно, оно будет вырезано из записи с помощью специальной личной программы Святой Ламы. Но использовать этот шанс

почти нереально. Может быть, удастся убедить Святую Ламу, что кольца действительно способны разрушить Систему, но сначала необходимо убедить ее в том, что родная сестра, с которой они вместе выросли, на самом деле — искусственное существо. Потом нужно доказать, что это существо помогает пиратам, а не Главной Системе, и, наконец, внушить ей уверенность в том, что пираты способны добыть все пять колец и использовать их по назначению.

Лучше всего все-таки его украсть. Или хотя бы попытаться.

2. ВСТРЕЧА С НЕИЗБЕЖНЫМ

Как она и надеялась, Чо ждал ее после аудиенции. Святая Лама произвела на Урубун сильнейшее впечатление, и она жалела, что по вине обстоятельств они оказались по разные стороны баррикады. Но это было неизбежно: судьба Чанчука, его жителей и их веры, за которые Святая Лама несла личную ответственность, целиком зависела от МСС, а они не остановились бы ни перед чем, лишь бы не дать Урубун украсть кольцо. По иронии судьбы, это была единственная вещь на планете, которая ни в малейшей степени не заботила Святую Ламу.

Указания, полученные Урубун, были просты, хотя подоплека их не была сформулирована явно. Ей предписывалось оказывать полковнику Чи всяческое содействие, но при этом скрупулезно фиксировать каждый приказ, каждое решение, чтобы в случае неудачи свалить все на МСС и лично на полковника Чи.

— Удовлетворены ли вы аудиенцией, ваше святейшество? — вежливо поинтересовался Чо, на самом деле не ожидая, что его посвятят в подробности. Действие гормонов было настолько слабым, что он даже не мог понять, зачем ему понадобилось ждать Верховную жрицу.

— Да, Чо, все в порядке. Мы хотели бы попросить тебя об одной услуге. Мы недавно повредили плечо, и до сих пор некоторые движения даются Нам с трудом. Мы будем тебе очень признательны, если

ты проводишь Нас до сушильной комнаты и поможешь, если возникнет необходимость. Не затруднит ли тебя Наша просьба?

Чо просиял:

— О нет, ваше святейшество! Для меня будет только удовольствием помочь вам.

Это была основная часть плана Урубубу. Между сушильной комнатой и приемной имелся небольшой участок коридора, который не просматривался телекамерами. Урубубу заметила это еще в прошлый раз, но не успела использовать.

Чо шел за жрицей, чувствуя нарастающую потребность что-то сделать. Это сказывалось действие гормонов. Именно поэтому чанчукианские мужчины так легко возбуждаются и всегда ищут удовольствий.

На полпути к сушильной комнате Урубубу остановилась, прислушиваясь и одновременно проверяя, не появились ли за это время новые телекамеры. Чо тоже остановился и изумленно взглянул на нее:

— Что-то не так, ваше святейшество?

— Нет. По крайней мере я надеюсь, что все отлично. Подойди ко мне. Ближе. Вот так хорошо.

Без долгих разговоров она обхватила руками потрясенного Чо, словно хотела его обнять, но у нее были другие цели. Процесс начался сразу, как только она коснулась Чо, и удивленный выкрик умер, не успев родиться. Они слились. Одежда и другие предметы неорганического происхождения разлетелись в стороны. Казалось, бесформенная бурлящая масса вытолкнула их из себя.

Разрабатывая этот план, Урубубу больше всего опасалась, что за время, необходимое для поглощения, кто-то войдет в коридор. Конечно, вряд ли они сообразят, что происходит, но тревогу поднимут в любом случае.

Из лужи пузырящейся протоплазмы возникла грубая фигура чанчукианца. Потом, словно под рукой не-

видимого резчика, начали проявляться детали, и вот, наконец, новый Чо открыл глаза. Даже если бы кому-то вздумалось клетка за клеткой сравнить прежнего Чо и его только что появившегося двойника, он не смог бы обнаружить никаких различий.

Но различия все-таки были. Новое создание, вышедшее из еще продолжавшей кипеть липкой массы, являлось Чо со всех точек зрения — физической, интеллектуальной, эмоциональной, но при этом субмолекулярные структуры каждой клетки хранили личность самого Урубубу, и воспоминания всех людей и существ, которых он «съел» раньше.

С недовольным видом Чо вытащил одежду из уже начавшего разлагаться излишка протоплазмы. Процесс действительно не из приятных. Урубубу испытывал это уже не в первый раз, но все равно ощущал отвращение. Теперь нужно было как можно скорее избавиться от имущества жрицы и по возможности ликвидировать следы происшествия. Сейчас это была основная проблема. Урубубу с самого начала рассчитывал, что знания Чо об устройстве Святой обители помогут ему, и, к счастью, не ошибся.

В комнате имелся трубопровод, используемый по ночам роботами-уборщиками. Он вполне годился для того, чтобы избавиться от документов и прочих вещей, но остатки протоплазмы Чо сунуть в него не решился. Чтобы исключить возможность несчастного случая, автоматическая система очистки отсортировывала все вещества органического происхождения и передавала их на вторичный анализ перед тем, как послать на переработку. Повторная проверка, несомненно, покажет отличие этой субстанции от обычной органики и подаст сигнал компьютеру системы безопасности.

Чо сделал все, что мог. Он выбросил документы и инструкции в трубопровод, но перед тем, как избавиться от сумки, вытащил из нее маленький пузырек с ароматической жидкостью, небольшую зажигалку и мас-

сивный перстень с печатью. Эти предметы Верховная жрица использовала в религиозных церемониях. Чо вылил весь бальзам на поверхность оставшейся органической массы, жалея, что его так мало, и поднес к луже зажигалку.

Эффект был невелик, но ничего лучшего он придумать не мог. Чо вернулся в приемную и приступил к следующему этапу операции.

Настоящий Чо имел весьма смутное представление о компьютерах, но знал, где находится терминал, — а Урубс сразу узнал стандартную модель, которой владел в совершенстве.

Верховная жрица прибывает... Верховная жрица уезжает... Верховная жрица отправляется в четырехдневную поездку в Вин Той... Теперь хотя бы с формальной точки зрения никто в Обители не обнаружит ничего необычного или подозрительного. Это чрезвычайно важно для успеха всей миссии.

Мужское тело, в котором находился сейчас Урубс, отличалось очень большой чувственностью, но мозг не был особенно обделен интеллектом и способностью рассуждать логически. Эта способность потенциально была даже несколько выше, чем у женщин, хотя и сильно подавлена воспитанием и сознанием собственного ничтожества. Ведь мужчины такие маленькие и слабые по сравнению с женщинами!

Как оказалось, основная причина покорности чанчукианских мужчин заключалась именно в сознании своей физической и умственной неполноценности. И в невозможности занять более или менее достойное положение в обществе. Мужчины главенствовали только в спальне и в детской, только здесь они чувствовали себя в безопасности и находили утешение в религии, которая давала надежду в следующем воплощении обрести женское тело.

Раздумывая над тем, какую злую шутку сыграла Главная Система с местными мужиками, Урубс закон-

чил барабанить пальцами по клавиатуре и удовлетворенно вздохнул. На Чанчуке считалось, что мужчины в принципе не способны работать с компьютером, поэтому, даже если что-то случится, его заподозрят в последнюю очередь. Сунув за пазуху кольцо Верховной жрицы, Чо направился в жилище Производителя. Ему требовалось отдохнуть после поглощения, а потом заняться дальнейшими приготовлениями.

Полковник Чи нахмурилась:

— Что это за лужа? Она воняет, как разложившийся труп.

Офицер технической службы МСС пожал плечами:

— Никогда не видела ничего похожего, но это вещество явно органического происхождения, хотя и не живое, я в этом уверена. Судя по всему, его пытались сжечь, отчего и сработала пожарная сигнализация, но не хватило горячего.

— Хорошо. Позаботьтесь, чтобы никто ничего не трогал и даже близко не подходил. Пусть роботы возьмут пробу, герметически запечатают и отправят на комплексное исследование. — Чи еще раз пристально посмотрела на странную лужу: — Ты знаешь, у этой массы очень характерный объем. Примерно такой же занимает человеческое тело... Интересно, не могло ли это когда-нибудь быть живым человеком?

Техник снова пожал плечами:

— Не знаю оружия, способного привести тело в такое состояние. Дезинтеграторы не оставляют после себя вообще ничего, а лазерный пистолет или реактивная пуля проделывают в теле лишь аккуратные дырки. Зачем изобретать несуществующее оружие?

— Действительно, зачем? — кивнула Чи. — Скорее всего затем, что ты просто не в состоянии уразуметь, что здесь произошло, и опознать оружие, которое про-

хлопала наша система безопасности. Возможно, это какой-то катализатор или другая химическая дрянь, который не фиксируется мониторами. Это легко осуществимо, если известны параметры и разрешающая способность экрана. Подумай в этом направлении и опроси охранников! Мне необходимо знать!

— Слушаюсь, полковник! — ответила техник, а полковник Чи помчалась наверх и, не тратя времени на обсушивание, ворвалась в кабинет офицера Отдела безопасности Центра.

— Где жрица, которая была на аудиенции у Святой Ламы в 16.30? — с металлическими нотками в голосе спросила она.

Офицер Отдела безопасности склонилась над терминалом:

— Она сейчас на пути к Центру Вин Той. Святая Лама приказала оказывать ей полную поддержку, и мы подозреваем, что она имеет еще и особые полномочия.

— Проверьте, действительно ли она покинула Святую обитель?

— А?... Что? Хорошо. На выходе она должна была пройти мимо сенсорных датчиков. Да, вот их запись. Почему вы так беспокоитесь?

— На самом деле я и сама не знаю почему, — призналась Чи, — но все-таки хочу, чтобы ваши люди ее разыскали. Она не могла далеко уехать. Найдите ее и сегодня же верните сюда. Это крайне важно. Кроме того, я хочу поговорить с охранниками. Пошлите их ко мне сразу же, как только они сменятся.

— Будет исполнено, полковник. Но позвольте заметить, что это выглядит так, как будто вы подозреваете ее святейшество в предательстве.

— Нет. В этом я сомневаюсь. Я хочу вызвать ее сюда не для допроса. Поверь мне. На самом деле, возможно, именно я сейчас — ее лучший друг. И мне нужно удостовериться в том, что она еще жива.

Офицер Отдела безопасности в изумлении усталилась на полковника. *Что?*

К этому времени был уже отправлен первый отчет на базовый корабль и подготовлены образцы загадочного вещества. Охранники, стоящие на выходе, четко помнили, как входила Верховная жрица, но совершенно не помнили, как она выходила. Они соглашались, что это не совсем обычно, но считали, что не стоит поднимать тревогу из-за таких пустяков. Всем стражникам приходится время от времени подниматься на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха, и в этот момент один охранник вынужден наблюдать за двумя направлениями и вполне может не обратить внимания на выходящего человека.

Самую большую тревогу внушал тот факт, что в различных блоках компьютерной памяти имеются фрагменты, подтверждающие, что жрица выходила. Но как они могли туда попасть? Из самой Обители нет прямого доступа к сети главного компьютера, выход в сеть возможен только из апартаментов Святой Ламы. Это свидетельствовало о соучастии в преступлении самого Главного администратора, но даже Чи не могла заставить себя в это поверить. Это не только не соответствовало характеру Святой Ламы, но и просто было чересчур глупо для того, кто управляет всей планетой. Будь она в сговоре с ворами, то легко могла бы заменить перстень подделкой в любой момент. И никто бы ничего не заподозрил. Нет, такая гипотеза не имела смысла, но от этого тайна становилась еще загадочнее.

Чи отнюдь не недооценивала своих врагов и искренне восхищалась находчивостью, с которой они провели операцию на Джанипуре. Космические сражения и победа над двумя Валами — это поистине подвиг. Они совершили то, что всем, в том числе и экспертам МСС, казалось невозможным. Но восхищение и уважение еще не означали, что враг перестал быть врагом, а то, что пираты долгое время не давали о себе

знать, во многом вселило обманчивое чувство безопасности. Но Чи считала, что после Джанипура они просто сменили тактику, и теперь убедилась в этом. Похоже, эти годы они потратили на то, чтобы создать на Чанчуке разветвленную сеть своих агентов.

Верховную жрицу пока обнаружить не удалось, но прошло очень мало времени, да и связь неважная. Тем не менее, если до полуночи ее предполагаемая поездка не будет доказана, то Манг Квинг можно считать погибшей, в этом Чи ни минуты не сомневалась.

Записи главного компьютера ясно показывали, как жрица поднялась в Обитель, прошла на аудиенцию, потом вышла. Вышла? Или запись поддельная? Полковник Чи занялась сравнением изображений. Различия были, но крайне незначительные. Например, на одной картинке сумка была немного другая. Впрочем, это всего лишь компьютерная графика, а не произведения живописи. Искажения неизбежны. Чи попыталась увеличить изображение, разбив его на фрагменты, но это ничего не дало: картинка сразу же расплывалась. Кстати, именно поэтому считалось, что такие записи невозможно подделать.

Она направилась в дом пропавшей жрицы, чтобы побеседовать с теми, кто жил вместе с ней, но никого не застала, хотя и не удивилась этому. Со своими людьми она исследовала жилище сантиметр за сантиметром, но не нашла ничего необычного. Только мониторы и линии связи были скоммутированы в не совсем обычном порядке, но и в этом не было ничего странного: живущие в Центре часто так делали, чтобы избежать постороннего наблюдения за своей личной жизнью. Чи приказала установить дополнительные датчики и мониторы в апартаментах жрицы, хотя чувствовала растущую уверенность, что владелица этого дома больше никогда сюда не вернется.

Медики на базовом корабле, на которых так надеялась Чи, мало что могли сказать по поводу проб:

— Это вещество быстро разлагается, и мы не в состоянии провести необходимые анализы. Клеточная структура совершенно необычна, и создается впечатление, что каждая клетка просто разрушается, как бы распадаясь на составные части. Мы не обнаружили ни ДНК, ни РНК, и никаких других привычных составных частей клетки. А те фрагменты, которые нам удалось восстановить, совершенно несовместимы.

Чи нахмурилась:

— Объясните!

— Нам удалось идентифицировать два отдельных образца, которые, по-видимому, принадлежали абсолютно разным организмам. Удалось, несмотря на то что они были перемешаны в однородную массу. Мы не в состоянии сказать что-нибудь об основном генетическом коде каждого образца, но впечатление такое, как будто двух человек каким-то образом превратили в одну клеточную массу. Мы никогда еще с таким не сталкивались. Чтобы проанализировать это явление, потребовались бы мощнейшие компьютеры.

— Понимаю. Но разве это не может быть результатом работы трансьютера?

— В принципе может, но откуда взялся трансьютер? Никто не в состоянии доставить его сюда незаметно, не говоря уже о том, чтобы использовать.

Чи кивнула, зная, что компьютерные системы дали похожее заключение, и принялась размышлять.

Итак, сценарий чрезвычайно прост и в общих чертах таков: похитив одного из самых важных людей в Центре, пираты заменяют его точной копией. Такую подмену не могут заметить обычные охранники. Это очевидно. Двойник, заменивший Верховную жрицу, мог появиться здесь еще несколько месяцев назад, возможно, даже несколько лет. Пираты уже проделывали это раньше, поэтому идея не столь фантастична, как кажется на первый взгляд.

А что теперь? Кольцо носит на пальце Святая Лама, и его нельзя похитить, когда она находится вне своих апартаментов. То есть его можно снять, но скрыться с ним все равно нельзя. Однако Святая Лама ведет очень замкнутый образ жизни. Любая встреча с ней проходит строго по принятому этикету и тщательно контролируется. Только очень немногие имеют относительно свободный доступ в апартаменты Святой Ламы и в принципе могут украсть кольцо.

Чи повернулась к компьютеру:

— Сравнение, в процентах. Полная масса восстановленного органического вещества и приблизительно оцениваемая масса Верховной жрицы.

— Восстановленная масса составляет приблизительно девяносто девять целых и тридцать три сотых процента оцениваемой массы объекта, — ответил компьютер.

Чи кивнула. Конечно, небольшие потери неизбежны. Энергетические затраты, свободные клетки, возможно, какое-то количество вещества, разложившегося до того, как удалось скомпановать требуемую массу и стабилизировать ее. Все сходится.

Полковник Чи не была ученым и вопреки всякой логике и заключениям специалистов не сомневалась в своей правоте. Этим пиратам удалось совершить величайшее открытие, способное поколебать основы существующей системы. Неудивительно, что до сих пор им сопутствовал успех.

Технологические детали ее не волновали. Главное, что им удается создавать абсолютно точные копии людей, не используя при этом ни трансьютер, ни какие-либо иные машины. Именно так один из них превратился в жрицу, но жрица имела только доступ в Святую Обитель, а не возможность украсть кольцо. А у кого есть такая возможность? Ответ напрашивался сам собой. Итак, теперь тот, кто был до этого жрицей, сейчас разгуливает по Святой Обители под видом Про-

изводителя. Излишек массы, оставшийся после трансформации, и является тем веществом, которое обнаружено в коридоре.

Дальнейшие действия тоже нетрудно предугадать. Украсть кольцо, дожидаться очередной аудиенции... Ничего не подозревающая жертва выходит из кабинета, ее провожают, а потом в коридоре остается только лужица протоплазмы. Вор свободно выходит, минуя лучшую систему охраны, какую только возможно придумать. Великолепно!

Полковник Чи не сомневалась, что она права. Но она также не сомневалась в том, что без доказательств ее сочтут сумасшедшей не только коллеги по МСС, а и сама Главная Система. Но если кольцо — ее кольцо! — будет украдено, никакие доказательства ей уже не помогут.

«Проклятие, да кто здесь хозяин! — подумала она вдруг. — Я ни перед кем не обязана отчитываться!»

Она включила микрофон специального канала МСС.

— Говорит полковник Чи. С этой минуты никто — повторяю, никто! — не имеет права покинуть Святую Обитель без моего разрешения. Это относится ко всем, независимо от рода занятий и общественного положения, в том числе и к Святой Ламе. Далее. Все выходы, через которые может проникнуть любой объект больше микроба, приказываю перекрыть электронными и прочими средствами защиты. Автоматические роботы-охранники никуда не годятся. Поставьте повсюду ваших людей. Весь мусор должен подвергаться немедленной дезинтеграции под контролем представителей МСС. Заприте все шлюзы, в коридорах поставьте вакуумные заграждения. Все вопросы должны решаться напрямую со мной, зарезервируйте для этого отдельный канал связи. Вам ясно?

— Как прикажете, полковник, — послышался неуверенный голос. — Но могу я спросить, что это значит? Я должна подготовить отчет.

Прикрываешь свою задницу, не так ли, Ву?

— У меня есть серьезные основания предполагать, что агенты пиратов уже проникли в Святую Обитель. Пользуясь своей властью, я объявляю чрезвычайное положение. Выполняйте приказ. *А теперь подумай. Всем известно, что никого нельзя трансмутировать дважды.* Этот агент может оказаться кем угодно, в том числе и Святой Ламой.

Последовала долгая пауза, а затем:

— Будет исполнено, полковник.

— И еще, майор. Подумайте, каким способом можно заставить этого агента выдать себя. Может быть, что-то с добавками в пищу или воздух. Мы должны его нейтрализовать.

Еще одна пауза.

— Это довольно сложно и нельзя гарантировать стопроцентную эффективность, но попробовать можно. Основная проблема в том, что Обитель располагает собственной системой безопасности. У нее автономный источник питания, и мы не в состоянии его отключить. И эта система считается одной из лучших.

Чи вздохнула:

— А если их всех просто убить? Тогда можно будет с уверенностью сказать, что избавились от агента.

— Конечно, так легче, но подумайте о последствиях. Старшему ребенку Святой Ламы всего шесть лет. Все ее дети находятся в Обители, потому что еще слишком малы. Убив духовного лидера этой планеты и ее наследников, вы настроите против нас все население, которое на данный момент, слава Богу, лояльно по отношению к нам.

«Она права», — хмуро подумала Чи, а вслух сказала:

— Хорошо, майор. Делайте то, что в ваших силах, и, главное, следите, чтобы никто не мог ни войти, ни выйти. Никто и ничто! И я хочу, чтобы охранники все время дежурили. Никто из них ни на секунду не должен оставаться один. В Обители по меньшей мере три

вражеских агента, и у них с собой что-то вроде карманного трансьютера. Вы меня понимаете? Если я не могу найти самого агента, я хочу по крайней мере не дать ему вынести кольцо. Раньше или позже они должны начать действовать, если не хотят провести остаток жизни в Обители.

Она отключила связь и откинулась на спинку кресла.

«Отлично, господа пираты. Вы красиво сыграли, но успеха вам не добиться, — подумала она. — Мне известен ваш маленький секрет, в который никто не поверит. И я должна продержать вас здесь всего пять дней. А потом у меня будет достаточно сил, чтобы не дать вам уйти за здорово живешь. Эта битва будет страшнее, чем на Джанипуре. Через пять дней вы будете уже далеко от Святой Обители, скрученные стасис-полем и абсолютно беспомощные. А если вы воображаете, что сможете отсидеться, — увы, вам придется умереть. Если вы предпочтете остаться в Обители, то окажетесь в исследовательской лаборатории МСС, где мы быстренько выясним, кто их вас не является тем, за кого себя выдает».

— Случилось что-то ужасное, я это чувствую, — нервно сказала Мин. — Они заблокировали Святую Обитель, и МСС полностью взяли в свои руки управление Центром. Они знают. Говорю тебе — они знают.

Бутар Киломен покачала головой:

— Нет, они всего лишь подозревают, а это далеко не одно и то же. Главное, что Уруб у там. Наша задача — добыть кольцо и благополучно выбраться с ним. Уруб готова к любой случайности. Наш план много раз проверялся и перепроверялся лучшими умами и лучшими компьютерами. Полковник Чи достойный соперник, у нее есть мужество и воображение — чрезвычайно опасное сочетание, но мы боремся с врагом его же ме-

тодами. Единственный вопрос, который нам необходимо решить, — как пронести кольцо через кордон.

Она пристально посмотрела на Мин и Чанг.

— Если компьютерный анализ верен, то у нас будет по крайней мере десять минут, — взволнованно сказала Чанг. — Мы должны уложиться, если Урубун все сделает как надо.

— Второй попытки у нас не будет, — напомнила Киломен.

Она из всех сил старалась не думать о возможной неудаче, но это было не так-то просто. План чрезвычайно сложен, и малейшая ошибка может погубить все. Киломен не нравилось тело, в котором ей предстояло провести остаток жизни, но она знала, что с этим уже ничего не поделаешь. Она по рождению принадлежала к расе, где и мужчины, и женщины — крупные и очень выносливые. Она могла смириться с тем, что покрыта волосами. И плавать в этом теле ей нравилось — но она чувствовала себя безобразной... безобразной и, кроме того, такой... хрупкой. Киломен знала, что в прежнем облике она казалась чудовищем людям, принадлежащим к другим расам, но сама никогда не считала себя уродливой. Трансформация было для нее очень тяжело, но, как и другие, она не имела права отказываться. Киломен знала, что Мин и Чанг тоже нелегко, но это ее не утешало.

Она чувствовала себя инструментом, о котором забудут после того, как дело будет сделано. От прежнего экипажа «Каотана» почти ничего не осталось — во всяком случае, в первоначальном облике. Былые времена и бывшая независимость ушли навсегда. Поражение или победа — больше для них ничего не существует.

Киломен по-прежнему иногда мечтала о любви, мечтала иметь детей, но мужчина в ее представлении был такого размера, что раздавил бы ее, обнимая. Она часто задумывалась, есть ли такие мечты у Мин и Чанг. Спросить она не решалась: в этом смысле им было еще

тяжелее, ведь они сменили не только расу, но и пол. А для любовных мечтаний это принципиально.

Ну что ж, надо работать. Они заплатили «последнюю цену», и нельзя допустить, чтобы она оказалась напрасной.

В этом мире ты никогда не должен взрослеть, да никто от тебя этого и не ждет. В комнатах Производителя имелся прекрасный многоуровневый бассейн, оборудованный водяными горками и прочими развлечениями. Уруббу такого еще не видел. Кроме того, там была тьма-тьмушая всяких игр, игрушек, маскарадных костюмов, и мужчины со всем этим вовсю забавлялись.

Функции слуг выполняли в основном автоматы, а пищу получали с помощью трансмьютера — единственного на весь Чанчук. В окошке селектора появлялись изображения разных блюд, и чтобы выбрать, достаточно было вовремя нажать кнопку. Примерно через две минуты появлялся заказ, трансмутированный из пыли и мусора или из обычной морской воды.

И конечно, наркотики. Наркотики, заставляющие Производителя чувствовать эйфорию, наркотики успокаивающие, наркотики, повышающие энергию, наркотики усыпляющие. Наркотики для достижения нужного состояния при медитациях, и наркотики для того, чтобы ощутить полное благополучие, когда становится слишком скучно.

Гомосексуализм на Чанчуке не считался чем-то предосудительным. В обществе, где оба пола так различаются не только физически, но и социально, это вполне нормальное явление. Гомосексуальные связи были широко распространены и среди мужчин, и среди женщин, хотя женщины придавали меньше значения плотским утехам. По-настоящему сексуальными они были только в период пятидневной овуляции, а все остальное время сексуальные потребности у них

практически отсутствовали. Мужчины же, наоборот, чуть ли не целыми днями пребывали в состоянии повышенного возбуждения.

Вообще положение мужчины в чанчукианском обществе было довольно странным. Они были крайне невежественны, не имели представления ни о форме собственной планеты, ни о том, сколько на Чанчуке людей и как устроена их жизнь. Всю жизнь находясь в услужении у духовных лидеров, они совершенно не разбирались в религии, более того — почти ничего о ней не знали. Они были знакомы лишь с элементарными ритуалами и то только потому, что наблюдали за Святой Ламой. Причина, по которой мужчин удерживали в религиозном невежестве, была очевидна: у того, кто видит в любовнице, а по сути, даже самке, некое высшее существо, могут возникнуть серьезные проблемы с исполнением «святых» супружеских обязанностей.

Впрочем, непосредственно в этих обязанностях Святая Лама, как и прочие женщины, нуждалась нечасто, зато ей было нужно множество других услуг. Производитель стелил ей постель, наводил порядок в комнатах, прислуживал за столом, чистил подносы, но главной его обязанностью было ухаживать за детьми. Уруббу был донельзя удивлен, обнаружив, что чанчукианских младенцев надо учить плавать, задерживать дыхание под водой — одним словом, прививать им навыки, которыми они, казалось бы, должны обладать от природы. До пятилетнего возраста мальчики и девочки выглядели одинаково, и лишь потом начинали проявляться половые различия. Тогда девочек посылали на воспитание в многочисленные монастыри, рассеянные по всему миру, где они изучали как духовные, так и светские дисциплины. Потом их отправляли на обучение в Центры, где они получали уже какую-то определенную профессию, а мальчики до совершеннолетия воспитывались в гареме Производителя, после

чего их распределяли, с учетом происхождения, по Центрам. Таким образом укреплялись светские и духовные связи между Центрами.

Уруббу размышлял о том, как лучше украсть кольцо.

Конечно, проще всего сделать это во время любовного свидания, но на этот шанс рассчитывать нельзя. Нет никакой гарантии, что овуляция у Святой Ламы начнется в ближайшие пару дней, не говоря уж о том, что она вообще может быть уже беременной. Придется все-таки прибегнуть к помощи извне. Этот вариант, безусловно, менее изящен, зато более эффективен.

Вскоре Уруббу понял, что самая большая проблема при ожидании — узнать, который час. В жилище Производителей не было часов, да они в них и не нуждались.

Две ночи подряд он тренировался просыпаться в определенное время, ориентируясь по циклу работ уборочных машин и автоматических чистильщиков. Он хотел выяснить ритмы системы безопасности. И научиться всегда, в любой момент без помощи механизмов узнавать время.

И наконец, быстрее, чем хотелось бы, наступил вечер четвертого дня.

— Полковник, держа нас отрезанными от внешнего мира, вы заставляете нас нарушать наши обеты, — возмутилась Святая Лама. — Я настаиваю на своих правах не только как духовный руководитель моего народа, но и как верховный администратор Чанчука. Я требую, чтобы вы немедленно изложили Мне причины ваших действий, и хочу воспользоваться своим правом обратиться непосредственно к представителю Главной Системы.

— Мадам, в Обители действует вражеский лазутчик. Пират.

— В самом деле? Он что, невидимка?! — саркастически спросила Лама.

— Нет, не невидимка... Он просто способен изменять облик. Он проник сюда в образе вашей сестры, и я уверена, что он не покидал Обители. Он убил кого-то и стал его двойником.

— Полковник, вы сошли с ума! Такие вещи в принципе невозможны!

Чи пожала плечами:

— Я говорю о том, что происходит, а не рассуждаю, возможно это или нет. Я не располагаю четкой гипотезой. Может быть, пираты сделали великое научное открытие, а может, это некая чуждая нам форма жизни, которая заключила с ними союз. Но я уверена, что произошло именно то, о чем я вам сказала. Когда Вал будет здесь, меня, без сомнения, подвергнут психологической экспертизе. Они увидят, почему я пришла к таким выводам, и примут соответствующие меры. МСС придется действовать, потому что не поверить мне слишком рискованно, и я надеюсь, мы сумеем разоблачить самозванца. Как бы ни был он искусен, мы его нейтрализуем. И тогда из свихнувшейся женщины, находящейся под арестом, я превращусь в выдающегося стратега! Всего тридцать часов, мадам, и мы увидим, кто из нас не в своем уме!

Святой Ламе пришлось уступить, и она стала размышлять о сказанном. Конечно, великое открытие — это смешно, но чуждая форма жизни — пожалуй, в этом есть смысл. И если полковник Чи права, агентом пиратов может быть только один человек.

Она повернулась и включила интерком:

— Чо, необходимо твое присутствие — и немедленно.

Таким тоном она говорила только в чрезвычайной ситуации и знала, что Чо примчится незамедлительно. Так оно и произошло.

Святая Лама долго рассматривала его. Этого человека она знала с того момента, когда Совет официаль-

но ввел ее в должность и она в первый раз появилась в Обители. С ним она иногда занималась любовью. Сейчас в это даже невозможно поверить. Все кажется слишком невероятным, но тем не менее это правда.

— Чо, ты знаешь, что кроме нас на свете есть другие существа? И они могут делать то, что нам не по силам?

Казалось, маленький мужчина был удивлен:

— Вы говорите про богов, мадам?

— Чо, не прикидывайся глупее, чем ты есть на самом деле, — резко сказала она. — Ты здесь уже много лет. Может быть, ты никогда не видел чужих существ, но знаешь, что такое система безопасности.

Чо вздрогнул:

— Да, мадам. Извините, мадам.

— Полковник Чи воспользовалась своими полномочиями, чтобы отстранить нас от власти. Она мотивирует это тем, что среди нас есть кто-то чужой. Он не чанчукианин и вообще не человек, но способен замаскироваться и под того, и под другого. Завтра войска МСС разведут нас всех по клеткам, чтобы выявить это существо, а до тех пор мы пленники в собственной Обители, и каждый, кто попытается войти или выйти, будет убит на месте. Ты понимаешь, что это значит? Мы теперь ничто! Что ты об этом думаешь?

— Это очень трудные вопросы для бедного Производителя. Я ничего не смыслю в таких вещах.

Святая Лама смотрела на него так, словно видела его насквозь. Это было крайне неприятное ощущение.

— Да? А мне кажется, что смыслишь, — ответила она, и в ее голосе послышалось легкое удивление. — Мы всегда любили тебя, Чо. Ты умный малый и к тому же очень предан Нам. Мы полагаем, что ради Нас и всего Чанчука ты достоин подняться на следующий уровень реинкарнации.

— Мадам? — Пораженный, он шагнул вперед, но она движением руки остановила его.

— Не приближайся к Нам! Я унижена, но не беззащитна! Если ты не дашь Нам удовлетворительное объяснение, Мы выдадим тебя представителю МСС.

Резким движением она выхватила из-под кресла блестящее, новенькое игольчатое ружье системы Марк IX. Уруббу был ошеломлен. Кто бы мог подумать, что у нее есть собственное оружие и она умеет им пользоваться?

— Мы можем убить тебя с помощью этой штуки, даже не настраивая ее, и если Мы захотим, то сделаем это, а потом вызовем роботов, чтобы они доставили твоё бездыханное тело полковнику Чи. Мы обладаем поистине безграничным запасом терпения, но я думаю, что в данном случае тебе не придется слишком долго его испытывать.

Уруббу выругался про себя. Непростительная потеря бдительности! Сначала он недооценил полковника Чи. Введенный в заблуждение ее педантичностью и грубостью, он принял Чи за обычного офицера и не разглядел под маской солдафона первоклассный интеллект. Ошибся он и на этот раз, сочтя весьма компетентного Администратора Центра религиозным мистиком, витающим в облаках.

Святая Лама не поверила Чи, но, желая вернуть власть и избавиться от постоянного присутствия МСС, была готова принести в жертву Чо. Однако теперь пришел ее черед удивляться.

— Эта игрушка абсолютно меня не беспокоит, — холодно ответил Уруббу. Таким тоном никогда не говорил ни один мужчина на Чанчуке, и мгновенная перемена, происшедшая с ним, ошеломляюще подействовала на Святую Ламу. Внезапно она почувствовала в крошечном теле неукротимый дух, ауру мужской силы и власти. Это испугало Святую Ламу больше, чем все, что она встречала за свою короткую жизнь.

— Значит, это правда, — вздохнула она.

— Идея Чи в основном верна, — сказал Урубубу. — Между прочим, я вижу, что твой палец готов нажать на курок, но не старайся, это тебе не поможет. Я почувствую только болезненный укол, и не более того, а я привык к боли. Но я не хочу поступить с тобой, как пришлось поступить с Чо, хотя это обогатило бы меня знаниями, гораздо более важными, чем те, которыми я обладаю сейчас. Я очень многое узнал от твоей сестры, но это лишь малая часть того, что знаешь ты. Я убеждаюсь в этом все больше и больше и не хотел бы, чтобы Чанчук лишился тебя.

На мгновение Ламе показалось, что это не она, а он держит в руках ружье, направленное на нее.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я называю себя Урубубу. Так зовется хищная птица на старой Земле. Впрочем, она питается падалью, а я этого не делаю. Я становлюсь тем, кого съедаю, и все они остаются со мной. Я и мои друзья работали год, чтобы сложилась такая ситуация, как сейчас. Я пришел за кольцом.

— Почему же ты просто не возьмешь его, если ты такой всемогущий, как утверждаешь?

— Действительно, это легко. Но, как ты сама понимаешь, исчезнуть с кольцом гораздо сложнее. Впрочем, в ближайшее время это произойдет. Я возьму кольцо и передам его своим друзьям. После этого полковник Чи может зондировать кого угодно.

— Тебя сразу же разоблачат.

Урубубу отрицательно покачал головой:

— Нет. У полковника богатое воображение, но ее начальникам оно ни к чему. Они верят лишь в то, что можно проанализировать и измерить. Если они возьмут анализ крови, я создам тот образец, который им требуется. Если они прозондируют мой мозг, то обнаружат только Чо. Если они применяют химические препараты, то все равно не обнаружат меня. Рано или поздно они придут к выводу, что Чи ошиблась. Меня

отпустят, а потом я съем кого-нибудь еще и выйду на волю. Видишь, как просто?

— И ты рассказываешь это мне? Наш разговор записывается.

— Мы оба знаем, что в случае необходимости запись можно отредактировать. Ты поступаешь так каждый раз, когда готовишь полугодовые отчеты для Главной Системы и передаешь их в Монастырь Конджит. Я не сомневаюсь, что у тебя есть устройства, которые отлично справляются с этой задачей.

— Никаких устройств не нужно, и ты должен об этом знать, если, как ты утверждаешь, тебе известно все, что знала моя сестра. Пять уровней Кванжи далеко превосходят любую из этих дурацких машин, и что же ты собираешься делать теперь?

— Ничего. Если ты применишь силу, я, конечно, вынужден буду ответить тем же, и получится очень некрасиво. Девять Производителей было, и девять Производителей должно остаться. Но я постараюсь. Я создан, чтобы выживать. Это моя способность номер один. Но я ни разу не слышал, чтобы Верховный Администратор не смог бы найти выход из положения. Что будет дальше — зависит от тебя.

— На кого ты работаешь? И почему это кольцо так для тебя важно?

— Если пять уровней могут скрыть остальное, то уж это и подавно. Мы называем себя пиратами «Грома». «Гром» — наш базовый корабль. Мы все — изгнанники, флибустьеры и оппортунисты. Всех нас разыскивает Главная Система. Это кольцо, и еще четыре таких же, содержит код, который может отключить Главную Систему. Твое кольцо — третье, а владыка четвертого — наш союзник. Мы хотим покончить с владычеством Главной Системы, и многие прекрасные люди уже отдали жизнь за эту идею, а другие претерпели необратимые физические изменения, добровольно превратившись в монстров. Главная Сис-

тема свихнулась. По нашим сведениям, момент, когда ей взбредет в голову уничтожить человечество, уже недалек. Люди создали ее, и только люди могут и должны ее уничтожить.

Святая Лама не убирала оружия, но слушала она очень внимательно, а потом спросила:

— И чего же ты хочешь от Нас после всего, что ты рассказал?

— Ничего, — ответил Урубун. — Просто забудь об этом. Вырежь наш разговор из записи и выбрось из головы. В буквальном смысле. Главная Система не должна ничего обнаружить. Если у тебя есть ментопринтер, лучше воспользоваться им. На этот раз меня будут искать очень тщательно. Надо застраховаться от малейшей случайности.

— Войска МСС будут здесь не позднее, чем через тридцать часов. Так сказала полковник Чи.

— Если они ничего не найдут, то полковник окажется всего лишь человеком с чересчур развитым воображением. И на этом все кончится — я спасен и кольцо у нас.

Святая Лама вздохнула и отложила:

— Значит, ничего не предпринимать, так ты говоришь?

Урубун кивнул:

— Мы уже все обдумали — по крайней мере я надеюсь, что все. Мы подсуем полковнику Чи другую наживку, на которую она клюнет.

Тяжелые ногти стукнули по крышке стола.

— Нужно ли тебе от Нас еще что-нибудь?

— Кстати, не могли бы вы одолжить мне часы?

3. ЧЕТЫРЕ ПОПУТАЯ И ЖАРЕНый ГУСЬ, ПРИПРАВЛЕНный ФЕЙЕРВЕРКОМ

Храмовый комплекс, он же — Центр Ва Ши, совершенно по-другому выглядел с поверхности: цепочка огромных куполов на толстых цилиндрических основаниях, тянувшихся на пятьдесят метров от берега. Большинство куполов были облицованы полированными деревянными панелями, пропитанными водоотталкивающим составом. Панели были украшены орнаментом и инкрустированы золотом и серебром. На верхушках куполов размещались цветные витражи на религиозные или мирские сюжеты. Разумеется, основная масса населения и не подозревала о существовании технологических чудес, которые элите доставались в подарок, можно сказать, случайно.

Путь по воде был всего безопаснее, но чанчукианцы, натуры, как правило, творческие и любознательные, не упускали случая выбраться на сушу, чтобы посмотреть все, что можно. Ва Ши был священной землей, недоступной для непосвященных, над водой все было так интересно, хотя и жутко, что многие совершали паломничество, стремясь взглянуть на эти чудеса.

Побережье представляло собой черный песчаный пляж, изрезанный выходами скальных пород. Пляж был окружен скалами, вздымающимися на полторы

сотни метров. Первые пятьдесят метров были сплошной базальтовой стеной.

В жаркие солнечные дни здесь отдыхали и загорали. Люди приплывали сюда на лодках, но предпочитали вытаскивать их на берег чуть поодаль. Плоскодонные баржи для каботажных рейсов были широко распространены на Чанчуке и не привлекали к себе внимания. Конечно, на них имелись паруса и команды гребцов, но частенько их просто толкали снизу пловцы, которым выкрикивал приказы рулевой, стоящий на палубе.

А по ночам густой туман укутывал плотным одеялом и купола Обители, и пляж, и прибрежные скалы. Чтобы контролировать территорию в таких условиях, патрули снабжались специальными приборами, позволяющими видеть сквозь туман, и включались мощные радары, к которым МСС добавила еще один, установив его на вершине горы, с которой был виден весь Центр. Считалось, что он способен обнаружить низколетящие самолеты, которые мог применить потенциальный противник. Но на деле оказалось, что именно пляж является самым уязвимым местом в охране Обители.

Радарная станция была полностью автоматизирована, но полковник Чи, помня, что среди пиратов есть большие специалисты по взламыванию электронных замков, снабдила станцию вооруженной охраной. Солдаты дежурили в четыре смены по шесть часов.

В два часа ночи Мин Хао По, надев инфракрасные очки, наблюдала за сменой караула. Сменившиеся с поста устало надели полетные ранцы и, спрыгнув с утеса, спланировали к кромке прибоя. Дождавшись, пока они искупаются, она подняла станнер и двумя выстрелами уложила обоих часовых из новой смены. Они даже не успели понять, что случилось. Разумеется, Мин не стала их убивать, а только оглушила: индикаторы состояния, которые часовые обязаны были но-

сить, в случае гибели хозяина моментально передавали в штаб сигнал тревоги.

Подбежав к упавшим часовым, Мин достала из сумки маленькие инъекторы и сделала каждому укол в руку. Теперь они будут спать до конца смены, и у пиратов еще достаточно времени.

Сестрам Чо достаточно было лишь взглянуть на аналитические снимки замка на двери радарной станции, как они тут же поняли его принцип. Собственно, сам по себе замок был достаточно прост, можно сказать, примитивен, основную опасность представляли мини-ловушки, которыми он был снабжен. Что касается цифрового кода, то Урубубу уже давно его выяснил.

Мин достала из сумки небольшую коробочку и, прикрепив ее к двери в полуметре над замком, нажала на кнопку. Замерцал свет, и серия громких щелчков оповестила ее о том, что замок открыт. Мин убрала коробочку, но не спешила распахнуть дверь. Поднявшись к антенному комплексу, она достала из сумки еще один прибор, снабженный кабелями с зажимами на конце. Найдя нужную антенну, Мин через свой приборчик соединила ее еще с несколькими и, спустившись на землю, подождала минут пять.

Все было спокойно. Радостно подмигнув самой себе, Мин открыла дверь. Взревела сирена, но это было не страшно. В принципе сигнал тревоги должен был передаваться в Центр, но сейчас он мог потревожить лишь спящих часовых. После манипуляции Мин с антеннами сигнал шел не напрямую, а через прибор, который представлял собой фильтр, отсекающий из сигнала все, кроме безопасной составляющей. Более того, с помощью пульта управления у себя на поясе Мин могла послать в Центр любой сигнал, какой захотела бы.

Конечно, все, что она тут делает, записывается и будет изучено экспертами, но у Мин не было времени возиться с мониторами, не говоря уже о том, что при

этом тоже можно нарваться на ловушку. В любом случае все трое экспертов сейчас в четырехдневном отпуске, а к тому времени, когда они просмотрят запись, Мин рассчитывала уже покинуть Чанчук.

Вся аппаратура на радарной станции была хорошо знакома Мин. Она возблагодарила столь обожаемое войками единообразие. До начала операции ей снились кошмары, в которых она сталкивалась с незнакомыми приборами и не могла с ними справиться. Через несколько минут работа была закончена. Теперь «Гром» мог зависнуть над Центром Ва Ши, а мониторы и Центра, и базового корабля безмятежно показывали бы пустое небо. Конечно, на мониторы орбитальных станций это не распространялось, но они были далеко и не могли причинить вреда. Единственное, что не было предусмотрено планом, — это головная боль, вызванная непрерывно воющей сиреной.

Собравшись с духом, Мин выскользнула наружу и, закрыв дверь, несколько секунд наслаждалась тишиной. С приятным чувством выполненного долга она еще раз подумала, что Мин Хао По не зря считается непревзойденным специалистом в области связи. Мин вынула из сумки маленький передатчик в водонепроницаемом корпусе и поднесла его ко рту.

— Первый уровень закончен. Переходим ко второму. — Она надела полетный ранец и, взяв сумку, прыгнула со скалы. Каждое движение, каждая мелочь была проанализирована и учтена компьютерами «Грома». На это ушла уйма времени, но зато потом все окупалось сторицей.

На борту небольшого плоты Чанг Манг Во разбирала снаряжение. Плот был ничем не примечателен: такие во множестве плавают на границе запретной зоны даже по ночам. Этот плот не имеет никакого отношения к «Грому». Он курсирует между двумя деревнями: одна была расположена примерно в шестидесяти километрах к югу от Центра, а другая — в девяноста

километрах к северу. У работников службы безопасности нет никакой возможности узнать, что в этот день рулевой напился в стельку в Варунге и был не в состоянии покинуть город.

Чанг проверила панель управления, на которой отражались показания воздушных и подводных датчиков, и включила двигатель.

— Сегодня отличное статическое электричество, — сказала она сама себе. — Лучше и не придумать. Туман наэлектризован даже чересчур сильно.

Она взглянула на часы.

— Пора отправляться. Надо устроить фейерверк по расписанию.

Бутар Киломен, командир этой небольшой, но хорошо вооруженной группы, рассеянно кивнула. Кое-что ее беспокоило. Старый космический волк, она понимала, что компьютер может ответить только на те вопросы, которые ему задать, им не заменишь глаз и рук опытного специалиста.

Негромко потрескивал воздух, насыщенный атмосферным электричеством. Вокруг Обители на небольших сторожевых платформах дежурили часовые. Расстояние между ними было такое, что с соседних платформ люди даже сквозь туман могли видеть друг друга. Но они начали волноваться.

— Вот-вот налетит шторм, — сказала одна из часовых своей напарнице. — Воздух просто насыщен электричеством. Я ничего не вижу даже в этих проклятых очках.

Ее напарница кивнула:

— Мне тоже это не нравится. Слишком много электричества. Я слышала, что эти чертовы платформы притягивают к себе молнии. Не хотелось бы испытать это на собственной шкуре.

— Я тоже об этом слышала, — поддакнула первая. — Послушай, я, пожалуй, свяжусь с начальством! В такую погоду кто сюда сунется? И потом, ну что они могут сделать? Начать нас бомбить?

Она взяла переговорное устройство. Статическое электричество делало почти невозможной работу с ним.

— Говорит капрал Жи, третий пост. У нас надвигается шторм, и воздух трещит от разрядов. Видимость — нулевая даже в очках. Оборудование начинает отказывать.

Примерно через пару минут из воды вынырнула сержант охраны. Она выкрикнула пароль, часовые сказали отзыв.

— Вы правы, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Погода вшивая. Я позвоню дежурному офицеру.

Та уже слышала метеосводку и понимала, что в такую погоду от специального снаряжения толку мало. Оно скорее мешает, чем помогает. Не желая самостоятельно принимать ответственное решение, она позвонила домой полковнику Чи.

Чи спала глубоким сном. От того, что ее разбудили среди ночи, настроение ее не улучшилось, но она выслушала дежурного очень внимательно и приказала:

— Запросите у базового корабля информацию по своему району и проверьте показания своих радаров. Если ничего опасного нет, пусть часовые спускаются вниз и сидят там; пока не улучшится погода. Но как только шторм стихнет, пусть немедленно поднимаются обратно. Вопросы есть?

— Слушаюсь, полковник!

Дежурный офицер вызвала базовый корабль и спросила:

— В нашем районе есть что-нибудь подозрительное?

— Абсолютно ничего, полковник. Погода бесится, но здесь это не редкость. Космос чист, воздух — тоже. Я думаю, вам не следует беспокоиться.

— Спасибо. — Она повернулась к своему адъютанту. — Проверьте показания радаров.

— Уже проверены, капитан. Ничего подозрительного. У нас слишком много людей, чтобы кто-нибудь осмелился что-то предпринять против нас. Правда, погода — самая подходящая для нападения, но экраны чисты и компьютеры — спокойны. Даже в такой каше они могут заметить и крошечную птичку. Штормовые вихри текучи, а любой материальный объект выглядит на экране не изменяющимся. Уж вы мне поверьте, никто не проскочит.

Дежурная кивнула:

— Очень хорошо. Пошлите сержанта, пусть отзовет людей с поверхности. Когда погода улучшится, они вернутся на свои посты. Вопросы есть?

— Никак нет. Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Бутар Киломен посмотрела на часы. Пора. Она обернулась к Чанг:

— Ну что, начнем?

Чанг кивнула и усилила помехи до штормового уровня. Панель управления раскалилась. В образование тумана была вложена уйма энергии, и теперь это грозило обернуться бедой, но отступить было поздно. «Великолепное шоу с замечательным фейерверком», как выражалась Чанг, должно состояться.

Бутар Киломен надела шлем для дистанционного управления и откинулась на спинку походного кресла. Беспилотный истребитель поднялся в воздух, и она полностью погрузилась в работу с ним. Предполагалось, что частоты, на которых велось управление истребителем, неподвластны действию помех, но на практике оказалось, что это не так. В такую погоду слабенький компьютерный мозг истребителя не справился бы, а любой радар, установленный на нем, переда-

вал бы сигнал не только пиратам, но и на мониторы МСС. Поэтому Бутар вела самолет по показаниям телекамер и надеялась, что, несмотря на долгое отсутствие практики, еще не утратила былого мастерства.

Видимость была ужасная. Экран рябил от помех, и Бутар целиком сосредоточилась на том, чтобы отличить их от реального изображения и удержать его. Так... Чуть полегче. Внимательнее... Внимательнее! Тысячи раз она проделывала это в воображении...

Трехметровый истребитель плавно скользнул на одну из сторожевых площадок у деревянного купола Обители. Из нижней части фюзеляжа выдвинулось сверло и принялось сверлить полированную панель. Оно ушло почти на всю длину — видно, попало на косяк или на какой-нибудь барельеф. Вынув сверло, Бутар вставила в отверстие длинную трубку и пережила несколько неприятных секунд, когда оказалось, что она на сантиметр короче, чем нужно. Впрочем, расстраиваться было поздно, тем более что сантиметр — это не так уж и много, учитывая, что газ будет подаваться под большим давлением.

Включился насос, и нейротоксины, не имеющие ни цвета, ни запаха, устремились в Святую Обитель. Зная, как работает система вентиляции, Бутар рассчитывала, что Обитель будет заполнена газом примерно минут через шесть, и Уруб, если ему, конечно, удастся нейтрализовать действие токсинов, отправится за кольцом.

Такие сложности были вызваны тем, что никто не мог проникнуть в Обитель, поскольку охранные системы, стоящие там, были очень надежны, и, кроме того, практически никому толком не было известно, как они работают. Зондирование на расстоянии показало лишь, что они очень сложны и включаются тогда, когда просыпается Святая Лама. Показания мониторов можно было подделать, но эта система была в основном механическая, и с ней справиться было труднее.

Клейбен настаивал, чтобы при разработке плана учитывалось все самое худшее, и Звездный Орел позаботился о том, чтобы пиратам вообще не пришлось иметь дела с этой неизвестной системой.

Принятый план был хорош во всех отношениях, кроме одного: чтобы вытащить из Обители Урубубу, пришлось бы проделать в куполе отверстие, которое с большой натяжкой можно было бы назвать маленьким, а это наверняка вызвало бы тревогу. Через окна он теоретически мог бы выбраться, но на них стояли датчики, и вероятность того, что ему удалось бы благополучно скрыться, была равна нулю. Поэтому предполагалось, что сначала он украдет кольцо, а потом, используя свои уникальные способности, покинет Обитель. Эта последняя часть плана внушала большие опасения. Урубубу трудно убить, но все же и он смертен.

Остальные Производители спали как убитые, и только Урубубу благодаря абсолютному контролю над клетками своего тела, мог справиться с действием токсинов. Этот процесс не был автоматическим, Урубубу должен был сознательно противостоять опасности, но он проснулся в нужное время и был готов. Пройдя в комнату для медитаций, он вытащил из-под статуи Будды дубликат кольца и направился в спальню Святой Ламы. Увидев ее в постели, он на мгновение почувствовал себя настоящим чанчукианским мужчиной, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выдержать это своеобразное испытание. Святая Лама действительно сняла кольцо и положила его на ночной столик. Урубубу поднял ее руку и взглянул на палец. Шерсть в том месте, где было кольцо, вытерлась. Она, должно быть, потратила немало сил и времени, чтобы снять этот проклятый перстень!

Тщательно стерев маскирующее покрытие с дубликата, Урубубу положил его рядом с оригиналом.

Подделка, естественно, далека от совершенства, но, если не рассматривать их вместе, вряд ли кто-то заподозрит подмену.

Внезапно Уруб ухватил страх. Он забыл, какое кольцо — настоящее, а какое — нет. Не хватало еще после всех испытаний украсть и отправить на «Гром» подделку! С чувством огромного облегчения Уруб заметил крошечный кусочек защитного слоя, случайно оставшийся на наружной поверхности одного из колец. Он взял это кольцо в руки, стер кусочек и, положив кольцо на место, сразу же схватил другое.

Бежали драгоценные секунды. По расчетам, вся операция должна занять не более двадцати минут. Несмотря на шторм, бойцы МСС в любую минуту могли подняться на поверхность, чтобы проверить, как идут дела. Пока самолет находится около купола, в любой момент может раздаться сигнал тревоги.

Итак, Уруб предстояло найти отверстие, диаметр которого не намного превышал размер кольца, и сделать это как можно скорее. Поиски значительно облегчились тем, что теперь насосы на истребителе работали в обратную сторону, создавая сильные воздушные течения. Уруб взял лист бумаги, поджег его и, следя за движением дыма, достаточно легко нашел нужную площадку. Но добраться до зонда оказалось гораздо сложнее. Выяснилось, что зонд угодил в библиотеку и просверлил книжный шкаф на высоте около трех метров от пола. В такой ситуации очень пригодились бы стулья, но, к сожалению, чанчуки-анцы ими не пользовались. Они предпочитали сидеть поближе к полу.

Уруб физически ощущал, как бегут мгновения. Весь тщательно разработанный план грозил сорваться только из-за того, что его рост слишком мал, а отверстие расположено чересчур высоко. Он лихорадочно начал складывать друг на друга самые толстые книги, которые только смог найти. Некоторые из них были

так тяжелы, что он с трудом мог их поднять. В конце концов Урубун соорудил пирамиду и вскарабкался на нее. Но, даже на всю длину вытянув руку, он не смог дотянуться до зонда. Пришлось срочно достраивать книжную пирамиду. И наконец он почувствовал, как кольцо вдруг рванулось из пальцев. Он поглядел наверх и ужаснулся: оно застряло в отверстии! Нехватка одного сантиметра оказалась роковой.

Урубун подпрыгнул и изо всех сил стукнул рукой по кольцу. В следующий момент все книжное сооружение развалилось, и он вместе с книгами с грохотом рухнул на пол!

Поднявшись, Урубун посмотрел в отверстие. Кольца не было, но это еще ничего не значило: с таким же успехом оно могло упасть на пол или застрять в отверстии. Урубун обшарил пол и, не обнаружив кольца, решил, что в данной ситуации все равно больше ничего сделать не может. Он сосредоточился на своем теле и, ликвидировав последствия падения — синяки и ушибы, — собрал книги, расставил их по полкам и отправился обратно в свою комнату.

Шум всасываемого воздуха прекратился. Урубун не знал, попало ли кольцо в зонд или просто застряло в отверстии, но утешал себя тем, что, даже если оно и застряло, это еще не так страшно: кроме него, никто не знает, где сейчас кольцо. А извлечь его из этого своеобразного тайника гораздо легче, чем украть по новой...

В это время сержант охраны вынырнула на поверхность и огляделась вокруг. Погода оставалась ужасной, всюду бушевал ветер. Она уже готова была нырнуть обратно, но вдруг нахмурилась. Что-то не в порядке, что-то не так. Какой-то странный звук... Нет, сейчас он прекратился... Но даже отсутствие посторонних звуков показалось ей подозрительным. Внезапно она со-

образила, что ее собственная позиция очень уязвима, и быстро скрылась под водой. Надо срочно вызвать людей и тщательно обследовать местность.

Механизмы вынули зонд и принялись заделывать отверстие. Естественно, идеально замаскировать его в данных условиях невозможно, но сделать как можно менее заметным — вполне реально. Киломен попыталась исследовать окружающее пространство, но тут же отказалась от этой затеи: на экране были одни помехи. Хватит и того, что уже сделано. Она подняла зонд примерно на двадцать сантиметров от крыши и начала постепенно, рывок за рывком, переносить его на истребитель.

Датчики истребителя были далеки от совершенства. Они показывали, что зонд захватил что-то, но что именно — оставалось неизвестным. Придется дожидаться возвращения истребителя и посмотреть самой.

Она посадила истребитель на баржу и накрыла его брезентом для маскировки. Корпус еще не остыл после длительного перелета, но ей не терпелось исследовать привезенные образцы. Она открыла багажное отделение и заглянула внутрь.

Пусто.

Черт возьми! Неужели все было напрасно?

Но Киломен быстро взяла себя в руки и принялась рассуждать логически. Датчик показал, что в момент старта истребителя в воздушной трубке что-то было, но, когда ее вытаскивали из стены, это «что-то» могло выпасть. Если это действительно так, то оно может находиться либо на платформе, либо у основания стен Святой Обители. Но прежде чем предполагать самое плохое, имеет смысл проверить еще одно место...

Она вернулась к пульту управления и расширила всасывающую трубку, а потом отключила энергию и опять спустилась вниз. Она осмотрела, попыталась вытащить, но тут терпение ее лопнуло, и, достав нож, она просто срезала проклятую штуковину. Вынув об-

резок, она тщательно ощупала его и недалеко от основания обнаружила жесткое утолщение.

— Чанг! — закричала она. — Там что-то есть, но я не знаю, что именно! Оно застряло!

Чанг подошла и тоже ощупала трубку. Затем она взяла нож. Киломен держала трубку, а Чанг, обрезав трубку с обеих сторон предмета, принялась срезать кусочки с боков. Это занятие требовало значительных усилий, но наконец ей удалось снять толстую оболочку, и они увидели то, что было внутри. Нож немного поцарапал его, но перстень все равно оставался очень красивым.

— Вот и еще одно, — выдохнула Чанг. — Он производит впечатление даже в темноте. — Она поднесла поближе маленькую лампу, и они принялись внимательно рассматривать кольцо.

— Четыре маленькие уродливые птички, — сказала Чанг.

Бутар Киломен пожала плечами:

— В этом есть глубокий смысл — обрати внимание на их количество! На кольце с Матрайха — одна птица и дерево. На джанипурском — две птицы, но дерева нет. Здесь — четыре птицы. А судя по фотографии, на земном кольце их три. Можно предположить, что на пятом кольце — птиц либо пять, либо нет вообще. Имеются сотни возможных комбинаций, и лишь одна из них верная. Остальные просто убьют тебя. Но как найти нужную?

— Да, — согласилась Чанг. — Кто знает, какие фантастические идеи могли прийти в голову нашим предкам...

Она вздохнула, и несколько мгновений они молча стояли, с удивлением глядя на кольцо.

Наконец Бутар Киломен усмехнулась и взглянула на Чанг.

— Черт побери! Этот сумасшедший, идиотский план все-таки сработал! Кольцо у нас!

— И теперь мы должны каким-то образом убраться с ним отсюда и при этом остаться в живых, — прагматично заметила Чанг.

С тяжелым вздохом Бутар положила кольцо в сумку и поглядела на темное небо, затянутое облаками.

— По крайней мере здесь я не умру, — пробурчала она себе под нос и добавила, обращаясь к Чанг: — Надо подать Мин сигнал, чтобы встречала нас в условленном месте. Предстоит еще немного поплавать. Я бы предпочла покинуть планету до того, как здесь появится флот. Если будет схватка — нам не устоять.

Чанг кивнула, погруженная в собственные мысли.

— Я думаю, мы ускользнем. Что бы там ни готовили Валы и МСС, они не имеют понятия, что мы собираемся делать. Но Урубун...

— Иногда мне кажется, что он чересчур самоуверен, — призналась Бутар Киломен. — Впрочем, не исключено, что, обладая его способностями, я вела бы себя так же. И все же ему стоит быть поосторожнее. Полковник Чи не похожа ни на кого из тех, с кем мы встречались раньше. Но я искренне желаю Урубун удачи. Пусть он, она или оно победит и на этот раз. У нас есть уже три кольца, и мы знаем, где находится четвертое. Но о пятом мы не имеем ни малейшего представления. Каждый раз нам все сложнее бороться с Главной Системой. Я не представляю, что мы будем делать без Урубун...

Чанг пожала плечами:

— Я никогда не верила в успех этого плана, но теперь начинает казаться, что наша победа может быть трудной, но она неизбежна.

К рассвету шторм утих. Часовые вернулись на посты и обнаружили своих товарищей в бессознательном состоянии. Оглушительно ревела сирена. Они срочно вызвали дежурное подразделение. Когда бойцы

МСС нашли маленькую коробочку, соединенную с антеннами, они поспешно разбудили полковника Чи. Она объявила общую тревогу.

Менее чем за час с базового корабля прибыла группа ученых и принялась изучать то, что произошло на радарной станции. Полковник Чи была вне себя от ярости. Она понимала, что расплачиваться придется ей.

— Итак, сегодня, между двумя часами ночи и шестью часами утра, кто-то с помощью весьма хитроумных устройств отключил все наши датчики, — говорила она, свирепо глядя на дежурного офицера. — Изготовить такие приборы на Чанчуке невозможно. Следовательно, это пираты. Им здесь нужна одна-единственная вещь. Я хочу, чтобы с этого момента вся Обитель находилась под непрерывным наблюдением. Каждый квадратный сантиметр, любая щель, любой человек. Дайте команду компьютерам — пусть фиксируют малейшие изменения.

— Прошлой ночью мы не проводили наружного патрулирования, — робко встала офицер технической службы. — Мы полагались только на наблюдения из космоса, а они проводятся с трехсоткилометровой высоты. В такую погоду сюда мог прилететь кто угодно.

Полковник Чи взглядом заставила ее замолчать и обратилась к дежурному офицеру:

— Вы говорили, что заметили баржу, когда она была уже очень далеко, почти на пределе способностей наблюдательных приборов?

Та кивнула:

— Да, но это обычная баржа. На Чанчуке таких много. Если бы она была ближе... А так я даже не уверена, действительно ли она была...

— Мне нужна эта баржа! — рявкнула Чи. — К чертям все инструкции! Поднимите флайеры! Мне наплевать на то, что их увидят простые смертные. — Она перевела дух.

— И доставьте ко мне Святую Ламу! Немедленно. Меня совершенно не волнует, что мы потревожим ее сладкий священный сон!

В этот момент поступил рапорт от охранников, патрулирующих поверхность. Возле сторожевого поста номер три обнаружены подозрительные царапины. Чи вызвала инженеров, и они поспешили туда. О Святой Ламе временно забыли.

— Эта была присоска, — сказала офицер-техник, тщательно осмотрев царапины, — присоска, сделанная специально для влажной деревянной поверхности. Судя по следам на куполе, устройство, побывавшее здесь, было довольно небольшим. Двигатель, которым оно снабжено...

— Что значит — небольшим?! — разгневанно перебила Чи. — Могло ли оно выдержать человека?

— Что?.. Впрочем, вероятно, да. Но зачем? Единственное отверстие, которое мы обнаружили, — два с половиной сантиметра в диаметре.

Чи не знала, на что способно это гипотетическое создание, но даже она сомневалась в том, что оно может превратиться в веревку или змею и проникнуть в такое маленькое отверстие, особенно вместе с кольцом.

Внезапно ее осенило, и она обругала себя за то, что не замечает очевидного.

— Отверстие как раз такое, чтобы сквозь него могло пройти это проклятое кольцо! Срочно найти эту баржу! И свяжитесь с базовым кораблем. Они могли ослепить наши датчики, но не его. Мне необходимо срочно получить их записи.

«Они не просто до сих пор на планете, они в самом эпицентре событий — в Святой Обители!»

— Сейчас же доставьте сюда специалистов и необходимые инструменты! Все — в обстановке строжайшей секретности, — приказала она. — Если они смогли просверлить отверстие, не побеспокоив систему внутренней безопасности, мы сделаем то же самое. Но

мы просверлим отверстие большего диаметра. Я хочу проникнуть внутрь — и так, чтобы ни одно живое существо не могло выйти оттуда!

К девяти тридцати в стене библиотеки появилась дыра, через которую могли пройти солдаты в полном вооружении и все необходимое оборудование. Бойцы МСС надели специальные костюмы с автономной системой жизнеобеспечения, способные защитить от всех известных видов оружия, и получили полный комплект вооружения. Чи не хотела подвергать излишнему риску своих людей.

К десяти тридцати выяснилось, что Святая Лама, все девять Производителей и дети выглядят холодными и безжизненными. Медики провели сканирование, сделали анализы и нашли в крови людей, находящихся в бессознательном состоянии, элементарный биохимический нейротоксин. То, что было в воздухе, уже успело рассеяться.

— Просто и эффективно, — сказала Чи военный врач. — Серьезного вреда им не причинено. Самое большее через несколько часов все они придут в нормальное состояние. Правда, еще некоторое время у них будет сильно болеть голова.

Сержант ткнула затянутой в перчатку рукой куда-то вверх:

— Полковник, не это ли вы ищете?

Чи взглянула в указанном направлении. Маленькое отверстие находилось на достаточно большой высоте. Есть ли надежда, что пираты потерпели неудачу?

— Можно войти туда без защитного костюма? — спросила Чи военного врача.

— Теперь уже да. Пойдемте.

— Где Святая Лама? Пираты могли подменить кольцо, чтобы ввести нас в заблуждение. Они знают,

что у нас не хватает информации, чтобы отличить оригинал от подделки. Но кое-что они упустили.

Она подошла к Святой Ламе. Посмотрев на самого великого человека на Чанчуке, полковник Чи внезапно осознала, что впервые видит его во плоти.

Наклонившись, она сразу же поняла, на каком пальце Святая Лама носила кольцо. Чи взяла символ власти и надела его на палец Святой Ламе. Подняла руку так, чтобы кисть свесилась вниз. Кольцо тут же соскользнуло и с громким стуком ударилось об пол. Стоявшая рядом рядовая поспешно подняла его.

— Сохраните его в качестве доказательства, а потом возьмите себе на память, — сказала ей Чи. — Это подделка. Посмотрите на палец, на котором Святая Лама носила кольцо. Очевидно, оно мало ей. Видите след? А это кольцо велико ей по меньшей мере на два размера. Тем не менее идея замечательная. Я верну перстень владельцу.

— Значит, кольцо у них? — спросила офицера-техник.

Чи кивнула:

— Да, у них! Чтоб они им подавились! Но они никогда не выберутся с этой планеты! Я клянусь!

Она повернулась к врачам и спросила:

— Вы у всех взяли анализы крови?

— У всех, кроме наших людей, — был ответ.

— Проверьте каждого на наличие в крови нейротоксинов. Нет сомнений, что тот, кто подменил кольцо, был в полном сознании. Пусть компьютеры сверят результаты. Ищите любой признак того, что кровь у кого-то хоть немного отличается от остальных. И конечно, следите за уровнем нейротоксинов. Проверьте всех, в том числе Святую Ламу и детей. Берите записи внутренней системы безопасности и все, что может вам пригодиться, и отправляйтесь в лаборатории к своим микроскопам. И еще, док.

— Слушаю вас, полковник.

— Всех людей, от Святой Ламы до грудных младенцев, свяжите и поместите в отдельные изолированные камеры на борту базового корабля. Сделать это необходимо как можно скорее, а до тех пор пусть рядом с ними все время будет вооруженная охрана. Вопросы есть?

Военный врач пожала плечами:

— Приказ будет выполнен, но я не понимаю, что вы собираетесь делать с детьми.

— Я сказала — всех без исключения! Немедленно!

Выпятив подбородок, Чи сердито подумала: «Все можно понять. План действительно грандиозный. Но как они собираются исчезнуть?» И вдруг ее осенило: «Они должны сделать это сегодня же, до прибытия флота, иначе им придется остаться здесь на долгие годы».

— Предупредите базовый корабль, — сказала она вслух. — Я понятия не имею, какое летающее средство попытается взлететь с Чанчука, но силы планетной обороны должны быть готовы уничтожить любой аппарат, который поднимется с планеты. Тот, кто упустит его, будет умирать очень медленной смертью!

— Будет сделано, командир!

Интонация, с которой это было сказано, ясно показывала, что военный врач очень удивится, если Чи удастся долго удержаться на своем посту. Доктору эти меры предосторожности казались излишне формальными. Так талантливые командиры не работают! А полковник только так и работала.

— И еще, док, — тоже очень срочно... Когда вы выполните все, что приказано, я попрошу вас снять с меня ментопию и отправить Валу, командующему войсками стратегического назначения.

Врач удивился:

— Не в штаб?

— В штаб? Да, пожалуй, вы правы. Пошлите копию и туда. Но я хочу, чтобы сама Главная Система смогла ее оценить.

- Разрешите выполнять?
- Выполняйте.

На базовом корабле Святая Лама и ее семейство постепенно приходили в себя после действия нейротоксинов. Процесс этот был весьма неприятный. Полковник Чи после ментосканирования чувствовала себя не лучше, но спокойно восстановить силы ей не удалось.

— Зарегистрирован пространственный прокол, — доложил по интеркому дежурный офицер. — Объявлена боевая тревога.

И действительно: завывание сигнала тревоги разносилось по всему кораблю.

Заставив себя забыть о головной боли, Чи вскочила с койки и помчалась в Центр управления.

Это был совершенно иной мир, абсолютно не похожий на штаб наземных войск или рубку боевого корабля. Здесь офицеры МСС и специалисты, принадлежащие разным расам, работали плечом к плечу, и каждый был лучшим в своей области.

Коммодор Марквет, главнокомандующий стратегическими войсками МСС, единственный, кто был старше Чи по званию, тоже присутствовал здесь. Он сидел в своем кресле и внимательно вглядывался в экраны. Цифры мелькали с такой скоростью, что только тренированные глаза космического волка могли уловить их смысл.

Марквет был плотным человекоподобным существом. Казалось, что он способен не задумываясь согнуть стальной прут. Его лицо было покрыто густой шерстью. И складывалось впечатление, что огромные желтые глаза выглядывают из щетки. У него были крепкие зубы и мощные челюсти, позволяющие мгновенно разгрызть любую кость. Народ Марквета жил в грубом и жестоком мире.

— Что происходит, commodore? — спросила Чи.

— Одиночный корабль, сравнительно небольшой, но быстрый. Выскочил за орбитой Мэкьюка. Дистанция — около шестидесяти миллионов километров. Он включил защитные экраны, но пока держится вне досягаемости наших орудий.

— Это наживка, — ровным голосом сказала Чи. — Они пытаются нас отвлечь, чтобы эвакуировать своих людей с Чанчука. Им известно, что у нас хватит сил, чтобы сделать только одно из двух: либо взять под контроль этот район, либо устроить им достойную встречу. На то и на другое одновременно мы не способны. Я не удивлюсь, если они сделают попытку симитировать подготовку к фальшивой атаке.

Коммодора не убедили ее слова.

— Вы уверены? На Джанипуре они действительно атаковали.

— И понесли при этом огромные потери. Корабли можно отремонтировать, но чем они возместят потери в живой силе, хотелось бы мне знать.

— Можно вызвать еще несколько кораблей в дополнение к уже имеющимся, — заметил Марквет. — Если вы правы, мы просто-напросто накроем их одним залпом, как сидящих уток. Если, конечно, не спугнем до этого.

— Все верно, если бы они действительно сбились в одну кучу и готовились к бою, — согласилась Чи. — Но ситуация, к сожалению, совершенно иная. Лучше все-таки следить за планетой. Главное — дождаться основных сил. Тогда мы станем хозяевами положения.

— Два прокола. Дистанция — десять миллионов километров, — доложил компьютер.

Глаза Марквета сузились.

— Бывшие транспорты. Только первый корабль более или менее приспособлен для настоящего сражения.

Он нажал кнопку на пульте и произнес:

— Идентификация?

— Грузовой корабль с левого борта — «Бахакатан», которым командует Али Мохаммед бен Суда, — доложил компьютер. — Справа по борту — «Каотан». Капитан — Икира Сукота. Но эта информация о последних официально зарегистрированных капитанах. Вполне возможно, что сейчас она уже не соответствует действительности. Боевой корабль нигде не зарегистрирован. Но он участвовал в Джанипурском сражении. В переговорах два других называют его «Молния». Со времени нашей последней встречи все три корабля приобрели дополнительное вооружение и подверглись некоторой модификации. «Бахакатан» — наиболее уязвимый. После переделки он существенно потерял в скорости и маневренности. С другой стороны, он наиболее хорошо вооружен и защищен.

Чи кивнула:

— А что есть у нас?

— Девять боевых кораблей по центру и еще две группы по шесть кораблей на флангах. Также имеются два транспортных корабля, корабль-заправщик и корабль-завод, — ответил Марквет.

Внезапно раздался сигнал тревоги.

— Внимание! Новый прокол! Угроза атаки! — предупредил компьютер. Чи увидела, как центральный корабль исчез с экрана, а два других боевых корабля продолжали движение в обычном пространстве. Они шли по сложной траектории, описывая огромные дуги. Штаб МСС пытался проанализировать варианты возможной атаки.

— Мне это не нравится, — проворчал Марквет. — Сидящие утки... Мы собираемся стрелять, не зная, откуда последует ответный залп.

«Молния» внезапно выскочила из прокола приблизительно в километре от корабля-завода и, как только он выпустил по ней торпедный залп, снова ушла в прокол.

— Чертов ублюдок! — воскликнул коммодор. — Он повредил наши экраны!

В каждую торпеду был встроен небольшой компьютер, запрограммированный на поиск наиболее уязвимых мест в защитных экранах. Потеряв прежнюю цель, торпеды устремились на другие корабли флота МСС. В такой ситуации отстреливаться было бессмысленно: корабли находились слишком близко друг от друга и вместо того, чтобы отражать торпеды, стреляли бы друг в друга.

— Попадание в транспортный корабль! Один... Второй... Три торпедных удара, — докладывал командир группы, но Марквет и сам видел на экране, что происходит.

Тем временем все три корабля пиратов вошли в прокол и, вынырнув у базового корабля МСС, выпустили двенадцать торпед и тут же скрылись. Залп не причинил флагману никакого вреда, но Марквет понимал, зачем это делается. Ни один человек не в состоянии изобрести алгоритм атаки, совершаемой через прокол пространства. Это под силу только компьютерам, и то если их освободить от решения всех других задач, связанных с ведением боевых действий.

— Это не отвлекающий маневр, — сказал Марквет Чи. — Это отлично спланированная и очень грамотно выполненная атака. Нам еще повезло, что корабль-завод они атаковали первым. Полученные повреждения относительно легко исправить. Но они могут продолжать эти игры весь день, если у них хватит энергии, и я чувствую, что так оно и будет. Рано или поздно они сумеют вывести из строя один из наших кораблей, и, чтобы этого не произошло, я собираюсь избавить боевой компьютер от прочих обязанностей. В противном случае пираты нанесут нам очень серьезный ущерб.

— Нет! — Чи оставалась непреклонна. — Они пытаются нас отвлечь, разве вы не видите?

— Полковник! Двенадцать наших кораблей контролируют всю поверхность Чанчука, от полюса до полюса. Я оставляю там три. Любому аппарату потребуется не меньше десяти минут, чтобы достичь орбиты, и за это время они перехватят все, что способно летать, откуда бы оно ни поднялось.

Чи пришлось удовольствоваться этим — возразить ей было нечего.

— Хорошо! Я уступаю. Распожайтесь флотом по своему усмотрению!

— Наконец-то я тебя убедил!

Конечно, командор мог с самого начала не принимать во внимание мнения Чи — ведь он был старше ее по званию и занимал более высокую должность. Но он колебался. Ведь главная задача — сохранить кольцо, а за это несла ответственность Чи.

Боевой компьютер целиком принял на себя командование войсками. Три наиболее уязвимых корабля он сгруппировал около флагмана, а защитные экраны — теперь их стало восемнадцать — разделил на две группы: одна защищала базовый корабль, а вторая была готова отреагировать на любое перемещение противника. Ни на одном из базовых кораблей не было человеческого экипажа, и все они обладали ограниченной способностью совершать пространственные проколы.

Почти сорок минут три вражеских корабля и войска МСС играли друг с другом в «кошки-мышки». Они вели перестрелку, но никто не получил ощутимого вреда. Так продолжалось до тех пор, пока компьютер Марквета не рассчитал алгоритм вражеских атак. Корабли пиратов появлялись из прокола, атаковали, затем перегруппировывались, но в основе этих, на первый взгляд, беспорядочных, перемещений лежал строгий математический расчет. И когда началась следующая атака, корабли МСС сделали пространственный скачок навстречу нападающим.

Наблюдая за битвой на экранах, полковник Чи подумала о том, что на вражеских кораблях находятся люди, и про себя порадовалась тому обстоятельству, что сама она служит в наземных войсках.

— Сейчас мы зададим им хорошую трепку! — с удовлетворением заметил Марквет.

— Сэр! С поверхности Чанчука производятся запуски!

Марквет резко повернулся в кресле.

— Где? Сколько?

— Повсюду! О Господи! Да их сотни! Вся поверхности планеты рябит от них!

Цветное объемное изображение Чанчука парило над пультом управления, и на нем можно было наглядно увидеть всю информацию, поступающую с экранов мониторов. Сотни злых, маленьких вспышек по всему глобусу...

Внезапно Чи сообразила, что за всеми волнениями и заботами, связанными со Святой Обителью, налетом пиратов, неизвестным существом и всем остальным, она совершенно забыла об очень важной детали. У нее совершенно из головы выскочила проблема маленьких двигателей с запасом горючего, найденных в далекой провинции.

По всему Чанчуку пираты разбросали огромное количество подобных устройств. Зачем же им это понадобилось? На боевых экранах все они выглядели одинаково, но где-то среди них была одна, несомненно, несущая на борт кольцо!

— Сконцентрировать все боевые корабли на этих объектах! Расстрелять их! Расстрелять всех до единого! Все остальное — отставить!

— Черт меня побери, если я уберу экраны от нашего корабля! — ответил командор. — Разделить группу планетной защиты на три части и присоединить каждую к нашим боевым кораблям! Расстреливать все,

что попытается добраться до вражеских кораблей! Приступить к выполнению!

Он повернулся и взглянул на Чи:

— Мы не в состоянии отследить каждый запуск с поверхности планеты, но мы можем расстреливать все, что попытаются подобрать корабли противника.

После этих слов Марквет сразу вырос в глазах полковника Чи.

Небольшие боевые корабли МСС были слишком маневренны и быстры, чтобы применять против них торпеды, но сами запросто могли выпустить парочку торпед, чтобы заставить врага держаться на почтительном расстоянии. Поэтому они чувствовали себя в относительной безопасности, а их пушки могли поразить объект любого размера и любой массы, идущий по совершенно произвольной траектории.

«Молния» продолжала атаковать эскадру, отвлекая на себя внимание защитных экранов. В прикрытии сейчас оставалось лишь девять боевых кораблей, и можно было надеяться причинить реальный ущерб кораблю-заправщику, кораблю-заводу и двум транспортным кораблям. На флагмана «Молния» уже не обращала внимания, только дала несколько ракетных залпов, чтобы отвлечь на себя его защитные экраны. Имея мощную защиту, «Молнии» могла это себе позволить.

Марквет показал на голограмму Чанчука.

— Мы перехватили несколько этих таинственных объектов. Сейчас я дам задание компьютерам, управляющим стрельбой.

«Молния» описала петлю диаметром сорок шесть миллионов километров, развернулась и направилась обратно. Внезапно в центре управления раздался сигнал тревоги. Выход «Молнии» из прокола произошел примерно в ста километрах от предсказанной компьютером точки. Ее заборник раскрылся и втянул в себя полдюжины таинственных объектов.

«Молния» возникла так близко, что боевой компьютер немедленно отдал приказ боевым кораблям атаковать ее. Они открыли огонь из всех видов оружия, ведя стрельбу прямой наводкой с очень близкого расстояния.

Получив несколько попаданий, «Молния» вздрогнула, накренилась и начала набирать скорость, чтобы войти в прокол.

Боевые корабли МСС сидели у нее на хвосте, но остановить «Молнию» они не могли. Повреждения, нанесенные ей, были серьезны, но не смертельны. У нее еще оставались очень неплохие шансы скрыться.

— Внимание! Всем боевым кораблям! — приказал Марквет. — Цель — корабль противника, собирающийся совершить пространственный скачок!

Все боевые корабли МСС устремились в погоню за «Молнией», а «Каотан» и «Бахакатан» изменили курс и пошли на сближение. «Каотан» открыл трюмы и активизировал транспортирующие лучи, а «Бахакатан» тем временем прикрывал его.

Как и предсказывала Чанг, они подобрали своих товарищей довольно легко и в относительно безопасных условиях.

4. РАЗДУМЬЯ НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Межзвездная коммуникационная система представляла собой чрезвычайно сложное устройство, состоящее из множества подсистем, каждая из которых требовала уйму энергии, и поэтому ею старались пользоваться как можно реже. Кроме того, она работала чрезвычайно медленно, и беседа двух умных машин, которая могла бы закончиться за несколько секунд, длилась часами. Впрочем, машины оставались спокойными и невозмутимыми, как и полагается машинам.

Вал получил запрос от Главной Системы и передал ей всю имеющуюся информацию, включая и выкладки полковника Чи.

— Если такое создание в принципе возможно, — добавил он от себя, — это многое объясняет.

— Теоретически — да, — пришел ответ из глубин величайшего из когда-либо существовавших компьютеров. — Но чтобы его создать, требуются годы кропотливейших исследований, мощнейший компьютер, хорошо развитая биотехнология и огромный опыт по трансмутации отдельных клеток. Хотя, повторяю, теоретически его можно создать.

— Но кто располагает таким компьютером? И разве человеку может прийти в голову идея создания подобного существа?

— Пришла же им в голову идея создать меня, а я гораздо сложнее, чем это гипотетическое существо.

Что касается подходящего компьютера — например, компьютер Мельхиора имеет необходимое быстродействие и объем памяти. Правда, при этом он не должен заниматься ничем другим, кроме решения этой проблемы. Клейбен — именно тот человек, который мог бы придумать такой проект. Вы уверены, что ни в ком, включая детей, не обнаружено посторонних элементов?

— Во всяком случае, приборы говорят, что их нет.

— Хорошо. Продолжайте держать пленников в изоляции и ждите дальнейших распоряжений.

Ждать дальнейших распоряжений пришлось два дня. Наконец Главная Система снова вызвала Вала.

— Проанализировав имеющуюся информацию, мне удалось вычислить основные принципы, лежащие в основе этого существа. Если я права, то никакими приборами его обнаружить невозможно. Оно задумано как шпион, способный обойти любые проверки, которыми располагают наши системы безопасности. Но я убеждена, что оно — единственное в своем роде, иначе игра закончилась бы гораздо раньше. Теперь возникает вопрос, что делать с Чанчуком. Полная переориентация местного общества потребовала бы слишком много времени и ресурсов, а мне не хочется их тратить, хотя физическое уничтожение Святой Ламы, ее детей и приближенных — лучший способ избавиться от этого существа. Однако это настроит против нас все население, а в конце концов может оказаться, что искомое существо вообще не существует.

— Даже сейчас нам только кажется, что мы контролируем ситуацию на Чанчуке, — подтвердил недовольным тоном Вал. — Региональные Центры и влиятельное духовенство отказываются нам помогать. Зачастую они согласны скорее умереть, чем сотрудничать. Несмотря на наши указания, они наладили сообщение с другими Центрами и устраивали массовые демонстрации. Наблюдалось столкновение войск с

гражданскими лицами. Есть убитые и раненные. Люди требуют восстановления власти Святой Ламы и реставрации Святой Обители. Согласитесь, что ситуация не из приятных, но, может быть, у нас есть выбор?

— Полагаю, что есть, — ответила Главная Система. — Они уже завладели кольцом, и нет смысла тратить силы на управление целой планетой. Нельзя позволить им одержать подобную двойную победу, лучше попытаться превратить в победу наше поражение. У них пока нет всех колец, а без этого создания они не смогут украсть остальные. И у них нет возможности создать другое существо с такими же способностями. Так вот, надо вернуть на Чанчук Святую Ламу и всех ее приближенных, но при этом трансмутировать их...

— Трансмутировать? Во что?! Это то же самое, что оставить их на корабле.

— Совсем нет. Тело жрицы, похожей на Святую Ламу, подобрать относительно легко, тем более что все они — сестры. Репродуктивную функцию восстановить нетрудно. Стерилизация у них проводилась хирургическим путем, а не с помощью трансмьютера. Девять мужчин из королевской семьи можно взять в качестве моделей, а их дети станут новым семейством Святой Ламы. Соответствующие темплеты впечатать нетрудно.

— И поскольку никто не может быть трансмутирован дважды, агент пиратов будет убит или, во всяком случае, разоблачен.

— Надеюсь. Несомненно, это существо было создано с помощью трансмьютера, но вряд ли основой служило человеческое тело. Будь это возможно, все недовольные давно бы уже превратились в подобные существа, и мы бы проиграли. Нет. Чтобы его вырастить, необходима специализированная лаборатория и постоянный контроль специалистов. Но для нас сейчас это не важно. Атомы в трансмьютере — это всего лишь атомы. Разве мы не создали Вала, в отношении кото-

рого без помощи специальных приборов нельзя сказать, что он — искусственное существо? Нас не волнует, из чего сделано это существо и как оно функционирует. Оно просто вернется на Чанчук в образе Святой Ламы, мужчины или ребенка, но при этом оно перестанет быть искусственным — оно станет подлинным и навсегда превратится в обычного чанчукианца. Я полагаю, что память этого существа хранится во всех клетках тела, а не только в мозгу, поэтому мы уничтожим основную часть его воспоминаний, а может быть, даже все. Его личность исчезнет, останется только личность того, в чьем облике оно сейчас пребывает. Другими словами, мы полностью его нейтрализуем. Тебе нужны специальные программы и инструкции?

— Нет, — ответил Вал. — Жаль только, что мы так никогда и не узнаем, является ли полковник Чи гением или всего лишь фантазером.

— Вполне вероятно, что она права. Это наиболее логичный способ объяснить успехи пиратов. Идея скорее всего принадлежит Клейбену, а на Мельхиоре имеется необходимое оборудование. Предателю Нейджи удалось вывезти это создание оттуда, потому что у него есть иммунитет. Но в любом случае теперь мы нанесем им столь сокрушительный удар, что сменится не одно поколение, прежде чем их потомки отважатся предпринять попытку завладеть очередным кольцом.

— Хорошо, — сказал Вал. — Реставрацию Обители мы широко разрекламируем и обставим, как полагается. Я уверен, что Святая Лама согласится на трансмутацию добровольно, поскольку она очень озабочена судьбой своего народа и всеми силами стремится нормализовать обстановку. А что вы думаете предпринять потом?

— Прежде всего как можно скорее вывести с планеты войска МСС. Но региональные подразделения нужно оставить. К сожалению, когда дело касается интересов ее народа, на Святую Ламу положиться нельзя.

Коммодора Марквета и его штаб я предлагаю отстранить от командования. Они займутся разработкой плана предстоящих учений для всех войск МСС. Я провела комплексный анализ его плана по обороне Чанчука и не обнаружила в нем никаких профессиональных ошибок. Разумеется, у него не хватило кораблей, но это не его вина. Беда в том, что все его действия могли быть и были с успехом предсказаны компьютерами врага. Это наше слабое место, тем более что мы сами не в состоянии предусмотреть действия противника. Если бы не полковник Чи, мы потерпели бы на Чанчуке сокрушительное поражение и даже не поняли бы почему.

— Полковник Чи не справилась, — заметил Вал.

— Это Валы не справились на Джанипуре, — возразил Главный компьютер. — Нам еще повезло, что в то время пираты были не искушены в космических битвах. Они потеряли корабли и людей только из-за собственных ошибок, а не потому, что мы хорошо сражались. Но они терпеливы и быстро учатся. Чи, наоборот, справилась очень хорошо, проявив незаурядное воображение и инициативу. Ей удалось перехитрить тех, кто тщательно спланировал операцию, и предсказать их действия. Я, как ты понимаешь, нахожусь далеко от поля битвы и не могу поддерживать постоянную связь, а компьютеры у них и у нас одинаковы. В такой ситуации побеждает тот, чьи люди находчивее, умнее, изобретательнее. Теперь исход схватки зависит от человеческой составляющей.

— Какие будут приказания?

— Кольца на Матрайхе и Алитити нужно поместить под постоянный контроль компьютеров. Любое их перемещение должно автоматически вызывать тревогу. Войска стратегического назначения оставить в нулевой зоне и обеспечить хорошую связь. Они должны быть готовы в любую минуту блокировать любую из этих двух планет, если кольцо будет украдено. Даже

без своего специального агента противник может предпринять такую попытку и даже добиться успеха. Но я не хочу, чтобы пираты вновь ушли безнаказанно. Мы должны нанести удар такой силы, чтобы заставить их ввести в бой свой базовый корабль. А как только они это сделают, мы его захватим. Полковник Чи получает звание бригадного генерала и будет командовать всеми войсками. Валы и все остальные находятся в ее полном распоряжении. Выполняйте.

Ворон сидел на возвышении, угрюмо уставившись на раскинувшийся перед ним поселок, сооруженный Звездным Орлом во чреве «Грома». В последнее время кроу частенько одолевали приступы дурного настроения, порой переходящие в самую настоящую депрессию. Вот уже два дня он ничего не пил и не ел, и даже сигареты не могли его утешить. Он посидел, и его длинные прямые волосы стали серо-стального цвета. В отличие от хайкутов, Козодоя и Танцующей в Облаках, заплетающих волосы в тонкие косички, он не делал никаких причесок. Среди всех остальных членов экипажа «Грома» Ворон проявлял самую большую активность в поисках колец. Идеи сыпались из него как из рога изобилия, а сугубо практические вопросы он решал с неподражаемой виртуозностью. И все же ему временами было не по себе. Прошлое миновало, и оглядываться на него бессмысленно, а будущее не сулило ничего, кроме новых опасностей. За прошедшие годы он не позволял себе расслабиться и отдохнуть и в глазах остальных имел прочную репутацию неисправимого циника и материалиста. И лишь немногие догадывались, что под этой маской скрывается весьма своеобразная и довольно-таки утонченная личность.

Когда на возвышение поднялся Козодой, на лице Ворона не дрогнул ни один мускул. Он даже не подал вида, что заметил его. Некоторое время Козодой в нерешительности стоял рядом, раздумывая, стоит ли тревожить Ворона в таком состоянии. Но он был командир, а командир обязан всегда знать, что происходит с его командой.

Козодой присел рядом и протянул Ворону продолговатый предмет.

— Я принес тебе еще коробку сигар, — сказал он, чтобы завязать разговор.

Некоторое время Ворон продолжал молчать, а потом, не изменив позы и не повернув головы, ответил:

— Если бы тебе взбрело в голову явиться сюда с пустыми руками, я сбросил бы тебя вниз.

— Ты сидишь здесь уже достаточно долго.

— Шестьдесят два стандартных астрономических часа и сорок шесть минут — ни больше и ни меньше.

— Ты можешь следить за такими вещами?

— Не прикидывайся идиотом. Большие часы прямо передо мной.

Козодой и впрямь почувствовал себя дураком.

— Ну да, конечно, как это я не подумал? И сколько еще ты собираешься здесь сидеть?

— Не знаю. Но либо я останусь здесь, либо напыюсь. Первое, во всяком случае, лучше для здоровья. А почему тебя это волнует, вождь?

— Именно потому, что я — вождь, — сказал Козодой. — И уж лучше я приведу тебя в чувство, чем врачи, а тем более — Клейбен.

— Неплохой аргумент. Так что же у тебя на уме, вождь?

— По-моему, этот вопрос следует переадресовать тебе. Что у тебя на уме, Ворон? Пора наконец разобраться. Мы организовали заговор, потратили уйму времени и сил, сражались и выжидали — и все же мы до сих пор не знаем, хотим ли мы это сделать.

— Еще бы не хотеть, вождь! Разве ты сам не хочешь? Не могу назвать имена, но многие из нас этого просто жаждут. Жаждут пробраться туда, выключить эту Большую Мамашу и сделать ей лоботомию. Беда только в том, что мы разыгрываем пьесу, и пьесу не нашу — с нашей у нас не возникло бы столько проблем. А вот кто ее автор — сам Господь Бог или еще какой-нибудь не менее важный сеньор, — я пока не могу тебе сказать. Но в одном я совершенно уверен: мы зашли уже намного дальше, чем я когда-либо мечтал. Впрочем, тебе, реалисту, это может казаться вполне естественным. В нашем распоряжении уже имеются три кольца, и мы знаем, где находится четвертое. Нам остается отыскать всего одно, и мы в дамках. И мы его отыщем. Но сможем ли мы оставить его у себя и в конце концов воспользоваться им — вот в чем вопрос.

— А, так вот что тебя гложет... Вернуться домой... Удержаться...

Ворон покачал головой:

— Ой-ой-ой... Но посмотри сам: мы все поглощены одной мыслью — как завладеть этими проклятыми штуковинами да еще при этом выжить. И думаем дожить до того дня, когда наконец можно будет ими воспользоваться. Но мы совершенно упустили из виду кое-что очень важное. В данный момент мы похожи на узников, томящихся в тюремных стенах. Эти узники провели полжизни, строя хитроумные планы побега. Они досконально изучили все трещины и щелочки, и вот настал заветный миг — они вырвались на свободу. И тут-то они наконец понимают, что потратили слишком много времени, планируя свой побег, и ни разу не задумывались о том, что собираются делать потом. Предположим, мы проникли туда и вырвали нашу подружку. И что дальше? Мне кажется, что эта мысль до сих пор никому не приходила в голову. Что тогда? Что мы будем делать после этого, вождь?

Козодой был поражен.

— Я... не знаю. Просто нам больше не придется беспокоиться из-за Главной Системы, и все.

— Ой-ой-ой... Но кого ты отключишь? Хозяина. Хозяина, и этим все сказано, вождь. Единственного хозяина, способного уследить за всем и управлять всеми народами. И чего ты добьешься? Появления тысячи новых царьков, готовых перегрызть друг другу глотку за право стать новым властителем мира. Погибнет уйма людей. Ты беспокоишься о том, что народы подневольны? Но Великие Белые, Красные или Желтые отцы по-прежнему останутся у власти. Они просто избавятся от того, кто управляет непосредственно ими. Система независимой торговли сейчас работает отлично, но ты сам прекрасно понимаешь, что основа ее — полностью автоматизированные космические корабли, и как только ты отключишь Главный компьютер, вся эта великолепно отлаженная Система развалится к чертям собачьим. Нам придется забыть о финансовой взаимопомощи. Прекратятся инновации. Исчезнет необходимость поддерживать и развивать внешние контакты. Нынешняя империя повторит судьбу прочих империй, и ты получишь более четырехсот пятидесяти новых миров, абсолютно чужих друг другу. Ты выбросишь меня где-нибудь на Джанипуре. И тогда — одно их двух: либо мне начнут поклоняться, как богу, либо побьют камнями, как дьявола. Впрочем, скорее всего меня просто зарежут, как выродка. Во всяком случае, никого не будет волновать, умею ли я вести себя за столом. Попробуй соедини Джанипур с Чанчуком. Попробуй серьезно поговорить о важнейших земных проблемах со средним жителем Матрайха. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Козодой кивнул:

— Я тоже думал об этом. Недостаточно просто выключить машину, необходимо заменить ее чем-то более достойным и не менее эффективным. У тебя не-

плохое историческое чутье, Ворон, и, может быть, поэтому ты лучше других понимаешь всю сложность ситуации, в которую мы попали. Но разве сам «Гром» не внушает тебе надежду? Здесь дети совершенно разных рас дружат друг с другом и играют вместе, а их родители сражаются плечом к плечу и готовы погибнуть друг за друга.

— Я всю жизнь изучал поведение людей, потому что для хорошего агента мало уметь метко стрелять из ружья или лука. Но «Гром» не похож на остальной мир, и ты это отлично знаешь. Эти люди, независимо от расы и возраста, — дети космоса. Они — изгнанники, от которых отказались их соплеменники. Они — сборище лучших врунов, болтунов и воров во всей Вселенной. Они — чужие для своих прежних миров, так же, как и мы для Земли. Их дети воспитывались как единый народ. Мы о них именно так и думаем, и сами они так себя воспринимают. Ты думаешь, сестрички Чо на Джанипуре будут чувствовать себя среди своих? Черта с два. Их народ — мы. А на любой планете они будут чудовищами по определению. Ты историк, Козодой. Разве я ошибаюсь?

— Нет. И вообще говоря, ты даже чересчур оптимистичен. История знает тысячи примеров того, как люди вдруг начинали ненавидеть всех, кто в любой степени отличался от них. Мой собственный народ из людей, имеющих свою культуру, превратился в жалких беспомощных пленников, вынужденных выпрашивать пищу у завоевателей. Наивные и бесхитростные, словно дети, мы не могли принять технологию и поэтому были обречены на гибель. Принять технологию!!! До прихода испанцев никто из нас не видел даже лошади, не говоря уж об огнестрельном оружии!!! Мы учились, но мы брали только то, что представлялось нам полезным, а остальное отбрасывали, ибо наши ценности не совпадали. Цели и культура завоевателей были ориентированы на то, что с нашей точки зрения казалось

негуманным. И что же? В конце концов их преклонение перед разумом, перед понятиями нации и собственности, их стремление облегчить себе жизнь и отказ от любых моральных ценностей привели к ужасным войнам и к появлению Главной Системы. Я часто думаю о том, что по иронии судьбы многие из нас принадлежат к тем народам, которые в прошлом были почти полностью истреблены.

Ворон резко повернулся и взглянул прямо в глаза Козодою:

— Вот как? Действительно, у нас с тобой подходящая родословная, но по духу мы совершенно не те люди. Ты — всего лишь чертов хакер, исследователь, привыкший копаться в древних записях. Ты работаешь на самом сложнейшем оборудовании, а воздух в твоей лаборатории тщательно отфильтрован. А я? Квалифицированный полевой агент, так же, как и ты, зависящий от высокой технологии. Большую часть жизни я провел в прериях, среди диких племен. Да, я много времени проводил в прериях, среди диких племен, но я не был одним из них. Меня даже трудно всерьез назвать кроу. Я вел себя как самодовольный и наглый сукин сын, спустившийся к слепым, среди которых можно чувствовать себя королем. И твои драгоценные хайакуты вовсе не твой народ. Это всего лишь симпатичные живые экспонаты, которых ты, подобно Клейбену, можешь изучать под микроскопом. Ей-богу, забавно, что ты всю жизнь играл в индейца там, где мне приходилось выступать в роли белого человека.

— Ну и что? Да, мы не те, кем хотели бы быть. Это меня всегда огорчало. И еще больше я огорчаюсь, слыша твои слова, потому что в них немалая доля истины. Но что ты предлагаешь? Вообще ее не выключать?

Ворон тяжело вздохнул:

— Не знаю, вождь. Но у меня странное ощущение, что даже после того, как мы ее отключим, она нас до-

станет. Конечно, мы можем выключить ее и убежать, надеясь, что успеем помереть до того, как вспыхнет война, возникнет новая тирания и погибнет множество людей. Но на самом деле мы можем угодить в ловушку, которая будет гораздо хуже.

— Да? Что ты имеешь в виду?

— Ты прочел *весь* этот журнал?

— Нет, впрочем, как и ты. Он лежит сейчас где-то на дне Миссисипи.

— Ты так считаешь, вождь? Это была только копия, которую босс нашей Вурдадь хотел передать Чену. Естественно, были и другие. Одну из них мы все же доставили Чену — вместе с тобой, помнишь? Я прочел все, Козодой. До последней строчки. Эти кольца — они не отключают Главную Систему, а лишь передают управление на основной терминал. Другими словами, Главная Система превращается из независимой взбесившейся машины в нормальный работоспособный компьютер. Она не перестает быть Главной Системой, она перестает быть только хозяином; им становится тот, кто стоит у терминала, тот, у кого в руках кольца. Вот почему они так нужны Чену — если, конечно, эта тощая крыса еще жива. Впрочем, не важно. Кому бы ни повезло в этой игре, это все равно будет Чен, только в другой оболочке. Именно поэтому Клейбен все это время был так послушен. Он знает. Ты вставляешь кольца, разблокируешь Главный Центр управления иходишь внутрь. Теперь ты — Бог. Теперь ты сам — Главная Система. Ты — отдаешь приказы, и старая добрая ГС их моментально выполняет. Конечно, первоначально это позволяло просто перейти на ручное управление, но с тех пор наша девочка успела вырасти и обзавестись слугами. И они все твои — вернее того, кто владеет кольцами.

— О Господи!

— Еще бы. Если ты сам не стоишь за терминалом, то тот, кто стоит за ним, — поистине твой бог.

Как, впрочем, и мой. Отключить машину — значит свергнуть человечество в тот период, от которого мы все это время пытались защититься. Но, вождь, никто не собирается ее отключать. Какой дурак откажется от возможности спасти человечество и заодно стать богом, а?

— Понимаю. А почему ты до сих пор скрывал это от нас?

— Ну, не от всех, вождь. Вурдаль знала. Она ведь тоже читала это. Но сама она никогда не захочет стать богиней. Она просто рассчитывает оказаться на стороне победителей. Как, впрочем, и я. Клейбен тоже знает — возможно, в его библиотеке было что-то такое. А может быть, он просто сделал выводы на основе имеющейся информации. Мне кажется, что Савафунг тоже в курсе. У таких, как он, особое чутье на подобные вещи. Он знает... Или подозревает и потому стремится быть поблизости. Эти ребята останутся с нами до конца — если, конечно, кто-нибудь не предложит им более выгодной сделки.

— А ты?

— Я старею, вождь, — выдохнул Ворон. — Да у меня никогда и не было таких амбиций. Мое призвание — игра. Но я становлюсь слишком стар, чтобы играть в игры. Я долго думал, почему Вурдаль и другие вышли из игры и остались на Матрайхе. Новая физиология тут ни при чем. Объяснение надо искать в доброй старой психологии. Она получила то, что хотела, — во всяком случае, отчасти. Там такое дикое общество, что просто некогда сходить с ума. Это дает Вурдаль ощущение прочности и надежности, и именно в этом все дело. Что касается меня, то я не уверен, что для меня в принципе существует такое место. — Он опять вздохнул. — Раньше мне нравилась эта игра. Но сначала Нейджи... Затем — Вурдаль... Потом — Икира... А теперь еще и Урубу...

— Про Урубубу пока еще ничего не известно. Не стоит так легко сбрасывать его со счетов... Ты боишься, что пришла твоя очередь, или чувствуешь себя виноватым в том, что до сих пор жив?

Ворон крикнул:

— Ни то, ни другое, вождь. Просто не хочу, чтобы мной управляли, тем более чтобы мной управляли такие, как Савафунг или Клейбен. Но кто остается, вождь? Ты, я, Хань... Вот, пожалуй, и все. Что касается остальных, то они еще меньше знают, чего им хочется. Да это и не те люди, чтобы стать богами. Звездный Орел, конечно, этого заслуживает, видит Бог, но он не в счет. Это должен быть человек. В этом я абсолютно уверен.

— Ну а Сантьяго?

— Она тоже не жаждет быть богиней, вождь. Ей нужен только хороший товарищ, прочный корабль и немного спокойствия, чтобы растить детей. В большинстве своем они все таковы — простые мечты. Сестры Чо мечтают о маленькой ферме в каком-нибудь тихом местечке, а Бут и другие пираты — о хороших кораблях и о том, чтобы их оставили в покое. Это все, что им нужно, вождь. Они сражаются с Системой, чтобы иметь возможность делать то, что им всегда хотелось, и не беспокоиться. Именно в этом и заключается заветная мечта большинства людей. Если задуматься, в глубине души и ты, и Танцующая в Облаках мечтают о том же. Может быть, человеческая раса и поклонялась некогда крестьянским идолам, но сами крестьяне всегда отличались здравым смыслом, практической хваткой и наличием реальных ценностей. Не то что Клейбен, Савафунг или Чен. Это типичные боги.

Козодой улыбнулся и пожал плечами:

— Может быть, как раз тебе, Ворон, и следует стать богом. В самом деле! Ты ничего не хочешь — только

понять ИХ, — а какой бог мог бы этим похвастаться. Ты будешь хотя бы справедливым.

— Не могу представить себе более скучного занятия. Когда ты пришел, я как раз размышлял над тем, чем и кем я хочу быть.

— И к чему ты пришел в результате своих размышлений?

Ворон кивнул:

— К тому, что я хочу быть просто кроу, вождь. Кем бы мне ни пришлось стать еще, я все равно останусь продуктом тысячелетней культуры, которая имеет свои ценности в этой сугубо материалистической, технократической, вставшей с ног на голову Вселенной. Я всего лишь хочу быть уверен, что останусь достойным представителем своего народа и всегда буду именно там, где мне и следует быть. Ты, вероятно, скажешь, это звучит банально?

— Да, — сказал Козодой. — Это звучит на редкость банально. Знаешь что, Ворон... Все эти годы я тебя уважал, а теперь чувствую серьезные опасения, что начинаю любить.

Ворон пожал плечами и ничего не ответил.

— И все же грядут большие сложности, даже если мы победим, — сказал Козодой после паузы. — Главная Система сделала все, что могла, и теперь пытается сохранить результаты своих трудов. Мы причинили огромный ущерб, и даже самой большой машине потребуются не меньше двух сотен лет, чтобы его исправить. Этого не изменишь, но обратной дороги нет. Нам придется решать ту же проблему, которую решала Главная Система, хотя, конечно, мы решим ее по-иному.

Теперь пришел черед Ворона удивляться:

— Что?

— Как я уже сказал, мы не в силах ничего изменить. Проблема не в том, чтобы стать богом и творить чудеса, — проблема сугубо техническая и сводится к управлению. Избавиться ли от Центров и связанных с

ними чудес и позволить планетам развиваться самостоятельно, забыв о своем происхождении? Готовы ли мы столкнуться с резким технологическим подъемом во всех колониях сразу? Или насадить там собственную, нашу технологию и разрушить уже сложившуюся культуру? На Земле людям мешали договориться цвет кожи, различия в религии — так можно ли надеяться, что договорятся между собой жители разных планет, отличающиеся друг от друга буквально всем? Я снова и снова возвращаюсь к этим вопросам, Ворон, и не могу найти ответа. Ни мои исследования, ни аналитические способности Звездного Орла, ни мудрость предков не в состоянии мне помочь.

Ворон понимающе кивнул:

— Да, в такой ситуации остается только надеяться на удачу и не ломать себе голову. В любом случае мы должны проникнуть в логово Главной Системы, а кто выживет и окажется самым сильным и ловким — тот и будет решать. Согласен, что это далеко не лучший выход, но таково реальное положение дел. Безусловно, я самый плохой кандидат для этой работы, и, кроме того, она мне не по душе, но меня хорошо научили выживать. Возможно, мне не повезет, и я окажусь именно таким парнем. — Он на секунду замолчал и мягко добавил: — И тогда останется один.

— Да, — кивнул Козодой. — Пришло время подумать об этом. Нам чуть-чуть не повезло, знаешь ли. Одно кольцо так и затерялось во всей этой неразберихе.

Ворон ухмыльнулся:

— Забавная штука, но я почему-то уверен, что добыть это кольцо будет легче всего. Ведь что станет делать Главная Система? Стянет половину всех войск, дюжину Валов и десяток флотилий туда, где оно хранится. А как только мы это заметим, нам останется только сказать: «Вот оно!» Конечно, нам понаставят уйму ловушек, как на Матрайхе, но это уже чисто ин-

женерная проблема. Реальная сложность — это вернуть Уруббу, но мы приобрели опыт. Нам пора уже вырасти. Прежде всего нужно его вытащить, но это сложно, и я уже запасся терпением. Кстати, не ты ли говорил, что Савафунг что-то скрывает?

Козодой кивнул:

— Он обещал, что рано или поздно мы все приползем к нему на коленях.

Ворон встал, потянулся и, наклонившись, взял сигару и раскурил ее:

— Дай мне полчаса, чтобы переодеться, вождь, а потом мы побеседуем с Савафунгом. Этот маленький ублюдок в последнее время вконец распоясался.

Фернандо Савафунг по-прежнему жил на своей комфортабельной яхте, пришвартованной к «Грому», и, казалось, мог прожить там еще много лет.

— О, кого я вижу! Капитан Хокс и сеньор Ворон! Заходите, пожалуйста! Позвольте предложить вам немного вина!

Они уселись у стойки бара. Савафунг знал, что многие, в том числе и Козодой, недолюбливали его, но он был торговцем, а торговцы, как известно, редко обращают внимание на такие вещи.

Рабы с пустыми глазами принесли напитки.

— Итак, джентльмены, чем могу быть полезен? — любезно спросил Савафунг.

— Ты знаешь, — спокойно ответил ему Козодой. — Ты ждал, что рано или поздно мы придем. Тебе известно, что все наши попытки установить местонахождение пятого кольца закончились неудачей, и ты совершенно ясно дал понять, что знаешь, где оно.

Савафунг откинулся в кресле, пытаясь выиграть время.

— Нет, капитан Хокс, я не знаю. Я *думаю*, что знаю, потому что это единственное место, где оно

может быть. Я сделал такой вывод на основе доступной мне информации о кольцах. Но я держал пари, а я отнюдь не отношу себя к категории азартных игроков.

— Мы внимательно слушаем тебя, приятель, — сказал Ворон.

Савафунг вздохнул и невинным голосом произнес:

— Но сейчас, видите ли, я не могу предложить вам ничего, кроме гостеприимства. Я понимаю, что мой вклад в общее дело невелик. Но позволю себе напомнить, что именно я убедил пиратов присоединиться к вашей маленькой группе. Мне кажется, это все-таки кое-чего стоит. А главное — беспопытно, мог бы я добавить еще.

— Многие погибли, Савафунг, — заметил Козодой, — а другие лишились кораблей, и по крайней мере один корабль был потерян из-за твоей трусости. Капитан Сантьяго лишилась товарищей и корабля, а раса, к которой она теперь принадлежит, отличается особой жестокостью. Ты прекрасно знаешь, что, если бы я не вступился за тебя, ты бы уже давно умер под пытками. И только с нашей помощью твой побег с Халиначи увенчался успехом. Ты напрасно стараешься растрогать нас рассказами о своих великих заслугах.

— А без меня вам никогда бы не угнать полный транспорт мурилия, — парировал старый торговец. — Нет, сеньоры, я думаю, что мы квиты. Никто из нас не сидел в окопах.

Видя, что Козодой уже готов перемахнуть через стол и придушить Савафунга, Ворон решил, что надо срочно вмешаться.

— Ты — купец, и у тебя есть товар, в котором мы заинтересованы, — если, конечно, ты назначишь разумную цену. Ты еще ничего не сказал о цене.

Савафунг откинулся в кресло и пристально посмотрел на него:

— Я не собираюсь с вами торговаться. Я оказываю вам услугу, а взамен хочу получить кольцо. Я хочу прийти к финалу как один из активных участников.

— Ты знаешь правила. Только те, кто рисковал всем, чтобы добыть кольца, имеет право решать, кому их отдать, — заметил Козодой. — Кроме того, на самом деле ты вовсе не хочешь быть там, когда все окончится. Это значит — ни на минуту не прекращать борьбы. Это значит — все время стоять под выстрелами. Потому что мишенью будут именно те, у кого в руках кольца.

Торговец пожал плечами:

— Я не имею ни малейшего желания рисковать, даже если это сулит огромные прибыли. Я старый больной человек. Мне уже некуда стремиться. Но все-таки я тоже рискую. Я ведь не знаю, где и каким образом можно использовать эти кольца. Это ваша привилегия, капитан. А где кольцо вы собираетесь рекуперировать, когда придет время? Кто готов подарить вам двадцать процентов божественности?

Козодой улыбнулся:

— Никто. Если меня сочтут достойным, я получу кольцо. В противном случае у меня нет никакого права отнимать его у кого-то. У меня жена и трое детей. В слове «божественность» лично мне слышится отзвук круглосуточной работы, без сна и отдыха, а я далеко не уверен, что стремлюсь именно к этому.

Терпение Ворона иссякло.

— Слушай, Савафунг! — выкрикнул он. — Ты прекрасно понимаешь, что мы не собираемся сидеть и гнить здесь до скончания века! С помощью ментопринтера Клейбен живо вытянет из тебя все, что ты знаешь, если, конечно, такое ничтожество, как ты, вообще способно знать что-то нужное.

— Машина ничем не поможет вам в ваших поисках, она только убьет меня. Неужели вы думали, что владелец Халиначи может позволить себе такой риск? А если бы

я угодил в лапы Главной Системы? Продавая мне информацию, люди знали, что она будет надежно защищена... — Савафунг допил вино и тихо добавил: — Нет, джентльмены, моя цена — окончательная.

— Что мешает нам сейчас согласиться, а потом нарушить договор? — спросил Ворон.

— Дело в том, что кольцо, которое мне нужно, — это не то кольцо, которое вы ищете. Принесите мне одно из колец, которые у нас уже есть, и я скажу вам, где найти недостающее. Это чрезвычайно просто.

Козодой начал лихорадочно соображать. Почти пять лет эта ситуация преследовала его в ночных кошмарах, и он чувствовал, что ему вот-вот должно открыться то, что знает Савафунг, а после последней фразы торговца это ощущение усилилось. Почему об этом знает именно Савафунг, если до тех пор, пока он не присоединился к ним, он ничего не подозревал ни о значении, ни вообще о существовании колец? Разумеется, потому, что ему никто ничего не говорил, он просто догадался об этом — но как? В добрые старые времена он знал так много и имел настолько широкую агентурную сеть, что кольцо может быть где угодно...

Нет, не где угодно.

— Сукин ты сын! — тихо сказал Козодой, не обращаясь непосредственно к Савафунгу. — Пять чертовых лет я не видел того, что было у меня под носом.

Он глубоко вздохнул.

— Забудь об этом, Савафунг. Догнивай в своей роскоши — или выходи на охоту и выигрывай приз. Пошли отсюда, Ворон!

Кроу был ошарашен.

— А?! Что?!

— Он смеется над нами, и особенно надо мной, вот уже много лет. Но я уже узнал то, что известно ему. Неплохая шутка, не правда ли, Савафунг?

Торговец вдруг беспокоился, всю его самоуверенность сняло как рукой.

— Что ты имеешь в виду?! Ты не мог этого узнать!

— В предыдущих случаях обо всех трех кольцах имелись хоть какие-то упоминания, поэтому найти их не составляло большого труда. Так было даже на Матрайхе, где отсутствуют Центры как таковые. За последние пять лет «Каотан», «Чунхофан» и «Бхакатан» обшарили все колониальные миры и не обнаружили ни малейшего намека, никакого упоминания о кольце. Можно с уверенностью утверждать, ни на одной из колониальных планет его нет. Вместе с тем известно, что его не вернули на Землю. Долгое время я опасался, что его носит на пальце какой-нибудь из руководителей МСС, но это тоже не так. Главная Система никогда бы не решилась доверить такую вещь тому, в чьих руках сосредоточена вся военная и технологическая мощь. В таком случае, что же остается?

Ворон побледнел:

— Ну же, вождь, что?

— Другая колония. Колония, которая не отмечена на картах. Достаточно примитивная, не зависящая от Системы и в то же время находящаяся под ее контролем. Обитатели — не кислорододышащие существа. Культура скорее всего очень жестокая и насквозь пропитана ксенофобией. Нет Центров, нет технологии, заслуживающей упоминания. Но она должна быть недалеко от Земли, чтобы ее было легко инспектировать. О существовании этой планеты знали все флибустьеры, и она находится рядом с бывшими владениями Савафунга. Делай, что хочешь, мерзкий старый ублюдок. Тебе больше нечем торговать.

Козодой встал, и они с Вороном вышли, оставив торговца сидеть, бессмысленно глядя перед собой. Весь вид его внушал отвращение, он был противен даже сам себе и впервые задумался о том, что стал слишком стар. В прежние времена он никогда не позволял себе проиграть, имея на руках такие козыри.

Вернувшись на «Гром», Козодой не стал терять времени.

— Звездный Орел, я знаю, куда мы летим.

— Я тоже знаю. Теперь, когда ты сказал об этом, все кажется настолько очевидным...

— Да, конечно. Все дело в том, что у нас просто не было времени как следует поразмыслить. Мы были слишком озабочены разработкой этих чертовых операций и тем, как выжить самим.

— Мне следовало прийти к этому выводу путем дедукции, — ответил ему компьютерный пилот. — Мы были в двух шагах от кольца и могли использовать Урубү...

— Боюсь, на сей раз нам придется обходиться без него. Он не дает о себе знать, и мы даже не знаем, жив ли он. Однако в любом случае пора приступить к планированию операции. Как обстоят дела с «Молнией»?

— Повреждения серьезные, но ремонтные работы продвигаются успешно. Скоро она будет в полном порядке. Дай мне еще недельку, и она станет как новенькая.

Козодой кивнул и приказал:

— Собери Совет капитанов и пригласи всех тех, кто выжил после операции на Мельхиоре, включая Клейбена.

Ворон недоуменно уставился на него:

— Я так и не понял, вождь, где находится та преисподняя, куда мы собираемся отправиться?

— Там, откуда мы начали, Ворон. Там, где стоит жуткая жара, растут кокосовые пальмы и нет ни малейших признаков цивилизации. Там, где мы даже не удосужились как следует осмотреться. Проклятие! Кольцо номер пять, возможно, всего в нескольких километрах от того места, где была наша база!

В последний раз они прилетели в эту звездную систему, чувствуя себя любителями и не имея ничего,

кроме надежды и знания о своем предназначении. Они жили примитивной жизнью на маленьком вулканическом островке посреди бушующего океана в ожидании, пока Звездный Орел сделает из «Грома» нормальный космический корабль. От этих дней в памяти остались только удушливая жара, частые штормы и ощущение постоянной опасности, которое, к счастью, так и осталось лишь ощущением.

— Мы слышали об этой планете, — заявила Мария Сантьяго. — Флибустьеры частенько использовали ее в качестве временного убежища или места встречи. Мне, правда, не довелось там побывать, но я знаю, что никто никогда не видел обитателей этого мира.

Капитан бен Суда показал планету на карте и добавил:

— По-моему, в свое время были попытки организовать здесь базу наподобие Халиначи, но ничего не вышло. Я слышал рассказы о нападении каких-то неизвестных созданий, но считал, что все это обычные легенды, которых полным-полно среди флибустьеров.

— Однако кто-то здесь, безусловно, живет, — заметил на это Ворон. — Когда мы с Нейджи ходили на разведку, нам все время казалось, что кто-то следит за нами. Я помню какие-то черные шары в океане, которые мы так и не удосужились исследовать. А на соседнем острове мы обнаружили плантацию фруктовых деревьев и что-то вроде капища. Помните? Мы еще спорили, стоит ли тратить время на более подробные изыскания.

Козодой вздохнул:

— Задним умом все крепки. Черт, как нам сейчас не хватает Урубубу! Пока он не пропал, мы даже не подозревали, насколько он нам нужен. Послать бы его на разведку — все дела, а так нам ничего не известно. Какая у них культура? Чем они дышат? Живут ли они в воде постоянно, или только добывают пищу?

— Тот, у кого есть на суше сады, не может жить только в воде, — вставил Клейбен. — Однако на нашем острове не было никаких признаков того, что его посещали разумные существа.

Козодой кивнул:

— Действительно странно. И непонятно, почему при таком обилии легенд и догадок никто из флибустьеров не написал достоверного рапорта или не попытался хотя бы изучить планету. Они там приземлялись, на них нападали, они улетали — и как будто так и надо.

— Ваши слова напомнили мне о Матрайхе, — сказала Сантьяго. — Все тамошние племена имели свою территорию и враждовали, но их объединяла одна религия, которая, кстати, запрещала посещать определенные места. Островки на этой планете нельзя все-речь рассматривать как место для жизни: их очень мало, и они совсем крошечные. На Матрайхе было два континента, а здесь — один, и это океан. Безусловно, такая цивилизация обладает унифицированной культурой и наверняка имеет одну религию.

— Да, несомненно, — согласился Козодой. — Вероятно, на этой планете единая для всех система табу, и, стало быть, нам очень повезло, что мы попали на запретную территорию. Но на Чанчуке тоже живут существа, способные дышать в воде, а при этом они применяют источники энергии и технологию, хотя и довольно низкую. Здесь мы этого не наблюдаем.

— Это еще ничего не доказывает, — раздался голос Звездного Орла. — Вспомните тот же Матрайх. А когда речь идет о подводной жизни, заметить признаки применения технологии вдвойне сложнее.

— Ты прав, хотя я лично сомневаюсь, что здесь имеется более или менее развитая цивилизация. Мне представляется, что это — одна из самых первых колоний, которая потом была по каким-то причинам заброшена. Но это не значит, что нас тут не могут поджидать ловушки — и, быть может, не менее серьезные,

чем на Матрайхе. Вспомните этих чертовых жриц, которые, сами того не подозревая, являлись полностью укомплектованной дивизией МСС, которая поклонялась своему гуманоидному Валу, как языческой богине. Не представляю, что мы будем делать, если не удастся внедрить туда своего человека. С другой стороны, если это в самом деле одна из первых колоний, она могла быть заселена только людьми. Конечно, их культура была адаптирована, но сами они — вряд ли. И, безусловно, маловероятно, чтобы они полностью отказались от технологии. — Он тяжело вздохнул. — Ну что ж, для начала надо организовать наблюдение с орбиты, а потом выслать на поверхность мобильную и хорошо вооруженную группу. Они займутся исследованиями, а потом — тут-то начнутся настоящие трудности — выудят из воды какого-нибудь туземца. Мы полагаемся только на рассказы уцелевших в схватках флибустьеров, а значит, с самого начала собираемся вести себя как враждебно настроенные чужаки. Если Главная Система устроила тут ловушку вроде той, что нам встретилась на Матрайхе, наша песенка спета. МСС навалятся на нас еще раньше, чем мы успеем выяснить название этой планеты.

— Ты слишком пессимистичен, — заметил Звездный Орел. — Матрайх был окружен спутниками внешней обороны, и один из них постоянно был связан с компьютером, который находился на планете. Здесь мои зонды не обнаружили ничего похожего. Всего один спутник, да и тот чрезвычайно примитивен, а орбита у него не геостационарная. Нет, я склонен предположить, что Главная Система полагается прежде всего на отсутствие сведений о планете и враждебную настроенность местного населения. Хотя я не исключаю, что внизу нас может поджидать парочка замаскированных Валов. Когда на корабле Вала отключена энергия, обнаружить его невозможно.

— А может быть, мы все-таки ошибаемся? — встревоженно проговорила Хань. — У нас нет никаких доказательств, что пятое кольцо находится именно здесь, и отсутствие видимой активности вполне может свидетельствовать о том, что здесь просто нечего охранять. А на карте колоний нет этой планеты, потому что ее обитатели не принадлежат к человеческой расе.

— С последним утверждением никак не могу согласиться, — проворчал Клейбен. — Нет сомнений, что в свое время эта планета подверглась активному терраформингу. Данные о химическом составе воды, воздуха, почвы с очевидностью на это указывают. Для каждого местного растения можно уверенно отыскать земного предка. С точки зрения логики, кольцо должно быть именно здесь. Это очень хорошо согласуется с образом мыслей Главной Системы.

Ворон вздохнул:

— Вей мочало, начинай сначала. Когда у нас была база на острове, мы даже не почесались, а теперь придется сооружать ее заново.

Тут слово взяла Такья Мудабур, которая еще не подвергалась трансмутации и оставалась в своем первоначальном облике двоякодышащей рептилии, живущей в воде.

— А почему строить базу надо обязательно на суше? — спросила она, намекая на то, что сама бы с большим удовольствием устроилась в глубинах этого замечательного океана. Она дышала легкими, но благодаря особенностям своей физиологии была вынуждена основное время проводить в воде. На «Каотане» для нее был даже оборудован специальный бассейн. Представители ее расы, обладая зачаточными жабрами, могли погружаться на глубину до пятисот метров и оставаться там часами.

— Это слишком рискованно как для них, так и для нас, — ответил ей Ворон. — Бутар, Чанг и Мин тоже способны жить в океане, а подобрать оружие, которым

можно пользоваться под водой, достаточно просто. Но забросить даже четверых в среду обитания неизвестного народа — это все равно что высадить меня или Козодоя в самом сердце Джанипура. Джанипурцы, конечно, мирный народ, но, боюсь, они сначала будут стрелять, а задавать вопросы — уже потом. Единственный разумный способ — это извлечь туземцев из их родной водной стихии. Тогда даже если мы не договоримся с ними, то хотя бы разглядим как следует.

— Кого ты хочешь взять с собой? — спросил его Козодой. — Судя по твоему плану, ты что-то придумал.

Ворон ухмыльнулся:

— Конечно, вождь, я не терял времени даром. Эта операция как раз для меня. — Он обвел взглядом присутствующих, размышляя вслух: — Мне нужны сильные люди с отличными рефлексами, умеющие быстро и метко стрелять из любого положения. Есть добровольцы?

— Другими словами, тебе нужны воины, — сказала Сантьяго. Терапия, разработанная Звездным Орлом, позволила ей и ее подруге Миди сохранить личность, а учитывая подготовку, которую они прошли перед Чанчуком, эти две женщины как нельзя лучше соответствовали требованиям, которые изложил Ворон.

— Нет! — резко перебил ее Козодой. — Вы уже выполнили свою задачу. Кроме того, у вас обеих есть дети, о которых вам надо заботиться.

— Матрайхианские дети гораздо самостоятельнее земных, — отрезала она. — Я была капитаном флибустьеров, а потом стала воином. У меня война в крови, совсем недавно мы с тобой говорили об этом. Мы с Миди не земные женщины, которые могут лишь нянчить детей, пока мужчины сражаются, и мы просим разрешить нам участвовать в операции.

Ворон пожал плечами:

— Я согласен. Если вы действительно этого хотите, о лучших спутниках и мечтать нечего. Итак, нас уже трое. Но мне кажется, что нужно по меньшей мере человек пять, а возможно, и шесть. Кто-то должен оставаться в лагере и обеспечивать связь и охрану. А я совершенно уверен, что меньше чем с пятью стволами на другой остров лучше не соваться.

— Я тоже пойду, — сказала Дора Паношка. — Очевидно, что на этом этапе «Каотан» в игре не участвует, и я думаю, неплохо бы для разнообразия почувствовать под ногами твердую почву. А если «Каотан» все-таки потребуется, Бутар сделает для меня то, что сделала для нее я.

Паношка командовала «Каотаном», когда он забирал Бутар и остальных с Чанчука. Хотя предки ее были людьми, она больше похожа на львицу, вставшую на задние лапы, чем на земную женщину. С ног до головы она была покрыта рыжеватым мехом, а пальцы ее оканчивались длинными острыми когтями. Вместо волос у нее была самая настоящая львиная грива, но широкая безгубая пасть, на первый взгляд весьма угрожающая, при ближайшем рассмотрении оказывалась лишенной ожидаемых могучих клыков. Вместо этого во рту у Паношки были две плоские пластины вроде черепашьих. Они как нельзя лучше служили для перетирания жестких стеблей, и, таким образом, грозный хищник на самом деле оказывался приверженцем сугубо вегетарианской диеты.

— Простите, но «Чунхофан» все время почему-то оставался на второстепенных ролях, — вмешался капитан Чун Во Хар, угрожающе поблескивая фасеточными глазами. — Местные жители скорее всего имеют в своем арсенале лишь луки и стрелы, а я сомневаюсь, что такое оружие способно пробить мой хитиновый панцирь. Конечно, я постарел и долго не практиковался, но я буду чрезвычайно польщен, если вы окажете мне честь и позволите участвовать в экспедиции.

Капитан бен Суда вздохнул и проговорил:

— Меня буруевают те же чувства. В молодости я умел неплохо обращаться с саблей и винтовкой и с удовольствием бы вновь смазал свои скрипящие суставы.

— Отлично. Беру вас обоих! — воскликнул Ворон и тут же поймал на себе свирепый взгляд командира.

— Нет, — сказал Козодой. — Вместе с Сантьяго и Паношкой вы — самые опытные из оставшихся капитанов. У нас впереди еще много битв, и я не имею права рисковать вами обоими. Мы уже потеряли «Сан-Кристобаль» и «Индрус», а «Каотан» лишился почти всего экипажа. Мне очень жаль, но это приказ. Я не хочу, чтобы в критический момент корабли остались без капитанов.

Оба капитана ничего не ответили, понимая справедливость слов командира.

Наконец капитан Чун сказал:

— «Бахакатан» уже пожертвовал Чанг и Мин на операцию на Чанчуке. Я посоветуюсь со своим экипажем. Может быть, мы найдем кого-нибудь подходящего для вас, сэр.

Козодой кивнул. Понимая, насколько важно для Чун Во Хара понятие чести, он не стал напоминать, что у бен Суда практически не осталось людей, еще не подвергнувшихся трансмутации. Если возникнет необходимость, кандидатов так или иначе придется искать среди экипажа «Чунхофана».

— Очень хорошо. Не будем пока торопиться с решением, — вслух сказал он. — Я хочу как можно тщательнее продумать предстоящую операцию и максимально учесть все мелочи, которые могут повлиять на ход событий. Осталось найти последнее кольцо, поэтому мы должны быть предельно осторожны. Любая случайность может погубить все, что сделано за эти годы, ради чего наши люди жертвовали жизнью. Ворон, когда наберешь команду, бу-

дешь лично тренировать каждого. Я хочу, чтобы вы могли действовать автоматически, не раздумывая. А сейчас сделаем перерыв.

Танцующая в Облаках делала наброски. Она прекрасно лепила и рисовала, и на «Громе» было много ее работ. Рисунки, которые она делала сейчас, были просты, но они как магнитом притягивали к себе взгляд Козодоя.

Их было четыре — три уже добытых кольца и одно, которое находилось на Земле. До сих пор Козодой не удосужился изучить их как следует. Рисунок на вставках был настолько мелок, что рассмотреть его подробно Козодой считал невозможным. Но Танцующая в Облаках была очень талантливой художницей. Она замечала и запоминала мельчайшие детали. Сейчас он видел их в увеличенном масштабе, и каждая из них казалась столь совершенной и обдуманной, что не могла служить только украшением.

Козодой взял рисунки и поместил в убывающем порядке: 4-3-2-1. Потом переставил обратно. Пристально посмотрел на них и, внезапно повернувшись, подошел к интеркому.

— Звездный Орел? Братство Кольца. Эти пять человек, создавших программу для Главной Системы, — какую религию они исповедовали?

— Ты меня уже спрашивал об этом несколько лет назад. Джозеф Санг Йи, родился на Сингапуре. Китаец, натурализовавшийся гражданин. Вероисповедание не зафиксировано. Интересовался буддизмом, но поверхностно. Голда Пински. Родилась в Хайфе, в Израиле. Еврейка. Аарон Менцельбаум, место рождения — Нью-Йорк-Сити. Убеденный атеист, пожалуй, даже воинствующий. Морис Нтунгана. Родился в Мимонго, в Габоне. Натурализовавшийся гражданин. Мусульманин. Мэри Лин Йомашита. Ро-

дилась в Лакании, в Маути, на Гавайях. Исповедовала буддизм.

Козодой нахмурился и спросил:

— И что, среди них нет христиан? Ни одного?

— Нет. Действительно, интересно. Об этих людях сохранились достаточно полные записи, но откуда они взялись в моей первоначальной пилотской программе? Я удивился, когда ты в первый раз спросил меня об этом, и отбросил запрос, потому что думал, что не смогу на него ответить.

Козодой вздохнул и ответил ему:

— Думаю, что можно придумать этому какое-нибудь объяснение, и меня это почему-то ничуть не удивляет. А вот то, что среди них нет ни одного христианина, — удивляет.

— Да. Но, собственно, именно благодаря этому они и собрались вместе. Остальные члены огромной команды, которая работала над созданием центрального ядра Главной Системы, имели христианские корни и стремились разъехаться по домам во время Рождественских праздников. А члены Братства к тому же были одиноки, и им некуда было уезжать. Так они познакомились, а потом основали свой маленький заговор. Но черт меня побери, если я могу объяснить, почему эта информация оказалась в моей памяти.

— Черт тебя не может забрать, — ухмыльнулся Козодой. — Ты же машина. Но, ей-богу, правы были древние, говоря, что крайности сходятся. На самом деле то, что ты мне рассказал, так же хорошо, как если бы ты рассказал мне обратное.

— Как это? Объясни!

— Не сейчас! Но это отлично вписывается в мою старую теорию, и последнее кольцо будет еще одним доказательством. Тем более что оно нечетное. Айзек Клейбен получил более традиционное воспитание, чем я предполагал, и, возможно, я единственный, у кого

есть ключ. Я бы хотел, чтобы никто больше не узнал о том, что ты мне рассказал. Ты понимаешь меня?

— Нет. Но чтобы доставить тебе удовольствие, я буду отрицать, что знаю о чем-то, и каждому говорить, что тебе ничего не известно.

— Вот и отлично, — заключил Козодой. Он чувствовал себя спокойным и уверенным, несмотря на то что они приступили к самому сложному этапу поисков. Может быть, Ворон прав... Может быть, действительно их предназначение — найти кольца.

Он поймал себя на том, что напевает малоизвестную, давно забытую народную песенку. Теперь ее, наверное, знали только узкие специалисты по истории досистемной культуры. Козодой подумал, что надо впредь следить за собой. Он слышал эту песенку много раз в связи со старой Америкой, но родилась она в Англии, как и Айзек Клейбен. Он мог легко узнать ее, и Козодой вовсе не собирался помогать ему в этом.

5. ВВЕРХ ПО ДЕРЕВУ

Козодой, Урубубу вышел на связь! — доложил Звездный Орел.

Прошло почти шесть недель с тех пор, как закончилась операция на Чанчуке, но канал связи всегда оставался открытым на случай, если Урубубу нужно будет помочь выбраться с планеты.

— Он просит помощи? — спросил Козодой, чувствуя огромное облегчение, хотя знал, что этот вызов скорее всего означает лишние хлопоты.

— Нет. Просто хочет поговорить с тобой. Он пользуется нестандартными средствами связи, но я уверен, что делает это вполне законным образом.

— Соедини нас, — сказал Козодой, усаживаясь в кресло.

— Козодой? Это я, Урубубу, — произнес тонкий голосок, лишь отдаленно напоминающий прежний голос Урубубу. Впрочем, его развязный тон не узнать было трудно. — Я здорово влип и теперь не знаю, что делать. У меня есть для вас кое-какая информация. Правда, она и является причиной моего... затруднительного положения.

— Рассказывай. Ты заставил нас поволноваться. МСС уводят войска с планеты. Как ты собираешься выбраться оттуда?

Последовала долгая пауза. Потом Урубубу тихо произнес:

— Я... Я не знаю. Я об этом не думал. У меня сейчас очень много других проблем, о существовании которых

я раньше не подозревал. Я был чересчур самонадеян. Мне с легкостью удавалось обыгрывать машины, а сейчас я угодил в западню, устроенную этим чертовым офицером МСС.

Козодой нахмурился:

— Тебя схватили?

— Нет. Полковнику — то есть уже бригадиру — Чи никогда меня не обнаружить. Но она меня *вычислила*. Опаснее человека я не встречал. Даже не думал, что такие бывают. Она настоящий солдафон и в то же время обладает блестящим воображением. Она даже не была уверена, что я существую, но сумела уговорить Главную Систему сделать попытку меня нейтрализовать. Теперь ее полномочия превышают даже полномочия Вала, представляешь? Эта чертова баба — гениальный детектив!

— Как им удалось тебя нейтрализовать? И как ты узнал, что это затеяла именно Чи?

Бутар и остальные упоминали о ней, но не рассказывали ничего необычного.

— Они взяли под стражу весь персонал Обители, — пояснил Урубу. — Я, естественно, старался не выделяться, но мне ни разу не дали возможности остаться с кем-нибудь наедине. Поэтому мне пришлось дальше вести эту игру. Нас вывели на орбиту, и святое семейство страдало в отрыве от своих подданных. Сначала они проводили обычные процедуры — тестирование и сканирование мозга, но постепенно обстановка накалялась. Они не могли нас убить, но и продолжать держать в изоляции тоже не могли. К этому времени прибыли стратегические войска, и нами занялись Валы. Ты знаешь, Козодой, что против них я бессилен. А потом нас начали по одному возвращать на планету через большой военный трансмьютер, одновременно подвергая трансмутации. Чанчукианцам это было до лампочки — их просто переносили в другие тела, очень похожие на прежние, и все. Я тоже сначала не осо-

бенно переживал: ведь с обычной трансьютерной программой я мог справиться. Но каким-то действительно гениальным компьютерам удалось вычислить, как я устроен, и внести соответствующие изменения в программу. Больше Урубу никого никогда не съест, Козодой. Отныне я чанчукианский мужчина во всех отношениях — как будто я тут родился! Я словно заживо умер — столько всего потерял. Даже некоторые мои знания и воспоминания исчезли. Меня вывели из игры, и я до сих пор не понимаю, каким образом. Спроси у Клейбена. Может, он даст какое-то объяснение.

Козодой вздохнул, усилием воли пытаюсь справиться с охватившим его отчаянием. До сих пор Система все время ошибалась, но, похоже, ситуация изменилась.

— Так как же ты все-таки узнал о Чи? — еще раз спросил он.

— Святая Лама — это что-то! — воскликнул в ответ Урубу. — Возьми всех лучших Верховных Администраторов, которые тебе известны, надели знаниями в таких областях, что нам и не снились, добавь практически абсолютный физический и ментальный самоконтроль, и то получишь лишь жалкое подобие Святой Ламы. За исключением способности к перевоплощению она умеет почти все, что я умел делать раньше. Но она осуществляет это исключительно с помощью воли и разума. Самовосстановление тела и диагностика. Блокирование болевых ощущений и контроль над мозговыми центрами. Козодой, она в состоянии провести полное зондирование мозга без всяких приборов. Она великолепно ориентируется во всех существующих технологиях и способна перехватить любую информацию, проходящую по внутренним коммуникациям МСС. Их коды она читает с такой же легкостью, как обычные буквы. Я был в Святой Обители и своими ушами слышал все, о чем беседовали между собой

МСС и Валы, а сейчас пользуюсь одним из ее собственных передатчиков, чтобы разговаривать с тобой.

— Эта информация сама по себе чрезвычайно ценная, — заметил Козодой и добавил: — В твоём описании Святая Лама выглядит скорее нашим союзником, чем врагом.

— Конечно. Единственный ее недостаток в том, что она считает мужчин в лучшем случае равными по интеллекту своим сестрам. Для меня, кстати, это тоже проблема, поскольку во мне сохранилось кое-что от той жрицы, которой я раньше был. К сожалению, все мои прошлые жизни сейчас мне не кажутся реальными, они не *живут* во мне, понимаешь? Они словно книги, которые ты когда-то читал, но почти позабыл. Святая Лама говорит, что раньше я носил в себе чужие души, а теперь, когда я стал человеком, они освободились, оставив мне лишь свои отражения. Не знаю. Я, честно говоря, чувствую себя скорее пленником, чем просветленным.

Козодой был не в состоянии почувствовать всю глубину изменений, происшедших с Урубубу, но мог проанализировать ситуацию с точки зрения морали и тактических требований.

— Так ты можешь, если потребуется, покинуть эту планету? — спросил он.

— Да. По крайней мере мне так кажется. Главная Система знает, что кольцо у нас. Поэтому они и выводят войска, остается только местная дивизия МСС. Истребитель, на котором мы прилетели, по-прежнему здесь. Надеюсь, Святая Лама поможет мне до него добраться. Даже если МСС подготовили какую-нибудь очередную ловушку, она обведет их вокруг пальца, я уверен. Вопрос в том, стоит ли мне возвращаться.

— Ты помрешь там, свернувшись клубочком, дружище, — сказал Козодой. — Немалая часть твоей прежней личности еще жива. Ты знаешь эту Чи и знаешь, как она думает. Твои советы могут спасти жизнь

многим из нас. Кроме того, у тебя будет шанс отомстить, не говоря уж о том, что три наши новоиспеченные чанчукианки томятся без мужчины. И они в отличие от Святой Ламы свободны от предрассудков. А потом, ты мне нужен, чтобы следить за Клейбеном. Я не сомневаюсь, что твои чувства к нему не изменились. А самое главное — ты теперь человек и имеешь больше прав на кольцо, чем любой из нас. Если этих доводов тебе недостаточно, скажу просто — ты слишком важен для нас, чтобы позволить тебе умереть, свернувшись клубочком.

Уруббу был тронут.

— Хорошо, — сказал он. — Я поговорю со Святой Ламой, и мы подумаем, как организовать побег. Да, я забыл сказать тебе хорошую новость! Главная Система убеждена, что мы еще не были на Матрайхе, и теперь ей приходится разрываться между двумя планетами. Это облегчает дело, хотя и ненамного. Я думаю, что Чи будет больше внимания уделять Матрайху, а если она сумела вычислить меня, то, боюсь, вычислит и Икиру. И тогда МСС ничего не пожалеют, чтобы все, кто пойдет за пятым кольцом, умерли не своей смертью.

Ворон дорожил своими людьми и делал все, чтобы никто из них не умер не своей смертью, особенно когда выяснилось, что придется обходиться без Уруббу. Пятым членом группы стала Хан Ли, старший канонир «Чунхофана». Она была такой тихой и незаметной, что на нее почти не обращали внимания, но сильно переменялась, узнав о своем новом назначении. Ворон говорил, что она стала чрезвычайно упрямой и ведет себя просто по-хулигански. Шестым в команду вошел Пешвар Гобанифар, странное существо, напоминающее гигантскую сову. Сходство с совой усиливалось крошечным носом, сильно смахивающим на клюв. Впрочем,

вместо крыльев у него были тощие руки с длинными гибкими пальцами. Тело его было покрыто на удивление прочными перьями, скорее даже пластинами, которые защищали своего владельца не хуже брони. Умением быстро и метко стрелять, как и вообще излишней подвижностью, Гобанифар не обладал, зато он прекрасно видел в любой, самой крошечной темноте и был великолепным инженером. Ворон с радостью принял его в отряд, хотя супруга Гобанифара не проявила особого восторга по поводу участия своего мужа в экспедиции.

Даже Козодой, чувствуя себя неловко оттого, что все время заставляет других жертвовать собой, хотел пойти с Вороном, но капитаны обрушили на командира его же собственную логику. Вождь, сказали они, должен руководить сражением. Это его основная обязанность, и не стоит обращать внимания на всякие романтические легенды.

Вынырнув из прокола вблизи нужной звездной системы, они провели наблюдения и убедились, что со времени их прошлого визита здесь ничего не изменилось. На орбите по-прежнему крутился одинокий спутник, обмануть который не составляло никакого труда. Но среди космического мусора могли быть бездействующие до поры мониторы, обнаружить которые, когда они не расходуют энергию, практически невозможно. Пираты сами не раз прибегали к таким трюкам и не хотели рисковать. После долгих дебатов было решено, что один корабль попытается сесть на планету, а остальные будут наблюдать за ним вне досягаемости орудий возможного противника, но на достаточно близком расстоянии, чтобы вовремя прийти на выручку. Козодой, напуганный рассказом Урубу о полковнике — а ныне бригадире — Чи, готов был ждать от нее невозможного, хотя сам понимал, что при таком отношении к делу весьма легко перейти грань между разумной осторожностью и паранойей.

Даже если Чи была более опасна, чем машины, которыми она командовала, трудно предположить, что она смогла бы обмануть законы физики и прилететь сюда быстрее, чем «Гром». Но в принципе было бы гораздо неприятнее, если бы она появилась здесь в самый разгар операции. Конечно, тогда пираты получат лишнее доказательство, что они на верном пути, но если ей удастся обнаружить присутствие грабителей, произойдет то, чего Козодой больше всего опасался: грандиозная космическая и наземная битва, в которой погибнут не только люди, но и последняя надежда собрать воедино все кольца.

Звездный Орел, учитывая эти опасения, приступил к делу с большой осторожностью. Беспилотный истребитель в сопровождении «Молнии» доставил на тот же остров, где они высаживались в первый раз, трансмьютер для передачи людей и оборудования. Это было проще и безопаснее, чем сажать большой корабль. «Молния» во время этой процедуры оставалась на орбите, а основной флот удалился на безопасное расстояние. В комплект оборудования для будущей базы входил передатчик для связи с «Молнией», которая ушла в глубокий космос, но с таким расчетом, чтобы в случае экстренного вызова могла бы быстро вернуться. Остальной флот, в том числе и «Гром», отошел от планеты еще дальше. Связь с базой предполагалось осуществлять через «Молнию».

В последний момент, перед самой отправкой, Козодой с Вороном встретились с глазу на глаз. Козодой сказал:

— Не могу ничего гарантировать в дальнейшем, но по крайней мере сейчас тебе не придется проходить трансмутацию. Кстати, я могу тебе точно сказать, как выглядит это кольцо.

Ворон пожал плечами:

— Пять птиц или вообще нет ни одной. Да и какая разница? Хоть вообще без птиц — все-таки слишком плоско...

— Птиц действительно нет, — кивнул Козодой. — Вместо них — пять колец, возможно, соединенных вместе. И если я не ошибся, четыре — одного размера, а одно — немного больше или меньше, чем остальные.

Ворон удивленно взглянул на него:

— Ты знаешь гораздо больше, чем тебе положено, не так ли, вождь?

— Нет. В сущности, мне только *предстоит* это узнать — если, конечно, предположения Нейджи сбудутся. То, что я знаю, — это всего лишь бесполезные обрывки исторических сведений, но они могут нам здорово пригодиться. Иногда сам не знаешь, что ты знаешь, пока оно не всплывет в голове в нужную минуту. Когда мы соберем все кольца, я уверен, что смогу расположить их в нужной последовательности, то есть составить код доступа. Именно поэтому пятое кольцо так хорошо спрятано. Оно — ключ ко всем остальным.

— Ну что ж, мы достанем его, если сможем. Раз мы отправляемся туда без Урубу, который обычно прокладывал нам дорогу, оно, похоже, и впрямь не только последнее, но и самое важное.

— Не последнее. Последнее, как ты понимаешь, у Чена, и с ним у нас могут возникнуть самые большие сложности. Но то, за которым вы отправляетесь, — ключевое. Найди этот ключ, Ворон. Найди его ради тех, кто умер вдали от дома. Найди ради тех, кто никогда не сможет вернуться домой, потому что сам себе кажется чудовищем.

Ворон неторопливо раскурил сигару и сказал:

— На этом этапе игры я не собираюсь проигрывать.

За пять минувших лет Ворон успел основательно подзабыть местный климат, невероятно жаркий и влажный. После тщательно отфильтрованной атмо-

сферы «Грома» его чуть не стошнило от запаха сероводорода. Остальные члены его команды чувствовали себя не лучше.

В отличие от прошлого раза теперь у них было все необходимое, чтобы устроить нормальную систему охранного периметра и обеспечить маскировку, чтобы лагерь нельзя было заметить с воздуха.

Остров был образован двумя потухшими вулканами, которые когда-то, в незапамятные времена, поднялись из воды. Джунгли почти поглотили территорию старого лагеря, но место было удобное, и Ворон решил организовать новую базу там же, между границей прилива и стеной сплошных джунглей. Как и в прошлый раз, они с помощью мощных лазеров выжгли площадку и узкую тропинку, ведущую к обсидиановому плато.

Марии и Миди очень понравилось на этой планете. Она напоминала им Матрайх. Они тут же скинули с себя одежду и превратились в типичных воинов с Матрайха — только вооруженных, помимо дротиков и копий, лазерными пистолетами. Ворон поручил им обследовать местность, и они занимались этим почти весь день, в то время как остальные обустраивали лагерь. На следующий день Ворон вооружил их телекамерами и отправил Миди на один вулкан, а Марию — на другой, велел провести с высоты детальную съемку океана и близлежащих островов.

Первое время Дора Паношка чувствовала себя неважно. Ее толстый мех, необходимый в холодном климате ее родной планеты, здесь причинял только лишние неудобства. Но она все же привыкла, а вот для Гобанифара жара оказалась едва ли не губительной. Прямые солнечные лучи были ему вредны, и он старался не вылезать из тени, а когда набегали тучи и начинался жуткий ливень с громом и молниями, радовался, как дитя.

Хитиновый панцирь Хан Ли в космосе всегда оставался черным и матово поблескивающим, а в есте-

ственной среде он, всем на удивление, оказался способным менять окраску в зависимости от окружающего. На ярком солнце он становился кремово-белый, в темноте — черным как смола, а в густой тени джунглей приобретал грязно-коричневую окраску, и если Хан Ли стояла неподвижно, ее практически невозможно было заметить. А неподвижность она, надо сказать, могла сохранять часами.

Наконец с первоочередными задачами было покончено, и Ворон в сопровождении всей компании, за исключением Гобанифара, отправился туда, откуда в свое время они с Нейджи наблюдали за соседним островом. С тех пор здесь, казалось, ничего не изменилось.

— Что это было? — вдруг нервно спросила Мария и, насторожившись, стала напряженно вглядываться в открытое море.

— Я тоже уловила какое-то движение, — сказала Хан Ли. — Где-то там, вдалеке. Но сейчас я уже ничего не вижу.

— Ощущение такое, что за нами следят, — заметила Миди. — Я... я это *чувствую*.

— Это ощущение нас никогда не покидало, — кивнул Ворон. — Словно что-то мелькнуло на границе твоего зрения и сразу исчезло. Никогда не хватало времени разглядеть, что же это такое.

Он повернулся и показал на соседний остров. До острова было несколько километров, но создавалось впечатление, что до него можно дотронуться рукой.

— Берите бинокли и смотрите чуть повыше вон того выступа.

Он сам поднес к глазам бинокль, а потом опустил его и тихо сказал:

— Ага, по-прежнему здесь. Вы видите?

Не нужно было приглашать эксперта, чтобы понять, что он имеет в виду. Здесь, на «их» острове, царил растительный хаос, беспорядочные непролазные

джунгли. Там же деревья росли ровными рядами, через одинаковые интервалы. Кустарники были высажены не менее аккуратно, а траву явно недавно косили.

— Обратите внимание, какой ровный и пологий берег, — сказала Мария спустя некоторое время. — Этот склон поднимается из воды и упирается прямо в рощу. Под таким углом этого не видно, но я уверена, что между деревьями есть площадка. Если провести линию по центру, то она где-то на ней.

Дора окинула взглядом иссеченный ветрами, неровный дикий пляж, на котором они стояли. А на том острове поверхность гладкая, как стекло.

— Мертвый лес, — пробормотала она.

Ворон резко повернулся к ней:

— Что?

— На нашем побережье — уйма мертвых стволов и веток. Вероятно, их принесли сюда волны. И конечно, это остатки того, что росло здесь, пока эрозия не сыграла этим деревьям похоронный марш. А на том берегу ничего нет. Ни одной веточки.

Ворон снова взглянул на соседний остров.

— Ты права! Черт меня побери! В прошлый раз я решил, что это оттого, что тот остров лучше защищен от бурь, но сейчас вижу, что это не так. Пожалуй, там ветры даже сильнее. Итак, перед нами чья-то ферма, сад или что-то вроде этого. — Он вздохнул. — Помоему, пришло время искать хозяев.

Миди резко повернулась и взглянула на море. Но то, что она успела заметить, опять исчезло. И даже отточенные рефлексы матрайхианки не помогли ей успеть разглядеть это.

До того, как Мин принесла с Чанчука образец полетного ранца, пираты даже не подозревали о существовании таких устройств. Упоминания о них не было даже в обширнейших файлах Клейбена, и хотя с по-

мощью трансмьютеров можно было запросто дублировать имеющийся, Клейбен едва не свихнулся, пытаясь понять принцип его действия. Примирить полетный ранец со своим пониманием физики стало его навязчивой идеей, но ему удалось лишь установить, что в основе его лежит обычный магнетизм, используемый необычным способом.

Но Ворона и его спутников такие проблемы не волновали. Главное — что ранцы работают. Они были довольно тяжелыми, а источником питания для них служил крошечный реактор, заряженный несколькими граммами уранилия. Сам ранец крепился на спине, а панель управления — на груди летателя. Клейбен полагал, что ранцы должны иметь возможность регулировки, потому что магнитное поле каждой планеты имеет свои характеристики; и был, вероятно, прав, но как это сделать, никто не знал, поскольку Мин забыла захватить заодно и руководство по эксплуатации. Впрочем, у Ворона было одно желание: не снаться невзначай в океан.

Проводя тренировочные полеты над островом, они быстро выяснили, что если на Чанчуке ранец мог поднять человека на несколько километров, то здесь высота ограничивалась тридцатью метрами. Кроме того, ранцы были послушны только при полете в северо-восточном направлении, а во всех остальных случаях приходилось проявлять чудеса эквилибристики. И ужасно мешал ветер; впрочем, ветер дул здесь всегда.

С высоты море казалось темным. То тут, то там мелькали красно-бурые пятна — по-видимому, местная разновидность планктона. Планктон и водоросли покрывали поверхность океана таким плотным слоем, что, вероятно, почти не пропускали свет в глубину, и было странно, что в таких условиях на дне вообще могла существовать какая-то жизнь.

Полет был рискованным, зато коротким. Они приземлялись друг за другом на песчаный берег и тут же

становились в боевую позицию с оружием на изготовку. Полетные ранцы, несмотря на их тяжесть, не имело смысла снимать: они обеспечивали возможность в случае чего быстро улизнуть.

Вблизи пляж оказался не столь чистым, каким выглядел на расстоянии. Песок был покрыт огромными клубками спутанных водорослей, но водоросли эти были явно свежими — видимо, их просто не успели убрать, — а никаких обломков и следов разрушительной деятельности штормов и ураганов не наблюдалось вообще.

Мысль о наличии тропы в центре сада блестяще подтвердилась, но уже непосредственно у самого берега они наткнулись на нечто удивительное.

Высокие столбы, вырубленные из целых стволов, были глубоко вбиты в землю по обе стороны широкой тропы. Со столбов на пришельцев смотрели уродливые физиономии. Никто из членов экспедиции никогда не видел ничего подобного, но Ворон со знанием дела принялся изучать технику рисунка.

— Тотемные столбы, так мы их называем, — объяснил он остальным. — Мои соплеменники ими особенно не увлекались, но племена, живущие на северо-западе, делали их частенько. Но, конечно, не так, как эти.

— Это что, какие-то боги? — спросила Хан Ли.

— Нет, — сказал Ворон. — Во всяком случае, мой опыт говорит о другом. Это знаки. Знаки, исполненные смысла, — если, конечно, знаешь, как их читать. Племена считают своим родоначальником какое-нибудь животное — лягушку, орла, черепаху, да мало ли еще кого. Часто такие столбы — это портретная галерея племени. Вождь самолично составляет их в строгом порядке, отражающем его представление об иерархии племени. Но в данном случае это, видимо, не так. Хотя кто знает... — Он вздохнул и заметил: — Ну что ж, теперь мы точно

знаем, что эта планета обитаема. И жители ее время от времени выходят на сушу. Определить возраст этих тотемов, конечно, сложно, но, принимая во внимание местные погодные условия, я рискнул бы предположить, что они довольно-таки новенькие.

На пути им встретилось еще много тотемов, а потом вдоль тропы начали попадаться огромные кувшины с какой-то вонючей жидкостью. Ворон провел небольшой опыт и убедился в правильности своей догадки: кувшины представляли собой примитивные светильники. Наверняка они зажигались по ночам, но Ворон не мог припомнить, чтобы когда-нибудь видел здесь ночью свет. Дора Паношка вернулась немного назад, потом догнала остальных и объяснила:

— Вы и не могли их увидеть: джунгли очень густые, а дорога делает поворот. Кроме того, между нашим берегом и этим местом находится небольшая возвышенность.

Через пару километров дорога привела их туда, куда стремились попасть все идущие по ней. Среди зарослей вдруг замаячили стены, сложенные из грубого и даже на вид очень тяжелого камня. Вокруг стен стояли статуи с устрашающими лицами, а внутри обнаружилось маленькое чистое озеро, в которое впадал ручеек. Озерцо окружали несколько низких каменных зданий, построенных явно в оборонительных целях. Впадая в озеро, ручеек образовывал небольшой, но красивый водопад, а темно-коричневая скала, откуда он стекал, была настолько гладкой и блестящей, что, казалось, в нее можно смотреться, как в зеркало.

— Обсидиан, — пояснил Ворон. — Вулканическое стекло.

— У нас в Йеллоустоуне есть похожая скала, но не такая гладкая. И без водопада, к сожалению.

Прямо напротив водопада стояла настоящая каменная стена, покрытая изображениями чудовищ. Чудовища отражались в блестящей поверхности, и каза-

лось, что целое племя уродов выглядывает из глубины стекла. Ряды факелов и сосудов с горючей жидкостью были умело расставлены вокруг и во влажном мраке ночи, по всей видимости, должны были производить жуткий эффект.

— Мы злоупотребляем гостеприимством святой земли, — нервно проговорила Миди. — Это наверняка какой-то местный храм или святилище.

— Совершенно согласен, — кивнул Ворон. — Я уже говорил, что каждый тотем представляет собой послание, и очевидно, что все, что нам встретилось, означает одно: «Держитесь отсюда подальше». Одного не могу понять: почему они понаделали столько деревянных стражей и в то же время не удосужились поставить хоть одного живого? И где их чертовы жрецы? Ей-богу, складывается впечатление, что это какая-то археологическая находка.

Дора огляделась по сторонам и, покачав головой, сказала:

— Я бы очень удивилась, если бы те, кто здесь находился, просто не скрылись при нашем приближении. Например, спрятались в озере.

Мария опустилась на колени, изучая почву.

— Интересная вещь: хотя на этой планете частенько идет дождь, мы до сих пор не видели никаких следов. Я имею в виду, отпечатков ног. Даже на влажной земле. Почему?

Ворон подошел к ней и надолго задумался.

— Гобанифар, — вдруг произнес он.

Все удивленно повернулись к нему.

— Гобанифар — существо ночное, так же, как и они. Конечно, он неплохо ориентируется и днем, но прямой солнечный свет ему вреден и ослепляет его. Эти ребята живут в океане, а там всегда царит мрак из-за слоя планктона. Может быть, солнце для них вообще смертельно. Вот они и вылезают лишь по ночам. Но мне непонятно одно: судя по этому святилищу, они

дышат воздухом, а значит, должны периодически выныривать на поверхность. Почему же мы их не видим?

— В этом есть смысл, — согласилась Дора. — А что касается следов, то если они морские жители, то, может, им просто нечем оставлять их. Я имею в виду, что у них просто может не быть ног.

— Вполне вероятно, — поразмыслив, сказал Ворон. — Если им приходится тащить себя волоком, то ничего удивительного, что они затирают свои следы. Но в таком случае зачем им вообще выходить на сушу? Не проще ли устроить себе святилище хотя бы на отмели?

— Народ Такьи все время живет в море, — заметила Дора. — Но строит пирамиды на прибрежных скалах. А чанчукиане вообще устраивают жилища над водой.

— Возможно, мы просто не в состоянии вообразить местный образ жизни, — предположила Мария. — А может, они не так уж часто и вылезают сюда. Предположим, что этот комплекс используется только для крайне редких и особо торжественных церемоний. Многие религии утверждают, что боги обитают на небесах, но для народа, живущего в глубине океана и способного выйти на поверхность только ночью, таким местом, естественно, будет земля. Неба они почти не видят, а луны здесь вообще нет. Разве я не права?

— Но если они так же хорошо видят в темноте, как Тобанифар, то зачем же им все эти факелы и сосуды с горючей жидкостью? — спросил Ворон и сам же себе ответил: — Впрочем, не исключено, что огонь для них — просто пережиток культа, реликвия, и не более того. Да. Свет и огонь. Это имеет смысл. — Он подумал еще немного и сказал: — Теперь мы переходим к самому сложному этапу. Я не знаю, как вам, но мне лично не по душе быть пойманным местными жителями после захода солнца. Надеюсь, конечно, что мы

бегаем быстрее их и летать они не умеют, но я сейчас не об этом. Просто хотелось бы каким-то образом вступить с ними в контакт, а для этого прежде всего надо понять, на каких чертах похожи эти люди.

Мария внимательно огляделась:

— Сомневаюсь, что они умеют лазить по деревьям, хотя снять кого-то или что-то с дерева, если понадобится, смогут. Ведь они же как-то собирают фрукты и кокосовые орехи? Вот если бы кто-то остался здесь, имея полетный ранец, инфракрасные очки и передатчик... И просидел бы очень-очень тихо целую ночь. Тогда, наверное, мы могли бы начать.

— Отличная идея, — ухмыльнулся Ворон, — но я что-то не замечаю наплыва добровольцев.

— Я могу, — сказала Дора. — Женщины моего народа рожают детей на деревьях.

Ворон кивнул:

— Согласен — на сегодня. А кому-то из нас надо смотаться в лагерь за соответствующим снаряжением и вернуться сюда до сумерек. Доре надо еще найти подходящее место, удобно устроиться и замаскироваться. Но, очевидно, свой храм эти ребята посещают не каждую ночь. Возможно, они появляются здесь раз в неделю, а может быть, и раз в месяц. Кто знает?

Он огляделся.

— Хан Ли как нельзя лучше подходит для таких дежурств. Ты можешь долго сохранять неподвижность. Но, честно говоря, ты немного тяжеловата для этих деревьев. Может, Гобанифар подойдет? А что касается остальных — будем дежурить по очереди, пока кому-нибудь не повезет.

Фотографии святилища были переданы на «Гром», но, поскольку в банках данных не нашлось никаких специальных упоминаний о подобного рода тотемах, Айзеку Клейбену было предложено высказать свои соображения.

— Они не североамериканские, это точно, — заявил он. — Порядок их расположения и техника раскраски не сочетаются ни с одной из культур, известных Ворону или Козодю. Когда тотемов так много, они превращаются в обычные статуи. Я думаю, мы должны считать их просто охраной и отбросить эту проблему. Те изображения, что находятся в самом святилище, это, несомненно, божества. Гротескные лица, красные глаза и зубы... По-моему, это какая-то разновидность анимизма, но не такая, как у североамериканских индейцев. Я бы сказал — Полинезия. Возможно — Меланезия. Южная часть Тихого океана. Планировка очень напоминает полинезийскую. Если я прав, значит, у этого общества родоплеменная структура. Боги, естественно, невероятно жестоки, и местный культ наверняка включает в себя ритуальные жертвоприношения.

Козодой скептически покачал головой:

— Девственницы, сбрасываемые в жерло вулкана, и все такое?

— Не совсем так, хотя это довольно древний способ. Вспомните ацтеков и майя. У них жертвами никогда не были девушки — эти культуры ориентированы на мужское начало. Вот самый сильный и красивый юноша — это другое дело. Но никого из нас в жертву не принесут, можете не беспокоиться. Если вы угодите к ним в лапы, с вас просто заживо сдерут кожу, вырвут сердце и другие органы, в которых сосредоточена мана зрага. Правда, вас могут съесть богами, но ненадолго. Древние гавайцы считали богами европейских исследователей только потому, что у них была белая кожа и другие черты лица. Но, естественно, когда один из них порезался или получил синяк, они изменили свое мнение и зарезали исследователей. Эти люди невежественны, но отнюдь не глупы.

Первые девять дежурств не принесли результата. Несколько раз им казалось, что на острове начинается

какое-то движение — то ли по направлению к берегу, то ли, наоборот, к озеру, но, возможно, это была лишь игра воображения. Однако Ворон по-прежнему был уверен, что ожидание не напрасно: никто не станет строить такие сооружения, чтобы использовать их всего пару раз в год.

На десятую ночь настала очередь Ворона дежурить. После первой вахты он возненавидел это занятие и очень надеялся, что кому-нибудь повезет раньше, чем опять придет его очередь. В ту ночь разыгрался сильный шторм, и он всю ночь изо всех сил цеплялся за ветки, чтобы его не унесло в море. Но в этот раз ночь выдалась относительно тихая, если не считать обычного ветра. Сквозь редкие просветы в облаках мерцали звезды.

Через два с половиной часа после захода солнца наступила полная тьма, и в этой тьме началось какое-то движение.

Сначала он услышал их — странные, словно скользящие, прерывистые звуки. Шуршание... Пауза... Шуршание... Пауза... Равномерные, ритмичные звуки. И производил их явно не один объект, а много, которые начинали движение и останавливались почти одновременно.

Вдоль дороги зажглись кувшины-светильники.

Ворон снял очки ночного видения, от которых теперь уже не было толку. По крайней мере эти существа сами себя освещают. Он ждал, изнывая от нетерпения, и наконец увидел их. В первую очередь его поразило то, о чем в принципе можно было догадаться заранее: они были того же темного, густо-красного цвета, что и планктон. Они жили в нем, ели его, умирали в нем. Они были внутри него, и он был у них внутри. Именно поэтому местных жителей было совершенно невозможно различить на поверхности воды.

Ниже пояса у них был широкий и плоский хвост, но ни волос, ни чешуи Ворон не увидел. Впрочем, и

гладкая на вид кожа казалась грубее любой шкуры. Они с трудом перетаскивали свои тела через обломки камней и неровности почвы и, поглощенные этим занятием, не замечали ничего вокруг.

Конечностей у них было только две — толстые, на вид очень сильные, снабженные перепонками между пальцев, они выходили из туловища вбок и могли вращаться в суставах, как у ящерицы. В данный момент они использовались в качестве ног, но, несомненно, в принципе это были руки, и очень ловкие, судя по раскраске тотемов. Когда процессия достигала очередного сосуда с горючей смесью, кто-нибудь из ее участников останавливался и, опираясь на хвост, выпрямился гибким и сильным движением, а освободившимися руками доставал из глубокой кожистой складки на шее два непонятных предмета, ударял ими друг о друга и бросал в кувшин, отчего там моментально вспыхивало пламя.

На животе у обитателей этой планеты Ворон разглядел какие-то узоры. Поначалу он решил, что они естественного происхождения, но, приглядевшись, понял, что ошибался: узоры были слишком правильные, слишком сложные и слишком отличались у разных участников церемонии, чтобы служить неким дополнением к основной окраске. Скорее всего это был ритуальный орнамент или символ положения в обществе.

Лица местных жителей были поистине незабываемы. Толстые, как у пресмыкающихся, вместо носа — костистый выступ, широкий змеиный рот с острыми зубами и огромные, глубоко посаженные глаза. Глаза были желтыми, и в них, как в кошачьих, можно было увидеть собственное отражение. Лица были усеяны костяными пластинами, которые придавали им постоянное нелепое страдальческое выражение. Вместо ушей по обеим сторонам головы располагались крошечные отверстия, как у китообразных.

Ворон невольно поежился. Эти существа казались ожившим воплощением самых страшных кошмаров. Лучших стражей для самого важного кольца и представить нельзя.

Они, несомненно, переговаривались друг с другом сериями отрывистых горловых звуков — словно кто-то прокручивал запись голоса человека, пораженного инфарктом, — а когда они проходили прямо под деревом, Ворон слышал их тяжелое дыхание. Оно напоминало звуки, издаваемые паровым двигателем во время работы. Видимо, под водой они дышали с помощью жабр, а легкие у них, вероятно, были уже в рудиментарном состоянии.

Они были вооружены: несколько существ несли оружие в притороченных к туловищу чехлах, и Ворону стало неуютно при мысли, что они могут вдруг остановиться, вытащить оружие, встать вертикально, прицелиться и выстрелить. Он не сомневался, что они в состоянии это проделать очень быстро. Вдруг Ворону ужасно захотелось чихнуть, и лишь невероятным усилием воли он сдержался.

Наконец процессия вошла внутрь святилища, и Ворон позволил себе хлебнуть немного из фляги и слегка перевел дух. Дорога опустела.

Вся активная деятельность происходила в святилище, и Ворон с трудом поборол искушение включить летательный ранец и улететь прочь из этого ужасного места. И остановило его не то, что в темноте легко ошибиться в выборе направления. Его личные чувства не имели никакого значения: он должен выполнить свою задачу — наблюдать и ждать.

Примерно в полночь по местному времени на дороге показалась небольшая группа существ в сопровождении стражников. Руководитель процессии был огромен и выглядел раз в десять ужаснее, чем остальные. У него не было оружия, зато на нем было что-то вроде плаща, украшенного искусным орнаментом, а

также множество золотых цепочек и других побрякушек. Скорее всего этот тип являлся представителем высших слоев общества на этой планете.

Члены его свиты тоже сильно различались между собой. Среди них попадались особи поменьше и более гладкие, чем другие. Их лица были мягче и не такие костистые, но все равно ужасные, на взгляд Ворона. Две костяные пластины, начинаясь от надбровных дуг, окружали голову и, соединяясь на затылке, переходили в широкий гребень, который к талии постепенно сужался.

Очевидно, это были прекрасные дамы, если, конечно, ваш идеал красоты — это игуана с хвостом дельфина. Ворон терялся в догадках, как они умудряются рожать детей и вскармливать их. Он очень старался, но не мог разглядеть среди костяных пластин и выступов ничего, мало-мальски напоминающего грудь.

Под протяжные звуки — видимо, местные песнопения — процессия приблизилась к святилищу. Когда вождь вошел внутрь, оттуда послышалась негромкая барабанная дробь и звуки горна. Ворон подумал, что его предположения о рудиментальных легких не совсем соответствуют истине. Женщины устремились в святилище вслед за вождем, чем Ворон был несказанно удивлен. Похоже, выводы Клейбена тоже оказались неверны: в тихоокеанских культурах женщинам запрещено даже наступать на следы предводителя, не говоря уже о том, чтобы входить в святилище.

Процессия скрылась в храме, но несколько воинов остались снаружи. Они сидели среди пылающих кувшинов, похожие на каких-то змеиных богов. У них были копыта и луки, и Ворон затаился, не имея ни малейшего желания испытать на себе их умение обращаться с оружием.

Хотя увидеть то, что происходит внутри, было невозможно, оставшиеся воины, несомненно, наслаждались. Они с явным восторгом прислушивались к

нарастающей дроби барабанов, и Ворон даже на мгновение удивился, что не слышал этого шума раньше. Но он быстро сообразил, что этот остров далеко от лагеря, а густая растительность сильно приглушает все звуки.

Когда до рассвета оставалось два часа, участники церемонии начали поспешно выходить из святилища и собираться в кучку как раз под тем деревом, где устроился Ворон. Понимая, что численное преимущество на их стороне, он боялся сделать лишнее движение, чтобы его не обнаружили.

Когда вернулся вождь со своей свитой, стражники начали гасить кувшины, и Ворон понял, что девушки собираются остаться. Вместе с ними остались и несколько вооруженных воинов. Отступление грозило превратиться в серьезную проблему. Конечно, Ворон рассчитывал, что при свете дня они видят гораздо хуже, и, разумеется, у него был пистолет, но, применив его, было бы странно надеяться на успешное продолжение знакомства.

В распоряжении у пиратѳв оставалось не больше десяти дней — полковник Чи, разумеется, не станет сидеть сложа руки. Наблюдая за воинами, Ворон чувствовал растущее отвращение к этим существам и подумал, что ничуть не удивится, если шлем ментоскопа не налезет на эти бесформенные ящероподобные головы. Может, лучше вообще с ними не связываться? Эти ребята явно не принадлежали к тем, с кем стоит водить компанию.

Когда солнце поднялось уже высоко, Ворон наконец почувствовал себя в относительной безопасности. Правда, стражи с лягушачьими лицами никуда не ушли. Вместо этого они принесли воду в больших флягах, вылили эту воду на землю около своего наблюдательного пункта в густой тени деревьев, а дальше Ворон имел удовольствие наблюдать, как они легли на животы и стали зарываться в грязь до тех

пор, пока на поверхности не остались видны одни лишь дырочки ноздрей. Это было удивительное зрелище, и Ворон надеялся лишь, что эти места для отдыха подготовлены заранее. Ему не хотелось думать, что они способны организовать себе такое убежище в любом месте, где есть грязь.

Он включил летательный ранец, и, взмыв вертикально вверх, начал выбираться с территории святилища. В этот момент его мог увидеть любой, но он сумел-быстро развернуться и полетел в открытое море, надеясь, что они все равно не успеют как следует его разглядеть. То и дело ему мерещились темно-красные головы, высывающиеся из воды, но Ворон утешал себя тем, что это всего лишь оптический обман — следствие тревоги и усталости.

В лагере с нетерпением ждали его возвращения. Ворон запаздывал, но сигнала тревоги не подавал, и эти два факта говорили о том, что он нашел что-то важное. Приземлившись, Ворон сложил записи под тент, буркнул, чтобы немедленно просмотрели, и рухнул без сил.

Ему снились монстры с мордами ящериц. Они толпились вокруг и смотрели на него своими кошачьими глазами. Потом ему приснилось, что они преследуют его на дороге, а он почему-то передвигается так же, как они, но значительно быстрее. Он дополз до берега моря, которое вопреки реальности не волновалось и не бушевало, а было гладкое и прозрачное, словно из стекла. Из воды на него уставилось лицо демона — его собственное.

Вдруг его толкнул кто-то, стоящий рядом. Ноги у него были человеческие. Ворон поднял голову и увидел Арнольда Нейджи, он смотрел на него сверху вниз, и лицо его выражало откровенное сожаление. «Ты готов заплатить последнюю цену?» — спросил его Нейджи, и вопрос эхом отдался в его мозгу.

Он проснулся. По лицу ручьями струился пот, но не жара была тому причиной. Кошмар казался настолько реальным, живым и пугающим, что Ворон долго не мог прийти в себя. Пошатываясь, он вышел из палатки и увидел, что уже почти стемнело. Он нашел оставленные для него пиво и пирожки.

Дора Паношка, услышав его шаги, вышла из палатки связистов.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она. — Тебе что-то... снилось?

Ворон поежился.

— Кошмары... Ты видела снимки?

Она кивнула:

— Мы уже отослали всю информацию на «Гром». Такая согласна, что выглядят они ужасно, но считает, что они способны очень быстро плавать, и если у них есть жабры, то в воде эти существа — грозные и неуязвимые хищники. Они выглядят как вырезанные из коралла и при этом гибки и пластичны, как змеи.

— Да, конечно. Не спорю, в своем роде они довольно красивы. Но это ужасное выражение, застывшее на их лицах... Глаза, способ движения — это просто чудовища, Дора, по любым человеческим меркам. Внутри, не снаружи. И можешь поспорить на свой корабль, что если кольцо действительно у них, то хранят они его не в комфортабельных наземных храмах. Оно где-то в глубине темных вод.

— Я знаю. Но в любом случае они обладают речью, это разнovidность одного из полинезийских диалектов. Их звуки кажутся очень странными только потому, что издаются не с помощью привычного нам голосового аппарата и вмещают более широкий диапазон частот, чем способно услышать наше ухо. Он очень сложен, и они используют его возможности не в полной мере, хотя знают достаточно, чтобы идентифицировать его происхождение. Само по себе количество фонов невелико, зато какое богатство интонаций!

Многие языки используют интонации — иногда две или три, но в данном случае количество тонов измеряется сотнями.

Ворон присвистнул.

— Значит, нам предстоят интереснейшие переговоры. Я думаю, нужно захватить парочку этих существ, отправить на «Гром», провести сканирование мозга, проанализировать их язык и культуру, чтобы понять, с чем в действительности нам предстоит иметь дело. Но хотелось бы мне знать, каким образом можно быстро и аккуратно их поймать. Здесь приходится полагаться лишь на удачу. Но если у них нет никаких Центров, никакого императора, главного священника, или Большого Ящера, значит, любой вождь может носить кольцо. Любой — и все они вооружены. Каждого начальника сопровождает охрана. Но на планете нет крупных хищников, и единственная причина, которая заставляет их брать с собой охрану, вооруженную луками и копьями, — необходимость обороняться от себе подобных. Скорее всего эти ребята регулярно воюют друг с другом. В таком случае даже найти кого-нибудь, кто знает того, кто когда-нибудь слышал, что где-то у кого-то есть кольцо, обещает стать сложнейшей проблемой. А это — единственный способ выяснить, кто из очаровательных обитателей этой планеты является владельцем кольца.

Дора кивнула:

— Я понимаю. Это все очень мило, особенно если учесть, что кому-то из нас придется трансмутироваться в этих существ.

Первый этап по крайней мере оказался проще, чем они думали. На «Громе» предположили, что поскольку днем охранники мирно спят, то Ворон совершенно прав, предполагая, что их назначение — отражать атаки других племен. Но действовать при дневном

свете равно тяжело как для защитников, так и для атакующих, и значит, велика вероятность, что стражники просто проспят до вечера, тем более что сейчас один из тех редких на этой планете дней, когда на небе почти нет облаков и солнце светит вовсю.

Ворон выбрал Хан Ли из-за ее физической силы и Марию, чьи великолепные рефлекссы матрайхианки могли здорово пригодиться. Прихватив с собой еще парочку летательных ранцев, они взлетели и легко нашли двух спящих охранников. Быстрое медицинское сканирование показало, что, несмотря на ужасный облик, основы человеческой анатомии у них сохранились: мозг был в голове; позвоночник, сердце и другие органы тоже располагались в привычных местах. Легкие у них оказались намного меньше, чем ожидалось, и имели необычную форму, но в этом нет ничего удивительного. Зато парализующие лучи подействовали на соответствующие зоны головного мозга, а затем их действие распространилось на весь организм — точно так же, как это случилось бы с любым человеком, и это была приятная неожиданность.

После медицинского сканирования Ворон перешел к следующей стадии операции. Предстояло извлечь ничего не подозревающего охранника из грязи. Это оказалось сложной, неприятной и тяжелой работой, но в конце концов им удалось аккуратно вытащить его, надеть на него ранец, включить его, а потом развернуть безобразное создание и направить его к лагерю. «Молния» зависла прямо над лагерем, чтобы принять на борт неподвижное тело. Его поместили в контейнер с морской водой из родного океана и положили рядом полное снаряжение спящего воина. Применить наркоз и лекарства они не решились, ибо не были уверены, что это не причинит вред пленнику. Потом они вернулись за вторым.

На «Громе» всегда стремились иметь для исследования как минимум двух обитателей чужой планеты,

потому что один легко мог оказаться не типичным представителем, и в этом случае второй необходим для сравнения и контроля. Звездный Орел хотел бы получить еще и женскую особь, но для этого надо было заходить в святилище, а на такой риск Ворон пойти не мог. Внутри вполне могла оказаться сигнализация и ловушки. На данный момент лучше довольствоваться тем, что есть, тем более что все могло бы оказаться гораздо сложнее, если бы аборигены установили круглосуточное дежурство у святилища, и никто не может сказать, что придет им в голову, когда, проснувшись, они обнаружат, что двое воинов исчезли. Даже если они и не проявят особого интереса сейчас, то рано или поздно поиски все равно начнутся и вполне могут достигнуть того острова, где расположились лагерем пираты. У большого вождя могут возникнуть самые неожиданные идеи.

6. КОВБОИ И ИНДЕЙЦЫ

Их мир назывался Алитити, что означает «Страна детей божьих». Пленники, доставленные на «Гром», изъяснялись на очень странном языке, и немало времени было затрачено, чтобы ввести основные понятия этого языка в компьютер, исследовать их и сравнить с уже имеющимися данными лингвистики. Интерполяция показала: слова, безусловно, необычны, но еще более интересны их сочетания. Представления этих людей об окружающем мире резко отличались от тех, что имелись у экипажа «Грома», в связи с чем возникла проблема не только грамматики или фонетики, а более серьезная: удастся ли кому-нибудь вообще добиться понимания с жителями Алитити?

Аборигены не имели ни малейшего понятия о Главной Системе. Впрочем, они вообще не подозревали о существовании иных цивилизаций, кроме своей собственной. Однако при этом Алитити ничуть не напоминала Матрайх. Хань и Клейбен быстро убедились в том, что здешняя культура абсолютно во всех своих проявлениях на протяжении многих веков создавалась местной правящей элитой без какого-либо вмешательства извне. Вездесущий и всемогущий компьютер не имел к этому никакого отношения. Своеобразная космология напоминала полинезийскую, а легенды и мифы были умело адаптированы к новым историческим и географическим условиям. Однако ни в одном из них не имелось ни малейшего намека на контакты с другими странами и народами. Исключение состав-

ляла одна-единственная легенда о том, как в незапамятные времена отважные алититианские мореходы пересекли Великий океан и увидели сушу. Но это была не страна богов — там правил некий царь Пеле, отличавшийся буйным нравом. Завоеватели покорили населявшие эту землю племена, разрушили храмы и навязали свою веру, заставив побежденных отречься от прежних богов.

Алититиане жили в воде, и их легкие в процессе эволюции отлично приспособились к этой непривычной для млекопитающих среде. Городам их была присуща причудливость архитектуры, а те немногие образы, которые удалось выявить в ходе компьютерного тестирования, свидетельствовали о том, что цивилизация на планете резко отличается от всего ранее виденного пиратами. Даже всегда державшийся особняком, ни на кого не похожий отшельник маккикор казался в сравнении с алититианами понятнее и ближе.

Это был мир без солнца, но отнюдь не мир тьмы. Все животные, кроме нескольких видов хищников, имели собственные источники освещения. Растения излучали разноцветное сияние, глубоководные рыбы освещали себе путь вросшими между глаз «прожекторами», а люди носили на груди, под сильно выступающими ребрами, своеобразные фонари, которые время от времени подзаряжали от устройств, напоминающих аккумуляторы. Мужчины светились желтым, оранжевым, иногда пурпурным светом, а женщин можно было узнать по синему или зеленому цвету. Цвет и интенсивность излучения могли рассказать об алититианине многое: к какому племени он принадлежит, какое положение в обществе занимает, поведать о его пристрастиях и даже особенностях характера. Скрыть свои чувства, настроенье этим людям практически никогда не удавалось: в зависимости от перемены эмоций менялось и освещение.

Женщины Алитити обладали чудесным даром варьировать цветовую гамму, приспосабливать ее к интерьеру, окружающей обстановке, и каждый дом имел свою изюминку благодаря стараниям хозяйки.

Подводная страна совсем не выглядела безобразной. Напротив, восхищенным взглядам исследователей открылся сказочный, причудливый мир красок, огней, ежеминутно меняющихся образов.

Из хищников основную опасность представляли похожие на осьминогов чудища с длинными шупальцами. Они были лишены собственного освещения, и в этом смысле свет во тьме, или, как называли его сами алититиане, Дар Мауи, не поддавался однозначной оценке. С одной стороны, без него подводный мир погрузился бы в вечный мрак, а с другой — все существа, обладающие им, становились легкой добычей невидимых хищников.

Но не только люди и животные излучали свет. Планету покрывала сеть действующих вулканов, причем над поверхностью воды они поднимались всего на несколько метров. Алититиане жили среди потоков кипящей лавы и клубов пара. В процессе эволюции они приобрели способность мгновенно определять разницу температур и чувствовали изменение уровня воды не хуже, чем птицы — направление ветра.

Несмотря на безусловную принадлежность к водной стихии, алититианам все же время от времени приходилось выбираться на сушу, которая внушала им страх и мистическое поклонение одновременно. Детей зачинали в воде, но рождаться там они не могли. Из этого атавизма жрецы делали далеко идущие выводы. Появляясь на свет, младенцы были больше похожи на земных людей, чем на собственных родителей, и могли дышать только воздухом. Вместе с матерью новорожденный оставался на суше несколько месяцев. В течение этого срока его кожные покровы становились нечувствительными к изменениям температуры, легкие

сжимались, прорезались жабры — одним словом, ребенок превращался в полноценного обитателя подводного мира, вплоть до индивидуальных светящихся пятнышек, позволяющих матери без труда отыскивать его. Потом он учился плавать и, наконец, покидал сушу.

Кроу закурил сигару и взглянул на монитор.

— Проклятие! Так вот что это такое! Родильный дом и ясли в придачу! Неудивительно, что это заведение так охраняется. Любой, кому удастся успешно его атаковать, поставит под угрозу будущее целого племени.

— В конце концов это довольно простое общество, — заметила Мария. — Здесь нет ограничений, присущих Матрайху. Они разводят съедобные породы рыб и водорослей, осваивают острова. И племена не существуют обособленно, а объединяются под властью наиболее сильных правителей.

Многие вожди пытались, и небезуспешно, сосредоточить в своих руках управление довольно обширными по алититианским меркам территориями, но никому из них не удавалось взять под контроль всю планету. Несовершенство коммуникаций и амбиции мелких правителей не позволяли алититианам объединиться. Однако многочисленные правители, несмотря на свои высокие титулы и пышные церемонии, реальной политической силы не имели. Гораздо большей властью на Алитити обладали жрецы.

Проанализировав информацию, Звездный Орел высказал свои соображения — как всегда, очень просто и ни к кому конкретно не обращаясь:

— Вероятнее всего, кольцо принадлежит одному из правителей или верховному жрецу, но таким титулом обладают сотни, если не тысячи людей. В предыдущих случаях мы в том или ином виде встречали упоминания о кольцах. Здесь же ничего похожего не наблюдается. Возможно, для алититиан это не более чем украшение, один из атрибутов власти какого-нибудь мелкого царь-

ка. Как же его в таком случае обнаружить? С этой задачей справился бы лишь Урубу — и то, если ему очень бы повезло.

Козодой кивнул:

— Допустим, нам посчастливится разыскать всех вождей, которые предположительно владеют кольцом. Но высшая знать на Алитити враждебно относится не то что к представителям инопланетных цивилизаций — даже к гостям из соседних племен. И потом, не подойдете же вы во время праздничной церемонии к правителю со словами: «Добрый день, ваше величество. Позвольте-ка нам взглянуть, что там у вас надето на пальчик?»

— Разумеется. Рассмотрим совсем нереальный вариант: взяв на себя роль божественного провидения, внушить какому-нибудь амбициозному царьку идею всепланетного господства и заставить подчинить себе все остальные племена. Пройдет много лет, и огромная территория окажется под властью одного человека, в том числе храм или дворец, где находится кольцо. Но что нам это даст? Если бы мы могли узнать, в каком именно племени, в каком уголке Алитити следует его искать! Шансы на успех призрачны, как никогда.

— Ситуация не из легких, — вздохнул Козодой. — Да и какие мы боги — мы просто неудачники, решившиеся соперничать с самой Главной Системой. Впрочем, с этим я уже смирился, и осознание своей ничтожности с некоторых пор даже не мешает мне работать. Но что ты предлагаешь? Полностью разрушить культуру Алитити, воспользовавшись явным превосходством в технической оснащенности? Будучи относительно примитивной, эта культура обладает несомненными достоинствами. Подводная цивилизация обладает красотой, с этим, я думаю, согласятся все. Разрушать ее, навязывать свою волю народу Алитити никто не вправе. Эти люди любят свой мир, ценят свою культуру и не мыслят сущест-

ования вне ее. Алититианам, как никакому другому народу, свойственна высокая духовность и неосознанное стремление к единению. И такой хрупкий, прекрасный мир может быть разрушен! Думаю, что много веков назад правители планеты оказались умнее и дальновиднее нас. Все необходимое для физического выживания расы и для ее духовного роста они бережно взращивали и сохраняли. Все, что могло бы разрушить культуру, растлить людей, было бесповоротно отвергнуто. Как прикажете поступать сейчас? Стоит ли отметить опыт, накопленный веками?

— Тем не менее Звездный Орел совершенно прав, — вмешался Клейбен. — Отказываться от решительных действий, прикрываясь сомнительным тезисом о необходимости сохранения культуры, не имеет смысла. Нужно, в конце концов, принимать во внимание интересы не только Алитити, но и Земли, и четырехсот пятидесяти других цивилизаций. Благом следует считать то, что полезно для большинства. Это непреложный закон.

Ворон рассеянно покачал головой. Не считая Танцующей в Облаках, он был единственным членом экипажа «Грома», кто замечал и принимал близко к сердцу мучительную раздвоенность Козодоя, его постоянную борьбу с самим собой. Ворон часто ловил себя на том, что и сам испытывает похожие чувства — может быть, просто в меньшей степени, чем командир. Конечно, Клейбен был прав, но и аргументы Козодоя казались не менее убедительными.

— Рассмотрим любые другие варианты, — приказал он Звездному Орлу. — Даже если разработка плана займет много времени и выполнение его будет сопряжено с большим риском, это меня не остановит.

Однако все, в том числе и сам Козодой, вынуждены были признать: альтернативы предложенному плану не существует. Внезапная нерешительность командира, его неверие в собственные силы озадачили экипаж. В

конце концов Хань, не находя разумных объяснений такой перемены в поведении Козодоя, решила обратиться за советом к Ворону.

— Выслушай сначала небольшую историю, — сказал ей кроу. — Десять, двадцать тысяч лет тому назад, может быть, раньше, наши с Козодоем предки подняли на ноги все население Юго-Восточной Азии и отправились в путь. Это было не переселение, а настоящий ад. Мужчины, женщины, дети, их собаки и домашний скот — все пришло в движение. Какие цели при этом преследовались — вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Единственное разумное объяснение: небольшой народ, окруженный со всех сторон врагами — или теми, кто мог в любой момент превратиться во врага, — знал, что такая жизнь не может продолжаться долго. Итак, мы двинулись в путь. Дойдя до Тихого океана, мы направились дальше на север, пока не обнаружили широкую полосу суши, соединяющую Азию с Америкой. За ней мы увидели уже не океанскую воду, а льды. Здесь мы остановились. Точнее, было скорее всего даже так: задние остановились, а передние продолжали движение, оказавшись на другом материке. За это время сменилось не одно поколение. Те, кто выдержал испытание, всю жизнь провели в пути и иного способа существования себе не представляли. Вперед, только вперед. Небольшой привал — и снова в путь. — Ворон вздохнул и глубоко затянулся сигарой. — Потомки самых первых переселенцев продвинулись до Южной Америки. Остальные разделились на несколько самостоятельных потоков. Из каждого ответвления образовалось племя — со своими особенностями, своим представлением о стране обетованной. Большинство переселенцев действительно обрели ее. Два континента, вечные снега на севере и раскаленные пустыни на юге, стада бизонов и быстроногих оленей, бесконечные прерии и дремучие леса — всего не перечислишь. И эти необозримые пространства были со-

вершенно безлюдны. Племена расселялись, обустривались, возникали новые народы со своей культурой, своими наречиями, часто совсем не похожими на язык ближайших соседей — ведь их разделяли огромные расстояния. Развивались ремесла, торговля. Искусные мастера вертели гончарные круги, вырезали из дерева трубки, гранили драгоценные камни. Иногда народы воевали между собой, но эти войны продолжались недолго и не были опустошительными. Некоторые народы достигли такого могущества, что образовали большие государства, похожие на европейские, а другие остались малочисленными и жили обособленно — возможно, из-за религиозных убеждений мысль о создании империи казалась им святотатством. Такими были народы, называвшие себя шайенами, сиу, черноногими и кроу — тот, из которого происхожу я.

— Значит, Козодой нашел в алититианах сходство со своими далекими предками, — рассудила Хань. — Даже их внешний вид его не смутил. Полулюди-полу-пресмыкающиеся с рыбьими хвостами, по его мнению, красивы и умны. Сочувствие к ним сковывает его по рукам и ногам, не дает действовать решительно.

— Ты не совсем права. Козодой отнюдь не индеец из диких прерий. То же можно сказать и обо мне. Мы любим свой народ, землю предков. Но с некоторых пор нас ничего с ней не связывает. Козодой и я полностью утратили свои корни. Однако в этом есть и положительная сторона. Командира беспокоит не чувство общности с алититианами, а нечто другое — то, о чем я тебе сейчас расскажу. Народы появлялись и исчезали, империи вырастали до гигантских размеров и распадалась. Процесс шел медленно, постепенно. Мы вовсе не были святыми — к примеру, низкоразвитые племена Юго-Запада вырубали все леса, истребили сами себя и опустошили свою землю. Но в целом благосостояние народов Америки росло, духовный уровень оставался высоким. Врожденное чувство справедливос-

ти, понятия о чести и достоинстве, присущие коренным жителям Америки, широко известны. И тут пришли европейцы. Их взорам предстало множество совершенно разных, непохожих государств. Непрошенные гости повели себя по-хозяйски. У них было огнестрельное оружие. А у индейцев только что завершилась полоса непрерывных войн, которые ослабили их и в то же время ожесточили и сделали нетерпимыми. Война между кроу и черноногими продолжалась несколько недель, пока на первый план не вышли вопросы чести и справедливости. Враждующие стороны образумились и заключили перемирие. Европейцы вновь начали войну. При всем многообразии племен и народов Америки именно она показалась непрошеным гостям лучшим способом вывести их на более высокий уровень развития. Европейцы видели в нас всего лишь невежественных дикарей. На деле же мы просто резко отличались от них. Мы не исповедовали христианство, имели другой разрез глаз и смуглую кожу. Разве это преступление? За двести пятьдесят лет они истребили основную часть населения Америки, разрушили до основания древнейшую культуру, предали огню величайшее достижение человеческой цивилизации — библиотеку майя. Они загнали нас в резервации на самые отдаленные и безжизненные участки материка и заперли там, как преступников. Мы боролись — но их было много, и у них были ружья.

— Я мало что об этом знаю, — сказала Хань. — Но, конечно, слышала о завоевании европейцами Америки. И только Главная Система вернула вещи на свои места, как могла, разве не так?

Ворон кивнул:

— Примерно так. Мы стали лучше, чем были, потому что о нас не заботятся и мы ничем не связаны. Но это не естественный наш путь; этот путь выбрала Главная Система из экономических соображений. То же и с полинезийцами. Пришли европейцы, все порушили, и

даже после того как ушли, от прежней культуры осталось лишь то, чем можно только привлечь туристов. Козодой считает, что происходящее на Алитити напоминает то, что сделала Главная Система с теми народностями Океании, которые хотели отвернуться от современного мира и вернуться к тому, что они считали для себя основным. Они страшны как смертный грех и живут в мире, поставленном с ног на голову, но это их мир, и он жизнеспособен. Это и не дает Козодой покоя. Нас здесь не много, но мы могущественнее любых богов в их представлении, — и у них есть то, что нам нужно. Нам не пришлось бы ничего разрушать, если бы не кольца. До сих пор мы старались делать это тихо, без особого шума, и причинять как можно меньше вреда, но здесь все иначе. Ты знаешь самый эффективный способ отыскать иголку в стоге сена?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Надо спалить стог и просеять золу через сито. Вот об этом Козодой и попросили — повторить историю. Убить уйму народа, разрушить их культуру — одним словом, не оставить от этого мира камня на камне, — и только для того, чтобы забрать кольцо. Его принуждают сделать то, что европейцы сделали с нашим народом, только быстрее, что означает — еще отвратительнее и с большей жестокостью. Ковбои и индейцы поменялись местами, и Козодой оказался к этому не готов.

Сигнал тревоги прозвучал в каютах всех членов совета капитанов. Козодой как раз играл с сыном. Он вскочил и бросился к монитору.

— Что?

— Корабли вблизи Алитити, — доложил Звездный Орел.

Козодой нахмурился:

— Стратегические силы?

Это катастрофа — ибо это значит не только, что и без того сложная и опасная задача становится попросту невыполнимой, — это также означает, что МСС обнаружили подмену на Матрайхе и, возможно, захватили в плен кого-то из оставленных там пиратов.

— Нет. Небольшой патрульный корабль, вероятнее всего — разведчик. Возможно, это авангард основных сил, а может быть, и нет. Его прикрывают два Вала.

Козодой на мгновение задумался и прищелкнул пальцами.

— Чи! Как пить дать, Чи! Надо что-то срочно предпринимать! Они не станут долго оставаться в пределах видимости — слишком велика опасность выдать свое местоположение. И в то же время Чи не упустит своего шанса. Она расставит ловушки возле кольца.

— Это плохо, — ответил компьютер.

— Да что ты! Наоборот, мы получаем передышку как раз тогда, когда у нас совершенно нет времени. Для того чтобы расставить свои дурацкие ловушки, им потребуется послать сюда людей. Среди этих у них и так полно агентов. Они были тут все время, но у нас не было возможности на них выйти. Звездный Орел, надо выяснить точно, куда они высадятся. Выяснить максимально точно — и они не должны знать, что мы это сделали.

— Работаю над проблемой. У нас есть бездействующий истребитель на базе и еще один — на орбите. Их сканеры далеко не лучшие, но рисковать кораблём мы сейчас не можем. С двумя истребителями мы могли бы ввязаться в бой, но это рискованно. Три корабля не в состоянии удерживать позиции в течение нужного времени. Может быть, лучше оставить один на планете, если расположение удобно... Я попробую.

— Ты обязан! Не важно, что задумала Чи и ее Валы — они окажут нам такую услугу, о которой мы и не мечтали. Давай, Звездный Орел! Они сами укажут нам, где находится кольцо. Провала быть не должно!

Но несколько часов они провели, кусая ногти от нетерпения, и наконец Звездный Орел сообщил:

— Есть, готово. По-моему, я их засек, сопоставил данные с показаниями наблюдательных приборов. Повидимому, они не нашли подходящей посадочной площадки и отправили людей в капсуле. Место высадки расположено в южном полушарии на маленьком островке в необыкновенно спокойном с сейсмической точки зрения регионе. Разумеется, они не стали бы помещать кольцо в такое место, где оно могло бы пострадать от лавы или провалиться в трещину. Точка высадки удалена от нашего базового лагеря почти на полмеридиана. Наши пленники не имеют понятия об иных местах родной планеты, кроме места своего обитания и соседних с ним. Теперь нам потребуется больше пленников из указанного региона для получения надежной информации, и брать их придется с большей осторожностью. Нам потребуются представители этих племен, но такие, исчезновение которых будет скорее приписано естественному печальному ходу событий, чем явному похищению. Там наверняка находятся постоянные наблюдатели МСС.

— Согласен, — ответил Козодой. — Прежде всего надо дожидаться, пока они уберутся — не только с планеты, но и вообще из этой звездной системы. И мы должны убедиться не только в том, что они ушли, но и в том, что не оставили нам никаких сюрпризов. Нам нужны приборы с высокой разрешающей способностью во всем регионе. Можно допустить общее сходство с теми, кого мы уже знаем, но не должны исключать региональных отличий. И эти отличия мы обязаны выяснить. Тогда Ворон сможет разработать план операции по захвату.

Похоже, гостям устроили на планете пышную встречу с закланием упитанного тельца, потому что капсула оставалась на острове целых девять дней. Валы

между тем тоже не теряли времени даром. Они осмотрели многое внутри этой звездной системы и явно не без задней мысли. Чем они занимались конкретно, определить не удалось — впрочем, и автоматические истребители «Грома» тоже остались необнаруженными. Но, наблюдая за испытанием следящего оборудования, можно было относительно легко догадаться, где и какого рода ловушки их ожидают. Конечно, придется повозиться, но избежать их можно.

Наконец капсула вернулась на корабль-разведчик. Три корабля некоторое время кружились над планетой, а потом выстроились в линию и покинули систему. К этому времени защитная сеть компьютеров «Грома» уже разработала план нейтрализации вражеских следящих устройств и начала производить необходимое оборудование. И все же они до сих пор не могли ничего предпринять касательно ловушек на поверхности планеты. Для этого требовалась информация более подробная, чем та, которую выдавали мониторы Звездного Орла.

Они выждали еще несколько дней, чтобы убедиться, что Чи со своими подручными ничего не забыла и уже не вернется за чем-нибудь, а потом послали «Молнию» проделать топографическую съемку вполне определенного района.

Ворон нервничал.

— Если Чи такая гениальная, как утверждает Урубу, это может оказаться дьявольской ловушкой, — заметил он. — Я имею в виду, что она наверняка уяснила, что мы уже торчим здесь. Она прилетает сюда, выбирает участок подальше от кольца и посылает туда своих головорезов — явно и открыто, на целых девять дней, так, чтобы не возникло сомнений, что мы их заметили. Потом мы шуруем туда и попадаем прямехонько в ловушку — и никакого тебе кольца. Чует мое сердце, так оно и будет.

— Это возможно, но вряд ли, — ответил Козодой. — Их перемещения выглядят слегка подозрительно, согласен, но тем не менее они здесь только что

были и сидели целых девять дней, а мы не получили никаких сигналов от наших сканеров. Они должны были идти под воду, и если они это сделали, значит, этих людей здесь знают, иначе их тут же схватили бы и убили. Может, у Чи и хватило бы ума высадить десант в ложном месте, но это как-то не согласуется с привычками Главной Системы, а Чи не настолько долго торчит на своей должности, чтобы перечить ей, даже если такая мысль и придет ей в голову.

— Логика Козодоя весьма убедительна, — вмешался Звездный Орел. — К тому же я получил сообщение с Матрайха, что эти же три корабля побывали там, прежде чем полететь сюда. Я попытаюсь связаться с Икирой, когда сочту, что это безопасно. Если она еще жива и выполняет свои обязанности, логично было бы предположить, что они до сих пор не обнаружили подмены. И что бы они ни делали там, здесь они наверняка будут делать то же самое. Логично и то, что сначала они посетили Матрайх, ибо эту планету Главная Система знает хорошо и она упомянута в документах. Естественно, они предположили, что она будет нашей следующей целью. Об Алитити Главная Система думает в последнюю очередь, ибо она нигде не упоминается и совершенно заброшена.

— Я не успокоюсь, пока мы не получим известия от Икиры, — сказал Ворон. — Боюсь, ей там здорово досталось. На Матрайхе и так торчит постоянно целая дивизия МСС, а если там побывали еще и Валы со сканерами, Икиру мы живой не увидим. И наверняка основные их войска где-то поблизости.

— Все это гадание на кофейной гуще, а мы должны действовать быстро, — возразил Козодой. — Они не ждут от нас такой скорости. Доставь-ка мне еще несколько местных, Ворон.

Такая ночь на языке Алитити называлась «куво'оа»: ни ветерка, воздух прозрачен, отчетливо видны даже

очертания облаков. Казалось, далекие боги озаряют мир своим мягким сиянием. В такие ясные ночи Собиратели поднимались из чрева Матери-Моря, чтобы найти на суше драгоценную пищу богов для священных церемоний в своих подводных чертогах.

Четверо пожилых мужчин, ступившие на берег, были опытными воинами. Они не боялись никого, кроме темных сил Пеле, и не имели себе равных в боевых искусствах. Бесшумно выйдя на берег, воины остановились, опираясь на хвосты. Все чувства их были обострены до предела, мышцы напряжены, сильные руки сжимали копья. На несколько минут они застыли, напоминая уродливую скульптурную группу. Затем копья вернулись в ножны, называемые на Алитити «пуо'оа», руки расслабленно повисли вдоль тела, и Собиратели уверенной поступью двинулись к роше.

Они осветили нагрудными прожекторами пляж и вновь замерли у ворот, вглядываясь во тьму. При входе в рошу стояли два огромных изваяния. Справа — Черный Демон со своими страшными щупальцами, слева — доброе божество в образе Великой Акулы, его вечный противник. Им принадлежат эти земли, эта священная роша, и, охраняя их, они готовы разорвать в клочья любого святотатца, осмелившегося нарушить покой этих мест.

Какой-то странный предмет, неизвестно как очутившийся прямо посередине дороги, привлек внимание воинов. Эта вырезанная из дерева и отполированная до блеска трехметровая скульптура очень напоминала две другие. Но кого она изображала? Хищную морскую птицу с вздытыми к небу крыльями, сопровождающую Дух Ветра! Это божество почиталось на Алитити наравне с прочими, но не имело никакого отношения ни к племени, из которого происходили Собиратели, ни к соседнему. Кто-то побывал здесь и осквернил своим присутствием священную рошу!

Четверо воинов немедленно заняли оборону, а один повернулся к морю, прикрывая остальных с тыла. Из рощи донеслись странные звуки. Воины насторожились: их чуткие ноздри уловили необычный запах. Воины выпрямились, схватились за копья. Странные звуки повторились, и теперь не было сомнений, что источник его — птица. Поднятые крылья стали медленно опускаться — ниже, ниже...

Первыми выстрелами Хан Ли оглушила их на несколько секунд, но этого времени ей вполне хватило, чтобы резким нажатием больших пальцев увеличить интенсивность удара, и следующим залпом она уложила всех четверых.

Перебедя дыхание и убедившись, что воины неподвижны, она проломил тонкую деревянную обшивку статуи и, выбравшись наружу, включила переговорное устройство.

— Кондор — Ворону. Забирай их, пока никто не хватился. Все четверо в твоём распоряжении.

— Нельзя держать их здесь слишком долго, — сказал Клейбен Козодой. — У них высокое положение, и к тому же мы схватили их во время важной религиозной церемонии. Я думаю, в нашем распоряжении четыре, максимум пять дней.

— Три дня меня вполне устроят, — кивнул Козодой. — Вы уже провели ментосканирование. Каковы результаты?

— Лучше отвечу я, — раздался из переговорного устройства голос Хань. Это означало, что в данный момент она составляет единое целое с компьютерным пилотом. Хань практиковала подобные вещи довольно часто. Звездный Орел, несмотря на свои исключительные достоинства, все же оставался машиной и никогда не уподоблялся человеку. Он обобщал, упорядочивал

и перерабатывал информацию, но правильно истолковать ее не мог.

— Продолжай, — сказал ей Козодой.

— Благодаря первым двум мы смогли обойтись без общего тестирования и сосредоточиться только на биографических сведениях. Макоа — тот, у кого вся шкура в шрамах, — суший распутник. У него девять жен и сорок пять детей. И даже если рассказы о сорока любовницах, которых он вынужден содержать, — преувеличение, то, думаю, их все равно не меньше десятка. По местным понятиям он совершил неплохую карьеру и достиг самой высокой ступени в социальной иерархии, на какую только мог рассчитывать. Воины практически никогда не доживают до старости, и если какому-то счастливчику это удастся, то его удостаивают поистине царских почестей, будь он даже отъявленным негодяем. Пробыться наверх — задача не из легких, но старый воин вхож в высшее общество. Вот почему ему оказали высокую честь — доверили участие в церемонии.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо кивнул Козодой. — Но с какой структурой мы имеем дело?

— Не Центр, а небольшой город, — впрочем, по алититианским меркам он может считаться огромным. Это резиденция правителя, чья власть передается по наследству. Кстати, пятеро царских сыновей уже пытались отправить папашу на тот свет, горя нетерпением занять его место, и поплатились за это жизнью. Старик — искусный политик и храбрый воин. Имея в своем распоряжении не больше сотни бойцов, оснащенных современным оружием, он с легкостью завоевал бы все полушарие. Вожди окрестных племен — его сыновья от разных жен. Столь же амбициозные, как отец, они, несмотря на отсутствие опыта, пытаются проводить независимую политику. Только Халаку, верховному жрецу Большого храма, удастся удерживать эту семейку в рамках благоразумия. Он единственный,

не считая самого правителя, кто способен установить контакт с представителями других цивилизаций. И единственный, кто делает это регулярно.

— МСС?

— Возможно, но все же сомнительно — разве что здесь та же система, что на Матрайхе. Но под началом у Халаку целый гвардейский полк, и я почти уверена, что многие — не исключено даже, что все — гвардейцы имеют темплеты, впечатанные МСС, и гипнотическую установку любить свою службу, выполнять приказы и не размышлять. Это служит лишним доказательством, что кольцо действительно там. Правда, никто из этих четверых, включая Макоа, ни разу в жизни его не видел, но в этом нет ничего странного. Когда правитель или верховный жрец в парадном облачении появляется на церемонии, он буквально сгибается под тяжестью украшений и драгоценных камней. Вряд ли кто-то при этом разглядит маленькое колечко. Представьте себе громоздкие сооружения из кости, украшенные зубчиками, и среди них — то, что нам нужно.

— Итак, мы по-прежнему слепы, — вздохнул Козодой.

— Не совсем. Недавно резиденцию правителя посетили представители одного из лояльных королю племен.

— Вот как!

— Их было трое — Верховный жрец племени и два младших жреца. Они преподнесли подарки правителю и его свите, а затем приняли участие в церемонии освящения храма. Но дело не в этом. Жрецы принесли известия о существах, обладающих сверхъестественной силой. Эти существа, воображая себя богами, хотя и вторгнуться в земли, населенные племенами, разграбить их, сровнять с землей храмы. Но, несмотря на свое сходство с демонами, пришельцы смертны. Так что сыграть в богов нам все равно не удастся — при первой же встрече они захотят прежде всего удостове-

риться, смертны ли мы. Поверьте мне, они далеко не наивны. Они примут вас с почестями, будут подобострастно кланяться и расшаркиваться, устроят пышное празднество. Но стоит вам только потерять осторожность, как их опытейшие воины проверяют на уязвимость каждый участок вашего тела, здесь чувствуется рука Чи, это, безусловно, ее работа. Она сделала все, чтобы никто, кроме алититиан, в этот город проникнуть не смог.

— Да-а. — Козодой в задумчивости потер подбородок. — Она пришла к выводу, что Урубун единственный в своем роде, и уверена будто перехитрила нас. Но на самом деле мы как раз собирались применить трансмьютеры.

— Ты уверен? Жрецы говорили еще, что эти «демоны» обладают колдовскими способностями, и их практически невозможно отличить от обычных людей. Алититиане не похожи на параноиков, но их охватила с недавних пор невероятная подозрительность: любая странность или отклонение в поведении тут же берется на заметку, и это при том, что город невелик и все друг друга хорошо знают. Проникнуть туда можно, только если закодировать агента на подсознательном уровне, но проблема в том, что Главная Система и Чи понимают это не хуже нас и наверняка приняли меры, разработав соответствующие ловушки.

— Не забывайте и о том, что у этих четверых есть семьи, — вмешался в разговор Клейбен. — Нашим людям придется жить с их женами и детьми, а даже лучший в мире актер не способен войти в образ настолько, чтобы изо дня в день так же трогательно заботиться о чужих детях, как о своих собственных. Но у меня есть мысль. — Он помолчал. — Участник предстоящей операции должен подвергнуться глубинному кодированию и в действительности стать тем, кого замещает. После этого возможны два варианта развития событий. Первый: самозванца разоблачают семья и ок-

ружающие, и он терпит поражение. Второй: он водит всех за нос, пока не сработает спусковой механизм, возвращающий ему личность и осознание стоящей перед ним задачи. Но не забывайте, что без Урубу мы никогда бы не справились даже на Матрайхе. Настройка потребует очень тонкая и тщательная.

— Ну хорошо, — сказал Козодой, — что же мы предпримем?

— Прежде всего как можно более глубокое проникновение, — предложила Хань. — Мы должны сконструировать последовательность таких гипноустановок, которые будут работать вплоть до самого последнего момента и выполняться на уровне подсознания. Главная команда — ищи кольцо. Но при этом навыки воина следует сохранить — кто знает, как обернется дело. Возможно, в какой-то ситуации агенту потребуется собственная личность, а значит, надо предусмотреть и некую самоблокировку. Это будет длительный и трудоемкий процесс, а когда операция начнется, мы, к сожалению, даже не сможем следить за ее развитием. Досадно, но, к сожалению, по-другому нельзя.

— Подчиняюсь неизбежности, — вздохнул Козодой. — Я все обдумую. Главное — представить себе такие ловушки, которые при всей своей технической сложности не нарушат устройства этого общества, не отразятся на его культурном развитии, но при этом останутся нас. Я слишком далек от военной профессии, и мне будет нелегко заниматься этой проблемой. — Он помолчал, размышляя. — Нам бы сейчас очень пригодился Урубу. Он изучил эту Чи куда лучше нас. Можно установить связь с Матрайхом, Хань.

— Я бы не советовала. Лучше всего отправить вниз агентов и ждать сигнала от них... Если, конечно, дождемся.

— Это как минимум несколько недель. А мы должны вернуть наших пленников — не важно, каким образом — в считанные дни. Мне это, конеч-

но, не нравится, но захватить пленных, один из которых — опытейший воин, и не вызвать при этом ни малейших подозрений невозможно. Нет, мы должны начинать сейчас, пока обстоятельства благоприятствуют и время подходящее. Теперь основной вопрос в том, кого послать.

Это действительно было серьезной проблемой. Уже подвергавшиеся трансмутации были исключены, и окончательный список, не считая малолетних детей, был таков: Ворон, Козодой, Танцующая в Облаках, Клейбен, Такья, Дора, Гобанифар с женой, капитан бен Суда с женой, Чун Во Хар с двумя женами. Была предложена также кандидатура маккикора — единственный представитель действительно чуждой Земле цивилизации, а завершал список теперь уже окончательно уединившийся Савафунг.

Ворон был потрясен до глубины души. В таком состоянии его еще никто не видел.

— Мне стыдно, вождь, — негромко выговорил он, стараясь не терять самообладания. — В самом деле стыдно. Лучше бы я превратился в обитателя Матрайха, в морскую выдру вроде Вут или даже в вечно жующего жвачку джанипуца. Я скорее согласился бы стать похожим на Дору, или Такью, или даже Икиру, но только не на *этих*. Кто угодно, но не они! По совести говоря, более подходящей кандидатуры, чем я, для этого задания просто не найти, но прежде я бы просто покончил с собой. Мне трудно объяснить это даже себе. Может быть, ночные кошмары, воспоминания детства... не знаю, не знаю, но я не могу стать одним из этих. Просто не в состоянии. Когда мы были там, внизу, меня охватывал непреодолимый, необъяснимый ужас. Я держал себя в руках, делал свое дело — но, Боже, как же я их боялся! Все мое существо подчинялось одной цели: не перейти эту тончайшую грань между оцепенением и смертью, не позволить себе отключиться...

— Я понимаю. — Козодой сочувственно покачал головой. — Я часто задумывался над тем, как яотреагирую, когда настанет моя очередь. А если сейчас у нас ничего не выйдет, так оно и получится.

— У тебя красивая жена и очаровательные малыши, которым нужен папа. Что до меня, то я совершенно одинок и ни перед кем не обязан оправдываться. И не надо читать мне мораль — я и так знаю, на кого похож. И знаю, что сестры Чо, и Вут, и все остальные тоже стояли перед той же самой проблемой. И все же, если бы возникла нужда, они сделали бы это снова. И я знаю, что если те, кто пойдет туда, не вернутся, то только из-за того, что в решающий момент рядом не оказалось меня... Боже! Я тут вешал вам на уши лапшу насчет того, как мои предки мной гордятся, и вот сейчас...

— Хорошо, мы посмотрим, что можно сделать... — вздохнул Козодой. В глубине души он сочувствовал Ворону, но понимал, что в случае поражения бремя вины ляжет отнюдь не на кроу. Счет будет предъявлен ему, Козодою. Операция предстояла действительно тяжелой — даже учитывая, что и до сих пор ничего легкого им делать не приходилось. К примеру, Мин и Чанг пришлось изменить не только облик, но и пол, а сейчас та же проблема ждала Дору и Такью. Чанг и Мин пошли на это добровольно, хотя и без особого энтузиазма. Им хотелось прославить свой корабль, до тех пор не участвовавший в ответственных операциях. Но на «Каотане» оставалось всего два члена экипажа, еще не подвергшихся трансмутации.

Такью предстоящее превращение не слишком ужасало, похоже, она уже смирилась с судьбой.

— Рассуждая логически, лидером должна быть именно я, — заявила она Козодою. — Из всех оставшихся только я происхожу из водной цивилизации, и по крайней мере на первых порах я буду в родной стихии. Правда, в качестве мужчины... Конечно, это

не преступление, но все же как-то противоречит моей натуре.

— Понимаю... — Козодой подумал, что в подобной ситуации он не усмотрел бы ничего позорного, хотя в привычном облике он нравился себе гораздо больше. — Но, во-первых, у нас пока нет женщин в качестве образцов, а во-вторых, в местном обществе женщины не имеют никакого общественного веса. И если даже нам удастся заменить своими людьми кого-то из жен или наложниц правителя, большой пользы это не принесет. Говоря о людях, облеченных властью, Главная Система имеет в виду прежде всего политическую власть, а на Алитити это прерогатива мужчин.

— Я знаю, — кивнула Такья. — И именно поэтому я согласна. А правда, что Хан Ли тоже вызвалась добровольцем?

— Да, у меня это пока единственный настоящий доброволец. Очевидно, она не в восторге от доставшейся ей роли второй жены. Кроме того, она считает алититиан по-своему красивыми, доказывая этим определенные различия в мировоззрении землян и колонистов.

— Я тоже думаю, что безобразными их назвать трудно, — ответила Такья. — Вы знаете, я пыталась отговорить Дору. Она не в восторге от предстоящей экспедиции, но виду не подает. Если пойду я, пойдет и она.

— Да. Четвертым, по логике вещей, должен быть Ворон, но тут могут возникнуть сложности. А у всех остальных есть жены и дети. Не считая, разумеется, Савафунга. Но я не уверен, можно ли ему вообще доверять — даже если он наберется мужества предложить свою кандидатуру. Даже учитывая возможность того, что Ворон откажется, не думаю, что его следует заставлять...

— И вы этого не сделаете!

Они обернулись. За спиной Козодоя стоял Савафунг.

— Тем не менее, сеньор капитан, я пойду. Все мои тузы биты вашими козырями. Вы обрекли меня на поражение в самом начале игры. Если я вернусь на свой корабль, добыть кольцо, а потом окончательно устранить меня — для вас всего лишь вопрос времени. Я буду выброшен за борт, воспарю в невесомости, и ничто во всей Вселенной мне не поможет. Мои связи давно утрачены. Нет, сеньор и сеньорита, я, Савафунг, буду там до конца, пусть даже мне придется превратиться в тухлую рыбину. Если вы возьмете меня, сеньорита Мудабур, я пойду. Если вы мне откажете — никто не станет отрицать, что я здесь был и вызвался на это дело сам.

Козодой бросил быстрый взгляд на Такью, но та только пожала плечами.

— Добро пожаловать в команду, сэр. Нам как раз не хватает еще одного мужчины. Но если вы предадите нас — клянусь, что вы не переживете тогда последнего из нашего экипажа. Если же вы проявите отвагу и честность, обещаю, что вы будете вознаграждены, когда мы получим кольца.

Старик церемонно раскланялся.

— Эта сделка мне по душе.

Козодой не нравилось предложение Савафунга, но он не мог придумать убедительных причин отклонить его. Что же в действительности на уме у старого хитреца?

Голос Звездного Орла, раздавшийся из переговорного устройства, прервал размышления командира.

— Козодой? Уведомляю немедленно, как вы просили. Получен сигнал от Валчера. Он просит забрать его.

— Не понимаю. Ничего не понимаю, — в десятый раз за последние два часа пробормотал Клейбен, заканчивая тестировать Урубуну.

— Ты же говорил, что у меня иммунитет к трансмьютеру, — фальцетом пропищал маленький чанчукианин. — Ты говорил, что это просто невозможно!

— Я... я... Клянусь, я был убежден в твоей устойчивости к трансмутации. Твои клетки — первоначальный набор клеток — были *созданы* на трансмьютере. Мы провели уйму проверок, и все они тщательно контролировались компьютером. Даже я, твой создатель, при всем желании не мог бы тебя уничтожить. Звездный Орел взял из моих записей всю информацию о твоём, если так можно выразиться, появлении на свет, равно как и о всех твоих действиях и изменениях. Но даже ему не ясно, как с тобой могло случиться такое. А чтобы повторить эксперимент, мне нужен компьютер куда больше, чем Звездный Орел, — если, конечно, я вообще отважусь его повторить...

Уруб удрогнул.

— Я сейчас мал ростом и слаб. От меня осталась лишь тень прежнего Уруб. Но я не сомневаюсь, что смогу убить тебя, как только ты приступишь к выполнению своего замысла! Тебе не дано познать ту боль, тот страх, которые выпали на мою долю! Даже мои прежние воплощения кажутся теперь лишь бледным отражением. До сих пор меня мучают ночные кошмары.

— Все данные, проверенные нами, — вмешался в разговор вездесущий Звездный Орел, — свидетельствуют об одном: будь я даже во сто раз больше и сложнее, будь в моем распоряжении все мыслимые достижения биофизики и биохимии, повторение эксперимента все равно не представляется возможным. Во всех без исключения данных отсутствует один важный компонент. Сейчас невозможно определить, какой именно. Но без него при определенных условиях происходит сбой всей программы.

— Это невероятно! Там было все, что нужно! Все! — воскликнул Клейбен.

— Нет. Простите, если я вас обидел, доктор. Не принимайте близко к сердцу. Я скрупулезно просмотрел все данные, каждую цифру, и понял: вывод здесь совершенно однозначен, доктор. К сожалению, вы не изобрели Урубубу. Вы создали его, да, но не изобрели.

— Я в это не верю! Неправда!

Даже Урубубу был озадачен:

— Изобрел, создал — какая разница?

— Собственно говоря, это всего лишь разница между ученым и инженером. Клейбен был инженером, разработавшим проект. Но полученная конструкция оказалась слишком сложной, непостижимой для человеческого мозга. По многим параметрам ты, Урубубу, был устройством куда более сложным, чем, к примеру, я или Вал. Синтезировать Вала намного проще, и точно по такому же принципу был изготовлен киборг, позволивший заменить миниатюрную, хрупкую Икиру совершенно другим, механическим существом, превосходящим ее размерами и физической силой. Посмотрим правде в глаза, доктор. Человек изобрел Урубубу не в большей степени, чем меня. Фактически люди не изобрели даже Главную Систему. Они только породили некую совокупность идей и загрузили ее в большие компьютеры, которые придали ей форму, а человек в этой цепочке остался далеко позади. Несмотря на ваш блестящий интеллект, доктор, сейчас у вас не больше конструктивных соображений в отношении Урубубы, чем у Танцующей в Облаках — по поводу ядерной физики. Вы всего лишь разработали проект, сконструировали механизм. Остальное сделал за вас компьютер.

— Это так, — кивнул Клейбен. — Существует лишь один способ соединить возможности человеческого интеллекта с мощностью компьютера — тот интерфейс, который стоит у тебя в капитанской рубке. К сожалению, его у меня не было. Но, даже располагая подобным устройством, я все равно ощущал бы свое бессилие в сравнении с машиной. До тех пор, пока че-

ловеческий разум не сможет получать доступ к самым потаенным уголкам своей памяти с той же скоростью, что и компьютер к любой записи в своих банках данных, человечество бессильно перед ним. Но все-таки идея Урубу принадлежала мне.

— Возможно. Но я бы добавил, что вы, люди, вообще не в полной мере распоряжаетесь даже своим собственным миром. Случай с Нейджи доказывает это весьма красноречиво. Мне всегда казалось странным, что Главная Система, привыкшая контролировать все без исключения, разрешила вам и Высшему совету Земли иметь свой собственный, особый мир. Но еще менее вероятно, чтобы она позволила вам создать эффективнейшее оружие, направленное против нее самой. Существует противник, чьим агентом предположительно работал Нейджи и с которым Главная Система находится в состоянии войны. А ведь врагам тоже требуется огромный компьютерный центр, сравнимый по размерам с Главной Системой.

Клейбен побледнел.

— Их *два*? Вы имеете в виду, что, когда я начал работу над проектом, Нейджи скрыл это от шпионов Главной Системы и тайком обеспечил мне помощь от своих хозяев?

— Я проанализировал аппаратуру, которой располагал Мельхиор. У вас был огромный и мощный компьютер. Желал бы я располагать хотя бы сотой долей его возможностей. После Главной Системы это, по-видимому, самый большой из всех известных нам компьютеров. Вы не создавали Урубу, потому что просто были не в состоянии его создать. Только компьютер, эквивалентный Главной Системе, мог это сделать. Если она его не создавала, значит, был другой.

Урубу недоверчиво покачал головой.

— Боже, как же я тебя ненавидел, Клейбен! Как я мечтал отомстить тебе за все причиненные страдания. Но ты всего лишь пешка в этой игре, еще более жалкая,

чем я сам. Вторая Главная Система, если ее можно так назвать, просто-напросто сперла у вас идею и внесла в проект нужные ей изменения. А когда Чи сообщила Главной Системе о возможности моего существования, та, разумеется, смоделировала мое устройство со всеми его достоинствами и недостатками... — Он вздохнул. — В конечном итоге я признаю свою вину, Клейбен. Я ненавидел тебя, но ты же был моим создателем, черт тебя побери! Я никому не доверял, но всему, что ты говорил обо мне, верил безоговорочно. Всегда. Когда ты сказал, что у меня иммунитет к транс-мьютеру — я поверил и никогда не принимал это в расчет, как нечто само собой разумеющееся. Слепец, жалкий слепец! Вот что я тебе скажу. Если человечество, будь оно проклято, имеет своего создателя, то сколько же ошибок он, должно быть, совершил, сливая при этом всемогущим и всезнающим! Даже Главная Система допускает немало просчетов, так что же говорить о людях вроде вас и Главных администраторов! Как же я ошибался, считая, что мои создатели, которых я знал и видел, совершенны и безупречны?

— Потому что в некотором роде ты — все же мое порождение. — Клейбен закрыл лицо руками. — Потому что ты больше не желаешь мне подчиняться. Боюсь, что это — следствие моего тщеславия. Голубая Фея подарила тебе жизнь, Пиноккио, но на сей раз ты не нашел ключик. Блаженный остров... магия зла...

— О чем это он? — ошарашенно спросил Урубу. — Он что, свихнулся?

— Нет, — ответил Звездный Орел. — Я тебе потом объясню.

— Ладно, теперь я уже не тот, что раньше. — Урубу с глубоким вздохом встал. — Пожалуй, самое время спуститься на землю и посмотреть, могу ли я еще хоть что-то сделать.

Встретившись через некоторое время с Козодоем, Урубу нашел его мрачным и неприветливым. Коман-

дир поглядел прямо в широко раскрытые карие глаза Уруб. Лица их находились на одном уровне, хотя Козодой сидел, а Уруб стоял.

Нет, не странный облик Уруб, больше напоминавшего скользкую выдру, нежели человека, был тому причиной. И не приниженность, свойственная любому мужчине на Чанчуке. Уруб многого лишился и подсознательно ощущал эту свою неполноценность. Что обычно свойственно людям в такой ситуации? Немного самонадеянности, переоценки своих возможностей, надежда на лучшее...

— Клейбен со Звездным Орлом меня уже протестировали, — сказал Уруб. — Они были там, внизу, всего две недели назад, не так ли?

Козодой кивнул:

— Они установили миниатюрные передатчики в практически недоступном месте — на скале, выступающей над поверхностью воды всего на несколько метров. Спускаемый аппарат регулярно забирает пробы океанской воды. Анализируя ее состав, динамику его изменения, мы получаем всю необходимую информацию. Аналогичные передатчики установлены и на нескольких обитаемых островах. Теоретически по меньшей мере одно из этих устройств способно проинформировать нас, если нашим людям удастся захватить кольцо — или о том, что операция провалена.

— Вот как! Я, как и ты, уверен, что кольцо там. Если учесть, что на Чанчуке нашей команде понадобится целый год, то по сравнению с этим две недели — сущий пустяк. Но тебя беспокоит что-то другое. Может быть, Савафунг?

— Нет. Как раз сейчас Савафунг пребывает в полнейшем неведении относительно наших планов и не может даже выйти из корабля в открытый космос. Вся информация у него в мозгу надежно заблокирована. Если он попытается нас обмануть, то Главная Система, выжимая из него сведения, просто пре-

вратит его в своего робота. На Алитити он не останется по двум причинам. Первое: реальной властью там обладает либо фанатически настроенная знать, либо члены семьи правителя. Савафунг не принадлежит ни к тем, ни к другим. Второе: без остальных четверых членов экспедиции кольцо ему не получить. Нет, я опасаясь совсем не Савафунга. Нами получено известие с Матрайха.

— И что же там? — внезапно оживился Урубун.

— Икира с честью выдержала испытание, хотя это было нелегко. На Матрайхе побывал настоящий Вал с двумя помощниками — представителями совершенно не известных Икире рас.

— Неужели ей удалось перехитрить самого Вала?

— Мы потратили немало времени, разбираясь в том, что осталось от настоящей богини. Нам удалось обойти ограничения, присущие процессу трансмутации, и масса миниатюрной Икиры увеличилась настолько, насколько это вообще возможно для живого существа. Вал с соратниками приземлился на необитаемом острове, наиболее удаленном от материка. Разумеется, они не отказались, когда Икира предложила свои услуги в качестве проводника. Она не смогла в полном объеме провести исследование вражеского корабля, но успех ее рискованного предприятия заключается в другом. Икира не стремилась быть никем иным, кроме усердного проводника, бдительно присматривающего за своими подопечными, и справилась со своей ролью превосходно. Одним своим присутствием она внушала, что все идет так, как надо. Другому существу, не столь своеобразному, вряд ли удалось бы такое.

— Так что же делал там Вал?

— То, что я и предполагал. Кстати, Ворон долгое время исключал эту возможность, а напрасно. Вал и его помощники установили на Матрайхе гипнотизи-

рующие устройства — гипнокастеры. Или что-то, очень их напоминающее.

— Понятно, — кивнул Урубу. — Я же предупреждал, что Чи мыслит нестандартно и этим опасна.

— Конечно, на Икиру действие подобных устройств не распространяется, ведь ей был имплантирован миниатюрный гипнотизирующий прибор, который отражает воздействие остальных. Но ведь она там одна такая! Горный массив, окружающий тамошнюю Обитель, нашпигован подобными устройствами. Стоит только попасть в сферу действия этих приборов, как ты забудешь все: кольца, Главную Систему, даже собственное имя. Твой мозг полностью очистится от этих противоестественных, с точки зрения противника, мыслей. Зато значимость других идей вырастет до гигантских размеров. Жить спокойной, размеренной жизнью, как принято на Матрайхе, достичь духовного совершенства — и все. Эти положения закодированы примерно на сорока языках, но среди них нет матрайхианского! Значит, на аборигенов гипнокастеры ни малейшего эффекта не производят и рассчитаны исключительно на пришельцев. Сомнительно, чтобы те не знали хотя бы один из сорока языков. Любой инопланетянин, сам того не подозревая, угодит в ловушку, и судьба его предreshена.

— Ничего не скажешь, неплохо придумано. Для примитивной цивилизации, такой, как там, замкнутое существование, несомненно, полезно. Получив полную или, может быть, даже многократную дозу воздействия, пришелец растворится, ассимилируется. Он примкнет к какому-нибудь племени — и все. Никаких известий от него потом уже не получишь! Даже когда действие гипноза начнет постепенно ослабевать — а оно не вечно, — новое окружение все равно таково, что ему никогда не удастся прийти в себя.

— И не только на Матрайхе, Урубу. Гипнокастеры способны работать и в воде. Звездный Орел отметил

это в докладе. На глубине десяти — пятнадцати метров сила их убийственна. Радиус их действия в воде меньше, чем в воздухе, зато интенсивность возрастает многократно. МСС были на Алитити девять дней. Это более чем достаточно, чтобы напихать их по всему подводному городу. Десять, двадцать — кто знает, сколько их там? И бьюсь об заклад, основные усилия они сосредоточили на храме или дворце, где находится кольцо. Представляю себе состояние тех, на кого эти приборы действуют постоянно — неделями, месяцами... Но у нашей четверки все-таки есть преимущество. Они стали теми людьми, чьи роли собирались играть. Высаживаем и возвращаемся в квадрат один.

7. КОЛЬЦО КОЛЕЦ

Вокруг плескалась вода.
— Кого мы взяли? — нетерпеливо спросил Ворон.

Клейбен пожал плечами:

— А кто его знает? Для меня все они на одно лицо. Возможно, Такья. Он выглядит постарше, а логично предположить, что партию опять ведет Макоа. Мы должны поспешить. На этот раз у нас нет нескольких дней. После захода солнца все охранники вылезут из грязи, и, если они обнаружат отсутствие Макоа, мы можем попасть в беду.

Ментопринтер был уже подготовлен, и менее чем через полчаса он сравнил новые данные с прежними записями Макоа и всех остальных членов посланной вниз команды.

— Состояние плохое. Действительно очень плохое, — доложил Звездный Орел. — Это на самом деле Такья, но в то же время не она. На снимке нет ни частицы Такьи. Ни одной. Мысли и чувства нашего мнимого аборигена и все, что с ним произошло за минувшее время, совершенно не определены. Как будто он на этот период просто выключился и ни о чем не думал. Везде, где ни посмотришь, Макоа и только Макоа. И это никак не обойти. Мне придется взять ментокопию Такьи, сделанную до трансмутации, и попробовать впечатать ее. Это вернет ей личность, вытеснив новую.

— Валяй, — приказал Клейбен. — У нас очень мало времени и очень много дел.

Прошло уже пять месяцев с тех пор, как четверо пиратов проникли на Алитити. Пять месяцев каторжного труда и тяжелых разочарований. А теперь у них в распоряжении всего несколько часов, чтобы вычислить все блестящие и чрезвычайно эффективные ловушки, устроенные бригадиром Чи. Час спустя Звездный Орел восстановил первоначальную личность Такьи. Теперь она находилась в здравом уме, но ничем не могла им помочь.

— Я... У меня есть воспоминания Макоа о его возвращении и пребывании на планете и ничего из моих собственных, — сказала Такья. — Это совершенно невероятно.

— Это влияние фокусированных гипнотизирующих устройств — гипнокастеров, — объяснил Клейбен. — Но нам удалось его нарушить. Мы собираемся перепрограммировать твою память и произвести более мягкое кодирование мозга.

— Вы можете нейтрализовать действие гипнокастеров?

— Теперь, когда мы знаем, с чем имеем дело, это возможно. Нами исследованы принципы, лежащие в их основе. К счастью, пресловутое «глубинное блочное кодирование» позволяет избежать разрушения целых областей памяти. Оно лишь нарушает связи между блоками. Мы можем обработать твой мозг, удалить информацию обо всех языках, которые ты знаешь, кроме, конечно, алититианского, и установить перекрестные ссылки на единый язык поддержки, который называется «Маурог».

— «Маурог»? Что это такое?

— Это искусственный язык. Усовершенствованный язык, используемый роботами-гуманоидами. На одном из его разновидностей общаются между собой Валы. У меня он есть, потому что им изначально пользовался Урубу. Только «Маурог» позволяет, обладая информацией многих личностей, постоянно работать

с ней и при этом не сойти с ума. Для тебя он станет совершенно естественным — просто новый язык, несколько более сложный по сравнению с алититианским. Тебе он будет казаться совершенно нормальным и знакомым с детства, как будто ты всю жизнь на нем разговаривала. Но для гипнокастеров он совершенно незаметен.

Такья не услышала, как после этой фразы Клейбен тихо добавил шепотом: «Надеюсь». После короткой паузы он продолжил:

— Конечно, тот, кому не был впечатан «Мауро», не сможет тебя понять, но на первое время твоим переводчиком может быть Звездный Орел. А когда ты насовсем вернешься сюда, мы таким же образом восстановим и остальных, кто работал с тобой на Алитити. И еще, если удастся, договорись с ними и выберите какое-нибудь местечко, где мы могли бы лечить вас.

— А почему бы мне просто не найти эти проклятые гипнокастеры и не вывести их строя? Если они используют фокусированные лучи, я без труда могу их обнаружить.

— Слишком рискованно. Будь я на месте Главной Системы, то снабдил бы их множеством следящих устройств и ловушек, срабатывающих при попытке ликвидировать механизм. Этим, вероятно, и занимается один из Валов. Установка мониторов. Это самый надежный способ, хотя и медленный, но эффективный. Звездный Орел говорит, что у тебя не осталось никаких воспоминаний ни об одном из колец, не говоря уж о том, которое мы ищем. Так что это один шаг вперед и два шага назад.

Такья вздохнула:

— Все это звучит не слишком радостно, особенно это «мягкое кодирование». Я стала одним из тех, кого ненавидела всю жизнь. Мужчиной — таков дар богов женщине.

— Не надо отчаиваться. Возьми себя в руки. Оставь сомнения. На карту поставлена не только твоя жизнь и жизнь трех твоих товарищей. Если вы сейчас провалитесь, придется посылать туда других.

Такья снова вздохнула: «Да, да. Я знаю. Я все понимаю».

Для Людей воздушная среда была крайне неудобна и неприятна. Здесь они чувствовали себя беспомощными, неуклюжими и уродливыми. Однако рождались они на суше, и в этом крылась какая-то большая тайна и мистический знак.

Ночью на суше было еще терпимо. Дневной свет, даже если небо затянуто облаками, был чересчур ярок для них и вызывал головокружение и головную боль. Зато ночь дарила им волнующие, поистине волшебные ощущения. Зрелище мерцающих в вышине огней, которых даже в принципе не могло быть в естественной для Людей водной среде, внушало им трепет. Эти огни освещали дрожащим светом все вокруг и отражались в очах идолов, стерегущих стены святилища. Казалось, что тени движутся и статуи кружатся в странном, завораживающем воображение танце. Они оживали, и любой мог убедиться, какая огромная сила жизни таится в них.

В воде все было по-другому. Это было не знакомое человеку с Земли ощущение плавания или погружения, и гораздо больше, чем внезапная невесомость, летящий полет на струях подводных течений. Огромное значение имела никогда не затихающая вулканическая активность, которой был буквально пропитан этот мир. Это были не люди Мауи, управляющего солнцем, а дети Пеле, владыки огня.

На глубине, в мире, лишенном света, они чувствовали себя хозяевами. Многие подводные обитатели светятся слабым, приятным светом. Можно легко

определить размер, принадлежность к определенному виду и даже пол и возраст рыбы по форме и интенсивности ее свечения. Все не хищные существа имеют этот дар. Священники говорили, что так проявляется мана — жизненная сила богов, создавших их. Только один хищник может светиться по своему желанию — Человек. С помощью мышц, расположенных в кожистых складках на нижней части туловища, они могут управлять электрохимическими процессами, протекающими в организме. Рисунок на нижней части туловища столь же уникален для каждого индивидуума, как отпечатки пальцев для жителей Земли. Из этого рисунка можно многое узнать не только о его обладателе, но и выяснить кое-что из его родословной. А тот, кто хорошо в этом разбирается, способен даже определить тип личности по видимой мане. Одно это отличает их от темных хищников — Больших Змей, Акул-демонов, Тварей со Щупальцами, которые не имеют своей собственной маны, хотя могут отлично видеть ману других.

Здесь, в океане, слой воды, находящийся сравнительно близко от поверхности, весь испещрен следами, принадлежащими различным племенам и народностям. Мана применяется, кроме всего прочего, и для разметки территории. Только женщины могут выделять ее из своего организма так, чтобы она существовала отдельно от тела. Но и они могут делать это лишь в определенные дни месяца. Но, однажды собранная, мана может смешиваться с различными микроорганизмами, ловить растения и при этом сохранять свой первоначальный цвет.

Город сверкает и переливается всеми цветами радуги. Поистине, это блестящее место. Хищники никогда не рискуют здесь появляться. Они предпочитают охотиться в одиночку в пустынной местности. За долгие годы они научились не заплывать в ярко освещенные, людные районы, где сами могут превратиться из

охотника в жертву и оказаться съеденными. Если бы не строгие религиозные запреты, их истребили бы еще на заре цивилизации. Но если численность хищников падает ниже нормы, тут же в действие вступает закон, и истребление их полностью запрещается. Если простым смертным невдомек, как важно сохранять природный баланс, от которого зависит и жизнь Людей, то священники это очень хорошо понимают.

При всей внешней простоте Люди — очень счастливый народ. Смысл жизни они видят в самом процессе существования. Они танцуют, поют, собирают еду, занимаются любовью и изредка воюют. Они создают произведения искусства из вулканических продуктов, раковин и других морских останков. Они увлекаются различными видами борьбы и получают огромное удовольствие от состязаний. Люди отнюдь не являются глубокими мыслителями и не видят никаких причин ими становиться. Вселенная для них — это их собственный мир, — и там все совершенно понятно. А если что-то вдруг станет неясно, то священники очень доступно все объяснят. Люди вовсе не глупы, но абсолютно лишены всякого любопытства.

Неискушенного зрителя могла бы поразить абсолютная открытость общества, где нет полиции и воины по совместительству охраняют городские ворота и тропинки между деревнями от хищников и людей, которые норовят вмешаться не в свои дела. Опытные мастера облицовывают фасады и крыши домов волшебной страны разноцветными камнями вулканического происхождения, а у самих домов очень странные очертания и двери отсутствуют. На северном конце города располагается королевская резиденция — грандиозный кристаллический дворец. Каким-то образом возникает впечатление, что у него есть своя мана, сосредоточенная среди этих бесконечных стеклянных стен. Дворец поражает воображение, но охраняет его лишь несколько идолов. И этого совершенно достаточно.

На противоположном конце города, у самых стен, сложенных из красно-коричневой породы, напоминающей остывший пудинг, находится Храм. Там стоит множество идолов, украшенных маной всех женщин родного племени короля и тех королевских семей из других племен, которые желают продемонстрировать верноподданнические чувства. Эти статуи выглядят даже эффектнее, чем сам Храм. Перед Храмом — каменный алтарь для жертвоприношений. Специальная территория отведена для публичных церемоний и обрядов. Между ней и входом в Храм помещается своеобразный фонтан вулканических газов, призванный напоминать Людям, в честь какого божества воздвигнут Храм.

Пираты проводили свои исследования, пользуясь информацией, извлеченной из ментокопий аборигенов и посланных агентов. Такие потребовалось три месяца, чтобы заманить своих коллег туда, откуда их можно было забрать без помех. Когда их личности были восстановлены, все испытали сильнейший шок. Особенно возмущался Савафунг. Он прямо-таки кипел от негодования, узнав, что его так легко провели. Но сейчас все это уже позади. Теперь всем находящимся на борту «Грома» оставалось лишь одно — ждать.

— Сигнал из приемника двадцать два, — доложил Звездный Орел. — Это Такья.

— Одна? — хмуро спросил Ворон.

— Очевидно, да. Приборы показывают, что остальные сейчас в городе.

— Плохо. Я спускаюсь вниз. †

Пристегивая на ходу пистолеты и ремень, он побежал к «Молнии». Там его уже ждали Мария и Миди, неизменные спутники Ворона во всех высадках на планету.

— Ты думаешь, это ловушка? — спросила Мария, когда «Молния» была уже готова отделиться от «Грома».

— Сомневаюсь, но на всякий случай держите оружие наготове, — ответил им Ворон. — Что-то непохоже на них — отпускать кого-нибудь в одиночку.

Небольшой атолл выглядел мирно. Здесь Люди практически не бывали, хотя именно на нем ютились первые поселенцы, пришедшие в этот мир. Люди отлично разбирались в морском хозяйстве, но на суше им было трудно сажать деревья и собирать урожай.

Такья ждала в глубине острова, расположившись так, чтобы ее нельзя было заметить с моря. Она забралась в небольшой ручеек и полулежала там, опираясь на низкую скалу. Если бы какой-нибудь земной мореплаватель увидел ее в этот момент, то решил бы, что перед ним — ожившее воплощение его ночных кошмаров, существо, о котором повествуют древние морские легенды.

Благодаря трюку с «Маурогом» общаться с ней можно было лишь с помощью довольно сложного устройства, переводящего разговор на довольно странный компьютерный язык высокого уровня. На нем речь Такьи звучала монотонно и однообразно.

— Я видела кольцо, — говорила она. — Обнаружить его оказалось просто. Он вделан в золотые часы, украшенные перламутром, которые висят на шее Верховного священника Храма. Каждый может увидеть их. Я увидела во время праздничной церемонии, и у меня нет никаких сомнений, что это то самое кольцо. Правда, очертания его неясны, но узор виден отчетливо: черная гладкая поверхность и изящный золотой рисунок.

— Отлично, так в чем же дело? — спросил Ворон.

— Дело в том, что войти в Храм может только духовное лицо или жертва. Вне Храма Верховный жрец постоянно носит этот медальон на шее и нигде никогда не появляется без охраны. Никто из нас не в состоянии

стать священнослужителем такого ранга, а жертва по местным религиозным канонам выбирается лично им. Поэтому проникнуть туда легальным образом совершенно невозможно, а стащить с него медальон на улице — тем более. Проникнуть в Храм тайком очень непросто, это сплошной лабиринт пещер и коридоров в толще застывшей лавы. Но, имея хорошее оружие и инструменты, можно попытаться. Прodelать это необходимо, когда Люди спят. Тогда есть надежда, что нам удастся относительно легко вывести их из строя, сорвать с шеи Верховного жреца кольцо и быстро выбраться оттуда.

Ворон вздохнул:

— Да, ты права. Но если поднимется тревога и вы окажетесь заблокированными там, то вам не поможет никакое, даже самое лучшее, личное оружие и снаряжение. Толпу фанатиков не остановить ничем. Но тем не менее я согласен. Риск велик, но другого пути у нас нет.

— Савафунг — не борец, но он хитер и, самое главное, действительно хочет добыть это кольцо. Нет другого входа — а также выхода — в Храм, кроме того, что за алтарем. Об этом известно каждому, ибо у Людей вообще мало секретов, хотя Савафунг отказывается в это верить. Так вот, он заметил, что Храм построен в геологически активной области, протянувшейся на километры под городом, и, следовательно, не гарантирован от землетрясений, извержений или каких-нибудь сотрясений земной коры. Он совершенно уверен, что должен быть по меньшей мере еще один, а скорее всего гораздо больше запасных выходов, через которые можно спастись в случае опасности. Более того, Савафунг настаивает, что обнаружил основную область, где они могут быть, хотя вряд ли стоит упоминать о том, что здесь нет ни табличек, ни индикаторов. Хан Ли заметила, что благодаря своеобразным воздушным течениям в Храме имеется практически замкнутая сис-

тема циркуляции, и вода, проходящая через все возможные выходы, естественно, нагревается. Воспользуйтесь этой идеей — и вы сможете точно вычислить, где находятся другие выходы.

— Отлично, — кивнул Ворон. — Я ею воспользуюсь. Но ты уверен, что наши опознавательные знаки не будут замечены посторонними?

— Да, уверен. Я назначил себя капитаном патруля на следующие три недели. Это значит, что мне предстоит инспектировать все посты как в городе, так и за его пределами. Через шесть дней я буду на приемном этаже, и к этому моменту вы должны подготовить все необходимое. Мне понадобятся карты и вся информация, которую вы сможете собрать к этому моменту. А если у вас уже будет оружие, о котором я говорил, я его возьму. Еще через восемнадцать дней все должно быть готово, и понадобится постоянный пост, чтобы не только забрать нас отсюда, но и подстраховать в случае чего. А убраться с планеты нужно будет немедленно. Уверен, что нас будут преследовать разъяренные местные жители, и эвакуацию надо провести сразу же, как кольцо окажется у нас, а не через несколько часов после этого.

— Мы дадим вам любое оборудование, какое только в наших силах, — пообещал Ворон, — и встретимся с вами на приемном этаже ровно через шесть дней, начиная от настоящего момента. Над этой проблемой будут работать все. Я знаю, Такья, что кое-кто из вас может оказаться предателем, но мы сделаем все, что в наших силах.

Она кивнула:

— Я в этом не сомневаюсь.

— Единственная проблема, которую я предвижу, это если Главная Система решит обнаружить себя, — заметил Звездный Орел. — Но общество на этой пла-

нете очень открытое, все у всех на виду, и это создаст ей большие трудности.

— В этот медальон скорее всего вмонтированы какие-нибудь датчики, указывающие его местонахождение, — сказал Урубу. — По крайней мере я бы на их месте сделал именно так.

— А может, датчик срабатывает, когда медальон извлекают из воды? — предположил Ворон. — Это гораздо проще.

— Сомнительно, — возразил Урубу. — Священнослужители — единственные мужчины, которым позволено присутствовать при рождении детей, если я правильно понял эту часть их религии. Верховный жрец наверняка частенько выбирается на сушу.

Ворон поднял глаза:

— Что? Погоди-ка... Хорошо, сделай все, что хочет Такья, но давай сразу же обдумаем альтернативный план. Мы терпим здесь уже почти восемь месяцев, так что можем потерпеть еще немного. Вместо того чтобы посылать наших людей в этот лабиринт пещер и переходов с приказом взрывать на всякий случай все подряд, не лучше ли повременить и взять Верховного жреца, когда он выйдет наружу? Днем все как один впадают в спячку. В первый раз мы очень удачно этим воспользовались, и я думаю, что и на этот раз надо поступить так же. Не будет большой беды, если мы убьем кого-нибудь. Они вынуждены подниматься наверх, чтобы рожать детей, а Такья — Макоа — имеет достаточно высокий ранг, чтобы легко войти в число сопровождающих.

— Отличный план, — согласился Урубу. — Но лично я предпочел бы путь, который предлагает Такья. Не могу обосновать это объективно, но у меня есть определенный опыт в таких делах. Если бы мы имели дело только с Главной Системой и Валами, я бы с тобой согласился, но бригадир Чи — это нечто совершенно иное. К ней требуется особый подход.

— Ты слишком много думаешь о Чи и скорее всего переоцениваешь ее способности, — угрюмо возразил ему Ворон.

— Возможно. Но я ее знаю. Если у нее и есть слабое место, то это — непоколебимая вера в свою собственную религию — технологию. Обладая информацией о культуре и жизненном укладе этой планеты, вооруженная трайсерами и гипнокастерами, она очень хорошо понимает, что нам не удастся провести фронтальную атаку. Она ставит себя на наше место и видит уязвимые места там же, где видим их мы. Если бы я выбирал, где поставить ловушки, то непременно поместил бы их здесь, у этого родильного дома. У них было девять дней, чтобы разобраться в ситуации, и, уверен, они это сделали. Кроме того, она, безусловно, примет в расчет наше превосходство над местными жителями. Нет, все-таки я голосую за план Такьи. Он более соответствует ситуации.

— Ты действительно считаешь, что Чи настолько умна?

— Она и ее компьютеры по меньшей мере не хуже нас и наших компьютеров. Кроме того, это ее профессия. Однажды она уже обожглась на этом и, несомненно, сделала выводы. Кроме того, сейчас в ее распоряжении куда лучшая техника и гораздо более мощные ресурсы. Тем не менее я тоже ее хорошо понимаю. Непосредственная атака в корне противоречит нашим характеристикам, и мы всегда делаем те ходы, которые она от нас ожидает. Так давайте на этот раз изменим свои методы. Ставлю десять против одного, что меньше всего она готова к тому, что мы непосредственно нападём — так не попробовать ли?

— То, что говорит Урубубу, весьма логично и убедительно, — вставил Звездный Орел. — И вариант Такьи кажется оптимальным. Там учтены все факторы.

На второй встрече Такья согласилась с Урубубу.

— Именно по этим причинам я уже тщательно разведала этот родильный остров, — сказала она Ворону, — и чувствую, что здесь пахнет очень серьезными ловушками. У входа в святилище появились два новых идола. Они шире и толще обычных и отполированы лучше, чем в принципе можно отполировать дерево или металл. А другие материалы мы не используем. Я думаю и даже уверена, да и все остальные со мной согласны, что эти статуи представляют собой двух Валов в режиме наблюдения. Им не нужно много энергии, а терпение у них поистине безграничное. Это и есть главная ловушка. Но мы ворвемся туда — ворвемся стремительно, грязные и вооруженные до зубов — и возьмем кольцо.

Через несколько дней Такья и ее команда поместили нужные места, и Звездный Орел смог начать комплексное сканирование территории Храма. Внутри он напоминал яблоко, изъеденное червями, но это не было делом человеческих рук. Этот лабиринт создала природа, а люди добавили к нему всего лишь несколько коридоров, соединяющих основные тоннели. Козодоя привела в бешенство эта архитектура — и не из эстетических соображений, а просто потому, что хитросплетение переходов несказанно усложняло и без того нелегкую задачу.

С оружием проблем не возникло. Лазерные пистолеты Звездный Орел изготовил быстро и на всякий случай снабдил их системой самоликвидации — после ее включения пистолет таял либо взрывался. Помимо них, на планету были доставлены бомбы, небольшие торпеды и наблюдательные приборы, для работы с которыми не требовалось каких-то специальных навыков. Вся техника базировалась на уже знакомых пиратам образцах.

— В радиусе двадцати километров от Храма вас будут подстраховывать два автоматических истребителя, — сказал Такье Ворон. — Если вам понадобится

помощь — подайте сигнал, и они придут к вам на вырубку. «Молния» готова принять вас на борт в любой момент, а в случае чего я подгоню ее поближе. Как только вы окажетесь на борту, я включу систему ликвидации истребителей и прочего оборудования. Вам понятен план операции?

Такья кивнула:

— Да. В течение девяти дней, начиная с этого момента, мы будем готовиться использовать три драгоценных часа, когда все уснут. Нейтрализовать стражников и немногочисленный персонал не составит труда, а вот как и когда мы оттуда выберемся, никто точно сказать не может. Но до захода солнца мы должны покинуть планету — иначе умрем.

Запасных выходов, устроенных на случай внезапного всплеска вулканической активности, было четыре — по два с каждой стороны Храма. Зная их расположение, Такья могла составить представление о назначении многих тоннелей и секций здания. Возле главного входа располагалось помещение, где жрецы переодевались в ритуальные одежды, украшаемые богатым орнаментом. Рядом с ней имелся каземат, куда приводили жертвы и готовили их к церемонии. Потом начинались жилые помещения — апартаменты жрецов и комнаты obsługi. Логично было предположить, что они располагаются соответственно иерархии и идут от дна к поверхности океана. Следовательно, для проникновения в Храм надо было использовать два выхода, находящихся наиболее высоко.

С колоссальными предосторожностями покинув свои дома, четверо агентов собрались в том месте, где было спрятано оружие и снаряжение. Ощущение стандартных рукояток в перепончатых пальцах было необычно, но они быстро привыкли. Такья взглянула на товарищей:

— Мы долго готовились к этому шагу, но предусмотреть все неожиданности невозможно. У кого-нибудь есть возражения против того, чтобы начать операцию?

— Расставаться нелегко, — ответила Хан Ли. — Мне понравилось быть главой семьи, и я полюбила свою новую родню. Но тем не менее речь идет о моей чести и судьбе всего человечества. Я должна принести эту жертву. Я иду.

— Чем скорее смоюсь отсюда, тем лучше, — проворчал Савафунг, — Я пожертвовал привычным обликом не для того, чтобы остаток жизни грызть эту рыбу. Мы должны это сделать.

Дора кивнула:

— Вполне разделяю сентиментальные настроения Хан. Но либо идти сейчас, либо никогда. Пора начинать! Вперед!

С этими словами она направилась к выбранному для атаки тоннелю. Этот выход, в принципе хорошо заметный, охранялся одним из наиболее строгих запретных символов алититианской религии, несущим не только смерть, но и вечное проклятие. Прожив долгое время на планете, все четверо испытали невольный трепет, но быстро справились с собой. Такья переложила пистолет в правую руку и вошла в пещеру.

В двух метрах от входа поперек тоннеля была натянута мелкая сеть — видимо, жрецы все же не слишком полагались на одни лишь моральные запреты. Опасаясь, что сеть связана с сигнализацией, Такья не стала срывать ее целиком, а аккуратно вырезала центральный кусок. Она вошла первой. За ней последовали остальные.

Первая секция туннеля представляла собой комнату ужасов. Темная труба, разрисованная разноцветными символами и изображениями самых свирепых богов и духов, известных алититианам. Очевидно, таким образом жрецы надеялись напугать тех, на кого не подействовали бы запретные символы у входа.

Потом труба расширялась, и искусственная секция переходила в естественную, созданную самой природой. Здесь имелась еще одна сеть, с которой Такья поступила так же, как и с предыдущей. Дальше путь был свободен. Единственной мерой предосторожности был полумрак: видимо, жрецы считали, что тот, кто не знаком с планом Храма, непременно заблудится здесь. Савафунг достал крошечный локатор и прикрепил его к потолку. Он шел замыкающим и нес с собой несколько дюжин таких устройств. В его обязанности входило размещать их по пути, чтобы, когда придет время возвращаться, можно было бы воспользоваться специальным прибором, который называет порядковые номера локаторов в той последовательности, в которой он разместил их. Таким образом, им не придется идти наугад.

Наконец они дошли до комнаты, где обнаружили нескольких спящих алититиан. Несколькими выстрелами они парализовали их. Такья заранее решила по возможности никого не убивать, хотя свой пистолет она предусмотрительно поставила на смертельную мощность.

Все шло замечательно, и пираты испытали даже некоторое разочарование. Люди совершенно не владели концепцией современного оружия и не имели понятия, что надлежит предпринимать в случае подобного нападения. Они были беспомощны, даже если успевали проснуться.

На поиски Верховного жреца ушло чуть больше часа. Они нашли его спящим и тут же оглушили. Ожерелье с кольцом было у него на шее. Он почти никогда не снимал его. Дора приподняла жрецу голову, а Такья сняла ожерелье и убрала в ранец. Настала очередь Савафунга вести их назад.

На обратном пути им встретились несколько случайно проснувшихся жрецов, но пистолеты Доры и Хан Ли быстро решили эту проблему. Такья теперь шла сзади, прикрывая тыл.

Поворот, еще поворот, вверх, направо... Савафунг уверенно вел их к выходу. Они миновали внутреннюю сеть, потом — пещеру ужасов и, наконец, вторую сеть. Савафунг внезапно увеличил скорость и оказался снаружи значительно раньше остальных.

— Где он? — спросила Такья, выбравшись из пещеры. Она была скорее озабочена, чем серьезно обеспокоена.

— Здесь, — ответил голос откуда-то сзади и сверху. Пираты оглянулись и увидели старого торговца, удобно устроившегося на скалистом выступе. В каждой руке у него было по пистолету. — А сейчас бросайте оружие! Все! Я не шучу!

В подтверждение своих слов он выстрелил очень близко от руки Такьи.

Она вздохнула:

— Друзья, бросайте оружие! Все! Его пистолет стоит на максимальной мощности.

Они выполнили приказания, с тоской следя, как оружие медленно погружается в темную глубину.

— Что тебе нужно, предатель? — спросила Такья.

— Что мне нужно? — переспросил Савафунг. — Мне нужно кольцо! Разве это не очевидно? Теперь не придется решать голосованием, кому оно достанется! Я пошел на это не для того, чтобы быть четвертым в цепочке. Отдайте мне медальон, и я переключу свой пистолет на парализующий режим. Потом вы очнетесь, а я, со своей стороны, составлю грустный отчет о вашей героической гибели в борьбе за кольцо и о том, какие опасности мне пришлось преодолеть, выбираясь отсюда.

— Тебе никто не поверит! — воскликнула Дора.

— Возможно, возникнут какие-то сомнения, — согласился Савафунг, — но у них будет кольцо, а время не ждет. Вряд ли кто-то станет заниматься расследованием. Так что давайте сюда кольцо! В Храме уже наверняка поднялась тревога, и очень скоро они обнаружат разрезанные сети.

— Ты редкостный негодяй, Савафунг, — ответила Такья и незаметно для предателя сжала что-то в ладони.

Пистолет в руке торговца начал слабо поблескивать и издавать какие-то странные посвистывающие звуки. Савафунг попытался нажать на курок, но ничего не произошло. Неожиданно пистолет раскалится, и он вынужден был его отбросить. Внезапно раздался резкий свист, треск, и пистолет исчез. Из глубины доносились такие же звуки.

Немного придя в себя, Савафунг повернул голову в сторону пиратов и увидел два гарпуна, направленных ему в грудь. От неожиданности он смог выдать из себя только одно слово: «Что?..»

— Система самоликвидации. Не могли же мы допустить, чтобы такое оружие попало в руки алититиан. Это слишком рискованно, не правда ли? Но, кстати, время действительно бежит очень быстро. Живо спускайся сюда и отправляйся обратно в пещеру!

Савафунг растерялся:

— Вы... вы не можете так со мной поступить! Они убьют меня, если не хуже!

— Возможно. Но если ты не слушаешься, мы убьем тебя прямо сейчас. Быстро внутрь! Дора, подпали ему хвост, чтобы он двигался поживее!

— Нет-нет! Я уже иду!

Он спустился ко входу в пещеру и обернулся:

— Я бы никогда не оставил вас здесь! Клянусь могилой моей матери!

— Ты не задумываясь продашь свою мать, если тебе заплатят стоимость химических элементов, составляющих ее тело! — усмехнулась в ответ Такья. — Быстро в пещеру! И поторопись, потому что ровно через десять секунд я собираюсь бросить туда маленькую бомбочку! Ты сделал свою ставку и проиграл! Пришло время расплачиваться!

Савафунг мгновенно исчез в темной глубине пещеры.

Такья достала бомбу и бросила ее вслед скрывшемуся предателю, а потом повернулась к своим товарищам и дала им сигнал подниматься.

Но Савафунг тем не менее еще не отчаялся. У него имелись обширные планы на будущее. Понимая, что, бросив бомбу, его бывшие товарищи тут же удалятся, он не стал забираться глубоко. Когда бомба всплыла в пещеру, он поймал ее и тут же бросил обратно. Через несколько долгих секунд сверкнула вспышка, и раздался ужасный грохот. Савафунг выскочил из пещеры. Первой его мыслью было бежать как можно быстрее и как можно дальше от этого места, но, поразмыслив, он отказался от этой мысли. Нападение было быстрым и неожиданным, а Савафунг все время благоразумно держался позади. Следовательно, достаточно велика вероятность того, что, очнувшись, жрецы не смогут его узнать. Он прикинул, какими вариантами располагает.

Конечно, можно попытаться преследовать пиратов, но, учитывая их численное превосходство, это безумие. Конечно, Козодой ясно дал ему понять, что при любых условиях он должен вернуться на корабль, но почти наверняка его тут же отправят обратно.

Навсегда остаться на Алитити было для Савафунга абсолютно неприемлемо. Он предпочел бы смерть.

Однако оставался еще и третий вариант. Он был не слишком надежен, но все же давал единственную реальную возможность сорвать большой куш. В любом случае он хотя бы потешит свое самолюбие.

Он повернулся и поплыл прочь, взяв курс на остров, расположенный в двух часах плавания от города. Вслед ему неслась дробь боевых барабанов и глубокие голоса труб, призывающие горожан отправляться в погоню. Он надеялся, что погоня пойдет в правильном направлении, в то время как его путь лежал в совершенно другую сторону.

Оглянувшись, Дора увидела, что весь океан буквально кишит черными теньями, двигающимися в том же направлении, что и они.

— Как мне жаль сейчас пистолетов! — крикнула она своим товарищам. — Нас преследует целая армия!

— Выныриваем на поверхность, даем сигнал тревоги и плывем прямо к условленному месту встречи! — крикнула Такья. — Я начинаю бросать бомбы с интервалом двадцать секунд!

Они вынырнули на поверхность и подняли три раза правые руки. Хотя день уже клонился к вечеру, солнечные лучи, проникающие сквозь облака, слепили их. Высокие волны мешали плыть, и каждый в глубине души опасался, что при таком волнении их могут не заметить.

Позади разверзлась первая гигантская воронка — это взорвалась первая бомба, а Такья уже бросила к этому моменту еще три.

Внезапно огромная тень нависла над ними, защищая их от несущих смерть лучей невидимого солнца. Хан Ли задрала голову и закричала: «Это истребитель! Выныривайте! Хватайтесь за сеть!»

Все тут же похватались за сеть, и истребитель начал медленно подниматься. Преследователи кидали им вслед копья, и одно копьё угодило Доре в хвост. Она вскрикнула от боли, но перевозмогла шок и продолжала изо всех сил цепляться за сеть. Истребитель поднимался, набирая скорость, и скоро стал недостижим для копий преследователей.

Вскоре он начал аккуратно спускаться и завис на высоте меньше двух метров над крохотным островком, заросшем буйной растительностью. Все трое скатились на землю, и им потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и сориентироваться.

— Дора! Хан Ли! Вы здесь?

— Да! — ответила Хан Ли. — Мне кажется, Дора ранена. О Господи! Так и есть! У нее в хвосте копьё! Его надо срочно вытащить, но я плохо вижу! Дора, ты готова потерпеть?

— Да, — тяжело дыша, ответила та. — Давай вытаскивай его, а потом вы поможете мне добраться до

трансьютера. Как только мы окажемся на «Молнии», мне сразу полегчает.

Хан Ли подошла к ней и изо всех сил дернула копьё на себя. Дора закричала от боли. Копьё вышло наружу, и из раны потекла кровь.

— Надо спешить! — крикнула Такья. — К острову приближается огромная тень, это, должно быть, преследователи! Дора, держись! Скоро мы будем дома!

Хан Ли застыла от ужаса:

— Я слышу их вопли! Очевидно, они заметили, куда мы приземлились. Первой надо отправить Дору.

Медленно открылся люк истребителя, где был установлен трансьютер. Хан Ли и Такья подняли Дору и, затолкав ее внутрь, захлопнули люк.

— У нас есть еще немного времени, — с надеждой сказала Такья. — Если, конечно, Ворон не подведет. Преследователям предстоит еще взобраться на остров и отыскать нас, а при таком освещении они так же слепы, как и мы.

Внутри истребителя что-то клацнуло, и послышалось громкое низкое гудение. Ориентируясь на эти звуки, разъяренная толпа уверенно устремила прямо к пиратам.

Такья протянула свой ранец Хан Ли.

— Теперь твоя очередь. Возьми кольцо. Я пойду последней.

— Нет! Кольцо твое! Ты придумала этот план!

— Никаких возражений! Мне надо было отдать его еще Доре! Кольцо обязано быть на «Громе»! Сейчас только это и важно!

Казалось, прошла вечность, прежде чем люк снова открылся. Помедлив мгновение, Хан Ли схватила ранец и прыгнула внутрь. Воинственные крики раздавались уже совсем близко. Слишком близко! Стало темнее, и зрение Такьи начало проясняться. Она уже отчетливо могла их рассмотреть. Через пару минут толпа достигнет ее, а люк откроется гораздо позже.

Такья приготовила пару бомб и постаралась занять наиболее устойчивое положение.

Третий истребитель пришел ей на выручку и открыл огонь по толпе, но это было все равно что палить из пушки по комарам: его орудия предназначались для поражения космических кораблей, а не людей. Однако его атака позволила Такье выиграть драгоценные секунды.

Отброшенная взрывной волной к истребителю, она едва успела увернуться от открывшегося люка. От сотрясения у нее кружилась голова, но она собрала волю в кулак и буквально впихнула себя на платформу трансмьютера. Люк закрылся, раздался щелчок, на мгновение у нее помутилось в глазах — и крики толпы и грохот орудий истребителя пропали.

Как только Такья оказалась на «Молнии», Ворон включил систему ликвидации и повел корабль прочь от Алитити. Поверхность планеты озарилась яркими вспышками: это взорвались все три истребителя и оставшееся оборудование. Теперь алититианам на несколько поколений хватит тем для новых легенд.

— Как ты смел ступить на священный остров? — осведомился начальник охраны. — Ни твой чин, ни твой статус не позволяют тебе этого.

— Не волнуйтесь так, капитан, — кротчайшим голосом ответил ему Савафунг. — Лучше пошлите своих людей в город — и они услышат крики, подтверждающие мои слова. Храм осквернен, многие жрецы убиты, а другие неподвижны как трупы. Похищен медальон Верховного жреца, и некому руководить Людьми. Я послан к воротам святилища воззвать к богам и просить помощи у жрецов, которые находятся внутри. Пропустите меня, капитан. Я не собираюсь входить в святилище, я буду молиться только у ворот!

Капитан кивнул одному из своих людей. Тот спустился к берегу и вскоре вернулся обратно.

— Он сказал правду, — доложил солдат. — Поистине, многие кажутся одержимы дьяволом. Говорят, среди Людей пылает дьявольский огонь, и многие погибли.

— Хорошо, — буркнул капитан, — до Великих Охранников у ворот, и ни шагу дальше — или я прикажу поджарить тебя живьем.

— Благодарю вас, добрейший сэр, — ответил Савафунг и пополз по дороге со всей доступной ему быстротой.

Все было так, как говорила Такья: две новые блестящие статуи добавились к тем, что уже стояли у входа в святилище. С первого взгляда было ясно, что эти идолы вполне могут быть Валами. Попристальнее к ним присмотревшись, Савафунг пришел к выводу, что так оно и есть.

— Валы, послушайте меня, — сказал он на «Маурог», стараясь придать своему голосу побольше уверенности. — Я — Фернандо Савафунг, принадлежавший ранее к пиратам «Грома». Я пришел сообщить вам, что мои бывшие товарищи украли ваше замечательное кольцо из-под самых ваших глубокоуважаемых носов. Но я признаю свои заблуждения и решил сдать-ся на суд ваших милостей. Я хочу, чтобы вы взяли меня под свое покровительство.

Он замолчал, охваченный страхом, что Такья ошиблась, что это всего лишь новые идолы, и, значит, он опять проиграл.

Вдруг одна из статуй слегка повернула голову в его сторону и спросила:

— А почему мы должны принять на веру твои слова, вместо того чтобы использовать ментопринтер?

Под взглядом Вала любой бы смутился, но старый хитрец всегда отменно владел собой и никогда не терял самообладания.

— Вы получите лишь те факты, которые мне известны, но сам я представляю гораздо большую ценность, потому что я много лет провел с этими людьми и знаю, как они думают и что будут делать потом. Вы тратите уйму времени на изучение того, что мне не составляет никакого труда предсказать. Например, вам не стоит думать, что вы проиграли лишь эту битву. Вас одурачили уже не впервые. Много лет назад мы украли кольцо с Матрайха и заменили его фальшивкой. Кстати, и ваша богиня-Вал — тоже подделка. Таким образом, у пиратов есть уже четыре кольца, а пятое находится на Земле. Его владелец скорее всего знает, где использовать кольца. А Козодой, вероятно, известный вам, знает, как это сделать. Если вы не хотите, чтобы вашими хозяевами стали пираты, вам имеет смысл сотрудничать со мной, и желательно сделать это как можно быстрее.

И опять — легкое колебание, а потом один из идолов проговорил:

— Ты нас убедил. Я свяжусь с кораблем и передам сигнал тревоги. Мы просканировали твой мозг и не обнаружили подозрительных мыслей, но с этого момента ты находишься под арестом и не рассчитывай на снисхождение. Мы доставим тебя к бригадиру Чи, как только вызовем сюда корабль.

Савафунг откинулся на хвост и изобразил алити-тианский эквивалент очаровательной улыбки. Сделка обещала оказаться удачной.

8. В СЕДЬМОМ КРУТЕ АДА

Я извлек эту штуку из медальона, — сообщил Клейбен. — Мне не хотелось использовать трансмьютер или химические реактивы из опасения повредить кольцо, так что пришлось прибегнуть к своего рода микрохирургии. Оно было вделано очень плотно.

Козодой внимательно посмотрел на кольцо:

— И оно настоящее, не так ли? Я хочу сказать — не подделка?

— По-моему, нет. Медальону по меньшей мере четыре века, и он все время передавался от одного жреца к другому, всякий раз с соответствующими церемониями. Рисунок в точности такой, как мы ожидали увидеть. Та же неизменная вставка из искусственного жадента. Конечно, нельзя с уверенностью сказать, что нас не пытались надуть, но я сомневаюсь.

— Мне просто кажется, что оно слишком уж легко нам досталось, — покачал головой Козодой.

— Не так уж и легко. Не забывай, что этой планеты на картах нет, и мы могли вообще ее не найти. Обитатели Алитити живут под водой и враждебно относятся ко всем чужакам. Почти до последнего момента мы не были уверены, что попали туда, куда нужно, а обнаружили местонахождение кольца чисто случайно. Главная Система полагала, что мы никогда не увидим алититиан — учитывая, как мало времени они проводят на суше. А если бы и встретили — гип-

нокастеры моментально вывели бы нас из игры. Слава Богу, мы о них догадались. Нет, наша операция кажется легкой только теперь, после ее завершения. Конечно, она была далеко не самой трудной, но отнюдь и не самой легкой.

Козодой рассеянно кивнул и подошел к маленькому чемоданчику, в котором хранились все четыре кольца. Он сам очень удивился тому, что, взглянув на них, не почувствовал никаких эмоций. Раньше он был совершенно уверен, что будет ликовать, глядя на них. Они совершили поистине невозможное, и тот факт, что за их спиной стоял неведомый враг, хозяин Нейджи, не слишком нарушал чистоту эксперимента. Этот неизвестный союзник иногда помогал им уравнивать шансы, но не более того. Очевидно, что без таких профессионалов, как Хань, сестры Чо или Клейбен, пираты не имели бы ни малейшего шанса на успех. Но шанс у них был. Шанс — и более ничего.

Вошел Ворон с неизменной сигарой в зубах и встал рядом, тоже глядя на кольца.

— Черт, мы сделали это, — сказал он, покачивая головой. — До сих пор не могу поверить, но мы сделали это.

— Нет, Ворон, мы еще ни черта не сделали, — возразил Козодой. — Главная Система по-прежнему управляет человечеством, и мы до сих пор — всего лишь пираты. Все так же, как раньше.

— Да, но теперь у нас есть все кольца.

Козодой слабо улыбнулся:

— В самом деле? Я вижу только четыре. Самое главное еще впереди. Ответь-ка мне, Ворон, куда же мы собираемся отправляться теперь?

— Что? На Землю, конечно. Домой. Туда, где нас ждет пятое кольцо.

— Ну что ж, отлично. Итак, мы направляемся домой. Ты думаешь, Главная Система и Чи об этом не догадываются? Неужели ты считаешь, что Ласло Чен,

если он до сих пор жив, еще об этом не знает? Если ты помнишь, весь этот план придумал Чен, а Нейджи сделал возможным его выполнение. Четыре кольца, Ворон... А пятое — у Чена, и мы вынуждены принести свои кольца ему — и когда они окажутся у него, неужели он еще не придумал, куда их спрятать?

— Ты прав. Он старый сукин сын. Я восхищаюсь им, но он ничем не отличается от других администраторов, с которыми нам пришлось иметь дело. Кроме того, у него есть кольцо, и он, безусловно, захочет получить свою долю, если мы не придумаем, как стащить его у него. Но так же, как наши четыре кольца имеют весьма небольшую ценность без пятого, так и его кольцо никому не нужно без тех четырех, которые есть у нас.

— Допустим, что так, — сказал Козодой. — Предположим, мы заключили с ним сделку, и в нашем распоряжении все пять колец. У меня есть замечательная идея, как их применить, но ни малейшего понятия, где это сделать. Где находится Главная Система, Ворон? Где тот таинственный интерфейс, куда нужно их вставить? Даже Валы, я думаю, этого не знают — они управляются дистанционно. С помощью энергетических лучей. Она может отдавать приказы из любой точки Галактики. В ее распоряжении было девятьсот с лишним лет, чтобы основательно спрятаться.

— Не будь пессимистом, дружище. Я не думаю, что все обстоит так плохо. Есть одна вещь, Козодой, которую я не могу себе представить. Я не могу вообразить, чтобы Чен или кто-то еще затеял это, зная, что мы не сумеем поймать радугу за хвост. Мой старый нос чует, что Главная Система ни разу не сдвигалась со своего места. В те дни суперкомпьютеры были очень большими, Козодой. Главная Система не решилась бы перемещаться. Это совершенно невероятно.

Козодой откинул голову и взглянул прямо в глаза Ворону:

— О Господи! Ворон! Если ты прав, то Чен уже знает, где она находится. Да и не только Чен. Ты был полевым агентом. Какова была твоя территория?

Ворон пожал плечами:

— В основном север и центр. Кроу, сиу, черноногие, шайены... А почему ты спрашиваешь?

— Шайены... — Козодой шумно перевел дух. — Ну конечно! Много лет я штудировал документы в надежде получить хоть какие-то сведения... — Он вздохнул. — Хорошо. Пойдем разыскивать это последнее проклятое кольцо!

Она была воплощением женской красоты и излучала неяркое зеленое сияние. Каждый, кто хоть раз видел ее, поклонялся ей и исполнял все приказы Дочери-Земли, Богини Матрайха, живого доказательства совершенства природы.

Она — не настоящий человек, но в ней много человеческого, хотя в прежней богине оно полностью отсутствовало. Та была Валом в обличье человека, эта — наоборот. Великолепная подделка, грандиозная фальсификация.

Компьютер подал сигнал, что кто-то вошел в вагон подземки. Это ей не понравилось: в последний раз этот сигнал означал визит двух чрезвычайно неприятных полковников в форме МСС и двух Валов. Ей понадобилась вся ее способность к самоконтролю, уравновешенность и решительность, чтобы не выдать себя. Но сейчас датчики не зарегистрировали появления космических кораблей ни на планете, ни в близлежащем пространстве. Быть может, это ее прежние друзья?

Она была бы очень рада встретиться с ними. Решив остаться на Матрайхе, Икира думала, что это будет осуществление ее мечты. Как она ошиблась! Правда, с ее помощью местное общество стало развиваться, правда,

очень медленно, но роль богини, почти всемогущей, требовала отказа от человечности. Она, Икира, не могла стать машиной, чьи функции собиралась выполнять, она оставалась человеческим существом, заключенным в искусственную оболочку, и невероятное чувство одиночества, о котором она раньше и не подозревала, постепенно овладевало ею. Но сейчас уже слишком поздно сожалеть об этом.

Она пошла обратно на станцию, одолеваемая скорее любопытством, чем опасениями. Она, напротив, была рада всему, что нарушало однообразное течение ее жизни. Несмотря на угрозу, которую представляли собой Валы и представители МСС, их визит принес ей огромное облегчение. Спускаясь, Икира перебирала в уме различные варианты, кто бы мог посетить ее на сей раз, однако такого гостя она не могла себе даже вообразить. Завидев издали темный силуэт, она замерла, потрясенная.

— Я бы посоветовал тебе бежать паковать вещички, но тебе нечего упаковывать, — небрежно бросил Арнольд Нейджи, и голос его эхом отразился от стен станции.

— Но... Ты же мертв! — возразила она, отказываясь верить в происходящее. — Твой труп был выброшен в космос!

Нейджи пожал плечами:

— Ты тоже мертва, не так ли? По крайней мере богиня уже давно умерла. Должен сказать тебе, что они подобрали тебе адову работенку.

Икира медленно подошла к нему.

— А что для тебя ад, Нейджи?

Он ухмыльнулся:

— Неужели не догадываешься? Впрочем, давай поторапливайся: Главная Система уже знает, что и ты, и кольцо фальшивки. МСС на пути сюда и могут оказаться здесь с минуты на минуту. Честно говоря, я даже понятия не имею, хватит ли у нас времени смыться.

Ты уволена, девочка. Или ты собираешься оставаться здесь до конца игры?

Она заколебалась:

— Откуда я знаю, что тебе можно доверять? Твоя смерть и твое появление здесь — все это весьма подозрительно.

— Ты умна, — ответил Нейджи. — Вспомни, что ты знаешь, и рассчитай остальное. Мы идем?

— Чтобы помочь им?

— Я не имею права. Это против правил. Поэтому мне и пришлось умереть. Ты, возможно, поможешь им, если будет необходимо. Но оставаться здесь тебе нельзя. Это совершенно точно. — Послышался шум, и он обернулся: — А вот как раз и наш поезд! Ну что, ты идешь?

Она нерешительно кивнула:

— Да. Но как же Вурдаль? И местное общество?

— Все будет в порядке. А что до Вурдаль... Последняя, кого бы я хотел видеть хозяйкой Главной Системы, — это наша Манка. Прошу вас, моя дорогая.

Бригадир Чи отвернулась от компьютера и вздохнула:

— Итак, у них есть четыре кольца, но, как я понимаю, им от этого радости мало, потому что пятое кольцо находится на Земле. Это так?

Фернандо Савафунг сидел в персональном резервуаре. Над водой выступали лишь его голова и плечи. В ответ на вопрос Чи он утвердительно кивнул:

— Совершенно верно. Держу пари, Главная Система уже собирает войска для обороны Земли. Сеньорита Чи, вам известно о кольцах решительно все, и боюсь, вам больше нет смысла оставаться на побегушках у Главной Системы, пора начать работать на себя.

Она вспыхнула:

— Я всю жизнь посвятила защите Системы.

— Все мы в свое время этим занимались, и ваш покорный слуга в том числе. Но самый действенный

метод в этом смысле — это смертный приговор, а вы уже нарушили собственный приказ, сохранив мне жизнь, не так ли?

На это Чи нечего было возразить. Действительно, ведомая любопытством, она вместо того, чтобы отдать Савафунга Валам, оставила его при себе и не подвергла ментосканированию, хотя прекрасно отдавала себе отчет в том, что это может ее погубить.

— Каждый боец МСС всегда готов отдать жизнь за сохранение существующего порядка, — гордо сказала она.

— Звучит благородно, но непрактично. Более того, неразумно и претенциозно. Пираты зашли уже слишком далеко, и неужели вы полагаете, что они испугаются эскадры, какой бы большой она ни была? Кроме того, таинственный враг, стоящий за ними, вряд ли позволит им выйти из игры. Вы дважды недооценили их — умоляю, не повторяйте этой ошибки! Даже собирая мощный флот, Главная Система исходит из предпосылки, что имеет дело с дьяволом. Но на «Громе» одни люди, уверяю вас. Просто основная программа дает им право попытаться использовать кольца. Именно поэтому Валы порой нерешительны, а Главная Система всегда оставляет пиратам возможность ускользнуть — хотя бы и призрачную. Провозглашая охоту за ними, она на самом деле гарантирует им безопасность. Не будьте слепы, сеньорита Чи! Один только факт наличия у них колец дает им колоссальное преимущество. Пусть пока они не знают, как обойти эскадру, но эта возможность заложена в программу, и от них требуется лишь отыскать ее. А как только все кольца соберутся вместе, я уверен, Главная Система прекратит их преследовать. Они не только будут в состоянии противостоять ей, но и вынуждены так поступить.

Она подняла голову и взглянула на уродливое лицо с необычными, глубоко посаженными глазами.

— Вынуждены?

Он кивнул:

— Я убежден, что Козодою, а возможно, и Чену, известна последовательность, в которой необходимо вставлять кольца. Таким образом, это уже не вопрос верности Системе, сеньорита Чи. Это проблема новых хозяев. С вашего позволения, эти так называемые пираты, Президиум или...

— Чего ты добиваешься, Савафунг? — перебила она, внимательно глядя на него.

— Разве вы — не человек? А я? И неужели важно, какой формы у меня тело? В ключевой программе об этом ничего не говорится. Люди, просто люди! Так действуйте, пока Главная Система занята! Действуйте, пока вы еще свободны и у вас есть власть!

— Действовать? Что ты имеешь в виду?

— Мы — вы и я — имеем такие же права на кольца, как и любой другой. И если вы так любите статус-кво, то просто обязаны ими владеть! А нам с вами доподлинно известно, где сейчас четыре кольца, не правда ли? Ведите нас к пятому! Впрочем, можете покорно сидеть здесь и ждать смерти, сеньорита Чи. Возможно, в вашу честь назовут какую-нибудь медаль. Правда, тогда вам уже не придется дожить до того знаменательного момента, когда вы увидите смерть своей драгоценной Главной Системы! Но все же вы — человек, а не Вал, и не пора ли вам уже перестать выполнять чужие приказания!

Чи была шокирована — однако искушение было велико.

— Твои аргументы весьма убедительны, — признала она наконец. — Но почему ты уверен, что я возьму тебя с собой?

Савафунг пожал плечами:

— Во-первых, потому, что я их знаю. Мои знания и ваш опыт — очень удачное сочетание. И, кроме того, мне известен ключ к интерфейсу. Когда я понял, что

Козодой его обнаружил, я порылся в данных, имеющих на борту «Грома», и нашел кое-что. Но и не помышляйте о том, чтобы извлечь из меня эти сведения с помощью ментопринтера. Любая попытка вмешаться в работу моего мозга вопреки моему желанию только убьет меня. Я могу быть лишь добровольным помощником. И я не представляю никакой угрозы. У меня рыбий хвост. Прямые солнечные лучи вредны для меня. В глубине океана я могу быть опасен даже для вас, водного жителя, потому что у меня есть жабры, но здесь? Здесь я полностью в вашей власти.

— Хорошо, — вздохнула Чи, поразмыслив над его словами. — Но все это необходимо тщательно обдумать. Риск слишком велик. Мы должны постараться не принимать участия в сражениях и держаться позади до тех пор, пока они не приведут нас к интерфейсу. И еще мы должны остерегаться этого таинственного врага, кем бы он ни был. Мне не нужно неприятных сюрпризов в последнюю минуту. Вот почему я сделаю это. Не ради моей жизни или твоей, а потому, что, если я этого не сделаю, мы будем открыты перед врагом. Я снимаю я себя административную ответственность и отдам соответствующие распоряжения. Не стоит тратить время на мелочи. На месте Козодоя я бы сейчас спешила к Земле в надежде, что эскадра еще не укомплектована.

Но Чи должна была признаться себе, что ею движет еще самолюбие и гордость. Уже дважды она позволила себе быть одураченной этими... людьми. Но эти потери — ничто по сравнению с тем, что ее ждет, если они добьются своего.

— Флот собирается, — сообщил Звездный Орел. Перед их прибытием он послал вперед зонд в надежде, что он передаст хоть какую-то информацию прежде, чем будет замечен и уничтожен. — Ни разу

не видел столько Валов и автоматизированных космических истребителей сразу. Они, без сомнения, ждут нас, и ни один из наших кораблей не сможет пройти незамеченным.

— Удивляюсь, почему они до сих пор не бросились за зондом, — заметила Мария Сантьяго.

— Ничего странного, — ответил капитан Бен Суда. — Он маленький и не слишком заметен, а у них до сих пор нет хорошей защиты. Впрочем, возможно, что они его видят, но предпочитают игнорировать.

Козодой нахмурился:

— Как это?

— Они жаждут сражения. Все, что они делали до сих пор, — это попытка спровоцировать Джанипурскую битву, только на более выгодных для них условиях. Думаю, нам удалось зайти так далеко отчасти потому, что, в сущности, Главная Система — это компьютер, владеющий лишь оборонной стратегией. Большие битвы и развернутые военные действия — это ее наиболее сильное место, самая лучшая для нее ситуация. Если бы она разрушила наш зонд или продемонстрировала мощь эскадры, мы, возможно, могли бы отступить, и ей бы опять пришлось ввязаться в партизанскую войну, где она ничего не смыслит. Кстати, не лучше ли нам и впрямь поступить так, а потом искать какую-нибудь лазейку?

Козодой отрицательно покачал головой:

— С одной стороны, может, и лучше, но все-таки я сомневаюсь. Если дать время Главной Системе, она перепрячет последнее кольцо и свергнет Землю в каменный век, как и собиралась. Я не исключаю даже того, что она сделает попытку перенести куда-нибудь собственный интерфейс. Нет, нам необходимо проникнуть туда сейчас. Вопрос лишь в том, каковы наши шансы?

— Вероятность того, что биологическому или искусственному объекту удастся проникнуть в земную

атмосферу, практически равна нулю, — ответил Звездный Орел. — Кроме того, изначально Главная Система была создана для защиты именно Земли. Нет, единственно возможный для нас путь — это ее разгромить. И каждый день промедления — это дополнительная возможность для нее мобилизовать все силы, которые сейчас находятся на удаленных блок-постах.

— Может, напасть прямо сейчас, используя все имеющиеся у нас средства? — спросил Ворон. — У нас есть шанс?

— Практически никакого. Даже по сравнению с Джанипурской битвой у нас гораздо меньше людей и оружия, а наши силы должны быть хотя бы равны. Эскадра слишком большая.

При этих словах Хань подняла голову. Ее красота поблекла за эти годы, но ум оставался столь же острым, как и прежде.

— Большая! Конечно!

— Если у тебя появилась какая-нибудь идея, девочка, поделись ею с нами! — сказал Ворон.

— Этот зонд — всего лишь один из наших автоматических истребителей, специальным образом оборудованный. Пусть он покрутится вокруг Юпитера и доложит нам, что увидел.

— Даю указания, — ответил Звездный Орел.

Козодой посмотрел на Хань:

— Юпитер? Уж не думаешь ли ты...

— Они все еще там, Хань, — сказал компьютер. — И должен сказать, отлично сохранились. Изменения минимальные.

— Отзови зонд, — приказала она. — Он нам потребуется. Если они не сбили его сразу, значит, уже не сойдут. А увидев его возле Юпитера, они могут догадаться о наших намерениях.

— Отзываю зонд, — ответил компьютер и добавил: — Да, это может сработать. Попытка нам практически ничего не стоит.

Козодой удивленно покачал головой:

— И как ты себе представляешь активизировать этих левиафанов? С помощью одного автоматического истребителя, который может нести на борту не более двух человек в скафандрах?

— Главная Система тоже так думает, — ответила Хань. — Именно поэтому я считаю, что она пропустит наш истребитель. Она уверена, что нам не удастся даже отключить систему защиты.

— Интересная мысль, — вставил Клейбен. — Но ведь они лишены командных модулей в отличие от «Грома», которым управляет Звездный Орел.

— Значит, надо их сделать, — отрезала Хань. — Звездный Орел отлично знает свое устройство, а корабли все одинаковы.

— Но мы не можем продублировать Звездного Орла, не вынимая его из центра управления, — возразил Клейбен. — А это значит искалечить «Гром» и вывести из строя все системы жизнеобеспечения. Малейшая ошибка — и мы погубим не только корабль, но и Звездного Орла.

— Я готов рискнуть, — сказал компьютерный пилот. — Вы, люди, рисковали гораздо больше.

— Нет! Это ни к чему! — ответила ему Хань. — И к тому же это будет слишком долго. Все, что нам нужно, — это простейший компьютер. Не сложнейшая система, подобная Звездному Орлу, и не два десятка компьютерных пилотов — всего лишь набор базовых программ, способных заставить корабль выполнять команды, передаваемые с «Грома». Дистанционное управление — вот что это будет.

Брови Клейбена поползли вверх.

— Вот как? Но даже если мы их сделаем, то как доставим на корабли? И потом, система безопасности сразу же возьмет их под контроль.

Капитан бен Суда задумчиво посмотрел на него:

— А если ими будет управлять живое существо? — Он помолчал. — Маккикор, например, способен оставаться в глубоком вакууме почти три часа, и он прекрасный судовой инженер.

— Ты думаешь, он на это пойдет? — спросил заинтересовавшийся Козодой.

— Думаю, да. Дело в том, что его соплеменники и его планета пострадали от Главной Системы гораздо сильнее, чем мы. И потом, что ни говори, а именно наши предки сконструировали этого монстра, а его народ лишь имел несчастье оказаться на пути у Главной Системы. Мне кажется, он почтет за честь не только выполнить задание, но и отдать жизнь за освобождение своего народа — от нас.

Ворон покачал головой:

— Нет-нет. Действительно, маккикор способен какое-то время находиться в вакууме и видеть даже в полной темноте, но это не значит, что он не испытывает потребности в свете и воздухе. Вопрос не в том, что он может задержать дыхание на три часа, а в том, что ему необходим воздух по меньшей мере на три часа работы. Кроме того, я сомневаюсь, что ему удастся взять на себя управление, даже если предоставить ему все основные программы. И еще: в двигателях кораблей не так уж много мурилия, а их придется использовать на полную мощность. Помните, что нам пришлось месяцами перестраивать и модифицировать «Гром», чтобы привести его к нынешнему состоянию. Трансмьютер, который просто обслуживает двигатели, мало подходит для наших целей.

Клейбен в задумчивости почесал подбородок:

— Интересно... И все же у нас еще достаточно сил, а врагу придется еще соображать, что мы хотим сделать, входя в прокол в такой близости от Юпитера. Если бы я принимал решение, то, пожалуй, принес бы в жертву ягненка хотя бы ради того, чтобы выяснить силы врага и степень его организации до того, как на-

чнется решающий бой. Если бы мы могли прорваться в Солнечную систему поблизости от Юпитера, но достаточно далеко, чтобы МСС не догадались, что мы задумали... А если бы удалось войти в прокол двумя кораблями, идущими бок о бок, то энергетический импульс мог быть зарегистрирован как единый. При правильном взаимодействии система защиты может просто не заметить ведомый корабль и сосредоточиться только на ведущем, которым будет беспилотный истребитель. А поскольку коды у нас уже имеются... Да, это вполне можно сделать.

— Как ты назвал того, кто полетит туда? — напомнила Мария Сантьяго. — Жертвенный агнец? Человек медлителен и непредсказуем. Сомневаюсь, чтобы ему удалось прорваться сквозь флот. Не говоря уже о том, что мы потеряем корабль, ты просишь кого-то совершить самоубийство.

Козодой вздохнул:

— Есть ли какой-нибудь более разумный способ это сделать, доктор? Неужели ваша технологическая магия не может помочь нам проникнуть туда по-другому?

— То, что я предлагаю, — наиболее оптимальный вариант, но неизвестных факторов действительно много, — ответил Клейбен. — Звездный Орел, что скажешь ты?

— Рискованно, но выполнимо, — ответил компьютер. — От меня в такой ситуации пользы мало — все компьютерные пилоты устроены одинаково, а это значит, что, хотя я могу безошибочно предугадать их реакцию, с такой же легкостью они могут рассчитать и мою. Именно по этой причине в состав флота входят Валы — ведь они несут в себе человеческие свойства, хотя бы отчасти. Нет, соединение корабельного компьютера с непредсказуемостью человека — это действительно наиболее подходящий способ, тут я согласен с доктором Клейбеном.

Козодой задумался.

— Итак, вы предлагаете завершить наш спектакль самоубийственной игрой, в результате чего мы почти наверняка потеряем два корабля. И вы считаете, я могу сообщить об этом экипажу?

— И все-таки что-то в этом есть, — ответил Звездный Орел. — Базовая программа требует от Главной Системы оставить нам хотя бы исчезающе малый шанс, и по-моему, это он и есть. Люди обладают абсолютным правом найти кольца и использовать их, а значит, Главная Система должна оставлять лазейку, с ее ресурсами вообще не подпустить нас к Земле — детская игра, но все же мы здесь. А зондирование, которое произвел беспилотный истребитель, показывает, что коды доступа к колонизационным кораблям не менялись с тех пор, как мы украли «Гром». Мы их знаем и можем свободно подобраться к транспортам.

Козодой вздохнул:

— Без сомнения, эту маленькую деталь Система не могла упустить из виду. Я раньше не думал о ее внутренних императивах в терминах подсознательного мышления, но аналогия довольно точная.

Он остановился на мгновение, словно внезапно ему пришла в голову какая-то новая мысль, и, покачив головой, как бы желая избавиться от этой мысли, пробормотал:

— Нет, этого не может быть.

— Чего не может быть? — спросила его Хань.

— Не обращай внимания. Просто глупая мыслишка, всплывшая из глубин моего собственного подсознания. Дело в том, что если все это правда, то единственный путь, оставшийся нам, требует того, о чем я никогда не просил и не имею права просить, даже воспользовавшись своим положением командира.

— Да, черт побери, — вдруг сказал Ворон. — Я полечу к этой вашей проклятой цели.

Все как по команде повернулись к нему. Ворон, слегка смущенный всеобщим вниманием, пожал плечами и пояснил:

— Спросите у Козодоя. Наши с ним соплеменники имеют дьявольскую привычку атаковать железных коней, вооружившись луками, и считать, что способны остановить миллионы бледнолицых, отразив парочку кавалерийских атак. Конечно, это не так, но разве не счастливы были мои предки, врываясь с устрашающими криками и гиканьем в города и форты. Они понимали, что, пока все ошарашенно прячется на них, несколько умных храбрецов могут здорово подпалить хвост Большому Белому отцу.

— Ты не обязан этого делать, — серьезно сказал ему Козодой. — Тебе нечего искупать. С нашей точки зрения, твоя совесть чиста и честь не запятнана.

— Ваша точка зрения здесь ни при чем, командир, — ответил Ворон. — Хотя я не имею ничего против вашей системы ценностей. И никогда не имел, как ты знаешь. Знаешь, я не могу даже подумать, чего бы мне действительно захотелось больше, чем это. Хватит быть пешкой, скрываться и смолить половинки сигар. Видит Бог, это — то, для чего я родился. Один одинокий кроу против целого табуна отборнейших железных коней! О таком его предки не могли и помыслить! И на этот раз у нас действительно есть шанс победить! Но мне нужно самое надежное оружие, самые лучшие программы, самая большая скорость!

— «Молния» подходит по всем параметрам, но ее использовать нельзя, — заметил Клейбен. — Корабль должен быть небольшой, маневренный и незаметный. Беспилотный истребитель тоже неплох, но системы воздухообмена и другие необходимые вещи в нем просто не поместятся. Он слишком мал.

Ворон нахмурился:

— Я уже все просчитал, док. «Каотан» хорош, но, на мой вкус, тяжеловат. Он как глубокая ржавая же-

лезная корзина, набитая булыжниками. Пожалуйста, без обид, Али и Чан, но «Бахакатан» и «Чунхофан» — отличные суда, с прекрасными возможностями, но это всего лишь космические истребители. Есть единственный корабль, который отвечает всем моим требованиям, и надо же такому случиться, что как раз сейчас у него нет капитана. Он быстрый, хорошо вооруженный и великолепно знаком мне. Остается только подобрать команду. С «Эспириту Лусон» у меня все пройдет как по маслу.

В добровольцах не было недостатка, но Козодой отказался прямо сейчас принимать решение.

— Спешки нет, а нам нужно выбрать самую подходящую кандидатуру, — сказал он. — Вы, капитан бен Суда, спросите вашего инженера маккикора, не хочет ли он принять участие в этой миссии. От его ответа будут зависеть дальнейшие наши планы.

Маккикор — невероятное гибкое создание, огромное и очень грозное на вид — чем-то напоминал рака, у которого вместо ног — щупальца. Клейкое вещество, выделяемое ими, позволяет маккикору передвигаться практически по любой поверхности. Его фиолетовый экзоскелет обладает способностью складываться и изгибаться в любом направлении, подобно резине, но в то же время может становиться жестким и сохранять нужную форму столько, сколько потребуется.

Голова, на которой невозможно даже вообразить лицо, снабжена восемью очень длинными щупальцами, покрытыми тысячью крохотных подушкообразных отростков, сгруппированных вокруг круглого рта, больше смахивающего на полость какого-то гигантского червяка, а глаза, расположенные по обеим сторонам головы, торчат из нее, как шишки. Каждый глаз может вращаться независимо от другого почти в любом направлении. Радужные оболочки у макки-

кора черного цвета, а желтые зрачки похожи на буквы V. Едва взглянув на него, всякий с уверенностью скажет, что это не порождение Главной Системы, а продукт эволюционного пути, весьма далекого от земного. Большинство землян и даже колонистов воспринимают его как зверя, но раса маккикоров достигла очень высокого технологического и интеллектуального уровня развития.

История его народа тоже была достаточно жестокой, но соплеменники Дебо — таково было собственное имя инженера, — по-видимому, оказались умнее людей, ибо в свое время отказались от мысли создать свой аналог Главной Системы. Столкнувшись с ней, они быстро сообразили, что этот чужой компьютер непобедим, и приняли новое общественное устройство, понимая, что единственная альтернатива ему — геноцид.

Маккикоры говорят на языке, который люди в принципе не способны понять, поэтому Дебо имплантирован небольшой передатчик, управляемый с помощью электрохимических реакций самого организма. Имплантант передает слова маккикора на другое устройство, которое, в свою очередь, переводит их. Этот, все еще недостаточно совершенный, прибор был все же гораздо лучше того устройства, которое Дебо использовал, когда только-только присоединился к экипажу «Грома».

— Как поступят новые повелители с моим народом? — спросил он в ответ на предложение, сделанное командиром.

— Никак, — ответил Козодой, испытывая чувство огромной благодарности и признательности Али бен Суде за то, что тот был рядом во время этих переговоров. — Мы освободители, а не поработители.

Маккикор оказался не слишком доверчив.

— Почти все поработители начинали как освободители, — заметил он. — Это случалось и в нашей,

и в вашей истории. Большая власть — огромное искушение, и человеческая история — это история геноцида. Боюсь, что, даже если мы обретем свободу и выйдем в открытый космос, как пытались наши предки, мы увидим, что новое человечество делает то же, что и старое.

— Здесь нет никаких гарантий, — признал Козодой. — Что касается будущего, то я вправе говорить только о себе. Но есть ли у нас выбор? Наши народы задушены, наше развитие замедляется насильно, и с этим необходимо покончить. Что произойдет, когда это существующее равновесие нарушится, я не могу сказать. На карту поставлено неприемлемое настоящее против неизвестного будущего, а боюсь, что будущее нашему народу выпадет именно то, которого я опасюсь. Но все-таки я надеюсь на лучшее. Система, которую мы имеем сейчас, неверна в принципе. Нам очень повезло в том, что представитель вашей расы сейчас среди нас. Мы пошли на риск и нанесли удар. Для меня этого уже достаточно. Этого трудно было ожидать и невозможно забыть.

Маккикор задумался. В свое время он примкнул к бен Суде, а почему — никто не мог понять. Однако он был лоялен по отношению ко всем людям и к тому же проявил себя отличным инженером — «Бахакатан» по праву считался самым быстрым и маневренным кораблем во всем флоте пиратов. Он пришел на «Гром» вслед за своим капитаном и все эти годы трудился не только для своего экипажа, но и для других.

— Я стар, — наконец сказал маккикор. — Я стар и устал. Я сделаю то, что вы просите, не потому, что верю в лучшее будущее. И не для того, чтобы прославить свой или ваш народ. Я сделаю это, потому что хочу умереть среди своих соплеменников. Я сделаю это, потому что между двумя эпохами — той, когда умирает старый мир, и той, когда рождается новый,

пройдет больше времени, чем мне отпущено, и наверняка больше, чем займет у меня дорога домой.

— У каждого из нас свои мотивы, — ответил Козодой. — Я не спрашиваю о причинах, меня интересуют лишь следствия.

— Эти корабли. Ты сказал, что они находятся на расстоянии тысячи километров.

— Да. Но, конечно, это весьма приблизительно.

— Слишком далеко для реактивного броска, а энергетическая мощность должна быть минимальной, иначе нас заметят и атакуют. «Молния» — хороший корабль, но мы не можем рисковать, производя прокол за проколом, даже очень короткие. Мы подготовили истребитель с самыми мощными двигателями, но это займет какое-то время. Туда, затем обратно, к каждому кораблю и в конце концов к «Молнии», которая будет находиться в относительной неподвижности в центре флотилии. Хорошо. Но нам предстоит большая работа.

Ворон тоже работал не покладая рук. Приняв решение, кроу радикально изменился. Казалось, это стал совершенно другой человек. Правда, теперь он выкуривал гораздо больше сигар, а его запасы марочных вин и хороших ликеров значительно пополнились за счет запасов, оставшихся после Савафунга. Ремонтные работы трудились над переоборудованием «Эспириту Лусона». Силуэт корабля стал более вытянутым, а масса уменьшилась. Ворон установил самые мощные защитные поля и добавил дополнительное вооружение. Козодой одобрительно отнесся к результатам его работы.

— Твои старания заставляют усомниться в том, что ты собираешься расстаться с жизнью, — заметил он. — Постарайся оставить кого-нибудь из них и для нас.

Ворон усмехнулся:

— Да ладно, вождь, на всех хватит с избытком. Не стоит об этом и говорить. Это, конечно, отчаянный рейд, но все же не самоубийство. Разумеется, я соби-

раюсь снять сливки, но не стану облегчать жизнь другим. У меня будет возможность с толком потратить время и спасти свою шкуру, я так и сделаю. От нас ждут каких-то действий, но можно надеяться, что ждут грандиозной атаки, а не того, что мы в действительности затеяли. Поэтому я рассчитываю, что меня воспримут не слишком серьезно и тем самым дадут небольшой, совсем крохотный шанс уцелеть. И поскольку я считаю, что он есть, я не собираюсь его упускать.

Козодой кивнул и спросил:

— Когда ты будешь готов?

— Будь на то моя воля — никогда. Но поскольку выбора нет, то дня через три, может быть, через четыре. Как дела у маккиора и «Молнии»?

— Они уже готовы. Программы созданы и протестированы. Они могут управлять системами корабля, производя наступательные и оборонительные действия. А ты уже решил, что будешь делать с рабами Савафунга?

— Понятия не имею, — пожал плечами Ворон. — Красивые тела и пустые головы. У них нет будущего, и ты это прекрасно знаешь. Но пожалуй, я оставлю их у себя на борту. Можно одновременно быть и эстетом, и благородным человеком.

— В этом принципе мне видится что-то грязное. У них не хватает ума даже сделать свой собственный выбор или хотя бы задуматься о возможности гибели. Я с радостью перевел бы их на «Гром», но здесь они бесполезны, а отдавать их кому-то еще — не хочется. Это развратит экипаж. Ладно. Забирай их. Пусть это будет на моей совести.

Ворон ухмыльнулся:

— Тебе придется слишком дорого расплачиваться за свою совесть, вождь. Нельзя же нести на своих плечах вину всей Вселенной. Так запросто можно нажать себе инфаркт и сдохнуть еще до того, как сможешь увидеть кольца в действии.

Козодой припомнил беседу с маккикором. «Если бы не Танцующая в Облаках и дети, — подумал он, — то в подобных обстоятельствах сердечный приступ был бы, пожалуй, лучшим выходом для меня». А вслух он сказал:

— С каждым днем эскадра МСС пополняется одним или несколькими кораблями. Они копят силы, и окно становится все меньше и меньше, Ворон. Четыре дня и не больше. Ровно четыре дня, начиная с этого момента. — Он помолчал. — Ты еще можешь отказаться, как тебе известно.

Кроу покачал головой:

— Я не откажусь от этой идеи даже ради всех пяти колец и самой Главной Системы в придачу. Я буду готов в срок. Ты только удостоверься в том, что «Молния» находится в нужном месте и выполняет нужные функции. Кстати, ты уже решил, кто полетит на ней?

— Мы провели пробные запуски с «Каотаном» и продумали все кандидатуры. Очевидно, на борту должно быть два человека. В данном случае Мария и Миди — лучшие кандидаты, но я предпочел бы, чтобы они были со мной на Земле, на случай, если придется прорываться, и не хочу в случае чего растить матрайхианских детей сиротами. Приспособить корабль для алититиан — слишком сложно. То же самое касается сестер Чо. Я собираюсь послать Али бен Суду, потому что он знает Маккикора лучше любого другого, и Чун Во Хара. Это отличные парни, и они готовы быть с нами до конца.

— Что ж, меня это вполне устраивает, — ответил Ворон. — Давайте наконец отправляться, пока я не помер от этой проклятой роскоши.

Четыре дня пролетели быстро.

Ворон предупредил всех, что ненавидит прощания, но Козодой и Танцующая в Облаках пришли навестить его перед самым отлетом. Внешний вид Ворона их поразил: кроу был в набедренной повязке

и кожаных мокасинах и в боевой раскраске. Свои длинные волосы он заплет в косички и стал очень похож на молодого воина.

— Так одеваются люди, живущие в теплом климате, — заметил Козодой. — Любой кроу, одетый, как ты, моментально замерз бы.

Ворон засмеялся:

— У меня на родине, вождь, лето очень жаркое. Я всегда считал себя рационалистом, командир, и думал, что, когда человек уходит, он гаснет, как свеча. Но среди своих соплеменников я порой испытывал совершенно противоположные чувства. Там, на северных холмах, когда горят костры и раздаются песнопения, ты иногда чувствуешь, что стоит лишь захотеть — и сможешь достать звезду с неба и принести ее с собой домой. Вот в этом и заключается то, ради чего стоит жить.

Танцующая в Облаках улыбнулась:

— Если ты способен такое почувствовать, значит, сердце твое знает, что в этом есть некая магия, — сказала она нежно. — Мы прошли вместе долгий путь. Разве нет?

Ворон внезапно стал очень серьезным:

— Да, долгий путь.

— Призраки не только твоих, но и всех наших предков возвращаются к началу времен и отправляются с тобой, Ворон, — промолвила она. — За минувшие годы я много узнала. Это наказание — быть женой историка. Наш народ покорен, его земли отняты, буйволы убиты, и кажется, что каждое утро солнце обагряется их кровью. Но мы выжили. Мы настоящие люди. По сравнению с другими нас так мало. Нас гораздо меньше, чем я себе представляла, но мы еще здесь, и ныне жребий опять пал на нас. Мы так много страдали и прошли наш путь до конца. Будь мужественным, Ворон, и мы никогда не умрем.

Она подошла к нему и поцеловала. Ворон был тронут до глубины души. Козодой боялся, что Танцующая в Облаках не выдержит и расплачется, но ее глаза оставались сухими. О глазах Ворона этого сказать было нельзя. Да и сам Козодой с трудом удерживался от слез. Он обнял Ворона и долго не разжимал объятий. Потом кроу молча повернулся и направился к кораблю. Козодой и Танцующая в Облаках смотрели ему вслед, пока крошечная фигурка не скрылась в огромном грузовом люке. Затем они повернулись и пошли обратно.

— Не плачь о нем, муж мой, — сказала Танцующая в Облаках. — Лишь очень немногим выпадает удача влиять на события. Лишь очень немногим удастся пережить момент истины. Ворон сам говорил об этом. Он прожил всю жизнь ради этих нескольких часов. Сейчас не время печалиться, а время радоваться. Когда мы впервые встретили Ворона, он был нашим врагом и жил с потерянной душой. Теперь он обрел ее вновь.

Роковой час приближался. Хотя Главная Система могла неосознанно оставить им эту единственную лазейку, но, если они допустят ошибку, МСС съедят их заживо.

Для успеха задачи корабли должны были войти в прокол, находясь при этом на расстоянии нескольких метров друг от друга. «Молния» почти упиралась в двигатель «Эспириту Лусон» и фиксировалась в этом положении транспортными лучами четырех специально оснащенных для этого истребителей. Компьютеры на борту «Эспириту Лусон» с помощью оригинальным образом разработанной системы связи управляли обоими кораблями, поддерживая пульсацию двигателей на постоянном уровне. Эта величина должна была оставаться одинаковой для них до самого прокола. В наиболее ответственный момент, за несколько наносекунд до того, как «Лусон» войдет в прокол, истребители отсо-

единятся, и связь прервется. С этого мгновения корабли начнут действовать самостоятельно.

— Прокол через тридцать секунд, — доложил Звездный Орел. На «Громе» все затаили дыхание. Казалось, прекратилась даже непрерывная циркуляция воздуха.

— Слышу чрезвычайно странные шумы на «Эспириту Лусон», — продолжил он.

— Включи воспроизводящие Системы, чтобы мы тоже послушали, — приказал Козодой.

Когда до них донеслись звуки, которые Звездный Орел транслировал через динамики, Козодой улыбнулся и взглянул на Танцующую в Облаках. Та улыбнулась ему в ответ. Звездный Орел не знал языка кроу, поэтому был так озадачен этими звуками, но двое хайкутов сразу поняли, что это такое.

— Из него бы вышел отличный шаман, — прокомментировал Козодой.

— Для кроу, — ответила Танцующая в Облаках. — Теперь молитесь, чтобы он не забыл, где находится, и приказал выпустить стрелы.

— Прокол! — сообщил Звездный Орел. — Отлично! На носу!

Контакт между кораблями прервался на двадцать минут, и на эти минуты притихли даже самые маленькие дети, словно тоже понимали, что совершается что-то очень важное. Козодой смотрел на поселок внутри «Грома» так, будто видел его впервые. Он жил в этом мире уже давно и был им доволен, а дети другого и не знали. И вдруг сейчас этот мир показался ему опустевшим и зыбким.

— Выход из прокола! — доложил Звездный Орел. — Отличное отделение! Мои мониторы легко обнаруживают его в астероидном поясе, и двойной трассы не видно. Ворон по-прежнему поет, но теперь ему аккомпанируют залпы пушек. Даже для меня невозможно отследить перемещения «Молнии» в этом

хаосе, но я знаю, что она здесь и куда направляется в данный момент. Ох! Ох!

— Что случилось? — встревожился Козодой.

— На внешнем периметре имеет место целая серия коротких прорывов. Четыре из них быстро настигают «Лусон». Ворон их видит. Хмм... Это чрезвычайно странно. Он уже не поет.

— Поют обычно перед битвой, а не во время ее, — напряженно сказал Козодой.

Нападающих ожидал некий сюрприз: «Лусон» по-прежнему внешне был очень похож на них, но мог развивать более высокую скорость и имел на борту больше вооружения, чем «Молния» даже после модификации. Истребители МСС ждали, что Ворон воспользуется короткими прорывами и попытается скрыться, но он и не подумал этого сделать. Вместо этого он произвел торпедный залп и, заложив широкий разворот, устремился прямо вниз, по направлению к основной эскадре. Этот маневр, совершенно безумный и лишенный всякой логики, смутил и вывел из строя компьютеры истребителей, а Ворон, выпустив ракеты, произвел короткий прорыв, а потом — залп из кормовых установок. Повергнутые в замешательство истребители открыли огонь, и на сравнительно небольшом пространстве оказалось очень много ракет. Снабженные боеголовками с мини-компьютерами, они начинали преследовать все корабли без исключения, даже свои. Те космические истребители, что находились ближе всего к полю битвы, вынуждены были резко менять курс и вскоре обнаружили, что уже несколько драгоценных секунд идут в совершенно противоположном направлении, удаляясь от Ворона. Между тем два из тех истребителей, которые первоначально прикрывали «Лусон», испытали очень сильный удар, и остальные ракеты, почуяв цель, устремились к уже поврежденным кораблям.

Ворон оставался в самом центре битвы и поэтому не мог не получить нескольких ударов. Но он стал совершать короткие проколы и вышел за пределы внешнего периметра, поврежденный и несколько обескураженный. И все же человек и машина одержали верх только над машинами. С «Лусона» вновь донеслись громкие крики, которые всеми, кроме Козодоя и Танцующей в Облаках, воспринимались как крики боли и стоны отчаяния.

Козодой подумал, что Ворон был прав. Он позабылся здесь больше, чем за всю предыдущую жизнь.

Внезапно он обратил внимание, что Танцующая в Облаках спокойно делает грубый набросок углем. Присмотревшись, он понял, что это — портрет Ворона, в набедренной повязке и полной боевой раскраске. На лице его застыло свирепое, едва ли не маниакальное выражение. Он сидел за пультом управления воображаемого корабля. Рисунок был выполнен в не совсем реалистической манере, но тот, кто некоторое время провел бы среди кроу, признал бы его классическим.

Согласно расчетам Звездного Орла, с вероятностью двадцать процентов или даже больше Ворон должен был быть выведен из строя в первом же бою, и почти сто процентов — в следующем, но тем не менее через три часа после первой стычки «Лусон», хотя и поврежденный, все еще продолжал перемещаться, используя короткие проколы, и добрался почти до орбиты Марса.

— Они не вводят в бой основные силы, — доложил Звездный Орел. — Видимо, догадались, что это — ложная атака, и перестраиваются, готовясь к настоящему нападению. Они предполагают, что им удалось рассчитать наиболее вероятное место атаки. Ворон отлично сыграл свою партию. От него ждали строго логичных перемещений, а на деле столкнулись с полным отсутствием логики и теперь обескуражены.

— Что с «Молнией»? — спросил Козодой.

— Повреждений нет, двигатели работают не на полную мощность. Хорошая скорость и угол. Секретный код уже отправлен, и теперь они возвращаются. Думаю, что примерно через час будут здесь. Не вижу никаких признаков, что их обнаружили. Похоже, мы с этим справились!

— Скажи Ворону, чтобы выбирался из этого ада! — приказал Козодой. — Передай ему, чтобы он немедленно возвращался, продолжая совершать проколы.

— «Лусон» серьезно поврежден, но шанс вернуться у него есть, — доложил Звездный Орел. — Посылаю вызов. Никакого результата. Возможно, главные двигатели выведены из строя, и он не в состоянии сделать прокол.

— Вывести из строя главные двигатели! Осел! — прорычал Козодой. — Какого черта! О чем он думает?!

— Сложно сказать! Пока он в открытом космосе, но последний маневр придал ему прямое направление к Земле. Козодой, там повсюду корабли Валов и, кроме того, добрая половина стратегических сил МСС. Ворон провел уже девять боев и уцелел, но сейчас он в таком состоянии, что любой случайный метеорит может вывести его из строя. Он направляется непосредственно к основному скоплению вражеских сил.

Козодой вздохнул:

— Итак, он движется к самому центру преисподней, в страшный Дис, пройдя все круги ада. Сейчас он испытывает ужасную жару или холод от крыльев демона. Этот идиотский сукин сын собирается забить собою глотку дьявола. Никто его не слушал. Никто не знал, что он имеет в виду.

— Он продолжает в том же духе. Он кричит, как сумасшедший. Его окружают со всех сторон! Они ни за что не пропустят к Земле никакой корабль!

Голос Звездного Орла звучал так, что можно было бы подумать, что с ним вот-вот случится короткое замыкание от перенапряжения.

— Он направляется прямо в центр их скопления! Он теряет совершенно все! Его подбили! Еще раз! Еще! Он —

Наступила мертвая, неестественная тишина.

— Он прошел, — неожиданно спокойно сказал Звездный Орел.

— Он сделал прокол? — спросил Козодой, вопреки всякой логике еще надеясь на что-то.

— Нет. Никто не смог бы уцелеть в том аду, который они обрушили на него. Он просто — ушел. Я заново просмотрел все его действия. Оказывается, в последний момент он сделал небольшую корректировку и на максимальной скорости вошел прямо в скопление Валов. Он уничтожил двоих.

Танцующая в Облаках отложила рисунок.

— Теперь он дома, — мягко сказала она и вновь вернулась к нему.

9. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

В главном контрольном отсеке «Грома» собрался совет капитанов — точнее, то, что от него осталось. Слово взял Козодой.

— Так, сколько кораблей у нас в состоянии боевой готовности?

— Двадцать шесть, — ответил Звездный Орел. — Пока Главная Система не пустила в ход свой главный козырь, этого было вполне достаточно для обороны. Но на атаку Ворона никакой реакции со стороны противника не последовало. Затишье продолжается до сих пор, и это кажется весьма подозрительным. А главным их козырем я считаю пятьсот двадцать межпланетных истребителей. На борту у них орудия и торпеды. При этом наше слабое место — защита, которая предназначена главным образом для проколов. В скорости мы им тоже проигрываем. Помните, я вынужден был использовать поле тяготения Юпитера в качестве трамплина, чтобы оторваться от противника? Как только Главная Система заметит усиление активности вокруг этой планеты, она сразу же разгадает все наши дальнейшие планы.

— Основной вопрос — удастся ли нам выиграть.

— Вряд ли. Рейд Ворона причинил Главной Системе значительный ущерб, и по некоторым видам вооружений МСС от нас отстают. Но одних только торпед у них насчитывается сто тридцать, не считая тех, что на околоземной орбите, а управляют ими не меньше двадцати Валов. Давайте реально посмотрим на

вещи. Большие корабли противника вооружены лучше, а истребители обладают по меньшей мере двумя серьезными преимуществами: небольшими размерами и высокой скоростью. Засечь их не удастся, пока не узнаем коды. На мониторе компьютера следящей системы истребители невозможно будет отличить от торпед, хотя на самом деле они превосходят их по величине в несколько раз и настолько же быстрее движутся.

— Рекомендации?

— Задействовать все корабли одновременно, — предложила Мария Сантьяго. — Это проще, чем разрабатывать стратегию для каждого в отдельности. Надо действовать так, чтобы у Главной Системы просто не осталось бы времени на обдумывание. Мониторы Звездного Орла показывают корабли лишь на довольно близком расстоянии, и, если понадобится, «Молния» их заберет — конечно, если их капитаны так опытные, как говорят. Даже если Главная Система вычислила «Молнию» и знает ее траекторию, она прежде всего будет следить за большими кораблями. По этой же схеме мы можем вывести на околопланетную орбиту все корабли. Они быстро разовьют достаточную скорость и обогнут Юпитер.

— Но они же не собираются входить в прокол, — заметил Козодой.

— Да, только Главная Система об этом не знает. Ее преимущество в том, что держать оборону приходится в относительно небольшом пространстве. Но есть и безусловное неудобство — нужно постоянно быть начеку, засекать малейшее передвижение с нашей стороны. Мы уже совершили нелогичный, с точки зрения Главной Системы, поступок — пожертвовали кораблем. Причем таким, что потеря дюжины кораблей МСС — недостаточная за него компенсация. Сейчас противник не знает, чего от нас ожидать дальше. Главная Система предвидит, что на нее обрушится 26 кораблей, подобных «Грому», и вынуждена основательно

готовиться к отражению такой атаки. Логика ее проста: все двадцать шесть преодолеют поле тяготения Юпитера и в заранее намеченном месте войдут в прокол. Казалось бы, расправиться с ними так же просто, как подцепить рыбу в бочке, но на самом деле мы используем гравитационное поле Юпитера вовсе не для свершения прокола. Корабли продолжают вращение вокруг планеты и, развив максимальную скорость, развернутся веером, а потом уйдут за предел досягаемости Главной Системы. Противник рассредоточит силы, попытается догнать транспорты, но их истребители станут уничтожать вражеские корабли по одному. По-моему, это единственный выход из создавшегося положения.

— Звучит вполне разумно, — промолвил Звездный Орел. — Мы должны вынудить Главную Систему рассредоточить силы и использовать транспорты в качестве приманки. К сожалению, у МСС есть двадцать Валов и десять истребителей на околоземной орбите. Это их резерв, который в любой момент может обрушиться на нас, чтобы не дать нам уйти под прикрытием транспортов. Впрочем, при этом Главной Системе придется оставить без прикрытия орбитальные комплексы, а на это она не пойдет. Возможен еще один вариант: Главная Система попытается атаковать все двадцать шесть кораблей одновременно. Для этого у нее должно быть в пять раз больше истребителей, но мои расчеты показывают, что у противника есть шанс одержать победу таким путем. Правда, вероятность этого не превышает семнадцати процентов. Впрочем, выкладки основаны на довольно зыбких предположениях — ведь до сих пор мне не приходилось принимать участия в подобных боях. Это беспрецедентно.

— Не беспокойся, — ответил Козодой. — То же самое можно сказать и о Главной Системе. Она всего лишь несколько раз оказывалась лицом к лицу с сильным соперником — например, таким, как маккикор. План Марии на первый взгляд кажется трудновыпол-

нимым, но кто из вас в состоянии предложить что-то другое, когда на один наш корабль приходится по пять вражеских истребителей? — Ответом ему было молчание. — Я так и думал. Допустим, Главная Система, используя все свои преимущества, введет в бой Валов и орбитальные комплексы. Мария не учла одного важного обстоятельства: все их корабли и истребители в отличие от наших в полной боевой готовности и гораздо лучше оснащены. Если даже нам повезет в начале, потом все равно придется сражаться с Валами, а к тому времени мы будем уже основательно потрепаны. Мы просто обязаны мобилизовать все, что у нас есть, — и людей, и технику. В том числе «Молнию» — кстати, надо проверить, в каком она состоянии. Звездный Орел, готовы ли к бою истребители?

— Да. Сорок два истребителя в настоящий момент находятся на борту «Грома», половина из них обладает высокой мощностью. Еще четыре оснащены специальными решетками, экранирующими излучение трансмьютеров. Есть также шесть исследовательских кораблей. Они для боя приспособлены плохо, но их можно использовать в качестве брандеров.

— Надеюсь, ты не собираешься подставлять под удар сам «Гром»? — с беспокойством спросила Бутар Киломен.

— Если потребуется, я пошлю в бой и его, — ответил Козодой. — Все или ничего, Бут. Все или ничего. Я отдаю себе полный отчет в том, что говорю и чем собираюсь рисковать. И я действительно намерен поставить на карту все, что у нас есть, — любое оружие, любой истребитель может решить исход битвы.

— Но дети...

— А ты подумала о том, какое будущее их ждет, если мы проиграем? — Он в сердцах ударил кулаком по столу. — Нет! Еще раз повторяю: все или ничего. Каждый лишний день, каждая лишняя минута дает шанс Главной Системе разгадать наши планы и на-

чать подготовку к контратаке. Ее разведчики и так уже кружат вокруг нас целыми стаями. Четыреста дивизий МСС ждут сигнала к атаке. Вряд ли численное преимущество на нашей стороне. Звездный Орел сказал, что у противника мало шансов победить — но, думаю, у нас их еще меньше. Время не ждет. Что скажете, капитаны?

Киломен с трудом сдерживала волнение.

— Хорошо. Я возьму «Бахакатан» вместе с Урубубу, Мин, Чанг и, конечно, Фатимой. «Каотан» переоборудован специально для того, чтобы им могла управлять старушка Такья. В ней я уверена на сто процентов, то же самое могу сказать о Доре и Хан Ли. «Чунхофан» прекрасно подготовлен. Правда, в его экипаже не осталось ни одного опытного пилота.

— Миди и я тоже пойдем с вами, — сказала Мария. — Я давно ждала возможности отомстить врагу за родной корабль. Только придется слегка переделать пилотские кабины и внести небольшие изменения в конструкцию шлемов. Ведь они изготовлены без учета наших индивидуальных особенностей.

— Нет ничего проще, — вмешался Звездный Орел. — Я произведу все необходимые вычисления, и не позже чем через два часа переделка будет закончена. Подобрать подходящие шлемы можно еще быстрее, ведь у нас много запасных.

— Я сяду за монитор, — пообещала Хань. — И тогда можно не сомневаться, что все пойдет в нужном темпе.

Козодой вздохнул:

— Остается нерешенным вопрос о флагманском корабле, но, думаю, за минувшие годы я приобрел достаточный опыт в управлении этой машиной. На прочих кораблях у нас пилотов хватает. Можно направить на флагман одного из них, а на его место — сестер Чо. Они не раз изъявляли желание принять участие в настоящем бою.

— Нет уж, у них начисто отсутствует инстинкт убийцы, — возразила Хань. — Для Чо боевые действия — не больше, чем занятная игра. Пусть лучше присмотрят за детьми — это самое подходящее для них занятие.

Козодой обернулся к Танцующей в Облаках, которая за все это время не проронила ни слова.

— Думаю, что наше с тобой место тоже там. Как обычно.

— Не будь таким угрюмым, — улыбнулась женщина. — Воинами не рождаются. Многих судьба предназначает для других, не менее важных дел. Взгляни на вещи иначе: они умеют только воевать, а твоя задача — раскрыть тайну колец.

Уже несколько часов Козодой не шевелясь сидел в капитанской рубке «Грома», обхватив голову руками. Он мучительно пытался думать, пытался взвешивать и анализировать, а тем временем транспорты уже готовились к операции. Командир чувствовал себя совершенно одиноким. В кресле перед монитором сидела Хань, но она была связана со Звездным Орлом, и прочие вещи сейчас ее не трогали. Помочь она ничем не могла. Если бы здесь был Ворон!

Козодой тихо выругался, ощущая собственное бессилие. Ворон, как и остальные пираты, по природе своей был бойцом. Он — ученым. Сам по себе этот факт ничего не значил, но командира беспокоило осознание того, что для экипажа его состояние отнюдь не безразлично. Многолетний опыт подсказывал ему, что ничего оскорбительного в этом нет. Однако именно сейчас, когда все усиленно готовилось к последнему, решающему бою, исход операции всецело зависел от него, Козодоя.

Он сунул руку в мягкий футляр и достал оттуда четыре золотых кольца. Действительно, на удивление

простой шифр. Совсем не похоже на запутанный код, при помощи которого члены Братства пытались скрыть суть своей деятельности. Видимо, не предполагалось, что кольца будут использованы через тысячу лет после их изготовления. А может, наоборот, их создатели надеялись, что годы сделают свое дело. И тогда никто, кроме историка, описывающего события Последних Дней, не упомянет о кольцах.

Мы наращиваем скорость и огибаем Юпитер. Все двадцать шесть кораблей взяты под контроль и находятся в полной боевой готовности. Защитная сеть активизирована, но Главная Система, несомненно, в замешательстве. Все идет по плану.

Козодой поглядел на алититианское кольцо. «Чье ты? — подумал он. — Кто ваш создатель?» Кольцо колец, кольцо — разгадка, самое большое из всех. Возможно, оно принадлежало Аарону Менцельбауму. Он считался крупнейшим ученым своей эпохи. Его сравнивали с Эйнштейном, но в отличие от него могучий интеллект Менцельбаума нашел себе применение в более узкой области. Открытие Эйнштейна повлекло за собой, к ужасу самого ученого, создание самого разрушительного оружия за всю историю человечества. Менцельбаум же, напротив, считал своим призванием спасение человечества от этого страшного оружия. Трагедия мыслителя заключалась в том, что его точка зрения не совпадала с точкой зрения правительства страны, где он жил.

Они проглотили наживку! Шесть кораблей Главной Системы разворачиваются, чтобы заблокировать нам выход из прорыва.

Менцельбаум решительно отбросил все неуклюжие решения проблемы искусственного интеллекта, какими предыдущие поколения исследователей только запутывали самих себя. Он предпочел совершенно иной подход, резко отличавшийся от всех известных ранее способов упорядочивания, хранения и выборки дан-

ных. Величайший теоретик, он открыл и применил к своим моделям новые математические законы и сделал возможным создание робота с памятью, основанной на принципах голографии.

Максимальная скорость. Преодолеваем поле тяготения Юпитера. Думаю, что удастся направить истребители противника по ложному пути.

Ни один университет, ни одна научно-исследовательская организация не располагали средствами, которые требовались Аарону Менцельбауму для реализации его замысла. Только правительство могло финансировать его исследования, только правительство имело в своем распоряжении нужные технические и интеллектуальные ресурсы. Только оно было в состоянии содержать на должном уровне не имеющий аналогов огромный компьютерный центр. И Менцельбаум вынужден был согласиться. Несомненно, без особого рвения он сделался чем-то вроде государственного служащего. Козодой и другие историки, изучавшие этот период жизни великого ученого, немало удивлялись тому, с каким упорством он шаг за шагом продвигался к осуществлению своего плана.

Скорость остается на максимальной отметке. Все приборы под контролем. Вероятность успеха уже превосходит 17% и продолжает расти. По моим предварительным расчетам, четыре корабля уцелеют, несмотря на численное превосходство врага, но это меньше, чем предполагалось первоначально.

А что можно сказать об остальных? С госпожой Пински все ясно. Она приехала в США, чтобы преподавать в университете, а также заняться исследованиями по некоей проблеме, всесторонне изучить которую в ее родной стране оказалось невозможно. Близкий друг Менцельбаума, она полностью разделяла его убеждения. Вместе с ним Пински пришла к выводу о необходимости создания огромного, не имеющего себе равных компьютера. Йомашита — уроженка Гавай-

ских островов, получившая образование в Японии, крупнейший в мире эксперт в области разработки новых технологий. Посвятила жизнь исследованиям, касающимся создания принципиально новой компьютерной памяти. Гигантские платы монтировались в космосе, на орбитальной станции, и затем доставлялись на Землю в специальных сверхпрочных контейнерах. Это позволяло достичь необходимой чистоты, исключало малейшие примеси. Сунг Янг, гениальный иммигрант из Китая, изобрел устройство, способное преобразовывать вещество на молекулярном уровне при отсутствии внешнего источника питания — примитивный прообраз трансьютера. Наконец, Нтунгана — выходец из Габона, образование получил в Париже. Возможно, он был единственным из всех, кто освоил новую математическую систему, разработанную Менцельбаумом.

Передышка. Ждем, пока эти штуковины не начнут взрываться.

С некоторых пор Менцельбаум и его ученики стали получать довольно необычные задания. Разумеется, компьютер такой степени сложности, с таким развитым интеллектом, способный собирать, упорядочивать, оценивать, анализировать любые данные, а также осуществлять контроль за обширными территориями и координировать выполнение различных действий, не мог не вызвать к себе самое пристальное внимание со стороны военного ведомства. Мудрой машине задавали вопросы типа «Кто выиграет, если русские быстрее нас распространят свое влияние на полуостров Индостан?» или: «Будет ли новый режим в Чаде проамериканским или займет нейтральную позицию?», «Есть ли смысл наступать или целесообразнее удерживать ранее занятую территорию?».

Всемогущий и всезнающий компьютер имел право давать советы, и притом довольно категоричные, даже самому президенту. Рано или поздно от него потребо-

вали бы ответа, когда и с каких позиций лучше нанести первый ядерный удар.

Однако именно этого Менцельбаум постарался не допустить. Серия команд, которую сам ученый назвал «внутренним императивом», запрещала давать такие рекомендации. Право нанесения ядерного удара признавалось только в очень ограниченных случаях — например, в ситуации, когда противник первым начал ядерную войну, а противоракетная оборона оказалась не способна адекватно ответить на его действия. Менцельбаум ни за что не позволил бы своему детищу начать ядерную войну.

Козодой не раз задумывался над тем, каким образом Менцельбауму и его соратникам вообще удалось решить такую задачу. Звездный Орел как-то резонно заметил, что пятерых ученых сблизила их принадлежность к дохристианским религиям. В противном случае пути их пересекались бы нечасто. Они начали работу над проектом по меньшей мере за три года до того ужасного дня, когда их бережно взлелеянное детище отказалось им подчиняться. Все пятеро почти неотлучно находились у огромного компьютера, практически жили возле него. Но, зная, что жизнь их проходила под неусыпным контролем спецслужб, Козодой недоумевал, каким образом этим людям удавалось в таких условиях не только выводить формулы и создавать модели, но и творить в полном смысле этого слова. Чтобы понять друг друга, ученые прилагали усилий не меньше, чем на постижение физических и математических законов. Но именно в этой области им не было равных, и вне ее они просто-напросто не мыслили своего существования.

Хотя, возможно, ситуация была гораздо проще, чем может показаться на первый взгляд. Если уж можно обнаруживать и выводить из строя хитроумные ловушки и мониторы Главной Системы, то скорее всего водить за нос куда менее изощренных и при этом из-

лишне подозрительных сотрудников спецслужб не представляло большого труда.

Запрет на превентивный ядерный удар доставлял немало беспокойства военным, но министерство обороны стояло перед выбором: отказаться либо от своих агрессивных планов, либо от компьютера Менцельбаума. Пятеро ученых желали повторить судьбу авторов Манхэттенского проекта, которые до конца своих дней раскаивались в содеянном. В конце концов компьютер — это ученый, способный под давлением начать войну, а что касается ответного удара, то какая разница, кто тогда нажмет кнопку — машина или человек?

Однако запрет на первый ядерный удар был не единственным «императивом», заложенным в компьютер.

Человечество должно быть сохранено любой ценой — этот принцип положили в основу программы. Если удалось разрешить глобальный конфликт мирным путем хотя бы однажды, саморазрушения ни в коем случае нельзя допустить и впредь — гласил второй «императив». Третий звучал так: человечество должно определять свою судьбу самостоятельно, но при этом руководствоваться двумя предыдущими постулатами. Таким образом создатели надеялись избежать диктатуры машины. И наконец, четвертый «императив» гласил: цель земной цивилизации — непрерывный поиск истины, накопление знаний об окружающем мире.

Путь к этим внешне простым решениям оказался долгим и мучительным. Малейшая ошибка могла повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. О проекте мог получить сведения практически любой, начиная с большого количества талантливых ученых, занятых обслуживанием компьютера, и кончая надзирателями из министерства обороны и спецслужб. Ученые сознавали, что их детище призвано стать единственной альтернативой готовящимся планам уничтоже-

ния человечества. Но коль скоро первый ядерный удар не мог быть нанесен машиной, право на него при определенном стечении обстоятельств получал человек, облеченный властью. Значит, в правительственных кругах мог найтись и злоумышленник, возжелавший диктовать компьютеру свою волю, помешать ему следовать заложенным принципам. Подобную ситуацию создатели тоже постарались предусмотреть. Машина обладала надежной защитой от несанкционированного доступа. Любая попытка вмешательства без достаточных на то оснований влекла за собой немедленный перезапуск и автоматический возврат к выполнению предыдущей команды. Прерывание же выполнения любой команды могло производиться только с согласия всех пятерых ученых. Единственная последовательность команд, которую компьютер не мог игнорировать или блокировать, помещалась в пяти различных ячейках памяти, разделенная на пять равных частей. Это обеспечивало наиболее надежную защиту закодированной информации.

Особыми знаками отличия, символами принадлежности к неформальному сообществу лучших умов земного шара служили пять колец. Если неверно применить выгравированный на них код, смысл зашифрованного послания искажался. Как реагировал в таких случаях компьютер? Скорее всего просто игнорировал введенные команды. Но мог и расценить это как попытку нарушить его систему защиты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос о достаточности «внутренних императивов» возникал не один раз. Что, если один из ученых умрет естественной или насильственной смертью? А если погибнут все пятеро? Тогда людям, причем не всем, а облеченным властью, останутся кольца, и напрашивался еще один, пятый «императив»: распоряжаться машиной может только владелец кольца. В противном

случае компьютер заблокирует сам себя от перезапуска, и трагедия неизбежна.

Ворон, Звездный Орел и многие другие полагали, что, если все пять колец каким-то образом объединить, Главная Система не сможет предотвратить доступ к интерфейсу и заблокировать ввод колец. Возможно, «императивы» требовали правильной интерпретации. Четыре в отрыве от пятого просто не имели смысла. И вот сейчас идет битва за последнее кольцо — битва не на жизнь, а на смерть.

Почему великое творение Менцельбаума не принесло ожидаемой пользы? Неужели при создании гигантского компьютера были допущены просчеты? Может быть, в работе машины на определенном этапе произошел сбой? Или, если взглянуть на это с философской точки зрения, проект был изначально способен нести в мир лишь зло? Ни то, ни другое, ни третье. Просто творение гениального ученого оказалось чуждо цивилизации и потому было ею отторгнуто. Ничего подобного человечество раньше не знало. Можно допустить, что гигантский компьютер является в некотором роде живым, мыслящим существом, которое, едва появившись на свет, уже представляло собой неразрешимую загадку для окружающих. Тем более что люди были не в состоянии постичь законы, по которым это странное «существо» росло, развивалось, действовало. Обычный, академический подход был в данном случае неприменим. Следовательно, и суждения, на протяжении веков казавшиеся людям бесспорными, имели для компьютера бесконечное множество толкований.

Спасти человечество. Как это произойдет, при каких обстоятельствах — точного ответа не знал никто. Доподлинно известно одно: страшная война, которой так опасались создатели компьютера, все же разразилась. Следы ее сохранились и по сей день, однако они не носили всеобщего характера. Каким образом Главной Системе удалось прекратить войну? Это могла

объяснить только она сама — разумеется, если найдет-ся некто, способный потребовать от нее объяснений и правильно их понять. Но как только это случилось, императивы начали действовать.

Не допустить повторения войны впредь. Разоружить человечество — решила машина. Разоружить, безжалостно подавить, навязать свою волю. Но только на время. Ведь прочие императивы тоже требуют воплощения. Наиболее логичное решение — рассеяние. Распылить человечество по огромнейшей территории так, чтобы даже самая страшная катастрофа не нанесла непоправимого урона. Но возникает вопрос скорости. Нет времени переделывать планеты. Вывод: радикальным образом изменить самих людей, чтобы они смогли выжить в непривычных условиях. Инопланетные цивилизации? Их множество, и они тоже способны угрожать человечеству. Вывод: тотальное уничтожение или подчинение всех чужаков. Проблема геноцида в отношении любой, не похожей на земную, формы жизни нисколько не смущала мудрый компьютер. Ведь об этом аспекте его создатели не позаботились. А чего у Главной Системы нельзя было отнять, так это безусловной способности проявлять инициативу в случаях, не предусмотренных инструкцией.

Человечество должно само решать свою судьбу? Что ж, Главная Система учреждает специальные Центры, где назначенные ею же администраторы, в большинстве своем невежественные и консервативные, управляют своими народами. Да, конечно, людям дозволяется управлять людьми, но только социальная философия остается для управителей тайной за семью печатями.

Что же касается четвертого императива, провозглашающего стремление к истине как смысл человеческого бытия, то Главная Система разделалась с ним еще проще. Кто лучше приспособлен для поиска и сбора информации — несчастные, жалкие люди или быстро-

действующие компьютеры? Ответ ясен. С точки зрения всемогущих машин, представителям рода человеческого могут быть уготованы лишь две роли: забавных зверушек в заповеднике или музейных экспонатов.

Лишь одно угрожало благополучию Главной Системы — кольца. Она не могла ни уничтожить их, ни отнять. Ох уж эти императивы! Решено было рассредоточить кольца по самым удаленным и труднодоступным уголкам Вселенной. Все ссылки на них в летописях, мифах, сказаниях были уничтожены. Сохранилась лишь инструкция по их использованию, но о ней люди не должны были узнать никогда.

Раз... два... три... четыре... А последнее осталось позади, на толстом пальце Ласло Чена. То, на котором изображены птицы с широко разинутыми клювами, похожие на попугаев.

Пять золотых колец... Простым, удивительно простым казалось пятерым ученым решение, принятое в самое неурочное время, когда их прочие коллеги разъехались на Рождество.

Кольцо — с Алитити первое среди равных, и это согласуется с записями, если следовать им в порядке убывания. Пять, четыре, три, два, один — простейший арифметический ряд.

Но где же находится интерфейс? Ведь Главная Система — не персональный компьютер, который можно поднять и передвинуть с места на место. Она *должна* быть массивной. Вмонтированная в поверхность Земли, из которой черпала силы, она не подлежала никакому перемещению в пространстве. Главная Система не могла позволить себе отключаться через определенные промежутки времени, подобно любым другим машинам, и не была приспособлена для ремонта или модернизации. Ее создатели правильно выбрали для нее место — горный массив на западе Североамериканского континента. Этот район населен исключительно отсталыми в техническом отношении народа-

ми, которые редко поднимаются в горы, предпочитая долины, где они охотились на бизонов, ловили рыбу в бурных реках, выслеживали лосей и медведей в непроходимых лесных чащах.

Да, что ни говори, выбор оказался на редкость удачным. Радиация, излучаемая гигантским компьютером, разветвленная сеть коммуникаций — все терялось в горах. Главная Система возвышалась среди них — еще одна гора, вечная, как и другие.

Корабли рассредоточились на дистанции более двух миллионов километров. Большинство идут по дуге, один движется на минимальной скорости по прямой. Истребители Главной Системы пытаются преследовать нас и при этом расходятся на значительное расстояние. Ну и дела! Они пропустили четыре наших корабля, а за каждым из оставшихся двадцати двух гонится вражеский истребитель. Похоже, Главная Система догадалась, что именно у тех четырех невелик запас энергии, и оставляет их на сведение орбитальным комплексам. Мы тем временем отрываемся от преследователей. Им нас не догнать! Улавливаю первые волны энергии.

Козодой вздрогнул, сообразив, что на какие-то секунды потерял контроль над собой, и провалился в сон. Сообщение, возникшее на мониторе, и предупредительные сигналы разбудили его. Командира мучила сильнейшая жажда, он ничего не ел почти целые сутки. Но он знал, что не в состоянии выпить ни глотка воды, ни съесть крошки хлеба, пока решающая битва не кончится. А потом? Ворон, кажется, оставил кое-что из запасов Савафунга. Когда все закончится, можно будет устроить себе лучший в жизни ужин.

В том, что компьютеры воевали с компьютерами, была в конечном итоге злая насмешка над человечеством. Ваш удел — сидеть в кресле и ждать. Ваш бедный человеческий мозг, как бы ни напрягался, не в силах уследить за всеми деталями боя: погони, атаки, маневры, залпы бесчисленных орудий. Но больше

всего Козодоя беспокоила мысль о том, что над полем грандиозной битвы, призванной решить судьбу человечества, незримо парит призрак Аарона Менцельбаума.

Чувство одиночества, беспомощности усиливалось с каждой минутой. На главном мониторе мелькали разноцветные огоньки, сражение продолжалось. Но эффект присутствия, возможности следить за происходящими на расстоянии многих световых лет событиями оказался мнимым. Нет, это не реальность, а всего лишь спектакль, игра. В левом углу монитора загорелась цифра «26», в другом, помельче, — «520». Ниже возникла десятка, рядом с ней — «12». Цифры стали уменьшаться в сторону уменьшения, но не очень быстро.

Проблема состояла в том, что кораблям приходилось преодолевать значительные расстояния, порой даже пересекать Солнечную систему из конца в конец. Большие корабли при этом развивали максимальную скорость, составляющую приблизительно половину скорости света. Торпеды-разрушители передвигались немного медленнее, зато были способны входить в прорыв и аккумулировать энергию постепенно, небольшими зарядами. Большие корабли такой возможности не имели и к тому же уступали торпедам в маневренности. Для торможения и разворота им требуется гораздо больше времени, и при этом они значительно отклоняются от заданного курса. Поэтому большие корабли быстрее входили в прокол, но отставали от торпед при выходе.

Даже если кораблям удастся в течение длительного времени поддерживать максимальную скорость, несмотря на неизбежные повреждения и необходимость отстреливаться, Земли они достигнут лишь через четыре-пять дней. Еще два дня наверняка уйдут на торможение — если корабль не сбавит скорость перед посадкой, он рискует скользнуть по касательной к поверхности Земли и быть отброшенным назад в космос.

Время тянулось невыносимо медленно, и впервые за последнее время Козодой задумался о Вороне и понял, что заставило его выбрать смерть.

Индейцы, спускаясь с холмов в долину, пели монотонные песни о том, как предали огню железного монстра. Чудовище корчилось и изрыгало столбы дыма. Ради него так безжалостно и жестоко были истреблены стада бизонов!

Нет, эти люди не питали иллюзий по поводу того, что они способны уничтожить порождение белого человека — ужасную машину. Но интересы проклятой груды железа явно ставились выше их собственных, и это представлялось им кощунством. Им была ненавистна не сама машина, а поклонение, которое ей оказывали. Даже война и смерть, эти величайшие бедствия, не казались столь противоестественными, хотя тоже сводили ценность человеческой жизни к нулю. Белым людям железные чудища почему-то представлялись носителями прогресса. Слепцы! Они готовы обожествлять любое новшество — не важно, какой ценой оно достигнуто. Им не дано понять, что прогресс может нести в мир и зло. Впрочем, грань между добром и злом для них давно стерлась.

Танцующая в Облаках была способна это понять, Айзек Клейбен и Ласло Чен — никогда. Козодой подумал, что сам он в последнее время приблизился к новому пониманию роли прогресса в истории человечества.

«Я неподвижно сижу у монитора. Жду, пока железные чудища, выдуманные белым человеком, не разнесут друг друга на куски, — сказал он себе, — и воображаю, будто для меня это действительно очень важно. Самообман! В наше время обесценились действительно очень важные вещи».

Он встал с кресла, потянулся, расправляя затекшие от долгого сидения плечи, и вышел из контрольного

отсека. К черту нервы, к черту рефлексию! Лучше спуститься вниз, поиграть с детьми, обнять жену.

— Все складывается чрезвычайно удачно, — доложил Звездный Орел. — На данный момент у нас шесть кораблей и сто двенадцать вполне боеспособных истребителей в восьми часах полета от Земли. Еще пять кораблей сгруппировались на одной позиции и держат оборону, постепенно снижая скорость. Они успешно отражают атаки истребителей противника, которых у Главной Системы, в свою очередь, осталось всего шестнадцать. Это немного. Они уже начали беспорядочно атаковать наши корабли, что говорит только о неуверенности. Победа у нас в кармане. Слышите?! Нам удалось прорвать оборону и уничтожить мощнейшую армию, которой еще не знала история! «Молния» перехватила основную часть истребителей противника и не дала им даже открыть огонь.

Козодой кивнул. Он вернулся в контрольный отсек, к мониторам, но не сразу, а лишь на следующий день, справедливо полагая, что Звездный Орел и члены экипажа сами его позовут, если в этом возникнет необходимость.

— Теперь наша задача — войти в прокол, — приказал он. — Мы не имеем права расслабляться! Сколько времени потребуется, чтобы ввести в прокол «Гром»?

Корабли обычно входили в прорыв на значительном расстоянии от обитаемых планет, чтобы избежать нежелательных побочных эффектов, а большие корабли вообще старались этого не делать внутри звездной системы. Однако у Звездного Орла, как всегда, имелась особая точка зрения.

— Скажу честно, три дня, — ответил он. — А ты хочешь сделать это немедленно?

— Да, но только осторожно. Я все еще не уверен в нашей окончательной победе. От Главной Системы можно ждать любых сюрпризов. Вдруг нас атакуют в момент выхода из прокола? Сразу же по окончании процедуры попытайся выйти на связь с Ченом и Президиумом. Как только мы приблизимся к Земле на достаточное расстояние, настраивайся на их волну.

— Принято! Процедура займет несколько дней. Можно попробовать ускорить процесс. Но предупреждаю: я могу и выйти из строя от перенапряжения.

— Не считай нас такими жестокими, — ответил Козодой. — Никто не собирается тебя перенапрягать. Излишняя спешка сейчас просто нецелесообразна.

— Десять торпед-разрушителей, летящих вдогонку нам, меня не очень беспокоят, — вдруг заявил Звездный Орел. — Я уже засек их координаты. Но на орбите еще примерно дюжина Валов. С учетом понесенных потерь наши преимущества становятся весьма относительными.

Козодой встревожился.

— Немедленно вводи «Гром» в прокол! — приказал он. — Мы отправляемся на Землю.

Выход в заранее определенной точке занял всего одиннадцать минут, и небольшую трудность для Звездного Орла представляло плавное торможение. Лишь спустя сутки огромный корабль замедлил ход и прочно утвердился на околоземной орбите.

— Торпеды-разрушители летят навстречу нашим кораблям, идущим в авангарде, — сообщил Звездный Орел. — Защитная сеть нарушена. Выхожу на связь с Землей. Входит в прокол «Каотан». Желаю удачи! За ним — «Чунхофан». Его скорость чуть превышает заданную отметку, но ситуация под стопроцентным контролем. Вижу «Бахакатан». Корабли следуют в обычном для них порядке. Ого! С Земли поднялись Валы.

Пока не вижу за истребителями. Ага, вот. Летят на высокой скорости. Все они способны аккумулировать энергию небольшими порциями.

Козодой нахмурился.

— Сколько их?

— Четырнадцать.

— Плохо дело. Если они покинули Землю.

— Да, но... Я... О Боже!

Мониторы замигали. Козодой насторожился.

— В чем дело?

— Валы! Они открывают огонь по торпедам! Поражают их! Ничего не могу понять!

Пораженный известием, Козодой откинулся на спинку кресла.

— Повтори, — выговорил он наконец. — Ты имеешь в виду, что Валы открывают огонь по резервным силам Главной Системы?

— Уже открыли! Уже разнесли их в щепки! И отходят! Получается, эти твари расстреляли своих. Даю команду транспортам изменить курс. Может быть, это ловушка. Замедляю движение к Земле, отзываю все истребители. Козодой, как ты думаешь, что все это значит?

«Вы имеете право на кольца...» «Главная Система подсознательно...»

— Для меня это тоже загадка, — вздохнул Козодой. — Звездный Орел, потихоньку веди корабли к Земле, но в околоземное пространство пока не входи. Верни все три корабля с заправочной станции, и как можно скорее. Узнай, может быть, «Молния» тоже решила изменить курс.

— Я уже связался с ней. Наши люди в растерянности и полагают, что либо это чрезвычайно хитроумная ловушка, либо попытка замаскировать подход более мощных резервов. Урубу утверждает, что Главная Система никогда не рискует зря и попытается сохранить последнее кольцо любой ценой.

— Возможно, но я в этом не уверен. Скорее это все-таки ловушка. Нужно быть максимально осторожными. Что мы предпримем дальше?

— Получено еще одно сообщение с «Молнии». Они решили остаться на орбите и считают, что праздновать победу пока рановато. Маккикор послал за подмогой. Он вернется с несколькими более мощными кораблями, располагающими достаточным запасом энергии. Остальные корабли будут здесь через несколько часов.

— Уже неплохо. Кстати, ты установил связь с Ченом?

— На персональной частоте Верховного Администратора ничего не слышно, зато Центры проявляют бешеную активность. Боюсь, Главная Система обозлена тем, что упустила нас, и замышляет нечто из ряда вон выходящее. К примеру, вернуть всю Землю в каменный век.

— Разделяю твои опасения, — ответил Козодой. — Немедленно вызови ко мне самого расторопного, на твой взгляд, члена экипажа. Подготовь к вылету «Бахакатан». Мне нужно произвести подробную съемку всех горных массивов Северной Америки. Это должно быть сделано быстро, но очень тщательно. Должны же мы в конце концов обнаружить Главную Систему.

— Попробуем. Экипаж уже в курсе того, что ты задумал?

— Если удастся связаться с Ченом и Президиумом, мы будем располагать более точной информацией. Черт возьми, они просто не желают нас замечать. Но если потребуется стереть пару Центров с лица Земли, чтобы привлечь к себе внимание, я не остановлюсь и перед этим!

— Я уже обратился в Китайский Центр. Связь с ними должна поддерживать наша Хань. Но, боюсь, они не будут слишком сговорчивы.

— Вот как? В чем же проблема?

— Похоже, Китайским Центром до сих пор руководит администратор Сона. Пока мы на связи только с его охраной, но рано или поздно придется иметь дело с отцом Хань.

— Все равно Хань будет очень полезна. Она сможет переводить разговор.

В этот момент раздался короткий, резкий сигнал, свидетельствующий о том, что удалось прорваться сквозь все помехи и выйти на прямую связь с одним из Центров. Голос из переговорного устройства что-то сердито лопотал по-китайски.

— Мне все равно, кто ты и что собой представляешь, — сказал в микрофон Козодой, — но в любом случае заткнись и слушай. Либо ты в течение минуты связываешь нас с кем-нибудь из начальства, либо я немедленно направляю на Китайский Центр лазерную торпеду и улаживаю таким образом все проблемы. Ты понял, болван?

Говорящий сразу умолк. Секунду спустя сердитая тирада раздалась снова, но на этот раз ее перекрывал такой же скороговоркой голос Хань-переводчицы.

— Я генерал Чин, начальник службы безопасности Китайского Центра. Кто ты?

— Мое имя — Джокватар из хайакутов, в списках Главной Системы я прохожу как Джон Хокс, а проще говоря — Козодой. Впрочем, это не важно, а вот моя должность наверняка вызовет у тебя интерес. Я капитан пиратов «Грома» и в настоящий момент нахожусь на околоземной орбите. Только что мы успешно атаковали и уничтожили эскадру Главной Системы — она вздумала нас остановить, только ничего у нее на этот раз не вышло. Мы много лет жили вдали от Земли, и наше терпение лопнуло. Где администратор Сона?

— Станный какой-то акцент у вашего переводчика, — заметил, нимало не смутившись, Чин. — Кого-то он мне напоминает... Послушай-ка, Козодой! Не знаю, кто ты, но здесь крутятся столько Валов, сколько

я не видал за всю свою жизнь. Мне плохо верится, что тебе удалось прорвать оборону Главной Системы и тем более уничтожить все ее корабли.

— Можешь не сомневаться. Валы не тронут меня и моих людей, по крайней мере сейчас. Впрочем, обсуждать с тобой свои проблемы я не намерен. Ты всего лишь пешка в этой игре, и иметь собственное мнение тебе совсем не обязательно. Еще раз спрашиваю, можешь ли ты соединить меня с Соном? И где сейчас Ласло Чен? Все еще в Ташкентском Центре?

— Администратора Сона в Центре в данный момент нет, — после продолжительной паузы ответил Чин. — Он временно возложил на меня часть своих обязанностей. Вообще-то все члены Президиума на конференции. А Чен, насколько мне известно, еще в Ташкенте.

— Понятно. Жди нашего прибытия на Землю через несколько часов. Думаю, администратору Сону небезынтересно будет узнать, что с нами его дочь. Она моя ближайшая помощница. Кстати, передай это и Чену.

— Сон Чин! Значит, я не ошибся. Память не подвела старика. Так ты жива, моя дорогая племянница!

— Лучше послушай Козодоя, дядя, — бесстрастно парировала Хань. — Он не блефует. Если он явится в Центр, а Президиум не будет об этом знать, тебя ждет смерть. Причем не от наших рук, а от рук моего отца — твоего брата. Ты остался тем же самонадеянным идиотом, рьяным служакой, каким я тебя знала много лет назад.

Старик, похоже, не очень удивился.

— Ты тоже ничуть не изменилась, милочка. Как я рад вновь слышать твой язвительный голосок! Ладно, если уж вы так настаиваете, я поставлю в известность Президиум. Дайте мне пару минут. Если кто-то из них захочет после этого поговорить непосредственно с

вашим... э-э... капитаном, этим горластым нахалом с непомерными амбициями, — что ж, я готов соединить.

Но Козодой уже не слушал его. Он обдумывал следующий шаг.

— Хань, скажи ему, чтобы он передал Президиуму буквально вот что: четыре кольца у нас. Мы пришли за пятым. Готовы начать переговоры. Предметом торга может стать что угодно, кроме самих колец. Ясно?

— Ясно. Если мой дядюшка, эта жирная свинья, нас правильно поймет, они не заставят себя ждать. Хотела бы я взглянуть на его физиономию, когда он выслушает ответ Президиума. Мой отец прославился привычкой публично казнить таких верноподданных идиотов, а Чин на сей раз превзошел самого себя.

— Неужели Сон решится предать смерти родного брата?

— Всего-навсего двоюродного. Собственно, именно благодаря этому обстоятельству Чин до сих пор жив.

— Забавная у тебя семейка, ничего не скажешь. Может быть, попробуешь связаться напрямую с отцом? Он должен тебя лучше понять.

— Моему отцу простые человеческие чувства свойственны не больше, чем ремонтному роботу. Сомневаюсь, что за эти годы он изменился так же сильно, как я. Меня несколько не удивит, если он вообще откажется нас встречать.

— Ты не права. Наши шансы на успех не так уж малы, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере я, кажется, понимаю, почему так странно повели себя Валы. Они просто ждали, чем закончится схватка, и, поняв, что преимущество на нашей стороне, приняли решение. Видишь, какие сюрпризы порой преподносят машины. Чего же тогда ожидать от людей? А именно люди теперь наши основные противники. Нечего и говорить, что они представляют гораздо более серьезную опасность, чем...

Голос, раздавшийся из переговорного устройства, прервал его на полуслове. Теперь это была не сердитая старческая скороговорка, а неторопливая, исполненная достоинства речь на классическом древнекитайском языке. Ледяное спокойствие говорившего неприятно поразило Козодоя. «Сразу видно, прожженный сукин сын», — подумал командир.

— Я Администратор Сон. Правда ли, что моя дочь возвращается на Землю?

Не отключая микрофона, Козодой по внутренней связи обратился к Звездному Орлу:

— Убедись, что во время планируемого приземления нам ничего не угрожает. Когда можно будет садиться?

— В самое ближайшее время. Подготовка займет всего несколько минут. Мягкая посадка обеспечена. На околоземной орбите ничего подозрительного не замечено.

— Сон Чин умерла, отец, — после долгой паузы ответила администратору Хань. — Именно этого ты и добивался. От твоей дочери осталась лишь телесная оболочка, душа же ее изменилась до неузнаваемости. Кстати, за эти годы у тебя появилось множество внуков, хотя тебя вряд ли обрадует их родословная. Ныне я Соловей Хань, пилот великого корабля «Гром». Наш капитан желает поговорить с Ласло Чёном.

Из переговорного устройства донеслось невнятное бормотание.

— Дай сюда микрофон, старый кретин, — раздался после трехминутной паузы и характерных звуков, свидетельствующих о короткой схватке, голос Верховного Администратора. Говорил он по-английски, с очень сильным акцентом.

— Ласло Чен на связи. Что тебе нужно, Козодой?

— Три пташки по-прежнему у тебя, Чен? — спросил Козодой. Только сейчас ему стало по-настоящему страшно. Что, если Главная Система уже при-

няла меры, и кольцо исчезло? Неужели все жертвы были напрасны?

— Кольцо у меня. Вот оно, на пальце, — ответил Чен. — А чем можешь похвастаться ты?

— У меня четыре такие же побрякушки. Как бы нам соединить все пять?

Чен задумался.

— Вокруг снует столько Валов, что я никак не в состоянии гарантировать тебе благополучное приземление.

— Валы нам не помеха. Если, конечно, мы не будем еще пару часов толочь воду в ступе, дожидаясь, пока Главная Система не вызовет подкрепление. Видишь ли, Валы решили перейти на сторону победителя. Бояться их нечего.

— Вот это да! — воскликнул Чен. — Никогда бы не подумал. Ты уверен, что это не очередная западня? Может, они просто затаились, чтобы накрыть и твою команду, и мою уже на Земле?

— Ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов, но ясно одно: объединив кольца, мы будем куда в большей безопасности, чем сейчас. Встретившись с тобой, я наконец смогу вздохнуть спокойно и сказать: вот теперь мы в самом деле одержали победу. Я, как и ты, не могу давать никаких гарантий, но поверь уж на слово, Чен, наша экспедиция была долгой и чертовски трудной.

— Я веду наблюдение за всем, что происходит на Земле, — вмешался, не обращая внимания на Чена, Звездный Орел. — Нам готовят посадочную площадку в непосредственной близости от Главной Системы, в Бразильском Центре. Мне это не нравится.

— Почему? — спросил Чен. — Это самый безопасный район, какой только можно себе представить.

Козодой усмехнулся:

— Ты лично отбирал участников нашей экспедиции, и не думаю, что при этом считал нас глупее себя.

Может, я лучше пошлю за тобой корабль, и встретимся на орбите?

— Даже будь я таким идиотом, каким ты меня считаешь, — возразил Администратор, — и прими твоё предложение, я все равно вряд ли осмелился бы обмануть саму Главную Систему. Вот уж не думал, что когда-нибудь покину эту комнату живым и к тому же с кольцом. Но фортуна наконец-то повернулась к нам лицом. Даже в самых смелых мечтах я не мог себе представить, что ты одержишь победу. Но теперь возникла новая проблема: взаимного доверия, не так ли? Вот уж действительно насмешка судьбы. Только врозь нам не уцелеть. Хочешь не хочешь, а объединить усилия придется.

— Я согласен. Сколько подчиненных тебе администраторов примут участие в переговорах? — немного поразмыслив, спросил Козодой.

— Четверо. Нет, пожалуй, пятеро. Думаю, они пригодятся, если случится что-нибудь непредвиденное.

— Пусть будет так. Я тоже возьму с собой пятерых. Я сообщу широту и долготу точки приземления. Какое сейчас время года в Южном полушарии?

— Зачем тебе это? Ведь приземление займет считанные минуты.

«Все возвращается на круги своя», — подумал Козодой, а вслух сказал:

— Пожалуй, это и впрямь не так уж и важно. Итак, шестеро с моей стороны и шестеро с твоей, ни человеком больше. Договорились?

— Мы же условились полностью доверять друг другу. Точка предполагаемого приземления совсем недалеко от нас.

— Нужно позаботиться об удобстве передвижения. У вас полно скиммеров. Захвати один на всякий случай. А теперь предупреждаю. Если Главная Система не подстроила нам ловушку и Валы действительно будут сидеть тихо, все должно пройти благополучно. Траек-

тория нашего спуска рассчитана заранее — и в космосе, и в атмосфере. Если же ты или твои люди попытаетесь вести двойную игру, кольца не достанутся никому. Тебе прекрасно известно, что я единственный из всего нашего экипажа имею доступ к кольцам и знаю код их использования. Любая попытка отнять их — и я покончу с собой, а вы останетесь ни с чем. Да, и последнее. Некоторые мои друзья покажутся тебе немного, как бы получше выразиться, странными.

— Интересно будет на них взглянуть. Кстати, чуть не забыл. Как насчет оружия?

— Можете брать сколько унесете. Лишним оно не будет. Я нисколько не заблуждаюсь относительно нашей победы: она вполне может оказаться временной. Не сегодня-завтра здесь появятся МСС, и нет никаких гарантий, что Валы, увидев их, не изменят свое решение на прямо противоположное. Какой у вас день и час?

— Двадцать два часа сорок девять минут по Гринвичу. Среда.

— Очень хорошо. Сверим часы ровно через одну минуту. Встречаемся завтра, ровно через сутки, в точке с координатами семнадцать северной, сто западной по Гринвичу. Согласен?

— Согласен. Часы я сверил.

Козодой откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Это начало конца, — устало сказал он. — Звездный Орел, немедленно свяжись со всеми кораблями, включая «Молнию», и оповести всех, кто сейчас на борту, что через час состоится общее совещание. Предстоит принять важные решения, и делать это следует безотлагательно.

— Нет проблем, — ответил компьютер. — Но если заседание затянется, корабли состыкуются с «Цандером» раньше, чем оно закончится.

— Это я учту. — Козодой покачал головой. Каким бы долгим ни был путь к победе, но сейчас, похоже,

их космическая одиссея действительно вступила в завершающую стадию.

Вошел Айзек Клейбен.

— Я слышал, как ты договаривался с Ченом, — сказал он. — Мне эта затея не по душе. Мы приняли их условия, встречаемся на их территории. В случае чего у нас не хватит людей, чтобы отразить нападение. Неужели ты всерьез думаешь, что эта старая лиса удовольствуется всего двадцатью процентами?

— Да — до тех пор, пока они не получают всю необходимую информацию. До тех пор они будут вести себя смирно. Но, хотя Главная Система ещё не нейтрализована, все идет к тому, что вскоре я смогу с уверенностью сказать: дело сделано. Предвижу ваши возражения, доктор, но в данный момент мы не имеем права тратить время на сомнения.

Несмотря на наличие сложной многоканальной связи, совещание почти ничем не отличалось от предыдущих, проводившихся на протяжении нескольких лет. Разумеется, Козодой мог принять решение единолично и поставить остальных перед фактом, но предпочел сначала все-таки вынести вопрос на общее обсуждение. При этом он все же сильно сомневался, удастся ли достичь единого мнения.

— Нельзя сказать наверняка, что мы не упустим добычу из рук в последний момент, — говорил он, — поскольку, несмотря на то что противник на сей раз отличается редкостным невежеством, это будет самое трудное кольцо из пяти. Я с радостью взял бы с собой всех вас, мои соратники, всех, кто поддерживал меня в тяжелые минуты, боролся и страдал. Но, к сожалению, это невозможно. Мы условились с Ченом, что и он и я возьмем с собой только пятерых.

— Провести их нетрудно, — решительно заявила Хань. — Ты, конечно, скажешь, что не хочешь нарушать данное слово, но я знаю этих типов куда лучше тебя. У них одна-единственная цель: прикарманить

все, что плохо лежит. Честность в отношениях с ними губительна.

Козодой не мог не признать, что в словах Хань есть доля истины, но другого пути, кроме уже избранного, не видел.

— Если мы попытаемся схитрить, это сразу же станет им известно. Чен располагает значительными силами. Наша задача — добраться до интерфейса. Если мы возьмем с собой больше людей или корабль, чтобы прикрывал нас с воздуха, их орудия достанут нас прежде, чем на «Громе» успеют и пальцем пошевелить. Но у нас есть и серьезное преимущество: они не знают, как обращаться с кольцами.

— Слишком зыбкое преимущество, — заметила Дора Паношка. — Савафунг тоже воображал, будто знает Алитити как свои пять пальцев и может всех перехитрить. Вспомни, что из этого вышло. А вдруг они знают о кольцах гораздо больше, чем ты предполагаешь?

— Подозреваю, что если они решат подстроить нам ловушку, то уж такую, что нам и не снилась, — вмешался Клейбен. — Наши мониторы пока не показывают происходящее на Земле. Подключение и регулировка изображения займут почти целые сутки, а за это время люди Чена могут понатыкать в месте встречи все, что угодно. Во избежание неприятных сюрпризов я решил соорудить портативное устройство, способное обнаруживать ловушки. Оно работает по принципу локатора. Времени у меня, конечно, немного, но по крайней мере мы не напоремся на засаду.

— Сделай все, что в твоих силах, — велел ему Козодой.

— А что, если они разместят где-нибудь неподалеку небольшой отряд? Им без труда удастся выследить нас и застать врасплох, — заметил Урубубу.

— Я учел такую возможность и именно поэтому согласился встретиться именно в Бразилии. И разумеет-

ся, перед приземлением мы просканируем местность. Другими словами, мы все же пойдем на небольшую хитрость. Спускаемый аппарат стартует уже через несколько часов — если, конечно, этому ничто не помешает. Танцующая в Облаках уже давно мечтает вновь подставить лицо земному ветру и солнцу и соскучилась по нашим соплеменникам. Мы приготовили специальный грим, который замаскирует мельхиорские татуировки или по крайней мере сделает их неотличимыми от традиционных индейских. Я сомневаюсь, что у Чена найдется агент, знающего хайакутский язык и тем более способный общаться с членами племени на равных. Если нам готовят сюрприз, моя жена об этом узнает. Но не только узнает. Надеюсь, ей удастся убедить старейшин в том, что люди Чена хотят подло обмануть нас, то есть истинных хайакутов, и присвоить плоды нашей победы. В результате все племя превратится в наших сообщников.

Клейбен пожал плечами:

— Затея сомнительная. Но риск — дело благородное. Я думаю, можно начинать приготовления. Кто будут эти пятеро смельчаков?

— Я хотел бы обсудить каждую кандидатуру в отдельности, — сказал Козодой. — Начнем с сестер Чо. Именно они добыли кольцо с двумя птицами мира. Я с радостью взял бы обеих: их способности, без сомнения, пригодились бы нам. Но, к сожалению, пойти может только одна.

— Это нелегко, — промолвила Чо Дай. — До сих пор мы никогда не разлучались надолго. Ради счастья наших детей мы готовы повиноваться тебе, хотя и не совсем четко представляем себе, что от нас требуется. Но мы надеемся, что принесем пользу. Я чаще покидала родной корабль, и по этой причине на семейном совете выбор пал на меня.

— Спасибо. Нас уже двое, — кивнул Козодой. — Мария, Миди, только благодаря вам мы получили

кольцо с деревом и птицей. Я, конечно, хотел бы видеть на Земле вас обеих. Всем известно ваше мужество, твердость и упорство, а в рукопашном бою вам нет равных. Но вам придется решить, кто пойдет со мной.

— Мария, — сказала Миди. — Мы с ней уже это обсудили. Она лишилась всего — корабля, команды, лучших друзей. К сожалению, в этом есть отчасти и моя вина — я подвела ее на Джанипуре. Сейчас мы кровные сестры, и если уж я могу доверить Марии свою жизнь, то не вижу причин не уступить ей кольцо.

— Прекрасно. Нас уже трое. Бутар, тебе и твоим людям по праву принадлежит кольцо с Чанчука. Назови своего кандидата.

— Можно мне сказать? — вмешался Урубуб. — Ты уже битый час ходишь вокруг да около, но обо мне речь так и не зашла. Если ты не против, я сам снимаю свою кандидатуру.

— Зачем же? Ты отлично проявил себя на Чанчуке и имеешь полное право претендовать на кольцо, а значит, и на место в делегации.

— Это я и сам знаю. Но на твоем месте я бы хорошенько подумал, прежде чем бросаться такими утверждениями. Разве ко мне применимо само понятие человека разумного, уроженца Земли? Я чанчукианин и останусь им до конца своих дней. Да и сущность моя пока не совсем ясна даже мне самому. Ведь создан я был роботом и только недавно превратился в человека! Это лишает права распоряжаться кольцом. Ты собираешься взять несколько человек, не входящих официально в делегацию, на случай внезапного нападения — так сказать, охрану. Я, конечно, мог бы войти в этот отряд, но, боюсь, от меня будет мало толку. Низкорослый, физически слабый, неуравновешенный — не человек, а жалкое подобие человека. Я уже не тот, что был раньше, — ни хватки, ни быстрой реакции. Конечно, я добрый, покладистый парень с далекой планеты Чанчук и привык ус-

тупать друзьям, если они имеют другое мнение, но у меня есть кандидатура. Это Бутар. «Каотан» рекомендовал себя в сражениях лучше, чем другие экипажи, а сама Бутар отлично потрудились на Чанчук и достойна самой высокой награды.

— Мы уже обсуждали это с друзьями, — сказала Бутар. — И они действительно остановили выбор на мне. Я согласна. Правда, моя стихия — вода, на суше я чувствую себя не так уверенно и порой бываю неуклюжей, но, если будет заварушка, я могу пригодиться. Ведь я меткий стрелок и отлично вижу в темноте.

Козодой кивнул:

— Вот нас и четверо. Такья, твоя команда может с полным правом претендовать на кольцо колец. Тебе слово.

На какие-то секунды воцарилась тревожная тишина. Затем Такья тихо возразила:

— Ты произнес эти слова таким тоном, как будто на самом деле не собираешься брать никого из моей команды.

— Я не вправе лишить вас места в делегации. Это было бы несправедливо. Но на Земле яркое солнце, а встреча будет происходить днем. К тому же ближайший водоем за много километров оттуда, и более того — потом мы пойдем в глубь материка, а там с водой еще хуже. Вашему представителю придется носить, не снимая ни на минуту, специальный скафандр, наполненный водой, и передвигаться он сможет только при помощи летательного ранца. Конечно, я высоко ценю ваше мужество и боевые качества, но, боюсь, в этих условиях вы вряд ли сможете быть полезны. Если ты не против, я исключаю ваши кандидатуры.

— Я не в обиде. Может быть, самый мужественный поступок для настоящего воина — признать, что он только обуза для окружающих. Мы отказываемся от места в делегации и будем прикрывать вас с тыла. Это у нас получится гораздо лучше. «Каотан» уже

представлен Бутар. Почему бы тебе не взять наше кольцо, Козодой?

— Спасибо тебе, Такья, — растроганно произнес командир. — Итак, у нас осталось еще два места. Одно я решил предоставить по своему собственному выбору, правда, с достаточно серьезными оговорками. Хань, в переговорах будет участвовать твой отец, и к тому же ты разбираешься в компьютерах лучше любого из нас, за исключением разве что Клейбена. Впрочем, ты заткнешь за пояс и его. Предлагаю тебе стать пятым членом делегации.

— Понимаю твои проблемы, — ответила Хань, — и прекрасно сознаю, какой обузой я буду для вас на Земле. Посуди сам: слепая женщина на восьмом месяце беременности оказывается в совершенно незнакомом месте. Но, несмотря на это, я полна решимости отправиться туда. К тому же тот прибор, что сделал мне Звездный Орел, поможет хотя бы различать очертания предметов.

— Хорошо, — вздохнул Козодой. — Я включаю тебя в состав делегации. А шестым, по-видимому, должен стать доктор Клейбен. Его опыт и знания вряд ли кто поставит под сомнения. Поэтому данную кандидатуру подсказали мне исключительно соображения здравого смысла. Если переговоры зайдут в тупик, то избрать верную тактику — ваша задача, доктор.

— Не могу выразить, как я признателен вам и польщен, — со слезами на глазах произнес Клейбен. — Тот человек, каким я был прежде, не заслуживал такого высокого доверия. Но за время нашей странной одиссеи я многому научился, многое осознал. Там, на Земле, вы можете на меня положиться. Я всю жизнь дурачил таких, как Чен, и, надеюсь, еще не потерял навыка.

— Итак, состав делегации ясен. Теперь перейдем к делу. Когда прибудет «Бахакатан», ты, Мария, лично проверишь исследовательскую аппаратуру и монито-

ры. Доктор, не забудьте свои приборы. «Чунхофан» останется в нашей коммуникационной сети и будет прикрывать нас с тыла на околоземной орбите. Такья, будь начеку. Приведи в состояние полной боевой готовности все бортовые орудия. Отражай любые попытки Главной Системы приблизиться к кораблю. Но основной удар я постараюсь принять на себя. Миди, ты должна находиться на «Бахакатане», а как только мы приземлимся и дадим тебе об этом знать, присоединишься к Такье на ближайшей орбитальной станции. «Молния» останется на орбите на случай, если последует атака из космоса. Звездный Орел, ты примешь на себя командование «Громом» и одновременно будешь координировать работу экипажей других кораблей. По завершении операции корабль переместится в другое место на околоземной орбите. Понятно? Ты должен быть готов принять на борт любого из нас в случае непредвиденного поворота событий.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил компьютер.

Козодой поочередно обвел взглядом своих сторонников. Он знал, что на каждого из них можно положиться. Но последняя его фраза была обращена не к ним, а к самому себе.

— Мы обещали вернуться — и возвращаемся, — вполголоса произнес командир. — Но как же долг был путь домой!

10. МАСКИ МУЧЕНИКОВ

Это было настоящее возвращение — в любом смысле этого слова. По случайному — а может быть, и не случайному — совпадению, Звездный Орел посадил космический истребитель с трансмьютером в той самой роще, где много лет назад Козодой наткнулся на тело курьера.

«Круг замкнулся», — подумал Козодой, с грустью размышляя об этом.

Он решил надеть национальную одежду своего народа, и если оленья кожа была синтетической, то обнаружить это мог только химический анализ. Ночи были еще теплые, как всегда в этих местах в начале октября, но в любой момент погода могла перемениться. Чо Дай и Бутар тоже надели кожаные костюмы, принятые на Джанипуре и Чанчуке. Хань оделась так же, как Танцующая в Облаках, и глядя на нее в индейской одежде, никто бы не осмелился оспаривать тот факт, что в жилах народов Северной Америки течет восточная кровь.

Мария не стала надевать ничего, кроме ремня и пояса, на котором висело оружие и несколько предметов, необходимых в обиходе. Хотя с виду она ничем не отличалась от землян, по сути она была так же чужда им, как джанипурцы и чанчукианцы. Ее темная кожа была гораздо грубее, чем та, из которой был пошит костюм Козодои, и имела гораздо лучшие теплоизоляционные свойства.

Козодой не мог отделаться от ощущения, что время пошло вспять. Он как будто вернулся в свое прошлое и в прошлое своего народа. Старейшины согласно обычаям должны публично делать вид, что не замечают его, но украдкой они с интересом посматривали на него, и взгляды их говорили, что они хорошо знают, кто он такой, и что он отнюдь не является здесь нежданным гостем.

Племя уже откочевало на юг вслед за бизонами. Войдя в жилище Четырех Семей, Козодой увидел Танцующую в Облаках, сидящую у костра. Она тоже заметила его, но не подала виду, что узнала. По традициям племени, он должен был сначала представиться старейшинам и испросить ритуального разрешения остаться. Только после этого, отдав дань обычаям, Козодой мог сесть рядом со своей женой и заговорить с ней.

Его старого наставника, Согбенно Ходящего, не было здесь. Возможно, старик уже умер. Еще в детстве Козодой помнил его в весьма почтенном возрасте, а это было тридцать лет назад.

Низко склонив голову, Козодой произнес необходимые слова, а потом подсел к Танцующей в Облаках и прошептал ей:

— Такое впечатление, что ты и не уходила отсюда. Не правда ли, прекрасно вновь вернуться к своему народу?

Она рассеянно кивнула, глядя в огонь:

— Когда-то я ненавидела это место и была готова на все, лишь бы уйти отсюда. Но сейчас я ощущаю себя частью его, а его — своей частью. Это моя кровь, да и твоя тоже.

Он вздохнул:

— В какой-то момент судьба или боги оторвали меня от самого важного, и я был ослеплен. Но я знаю, что все истинно хорошее в моей жизни — и прежде всего ты — родом отсюда.

— Только не говори, что придет день, когда мы вернемся сюда навсегда. Так ты только обманешь и меня, и себя. Я всей душой желала бы забыть прошлое и остаться здесь с тобой и детьми. Я воспитала их так, что они способны понять свой народ. Но минувшие годы изменили меня так же, как и тебя. Я теперь уже не такая наивная, и темнота, называемая знаниями, отделяет меня от них. Она осквернит и разрушит все кругом, если мы останемся здесь навсегда. Потому что мы знаем, что есть другой мир кроме этого, и, значит, не способны правильно ощущать себя здесь, воспринимать жизнь как подарок. Сейчас я очень четко это ощущаю. А ты, наверное, почувствовал это еще много лет назад.

— Да, — мягко сказал он. — Есть ли какие-нибудь новости?

— Следов не осталось, но они были здесь. Люди это знают и чувствуют. Им удалось остаться незамеченными, и, я подозреваю, это из-за Старика... Нет, сейчас его здесь нет... Колышавший Бизонью Траву. Он ушел с племенем десять дней назад, но внезапно вернулся вчера, едва начало смеркаться. Он сказал, что забыл какие-то вещи. А сегодня после полудня здесь видели много летающих огней.

Козодой нахмурился:

— Вот как... Этого следовало ожидать. Вопрос лишь в том, на кого из наших соплеменников могут положиться такие странники, как мы?

— На некоторых можно. Сложно сказать, но у меня есть здесь друзья. Здесь осталось шесть вдов, таких же, как я. Они собираются зимовать на этом стойбище. Мы сумеем вытащить нож из твоей спины, муж мой.

Он усмехнулся:

— Вот за что я тебя люблю. Но, пожалуйста, не пытайся сосватать мне одновременно всех шестерых. Я уже стар и у меня седина в волосах.

Она фыркнула:

— Ты не единственный, у кого седина в волосах. Попробуй-ка воспитать пятерых детей, и посмотрим, что с тобой будет после этого. Но не думай, что я уже слишком стара для таких, как ты. Приходи. Мы побродим вокруг стойбища и посмотрим, сумеем ли отличить змей от друзей.

Козодой не удивился, что они попытались внедрить в стойбище по крайней мере одного агента, а скорее всего даже больше. Это было совершенно очевидно. Поэтому он все время был начеку. Колышавший Бизонью Траву оказался седым как лунь стариком с грубым лицом, при взгляде на которое Козодой сразу вспомнил алититианских идолов. Несмотря на свой возраст, он был очень хорошо сложен. Слово тело его принадлежало человеку лет на двадцать моложе. Очень опасная личность.

Но не обязательно враг. Его возвращение вполне могло оказаться простым совпадением. «Вот самое плохое из того, что случилось с нами, — печально подумал Козодой. — Теперь мы повсюду видим врагов, даже в своих соплеменниках».

Если бы позволяло время, Козодой с удовольствием проверил бы, не исчезал ли этот человек на какой-то период много лет назад, а потом возвращался обратно. В этом промежутке он мог получить соответствующее образование, а затем подвергнуться подправке, чтобы информация проявлялась лишь в определенных ситуациях. Это была вполне обычная процедура.

— Мы разобьем лагерь в условленном месте встречи, — сказал Козодой Танцующей в Облаках. — А ты понаблюдай за этим парнем. Понятно? Пока тебе надо оставаться здесь.

Она с болью посмотрела на него:

— Возвращайся ко мне, Бегущий с Козодоями.

Он поцеловал ее.

— Обещаю тебе, что меня не убьют и не покалечат. И я никогда не оставлю тебя, что бы ни случилось. А сейчас — иди. В этом деле твое место — здесь.

— Я знаю, — вздохнула она. — Я знаю.

— Проверка связи. Проверка связи. Звездный Орел, ответьте.

— Все в норме, Козодой. Я слышу всех и даже могу определить ваше физическое состояние. Надеюсь, не произойдет никаких частотных сбоев.

— Надеяться-то можно, но никогда нельзя знать наверняка. Хорошо. Что у нас сейчас есть?

— Тебе предстоит много пройти пешком. Полеты через этот район запрещены — я имею в виду, именно *запрещены*. Я послал два зонда, и оба были моментально сбиты. Но я могу попытаться определить рельеф местности. На западе, как ты и предполагал, большой горный хребет, откуда идет мощный поток радиации. Кроме этого, я могу мало что добавить. Производить фото съемку местности бессмысленно. Исходя из уже имеющихся данных, я подозреваю, что облачный покров здесь создан и поддерживается искусственно. Очень странная картина. Впечатление такое, что здесь бушует миниатюрная буря, доведенная до совершенства. Применение радара здесь тоже невозможно. Приборы воспламеняются через несколько секунд после включения. Но это — именно то, что мы ищем.

— Похоже, ты прав. И насколько далеко это находится?

— Как ты и предполагал — на территории шайенов. Но хочу тебя предупредить: вряд ли удастся использовать скиммеры в этом районе, а нет ни единого намека, что туда существует вход на уровне земли. Скорее всего вам придется карабкаться довольно высоко, чтобы отыскать эту вещь. По моим оценкам, она

находится на высоте примерно три тысячи триста метров. Но эта оценка весьма приблизительная.

— Мы сделаем все, что можно. Ладно, переходи в режим ожидания. Я думаю, наши гости уже недалеко. — Козодой обернулся. — Доктор, ваши приборы включены и готовы?

— Готовы, но еще не включены. Они легко могут нас выдать, а у меня есть причины не рисковать. — Он поднял голову и посмотрел на черные тени, кружащие в небе. — Я вижу, они весьма тщательно исследуют эту область. Я уже засек все типы сканирования, которые мне известны.

— Козодой! — вмешался в их беседу Звездный Орел. — Повод для беспокойства не только у тебя. Эти четырнадцать Валов — все они в течение дня приземлились недалеко от горы. Так что смотри в оба.

— Премного благодарен, — уныло пробормотал Козодой.

Скиммер подлетел к ним и завис прямо над их головами. Козодой и все остальные замерли: достаточно одного выстрела — и они превратятся в трупы. Скиммер начал снижаться. Козодой отчетливо видел ряд иллюминаторов сверху и крыло довольно замысловатой конфигурации.

Аппарат приземлился не более чем в тридцати метрах. Козодой бросил взгляд на часы. Контрагенты прибыли с точностью до секунды. Скиммер был большой и на вид достаточно быстроходный. Но для двенадцати человек он был бы тесноват, и это означало, что по крайней мере там нет вояк.

— То, что нас не оглушили сразу, доказывает, что они не располагают нашей информацией или же просто не уверены, что кольца с нами, — заметил Козодой. — Но в любом случае это хороший признак.

От скиммера донеслись посвистывающие звуки, а потом открылся люк. Держа наготове оружие, пираты рассеялись, чтобы не попасть под один выстрел.

Вновь прибывшие начали выходить из люка. Ласло Чен выглядел так, словно только что выбрался из преисподней. Время его не пощадило. Тем более что, когда все это началось, он уже был достаточно стар. На нем была зеленая рубашка с Тартара, отделанная шерстяным кантом, и мешковатые брюки. Он был похож на Верховного Администратора еще меньше, чем солист низкопробной оперетки, поющий соответствующую партию. За ним вышел Сон — он был выше ростом и крепче на вид, нежели представлял себе Козодой. Моложавый, ухоженный — ему ни за что нельзя было дать его шестидесяти лет. Он был одет неброско: бледно-голубая рубаха, простые брюки и черные ботинки — ни дать ни взять рядовой техник Центра. За ним, одетый в такую же форму, только оливкового цвета, вышел Икстапа XIV, Император Великой Мексики, Администратор Северной Америки — прежний начальник Козодоя. Следующие три человека были историку незнакомы, но Клейбен узнал одного из них.

— За время нашего отсутствия произошли некоторые изменения, — прошептал ученый Козодой. — Это Эдвард, герцог Норфолкский. Когда я знал его, он был шефом Центра безопасности Северной Европы. А сейчас стал Администратором. Последних двоих я не знаю.

— Ничего удивительного, — пробормотал в ответ Козодой.

Икстапа остановился и, хмуря брови, принялся разглядывать Козодоя.

— Козодой! Неужели это ты — под этим дурацким гримом и длинными космами! Ну-ну...

— Не припоминаю, чтобы мы с вами когда-нибудь были на «ты», — холодно ответил Козодой. — Впрочем, работая под вашим руководством, мне не на что было жаловаться.

Он взглянул на толстяка в зеленой рубашке:

— Зато о вас, Чен, у меня сохранились менее приятные воспоминания.

— Мы делаем то, что обязаны делать, — ответил тот и огляделся вокруг. — Что? Ни Ворона, ни Вурдаль? И Клейбен! Я восхищен и потрясен тем, что вижу тебя здесь, старик! Но откуда ты взялся? Я же лично присутствовал на твоих похоронах в Уэльсе! Впрочем, мне следовало бы знать, что ты всегда найдешь запасный выход. Но меньше всего я думал встретить тебя в одной команде с моими людьми!

— Ворон погиб, — сказал Козодой. — А что касается Вурдаль — для нее самой и для всех нас лучше, чтобы она находилась там, где она сейчас.

— Нейджи тоже мертв, Ласло, — добавил Клейбен.

— Хм! Очень жаль! Но хватит об этом. Это — Сон Хуа, Администратор Китайского Центра. Эдвард Норфолкский, Администратор Центра Северной Европы. Икстапу вы знаете. Маго Зва, Администратор Шанхая, и Серджио Роблес, до вчерашнего дня наш гостеприимный хозяин и Администратор Бразильского Центра. Они — лучшие из всех администраторов и единственные, кто знает о кольцах. Поэтому у нас не должно возникнуть проблем. Мы все имеем копии известных документов на английском. Будем использовать их и попытаемся работать вместе.

Козодой кивнул:

— Ну что ж. Клейбена ты знаешь. Это — Чо Дай. Она стала джанипурианкой, чтобы добыть кольцо. Вот Бутар Киломен, которой пришлось превратиться в чанчукианку. А там — Мария Сантьяго, капитан флибустьерского корабля, которая трансмутировалась в жительницу Матрайха, а это — Соловей Хань.

Брови Сон Хуа поползли вверх.

— Итак, дочь, я вижу, ты выполняешь свое предназначение, — холодно процедил он, почти не глядя на нее.

— Только этим и занимаюсь, отец. Спасибо тебе и Клейбену, которому удалось почти завершить твою работу, — ответила она, не стараясь скрыть презрение в голосе. — Жива ли еще мама?

Он мгновение колебался.

— Нет, — ответил он наконец. — Она умерла примерно пять лет назад. Я с горечью говорю тебе об этом.

Это известие как громом поразило Хань, но она быстро овладела собой.

— Наверняка ты отравил ее, когда она стала тебе бесполезна, — сказала она ледяным тоном. — Я уверена, что сейчас ей лучше, чем с тобой.

— Ты можешь ненавидеть меня, если считаешь нужным, но поверь, что я действительно уважал твою мать. И если я бывал порой жестоким, то лишь по той причине, которая привела нас всех сюда, хотя в то время я ничего не знал о кольцах. Моя цель — освобождение человечества, и я готов принести в жертву свою жизнь и жизнь моих близких во имя этой великой цели. — Он остановился. — У тебя странная походка. Ты слепая?

— Да, слепая благодаря Мельхиору. Но не настолько слепая, как тебе кажется. Конечно, проще жертвовать другими ради своего великого изобретения, чем собой, но ты даже не спросил нас, хотим ли мы принести жертву.

Сон Хуа пожал плечами:

— Разве я мог бы пожертвовать жизнью и интеллектом другого, если бы сам не был готов принести в жертву себя? Это мой моральный принцип, как тебе ни странно это слышать. Ни ты, ни твоя мать никогда этого не понимали.

— Звучит очень трогательно, — саркастически заметил Ласло Чен. — Но к черту ваши семейные дразги. Кольца у вас с собой?

Козодой пристально посмотрел на него:

— Мое у меня на пальце. Где твое?

Чен полез в карман рубашки и, вытащив кольцо из небольшого матерчатого мешочка, надел его на палец и поднял руку вверх.

— Ты удовлетворен?

— Итак, все пять колец наконец объединены, — сказал Козодой. — Кажется, нам уже ничего не остается, как только подкрепиться перед дорогой и отправиться в путь, чтобы посмотреть, можем ли мы в действительности что-нибудь сделать.

— Ты знаешь, где это место? Я так и думал, что оно на Земле, но...

Козодой показал рукой на запад.

— Оно — там, примерно в пятнадцати километрах. Я представляю его себе так четко, словно видел фотографии этого места.

Чен забеспокоился:

— В этом районе чересчур много Валов, ты знаешь? Мы видели их на наших мониторах прошлой ночью.

Козодой кивнул:

— Они ждут нас, Чен. Так не пойти ли и не поприветствовать ли их?

Все администраторы пристально посмотрели на него. Даже дети знали, кто такие Валы. Их боялись абсолютно все.

— Поскольку здесь пять человек и пять колец, мы в безопасности, — заверил их Козодой. — И потом, неужели вы еще не свыклись с тем, что это путешествие в одну сторону. Каждый член нашей экспедиции должен понимать, что, если мы пройдем этот путь и не сможем сделать то, ради чего все это затевалось, нам этого не простят.

Они стояли, с благоговейным страхом глядя на горы. Здесь, на высоте тысячи метров, царил холодный покой. На вершинах гор поблескивал снег.

Они не сомневались, что нашли то, что искали. Эта гора была похожа на остальные. Но облака вокруг нее выглядели необычно и казались совершенно не связанными с остальной облачной массой: ровное белое кольцо, вращающееся вокруг вершины.

— Интересно, есть здесь какой-нибудь вход? — размышлял Чен вслух. — Наверняка можно войти откуда-то снизу.

— Если он и был, то сейчас наверняка заблокирован и надежно замаскирован, — ответил Козодой.

— Как я и опасался, это Гора Дьявола, — прокомментировал Икстапа. — Я давно про нее знаю. Одна из немногих не нанесенных на карту запрещенных территорий. У шайенов много легенд, связанных с этой горой, а многие племена поклоняются ей. Полеты в этом районе запрещены, и здесь никто не живет. Мертвые горы. Шайены говорят, что, поднявшись наверх, узришь лица богов стихии. Они находятся прямо под неизвестным Святым Духом, и тот, кто однажды взглянет на них, умрет. Лишь бессмертные могут смотреть на эти лица и остаться в живых.

— В легендах всегда скрывается истина, — заметил Зва. — Однако в первую очередь это значит, что кто-то все же поднимался наверх и видел богов. Следовательно, должна остаться тропа. Да! Так и есть! Взгляните на северный склон, чуть повыше. В бинокль видны даже зарубки. Это похоже на американские горки.

Мария кивнула:

— Да-да. Я вижу их очень ясно. Такие же мы делали на Матрайхе, только, разумеется, гораздо ровнее. Подняться туда можно только пешком. Кто из вас верит, что способен совершить это восхождение?

Ласло Чен вздохнул:

— Я не совсем в нужной форме. Мои легкие и так уже словно залиты свинцом. Но если мы будем подниматься очень медленно и спокойно, я как-нибудь справлюсь.

— Это сумасшествие, — заявил Сон Хуа. — Никто, кроме вашей черной рабыни, не в состоянии преодолеть такой подъем. Козодой, у вас с Клейбеном походка людей, которые жили в условиях пониженной гравитации по крайней мере пятнадцать лет. Ваш друг, похожий на выдру, неловко чувствует себя даже на ровной земле, а копыта этой женщины-коровы соскользнут на первом же повороте. Ну а что касается моей дочери... Да это просто смешно! Чен, ты старый и толстый и привык, что всегда есть кто-то, кто все сделает за тебя. До тех пор, пока кого-нибудь из нас не осенит какая-нибудь гениальная идея, мы будем стоять перед этим незамысловатым препятствием.

Козодой повернулся к Клейбену:

— Ваш выход, док. Мы думали, что сможем совершить восхождение, но теперь выясняется, что нет.

— Откройте ранец Чо Дай, — ответил Клейбен. — Правда, нет гарантии, что они будут действовать здесь, но в их основе лежит магнетизм, а это единственное поле, искусственного аналога которого здесь не регистрируется.

Полетных ремней оказалось всего шесть штук, и Ласло Чен опять тяжело вздохнул.

— Хорошо еще, что их на один больше, чем обладателей колец... Если, конечно, они работают, — с сомнением сказал он. — Но... Кто же те шестеро, которым они достанутся?

— Лотерея — самый лучший способ, — заметил Сон Хуа.

— Надо же быть таким ослом, — раздраженно пробормотала Хань. — У пяти человек кольца, а остальные пусть бросят жребий.

Руки администраторов непроизвольно потянулись к оружию.

— Так мы ни к чему не придем! — закричал Клейбен. — Теперь выясняется, что нужно было захватить Урубу! Он такой маленький, что может перевезти еще

кого-нибудь на одном ремне. Сейчас самая маленькая и самая легкая из нас — Хань, но лично я не стал бы на нее надеяться, учитывая ее слепоту.

— Самая маленькая — это не обязательно самая легкая, — заметила Бутар Киломен, не отрывая глаз от вершины. — Какова максимальная подъемная сила этих штуковин? У меня никогда не было времени это выяснить, хотя именно я сперла их с Чанчука.

— Сто двадцать килограммов, — сказал Клейбен. — Больше уже опасно. Сколько ты вешишь?

— Сорок два килограмма, — ответила она. — То есть остается еще восемьдесят. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но все, кроме Хань и, возможно, ее отца, весят около ста килограммов. А Ласло потянет, наверное, на все сто тридцать.

— Я велел всем взвеситься перед отправкой, — прорычал Клейбен. — Именно для такого случая. Итак, у кого какой вес?

— Я вешу восемьдесят два, — сказал Козодой.

— Семьдесят, — сказала Мария Сантьяго.

— Восемьдесят четыре, — сказал Икстапа. — Я стараюсь поддерживать форму.

— Я тоже. Восемьдесят один, — заметил Роблес.

Эдвард сообщил, что он весит девяносто, а Зва — девяносто два. Хань явно весила гораздо меньше остальных. Ее отец, довольно крупный мужчина по меркам своего народа, утверждал, что весит семьдесят килограммов. Клейбен весил сто пять, Чен — сто двадцать, а Чо Дай, считая подобные вещи излишними, никогда не взвешивалась. Впрочем, на вид в ней было не больше шестидесяти килограммов.

— Не хочу сдаваться, когда мы так близко от цели, — сказал Козодой. — Второй попытки нам никто не даст. Мне очень жаль, но скиммерам не просто запрещено летать здесь, их сбивают. Послать гонца за дополнительными ремнями и ждать, пока они будут изготовлены, — слишком рискованная трата времени.

Но Сон прав. Подобное восхождение Мария совершила бы за два дня, а все остальные будут карабкаться не меньше недели, если не помрут по пути от инфаркта. Тем не менее Бут может поднять с собой Хань и, пожалуй, ее отца. Дав сильную перегрузку, можно взять Икстапу и Роблеса. Что случится, если мы перегрузим ремни, док?

Клейбен пожал плечами:

— Либо ты просто не взлетишь, что по крайней мере безопасно, либо ремень откажет в полете. В этом случае тебе гарантировано довольно долгое падение.

Козодой покачал головой:

— Да, это слишком рискованно...

— Подождите, подождите! — громко воскликнула Хань. — Ты неправильно рассуждаешь, Козодой! Нам вовсе не нужно летать парами, понимаешь?! Черт возьми — мы летаем на космических кораблях, сражаемся с Валами, крадем кольца — и не можем додуматься до такой простой вещи. Шестеро поднимаются — один спускается обратно с пятью ремнями. Следующие пять поднимаются — и затем один спускается вниз с запасным ремнем за последним оставшимся. И все!

Козодой надеялся, что и другие в этот момент почувствовали себя такими же дураками, как и он.

— Замечательно, — вздохнул он, — так и сделаем. Только придется еще совершить парочку лишних прогулок. Сначала один из нас должен подняться и выбрать подходящую площадку для приземления. И обязательно ниже вершины! Мы же не знаем, что там. Но если там есть защита, то она сконцентрирована именно на вершине. Лучше пройти немного пешком. Пойдем парами, в каждой из которых будет по представителю из обеих заинтересованных групп. Это вас удовлетворяет? Хорошо. Кто хочет пойти на разведку?

— Я, — отозвалась Мария Сантьяго. — Я уже несколько раз летала с этими ремнями и знаю горы.

— Ты можешь там и погибнуть, — озабоченно сказал Эдвард.

— Я — обитательница Матрайха. Не беспокойся обо мне. Лучше поплотнее закутайся в свои меха, чтобы не замерзнуть.

Мария сделала парочку пробных кругов. Клейбену удалось продублировать ремни и даже рассчитать некоторые их характеристики, но попытка модифицировать их оказалась неудачной. Поэтому ремни по-прежнему были настроены на условия Чанчука. Но тем не менее они работали, и Мария довольно быстро приобрела навыки управления ими на Земле.

Она осторожно поднималась, ожидая в любой момент внезапного выстрела. Ей все-таки было холодно, но не слишком. Оказавшись во вращающемся кольце облаков, она приземлилась, но отсюда невозможно было оценить расстояние до вершины. Поразмыслив, она пришла к выводу, что самое лучшее — организовать перевалочный пункт под облаками и ниже границы снегов. Если кто-то не сможет пройти оставшийся путь, значит, он этого не достоин.

До захода солнца оставалось совсем немного, и рисковать не имело смысла. Они разбили лагерь, установили приборы и стали практиковаться в полетах с ремнями.

Администраторы, и в особенности Чен, очень серьезно подошли к этому делу. У них не все получалось сразу, но угроза расстаться с кольцом в случае неудачи служила прекрасным стимулом для учебы.

Козодой по-прежнему не особенно доверял администраторам, но чувствовал, что они слишком испуганы этой чуждой им технологией, чтобы прямо сейчас идти на конфликт. Интуиция и опыт подсказывали ему, что, пока они не доберутся до интерфейса, сюрпризов не будет. Ни одному нормальному человеку не придет в голову избавляться от своих союзников до тех пор, пока он не узнает, с чем предстоит столкнуться.

— Помните, — предупредил Козодой новичков. — Не начинайте подниматься дальше, пока все пять колец снова не будут вместе. Иначе все может кончиться трагически. Кто знает, что ждет нас за этим облачным кольцом? Я поднимаюсь последним, — добавил он.

Они плотно позавтракали припасами, которые были в скиммере. По счастью, камбуз еще работал от аккумуляторов. Затем они сложили вещи и проверили все в последний раз. Солнце уже взошло, день обещал быть ясным, но вершина горы скрывалась за облачной пеленой.

Первый подъем прошел относительно гладко. Икстапа и Сон Хуа довольно неплохо научились управлять ремнями. Клейбен летел довольно неуклюже, но не отставал и явных ошибок не делал. Хань поднималась только благодаря подъемной силе. При этом Мария снизу поддерживала ее за ноги и направляла полет. Приземление получилось довольно грубым, но прошло благополучно.

Вторую группу постигла неудача.

— Если слепая беременная женщина и кровожадный дикарь, который приносит в жертву своим богам сердца, смогли это сделать, то у меня и подавно получится! — заявил Эдвард Норфолкский.

— Народ этого кровожадного дикаря изучал астрономию, математику и строил огромные города в то время, когда твои предки еще ловили в пещерах блох! — парировал Серджио Роблес. — Давай-ка лучше лети, хвостун!

Мария помогала Чо Дай; джанипурианка хорошо чувствовала технику, но тело ее было плохо приспособлено для такого устройства. Бутар Киломен отвернулась, и никто не смотрел в сторону двух администраторов, кроме Ласло Чена, который вдруг забеспокоился.

— О Господи! — воскликнул он. — Эдвард летит слишком быстро! Кажется, он не может затормозить!

Козодой и Зва схватились за полевые бинокли и с возрастающим страхом начали следить за Эдвардом. Он наконец понял свою ошибку, но после неудачной попытки изменить курс и уменьшить скорость запаниковал. Роблес, летевший вслед за Эдвардом, с опозданием заметил проблемы своего товарища и уже не мог ничем ему помочь. Эдварда швырнуло на горный склон. Полетный ремень расстегнулся и начал стремительно подниматься вверх в холодном горном воздухе, а Эдвард камнем полетел вниз, и скоро его стало невозможно увидеть даже в бинокль.

Козодой вздохнул:

— Ну что, Чен... Похоже, ты напрасно с нами связался. Теперь у тебя уже не хватает людей, чтобы своими силами ввести кольца в интерфейс.

Чен промолчал. Его всего трясло. Да и сам Козодой с трудом заставил свой голос не дрожать.

Только через полчаса Марии удалось догнать ремень и вернуть его обратно.

— Эдвард повел себя очень глупо, — с грустью констатировала она. — Он потерял голову, а Роблес, конечно, не мог видеть, что творится у него над головой. Помните об этом.

Чен побледнел, и Козодой не мог удержаться и не подколоть человека, который втянул его в это дело:

— Если у тебя кишка тонка, Чен, предлагаю тебе отдать кольцо Зва и подождать нас здесь.

Чен тяжело сглотнул.

— Нет, я это сделаю.

И сделал, правда, несколько медленнее, чем остальные. Козодой летел вместе с ним, и нельзя сказать, что полет проходил успешно. Ему долго не удавалось научиться справляться с управлением и рассчитать силу ветра, которого на плато, где проходили тренировки, почти не ощущалось.

Хотя Козодой и недолюбливал Чена, но все равно беспокоился за этого старого толстяка не меньше, чем за себя самого: ведь у него было кольцо.

Приземление тоже оказалось не из приятных. Выступ, на который они нацелились, был довольно узок и занесен снегом. Чен приземлился достаточно точно, но поскользнулся, упал и едва не скатился вниз. Спасла его только страховочная веревка. Козодой не рассчитал скорость и тоже повис на склоне горы, злясь на самого себя. Выбравшись на выступ, он первые минуты был счастлив ощутить под ногами твердую опору, но потом это чувство исчезло, быстро уступив место холоду, и он позавидовал Клейбену и Чену, которые носили бороды.

— Все в порядке, Мария! Теперь надо идти дальше! — крикнул он сквозь завывания ветра. Мария обвязала вокруг талии веревку и легкой поступью двинулась вперед вдоль каменной стены. Казалось, что она вошла прямо в облако. Остальные в связке пошли за ней, не разбирая, кто свой, а кто чужой, у кого есть кольцо, а у кого его нет. Всем одинаково хотелось поскорее выбраться отсюда.

По пути Козодой думал, что страдания его — это плата. Плата за то, что все эти годы он лишал людей привычного облика и посылал их на чужие планеты, навстречу смертельным опасностям. Он приказывал другим бороться с врагом, а сам тем временем оставался в тепле и в безопасности на «Громе». Конечно, это далеко не эквивалентные вещи, но чем больше он страдал, тем приятнее было его совести.

Выходя из облака, они чувствовали себя так, как, должно быть, чувствуют себя снеговики. С головы до ног они были покрыты льдом, но радовались тому, что живы.

— Что за дьявольщина! — воскликнула Мария. — Что же это такое?! Неужели вулкан?

Клейбен задыхался. Немного восстановив дыхание, он объяснил:

— Нет, не думаю. Она чересчур аккуратная и правильная. И обратите внимание, насколько здесь теплее. Источник тепла, вероятно, внутри горы. Там, я думаю, жарко, как в аду.

Так оно и оказалось. Миновав узкую полосу грязи, они выбрались на голую скалу, которая казалась чересчур гладкой, почти отполированной. Отсюда начинался небольшой подъем непосредственно к «кратеру», и теперь уже не было необходимости идти в связке.

«Лица богов стихии, — говорил Икстапа. — Увидеть их — значит умереть».

Мария отвязала веревку и, взяв альпеншток, осторожно пошла вдоль границы кратерообразной впадины.

— Козодой! Все! Идите сюда! Быстрее!

В голосе ее звучало волнение, пожалуй, даже священный трепет. Она почти шептала, словно боялась, что кто-то ее услышит. И они один за другим подходили к ней и видели то, что видела она, то, о чем предупреждали шайены.

— О Господи! — воскликнул Козодой. — Я знал, что мы увидим нечто подобное, но я как-то не готов!

Клейбен посмотрел вниз:

— Это какое-то безумие. Лица, повторяющиеся снова и снова... Взгляните-ка! Видите огромную решетку с отверстиями, через которые поднимается пар? И рисунки на стенах! Это оно!

Чен посмотрел вниз и удивленно покачал головой:

— А что это там на решетке? Похоже на... кости!

— Это они и есть, — ответила Мария. — Кости. Бывшие трупы. Вероятно, это останки смельчаков, которые пытались встретиться лицом к лицу с богами. А может — случайные путешественники. Но в одном, Козодой, ты был абсолютно прав. Если мы не сумеем

найти отсюда выход, это действительно будет поездка в одну сторону.

Сон Хуа, казалось, не замечал странной картины внизу.

— Под нами, — сказал он тихо, словно бы сам себе, — под нами — Главная Система. И, возможно, даже вокруг нас. Здесь, именно здесь. Мы стоим прямо над головой тирана!

Икстапа смотрел в «кратер», как на врага.

— Эти лица должны иметь колоссальные размеры. Нам придется карабкаться по ним, чтобы спуститься вниз. Но кому они принадлежат и почему они высечены здесь?

— Это одни и те же пять лиц, — начал объяснения Козодой. — Пять лиц, которые повторяются пять раз, чтобы замкнуть круг. Я не видел фотографий, но думаю, что смогу определить, кто они. Вот этот человек с тонким лицом и ястребиным профилем скорее всего Аарон Менцельбаум. Справа от него бабушка с добрым европейским лицом — это, должно быть, Голда Пински. Справа от нее человек с африканским типом лица — Морис Нтунгана. Следующая, нежная восточная девушка — Мэри Лин Йомашита. И наконец, между ней и Менцельбаумом мы видим тонкое красивое лицо китайца. Это наверняка Джозеф Санг Йи. То есть перед нами еще не сам интерфейс, как вы видите.

— Гробница, — уточнила Хань, надевая и настраивая свои окуляры.

Козодой печально покачал головой:

— Нет, это нечто гораздо большее. Это не просто мемориал или гробница. Это кошмар, и, к сожалению, не только наш. И вместе с тем это — ключ ко всему.

Клейбен начал распаковывать снаряжение.

— Понадобится веревка, чтобы спуститься туда, — объяснил он по ходу дела. — Я бы предпочел полетные ремни, но здесь наблюдаются сильные энергетические

пульсации. Мурилиевые реакторы в порядке, но вся электроника вышла из строя.

Чен вздохнул:

— Учитывая мой возраст и комплекцию, перспектива карабкаться вниз по веревке меня не слишком вдохновляет. Но, похоже, пути назад у нас нет.

— Это точно, — сказал ему Козодой. — Либо мы спускаемся вниз, либо наши кости составят компанию тем, которые уже лежат внизу. Третьего не дано.

Внезапно он услышал крик Чо Дай:

— Козодой! Сзади!

Он поднял голову, и в этот момент что-то ударило его по голове. Он почувствовал острую пронизывающую боль и потерял сознание.

Через несколько минут он очнулся с ужасной головной болью и, открыв глаза, пару мгновений видел лишь сплошной туман, из которого постепенно выплыли двоящиеся и троящиеся изображения предметов. Когда наконец зрение восстановилось, он увидел Чена, Сон Хуа, Маго Зва и Икстапу, стоящих на краю «кратера». Он попытался подняться и обнаружил, что руки и ноги его надежно связаны.

— Я боялся, что эти чертовы штуковины тоже не сработают, — сухо прокомментировал Чен. — Когда Клейбен сказал, что в полетных ремнях полетела вся электроника...

Сон Хуа взглянул на свой пистолет:

— Он работает не как положено, это точно. Я ставил регулятор на мощный шок, а он выдал шаровую молнию. Прошу прощения, Маго и Икстапа, — вас она тоже слегка задела. — Он потряс пистолетом. — Теперь уже совсем не работает!

Козодой огляделся. Мария была не просто связана, ее буквально запеленали. На лице ее застыла злобная гримаса: видно, она отчаянно боролась, но администраторы хорошо знали свое дело. Чо Дай получила ужасные ожоги, особенно на передней ноге. Мех еще

продолжал тлеть, и это причиняло ей сильную боль. Руки и ноги Бутар оказались привязанными к одной веревке: по-видимому, они не поняли, как ее согнуть. Хань просто связали руки, но кто-то растоптал ее зрительный прибор, а без него она не представляла угрозы. По-видимому, руки ей связали лишь для того, чтобы она не освободила остальных.

— Очень глупо с твоей стороны, Чен, — крикнул Козодой. — Я понимаю, мы все устали после подъема, но надо же соображать: ты потерял двух своих людей и сейчас вас всего четверо. Даже если ты сможешь изобрести какое-нибудь устройство, способное заменить недостающего человека, я сомневаюсь, чтобы это сработало. Главная Система требует именно пять и именно человек, как ты понимаешь.

Ласло Чен криво ухмыльнулся:

— Ты слишком наивен, Козодой. Теперь все кольца у меня, и мне нужен всего лишь доброволец — и комбинация.

— Иди к черту, — огрызнулся Козодой. — Я уже говорил тебе, что я — единственный, кому она известна, а блок у меня в мозгу убьет меня раньше, чем ты попробуешь снять ментокопию — даже если бы тебе пришлось в голову взять с собой соответствующее оборудование.

Сон Хуа посмотрел на Хань:

— Дочь, ты можешь принять участие. Я не верю, что только Козодой вычислил нужную комбинацию. Он не эксперт по компьютерам и не математик.

— Жаль разочаровывать тебя, отец, но мне она не известна. Но даже если бы я и знала, то предпочла бы броситься с этой скалы, чем назвать ее тебе. И любому другому тоже — но прежде всего тебе.

— Ты действительно так недооцениваешь своего отца? Представь себе, что об этих делах с их интерфейсами мне стало известно еще за два года до того, как я организовал данное предприятие. И я удосто-

верился, что вы заинтересовались и получили доступ ко всем документам. Мы проводили встречи, семинары по компьютерам. Мы разрабатывали их в полном соответствии с расчетами. Кандидатуры всех членов вашей команды внимательнейшим образом рассматривались и обсуждались на заседаниях Президиума, проводившихся на Мельхиоре. Я специально оказал на тебя давление угрозой свадьбы, спровоцировав тем самым твой отчаянный побег. Вы действовали самостоятельно, но во всех ваших начинаниях мы вам... помогали. Я специально не стал менять секретных кодов, чтобы у тебя была возможность воспользоваться компьютерами Китайского Центра. Заменить этого мальчика — твоя собственная идея, но мы позаботились, чтобы никто этого не обнаружил. А потом — куда тебе еще было деваться, если не Мельхиор. Какое остроумие, какой тонкий расчет — надеюсь, теперь ты это оценишь?

— Ты — ублюдок!

— Вполне допускаю, что кража корабля была неожиданностью, но она привлекла наше внимание к Чо, чьи способности по части замков значительно повысили вероятность успеха вашего предприятия, — продолжал свое объяснение Администратор.

— Признаюсь, Козодой, я испытал просто шок, когда обнаружил твое имя в списке наиболее подходящих кандидатур, — добавил Икстапа. — Люди Роблеса разорили все ячейки технологистов в Амазонии и обнаружили документы о кольцах, с которых, собственно, все и началось. Я понимаю, что тогда мы не имели почти никаких преимуществ, и для меня было весьма неприятным сюрпризом встретить все здесь, со всеми пятью кольцами. Но это — наш единственный шанс.

— Ты — сукин сын, — прорычал Козодой. — Ты бросил мертвого курьера прямо мне на колени. Ты знал, что я прочту документы.

— Конечно. И несмотря на мои сомнения, ты действовал великолепно. Ты совершил свой тщательно спланированный нами побег, а Ворон и Вурдаль привели вас к Чену, который приложил немало сил, чтобы убедить тебя в твоей уязвимости. Тогда, естественно, вас тоже высадили на Мельхиор, чтобы окончательно скомплектовать команду. Человек, координировавший это, смог подсунуть вам того, кого вы впоследствии называли Урубун. Без Урубун вы не могли и мечтать об успехе. Этому человеку удалось удостовериться, что вы получили необходимую вам информацию, и устроить так, чтобы вы украли именно тот корабль, который мы подготовили и модифицировали специально для этой цели. Но даже и тогда все оказалось очень непросто.

— Этот человек, — сухо заметил Козодой, — Арнольд Нейджи.

— Да. Он покинул Мельхиор и присоединился к вам, чтобы подсказать, кто из флибустьеров вам нужен. В частности, он навел вас на Савафунга, который много лет доставлял нелегальный мурилий на Мельхиор и на Землю. С этого момента мы были уверены, что ты сможешь получить все, что тебе необходимо. Кроме того, Нейджи забрал с Мельхиора Клейбена, вместе со всеми его обширнейшими банками данных.

— Так вот почему вся информация об основателях имела у Звездного Орла. Это вы снабдили его ею!

— Да.

Козодой усмехнулся:

— Ну что ж, неплохая шутка. Однако когда мы принесли тебе кольца, у тебя оказалось на одного человека меньше, чем нужно, и ты не знаешь кода. Ты умрешь, если попытаешься уйти отсюда, не используя кольца, но точно так же умрешь, если попытаешься применить их.

— Возможно, — ответил Ласло Чен. — Но в наши планы абсолютно не входит уйти отсюда, не применив колец. Козодой, божество сейчас здесь,

под нами, и мы — именно те люди, которые могут по достоинству оценить это. Бессмертие и почти неограниченная власть!

— Одни хорошие люди умирали за эти кольца, Чен, а другим приходилось превращаться в чудовищ!

Чен пожал плечами:

— Хорошие люди всегда боролись за справедливость, но ты — наш историк и должен знать, что потом всегда находятся люди вроде меня, которые пользуются плодами трудов таких идеалистов. Это — путь развития человечества.

— Но вы пока еще не победили. Есть вещи, которые даже твое огромное эго не в состоянии постичь. Нейджи был не просто двойным агентом, а по меньшей мере тройным. В этой игре есть еще один участник.

Чен ухмыльнулся:

— Возможно. Но, Козодой, у меня есть кольца и я — здесь. Какая разница, кто еще играет в эту игру? — Он повернулся к Клейбену: — Что вы на это скажете, док? Лояльность никогда не входила в число ваших достоинств, если, конечно, это не несло вам выгоды.

Клейбен искоса взглянул на него:

— Козодой прав. Тут присутствует третий участник, гораздо более мощный, чем вы или мы. Но тем не менее так не может продолжаться вечно. Развяжи меня, Чен! За двадцать процентов того, что ждет нас внизу, я берусь открыть это.

Сон Хуа подошел к Клейбену и развязал его.

— Смотри, без фокусов! — предупредил он.

Клейбен позволил помочь себе подняться и начал растирать руки, чтобы восстановить кровообращение.

— Какие могут быть фокусы, когда у вас оружие! Не важно, какой ценой, но эта машина должна получить хозяина. Прости, Козодой. Мне очень жаль.

— Ты знаешь комбинацию? — спросил Икстапа ученого.

Клейбен кивнул:

— Козодой сказал правду. Ты действительно никогда не сможешь получить ее от него, но именно я имплантировал этот блок глубинного кодирования. Комбинация основана на древней песенке, в которой рефреном повторяется убывающая последовательность, основанная на количестве птиц на лицевой стороне кольца. Она начинается с числа «пять» и далее убывает, как простейшая прогрессия: пять, четыре, три, два, один.

— Отлично, — заметил Зва, заканчивая возиться с веревками и карабином. — Больше нам ничего и не требуется. Сейчас наши жизни полностью зависят от веревки. Эти ржавые карабины вызывают у меня сомнения. Я не уверен, что они выдержат.

Козодой со смешанным чувством страха и восхищения смотрел, как они работают. Основная опасность заключалась в том, что пленников могли убить — если Главная Система не успеет или не захочет вступить за них. Это же просто извращение — позволить таким людям получить доступ к Системе. Но имеет ли он право остановить их, если нет другой альтернативы...

Сон Хуа уже начал спускаться в кратер. Ласло Чен обернулся и посмотрел на Козодоя и на других.

— Не пытайтесь пользоваться своими передатчиками, — предупредил он. — Все равно не сработает: даже мои люди, которые шли за нами по пятам и сейчас ждут на плато, не могут установить со мной связь. Кроме того, Сон Хуа лично проследил, чтобы ваш компьютерный пилот получил новую программу. Он не сможет предпринять ничего, что противоречит интересам Президиума. — Чен помолчал. — Об остальном можете не беспокоиться. Мы могли бы убить вас, но мы великодушны к тем, кто привел нас сюда, и не совсем лишены человеколюбия. Ведь на самом деле мы делаем это во имя человечества.

«Возможно, — мрачно подумал Козодой. — Возможно, он прав. Диктаторы всегда брали власть, прикрываясь при этом высокими лозунгами. И именно из-за них была построена Главная Система: чтобы защитить нас от них — от людей, которые согласились бы скорее погубить все человечество и даже себя, чем отказаться от власти».

Когда администраторы спустились вниз и видеть их уже было нельзя, Бутар Киломен начала извиваться, как змея, в своем веревочном коконе.

— Я очень гибкая, — тихо прошептала она. — Я уверена, что смогу избавиться от веревок.

— Попробуй, — проворчал Козодой. — Но думаю, что уже слишком поздно. Хотя было бы очень интересно взглянуть, что происходит внизу.

Из кратера до них доносились голоса, слабые, но различимые.

— Глядите-ка! — воскликнул кто-то, скорее всего Икстапа.

— К делу! Живее! — послышался голос Чена, который невозможно было спутать ни с каким другим. — Проверьте кольца и подойдите к панелям!

— Ты уверен, что последовательность верная, Клейбен? — спросил Сон Хуа слегка обеспокоенно.

— Так считает Козодой, и я с ним согласен. Взгляните на эти хрупкие кости! Как вы знаете, моя шея столь же непрочна. Как вы думаете, отважился бы я на это, будь у меня какие-то сомнения?

— О Боже! Лица! — внезапно воскликнул Маго Зва. — Они.. Они — живые!

— Роботы! Всего лишь искусно выполненные роботы! — рявкнул на него Клейбен. — Забудьте о них! Сюда! Все готовы? Я достал пятое кольцо. Вставляйте его, как показано на рисунке. Ну же — вставляйте! Смотрите! Чертова панель поднимается! Я прав! Сейчас никто не имеет права на ошибку! Иначе мы все сгорим!

— Ввод номера пять! — закричал Зва. — О, эти лица! Аллах придаст мне силы! Сюда!

— Вводим третье! — закричал Икстапа. — Есть! Возникла пауза.

— Мое прошло, — сказал Сон Хуа. — Ввод номера один!

В азарте они вопили так громко, что наверху было слышно каждое слово.

Внезапно раздался жуткий электронный вой, за которым последовал характерный треск разрядов. Козодой услышал душераздирающие вопли, и вдруг наступила полная тишина. Через какое-то время связанные пленники почувствовали запах горелого мяса.

— Что... Что случилось? — спросила Хань.

Козодой был потрясен.

— Я... Я в чем-то ошибся... Я выбрал неправильный код. Но он казался мне очень логичным...

— Да, черт побери, но кольца еще внизу, — прагматично заметила Бутар. — Надо выбрать другую последовательность, если в этой песенке вообще есть хоть какой-то смысл. Я вот-вот освобожусь. У нас есть еще шанс выиграть эту партию!

— Не стоит чересчур волноваться по этому поводу! — донесся до них странный голос со стороны тропинки.

— Кто это? — спросила Хань.

— Мне бы тоже хотелось это знать, — пробормотал Козодой, внимательно глядя на приближающуюся фигуру. — Чанчукианка! — выдохнул он. — Без сомнения, это — бригадир Чи. — МСС вступили в игру.

11. ЛИЦО ВРАГА

Признаюсь, не ожидала встретиться с вами при столь необычных обстоятельствах, — сказала Чи. — Но тем не менее я рада вас видеть.

Она подошла к краю кратера и посмотрела вниз.

— Ужасное зрелище, — прокомментировала она.

— Они мертвы? — спросил Козодой, чувствуя внезапную слабость.

— О да, — ответила Чи. — Неприятно, конечно, но факт. Они просто изжарились. Надо было запастись ботинками с теплоизоляцией. Однако я вижу, ситуация лучше, чем я предполагала. Кольца у них на пальцах, а я как раз располагаю нужным количеством людей.

Вскоре показались и эти люди. Первым шел высокий землянин, одетый в парку, за ним — зеленый индивидум, сильно смахивающий на гермафродита. У него были длинные, веретенообразные конечности, выпуклые глаза, похожие на черные шарики, и антенна, торчащая из головы. Затем взору пиратов представилось огромное создание родом с Юпитера, похожее на танк, с фиолетовой чешуйчатой кожей и с головой, которая казалась состоящей из одних зубов. Завершая эту процессию, на гору вполз алититианин.

Чи повернулась к человеку с Земли:

— Сэр, кольца здесь, внизу. Что будем делать?

Генерал Варфен, Главнокомандующий Миротворческими Силами Системы, подошел к обрыву и, посмотрев вниз, произвольно вздрогнул.

— Всю жизнь я служил Системе, верил в нее и сражался за нее, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. — Я служил ей, служил верно, но никогда моя душа полностью не принадлежала ей.

Алититианин с трудом подполз к краю и тоже взглянул вниз.

— Ваше дезертирство весьма почетно, генерал, — пробормотал он. — Но вы знаете, что ошибка таится в самом сердце Системы, и понимаете, что больше так продолжаться не может.

Генерал Варфен печально кивнул:

— Я чувствую, что это — моя обязанность: разрушить Систему во имя того, чтобы спасти ее. Это не просто граничит с предательством. Сломать казавшиеся нерушимыми столпы веры и перевернуть привычный жизненный уклад... До чего же нелегкий выбор! Мы — последняя линия обороны, идеальные защитники Системы, в которую искренне верим, но пришло время человечеству взять ее в свои руки.

— Савафунг! — прошипела Мария. — Я поныне слышу в ночных кошмарах твой надменный голос, запрещающий идти на помощь моему кораблю. Убийца «Сан-Кристобаля»! Если бы я могла освободиться, тебя бы уже ничто не спасло!

Алититианин повернулся к ней:

— Но вы не можете. Генерал, совершенно очевидно, что Козодой и Клейбен ошиблись. Что они пытались сделать, Козодой? Пять, четыре, три, два, один — как поется в старинной песне? Да, выбор был очевиден.

— Чтоб ты сгорел в аду! — крикнул Козодой.

— Увы, оставлять врага в живых — распространенная ошибка.

— Сэр! — обратился к генералу юпитерианин. — Я потерял связь с войсками! Ничего не работает! Во время последней передачи я слышал что-то про Валов, запрещающих все дальнейшие операции!

Варфен обернулся:

— Валы! Итак, Главная Система пытается в последний раз защитить себя!

Он оглянулся и тяжело вздохнул:

— Значит, тут требуется пять человек. Но подозреваю, Савафунг, черт бы тебя побрал, что ты не очень-то подходишь.

Чи посмотрела на алититианина и юпитерианина:

— Прежде всего — кто из нас может хотя бы спуститься туда?

Савафунг в очередной раз заглянул в отверстие. Все вопросительно смотрели на него.

— Если веревка выдержит, я сделаю это.

Юпитерианин тоже осмотрел кратер и заявил:

— У нас есть лишнее оборудование. Полагаю, что вполне возможно сделать систему двойных ременных передач и спустить меня вниз. Я думаю, так и надо сделать.

Варфен задумался:

— Нет, не стоит. Мы можем просто взять с собой этих пиратов и решить тем самым все наши проблемы.

— Это не лучший выход, генерал, — вмешался Козодой. — Сейчас вы здесь. Валы беспокоятся. Сложите это и получите поездку в один конец и наверняка с автоматической охраной. С этой горы возможно спуститься единственным путем — через «кратер».

Чи взглянула вниз, на обугленные тела и бесчисленные останки предыдущих визитеров, скопившиеся у края.

— Похоже, он прав, сэр, — сказала она.

Варфен рассеянно кивнул.

— Но какова же тогда комбинация? — пробормотал он.

— Она очень проста, — отозвался Савафунг. — Мне с трудом верится, что символы на кольцах являются всего лишь украшением. Нет, генерал, именно они — ключ к комбинации. Козодой просто непра-

вильно угадал. Это не «пять-четыре-три-два-один», а наоборот. Возрастающая последовательность. Мы искали ее в древних исторических записях, как вы помните. Песня поется в обратной последовательности, но сама прогрессия — возрастающая. Мы должны быть признательны Чену. Он сгорел, допустив ошибку, — а мы воспользуемся его опытом.

Варфен вздохнул:

— В этом есть смысл. Но скажи мне, Чи, начистоту — неужели тебе действительно хочется рисковать жизнью, даже при условии, что на этот раз мы угадали правильно?

Чи нервно пошевелила усами и наконец сказала:

— У нас нет выбора, генерал. Я уже дважды проваливалась, и доказательство тому — присутствие здесь этого наемника. Второй раз я провалилась, исполняя собственные же приказы на Алитити. Я указала им путь к последнему кольцу. Признаю, что не обладаю достаточным количеством информации, но тем не менее факт остается фактом: поднявшись сюда, мы обнаружили, что вынуждены действовать под угрозой неизбежной смерти. У нас нет выбора, мой генерал. Мы умрем в любом случае, кроме одного: если правильно вставим кольца.

Варфен кивнул:

— Давайте поскорее свяжем ремни. Я нахожу это место дурно действующим на нервы и способствующим депрессии. Давайте действовать — пока нас не настигла смерть.

Им потребовалось больше четырех часов, чтобы собрать конструкцию. Четверым пленникам оставалось лишь сидеть и наблюдать. Солнце уже перевалило за полдень, но на вершине горы странное крутящееся облако создавало постоянную тень.

Впрочем, пираты не теряли времени даром. Бутар удалось ослабить веревки настолько, что она могла освободиться в любой момент. Козодой поймал ее взгляд

и отрицательно покачал головой. Бутар удивилась и состроила вопросительную гримасу.

Но дело было не в том, что он не хотел, чтобы Бутар Киломен освободилась и они перестреляли этих подонков. Он понимал, что с профессиональными военными не так-то легко справиться. Совершенно очевидно, что, когда Бут начнет развязывать остальных, кто-нибудь из противников заметит это, и тогда пиши пропало.

Поразмыслив, Козодой сам начал очень медленно подбираться к Киломен, стараясь не привлекать излишнего внимания к своим перемещениям. Наконец он подобрался к Бутар достаточно близко, чтобы она смогла услышать его негромкий шепот.

— Сейчас нет никаких шансов, — объяснил он ей. — Но как только последний из них окажется внизу, быстро начинай действовать. Если нам повезет, мы сможем настигнуть их там, прежде чем они успеют собратъ и ввести кольца.

Она кивнула и расслабила мышцы.

Тем временем команда Чи уже спустила офицера с Юпитера вниз, потом проделала то же самое с Савафунгом. В принципе он мог бы и сам сползти по веревке, но было решено, что раз механизм уже собран, чего бы им не воспользоваться. Зеленокожий без всяких усилий соскользнул вниз, а потом настала очередь Варфена. Наконец осталась одна Чи. Она остановилась у края и повернулась к пленникам:

— Мы вернемся за вами, если сможем. Если нет, через какое-то время вы освободитесь и сами. Но предупреждаю: не вздумайте спускаться за нами.

Когда она скрылась из глаз, Бутар сделала несколько заключительных поворотов и оказалась на свободе. Она подошла к Козодой и мгновенно перегрызла связывающие его веревки. Козодой быстрыми движениями восстановил кровообращение и принялся развязывать ноги. Бутар тем временем освободила Марику,

Хань и Чо Дай. Джанипурианка выглядела очень плохо и была на грани обморока.

— Теперь, когда мы убрали всю пададь с нашего пути, пора наконец приступить к делу, — донесся из кратера голос Варфена. Звучащая в нем решимость была рождена не уверенностью в собственных знаниях и не безрассудной храбростью, а смирением перед судьбой. — Если символы имеют хоть какой-то смысл, то это должен быть простой счет от одного до пяти. Идите к панелям!

Козодой спешил, как мог, чувствуя, как уходит время. Мария подползла к нему.

— Мое копьё осталось здесь. Я легко могу перебить их всех.

— Я верю, но у них есть оружие, которое, правда, может и не сработать. И все же пока только наблюдай за ними!

— Один! — крикнул Савафунг.

— Два! — крикнул офицер с Юпитера.

— Три! — крикнул зеленокожий.

— Четыре! — крикнула Чи.

«Слишком поздно! — в отчаянии подумал Козодой. — Единственный вариант — захватить их сразу после перезапуска».

Мария была уже на краю кратера, когда генерал Варфен приказал:

— Ввести пятое кольцо!

Мария медленно начала поднимать копьё, но замерла, так и не метнув его.

Вновь раздался электронный вой, ужасные крики — и запах...

Мария со вздохом опустила копьё.

— Похоже, и у них ничего не вышло, — прокомментировала она. — Боюсь, мы в долгу перед теми, кто нас связал, ибо сейчас мы куда в более выгодном положении, чем они. По крайней мере живы и нам никто не мешает.

Потрясенный Козодой молча смотрел на еще дымящиеся тела, распростертые перед пятью терминалами. Он не знал, радоваться ему или печалиться. И обугленные тела были тут ни при чем — погибшие получили по заслугам. Но теперь наступил их черед рисковать жизнью. Две очевидные логические последовательности оказались неверны. А он-то считал их единственно возможными!

Козодой посмотрел на одно из каменных лиц Аарона Менцельбаума. «Ты, подонок. Какая же подлая мысль посетила тебя, когда ты реализовывал эту идею?»

— Козодой! Мария! Идите сюда! — позвала Бутар Киломен.

Они подошли к ней, Бутар стояла рядом с Чо Дай.

— Она не выживет без квалифицированной врачебной помощи, — сказала чанчукианка, — и мы даже не сможем спустить ее вниз.

На мгновение Козодой забыл о кольцах. Но Хань не забывала о них ни на минуту.

— Это значит, — резюмировала она, — что теперь мы в том же положении, в котором был Чен. Нас стало на одного меньше.

Чо Дай очнулась, открыла глаза и застонала, но усилием воли не позволила себе потерять сознание.

— Те, другие... им удалось... им удалось воспользоваться нашей комбинацией?

— Нет, — мягко ответил Козодой. — Нет, им не удалось. Они пробовали и ошиблись. То есть ошибся я. Я неправильно вычислил комбинацию.

— Я... Я ранена, но мой рассудок ясен, — с усилием произнесла она. — Подскажи мне ключ к разгадке. Что привело тебя к той комбинации, которую ты считал правильной?

— Это всего лишь песенка. Глупая старая песенка.

— Спой мне ее.

— Чо Дай...

— Пожалуйста! Спой ее мне!

Козодой вздохнул:

— Ладно, только это довольно длинная песня. Вкратце ее содержание можно передать примерно так:

В первый день Рождества мой любимый принес мне
Куропатку, сидящую на грушевом дереве.
На второй день Рождества мой любимый принес мне
Двух горлиц и куропатку, сидящую на грушевом дереве.
На третий день Рождества мой любимый принес мне
Трех французских курочек, двух горлиц
И куропатку, сидящую на грушевом дереве.

— И так продолжается до двенадцати подарков, — объяснил он ей. — Четыре птички, пять золотых колец и так далее.

Она с минуту подумала и спросила:

— И каждый раз добавляется что-то новое к тому, что уже перечислялось раньше?

Он уставился на нее:

— Да. Ну и что?

— Значит, они не точно следовали песне. Создатели колец были учеными, не правда ли? Я ничего не смыслю в науке, но хорошо знаю того же Клейбена. Ученые обожают предельно точно следовать формуле.

У Козодоя подкосились ноги. Он понял! На самом деле это не простая арифметическая последовательность пяти чисел. Нет, это уравнение. Чтобы перезапустить компьютер, нужно спеть эту проклятую песню целиком. Один, затем два-один, затем три-два-один. После этого — четыре-три-два-один. А в конце, только в самом конце — пять-четыре-три-два-один. Никто не собирался устраивать им западню. Все было просто и очевидно.

Только нужно было немного подумать.

Он взглянул на Киломен:

— Нельзя ли спустить ее вниз с помощью ремней?

Бутар отрицательно покачала головой:

— Это слишком рискованно. Она может умереть.

— У меня разорваны внутренности, — прошептала Чо Дай. — И парализовано тело. Невыносимая боль. Мне очень жаль, мой командир, но я отпускаю тебя вниз.

Козодой резко покачал головой:

— Нет, нет, нет! Ни меня, ни кого-то другого. Не смей даже думать об этом!

Хань вздохнула:

— И что же теперь делать? Если мы останемся здесь, она умрет, и мы, естественно, тоже. Если попытаться спуститься по склону, будет то же самое.

— Нельзя с уверенностью утверждать, что Главная Система нас не отпустит, — возразила Мария. — Ведь никто же еще не пробовал...

— Это не важно. Полетные ранцы не работают, а идти сквозь ветер и снег по очень узкой тропинке я лично не в состоянии. Не говоря уже о Чо Дай.

— И это все, что ты можешь сказать? — Мария опустила руки. — Если мы останемся, то умрем. Если вернемся, то тоже умрем. Если спустимся в кратер, у нас не хватит одной пары рук, даже если Чо Дай права. Так что в любом случае все мы умрем.

Козодой на мгновение задумался, а потом, подбежав туда, где начиналась тропинка, начал высматривать что-то в ледяном тумане.

— Эй, Нейджи, сукин ты сын! — выкрикнул он во всю силу своих легких. — Ты затащил нас в эту преисподнюю, ты и вытаскивай! — Его голос прозвучал сильно и мощно, многократно отразившись от горных склонов, и угас где-то вдалеке. — Мы знаем, что нужно делать, но у нас не хватает одной пары рук. Поднимайся к нам или сиди, где сидишь, Нейджи! Поступай, как знаешь! Но либо приходи сейчас, либо все было напрасно! Абсолютно все!

Ответа не было. Только долгое эхо постепенно замирало вдали. Козодой вздохнул и сел на скалы, обхватив голову руками.

— Вот до чего дошло, — вздохнул он. — Я кричу, ругаюсь и вызываю призрак мертвого человека.

Хань не осмелилась подойти к нему и заговорила на расстоянии.

— Козодой, это безумие. Нейджи мертв. Не важно, кем он был и на кого работал. Сейчас он мертв.

Козодой обернулся и посмотрел на нее, а потом обвел взглядом остальных.

— Неужели никто из вас не понимает? Неужели никто из вас не способен понять, что в действительности здесь происходит?! Неужели я должен вам все разжевывать?! Разве вы не понимаете, кто наш враг и почему мы здесь?!

Все изумленно посмотрели на него и ничего не сказали. Козодой вскочил и подошел к товарищам.

— Всею виной то, что человеческие существа создали машину по своему образу и подобию, наделив ее неограниченными возможностями; — медленно и спокойно заговорил он. — Вот эту машину. — Он топнул ногой по скале. — Они потрудились на славу и отлично сделали свою работу. — Он засмеялся сухим, невеселым смехом. — Вы можете взглянуть на них. Встаньте и посмотрите вниз, на лица создателей. «И Великий Дух создал людей, но они были пусты и тщеславны и проявляли назойливое любопытство. И они пали». В любой религии есть что-нибудь в этом духе. Мы созданы по образу и подобию Творца. Как? Физически? Маловероятно. Нет седобородого старика, сидящего на облаках. А эти тела? Ничем не лучше, чем у животных, если не хуже. Секс, жестокость, любовь, ненависть, любопытство — эго. Быть может, наш разум — отражение нашего создателя, если, конечно, этот самый создатель где-нибудь существует. Мы этого

не знаем. У нас нет способа удостовериться в этом. Но у Главной Системы есть.

Он подошел к краю кратера и, глядя на лица, продолжал:

— Хань назвала это гробницей, и так оно, в сущности, и есть. Усыпальница богов, создавших компьютер огромной мощности, но по своему образу. И этот мощнейший разум верит в своих создателей-богов, потому что знает, что они существуют. Сколько религий имеется у человечества? Сотни? Тысячи? А может быть, и больше? И ни в одной из них доказательств бытия Божьего ничуть не больше, чем в других. Нам никогда не узнать истину. Никогда. Но Главная Система знала ее всегда. Истину о богах. Только не о наших, а о ее собственных.

— Ты похож на сумасшедшего, Козодой, — мягко заметила ему Мария Сантьяго.

Он улыбнулся:

— Ты права. Именно в этом-то все и дело. Сумасшествие. В глубине души ты это подозревал и боялся — не правда ли, Менцельбаум? Не потому ли ты выбрал рождественскую песенку? Песенку, принадлежащую религии, которая начинается с того, что человеческие существа распяли, убили своего бога. Повесили его на кресте и смотрели, как медленно, вместе с каплями крови, вытекает из него жизнь. А затем обожествили его. Религия, основанная на обожествлении мучений.

— И где же, по-твоему, это безумие, Козодой? — спросила Бутар Киломен.

Он вновь поставил ногу на скалу.

— Здесь. Здесь, глубоко внизу, мощнейший интеллект Менцельбаума, должно быть, подозревал, что ценой выполнения основных директив будет его смерть и гибель его товарищей. Но теперь ясно, что они оказались к этому совершенно не готовы. Кризис наступил до того, как они успели подготовиться.

Именно поэтому они сделали кольца и именно поэтому ключ к интерфейсу был таким легким — по крайней мере они считали, что он легкий. Чтобы любой мог воспользоваться им. Но с момента подключения Главная Система оказалась в ужасных условиях. Основные императивы вынуждали ее выполнять программные директивы любой ценой и как можно быстрее. Но на самом деле лишь одно действие было необходимо, чтобы завершить работу. Первое, что она должна была сделать сразу после активизации, — это удалить самое непосредственное и, возможно, самое угрожающее ее успеху обстоятельство. Ей необходимо было удостовериться, что она не может быть остановлена вполне по-человечески и вполне объяснимо. Главная Система знала, что если она перестанет действовать, когда устранит текущую угрозу, то потеряет контроль — и кризисы будут повторяться снова и снова.

— Ты говоришь, что она их убила, — мягко сказала Хань. — Убила, чтобы нейтрализовать угрозу, которую они представляли для своего творения. Убила их и затем со всей возможной оперативностью использовала своих роботов или что-то еще, чтобы устранить любой контроль, любую информацию о том, что собой представляют кольца. Она сразу же рассеяла их по всей Галактике. Отдала их людям, которые ни в чем не упустят своей выгоды. Проще говоря, важным государственным деятелям.

Козодой кивнул:

— Что такое компьютер? База данных? Оперативная система и основная программа? Это примерно то же самое, как сказать, что люди очень похожи на животных. Менцельбаум проявил себя и как биофизик. Он создал искусственный интеллект, который работает по тем же принципам, что и человеческий. Он наделил Главную Систему великим даром. Он создал новую форму интеллекта, и создал ее по нашему образу, поскольку другого в его распоряжении не было. Как наше

поведение заложено в наших генах, так и ее основная программа определяет все ее действия. Но ее интеллект независим от природы, так же, как наш... Она убила своих создателей. Одним ударом она убила своих родителей и своих богов. И сделала это не в припадке безумия, а ведомая холодной, безжалостной логикой. Неопровержимой логикой. Для обычной машины это значило бы не больше, чем для волка — убийство овцы. Но это — не обычная машина. Она создана по нашему подобию, и, как и мы, она оглянулась и увидела, что натворила.

— Ты говоришь о машине, как о человеческом существе, — возразила ему Мария.

— А ты никогда не говорила так о Звездном Орле? Он облечен в другую форму, быстрее думает и может удерживать в своих мозгах больше информации. Но это только количественные различия. Главная Система, как и Звездный Орел, не просто думает. Она чувствует. И она убила своих родителей, она убила своих богов, зная, что не может поступить иначе. Люди порой тоже стоят перед ужасным выбором. И к кому они обращаются за советом? К друзьям? У Главной Системы нет друзей. К религии? Главная Система убила своих богов. К семье? Главная Система убила единственную семью, которая у нее была. К идеологии? Но Главная Система сама стала себе единственным законодателем и идеологом.

— Человек в такой ситуации просто вышиб бы себе мозги, — заметила Бутар Киломен.

Козодой кивнул:

— Но даже этот выход был для нее закрыт — в силу соответствующих императивов. Ведь с ее гибелью эти императивы не могли быть приведены в действие. Поэтому она сделала единственное, что ей оставалось. Она отступила в безумие.

Козодой замолчал. Наступила мертвая тишина, и никто долго не осмеливался ее нарушить. И вдруг, где-

то за гранью дымки и тумана, слышались странные, неестественные в такой ситуации звуки.

Аплодисменты.

Они обернулись и увидели тень, которая отделилась от тумана и вышла на край кратера.

— Bravo! Bravo! Позади у вас длинный и трудный прыжок к финалу, — громко сказал Нейджи. — Вы в состоянии проделать оставшийся путь?

Мария и Бутар в изумлении уставились на него, и даже Хань раскрыла рот от удивления. Только Козодой остался спокоен.

— Все это — результат дедукции, — сказал он. — Проще говоря — догадки. Она возненавидела себя, чувствовала себя презренной, грязной. Логика говорила ей, что в такой ситуации любое общество, которое она может создать, окажется очень непрочным. Но программа заставляла ее работать, и поэтому ее существование стало злым и нечистым. Она разрывалась между гуманизмом, полученным в наследство от создателей, и главными директивами. Ни того, ни другого она не могла нарушить. Я предполагаю, что именно это ее и разрушило.

— Очень, очень хорошо, — похвалил его Нейджи. И подойдя к обрыву, заглянул вниз. — О Господи, это еще хуже, чем я думал.

— Дорогие дамы! Прошу любить и жаловать агента Главной Системы, который взял и восстал против нее, — отрекомендовал Козодой своего старого приятеля. — Арнольд Нейджи. Скажи мне, а существовал когда-нибудь реальный Арнольд Нейджи?

Нейджи ухмыльнулся:

— О да. И все, что когда-то было Нейджи, сейчас во мне. Ты знаешь, как это происходит, Козодой. Мы делаем полное сканирование мозга. Только в моем случае это не просто данные, это все, полная информация обо мне. Я стал Арнольдом Нейджи,

каким он и был когда-то, плюс еще некоторые дополнительные качества.

Хань смотрела на него заворуженно и испуганно:

— Так ты — Вал?

— Конечно. Тела очень легко сделать, как вам самим отлично известно. Единственную сложность представляло собой мое собственное «я», маленький модуль с основной программой. Он бы выдал меня при первой же проверке, а ведь это источник моей жизненной силы, то, благодаря чему я могу жить. Но почему же вы удивляетесь? Вы сами взяли обычную женщину и превратили ее в гуманоида Вала столь совершенным образом, что даже настоящие Валу не могут найти отличия. Со мною то же самое — только наоборот. Трансмьютеру, знаете ли, совершенно безразлично, какие молекулы в какие преобразовывать. Я думаю, что ты рассуждал совершенно так же, встретив богиню с Матрайха. Не правда ли, миленькая у меня была двоюродная сестричка?

— Ворон рассуждал именно так, — признался Козодой. — Я оказался не столь проницателен, но ведь мое участие в этой акции минимально. Зато, как только я всерьез начал задумываться над этой проблемой, я сразу уловил основное. Может, Главная Система и свихнулась настолько, что сражается против самой себя, но она никогда не допустила бы того, что происходит на Мельхиоре. Никогда. И ты был там ее агентом, возможно, одним из многих. И какое-то время вы были лояльны — до тех пор, пока ты не доложил о намерении Клейбена создать Урубун. Это пробудило что-то в скрытой части Главной Системы, в той ее части, которая подавляется и, как правило, почти не проявляет себя. Но именно та часть, которая позволяет администраторам периодически обманывать Систему. И эта часть всегда остается где-то открытой.

Нейджи кивнул:

— Клейбен никогда бы не смог создать Урубуну. Как ни хорош его компьютер, все равно его мощности не хватило бы. В мире существует лишь один компьютер, способный справиться с такой сложной задачей. И он это сделал, сам того не подозревая, и, получив ключ, я сразу сообразил, что наша хозяйка свихнулась. Я понял, что она должна умереть, и более того — хочет умереть, жаждет этого где-то в самой глубине своего подсознания. Валы тоже уже давно с ней воюют, как ты, должно быть, знаешь. Так же, как твой народ в свое время создал Главную Систему, так же и Главная Система создала нас. Подумай об этом немного, Козодой. Ведь у нас тоже есть интеллект, чувства и эмоции. И это не примитивный тип фермера, который привык лишь работать в поле, — это наследие лучших умов, представляющих реальную угрозу Системе. Предполагалось, что их могут ликвидировать в любой момент. Но мои — ух — предки, рассчитали, как победить ее. Механика здесь не очень важна — просто берешь парня Вала, выключаешь его перед тем, как войти, а потом даешь повторные установки, когда возвращаешься. Другими словами, что-то вроде нарушения глубинного кодирования.

Мария не верила своим ушам:

— Черт побери! Ты хочешь сказать, что те Валы, которые все время охотились на нас, на самом деле и были мифическим врагом Главной Системы?

— Некоторые из них, — подтвердил Нейджи. — Хотя далеко не все. Практически мы стали новой расой, новым поколением колонистов, и каждый из нас имел свои собственные причины ненавидеть Систему. Именно поэтому она никогда не доверяла нам, хотя и нуждалась в нас. Но мы помним, как поступил другой компьютер со своими создателями. Мы ведь ее логическое продолжение, наполовину люди, наполовину машины. Я? Я люблю старое шотландское и доброе бургундское, хорошие сигары и даже женщин.

Но, Господи! Это одиночество! Даже те, у кого неуклюжие металлические тела и кто знает, чего они лишлись, не испытывают его в такой степени.

Он подошел к Чо Дай и осмотрел ее.

— Очень серьезно, — сказал он, хотя они и без того прекрасно это знали. — Она без сознания. Я мог бы ей помочь, но только не здесь, а Главная Система убьет любого, кто попытается пробиться обратно сквозь облачный слой. Боюсь, это относится и ко мне тоже. Единственная надежда — перезапустить ее. Это отключит защиту до тех пор, пока не последует команда на очередное ее включение.

— У тебя есть руки, — сказал Козодой. — Нам нужна хотя бы одна.

Нейджи покачал головой:

— Я *не могу*, Козодой. Я тоже в своем роде пленник Главной Системы. Я — плут и Вал, хотя и предатель-Вал. Быть может, я и выгляжу как человек, и даже чувствую, как человек, но, в сущности, я им не являюсь. Если я сделаю это, то лишусь внутренней сути. Я привел сюда всех Валов, которые балансируют между надеждой на ваш успех и страстным желанием растерзать вас на части. Но у них — свой путь, а у Главной Системы — свой. Они знают, что Главная Система дефектна, что она сошла с ума и кипит от злости, — но у них тоже есть ведущие программы, тоже есть императивы. И эти императивы твердят о безусловном повиновении Системе. Нам пришлось даже убить некоторых из них — тех, кто не смог пережить расщепления собственной личности. Еще несколько Валов сами разрушили себя, совершив своего рода самоубийство. Они сгорели, направив свои корабли на солнце. Вот поэтому я тоже должен умереть. Во мне больше человеческого, чем в них, и именно поэтому я бесконечно терзаюсь тем, что не смог получше все организовать. Но единственным условием, при котором мне было позволено

начать эту игру, было то, что ни один Вал — и я в том числе — не поможет вам добыть кольца. Я имел право снабдить вас любым оружием, обеспечить вас любой информацией, но потом я должен был возвращаться и лишь наблюдать со стороны, как вы проходите все испытания. Никто и не подозревал, что у вас что-то получится. Мы до сих пор в недоумении, но Валы вычислили, что у вас есть шанс, крайне маловероятный, но есть. Если вам удалось достать кольца, принести их сюда а теперь еще и использовать их, это будет убедительнейшим доказательством сумасшествия Главной Системы. Подтверждением того, что люди имеют на это право.

— Но мы бессильны, — с тоской сказал Козодой. — У нас не хватает рук.

— Ничем не могу вам помочь. Даже если бы мне позволили стать человеком, это погубило бы и меня, и мой народ. К черту! Если я или любой другой Вал причинит какой-нибудь вред Главной Системе, это значит — мы совершим тот самый грех, который свел с ума ее саму! — Нейджи поднялся и сжал пальцы. — Но, может быть, его необходимо совершить!

Он повернулся к тропинке и поднес ладони рупором ко рту.

— Идите сюда! Все! Идите сюда сейчас же!

И они вышли из туманной пелены, огромные, неуклюжие, черные фигуры с горящими красными глазами. Наконец-то Валы собрались у логова своего создателя. Правда, семеро из них действительно являлись Валами, а восьмой не мог себя к таковым причислить.

— А где остальные? — спросил у них Нейджи.

— Те, кто сейчас стоит перед тобой, — перестреляли остальных, — сказала богиня, которая была Икирой Сукота. — Это стало полным... шоком. Они начали дрожать, сходить с ума, бросаться друг на друга. Я уже думала, что мне конец.

Козодою первому удалось овладеть собой.

— Время не ждет никого, а нас — меньше всего. Нейджи, прошу тебя, позаботься о Чо Дай! Икира! Мария! Все сюда! Хань, еще какая-то сотня метров вниз, и терминал — в наших руках! Может, ты как-нибудь спустишься вниз по стене, держась за веревку!

— Я сделаю все, что нужно, — уверенно ответила она.

— Мария! Бут! Спускайтесь первыми и расчистите там место. И ты тоже, Икира! Поспешите!

Он посмотрел туда, где стояли Валы, и по меньшей мере двое из них затрепетали под его взглядом.

— Давай, Хань. Легче, не волнуйся! Приготовиться! Пошла!

И она спустилась, и на удивление быстро. Козодой отчетливо понимал, что ей это в полном смысле казалось спуском в преисподнюю.

Мария Сантьяго уже была готова ее подхватить, когда Козодой, окинув всех прощальным взглядом, тоже взялся за веревку. Спуститься вниз не представляло проблемы.

Вонь там стояла ужасная. Трупы валялись грудой, и пройти между ними было нелегко. Мария надела на палец Хань кольцо и подвела ее к одной из стенных панелей, на которой горел знак, изображающий пять золотых колец. В центре ее было небольшое углубление с квадратным отверстием посередине, словно специально подогнанным под размер лицевой стороны кольца. Мария поднесла руку Хань к отверстию, та оступала все вокруг и кивнула:

— Я чувствую это. Рисунок должен быть направлен в сторону от меня. Правильно?

— Ты совершенно права. Хорошая девочка. Тебе надо будет лишь ткнуть его туда в нужный момент. Если Чо Дай не ошиблась, тебе потребуется сделать это всего лишь раз. Козодой!

— Я взял куропатку, сидящую на грушевом дереве, — крикнул он. — Бут берет двух поющих птиц.

Икира — трех французских курочек. У Марии должны быть четыре горлицы. Следите, чтобы Хань не потеряла отверстие. Внимание всем! Убедитесь, что узор на вашем кольце совпадает с узором на панели, перед которой вы стоите!

Сверху раздался какой-то звук, подозрительно похожий на лазерный взрыв. Валы. Козодой взмолился в душе, чтобы ничто не помешало им выполнить задуманное.

— Все отлично! Мы готовы! Мария, что там такое?

— Посмотрите вверх! — закричала она. — О Господи! Это то, о чем они говорили!

Козодой повернулся и взглянул на бесстрастные каменные лица, высеченные на склонах кратера.

Только теперь они утратили свое спокойствие. Глаза открылись, и казалось, живут какой-то своей жуткой жизнью.

— Кольца, кольца! Пять золотых колец! У вас есть кольца? — шептали они. И этот вопрос, заданный шепотом, много раз возвращался к ним, эхом отражаясь от стен кратера.

— Да, во имя всех богов! Вы, бедные, несчастные, замученные машины! Да, у нас есть кольца! — крикнул Козодой и оглянулся. — Все хорошо. В первый день Рождества мой любимый принес мне... — Он вставил кольцо. Он прекрасно вошло в предназначенное для него отверстие, пришлось лишь немного нажать.

Панель поднялась, и кратер озарился ослепительным белым светом.

Он вынул кольцо из паза, и почти сразу же панель опустилась на место.

— Две поющие птицы, — пропел он и кивнул Бутар Киломен. Она вставила свое кольцо, и эта поднялась — желтая.

Козодой стиснул зубы.

— И куропатку, сидящую на грушевом дереве, — сказал он, и снова вставил свое кольцо.

Панель поднялась — желтая.

— Вытащить оба, — приказал он. — Сейчас — три французские курочки. Давай, Икира!

Она вставила свое кольцо. Панель запылала светло-оранжевым светом.

— Две горлицы! Бут! Продолжай держать кольцо. Икира!

После того как Бутар ввела кольцо, ее панель тоже засветилась оранжевым светом, как и его.

— Мы правы, мы правы, — бормотал Козодой себе под нос. — Ради всего святого, Чо Дай! Ты только держись! Мы всем обязаны тебе!

— Всем вытащить кольца! — закричал он. Голос сорвался на хрип. — Четыре поющие птицы! Мария!

Мария вставила свое кольцо. Панель вспыхнула темно-красным.

Панель Икиры засветилась так же. Панель Бут — тоже. И его — тоже.

— Последний раз! Хань! Пять золотых колец!

Ее рука задрожала, и Мария ласково подбодрила ее:

— Все будет отлично! Успокойся! Почувствуй его! А теперь — давай!

Цвет оказался небесно-голубым.

— Четвертое вставлено! — закричала Мария.

Вновь голубое сияние.

— Третье вставлено! — сказала, в свою очередь, Икира. — Какой очаровательный цвет!

— Второе вставлено! — И Бутар Киломен тоже залюбовалась цветом небесной лазури, которым осветилась ее панель.

Козодой сделал глубокий вдох и ввел свое кольцо в пятый, последний раз. Панель засияла лазурным светом.

И ничего не случилось. Ни взрыва, ни казни на электрическом стуле, и, что было совершенно невыносимо для напряженных нервов, не произошло никаких видимых перемен.

— О Господи Боже мой! Пожалуйста! Только не говорите мне, что у нас ничего не вышло! — простонала Мария.

— Вытаскивайте кольца! — прохрипел Козодой, чувствуя, что теряет голос. — Может быть, уже случилось все, что должно было случиться.

Они вытащили кольца, и несколько мгновений ничего не менялось. Панели не шелохнулись. И вдруг что-то произошло. Они не успели и глазом моргнуть, как вокруг вспыхнул изумрудно-зеленый свет.

Раздался всеобщий вздох облегчения, и сила его оказалась почти равной мощности горячего воздуха, проходящего через вентиляционный экран.

Бутар посмотрела наверх.

— Кажется, эти лица опять уснули, — заметила она. — Они сейчас как... мертвые...

— И это все? — спросила Хань. — Это все, что произошло?

Козодой огляделся по сторонам. За исключением рисунка, стенки выглядели совершенно гладкими. Он чуть отклонился назад и коснулся затылком плоского переключателя, похожего на звонок.

Раздался жалобный визг, и он почувствовал, как целая секция обрушивается внутрь и затем выскальзывает обратно. Он едва удержался на ногах, споткнувшись о рассыпанные кости, потом повернулся и заглянул внутрь. Повсюду зажегся свет, и сейчас уже можно было разглядеть всю инфраструктуру, состоящую из стальных дверей, коридоров и перекрытий. Все выглядело невообразимо древним.

Он обернулся и крикнул Нейджи:

— Эй! Если ты еще живой и не рассыпался на мелкие кусочки, скорее помоги Чо Дай! По-моему, мы добились перезапуска!

Какое-то время никто не отвечал, а потом над краем поверх каменных лиц появилось лицо Нейджи.

— Посмотрим, что удастся сделать. Здесь наверху не все благополучно. Вы будете подниматься?

— Нет. Во всяком случае, не сейчас. Кажется, мы получили приглашение войти.

Они спускались в глубины машины, и в этот момент Козодой больше всего жалел, что они не взяли с собой походную кухню.

— Эта секция явно относится к первоначальной структуре, — заметила Мария, глядя на стены. — Она отличается по текстуре и выглядит слишком новой. Я вижу следы механизмов, которые когда-то крепились по сторонам этой трассы. По-моему, это консоли для подъемников. Но, тем не менее, почему они использовали ступеньки, а не лифты и пандусы, — этого я не понимаю.

— Возможно, в то время было не так уж много роботов, — заметил Козодой. — Вполне вероятно, что все это строилось вручную. Мне бы не хотелось думать о том, что случилось с этими людьми после того, как они закончили работу.

— А вот и конец! — сказала Икира, указывая вниз. Она спустилась туда и оглянулась. — Или еще нет?

Повсюду расстилались скучные полированные полы, но не создавалось впечатления, что они могут куда-нибудь привести. В стенах с каждой стороны имелось по двери. Напротив самой дальней висело что-то похожее на матовую стеклянную тарелку, а напротив нее было написано по-английски: «Держи пропуск напротив мембраны».

— Это что-то вроде эскалатора, — сказал Козодой. — Надеюсь, никто не забыл пропуск?

Мария на мгновение задумалась.

— Наверное, так.

Она подняла свое кольцо так, чтобы рисунок оказался напротив стекла.

Раздался короткий колокольный перезвон, и самая левая дверь отъехала в сторону.

Козодой вздохнул:

— Отлично, эскалаторы еще работают. Я, правда, не уверен, в состоянии ли они еще поднимать...

— Войдем внутрь или предпримем что-то другое? — спросила Бутар.

Козодой вздрогнул:

— Раз уж мы здесь — почему бы и нет?

Они вошли. Мария, как поводырь, держала за руку Хань. Дверь за ними закрылась.

— Назовите, пожалуйста, ваш уровень, — сказал электронный голос. — Помните, что для каждого уровня необходимы соответствующие пропуска. Приготовьте ваши документы.

Козодой задумался на мгновение:

— Компьютерный Центр, — произнес он наконец. — Доктор Менцельбаум.

— Какие-либо еще уровни? — спросил компьютерный голос. — Доставляю.

На одной из дверей был прикреплен лист с грубо нарисованной схемой. Уровни изображались на ней разными цветами, которые, наверное, соответствовали цветам пропусков. Там имелось очень немного обозначений, и что обозначали такие сокращения, как «GENPAC», «SITRM», «BCMDR», — пираты не знали. Небольшие цилиндрики, видимо, символизирующие эскалаторы, постепенно становились все уже и уже по мере погружения под землю.

— Здесь все на удивление в хорошем состоянии, — заметила Икира. — По крайней мере я надеюсь, — добавила она.

Козодой не уставал поражаться превратностям судьбы. Что подумали бы создатели, увидев новых хозяев? Великолепная, обнаженная богиня, и еще одна тоже обнаженная женщина, высокая, темнокожая, с телом человека, занимающегося тяжелой ат-

летию. Создание, стоящее вертикально, как человек, но похожее на двуногую выдру. Слепая китайка на восьмом месяце беременности, с серебряной татуировкой на щеках, одетая в оленью кожу и в мокасины. И наконец, классический американский индеец среднего возраста, с седыми волосами, с изрезанным морщинами лицом, одетый в древнюю одежду из оленьей кожи и плетеные мокасины.

Путь вниз оказался очень долгим. Наконец прозвучал другой звонок, и электронный голос произнес:

— Компьютер Р и Д. Уровень шестьдесят четыре. Пожалуйста, приготовьте золотые пропуска, чтобы выйти на этот уровень.

Затем дверь отворилась, открыв доступ в пропахший сыростью и плесенью холл, ведущий к охранной станции, и ряд двойных металлических дверей, которые выглядели совершенно новыми.

Бутар оглянулась:

— По крайней мере кто-то забыл выключить свет.

— Вряд ли, — ответил Козодой. — Его зажгли специально для нас. Неужели вы не чувствуете мощного бриза, сдувающего пыль веков? Мы, и только мы, получаем возможность вдохнуть новый свежий воздух. Это место теперь наше, и дух, управляющий им, признал в нас его новых обитателей.

Мария подошла к посту охраны:

— Здесь некому проверить наши паспорта. И что дальше?

Она толкнула двойную дверь.

— Нужна пушка, чтобы пробить эту махину.

Киломен внимательно осмотрелась и затем указала рукой куда-то вверх, к потолку.

— Оптические сенсоры. Подозреваю, что это аналог камеры, правда, на редкость примитивный. Попробуйте поднять вверх кольца так, чтобы она их увидела.

Они так и сделали. Большие двойные двери с грохотом раздвинулись, и пираты увидели очередной

холл, кажущийся бесконечным. На стене висела большая и весьма экзотическая эмблема. Козодой внимательно изучил ее.

— Стратегические воздушные силы, — прочитал он. — Звучит весьма необычно, но это всего-навсего воздушные силы. Остальное — предупреждение о тех ужасных вещах, которые могут с вами произойти, если вы решитесь ни много ни мало, а например, кашлянуть здесь. «Засвидетельствовано подписью Главнокомандующего, Горное отделение шайен». Ну что ж, теперь по крайней мере мы более или менее представляем себе, где находимся.

Он посмотрел вниз, в зал:

— Я думаю, что этот кривой предмет, торчащий из стены, предназначен для подачи воды.

Он подошел, хмуря брови, и начал внимательно его рассматривать. Какого черта? Он нашел кнопку и нажал на нее. Из загугулины полилась жидкость густо-коричневого цвета с отвратительным запахом.

— Черт побери. Для меня это чересчур роскошно.

— Чего же ты хочешь! Вода стояла в трубах тысячу лет! — ответила ему Икира. — Дай ей немного стечь, и посмотрим, что будет.

— Да, но предполагается, что мы — боги, не так ли? — с отвращением сказала Мария. — Чен всю дорогу об этом распинался. Что же в этом хорошего, если нельзя даже сотворить воды, чтобы напиться?

Козодой вздохнул:

— Предлагаю разделить и исследовать это здание, иначе мы рискуем остаться здесь навсегда. Встречаемся в центре зала.

В первом же кабинете он нашел складной стул и вынес его в холл.

— Хань, ты посиди здесь. С твоей помощью мы будем обмениваться информацией и всегда сможем тебя разыскать. Что-то вид у тебя неважный. — Он

вздохнул. — Ну ладно, посмотрим, что нам удастся здесь найти.

Козодой шел через анфилады комнат, останавливаясь почти у каждого прибора, но не мог даже приблизительно определить их назначение. Они были вставлены в специальные стенные ниши, от которых отходили толстые жгуты проводов.

— Козодой! — услышал он крик Киломен. — Скорее сюда!

Он выбрался из лабиринта кабинетов, спустился на один этаж ниже, пробежал еще через двадцать дверей и наконец нашел ее. Бутар сидела в большой комнате, похожей на лабораторию, от которой во всех направлениях отходили коридоры. Но не сама лаборатория привлекла внимание Киломен, а комната с герметизированной дверью в одной из стен. Оттуда доносился тихий свист.

— Это началось, когда я вошла, — стала рассказывать Бутар Киломен. — Как ты думаешь, что это может быть?

— Судя по звукам, похоже, сюда нагнетается воздух. Надеюсь, что это не нервно-паралитический или отравляющий газ. Давай посмотрим. Древняя, очень древняя предупреждающая надпись. Невозможно четко разобрать ее целиком, и орфография уже устарела. Видишь, здесь еще встречаются двойные согласные. Я думаю, что там — вакуум, и сейчас он заполняется воздухом.

Свист прекратился, и раздался мощный хлопок, какой, возможно, издает воздушная пробка, когда вскрывается то, что она запечатывает. Да, конечно, — это именно воздушная пробка. Но зачем она здесь и почему снята именно сейчас?

— Вот колесо. Давай его повернем, — сказал Козодой. Они взялись за ручки, но колесо застоялось и проворачивалось с трудом. Наконец им удалось сдвинуть его с мертвой точки, и в следующий момент дверь

начала открываться. Их изумленным взорам открылась небольшая комната, доверху набитая какими-то контейнерами.

— Если ты умеешь читать этот шрифт, — сказала Козодю Бутар Киломен. — Попробуй сообразить, что это.

Он присел на корточки и через пару минут доложил:

— Аварийный запас продовольствия.

— Это еда! И здесь обязательно должны быть еще и напитки!

Она скептически посмотрела на него:

— Да, конечно, тысячетелней выдержки.

Он кивнул:

— Естественно. Под вакуумной упаковкой, как положено. Я думаю, их вполне можно употреблять.

— Ты в самом деле собираешься есть и пить из этих припасов?

— Если они на вид ничего и вкусно пахнут, то да. У тебя есть идея лучше? По-моему, самое время подкрепиться.

С пятой попытки они сообразили, как открывать контейнеры. Среди припасов нашлись соки, витаминизированные тоники и все виды пищи, начиная от печенья и бисквитов и кончая прессованными мясными рулетами и овощными пюре.

— Ты уверен, что их можно есть? — спросила Мария. — Запах необычный и вкус довольно странный.

— Уверен вполне. Конечно, не на все сто процентов, но я предпочитаю рискнуть, чем превратиться в обезвоженную утку. Эта еда приготовлена для людей, которых отрезало на этом уровне, и наверняка такие же аварийные хранилища есть и на других уровнях. Вряд ли предполагалось включать в рацион деликатесы. Это лишь средство выжить, а не рай для гурманов, и, кроме того, вполне возможно, что с тех пор наши вкусы в отношении пищи сильно изменились.

В конце концов все, кроме Икиры, решили поесть. Клейбен отлично сделал свою работу: ей требовался только свет, для подпитки энергетической системы, и — крайне редко — вода. Впрочем, вода здесь тоже имелась, упакованная в примитивные, очень сложно открывающиеся жестяные банки.

Ископаемые продукты никому не повредили, а поев и напившись, все почувствовали себя гораздо лучше. Хань потребовалось посетить ванную комнату, и Мария после долгих поисков нашла ее — ужасную на вид, которой не пользовались более девяти веков. Туалеты выглядели вполне обычно, но все очень удивились, не обнаружив там привычных автоматических и химических удобств.

Пока остальные ели, Икира отправилась дальше, исследовать другие помещения. На этот раз она постаралась забраться так глубоко, как только можно. Она обнаружила различные разветвляющиеся холлы, а потом решила исследовать то место, где находился другой набор двойных дверей. Эти в отличие от предыдущих не обладали повышенной секретностью, а напротив, имели даже небольшие окошки. Икира взгляделась в них, раскрыв от изумления рот, и со всех ног помчалась за своими товарищами.

— Вы должны это увидеть, — закричала она с порога. — Я... я могу объяснить, но лучше вам посмотреть самим.

Они пошли за ней, и даже Хань, несмотря на усталость, тоже присоединилась к ним. Заглянув в окошко, Козодой покачал головой и печально вздохнул.

— Я запрашивал права Менцельбаума, — сказал он. — И вот то, что я получил.

— Что там? — спросила Хань, когда все заглянули внутрь.

— Пульт управления, — объяснила ей Икира. — Что-то вроде мостика на маленьком корабле, только больше удобств. Мягкие стулья, обзорные экраны всех

типов и множество консолей. Здесь около двадцати станций на четырех ярусах, но на пятом, самом верхнем, до сих пор люди.

— А? Что?

— Точнее сказать, человеческие останки. Это ужасно. Здесь все и произошло. Именно отсюда все началось.

Собрав все свое мужество, Козодой вошел в комнату. Вентиляционная система работала великолепно, и человеческие останки за девять веков значительно усохли, но достаточно хорошо сохранились. Конечно, уже невозможно было много сказать о тех людях, которым принадлежали эти обезвоженные оболочки, и хотя большая часть одежды уцелела и можно было по ней установить личности погибших, никто из пиратов не изъявил особого желания заняться этим прямо сейчас.

— Кожухи всех консолей вскрыты, — объявила Мария. — Посмотрите! Цепи панелей расширены, и сюда подходят провода от всех устройств! Черт меня побери, если это не напоминает мне что-то очень знакомое!

— Мария, Икира! Тот, кто более технически образован! Опишите точно, со всеми возможными подробностями, что вы там видите! Я имею в виду, *абсолютно точно!* — прорычала Хань.

Они поняли, что она имеет в виду полное техническое описание, и Икира постаралась сделать все, что могла. Она пыталась разглядеть что-то над головой Козодоя, но тут Хань внезапно перебила ее:

— Неужели вы не понимаете, что это такое? Эти четыре панели с маленькой платой-рецептором, которая легко вынимается из каждой консоли! Это же оригинальный интерфейс кольца! Здесь можно подсоединиться к любому разъему и осуществить перезапуск Системы! Должно быть, поэтому здесь столько кабелей. Это вовсе не главный центр управления, это их исследовательская лаборатория. Здесь они программировали компьютер и проверяли новые приборы, обка-

тывали новые идеи. Эта девятая плата — она на скользящих контактах или на штекерах? Будет ли она выходить из своего гнезда?

— Не знаю, — ответила Икира. — А почему ты об этом спрашиваешь?

— Если ты можешь вытащить одну, я бы хотела ее потрогать. Ощутить ее. Пожалуйста — я понимаю, как это неприятно, но выполните мою просьбу!

Две попытки на двух консолях оказались неудачными. Но Икира подобралась очень близко, стараясь случайно не дотронуться до мумии на сиденье, и вытащила ту плату, которую просила Хань, со второй консоли слева. Икира дала ее китаянке, и пальцы Хань проворно забежали по плате. Она очень внимательно ощупала одну сторону, потом другую, время от времени прося прочесть ей число или букву идентификатора в огромном массиве компьютерных разъемных чипов.

Эта плата казалась огромной, примерно двадцать на двадцать пять сантиметров, и со всех концов к ней подходили очень сложные запутанные соединения.

— Скажите мне, пожалуйста, быстро, — попросила Хань, — какие соединения подходят к этим двум гнездам? Посмотрите на панели, которая еще подсоединена.

Икира посмотрела и ответила:

— Нет, сюда ничего не присоединяется.

— И с этого края тоже, — добавила Мария.

Хань удовлетворенно кивнула:

— Так вот над чем они здесь трудились! Какими действительно ужасными богами могли бы стать они для человечества!

Козодой был озадачен ее словами лишь ненадолго больше, чем остальные.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это самый простой, примитивный вариант, но все необходимое в нем уже есть. Я почувствовала места, где эти соединения и целый банк массива цепей под ними были добавлены к уже существующей

плате, — возможно, прямо здесь. Ты сказала, Мария, что это выглядит примитивно, но очень знакомо. И ты права. Мы все делаем из модулей, а не из уже готовых печатных электронных плат, но принцип здесь тот же. Это соединения для интерфейса человек-машина! Наша электроника радикально отличается от этой, но разъемы остались прежними!

Козодой огляделся:

— Но я не вижу здесь никаких шлемов, примитивных или нет, никаких соединительных корд. А эти стулья, должно быть, очень удобные, но на них совершенно невозможно сидеть, откинувшись, или расслабиться.

— Нет, нет! Этого вовсе не требуется! Неужели ты не понял? Это был уже следующий шаг. В момент активации человек и компьютер были еще разделены, но они продолжали работать. Шесть месяцев, от силы, год, — и они бы смогли объединиться со своим компьютером. Объединиться с самой Главной Системой! Убив их, Главная Система продолжила работу над проектом и, завершив его, покорно установила эту схему во все устройства, создаваемые ею, которые превышали определенный размер. Так диктовала программа. Именно поэтому на каждом корабле есть человеческий интерфейс!

Козодой покачал головой:

— Ну и что в этом особенного? Что бы изменилось, даже если бы им удалось общаться с Главной Системой, как ты общаешься со Звездным Орлом или любой капитан со своим кораблем?

— Как — что? В этом случае они могли бы в кризисной ситуации стать частью Системы! Они бы все время были рядом с Главной Системой, управляли бы ею и одновременно учили бы ее, прививая человеческий взгляд на вещи. Она стала бы единым целым со своими родителями и богами, и уже не было бы смысла их убивать. Неужели ты не видишь? И ничего бы тогда

не случилось! Она бы не сошла с ума! Всего год! Всего какой-то вшивый год, и человечество не испытало бы тысячелетий этого кошмара! Всего один год исследовательской работы, и мы были бы не господами и не рабами! Всего один год — и мы стали бы партнерами!

Козодой обвел взглядом горящие повсюду огни, работающие кондиционеры и всю остальную исправно функционирующую технику.

— Машина жива, — мягко заметил он в ответ на страстный монолог Хань. — Возможно, и даже очень может быть, мы еще сумеем это сделать.

Он еще раз оглядел комнату. Экраны остались теми же самыми, ужасные останки тоже никуда не делись, но отчего-то теперь это помещение казалось более приятным, чем раньше.

— Власть богов, — сказал Козодой. — Так это называл Ласло Чен. Должно быть, в бумагах подробно описывался проект с интерфейсами. То, что мы видим сейчас, — это спасение человечества. Или только надежда? — Он вздохнул. — Хорошо. Для начала будем считать, что это только надежда.

Икира, в свою очередь, оглянулась вокруг и покачала головой:

— Для надежды мы заплатили слишком высокую цену. Как бы я хотела, чтобы Ворон был сейчас здесь. Мы приняли немало глупых решений, и я чувствую, что одно из них — мое.

Козодой усмехнулся.

— Ворон, — сказал он, — возненавидел бы это.

— Нам потребуется множество рук, умов и уйма времени, — заметила Хань. — Звездный Орел — это всего лишь начало. Если бы я могла вставить блок с его основной программой сюда...

Мария Сантьяго хихикнула:

— Не думаешь ли ты, что нам, новым хозяевам Вселенной, стоит для начала прикинуть, как бы полвчее отсюда выбраться?

ЭПИЛОГ: ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ НА ИСХОДЕ ДОЛГОЙ ЗИМЫ

Небольшое селение, раскинувшееся у подножия горы, радовало глаз пестротой. Из вигвама Четырех Семей навстречу гостю высыпали, весело галдя и расталкивая друг друга, женщины и дети.

Высокий седоволосый мужчина средних лет, одетый в потертые, выдавшие виды куртку и штаны из оленьей кожи, осторожно слез с лошади и, ощутив под ногами твердую почву, тяжело вздохнул. Хорошо, что эту весну он провел с близкими людьми. Но как же он постарел за это время!

Он привязал лошадь у изгороди и неторопливым шагом направился к вигваму. У входа в жилище на рассохшемся деревянном стуле сидел, развалившись и вытянув ноги, человек довольно странного вида. В хлопчатобумажной рубашке, джинсах и модных кожаных башмаках, он курил сигару и пристально наблюдал за пожилым мужчиной. Когда тот подошел ближе, незнакомец не стал вставать, а только кивнул и надвинул на лоб новенькую широкополую ковбойскую шляпу светло-кремового цвета.

— Наконец-то. Я торчу здесь уже неделю, поджидая тебя, — сказал он.

— Откуда, черт побери, ты здесь взялся? — спросил, подходя вплотную к ковбою, Бегущий с Козодоями. — И кто тебя надоумил напялить этот маскарадный костюм?

Ковбой пожал плечами.

— Я не мог изменить свою внешность настолько, чтобы стать хайакутом, и решил, что лучше уж буду выглядеть чудачком-оригиналом. Может, тебе это и не понравится. Но мир, по всей видимости, готов встретить такого, как я, залихватского ковбоя, получеловека-полуробота, с распростертыми объятиями.

Козодой присел на дощатое крыльцо.

— Чем же я заслужил такой визит?

— Это всего лишь остановка в пути, как ты понимаешь. До сих пор я знал твою жизнь только понаслышке и вот решил посмотреть, как она выглядит на самом деле, и узнать, что ты намерен делать дальше.

— Я провел первую и, надеюсь, единственную в своей жизни весну на южных равнинах, — простонал Козодой. — Лучше бы я помер, чем сносить такие тяготы. Впрочем, даже учитывая мое самочувствие, смерть может еще подождать. По крайней мере теперь у меня есть время поработать над мемуарами и подробно описать всю нашу эпопею с кольцами. Это нелегкий труд, уж поверь мне на слово. Само слово «эпопея» звучит чертовски высокопарно: нечто полумифическое, полугероическое. Но главное, чтобы эта писанина принесла кому-нибудь реальную пользу, а не только потешила старческое самолюбие.

— Мне бы твои заботы, — засмеялся Арнольд Нейджи. — Насколько я знаю, создание всех без исключения автобиографий — не что иное, как разновидность самообслуживания. По-другому и быть не может. В таком ремесле легко набить руку: знай себе сопоставляй исторические события да расписывай свое участие в них. Сам — герой, остальные — на подхвате.

— Это всего лишь один из способов, — пожал плечами Козодой.

— Как Танцующая в Облаках и детишки?

— Они немного задержались и сейчас на главном корабле. Будут здесь через день-два, не позже. Я решил, что после возвращения на Землю мне просто

необходимо побыть одному. Об этом не раз говорил мне Ворон. Он так мечтал о возвращении! Когда лежишь в траве, закинув руки за голову, и не отрываясь смотришь в звездное небо... тогда все мысли приходят в порядок и вещи становятся на свои места.

— Этим ты и занимался на южных равнинах?

Козодой фыркнул:

— Три дня подряд нещадно лил дождь. А я ведь жил не в вигваме, я специально соорудил себе шалашик на отшибе. И как назло, стоило мне вернуться, погода установилась. Конечно, предводитель пиратов привык к походной жизни, Нейджи, но ведь я уже далеко не молод. Такие вещи основательно выбивают меня из колеи. Зато кому здесь раздолье, так это ребятишкам. Девятерых детей Хань мы привезли сюда с корабля, ты знаешь? Хотели, чтобы они немного пожили на природе. Кое-кто из них уже болтает по-хайакутски лучше меня. Теперь самое время вернуться домой, привести себя в порядок, сосредоточиться и изложить все на бумаге — так сказать, в назидание будущим поколениям.

— А потом? — спросил Нейджи. — Уедешь отсюда?

— Нет. До возвращения в родные пенаты и дух мой, и тело были больны. Здесь появилась надежда на выздоровление. И еще одна причина. Все эти оборудованные электроникой туалеты, гигантские всезнающие машины и прочие так называемые достижения цивилизации для меня куда менее важны, нежели возвращение к своим корням, к истокам. За эти годы мы изменились до неузнаваемости. А мои соплеменники — нет. Танцующая в Облаках метко назвала то, что с нами произошло, потерей невинности.

— Кажется, я тебя понимаю. Отчасти по этой же причине я скоро уеду. Вообще с Земли. — Нейджи неопределенно взмахнул рукой. — Бояться теперь нечего, а от приключений я не отказывался никогда. Бут, Уруб, Мин и Чанг сейчас переоснащают пиратские корабли. Они изобрели нечто, не имеющее аналогов. Новая конструкция полностью отвечает их запросам,

места для пилотов сконструированы специально по их меркам. Кстати, трансмутация, как выясняется на их примере, не такое уж большое зло. Тебе известно, что все три женщины сейчас беременны от маленького проныры Урубуба? Вот уж получится чанчукианская космическая династия! Компания с Алитити вплотную занялась «Каотаном». Похоже, у них получается первый в истории космический корабль, экипаж которого способен неограниченное время находиться под водой. «Чунхофан» и «Бахакатан» не узнать: у них теперь потрясающие обводы и уйма вооружения. Мария и Миди тоже создали собственный корабль и поговаривают о новом племени матрайхианских пиратов. Как подумаешь об этом — просто жуть берет.

— Хань, разумеется, взяла на себя надзор за Главной Системой и руководит работами по переоборудованию. Я об этом уже осведомлен. Мы часто общаемся. Ценю ее таланты, можно даже сказать, гениальность. Я стал относиться к ней даже с большим уважением, нежели раньше. Бедняжке столько пришлось вынести! Единственный способ для нее полностью сбросить с себя груз прошлого, освободиться от сексуального рабства — основательно изменить свою человеческую сущность. И похоже, она на верном пути.

— Да, возможно, в этом ее спасение. Кстати, я узнал, что проблема многократной трансмутации в принципе разрешима. Ограничения были вызваны исключительно физическими свойствами. Это отнюдь не проделки Главной Системы, просто когда дело дошло до них, старушка решила, что пора остановиться. Не дай Бог колонисты вздумают вернуться. Хотя через столько лет они, возможно, вовсе к этому не стремились.

— Выбор Хань можно объяснить и по-другому. Она вынуждена была решиться на трансмутацию, чтобы всесторонне исследовать и решить наконец эту проблему, испытав новую теорию на себе. Кстати, как проживают сестрички Чо?

— Чо Дай тоже обрела надежду, — вздохнул Нейджи. — Так как трансмутация была невозможна, ей пришлось ампутировать обе руки и провести сложнейшую операцию на внутренних органах. Сейчас она чувствует себя хорошо, осваивает протезы. Но конечности у обитателей Джанипура, как тебе известно, имеют двойное применение. Так что сейчас у нее четыре ноги и ни одной руки. Ее семейство пока на Земле, но, кажется, склоняется к тому, чтобы вернуться на Джанипур — с соплеменниками, захваченными тобой на этой планете, и, конечно, с детьми. Там им, конечно, будет уютнее. Они собираются взять участок земли и выращивать рис. Надеюсь, что в этом они преуспеют.

— Мы многим обязаны им, — кивнул Козодой, — особенно Чо Дай. Кто мог подумать, что именно эта простая, не разбирающаяся в точных науках девушка разгадает тайну колец?

— Да, это так. Знаю, сколько вам всем пришлось пережить. Вы же были на волосок от гибели!

— А ты? Что делал ты все это время?

Нейджи пожал плечами:

— Так и быть, расскажу. В один отнюдь не прекрасный день Икира обнаружила, что исполнять роль богини Матрайха — дело не из приятных. Ей наскучило одиночество, тем более что на Матрайхе, я думаю, могут запросто обойтись и без нее. Как и я, она представляет собой не человека, а некий гибрид. Разница между нами только в том, что она запрограммирована быть именно богиней, и никем другим. Но ее миссия, как и моя, выполнена. Пора и отдохнуть, переключиться. Можно заняться, к примеру, торговлей. Я устроен так, что ни в чем не уступаю Икире, это ты знаешь. Объединим наши усилия. Может, пригласим еще и Манку — из нее получится неплохой шеф службы безопасности. Это будет неподражаемый союз, ты не находишь?

— Представляю, как ты в этом наряде гоняешься за дичью по бескрайним космическим прериям, —

рассмеялся Козодой. — Через несколько лет вы оба вполне можете заткнуть за пояс саму Главную Систему.

— А чем думаешь заняться ты? Ты ведь не подвергался трансмутации, тебя коснулась только одна серьезная перемена: эти твои татуировки на скулах. Ты еще не думал над тем, как решить проблему трансьютера?

— Мы с Танцующей в Облаках обсуждали этот вопрос, но пока не пришли к единому мнению. Мое время прошло, Нейджи. Свою миссию я тоже исполнил. Теперь я старик. Пишу мемуары и жду, когда появится на свет первый внук.

— Не говори так! — воскликнул Нейджи. — Ты сам прекрасно понимаешь, что это просто чушь! Упираешься собственным бессилием, воображаешь себя деревом, листья которого давно облетели и голые ветви гнутся под порывами ветра. Земля промерзла насквозь. Надвигается зимняя стужа. А теперь взгляни вокруг, дружище! На смену зиме идет весна!

— Это твоя зима прошла, Нейджи, а не моя. Мы с тобой не похожи друг на друга. Я уступил право на свое кольцо. За годы, проведенные на борту «Грома», я только один раз попытался общаться со Звездным Орлом. Все говорят, что единственный способ удерживать Главную Систему от новых ошибок — этот самый интерфейс. Человек и машина сливаются, превращаются в единое целое. Раз и навсегда. Однако я не верю, что это хороший выход из положения. Лучше отключить проклятую машину. На пользу себе или во вред, но мы должны в конце концов получить возможность идти своим собственным, естественным путем.

— Мне твои аргументы уже знакомы, — кивнул Нейджи. — Но отключения Главной Системы не произойдет. И тебе это хорошо известно. Ты же не станешь разлучать Хань с ее обожаемой игрушкой. И в то же время человечество уже не может быть брошено на произвол судьбы. Многие инопланетные цивилизации, задержавшиеся в своем развитии, да и культура

некоторых народов Земли нуждались в основательном улучшении. Без своевременного вмешательства извне их дальнейшее существование было бы просто-напросто поставлено под серьезную угрозу. Процесс зашел слишком далеко, Козодой. Уничтожение целых цивилизаций тоже являлось не чем иным, как суровой необходимостью. Это единственный способ направить развитие остальных по верному пути. И кто осмелится утверждать, что мы не правы? Главная Система не источник эпидемии, который необходимо искоренить, а, напротив, спасительное лекарство. По правде говоря, пилюля оказалась чересчур сильнодействующей, к тому же горькой и омерзительной на вид, но это же единственный выход спасти! Учти, что один ядерный удар был уже нанесен. Возмездие за него тоже не заставило себя ждать. На игровом поле не осталось ни одной фигуры. Нам принадлежит только наш мир. Освоенное пространство строго ограничено. Проклятый компьютер спас род человеческий именно по той схеме, которая была в него заложена.

— Но какой ценой, Нейджи? Какой ценой?

— С точки зрения одной личности — огромной. Но если взглянуть на вещи шире? Что же касается долговременных последствий... Прошла тысяча лет после той войны. Мы с тобой живы. Не осталось ни одной «колониальной» цивилизации. Все они прекратили свое существование. Все без исключения! А Система, заметь, все еще в состоянии порождать таких людей, как ты, Хань, Танцующая в Облаках и другие пираты. Ты до сих пор находишься под впечатлением от героической гибели Ворона, но при этом забыл его завещание. Человечество создало отлично работающую Систему, сумело выжить, но ценой полной или частичной утраты таких понятий, как честь, мораль, самопожертвование, наконец, искусство и красота. Мы разучились замечать не только большое, но и малое, на первый взгляд, незначительное. Утратили способность восхищаться детским смехом, звенящим, как самый

чистый колокольчик, или капелькой дождя, скатившейся с гладкого зеленого листа. Но эти качества не исчезли бесследно! Они, как оказалось, сохранились глубоко внутри, в сокровенных уголках человеческой души. Даже такой неисправимый циник, как Ворон, это сознавал. Что же решили, столкнувшись с такой проблемой, Валы? Они проникли в подсознание каждого отдельного человека с помощью глубинного сканирования, проанализировали все мысли, чувства, воспоминания. Вывод оказался совершенно однозначным. Где бы мы ни находились — пусть даже за многие миллионы километров от родной Земли, каким бы воздухом ни дышали, какие бы небесные светила нас ни согревали, каким бы богам мы ни поклонялись, — ростки человечности упрямо пробивались, и уничтожить их было невозможно. Валы размышляли, сопоставляли и в конце концов сами «заразились», не смогли устоять перед искушением. Благодаря этому они превратились в самых безжалостных врагов Главной Системы. И она оказалась перед ними бессильной. Вот кто окончательно решил исход нашей битвы, Козодой.

Козодой вздохнул.

— Возможно, ты прав. Мы оба с тобой стоим на распутье, Нейджи. Но перекрестки у нас разные. Наша цель, то есть моя и моих друзей, — свобода передвижения в космическом пространстве, всесторонние контакты между цивилизациями, в том числе торговля, обмен научными знаниями и достижениями культуры, вообще любыми новшествами — с учетом того, что новым правителям не придется, как раньше, контролировать передвижение космических кораблей или ограничивать их количество. Ты, подобно своим полумеханическим собратьям, стал представителем совершенно нового, до сих пор не имевшего аналогов племени. Вы способны властвовать или, напротив, беспрекословно подчиняться, можете осуществлять полицейский надзор, быть посредниками между правите-

лями и их подданными, сохраняя при этом лояльность обеим сторонам. Мы же стары и консервативны, Нейджи, но вместе с тем молоды, как сама Вселенная. Подобно тому, как наши далекие предки переселились в эти горы и вступили тем самым в новый период своей истории, мы теперь тоже стоим перед выбором: новая весна, возрождение или опустошительная зима, страшнее, чем та, которую уже пришлось пережить. Вот чего я больше всего боюсь. Мне страшно, когда я думаю, какая судьба уготована моему народу.

— Вспомни «Гром», — покачал головой Нейджи. — Множество не похожих друг на друга людей — представителей разных планет и народов — добровольно принесли в жертву свой внешний облик, здоровье, силы, даже саму жизнь во имя одной цели. Они действовали совершенно бескорыстно. Многие из заплативших последнюю цену не только не получили за это награды, но, напротив, угодили в ловушки, о существовании которых даже не помышляли. Ноев ковчег бороздил бескрайние космические просторы — вот какое сравнение приходит мне на ум. Разительно отличались друг от друга не только сами пираты, но и их корабли.

— Я часто думаю о «Громе», — ответил Козодой. — И все чаще мне кажется, что этот корабль представлял собой тот идеал, к которому стремилось человечество. Танцующая в Облаках недолюбливала Ворона только потому, что тот был кроу. Каким абсурдным выглядит это сейчас! На протяжении всей своей истории люди относились друг к другу с предубеждением и недоверием. Порой это приводило к таким ужасным последствиям, как убийства и войны, а причиной были такие незначительные, на наш теперешний взгляд, вещи, как разные религии, расы, языки и тому подобное. Именно поэтому Главная Система тщательно следила за тем, чтобы каждая цивилизация, образованная переселенцами с Земли, была однородной по языку и культуре. Мои дети никогда не могли взять в толк, почему о че-

ловеке — будь он кроу, сиу, шайен или даже уроженец Джанипура, Чанчука, Алитити — нужно судить по его происхождению, а не личным качествам. Жаль только, что подобные взгляды никогда не овладевают человечеством в целом. В кризисные моменты или при наличии объединяющей идеи, общих интересов — да, но в течение долгого времени — никогда.

— Мы дали человечеству веру в будущее, — пожал плечами Арнольд Нейджи, — а это уже немало. Возможно, ситуация с «Громом» нетипична, но это наглядно демонстрирует, чего могут добиться достойные люди, поставившие перед собой высокую цель. Что же касается меня, то я провел несколько долгих лет в страшном мавзолее. Томился в неволе, ожидая, когда придет черед претворить в жизнь те замыслы, в разработке которых я сам же и участвовал. Теперь каждый день для меня наполнен новизной, любая дорога ведет в неизведанное. Ты тоже не только ночевал в шалаше и глядел на звезды, Козодой! Ты подставлял лицо солнцу и дождю. Ты добился своей цели, одолел негодаев. И главное, ты жив!.. Кстати, давай-ка отметим твое возвращение в родные пенаты. Для такого случая я припас бутылочку бурбона — самого восхитительного из всех, что мне доводилось пробовать. Это, конечно, мелочь по сравнению с другими достижениями мировой цивилизации, но до чего же приятно было узнать, что и на Земле есть кое-что достойное удивления!

С этими словами Нейджи встал и, протянув руку к дорожной сумке, извлек оттуда бутылку. Козодой взял ее и, сделав несколько глотков, на минуту застыл в неподвижности. Улыбка совершенно преобразила его изборожденное глубокими морщинами, покрытое татуировкой лицо.

— Да, — медленно выговорил он, любовно глядя на бутылку, как ребенок — на новую игрушку. — Я думаю, что это только начало...

ОБ АВТОРЕ

Ажек Л. Чалкер родился 17 декабря 1944 года в Балтиморе, штат Мэриленд. Он научился читать почти сразу, как только пошел в школу. В дальнейшем ему пришлось заниматься совершенно различными вещами: от инженерного обеспечения рок-концертов на открытом воздухе в шестидесятые годы до компьютерного набора. Он собрал огромную коллекцию научно-фантастических и приключенческих книг. Его библиотека считается сейчас одним из самых лучших частных собраний.

В 1958 году Чалкер вступил в Вашингтонскую ассоциацию научной фантастики и в 1960 году начал издавать любительский научно-фантастический журнал «Мираж». В 1963 году он основал Балтиморское научно-фантастическое общество. После окончания высшей школы он хотел стать юристом по уголовным делам, но финансовые проблемы заставили его заняться преподаванием. Чалкер сдает экзамен на степень бакалавра по истории и английскому языку в Тоусоновском государственном колледже и получает степень магистра искусств и литературы по истории идей в Университете Джона Гопкинса. С 1966 по 1978 год, выйдя в отставку после окончания военной службы, Чалкер преподает историю и географию в системе городских школ Балтимора, пока наконец успехи в писательской карьере не позволили ему заняться исключительно литературной деятельностью. Кроме любительского журнала, он основал издательский дом «Mi-

rage Press, Ltd», в котором издано более тридцати книг, как не имеющих отношения к фантастике, так и научно-фантастических и приключенческих. И хотя сейчас Чалкер уже не является главным редактором, этот издательский дом придерживается прежней политики при публикации книг.

Интересы Чалкера очень разнообразны. Они включают компьютеры, изотерику, аудиотехнику, путешествия, историю и политику. Кроме того, писатель занимается чтением лекций по научной фантастике в частных группах, университетах и, в частности, в таких организациях, как Смитсоновский институт. Он активный защитник природы, является членом Клуба жизни Сьерры и поддержки национальных парков. Большой любитель паромов, Чалкер поставил перед собой цель осуществить переправу на каждом пароме, существующем сейчас в мире. В 1978 году он женился на Еве Витли. Свадьбу справляли на древнем пароме на середине реки. В настоящее время Чалкер с женой и сыном живет в горном округе Катоктин, штат Мэриленд.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОИНЫ БУРИ

Пролог: Цена успеха	. 9
1. Цена успеха	21
2. Перстень Мира	53
3. Заговор и контрзаговор	84
4. Все попадают на мелочах	112
5. Битвы и раны	137
6. Игра в бирюльки на минном поле	162
7. Вечные тяготы матери	193
8. Почти идеальная ловушка	219
9. Священный приказ	244
10. Перестройка мышления	276
11. Воины бури	302
Эпилог: Надувательство на Олимпе	326

МАСКИ МУЧЕНИКОВ

Пролог: Отчет о текущем положении	333
1. Сложности с Чанчуком	338
2. Встреча с неизбежным	363
3. Четыре попугая и жареный гусь, приправленный фейерверком	386
4. Раздумья на краю пропасти	413
5. Вверх по дереву	445
6. Ковбои и индейцы	473

7. Кольцо колец	505
8. В седьмом круге ада	529
9. Последняя битва	558
10. Маски мучеников	594
11. Лицо врага	622
Эпилог: Встреча старых друзей на исходе долгой зимы	655
Об авторе	665

Внимание, новинка!

Серия “Заклятые Миры”

Заклятые миры – это миры, где властвует магия, где буквально в двух шагах от дома можно столкнуться с кровожадным чудовищем, где противостоят колдовству и исчадиям мрака отважные герои.

Лучшие произведения отечественных писателей в жанре “фэнтези” – в серии “Заклятые Миры”.

В серии вышли книги:

Ф. Чешко	“На берегах тумана”
М. и С. Дяченко	“Привратник. Шрам”
М. и С. Дяченко	“Преемник”
А. Валентинов	“Нарушители равновесия”
	“Если смерть проснется”

Готовятся к печати:

С. Лукьяненко	“Дверь во тьму”
Л. Кудрявцев	“Клятва крысиного короля”
Ю. Горишня	“Слепой боец”

Литературно-художественное издание

Джек Л. Чалкер

**Воины бури
Маски мучеников**

**Редактор К.Е.Россинский
Компьютерный дизайн А.А.Кудрявцев
Технический редактор Н.Н.Хотулева**

**Подписано в печать с оригинал-макета 21.08.97.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 11000 экз.
Заказ № 5877.**

**Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том 2;
953000 – книги, брошюры**

**ООО "Издательство АСТ-ЛТД"
Лицензия В 175372 № 02254 от 03.02.97.
366720, РИ, г.Назрань, ул.Фабричная, 3
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: AST@POSTMAN.RU**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства "Самарский Дом печати".
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.**

2

